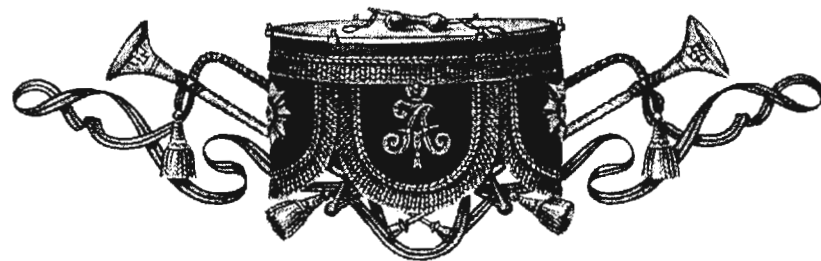

Быт
РУССКОЙ АРМИИ
XVIII—начала XX века

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1999

КАК ОБЕРЕГАЛИ АРМИЮ

Ситуация на первый взгляд может показаться странной и противоречивой: зачем оберегать тех, кто призван быть средством «обережения», чьи функции по защите граждан своей страны в случае военной опасности сформулированы чеканно-четким словом устава и присягой? Однако уязвимость любой армии, ее беспомощность (не побоимся этого слова), взывающая к поддержке, заключается в том, что, ограничив свои возможности одной-единственной задачей — узковоинским ремеслом, — армия, эта масса здоровых и сильных мужчин, потеряла способность добывать себе пищу, изготавливать одежду и делать множество необходимых в быту вещей. Всем этим снабжает войско население гражданское, которое как бы в благодарность за свою безопасность платит армии тем, что содержит ее, оберегает в плане бытовом...

Главная особенность армейского труда в мирное время заключается в том, что результат его невидим, неосязаем, не может быть взвешен и оценен в денежных единицах и влит в копилку государства. Военнослужащему нечего принести на продажу. Однако «служивый», как и все другие люди, хочет удовлетворять свои обычные человеческие потребности, но как быть, если ему нечего пообещать взамен хлеба, и одежды, и многого другого — всего, чем снабжает его «гражданка», — кроме уверений в том, что мирный труд оберегаем? И поэтому степень уверенности гражданского общества страны в том, что великий «нахлебник» — его армия — еще необходим государству, каждой его части, включая человека, будет диктовать степень обеспеченности военнослужащего в сфере бытовой.

История вряд ли благоволила к русским: огромные пространства Руси, плоские, не защищенные естественными преградами, самый край Европы в соседстве с воинственными жителями степи — все это сделало из русских народа-воина, вынужденного находиться в состоянии почти постоянной борьбы со «степью». Требовалось все время защищать пространственные границы, и государству, а преж-

де княжествам, приходилось отдавать «войне» многочисленную и лучшую часть своих людей.

Иные европейские государства быстро осознали, что армия «съедает» обычно цвет нации, и воевали наемными войсками. Россия же к наемникам практически не обращалась, а гнала в бой своих.

Профессиональные войска были заведены в России уже в XVI веке, и армия регулярная (стрельцы, копейщики, рейтары) составляла ядро русского войска задолго до того, как стал баловаться с «потешными» царь Петр. Однако эти профессиональные полки хоть и получали от государства содержание за службу, но их домашний уклад во многом напоминал обывательский, а то и сельский: занимались ремеслом, торговлей, иногда пахали землю. А ополчение дворянское, собиравшееся лишь для нужд войны, вообще кормилось лишь от своих земель.

И вот с грохотом орудий, барабанов ворвался в российскую полудрему реформатор Петр и армию устроил на других началах: теперь уже не ждали дворяне, когда их пригласят в поход с оружием, прикупленным на свои средства, со своими людьми и харчем, а обязаны были всецело посвятить себя войне и армии. Войско становилось регулярным полностью, то есть делалось профессиональным, отдающим все свои силы лишь войне или подготовке к ней. Военный должен был оставить все заботы о своем пропитании, одежде и жилье — обо всем этом теперь должно было думать государство, безоговорочно принявшее идею: армия защищает его интересы, а в благодарность за это войско нужно питать и холить. И потащил простой народ через века на плечах своих это нелегкое тягло.

Какой бы тяжелой ни была доля тех, кто кормил армию, однако в общественном сознании гражданского населения России надежно укрепилась мысль, что стране, почти постоянно находившейся в состоянии войны то со шведами, то с турками, то с французами, без армии не обойтись, и авторитет военного в державе, воевавшей, в общем, довольно успешно, возрос необыкновенно. Служение Отечеству было тождественным служению его воинским задачам, и никто эту идею не оспаривал. Гражданин безропотно отдавал свою копейку в пользу неработающего защитника, а тот в лишениях армейской службы со шпицрутенами, с непрерывными занятиями на плацу, с многокилометровыми маршами на сухарях и воде, со штурмами крепостей и атаками в сражениях, с негодными условиями для обзаведения семьей отрабатывал этот хлеб, эту копейку...

Постепенно сокращался срок солдатской службы, офицеров уже не принуждали вступать в армейское сословие, однако по традиции, по естественной необходимости, объясняющейся частыми войнами, а поэтому и тем государственным запросом на военных, армейская корпорация продолжала процветать и в XIX веке. Быть офицером считалось почетным. То же чувство гордости за принадлежность к воинскому клану постоянно пытались привить

и рядовым, внушая им идею особенности их профессии. И интересы гражданского и воинского населения страны находились, можно сказать, в гармонии: те и другие служили друг другу.

Но наступают времена, когда угроза войны уже не тревожит сознание, а поэтому на армию начинают смотреть как на обузу, как на нахлебника, который не в силах оправдать затраты, пошедшие на его содержание. Наступает дисгармония между обществом и армией, и последняя начинает или сильно нуждаться в плане бытовом, или требовать от общества должного отношения к себе, создавая порой ситуации, в которых можно продемонстрировать свою значимость.

Однако эти вопросы лежат уже далеко за рамками задач нашей книги, посвященной тому, как организовывалась в русской армии та часть ее бытия, в которой очень много сходных черт с жизнью населения гражданского, — армейскому быту. Сходство определилось тем, что человек, в какие бы условия он ни был помещен, будет послушным исполнителем своих биологических потребностей. Но разница между способом удовлетворения этих потребностей воина и лица «цивильного» все же будет заметной, и заключаться будет она прежде всего в том, что быт солдата полностью регламентирован, приноровлен к коллективному потребителю, где для личных вкусов осталось мало; быт же «гражданина» хоть и детерминирован многими условиями, но все-таки куда свободней, индивидуальней.

Однако именно эта причина облегчает нашу задачу: куда легче исследовать уже обобщенное каким-то принципом — труднее иметь дело со случайным.

Как жаль, что исторические исследования, посвященные армейскому быту, можно пересчитать по пальцам (к сожалению, даже одной руки); по крайней мере это касается русской военной истории. Жизнь армии сводилась лишь к исполнению специфической, профессиональной задачи, а поэтому учеными создавались многотомные труды по теории военного искусства, по истории войн, кампаний, отдельных сражений, где скрупулезно описывались атаки, отступления, маневры, все участники, вооружение, рельеф местности, потери. Не сосчитать работ, посвященных великим полководцам, где описываются их жизнь и деятельность, мудрые тактические и стратегические приемы, приводятся меткие фразы, произнесенные военачальниками до, во время и после битвы. Немало исторических произведений написано о том или ином роде войск в отдельности, о развитии военной техники, об изобретателях оружия и его производстве.

И такое внимание к сугубой специфике армейского ремесла понятно — историков интересовала чисто оригинальная сторона армейской жизни, обусловленная профессиональной функцией армии, во всем прочем войсковая жизнь казалась понятной, серой и даже скучной. В сравнении с боевыми подвигами под сенью

знамен и грохот орудий бытовая жизнь казалась не стоящей внимания.

Тем не менее, если этот аспект армейского бытия мало интересовал профессионалов-историков, то военные понимали важность освещения проблемы «невоенной» полковой жизни и вольно или невольно обращались к ней. Например, обширная мемуарная литература, появившаяся после славной победы в Отечественной войне 1812 года и заграничных походов, представленная такими именами, как Ф.Н. Глинка, Д.В. Давыдов, А.В. Чичерин, и многими другими, не могла не касаться бытовой стороны русской армейской жизни: для авторов-военных бытие, предшествующее сражению, органично сливалось с «чисто военным ремеслом». Каждое явление армейской жизни перетекало одно в другое, дополняло друг друга, часто готовило последующее событие. И дело заключалось не только в простой прагматической зависимости: накормленный, обогретый, одетый и обутый солдат сражается лучше, чем голодный и босой. Взаимодействие между «войной» и «невойной» касалось уже каких-то глубинно-душевных связей, где в причинный ряд включались не только сугубо хозяйственные стороны быта, но и отношения между солдатами в артели, между ними и начальниками, то есть та нравственная атмосфера, в которой находился воин до того момента, когда долг потребовал от него жертвы в битве, полной самоотдачи.

Во второй половине прошлого века армейское образованное общество, желая осознать себя больше, точнее определить свое положение в сложной структуре государства, начинает активно пропагандировать составление полковых историй.

Инициаторами этой кампании явились старинные лейб-гвардейские полки, Преображенский и Семеновский, а вскоре желание узнать о своей войсковой части, о ее прошлом как можно больше привело к тому, что каждый полк, даже не гвардейский, а армейский, почел своей обязанностью написать историю, если таковая у него имелась.

Часто к составлению историй привлекались далеко не профессионалы, но во всяком случае люди, горячо любившие свою войсковую часть, а поэтому желавшие разыскать в ее прошлом заслуги, способные поспорить с подвигами славных ветеранов русской армии. Степень полноты и качества этих трудов была различна, и изданы были они тоже с разной степенью роскоши (оформление историй порой было высокохудожественным и требовало немалых затрат!), однако почти все они содержали сведения о хозяйственном, бытовом устройстве полка. Написанные часто на основании подлинных документов полковых архивов (позднее, увы, по большей части утраченных — увезенных за рубеж, уничтоженных), истории эти как источник знаний о русском военном быте очень ценны.

А пока полковые летописцы занимались составлением хроник, в военной периодике одна за другой появлялись публикации, посвященные бытовому устройству русской армии, армейскому

хозяйству, проблемам, как сказали бы сейчас, межличностных взаимоотношений воинов разных категорий. Это было время, предшествовавшее великой реформе — освобождению крестьян — и всех последовавших за ней новаций, и пристальное внимание к судьбе простого человека — будь он крестьянин или солдат — было всеобщим.

«Военный сборник» — серьезный альманах, содержание которого отвечало запросам самой образованной части русской армии, — публиковавший материалы острозлободневные, во второй половине 1850-х годов начинает помещать статьи, очерки, посвященные армейскому быту. После неудач Крымской войны, повлекших за собой необходимость серьезных внутривойсковых перемен, требовалось пересмотреть взгляд на армию, и в реформе нуждалась не только техническая или, скажем, специфически армейская сторона: нужно было изменить отношение к войсковой единице — человеку, создать для него новые условия службы, связать полковой коллектив отношениями, поставленными на здоровую почву.

Для того чтобы определить содержание будущих реформ, требовалось хорошенько узнать, а что, собственно, представляет собой армейская среда, насколько полно удовлетворяются нужды солдата, как его быт вмешивается в сторону чисто боевую, влияет на нее. «Военный сборник», предлагая ряд публикаций об армейском быте, ставил именно эту цель: раскрыть перед будущими реформаторами весьма противоречивую, сложную картину полкового хозяйства, солдатских нужд, описать характер уставных и неуставных взаимоотношений воинов.

Требовалось произвести не экскурс в прошлое полкового русского быта, но провести анализ (или дать для него материал) современного. Вот почему большая часть этих работ носила черты резко публицистические — многие авторы понимали, что положение военнослужащих необходимо улучшать, поскольку от этого зависит боеспособность армии, а следовательно, и безопасность России вообще.

Авторов занимало многое: и сапожный «товар» солдата, и покрой его шинели, и то, насколько предпочтительней употребление сбитня, чем водки; их волновало образование солдат, их грамотность и качество жилья; нравственная обстановка в казарме и артельная экономия денег. Писались эти очерки людьми, прекрасно знавшими быт казармы, — обычно профессиональными военными, офицерами, командирами батальонов или рот. Бытовое устройство подчиненных тревожило их немало, и нужно было что-то предпринимать — повторения крымского позора никто не хотел.

А.Д. Милютин, граф, генерал, знаток армии, назначенный в 1861 году военным министром, подготовил реформы, круто изменившие устройство русского войска. Одной из важнейших новаций явилось утверждение в 1874 году всеобщей воинской повин-

ности, и все мужское население страны должно было отбывать ее по достижении двадцатилетнего возраста в течение шести лет.

Мера эта, разрешая одну из основных задач реорганизации армии — создание запаса обученных резервов (воин, вернувшийся после службы домой, девять лет числился в запасе), — серьезно изменяла отношение самого военнослужащего к армии. Если раньше, при двадцатипятилетнем сроке службы, солдат терял все связи с прежним укладом, невольно порывал с ним, забывая прежние навыки, ремесла, терял привычку обрабатывать землю, то есть становился профессиональным воином, то теперь, при шестилетней службе, у него оставалась сильная надежда и даже уверенность в том, что он вернется к своим родным, к оставленным занятиям, будет пахать землю, ходить на заработки и пр. и что солдат-то он всего лишь на время.

Осознание «не вечности» своей службы в армии, с одной стороны, могло укреплять солдата в нелегкой армейской жизни надеждой на скорое избавление от нее, но с другой — не могло не внести в повседневную обстановку новых черт: раньше солдат устраивался в своей роте основательно, пытался обустроить свой быт так, чтобы он гарантировал ему сносные условия на протяжении длительного (почти вечного!) срока службы; теперь же солдат видел в казарме место своего временного пребывания и в мечтах мог не покидать родного гнезда, где оставил дело и часто жену и детей.

Как бы то ни было, война, явившаяся вскоре после введения военной реформы, — война с Турцией, — показала, на что способен русский солдат. А «Военный сборник» с точностью барометра продолжал фиксировать наличие нерешенных проблем в области армейского быта. Решалась в той или иной мере проблема обеспечения военнослужащих необходимыми продуктами питания, поднимался вопрос о гигиене быта, о должном медицинском уходе; не успевал быть обсужденным вопрос о соответствующих мировых стандартам казармах, сухих и теплых, снабженных водопроводом и канализацией, как открывалась новая тема для раздумий: досуг солдата, который следовало заполнить с пользой для нижних чинов, часто неграмотных, чтобы возратить воинов в гражданскую жизнь не оступевшими от зуботычин фельдфебелей и бессмысленной зубрежки уставов, а развитыми, готовыми влиться в штатскую деятельность полезными членами.

Не только досуг рядового состава русской армии занимал внимание наиболее сознательной, развитой части войска, но и место в казарме офицера, степень его влияния, авторитета, его нравственный портрет. Огромная по тому времени армия требовала и наличия значительного офицерского корпуса. В стране после реформ имелось немало военных училищ, выпускавших младший командный состав. Корпорация офицеров уже не была столь замкнутой, столь свято хранящей традиции, как это имело место хотя бы в первой половине XIX века. Производство офицеров стало почти поточным, что к началу XX века сказалось на качественном уровне начальствующего состава. Постепенно понижалась и роль

офицеров в гражданском обществе, их авторитет, социальный статус.

Следовало серьезно заняться именно бытовой стороной офицерской жизни, — проникательные люди замечали, что именно внеслужебная среда формирует командира, а тот, в свою очередь, влияет на массу рядового состава, «творя» ее часто по собственному подобию. Вот поэтому «Военный сборник», другие армейские периодические издания не могли пройти мимо этой острой проблемы — повышения нравственного уровня командира-воспитателя. Вспомним хотя бы жаркую полемику, которая развернулась в военной прессе по поводу задевшей самолюбие офицеров повести А.И. Куприна «Поединок».

Внимание к армейскому быту возросло после поражения в Русско-японской войне 1904—1905 годов. Как и после неудачной для русского оружия Крымской войны, военные пытались разобраться в причинах поражения и вновь обращались к тому, что лежало вне сферы чисто боевой деятельности армии: к ее хозяйству, к уровню обеспечения воина насущно необходимыми продуктами, к одежде, жилью, к его общеобразовательному лицу. Оказалось, что русские солдаты не уступают японцам в смелости, но отчего-то проявляют гораздо меньше самостоятельности, личной инициативы. Не в условиях ли предбоевых крылась причина этой несамостоятельности?

Требовалось во всем этом хорошенько разобраться, организовать быт русской армии на высоком уровне, сделать его гарантом успеха на поле боя, подготовить в новых условиях не автомат, машинально подчиняющийся командам офицера, а думающего, самостоятельного, инициативного солдата. Казарма должна была выдать армии, сражению рядового и командира, не разъединенных ненавистью, с одной стороны, и презрением — с другой, а хорошо взаимодействующий организм, где голова и руки находятся в согласии. Да, быт армии требовалось улучшить, совершенствовать, потому что многие понимали: грядет война куда более страшная, с противником не менее, а даже более сильным и подготовленным. Но реорганизовать всю бытовую армейскую часть, перестроить ее так и не успели...

Предлагаемая читателю книга имеет целью хотя бы в какой-то мере восполнить пробел в знании того, как был организован быт в русской армии, начиная с периода «регулярства» до начала первой мировой войны. Единого, обобщающего труда по этой теме в нашем распоряжении не было — предмет этот из-за невнимания историков, о чем уже говорилось, освещать предстоит еще многим и многим исследователям. Вот поэтому такая обширная задача, ее решение в полном объеме не под силу и нашей книге.

Самое сложное в описании быта такого огромного организма, как армия (да еще в описании, охватывающем временной промежуток в два с лишним века), — это частности, которые выходят за рамки армейской регламентации. Устав уставом, его положение можно привести как общее основание, и было бы очень просто

ссылаться только на него. Но армейская жизнь часто не вписывалась в границы предписаний. Например, нам нужно знать, как много пищи съедал солдат, сражавшийся с Наполеоном. Но ведь не было абстрактного «уставного» солдата! Даже имея право на уставную норму, солдат в зависимости от частных условий, определенных подвозом или неподвозом провианта, ценой на него, наличием артельных сумм разной величины, собственной изворотливости или изворотливости начальства, мог получать совершенно другое «меню», чем его собрат по оружию в другой местности и в другой части. И все эти особенности нужно учитывать, представляя читателю картину воинского быта.

Книга открывается очерками быта русской армии XVIII века, написанными на основании архивных документов, включавших ведомости имущества и денежные ведомости, отчеты, рапорты и переписку воинских начальников. Привлекались армейские уставы, правительственные распоряжения и законы. Особое значение придавалось свидетельствам очевидцев, прочувствовавших на самих себе и вкус солдатского хлеба, и полноту «порцайки», и удобство обуви, штанов, кафтанов.

Четыре основных раздела — жилье, питание, денежное жалование и одежда — это те киты, на которых держалось полковое хозяйство. Но разве можно было обойти такой важный для каждого человека вопрос, как семейная жизнь? Солдат был человеком, требовавшим удовлетворения всех своих потребностей, и наложить на это стремление запрет не покушались даже во времена, лишенные демократических добродетелей.

Очерки, посвященные военному быту в XVIII веке, не обошли молчанием и того вопроса, насколько новая регулярная петровская армия воплотила в своем хозяйственном устройстве черты бытового уклада старого русского войска и как противоборствовали между собой национальные русские традиции и способы организации тыла, привнесенные из Европы.

Истории русского армейского быта XIX века посвящены очерки разных авторов, взятые в основном из «Военного сборника», о котором мы уже говорили. Для нас положение, охарактеризованное в них, материальная среда являются историческим прошлым, но те, кто спешил опубликовать свои наблюдения тогда, делали обзор реально существующих вокруг вещей, стремились привлечь к описываемым проблемам внимание военачальников, администраторов, законодателей. И ценность этих очерков заключается как раз в том, что материал, изложенный в них, был «живым», взятым с натуры и описанным пусть не всегда достаточно талантливым пером, но всегда со знанием дела, профессионалом-военным, желающим не просто занять читателя информацией, но и решить какую-то жгучую проблему.

Например, автор очерка «Сослуживец», который скрыл свое имя под инициалами Д. С., рассказывает о судьбе простого русского солдата в предреформенный период, и сколько горького, трагикомического, а то и просто трагического находим мы в

описании его обыкновенной судьбы. Детали, подробности быта предстают не в виде холодного рапорта, но в живом рассказе человека, видевшего невоенную сторону солдатской жизни своими глазами, почувствовавшего ее всей своей плотью.

П. Леновской написал «Очерки из быта войск в военное время», и повествуют они о лагерной жизни русских солдат и офицеров в период Крымской войны. Немало интересных подробностей лагерного хозяйства узнает из них читатель. Автора интересовало многое: и то, как строились солдатами землянки, как оборудовалось жилье офицеров, какие способы приготовления пищи были тогда в ходу, что делали в полку, к примеру, с кожей съеденных быков, и многое другое. Рассказывает П. Леновской и о бытовой жизни ополченцев, об их хозяйстве, особенностях проведения досуга...

Автор, пожелавший скрыть свою настоящую фамилию под инициалами В. Д. К., оставил очерк «Пять месяцев в XXX полку», и, ознакомившись с ним, мы понимаем, чем была вызвана «скромность» автора. В живой и остроумной форме В. Д. К. характеризует обстановку, сложившуюся в одном полку, куда он попадает для прохождения службы в должности командира роты, — хозяйственную обстановку, где ротному, чтобы свести концы с концами, приходилось с одобрения полкового начальства прибегать к денежным махинациям.

Л. Клугин, прекрасный знаток-практик воинского быта, написал очерк «Русская солдатская артель», где подробно разбирает принципы, при помощи которых существовало это солдатское сообщество — чисто русское явление, помогавшее одиночке-солдату выстоять в трудной борьбе за относительное бытовое благополучие.

Из области материальной мы переносимся в сферу солдатского духовного, нравственного и умственного развития, о котором пишет штабс-капитан Лоссовский в очерке «Забава и дело в казарме». Как организовать досуг солдата, чтобы свободное время в казарме не было потрачено рядовым на безнравственные, вредные для его развития (а значит, и для армии в целом) дела? Лоссовского занимает и проблема употребления солдатами водки, и их неграмотность. Какие меры принимать для разрешения проблем, связанных с дисциплинарными проступками? Какова роль командира и священника в воспитании хорошего солдата? И автор пытается найти ответы.

О воспитании пишет и Н. Бутовский в «Очерках современного офицерского быта», но теперь разговор идет не о влиянии полкового командира на солдат, а о его влиянии на офицеров, младших ротных командиров. Роль хорошего командира части, распушенность офицерского состава полка в случае попустительства со стороны полковника, влияние среды на попадающего в часть молодого офицера-выпускника — вот проблемы, рассматриваемые Н. Бутовским. И за всем этим искренняя боль по поводу забвения хороших традиций в офицерской среде — тенденции, ощущавшейся в конце прошлого века многими.

Бывший «жеребьевый» солдат П. Кочергин в 1905 году опубликовал брошюру под названием «Нужды русского солдата», одобренную цензурой 22 октября, то есть сразу после объявления свободы печати. Однако на титуле брошюры значилось: «В частную продажу нижним чином не назначается».

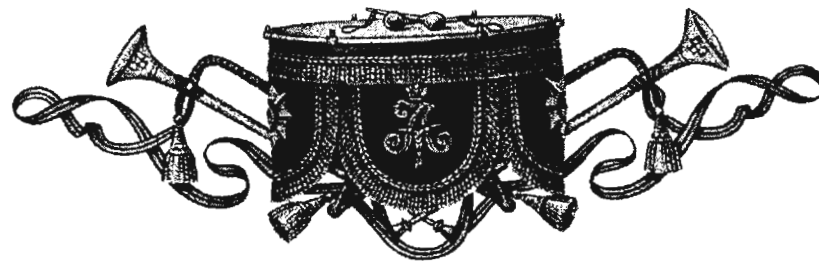
На самом деле написанная в острокритическом тоне брошюра эта дает ценный материал для знакомства с самыми мелкими подробностями быта рядового состава русской армии начала века. Автор находит недочеты в организации буквально всех сторон полкового хозяйства, делающих жизнь нижних чинов очень тяжелой. Интересны и поучительны его замечания о «неуставных» взаимоотношениях между командирами и подчиненными, старослужащими и молодыми солдатами. Здесь и ценные данные о солдатских доходах и расходах, о нормах отпуска продуктов, да еще в сравнении с аналогичными статьями в других европейских армиях!

Немецкий офицер Гейно фон Базедов, ездивший по стране незадолго до начала первой мировой войны, оставил любопытные «Путевые впечатления о военной России». Вполне возможно, что Базедов, услужливо принимаемый в русских войсковых частях, имел особое поручение от германского генерального штаба, однако в любом случае его «Путевые впечатления» ценны для нас как сделанные человеком «со стороны» и, наверное, беспристрастно. А интересовали немца многие явления русской военной жизни.

В этой книге сделана попытка объединить довольно разнохарактерный материал по истории армейского хозяйства и быта России. Несомненно, должны явиться другие, капитальные труды по этой интереснейшей проблеме, решение которой, возможно, даст ответ на вопрос: не зависит ли результат сражения от тех условий, в которых находилось войско «на квартирах»?

А внимательный читатель, ознакомившись с книгой, пусть попытается ответить самостоятельно на такой вопрос: могут ли представленные материалы, очерки, статьи служить свидетельством того, что быт русской армии все время улучшался, вкуснее и обильнее становилась пища, одежда делалась удобнее, казарма чище, теплее и уютнее, а жалованье денежное неуклонно возрастало? Короче, когда страна оберегала свою армию надежней?

С. КАРПУЩЕНКО

С.КАРПУЩЕНКО

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ: КАЗАРМА, КАША, КАЗНА, КАФТАН

1. Казарма

Считается, что конец XVII — самое начало XVIII века ознаменовались созданием в России регулярной армии, так необходимой царю Петру I в войне со шведами за выход к балтийским берегам. Однако еще задолго до Петра русская армия в своем составе имела до трех четвертей полков так называемого «нового строя», копейно-рейтарских и солдатских, бывших по сути дела регулярными войсками, но наряду с ними продолжали существовать остатки старого поместного и стрелецкого войска.

Заслуга Петра I состоит не в том, что он явился автором идеи создания регулярной армии, — его военные, впрочем, как и экономические и политические реформы, были подготовлены всем предшествующим развитием России. Преобразователь попросту довел процесс создания русской регулярной армии до конца, завершил его и сам признавался, что еще в 1647 году «начал регулярное войско употреблять» его отец Алексей Михайлович. Когда мы будем ближе знакомиться с армейским бытом «регулярства», мы увидим еще немало «старого» и в системе интендантской службы, и в сфере материального обеспечения солдат. Зачем выдумывать или заимствовать, если хорошо работают старые, привычные, давно испытанные формы?

Итак, возвратясь из своего первого заграничного путешествия, царь Петр Алексеевич упраздняет стрелецкие полки и приступает к созданию нового, регулярного, постоянного войска, устроенного по западноевропейскому образцу. Наказ 1699 года, данный князю

* Копейно-рейтарские полки в России комплектовались частью свободными русскими людьми, частью — иностранцами. Воевали как в конном, так и в пешем строю карабинами, пистолетами, саблями и копьями. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания авторов очерков.)

Репнину*, предлагал набирать в солдаты людей «разных чинов, опричь отставных московских стрельцов». Эти люди еще не были рекрутами — этот термин появится несколько позднее. Тогда их называли даточными, и имели они «лет по семнадцати и по тридцати, или малым чем больше тридцати лет, а ниже пятнадцати лет не было». Но уже в начале следующего, XVIII века таких юных на службу уже не забирали, и был установлен следующий предел для новобранцев: не моложе двадцати и не старше тридцати пяти лет.

Едва на местах сбора появлялось достаточное количество готовящихся стать солдатами людей, как тут же их комплектовали в группы по 50 человек и брали единую для всей команды поручную круговую запись — своего рода обещание, которое связывало весь этот коллектив на время доставки новобранцев к месту службы. Даточные обещали: «Великому государю служить верно и над казною дурна и хитрости никакой не учинять, ружье и строевое платье не продавать и не терять, из службы не бегать, вином и табаком не торговать, зерню** и в карты не играть и с воровскими людьми не знаться, и никакого дурна и озорничества не чинить, и пьяным не напиваться, а буде за нашу порукою он службу служить учнет неверно или сделает проступок из помянутых выше, то на них, поручниках, пеня и жестокое наказание, а за потерянное строевое платье взять цену вдвое».

Если авторитетной комиссией даточный признавался годным к службе, то в графе против его имени ставилось слово «солдат». Но случалось, что даточный браковался, получая следующие характеристики: «глух», «дурак», «стар», «урод». Понятно, что такие новобранцы отправлялись домой нести «тягло государево» на прежних местах.

Круговая поручная запись была очень важной мерой, помогавшей правительству бороться с серьезным злом всего XVIII века — побегам рекрутов с мест сбора и на пути следования их в полк. Насильно отрываемые от привычной среды, часто от семей, от родных и близких, имея в перспективе бессрочную, до смерти, или, в лучшем случае, до неизлечимой болезни или серьезного ранения, тяжелую, полную опасностей службу, новобранцы часто прибегали к этому средству сопротивления ненавистой рекрутчине. Вот поэтому, отвечая один за другого, и следили рекруты за своими товарищами, боясь быть наказанными в случае побега кого-нибудь из их команды.

Но круговая запись не стала препятствием к побегам, и 19 мая 1712 года было приказано при приеме в службу рекрутов ставить им на мякоти наружной стороны левой руки особый знак в виде креста. Игла и втираемый в места уколов порох оставляли заметный след, похожий на татуировку, по которому в случае поиска

* Репнин Аникита Иванович (1668—1726) — генерал-майор, с 1725 года — генерал-фельдмаршал.

** Поручная запись — расписка, имеющая личную подпись новобранца.

*** Зернь — род игральные костей.

бежавшего без труда определяли рекрута. К середине века этот обычай был отменен и стали прибегать к более простому способу: рекрутам выбривали волосы на голове, при этом ответственным за доставку в полк строго-настрого приказывалось следить за тем, чтобы выбритое место не зарастало. Вот с этих пор и пошло гулять по России выражение — «лоб забрить».

До 1759 года в русскую армию не забирали тех лиц, у кого отсутствовали три зуба. Но потом правительство вдруг нашло возможным принимать на службу рекрутов с подобным недостатком. И уже в 1760 году появляется строжайшее узаконение наказывать крестьян, «повреждающих члены у сыновей своих для отбывательства от рекрутства, публично плетьюми». Оказалось, что некоторые чадолюбивые отцы выбивали сыновьям своим по пять зубов, надеясь на то, что их дети будут «забракованы».

С уклонениями от службы воинская администрация боролась в течение всего столетия. Круговая запись, клеймение и даже содержание рекрутов в цепях в тюрьмах и острогах (такое случалось часто!) не давали эффекта. Необходимо было создать для новобранца с первого дня его нахождения на службе такие материальные условия, которые были бы, по крайней мере, не хуже тех, где рекрут находился прежде.

На из ряда вон плохие жилищные условия молодых солдат обратили внимание лишь в 1713 году, когда русская армия во второй раз захватила Нарву, отпраздновала славную викторию при Полтаве, заняла Ревель, Ригу. В это время местом сбора рекрутов часто служили монастыри, где новобранцы и жили неопределенно долго. Там их держали «взаперти, неисходных, где им особая от тесноты в кельях и от духоты чинится трудность, отчего принуждены терпеть несносную нужду». Плохие квартирные условия в соединении с недостаточным питанием были губительными для молодых солдат — смертность среди рекрутов была высокой. В 1713 году мероприятия коснулись, однако, не здоровых новобранцев, а уже больных: губернаторам велели построить на конюшенных дворах «больших по несколько изб с сеньми и со всеми к ним принадлежащими нуждами».

Побеги продолжались, в то время как правительство довольно медленно проводило в жизнь меры по улучшению условий существования рекрутов от момента зачисления на службу до поступления в полк. При Анне Иоанновне, когда военным ведомством руководил фельдмаршал Миних, появляется указ, требовавший содержать «в добром призрении» заболевших в пути рекрутов. Здоровые новобранцы обязаны были ходить за ними, готовить больным пищу и «над ними присматривать по вся дни, дабы оные люди от голоду и неприсмотру безвременно не помирали». Однако ничего не говорилось о том, где жить рекрутам на сборных пунктах и при следовании их в полки.

Усиленное внимание обратили на положение рекрутов только при императрице Елизавете. Военное законодательство запрещало вести новобранцев более 20—30 верст в хорошую погоду, а «где

великие грязи или в жестокий мороз» — не более 10—15. Рекрутов для круговой поруки так же, как и прежде, объединяли — но теперь не по 50 человек, а всего по 8 — артелями, которые в дороге имеют свой котел, готовят пищу. По прибытии рекрутов в полк запрещается выводить их на строевые учения в ненастную погоду, «употреблять» к работам, и «других налогов и тягости, которая бы принуждала их к побегам, отнюдь не чинить под опасением жестокого штрафа». Рекомендовалось так относиться к новобранцам, как обычно относится хороший учитель к ученикам, «дабы они, видя такое доброе содержание, к порядочному житию и к службе охоту иметь и к оной привыкать могли». Учителями молодого солдата были не только командиры, но и старослужащие нижние чины. Рекрут попадал в артель к опытным, знающим службу воинам и таким образом непроизвольно втягивался в воинский быт, познавал особенности полковой жизни. Запрещалось, однако, злоупотреблять привилегированным по сравнению с рекрутом положением: старослужащие не имели права присваивать личные денежные средства молодого солдата, склонять его к пьянству.

Все эти меры были бесполезны, но по-прежнему вопрос с рекрутским жильем удовлетворительно решен не был. В самом конце царствования Елизаветы новобранцы по большей части жили в сырых, нездоровых квартирах. Сообщалось, что рекрутам, «как новым и к тому необыкновенным людям, болезни и самая гибель приключается». Наконец, был издан указ «об отводе» новобранцам во время их следования к месту службы сухих и просторных квартир, что безусловно улучшило бытовые условия рекрутов и уменьшило количество побегов.

Прежде чем мы рассмотрим систему жилищного устройства русской армии в XVIII веке, в двух словах расскажем, где и как жили ратные люди «дерегулярного» периода русской военной истории. Важным источником конца XVII века по интересующему нас вопросу является наказ, данный князю Волконскому, назначенному в Чернигов воеводой. В нем ясно говорится о двух способах размещения солдат и стрельцов: в обывательских домах, то есть в домах гражданских жителей, на постое, и в специально сооруженных казною избах, находившихся в особых слободах. Строились эти избы силами самих ратных людей и должны были соответствовать элементарным нормам санитарной гигиены. Уже в то, допетровское, время хорошо знали, что теснота в жилищах чревата распространением заразных, «прилипчивых» заболеваний. Говорилось, что «от утеснения приходят болезни людям и цинга бывает». Поэтому, чтобы предупредить перенаселение, воеводе надлежало заранее, до вступления в слободу войска, предварительно «переписать и сметить, по скольку человек в которой избе стрельцам и солдатам жить можно в зиму». Но этим требования сангигиенического плана не ограничивались. Инфекционные заболевания пытались предупредить, обязывая военнотружущих следить за чистотой своего тела и одежды, чистотой в избах-казармах,

что равным образом относилось и к рядовому и к командному составу. Закон той поры запрещал ратным людям проживание в землянках, а также предупреждал: «А буде между ними какие девки или женки, опричь законных жен, и тех выбить вон, чтоб великого государя ратные люди были в чистоте, а от нечистых жен свободны». Эта цитата из наказа воеводе интересна по двум причинам: как рассказывающая о средствах борьбы с заразными болезнями и как содержащая известие о совместном проживании семейных военнотружущих со своими женами.

В «дерегулярной» армии наряду с санитарно-гигиеническими требованиями существовали жесткие правила по соблюдению противопожарной безопасности, столь необходимые во времена сплошных деревянных застроек. В связи с этим запрещалось протапливать избы и бани в летнее время, за исключением «торговых», то есть общественных бань. Печи велели сооружать только на «полых» местах. В виде исключения разрешалось топить бани и летом — «для великих нужд и для родин», но только в ненастные, дождливые дни, «с водою и великим бережением». Запрещалось строить дома поблизости от городских стен, чтобы в случае возгорания изб огонь не мог перекинуться на «городовые строения», повредить крепость, ослабить ее обороноспособность.

И вот в 1700 году грянула Северная война, тяжелая, длинная, с сильным, опасным противником, потребовавшая от всей России колоссального напряжения. Наличие огромной по численности регулярной армии и начало войны, когда в связи с особенностями стратегической обстановки значительным воинским массам приходилось быть почти в постоянном движении, требовали выработать новые формы квартирного довольствия армии. Прежний оседлый вид квартирования в специально сооруженных казармах-слободах не мог удовлетворить постоянно перемещающиеся с места на место полки. Слободы привязывали войсковую часть к одной местности, — в основном располагались они по городам, — кроме того, требовали от личного состава постоянного ухода за постройками. К тому же для вновь создаваемых полков (а таких было большинство!) слободы еще необходимо было построить, для чего требовались и материальные затраты, и время, и труд воинов, если еще и не занятых непосредственно в боевых действиях, то находящихся в постоянной подготовке к ним. Поэтому-то во время Северной войны повсеместным способом квартирования становится размещение военнотружущих в домах гражданских жителей, или обывателей, как говорили в ту пору. Способ, как мы уже знаем, не новый, но только превратившийся в господствующий.

Каких-либо узаконений, регламентировавших отношения хозяев с постояльцами, в начале войны не существовало. Не знаем мы и о правилах, посредством которых тому или иному полку отводились для квартирования населенные пункты (деревни, села, городки), не знаем и то, какой была норма проживания людей в одном доме, — все в этот начальный период Северной войны или

определялось частными распоряжениями высших армейских чинов, или диктовалось обстановкой.

Обеспечение петровской армии жильем осложнялось еще и тем, что русским войскам часто приходилось быть за рубежами России. Например, в 1705 году генерал Аникита Иванович Репнин расставил полки своей дивизии по домам сельских жителей «на обеих сторонах Немана». Плотность же населения здесь была столь низкой, а расстояние между деревнями, где жили солдаты, соответственно, так велико, что Репнин жаловался Петру на то, что «квартиры салдацкие многих полков расставлены длинные: один полк стоит на многих верстах, и поставлены в избах с теснотою». Результат явился незамедлительно: был ослаблен контроль за подчиненными, упала дисциплина, что выразилось в злоупотреблениях по отношению к местному населению. Аникита Иванович писал царю: «от салдат чинятца многие обиды и грабеж к обывателям, а офицером за дальностью и за рекою того усмотреть и распорядку учинить вскоре невозможно». Недостатки при размещении полков на обывательских квартирах-домах вели еще к затруднениям в организации воинских учений. Царю Петру сообщали, что «за дальностью квартир ученью частому быть невозможно, а ежели собрать на неделю (войска. — С.К.), провиант привезть не на чем».

Однако и этим не ограничивались трудности с жильем в период Северной войны — часто просто невозможно было подыскать пригодные для солдат помещения. В 1707 году крайнюю нужду в квартирах испытывали артиллеристы. Генерал-фельдцейхмейстер Яков Вилимович Брюс, который командовал этим родом войск, приближенный к особе царя Петра, образованнейший по тому времени человек, заботясь о своих подчиненных, просил содействия у государственного канцлера Гавриила Ивановича Головкина, объясняя свою просьбу тем, что «пушкари квартирами изобижены тако, что принуждены в тесноте, как свиньи, лежать». Главный артиллерийский начальник предупреждал канцлера, что если ему не будут выделены лучшие квартиры, то командиры выведут пушкарей в поле и поселят их в землянках. «Зело, государь, печально, — писал Брюс, — что пушкари квартирами изобижены. Заевите милость к ним, пожалуйста, повелите им хотя малую свободу дать в квартирах, понеже вашему высокоородию известно, что в иных государствах оные перед пехотою ранг всегда в квартирах имеют». Однако никаких преимуществ в постое артиллеристы так и не получили.

Итак, мы увидели, как ревностно оберегали воинские начальники интересы своих подчиненных. Военнослужащие же какой-нибудь одной части внимательно следили за тем, чтобы отведенные под их квартирование местности не занимали и даже не посещали солдаты других полков. Дело в том, что вселение посторонних влекло за собой не только «утеснение», но еще и недоразумения, возникавшие при сборе провианта и фуража, производившемся самими солдатами под руководством офицеров в тех деревнях, где

расселялся полк во время Северной войны. Вот поэтому неприкосновенность занятых под постой местечек являлась строго исполнявшимся правилом. Так, Брюс писал одному из подчиненных: «В квартирах, которые определены драгунам, изволь приказать под смертной казнью, чтоб в те квартиры никого не пускали». Но не менее требовательным был глава артиллеристов, когда дело касалось интересов его ведомства. В 1708 году в письме генерал-фельдмаршалу Борису Петровичу Шереметеву он настоятельно просил отдать приказ солдатам дивизии Репнина и Аларта не ездить на территорию, отведенную артиллеристам. «А без того непрестанно ссоре быть», — предупреждал Яков Брюс.

С 1707 года в практику квартирования вводится какое-то подобие нормирования, чтобы сделать условия проживания русских солдат на постое хоть сколько-нибудь сносными. Но норма нормой, а реальные условия в суматохе войны вовсе не способствовали претворению ее на практике. Например, для бригады барона фон Путрера определили ряд деревень, названия которых были сообщены командиру в посланной ему ведомости. На каждую роту его бригады пришлось, в зависимости от состояния крестьянских дворов, от 9 до 17 «дымов», то есть домов. Пехотная рота в то время имела 119 человек одних лишь строевых нижних чинов, в полку же было 9 рот. Вот и получается, что на каждый «дым» приходилось от 7 до 13 рядовых.

Но, как видно, количество это было нормой идеальной, в действительности же обстоятельства предлагали совсем иной вариант. В 1708 году генерал-фельдмаршал Шереметев протестовал против развертывания артиллерийского полка на берегу Днепра, что делалось в связи с поспешным приказом Александра Меншикова, не знавшего о крайней скученности в квартирах дивизии Шереметева. «Толко под дивизию мою, — писал фельдмаршал, — на баталион по 12 дымов, а в прочих дивизиях и того нет».

Мы говорили о своего рода нормировании «площади» для рядовых, но еще более четкими начинают выглядеть квартирные нормы для командного состава. В 1709 году, году Полтавской баталии, офицерский корпус русской армии при назначении квартир начинает пользоваться положениями так называемого Цесарского устава, — устава армии Священной Римской империи германской нации. У австрийцев почерпнули уверенность в том, что пехотный генерал-майор имеет право на 20 домов, полковник — на 14, а майор — на 5 домов. Высшим армейским чином такое большое количество «дымов» при вступлении на квартиры полагалось для того, чтобы собранный с крестьян фураж, то есть конский корм, овес или сено, мог сполна обеспечить всех командирских лошадей (об этом мы будем говорить подробнее в очерке «Казна»). Собирали с «дымов» еще и порции — продовольствие к командирскому столу натурой, что полагалось, правда, только в период пребывания офицеров за границей. Такое значительное количество крестьянских дворов, отдаваемых в распоряжение армейских начальников, было необходимо им еще и для того, чтобы

разместить их многочисленную челядь из крепостных, денщиков, а в некоторых случаях, возможно, и членов семьи. Однако вышеприведенные нормы действовали только на так называемых *винтер*, или зимних, квартирах.

Займствованный из европейского лексикона термин «винтер-квартира» вошел в русский обиход с самого начала Северной войны. На зимние квартиры полки заступали поздней осенью и находились там до ранней весны. Летом петровский военный служащий жил в лагере, и необходимость перебираться в теплые дома определялась вполне понятными причинами. Но был и еще один повод: исчезновение естественного, подножного корма для лошадей, когда приходилось прибегать к заготовкам обывателей. Для последних же снабжение армии конским кормом являлось государственной повинностью.

Точных сроков вселения в винтер-квартиры не было. Военский устав 1716 года по этому поводу говорит следующее: «И понеже в Российском государстве для пространства оногo и разных климатов определить невозможно, того ради единым словом объявляется, что на винтер-квартирах быть только от травы до травы, где как климат случит».

Уже говорилось, что в самом начале века определение для войсковой части того или иного района квартирования часто зависело от распоряжений высших чинов, от удобства момента, то есть было произвольным, случайным. Но в 1711 году сенатским указом каждый полк получил под зимние квартиры свой особый район. Лишь три года до этого учрежденные губернии разделились на *дистрикты*, центром которых становились полковые штабы, а для них выстраивался особый полковой двор — дом командира и штаб офицеров, канцелярия, пороу лазарет. Солдаты же расселись по деревням, в домах сельских жителей. Полковые дворы постепенно превращались в настоящие административные центры местности. Они учитывали поступающие на нужды полка денежные средства, осуществляли судебные и даже полицейские функции. Правительству Петра I, стремящемуся любой ценой «выбить» деньги из налогоплательщика, которым в России в основном являлся крестьянин, присутствие армии в сельской местности было чрезвычайно удобно. Подать (подворная, а позднее — подушная) шла обыкновенно на нужды армии, вот и принудили войско парадеть за собственные интересы.

Такое положение дел в 1724 году закрепилось *Плакатом* — указом, которым определялись отношения между гражданским населением и квартирующей частью. Положения этого законодательного акта строились на идее о том, что взимание доходов с населения должно осуществляться старанием тех, в пользу которых они поступали. Понятно, что армия прилагала «немалые старания», защищая свои интересы. Начались злоупотребления со стороны войск, что в перспективе могло обернуться настоящим столкновением между населением и армией, военными и гражданскими начальниками. Не случайно авторы Плаката, предвидя

неурядицы, наделили армейские власти следующими полномочиями: «...полковнику ж и офицерам велено смотреть того, чтоб из крестьян, которые на тот полк написаны, никто не бегал; а ежели проведуют, что к побегу будут собираться, тех от того удерживать, а которые побегут, за такими гнать в погоню и ловить». Вот такими-то средствами забивал царь Петр последние гвозди в сложенную еще его предшественниками избу крепостничества.

Однако Плакат наряду с негативными сторонами содержал и положительные моменты, одним из которых являлось признание того, что расселение воинов в крестьянских избах ведет к отягощению населения и необходимо строить обособленные от жилищ обывателей дома — слободы, «в которых, — советовал Плакат, — сделать сержантам каждому по избе, прочим унтер-офицерам двум одна, рядовым — трем человекам одна». Помещикам же, на землях которых квартировал полк, рекомендовалось содействовать постройке или даже вкладывать в это дело личные средства. Но не желавшие тратиться помещики всячески препятствовали возведению обособленных воинских жилищ. Им не было дела до того, что от постоя страдали крестьяне их деревень. Ростовский полк, например, был вынужден выплачивать помещикам определенные денежные суммы за отведенную под слободы землю, сложно было договориться о приобретении нужного количества леса, а также выстроить из него добротные дома. Полку приходилось прибегать к услугам наемных плотников, и для оплаты их труда с нижних чинов полка собирали по копейке (какой покупательной способностью обладала та, петровская копейка, мы расскажем в очерке «Казна»). Не хватало леса — приходилось прибегать к незаконным порубкам, и строительство снова приостанавливалось ввиду непрестанных жалоб помещиков губернским властям.

Скоро армейские начальники увидели, что строительство слобод в сельской местности вообще нецелесообразно. Невозможно было сделать слободы компактными, поскольку солдатские дома не могли возводиться на неосвоенном, необжитом месте, и они всегда тяготели к жилью, к деревням, плотность размещения которых в России была очень низкой. Протяженность полковых строений достигала пятидесяти верст или даже ста. Командовать войсковой частью, разбросанной столь широко, не представлялось возможным. Понятно к тому же, что находиться в слободе круглый год полк не собирался, но для того, чтобы уберечь постройку от разорения со стороны местных жителей в период отсутствия солдат, пришлось бы оставлять в каждой группе полковых изб (а их было немало!) сильный караул, что непременно ослабляло бы полк.

И вот уже в 1727 году Верховный тайный совет принимает решение: вывести полки из деревень и сел России и разместить их при городах, «а лучше при тех, — советовал указ верховников, — которые прилегли к границам, и где хлеб дешевле, и довольство в лесах». Итак, не посчитавшись с «блаженными и вечнодостоинными памяти» мнением Петра Великого, армия пере-

водилась на житье в города. Какими причинами руководствовался Верховный тайный совет? Вот они:

«1. Полки и роты, как скоро повелят, так собраны быть имеют, понеже сие нужности для незапных и скорых походов, и всяких нужных случаев, и командиры как за офицерами, так и за салдатами удобнее всегда смотреть и от своевольтв и побегов удерживать и командовать ими могут, нежели как полк на пятьдесят или на ста верстах в дистрикте расположитца.

2. Когда полкам сказано будет поход, то от разных полков могут оставлены быть больные и полковые тягости излишние, провиант и прочее под одним караулом, и от того меньше расходу будет людям.

3. Гражданству и уездным людям в продаже всяких припасов может быть поживление, а в таможенных и кабацких доходах будет пополнение потому, что все, что из уездов в город привозиться будет, продавать станут со обыкновенною пошлиною, а в дистриктах та б пошлина пропадала.

4. Паче всего крестьянству великое от того будет облегчение, а и гражданству тягости никакой не будет, потому что салдаты будут жить особыми слободами в одном месте, где скорее на преступников у их командиров управу сыскать будет возможно».

Очень интересный документ! Указ Верховного тайного совета, невзирая на предстоящие огромные хлопоты по переселению большей части русской армии, возвращает войско снова в города, откуда оно переселилось с началом «регулярства» петровского образца в деревни. Старая форма размещения ратных людей — слобода, которой пользовались еще стрельцы, — вновь обрела хозяев, и по-прежнему в городах!

И вот затрепали бревенчатые солдатские деревеньки — Верховный тайный совет, заботясь об экономии материала, леса, которого в России того времени было гораздо больше, чем сейчас, приказал строения полковые разобрать и сплавить водными путями к местам постройки, где слободские избы должны были сооружать драгуны и солдаты по специально разработанным проектам-рисункам «со всякою прилежностью». Те же солдатские дома, что находились вдалеке от водных путей и которые поэтому не могли быть доставлены на новые места, предлагалось продать местным жителям, а если бы покупателей не нашлось, то квартиры следовало «разорить до основания, дабы в карауле оных пустых дворов людям напрасного отягощения, а без караулов ворах пристанища не было».

Но как ни экономило правительство денежные средства, а все-таки именно их отсутствие в государственной казне не позволило широко развернуться слободскому строительству. Далеко не все полки при переводе их в города стали сооружать обособленные от горожан жилища. А в 1730 году, с приходом к власти императрицы Анны, полки перебираются в деревню вновь, снова вселяются в крестьянские дома, и опять по деревням и селам ездят полковые комиссары и провиантмейстеры с помощниками, выби-

вая из налогоплательщика и провиант, и деньги, и фураж. Кому-то показалось весьма удобным восстановить Плакат.

А в это время председатель Военской комиссии генерал-фельдмаршал граф Миних, желая устроить быт русской армии, выносит на обсуждение проект строить по городам казармы по европейскому образцу, то есть значительные по размеру жилища, вмещающие сразу большое количество солдат — человек по 50 и даже больше. Все понимали необходимость отдельного проживания полков, но проект с огромными казармами был отклонен. Не было в России той поры условий для возведения таких домов. Во-первых, большая казарма требовала каменного фундамента, что значительно увеличивало ее стоимость по сравнению с деревянными избами, а денег в государственной казне по-прежнему не хватало. Во-вторых, деревянные по преимуществу дома российских городов, не исключая и обеих столиц, горели так часто, что было бы безрассудством отдавать во власть огню сразу большие жилищные площади, восстановить которые было бы куда труднее, чем дешевые маленькие домики. В-третьих, большие помещения таких казарм не давали бы возможности изолировать «прилипчивых», то есть заразных больных, что в случае необходимости с успехом делалось бы в избах. В-четвертых, примерно половина военнослужащих были женатыми и, находясь на постое или в слободе, проживали со своими женами и детьми в избах, поделенных на покои, комнаты. А разве могли бы жить они в больших казармах, где невозможно было укрыться от нескромного взгляда? Конечно, не могли! «Женам в казармах жить невозможно и неприлично», — говорили те, кто возражали против постройки миниховских казарм. Вот поэтому и было вновь предложено в 1739 году строить слободы полкам гвардии и «по тому примеру потом другим полкам», что делалось для «облегчения обывателей от солдатских постоев».

Полки были вновь выведены из сел и деревень, и в городах начинается строительство слобод, состоящих из деревянных небольших домов. А каменные казармы, рассчитанные на вселение большого числа солдат, в которых уже нет места для жен их и детей, начинают возводиться в крупных городах России лишь в годы царствования Павла I. К тому времени, впрочем, бессрочная служба была заменена двадцатипятилетним сроком. Укоротила тяжкую солдатскую службу Екатерина II в 1793 году, вскоре после Ясского мирного договора, закрепившего победу России над Турцией.

А теперь попытаемся заглянуть в полковую слободу, чтобы поближе познакомиться с армейским бытом XVIII века. Мы помним, что сооружение слобод началось с постройки казарм (этот термин существовал с начала Северной войны и определял обособленную от обывательского жилья солдатскую избу) гвардии, а поскольку законодатели рекомендовали строить слободы «по тому примеру потом другим полкам», то мы не очень ошибемся, если представим для примера описание Санкт-Петербургской слободы лейб-гвардии Семеновского полка.

Итак, семеновцы, переведенные в «стольный град Петров» еще в 1723 году, разместились по обывательским квартирам, где они и жили до 1741 года, когда для них были построены слободские дома по общему для всех проекту. В том же году перебираются в свою слободу за Калинкиной деревней измайловцы, а преображенцы переехали в «особливые светлицы» два года спустя. Надо заметить, что еще до постройки гвардейских слобод в Петербурге с Северной войны без перерыва существовала слобода артиллерийского полка.

Государственной казне постройка гвардейских слобод обошлась примерно в полмиллиона рублей, не считая последующих затрат на ремонт и перестройку. На что же потратили огромные по тому времени суммы? Семеновцы, к примеру, переехали в слободу, имевшую 300 солдатских и офицерских светлиц, располагавшихся вдоль берега реки Фонтанки. Эта часть Петербурга в те времена была еще столь глухой и необжитой, что, кроме редких постоянных дворов, здесь не имелось никаких городских строений. Кругом был лес, и на солдатские дворы порою забегали ночью волки, таскавшие с квартир гвардейцев овец, телят, которые служили значительным подспорьем солдатскому хозяйству.

Семеновская слобода сороковых годов походила скорее на неопрятную деревеньку, чем на комплекс казарм гвардейского полка, да еще к тому же размещенного в столице. Кроме солдатских изб-светлиц был в слободе полковой двор с административными зданиями: канцелярией, счетной комиссией, цейхгаузами, госпиталем, докторским домом. Но все эти официальные постройки не придавали слободе армейский вид. Во-первых, офицеры и рядовые из дворян тут же принялись готовить казармы кроить и перестраивать по собственному усмотрению и вкусу. Дома стали украшать балконами, карнизам, фронтонами, на месте окон прорубали двери. Рядовые из недворян, подражая офицерам и «благородным», застраивали промежутки между домами разными амбарами, чуланами, сараями, в которых они держали скот. Скоро в слободе прописались и предприимчивые люди из городских обывателей, арендовавшие землю полка и возводившие на ней харчевни, лавки, погреба. Нетрудно представить такую картину: чад, дым от горящих на дворах печей, на которых летом солдаты приготавливали пищу, криканье, кудахтанье птицы, визг убиваемой скотины... Летом из опасения пожаров пищу готовили только на улице — в начале июля ротный командир ходил по солдатским избам и лично запечатывал все печи. Уже в начале сороковых годов существовали, однако, строгие инструкции, требовавшие соблюдать чистоту в домах и на дворах, запрещавшие продажу водки и корчемство между солдатами, рубку леса в полковых рощах, хождение по слободе без мундира. В праздники — на святках, на масленицу, в день полкового праздника — надзор усиливался.

Семеновская слобода начинает принимать армейское обличье лишь после перестройки 1766 года, когда появились улицы, имеющие номер роты — хозяйки одной улицы, закрепленной за ней.

Перестраиваются старые дома. Теперь уже начальство строго смотрит за тем, чтобы внешний вид их соответствовал образцовому рисунку и отсутствовали архитектурные излишества, которыми цеголяли один перед другим хозяева домов — дворяне. Сносятся многие подсобки — амбары и сараи. Слобода зазеленела — выросли посаженные в начале сороковых годов деревья.

До перестройки в слободе проживало множество посторонних, не служивших в полку лиц. Офицеры и рядовые из дворян окружали себя челядью из своих крепостных, пленных калмыков, турок, греков, приведенных в 1739 году из походов Русско-турецкой войны, не говоря уже о денщиках. В казармах-светлицах часто проживали дальние родственники солдат, приезжавшие в столицу по делам, и попросту знакомые. Так что в домах было тесно — квартира, рассчитанная на четырех нижних чинов, часто вмещала по десять человек и более. Кроме того, городская полиция постоянно предъявляла претензии командованию Семеновского полка по поводу незаконного проживания в черте города посторонних. И в 1761 году с этим было покончено, и, кроме служителей полка, а также членов их семейств, без особого разрешения полиции в семеновскую слободу никто не допускался.

Кстати, поговорим немного о семьях военнослужащих, поскольку уже неоднократно упоминалось о том, что солдаты обладали правом иметь жену и детей. Это право не просто было вручено им каким-либо законодательным актом, но воины России XVIII века, вернее, гражданские люди, вступающие в службу, его никогда не теряли. Каждый нижний чин смотрел на свое пребывание в полку как на постоянное, до самой смерти, а поэтому стремился обзавестись своим хозяйством и своей семьей. Еще петровские указы о первых рекрутских наборах говорят нам о том, что новобранец отправлялся к месту службы с женой и «робятишками». Безусловно, с новобранцами к месту службы ехали лишь те женщины, которые могли решиться расстаться навечно с привычным укладом жизни, с родными, с родиной, которая в те времена в психологии крестьянина или посадского человека не была тождественна государству, но ограничивалась небольшим пространством деревни, волости. Отправлявшуюся с рекрутом женщину не ожидало впереди ничего заманчивого, напротив, одни лишь невзгоды, частая разлука с мужем, бытовая неустроенность, материальная нужда.

По ведомости 1741 года в полку полевой артиллерии числилось 213 нижних чинов, не имевших семью, а 179 человек были женаты. Однако только 30 из них имели детей, да и то по одному — максимум два ребенка. При отцах жили только трое детей, а другие в основном находились в школах для детей военнослужащих в Москве и Петербурге. Некоторые дети артиллеристов проживали в деревнях — в родных местах солдата.

Мальчиков с четырех-пяти лет уже принимали в школы, где они попадали на казенный кошт, то есть кормились и одевались за счет государства, а также обучались грамоте, основам математики, профессиональным дисциплинам. Армейская администра-

ция готовила из детей военнслужащих будущих солдат, поэтому на их «призрение» обращалось немало внимания. В пятнадцатилетнем возрасте учение мальчика обычно завершалось, и он зачислялся в полк, но пока на «легкие» должности — становился гобоистом, барабанщиком, служил при полковой канцелярии. Лишь к восемнадцати—двадцати годам, пройдя после теоретического школьного курса своего рода практику уже в полку, молодой солдат зачислялся в строй. По всей видимости, именно военнслужащие из солдатских детей и составляли как бы профессиональный костяк полка. С детских лет приученные к армейской жизни, не имеющие за своей спиной, как взрослые новобранцы, другого уклада, строя жизни, не оглядывающиеся поэтому назад, а пытающиеся устроиться в привычной им среде как можно лучше, досконально освоить службу, продвигаясь в чинах, они были к тому же носителями армейской морали, имеющей в основе идею служения государству, Родине. Заметим, кстати, что эти люди были поголовно грамотными!

Правительство пыталось устроить детей солдатских не только потому, что из них «лепились» лучшие воины. Сохранить для полка поросль значило решить в какой-то мере проблему комплектования армии вообще. Конечно, наивно было думать, что правительство стремилось пополнить армию естественным путем, однако незначительно сократить за счет рождаемости «детей полка» рекрутский набор — мысль вполне реальная.

Администрация полка могла распространять свои права лишь на тех воинов, которые родились в период службы, так как считалось, что «прижитые до службы дети принадлежат всегда той деревни помещику», откуда призывался в полк новобранец. Интересно, что и жена солдата, была ли она приведена им из родной деревни, города, вышла ли замуж уже за воина, попадала в зависимость от полкового командования и получала социальный статус «солдатская жена». Такая женщина уже не имела права распоряжаться своей судьбой как ей заблагорассудится. Нет, она могла, безусловно, подыскивать себе место проживания вне полка, но только с разрешения командира полка и с некоторыми оговорками: «Не только солдатские, но и штаб-, и обер-, и унтер-офицерские жены, — говорилось в «Инструкции пехотного полка полковнику» 1764 года, — при полку имеют в тех же квартирах жить, где их же мужья, а нижних чинов жены (кроме тех, кои из дворян) без позволения и паспорта полкового отходить или инде где жить не могут. А пропитание должны иметь с мужьями, своими трудами, работою и ремеслом; а буде которая солдатская жена пожелает с воли мужа своего идти или жить в другом месте, кроме полковых квартир, и пропитание иметь своими трудами, таковым от полка давать паспорта с прописанием, какого мужа жена и куда отпущена».

В архивных делах встречается масса просьб нижних чинов артиллерийского полка к командирам о выдаче их женам паспорта на год «для прокормления своею работою». В просьбах указаны

«паспортные» данные и еще приметы отправлявшихся на заработки женщин. Неизвестно, правда, насколько полно удовлетворялись такие просьбы. Во всяком случае, в 1783 году был предан военному суду полковой писарь Андриян Дмитриев, изготовивший фальшивый паспорт для жены карабинера, которой, как видно, в просьбе отказано было.

Получив паспорт, солдатские жены могли идти куда угодно, но если они имели мальчиков и уводили их с собой, то в документе делалась соответствующая запись, и не позднее семилетнего возраста ребенка мать была обязана привести его в полк для определения в школу. Таким образом, наличие паспортной системы, введенной еще Петром Великим, содействовало организации надзора государства за личностью, подчинению ее интересам державы.

В инструкции полковнику говорится о том, что всякий должен содействовать возвращению мальчиков в полк. В том случае, если матери, не желая вернуть полку детей, пытались их укрыть, то на них распространялись такие же репрессии, как и на тех, кто прятал беглых крепостных. Доносителям же полагалась награда — 10 рублей, большая по тому времени сумма.

Если все же малолетним удавалось спрятаться от посягательств полка так надежно, что их не находили до пятнадцатилетнего возраста, то невозвращение их в полк рассматривалось уже как дезертирство и каралось со всей строгостью воинского законодательства. Можно все-таки предположить, что не сами мальчики были повинны в неявке для обучения в школе, — трудно представить сознательный протест к учению или к солдатской службе, что ждала их в будущем. Скорее всего, пытались уберечь их от солдатской службы матери, познавшие «прелести» воинской жизни, а также не желавшие разлучаться со своими детьми.

Без всякого сомнения, попытки укрывательства мальчиков имели место, поэтому полковое командование было заинтересовано в постоянном проживании жен и детей солдат в местах квартирования воинской части. Но как существовать этим женщинам, на что? Вот для этого-то и советовала инструкция полковнику подыскивать для них работу в пределах полка. Решалось сразу несколько задач: не разбегались бы сторонам потенциальные солдаты и при помощи умелых, привычных женских рук наводился порядок в полковом хозяйстве. А женщинам можно было поручить многое! Здесь шитье и стирка для солдат белья, вязание чулок, шитье палаток, чехлов для них, штиблет и еще масса разных бытовых услуг, «в чем они, говорила инструкция, довольное пропитание иметь будут, получая надлежащую плату, и по другим местам разбродиться причины иметь не могут». Так фактор личной материальной заинтересованности влиял или мог влиять на настроение, физическое состояние солдата середины XVIII века и даже на процесс пополнения армии квалифицированными кадрами.

Могло случиться и так, что у малолетки, еще не определенного в школу, погибал отец и умирала мать. В этом случае сироты отдавались на воспитание солдату, зарекомендовавшему себя до-

квартире, или же, раскошеляясь, делился своей жилплощадью с другими.

Интерес представляют сведения о постройке личных домов в петербургской артиллерийской слободе. Крайняя стесненность тех, кто стрелял из пушек и их изготовлял, вынудила командование артиллерийского ведомства поторапливать офицеров и всех желающих с постройкой своих «светлиц». Кроме предоставления личных домов для бесплатного постоя домовладельца обязывали мостить дорогу напротив своей квартиры или за мощение «заплатить сполна, ибо те дворы имеют они владеть вечно». Но и на этом требования к частным хозяевам не кончались: они были вынуждены вносить деньги на фонари, освещавшие примыкавший к дому участок дороги.

Служители, имевшие низкие денежные оклады (до 20 рублей в год), от постройки собственных домов освобождались. На них также не лежали другие «уличные» обязанности. Те же, кто собирался заводить свой дом, подавали заявку-прошение в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, а та, в свою очередь, списывалась с Санкт-Петербургской комиссией от строений, помогавшей определить место, дававшей рекомендации по постройке, включая и определение внешнего вида дома. В 1739 году поручику Демидову отвели в артиллерийской слободе, которая в то время размещалась в районе нынешнего Литейного проспекта, участок 25 на 16 саженей*. Однако еще до начала строительных работ ему нужно было представить в Комиссию проект, и «как оной чертеж в той комиссии опробован будет, тогда строить ему по тому чертежу».

Но далеко не все артиллерийские офицеры могли с легкостью найти средства для строительства собственного дома. Так, прапорщик Арестов, проживающий на постое, собрался строить дом, объясняя свое намерение тем, что «без своего дворишка он претерпевает великую нужду». Однако у прапорщика, чей оклад был невысок, наличных денег для осуществления задуманного не имелось, и он просил выдать ему вперед жалованье за треть года. С такой же просьбой обращался к начальству и провиантмейстер князь Юсупов. И если в это время офицеры приступали к постройке по личному желанию, то с 1739 года их желания уже не требовалось — обзаводиться своими дворами стало их обязанностью.

Но, став домовладельцем, офицер (или другое лицо, сумевшее собрать на постройку дома деньги) не обладал правом на продажу или заклад своего строения кому-либо, кроме людей той войсковой части, к которой он принадлежал. Дома не могли отдаваться и внаем на срок больше года. Домовладелец, переходя в другой род войск или даже полк, оставляя службу совсем, был обязан уступать все постройки только своим однополчанам и за половинную цену. Но случалось так, что и на таких льготных условиях дом не покупался, тогда через полгода при помощи архитектора делалась переоценка или попросту уценка дома, а если и на этот раз

* Сажень — 213,36 см.

покупателя не находилось, то хозяин дома должен был его снести. Всего один год после смерти домовладельца-мужа разрешалось жить в расположении полка вдовам или его детям: продавай или переноси в другое место. Только для мальчиков делалось исключение — они могли пользоваться домом умершего отца практически до своей смерти, потому что по достижении восемнадцатилетнего возраста зачислялись в строевые этого полка. Этот указ, преследовавший удовлетворение в основном полковых или, скорее, государственных интересов, был опубликован, когда военным ведомством России управлял генерал-фельдмаршал Миних.

Теперь следует заглянуть в жилище рядовых солдат и нижних чинов, урядников-сержантов, капралов, ефрейторов. В артиллерийской слободе, появившейся в Петербурге раньше семеновской, для них в 30-е годы построили сорок полковых квартир-казарм по улучшенному проекту. Усовершенствование заключалось в прибавлении к дому сеней, удобных для содержания в них различного хозяйственного инвентаря — ведер, корыт, ушатов, квашней и пр., — а также огородов, так необходимых солдатам для выращивания овощей. Площадь участка казармы нового типа значительно увеличивалась, но Военную коллегию, рекомендовавшую проект, это обстоятельство не смущало. «Ежели в которых солдатских слободах, — говорил ее указ, — поселились разночинцы, а те места понадобятся по тому рисунку под солдатские избы, и тем разночинцам то свое строение снести немедленно!» Эти новые казармы подразделялись на унтер-офицерские, в которых проживали по 4 человека, и на «редовые», вмещавшие 20 солдат. Среди военнослужащих могли быть, понятно, и семейные, и жилищная проблема решалась тем, что дом хоть и строился на двадцать человек, но имел отдельные покои, точно так, как у гвардейцев-семеновцев. В 1746 году в унтер-офицерской избе проживало уже лишь четыре человека, а четырех «редовых» — 73, среди которых было 16 женатых. Как видим, в артиллерийских казармах стало попросторней (из сведений о размещении одной роты).

Все без исключения полки, квартировавшие в Санкт-Петербурге, переселяясь во вновь построенные слободы, столкнулись с трудностями. Если раньше, на обывательских квартирах, у солдат совершенно не было проблем с топливом для обогрева своего жилища, для варки пищи, поскольку дровами их обеспечивали хозяева, то теперь приходилось где-то добывать дрова, и первыми, на что упал взгляд новоселов, были обрубки и щепы, что остались после строительства слободских дворов. Причем одинаково сообразительными оказались и артиллеристы, и семеновцы — этого топлива хватало и тем и другим примерно на год, но потом «подножный» материал иссяк. И «ныне те щепы уже почти все употребилась, — взывали артиллеристы, — и о том непрестанно требуют и просят, что уже почти и хлебов нечем испечь, и претерпевают немалую нужду». Доходило до того, что солдаты разбирали на дрова заборы проживающих поблизости обывателей, а

семеновцы к тому же покупали старые барки, распиливали их и жгли в печах.

Далеко не сразу полковое командование выделило требующиеся на покупку дров денежные суммы — Северная война и последующие годы существования Плаката, когда всецело царствовал постой, отучили командиров думать о многих вещах солдатского быта, когда, вселив полк на обывательские квартиры, они одним махом решали многие проблемы, фактически переложив на плечи гражданского населения заботу о полковом хозяйстве. Слобода же на то и была слободой, чтобы обособить армию от обывателей, не мешать им в их делах, не отягощать, не грабить. Короче говоря, вопрос с приобретением дров решился выделением из полковой казны необходимых сумм. Артиллеристы, например, пустили на столь важную статью расхода «штрафные» деньги, то есть удержанное жалованье тех, кто находился под следствием или на гауптвахте за совершенный проступок. Помогли еще и удержанные оклады офицеров и рядовых из дворян, кто отправился в свои имения в долгосрочный отпуск.

Из петербургских полков ездили вверх по Неве специальные команды, заготавливавшие дрова в «помещиковых или в других каких лесах», а потом их сплавляли к столице. В Семеновском полку для варки пищи и для хлебопечения выдавалось в год по одной четверти кубической сажени дров на человека. Жены и дети нижних чинов пользовались половиной этого количества, а на денщиков дров вообще не отпускали — они обогревались печью своего офицера, на котором лежала забота об обеспечении своего слуги. На ротах еще лежала обязанность выделять дрова на полковую госпиталь, и количество таких госпитальных дров определялось числом находящихся на излечении солдат роты.

Не мог обойтись военнотрудовой и без освещения в своем покое. На постое от хозяев требовали для этого кроме топлива еще и свечи, но в слободах полковой казне пришлось изыскивать деньги еще и на эти нужды. Солдаты получали или по свече в сутки на один покой, или по две на десять человек.

На постое хозяева одалживали солдатам и такой хозяйственный инвентарь, как ушаты, ведра, квашни, решета, — вещи совершенно необходимые для выпечки хлеба. В слободах же все эти нужные предметы солдатам пришлось покупать за свой счет, потому что полковая казна на этот раз обеспечивать служивых отказалась.

Едва ли не каждая слобода имела госпиталь или лазарет. В «дослободское» время «регулярства», во время Северной войны, в период интенсивного передвижения воинских масс, о стационарных лечебных пунктах можно было только мечтать. Во время похода больного или раненого в сражении оставляли в городе, мимо которого проходила часть. Далеко не сразу в полках появились свои медицинские учреждения и после войны, хотя издавна при каждой части имелся лекарь. Заболевшие нижние чины ежедневно по утрам присылались к его квартире, где он и осматривал пациентов. Тех, кто был болен настолько, что не мог подняться,

лекарь посещал сам. Понятно, что такая система была неудобна ни лекаря, ни больным, ни здоровым солдатам, вынужденным терпеть в своем жилище подчас и тяжелобольных с инфекционными заболеваниями. Если квартиры занимались в сельской местности, то при их огромной разбросанности общение лекаря с пациентами часто было просто невозможно. Неэффективность лечения к тому же поддерживало в солдатской среде сильное недоверие к лекарям, бывшим в начале века в основном иностранцами. Поэтому солдат вообще не стремился к встрече с «немцем», а предпочитал пользоваться простонародными средствами, обращаясь к знахарям и ворожеям. Отсюда и высокая смертность в полках даже в мирное время.

Переход многих полков к строительству слобод дал возможность устраивать в них стационары — лазареты и госпитали, быт которых интересен для нас потому, что в течение долгой солдатской службы они, без сомнения, не раз становились жилищем воина.

Небольшие «больничные избы» строились уже в период Северной войны, но об их устройстве мы ничего не знаем. Первое подробное описание лазарета относится к 1740 году, когда в артиллерийской слободе столицы началась постройка лечебного заведения на сто больных. Здание в длину имело 50 саженей (более 100 м) и 28,5 сажени «поперек». Постройка обошлась в 4 тысячи рублей — сумма по тому времени огромная. В здании имелось две светлицы-отделения на 48 человек, «кои не очень больны», и два помещения для 52 тяжелобольных и раненых, в которых были предусмотрены вентиляционные отверстия для вытяжки «густого и нездорового воздуха». Отверстия эти соединялись с трубами, выведенными наружу. В земле, под полом лазарета, находилась яма для сбора нечистот, поступавших из нужников, что располагались не на дворе, а в самом здании лазарета, что для больных, понятно, было весьма удобно — «дабы больные недалеко и не чрез стужу ходить могли». Яма для сбора нечистот укрывалась бревнами и дерном и также имела вентиляционные трубы.

Все покои лазарета отапливались печами. Имелись чуланы для караульных и надзирателей, «кои у больных приставлены». Эти дежурные следили за состоянием перевязок у больных, давали лекарство, то есть выполняли обязанности теперешних санитаров. Рядом со светлицей подлекарей и лекарьских учеников, которые «денно и ночью по переменкам у больных обретаются», располагалась специальная «малая кухня», где приготавливались пластыри и варились лекарства — отвары, взвары и пр. Рядом — аптека с готовыми медикаментами и анатомический кабинет-прозекторская. Лазарет являлся не только лечебным, но и медико-учебным заведением. Все помещения на зиму утеплялись, обивались войлоком окна и двери.

В отдалении от других покоев лазарета была устроена так называемая «солвационная» изба — изолированное помещение для венерологических больных, на 8—10 человек, с двойными стенами, «дабы как свет, так и малейшие ветры проходить не

могли». В этой палате больные спали на нарах, в которых были устроены щели для стока мокроты «в сделанный под ними ров или таз». Здесь имелась вентиляционная труба для «выходу густого и вонючего воздуху». А освещалось помещение «нашником».

В лазарете была устроена баня с теплой мыльной и передней, «в которой больные скидываются», то есть раздеваются. Имелись в этом лечебном заведении и пивоварня, и сарай для телег, саней, конской сбруи, конюшня на 1—2 лошади, провиантский магазин-склад, комиссариат, в котором жил эконо́м, жилые помещения для обслуживающего персонала, отдельная уборная для них.

Участок рядом с лазаретом предполагалось использовать таким образом: в неприметных местах устраивались поленницы дров, а большая часть пространства перед входом в лазарет обсаживалась «дикими деревьями во образ алеи», что делалось «для воздухоуловления или прохлады в весеннее время больным, особливо же тем, кои цынготную болезнь имеют». При лазарете был и свой огород с растущими лечебными травами и овощами «на удовольствии больных».

Строился этот лазарет подрядчиками взамен старого, сгоревшего. На фундамент пошло 15 кубических саженей плитного камня, 30 тысяч штук кирпичей для труб, печей и очагов. Было израсходовано 100 бочек извести, бревен трехсаженных — 300, четырехсаженных — 100, пятисаженных — 100, гвоздей — 10 тысяч штук. Крышу покрыли гонтом*.

Едва лазарет был построен, как его сразу же обеспечили необходимым инвентарем и посудой, приобретенными у «купецких людей»: ушатами, ведрами, корытами, чашками, кадками, чанами, кружками, ложками, ножами.

Внутренняя жизнь госпиталя определялась специальными регламентами, регулировавшими с дотошной мелочностью больничный быт. Предлагалось, например, для ухода за больными и для стирки их белья иметь по одной работнице на 20 трудных «поносных», к 30 поносным «средним» назначалась одна работница, и одна «баба» обслуживала 50 легкобольных. В регламенте говорилось, что «для надзирания над бельем и над работницами иметь во всяком госпитале по одной надзирательнице и по одной помощнице из старых вдов или добрых замужних жен, которые похвалу на себе носят, доброго состояния. И помянутых работниц держать в крепком призрении, чтоб ни единая из них не могла сходства иметь и разговаривать с молодыми холостыми лекарями и учениками, тако ж и с больными или с караульными солдатами, или с надзирателями, и накрепко смотреть, чтоб, кроме помянутых, другия женщины, какого б звания ни были, в госпиталь не входили». Уборку помещений госпиталя, протапливание печей, ношение воды осуществляли работники-мужчины, помогавшие женщинам выполнять самые тяжелые работы.

* Гонт — деревянный кровельный материал в виде дощечек, имеющих клиновидное сечение.

Регламент предлагал и следующий ассортимент спальных принадлежностей: «...постель в госпиталях для больных иметь по болезням, а именно: трудным и средним — волосяные матрацы и подушки круглые, обшитые тиком, а для поносных болезней на верх сей постели тонкие камышовые класть. Легким — камышовые, вязаные, в четыре или пять дюймов толстою, и на них войлок обшить хрящом (сорт полотна. — С.К.)». Подушки у больных были набиты конским волосом и обшиты полотном, заменявшим наволочки. Одежда делалась из серого, то есть некрашеного, сукна с подшитыми «на живую нить белыми простынями». Постели всех категорий больных застилали холщовыми простынями. На каждого «поносного» имелся запас в три перемены белья, а для прочих больных — по две. Регламентом предписывалось заменять на «поносных» белье «по вся дни», на других же — один раз в неделю, а венерологическим больным белье менялось по особому распоряжению доктора или лекаря. Для освежения воздуха в госпиталях жгли «курительные вещи». Как видим, регламент, изданный в 1735 году, хоть и являлся отражением уровня медицинской науки той поры, но, по крайней мере, стремился обеспечить больных солдат довольно сносными условиями жизни.

Чистота тела исстари считалась на Руси одним из условий, обеспечивающих здоровье человека, отсюда и страстная любовь русских к баням, не утерянная и военными служащими «регулярного» периода. Понятно, что обзавестись своими полковыми банями можно было лишь в слободах, и Семеновский полк выстроил свои первые бани сразу по переезде в свои казармы, в 1742 году. Сначала, правда, они считались госпитальными, но вскоре банное строительство развернулось, и появилась даже возможность предоставлять полковые бани для петербуржцев, которые могли пользоваться ими, заплатив за вход одну копейку. И уже в 1750 году было замечено, что доходы от бань поступают в полковую казну немалые. Для надзора за банями определили особого сержанта, имевшего помощниками несколько старослужащих солдат или инвалидов, неспособных к строевой службе. Во второй половине века банный промысел принял в Семеновском полку такой оборот, что наблюдение за банями поручили смотрителю госпиталя, а потом и полковому квартирмейстеру.

Бани строились во всех полках. По сути дела, они были общественными, потому что ни один из полков не собирался отказываться от значительной статьи дохода и широко открывал двери для всех желающих помыться. Прибыток от бань, к примеру, лейб-гвардии Конного полка доходил до 1100 рублей. И не о полковых ли банях тоже говорилось в указе уже пожилой царицы Елизаветы, когда в 1760 году она строго потребовала выполнять прежние распоряжения, запрещающие людям «мужеска и женска пола» париться в общественных банях вместе?

Если бани способствовали чистоте телесной, то полковые церкви были призваны стоять на страже чистоты духовной. В походный период Северной войны в каждом полку были священники, но

своей церкви ввиду постоянных перемещений заводить никто не мог. Лишь в 1729 году семеновцы устроили полковую походную церковь, а соорудить постоянную смогли лишь в слободе. Полковые храмы имелись и в артиллерийской слободе, и в Измайловском, и в Преображенском, и в других полках.

Полковое командование внимательно следило за соблюдением нижними чинами всех обрядов православной церкви. Еще в дослободский период солдаты были обязаны выбрать себе духовника из приходских священников, чтобы регулярно исповедоваться ему, бывать у Святого причастия, говеть. Но с постройкой полкового храма солдат обязывают пользоваться услугами лишь полковых священников. Ротными командирами составлялись ведомости, в которых отмечалось пофамильно исполнение необходимых обрядов. Как показывают такие ведомости 1747 года по артиллерийскому полку, на исповеди побывали абсолютно все нижние чины, но у Святого причастия лишь шестая часть. Рапорты об этом подавались потом командиром полка в высшие инстанции.

Полковые храмы были не только местом совершения обрядов — они являлись еще и средоточием реликвий войсковой части, трофеев. Можно с уверенностью сказать, что они были духовными центрами полка, хранителями традиций, воспитателями у солдат преданности Родине, любви к своей второй матери — армейской части.

«В показаниях нижних чинов, под судом состоящих, встречается, — говорилось в указе Военной коллегии 1796 года, — что иные из них весьма редко, другие же и во всю службу свою у исповеди не бывали, а поелику сию развратность Коллегия поставляет в число главных поводов ко всем прочим от них происходящим злодеяниям...» И далее следовало указание командирам строго следить за исполнением нижними чинами церковной обрядности, установленной военным законом.

Но никто не пытался тогда объяснить правонарушения солдат лишь тем, что они подчас уклонялись от исповеди и причастия. Часто причиной солдатской преступности становился их низкий культурный уровень, неумение занять досуг, который зачастую посвящался пьянству. Военное законодательство постоянно боролось с этим бедствием. «И понеже от пьянства и злобного бражничества всякое бедствие приключается, — обращались к солдатам, — и того ради хотим мы при сем, чтоб всяк трезвое и мирное житие имети тцился, и никто б друг друга к чрезнаестественному и безмерному питию не принуждал, наипаче же за то, если бы кто против кого выпить не похотел и не мог, ссоры с тем ненадобным за то не чинить. А буде кто начальный человек в непрестанном скотском пьянстве изобрящется, и у того безо всякого пространного рассуждения чин его отнять, и иному достойному отдан да будет» (из «Устава прежних лет», 1700—1705 гг.).

Однако, несмотря на положения устава, некоторые солдаты все же злоупотребляли спиртным, и тогда командование жестоко наказывало провинившихся. В 1747 году был публично наказан

кнутом бомбардир Алексей Лебедев, учинивший «в пьянстве от команды пятидневную отлучку, також за потеряние мундирных новых суконных штанов, и за порезание себя, в том пьянстве будучи, по горлу ножом».

Большой вред дисциплине наносила система постоя, когда военнослужащие находились в постоянном непосредственном общении с гражданским населением. Командирам часто было просто невозможно уследить за подчиненными, и на квартирах обывателей оставленные без присмотра нижние чины играли в карты, в зернь, за небольшое вознаграждение договаривались с хозяевами о покупке вина. Нередки были ссоры постояльцев с домовладельцами, которые часто сами провоцировали солдат, стремясь как можно сильнее дискредитировать армию и опостылевшую систему постоя. Солдаты же в свободное от службы время слонялись по городу в поисках незамысловатых развлечений: кулачных боев, народных гуляний и прочего.

Организации солдатского досуга с успехом могло помочь образование. По ведомости 1741 года, в полку полевой артиллерии на 330 человек неграмотных нижних чинов нашлось лишь 62 человека тех, кто «грамоте и писать умеют». Скорее всего, в пехотных полках, где солдаты не имели дела с «техникой», с грамотностью дело обстояло еще хуже.

С устройством же слобод появляется возможность оказывать рядовым куда больше внимания, чем прежде. Уменьшается пьянство, солдаты, во всяком случае гвардейских полков, потянулись к знаниям. Семеновцы посещают полковую школу, классы кадетского корпуса, нижние чины слушают лекции по медицине при полковом госпитале, а с 1793 года для них явилась и возможность ходить в классы Морского кадетского корпуса. Понятно, что не были обойдены образованием и офицеры. Артиллеристов, к примеру, в 1745 году приглашали на «физические» лекции профессора Ломоносова, которые он читал на русском языке. Конечно, такую прекрасную возможность восполнять общеобразовательные пробелы имели в основном столичные командные чины и некоторые рядовые из дворян, но военно-специальное образование, в основном инженерное, должны были получать (к середине века) все без исключения офицеры. Только образование и пролагало им дорогу к дальнейшему производству и если не являлось основанием для повышения чина, то в любом случае становилось одним из самых весомых факторов наряду с прочими достоинствами офицеров.

Да, слобода являлась чрезвычайно удобной формой поселения армии, но, как уже говорилось, обеспечить все полки своими собственными слободами в течение всего XVIII века так и не представилось возможным — слишком велики были затраты на возведение казарм, слобод. И так, все это время функционировала параллельно слободскому размещению и система постоя на обывательских дворах, к которой прибегали и полки, имевшие слободы, но отправленные куда-нибудь в поход и воспользовавшиеся

в пути жильем «цивильных» граждан. Рассмотрим, какими же правилами обставлялось пребывание войск на постое.

Устав 1716 года должности главного административно-военного лица, ведавшего вопросами квартирования, придавал особое значение. «Сей чин, — гласил Устав о генерал-квартирмейстере, — требует мудрого, разумного и искусного человека...» Этими же качествами должен был обладать и полковой квартирмейстер, в обязанности которого входила необходимость отправляться в населенный пункт со своими помощниками, фурьерами (ротными квартирмейстерами), еще до прибытия туда полка и предъявлять местным властям «от вышнего начальника той губернии квартирную ассигнацию», то есть своего рода документ на право занять населенный пункт. Предъявлялся и список личного состава части, а уж ответственные гражданские лица, зная о количестве годных под постой покоев, производили расчет, исходя из следующего правила: «Лучшие дома — полковнику, подполковнику и майору определяются. А потом прочие квартиры капитанам и офицерам по билетам (цыдулам) расписаны бывают, которые ротным фурьерам раздаются, и оные уж потом лучшие дома капитанам, поручикам и прапорщикам определяют, а прочие квартиры по билетам унтер-офицерам и рядовым по прибытии их разделяют».

«Градус», или качество квартиры, не мог быть изменен по произволу самих постояльцев. Строго запрещалось переходить с квартиры на квартиру, переписывать билеты на чужое имя, передавать свое помещение в пользование другому лицу. «Кто в сем преступит, — говорилось в уставе, — оный яко возмутитель возмущения наказан будет». Наказание грозило и тому, кто стал бы «учинять обиды» хозяевам. Поведение солдата на квартире должно было быть таким, «чтоб господин того дома жить и промысел свой продолжать мог». Но, в свою очередь, и от хозяев квартиры требовали соблюдения «доброго поведения» по отношению к постояльцам. Если солдат наносил обиды, ему предписывалось немедленно доносить об этом начальству. И еще устав обязывал служивых соблюдать при постое чистоту в помещениях и быть осторожными с огнем.

Но правила правилами, а жизнь часто не давала возможности неукоснительно их исполнять. Уже в 1720 году в Уставе Главного магистрата отмечалось наличие серьезных беспорядков в постое, когда солдаты наносили тяжкие обиды хозяевам, происходило «помешательство» домовладельцам заниматься ремеслами, хозяйством. Обыватели жаловались еще и на неравномерность размещения военнослужащих. Устав Главного магистрата для устранения последней проблемы предлагал городскому населению выбирать «из числа достойных граждан» особых квартирмейстеров, призванных заранее собирать точные сведения о количестве пригодных для постоя домов и подавать сводки в Военную коллегию, способную теперь прикидывать, хватит ли места для направляемой в тот город войсковой части. В свою очередь и Военная коллегия обязывалась оповещать о подходе полка с таким-то количеством

людей за более-менее длительный срок, что давало городским квартирмейстерам возможность быстро произвести расчет еще раз и в случае нехватки помещений известить об этом коллегию. На магистрат возлагались обязанности следить за тем, «чтоб в каждом городе градские люди несносными постояями не отягощались, и от того в торгах и промыслах их помешательства не было, и тем в казенных платежах отговорки не имели».

На протяжении всего века происходило постепенное, медленное совершенствование правил постоя. Отдельными указами, инструкциями, распоряжениями уточнялись частные моменты, способы устранять причины недоразумений, трудностей, изыскивались наиболее подходящие формы отношений между хозяином и постояльцем. Например, в 1728 году Верховный тайный совет решил, что отводить под постой квартиры обывателей можно лишь одним нижним чинам, а генералитету, штаб- и обер-офицерам предлагалось селиться или в собственных домах, или нанимать жилье за свои средства. Но уже через два года выяснилось, что далеко не у всех офицеров имеются эти самые средства и тратиться на квартиру они попросту не могут. Сенат тогда распорядился обер-офицерам, не имеющим своих домов, «квартиры отводить по прежним указам, по билетам», но генералитету, обеспеченному высоким жалованьем, квартир не давать. В 1732 году высочайшим указом все без исключения уже были вынуждены или строить личные дома, или нанимать жилье у обывателей. В наимыгоднейшем положении оказывались, конечно, те малоимущие офицеры, которые служили в полках, построивших за казенный счет слободы с казармами. Но напомним, что казармы имели далеко не все полки.

Сколько бы ни издавали инструкций, а неурядицы, беспорядки, жалобы, ссоры не прекращались. Россия буквально мучилась, страдая от постоя, не обходившего ничьих дворов, за исключением, пожалуй, «иноземческих» дворов, то есть тех лиц, кто не являлся подданным империи Российской. Состоятельные люди, однако, очень скоро стали искать способы освободить свои дома от тяжелой государственной обязанности. В 1733 году на имя Анны Иоанновны поступила челобитная от тульских купцов, а также от торговых людей Ярославля, просивших императрицу избавить их дома от постоя, потому что «...в тех домах от приезжающих штаб- и обер-офицеров, также от марширующих чрез те города... претерпевают немалую нужду, понеже те многие ставятся не по отводу от Ратуши, но собою, и тем в промысле чинят немалое помешательство». Купцы взамен вывода из их домов неудобных соседей обещали выстроить «особливые» дворы и содержать их «всем коштом». Царица Анна на купеческой челобитной собственноручно начертала разрешение.

Но купцы были не единственными, кто пытался улучшить свои жилищные условия подобным способом. Например, в записках интереснейшего мемуариста второй половины века А.Т. Болотова находим следующее описание квартиры: «Квартира отведена была

зятю моему на одном так называемом подмызке, или небольшом дворянском праздном домике, отлежащем от штаба на 15 верст. Лифляндские дворяне для освобождения дворов своих от постоя имеют обыкновение строить в отсутственных своих деревнях такие маленькие домики для постоя офицерам и снабжать их всем нужным. Нам достался тогда преизрядный домик, имеющий покойца четыре и довольно хорошо прибранный, так что мы могли без всякой нужды поселиться и квартирою своею были весьма довольны» (1758 год).

А в 1774 году армянское мещанство Санкт-Петербурга построило казармы, чтобы избавить свои жилища от постоя, да еще и обязалось платить по 600 рублей в год на их поддержание. В недолгие же годы правления Павла I, когда не избавили от этой государственной повинности даже духовенство, когда солдат размещали на архиерейских и монастырских подворьях, можно было уже не строить за свой счет казармы — император решительно приступил к строительству не деревянных маленьких домов, но больших каменных, что диктовалось не только удобствами в осуществлении командирского надзора за подчиненными, но и требованиями градостроительства. На постройку таких казарм собирались деньги с обывателей (от 50 до 25 рублей в зависимости от количества покоев, пускавшихся раньше под постоя). Внесший плату получал «навечно увольнение в доме своем в известном числе покоев от постоя». Сборы денег взамен постоя не являлись обязательными, но освободиться от постоянной кабалы уплатой денег поспешили очень многие.

В 1738 году появились новые, более подробные правила постоя. Они определяли, что в помещении размером 4×3 сажени (около 50 кв. м) могли «прописаться» на время постоя только 16 рядовых, следовательно, нормой становятся чуть более 3 кв. м на одного человека — минимум, на который солдат мог рассчитывать. Не были забыты правилами и жены военнослужащих, приравнявшиеся при назначении квартир к строевому солдату: «при которых поставленных унтер-офицерах и солдатах будут жены их, оных считать в постой вместо солдата».

Не обошли правила и проблемы офицерского квартирования, но обер-офицеры имели право претендовать на квартиры в обывательских домах лишь в том случае, если срок пребывания их полка в населенном пункте не превышал одного месяца, к тому же только на тех дворах, «где жилых покоев имелось довольно». Мы также помним, что офицер или рядовой из дворянского сословия не мог обойтись без слуг, но последним по уставу денщиков не полагалось, поэтому зажиточные дворяне-рядовые пользовались помощью своих крепостных, выполнявших функции денщиков, вестовых, поваров, прачек и т.п. Эти слуги тоже нуждались в жилье, причем вблизи от своего барина, но вселение «хлопцов» причиняло остальным солдатам массу неудобств — приходилось делить свои законные три квадратных метра со слугою своего соратника. Правила решили проблему так: «И хотя на тех хлопцов квартир давать

не надлежит, точию между оными стояльцами многие бывают из шляхетства, которым без хлопцов прожить невозможно; того ради в квартирах стояльцев ставить, развертывая имеющих с неимеющими хлопцов по препорции покоев, чтоб хлопцов было в четырехсаженном покое не больше трех, а в трехсаженном два, а в меньших по одному человеку». Как видим, вселение дворянских слуг в квартиры упорядочивалось, но по-прежнему происходило за счет стеснения простых солдат.

«Под солдатский постой, — говорилось в правилах, — давать покой твердые и теплые, и чтоб во оных печи и трубы были безопасные, а кровли, потолки, полы и двери, и окончины целы». Поэтому, прежде чем допустить к вселению солдат, полковые квартирмейстеры производили осмотр помещений, и, если обнаруживалась какая-нибудь неисправность, они имели право с помощью полиции устранить ее «в самой скорости». Если же не удавалось сделать починку до прихода полка, то с хозяев взыскивались необходимые для ремонта суммы. Но, покидая квартиры, полк был обязан сдать помещения домовладельцам «в целости и сохранности», а при обнаружении порчи, поломок, произведенных постояльцами, хозяева имели право требовать возмещения убытков.

Правила обязывали домовладельцев предлагать квартиры, следуя стандарту: солдатское жилье должно было обязательно иметь сени, а «в сенях по чулану и нужнику, и в каждом покое — стол». Солдаты снабжались со стороны хозяев еще дровами и свечами, но сверх перечисленных «удобств», топлива и свечей что-либо требовать им запрещалось «под опасением по военному суду истязания».

Какой была солдатская постель? Еще Воинский устав 1716 года дает представление об этом — в основном при остановках на квартирах в период Северной войны использовали сено и солому. Но все тот же устав говорит и о настоящей постели с одеялом и матрасом-тюфяком, которая выдается на квартирах одна на троих солдат, «понеже из оных трех всегда один на третий день дома не бывает для караулов и полковой работы». Постель, таким образом, доверялась уже двоим солдатам. И все же, кто должен был выдавать ее, в уставе Петра I не говорится. Скорее всего, в реальной жизни это положение устава так и не применялось. В уставе императора Павла, которым подводится итог военному законодательству века, о постели даже не упоминается, но каждый хозяин обязан снабжать своих постояльцев соломой. Как видно, никакой иной постели квартирующие в обывательских домах солдаты и не имели. Не обладая правом требовать ничего из мебели, кроме стола для приготовления и приема пищи, имея для сна не лавки или кровати, а обыкновенный пол, в лучшем случае дощатый, они, получая от хозяина солому, так и устраивались на нем, укрываясь вначале епанчами, а с конца XVIII века — шинелями.

В совсем ином положении находился военнослужащий на зимних квартирах в полковой слободе, где он по достатку времени мог устроить свое жилье куда более тщательно, по-хозяйски. Мы

помним, что полковой госпиталь предоставлял больным солдатам кровати и весь набор спальных принадлежностей вполне современного вида — подушки, одеяла, матрасы, — что, конечно же, не воспринималось солдатом, пусть даже бывшим крестьянином, как экстравагантная заморская ненужность. Надо думать, в слободских домах-казармах солдаты как раз и пользовались для сна не соломой, а именно постелью — подушкой и одеялом. А спали на обыкновенных лавках или на простейших кроватях-лежанках, сбитых из досок.

Еще в XVII веке, как было замечено раньше, от солдат требовали соблюдения правил гигиены в своих жилищах. Петровский устав ужесточает эти правила — солдаты обязаны соблюдать чистоту на месте лагерной стоянки, на квартирах, и «никакого б пруда и колодезя, который к варению, питанию и хлаждению служит, не поганили или в том платье мыли под жестоким наказанием». Также приказывал устав Петра, «...чтоб от битья скотины великой вони и смраду не было. Того ради всякой навоз, как человеческой, так и скотской, вне лагеря в некоторые ямы закопан бывает, и потом от времени до времени вновь другие ямы для того выкопаны бывают».

Если солдаты, стоящие на обывательских квартирах, зная, что это жилище является временным, не слишком утруждали себя уборкой помещений, то в казармах, а тем более больших, за чистотой внимательно следили командиры, от личной чистоплотности которых часто зависело, сколь тщательно будет соблюден порядок. Например, в казармах лейб-гвардии Павловского полка, в одном из батальонов, что размещался в Гатчине, солдаты не слишком заботились о чистоте помещений. Но вот как-то там появился А.А. Аракчеев, любивший чистоту и порядок до страсти, и все переменялось. Любимец императора Павла справедливо полагал, что чистые казармы — здоровые казармы, но историк Павловского полка пишет, что сто палок были обыкновенным наказанием ответственному по покою, если временщик замечал нечистоту. Требования Аракчеева доходили до того, что солдаты, проводя большую часть дня на полковых учениях, по ночам принимались мыть полы, двери, стены, окна. С одной стороны, помещения буквально сияли, а с другой — все это привело к обратному результату, и число больных резко увеличилось.

А соблюдать санитарно-гигиенические требования в походной жизни было трудно. Часто военнослужащие были вынуждены селиться в домах гражданских жителей, мягко говоря, не отличавшихся чистоплотностью, где покои были запущены, грязны. В такой вот дом и был как-то «прописан» А.Т. Болотов, оставивший следующую запись в своих мемуарах: «Сии реи (избы) составляют у тамошнего беднейшего и гнуснейшего в свете народа (чухонцы) вкупе и избы и их овины: они и живут в них, и сушат свой хлеб, и кормят свою скотину, а что того еще хуже, из тех же корыт, из которых сами едят свою пудру или месиво. К вящему беспокойству нет в них ни единого окошка, ни единого стола и

ни единой лавки, но дневной свет принужден проходить сквозь не растворяющуюся, а задвигающуюся широкую, но низкую дверь... Самая печь сделана у них не по-людски, но в одном против дверей угле в вырытой яме. Я ужаснулся, как увидел отведенную мне квартиру, и не понимал, как мне в такой тюрьме жить и препровождать целую зиму».

Но автору драгоценных сведений об армейском быте середины XVIII века не пришлось вкусить столь безобразных жилищных условий. Выход был найден следующий: «Я имел у себя изрядную светличку, которую солдаты нашей роты в одну неделю для меня построили. Светличка у меня была такая хорошенькая: два было в ней окошечка с бумажными рамами, а каравать, небольшой складной столик, скамеечка и складной стульце составляли мои мебели». Человек всегда стремится устроиться с удобствами, не правда ли?

Военное законодательство, регулировавшее до мелочей почти все стороны армейского хозяйства, быта, порою не могло учесть особенности отдельных индивидуумов — оно создавалось применительно к массе, к группе, к среднему уровню. Но человек в своей частной жизни не может не учитывать особенности окружения, индивидуальные свойства тех, кого видит постоянно, с кем живет рядом. Вот документ, показывающий то, что быт армейского общежития как тогда, так и в наше время часто зависит не от регламентов, а от личных особенностей живущих вместе людей: «От майора Алексея предоставлено к суду письмо, поданное к нему таганрогского первого батальона от подпоручика Байбухтина, свидетельствующего, что он, Синельщиков, живучи с ним в одной казенной квартире, брал без позволения его ночью стоящие в сенях соленые огурцы и употреблял их для своей надобности, будучи при том столь неопытен, что после него и все огурцы сделались ко употреблению негодны, потому что он, исполняя у себя в горнице все естественные нужды, выбрасывал сии нечистоты собственными руками на улицу в окошко, а потом, не умывши рук, доставал ими из кадки огурцы, в чем, будучи приличен означенным подпоручиком Байбухтиным, принужден был заплатить за причиненный ему убыток» (1780 год).

Документ, несмотря на свою внешнюю анекдотичность, содержит немало ценного: во-первых, дает нам сведения о проживании офицеров на казенной квартире (конечно, в слободе, в казарме) в отдельных покоях; затем, что сени использовались для хранения некоторых продуктов питания; что офицеры, при помощи денщиков конечно, делали заготовки пищи. И вряд ли случай с нечистотами может служить аргументом в пользу мнения о нечистоплотности военных той поры — документ характеризует этот инцидент как нетипичный, выходящий из ряда вон. Надо думать, принужденный к уплате за испорченный продукт офицер прошел даже через судебное разбирательство и немало заплатил за свою нечистоплотность.

Все вышесказанное может навести читателя на мысль, что едва ли не всю службу солдат проводил или на квартирах, или в слободах. Нет, его предназначением было участие в сражениях, в походах, постоянная подготовка к войне в учениях. На квартирах же солдаты жили лишь зимой или во время кратковременных остановок при маршировании на далекие расстояния.

Итак, наступала весна, и полк в мирное время отправлялся в лагерь. Жены и дети военнослужащих, конечно, оставались в слободе, их переводили в одну из рот, где устраивали всех вместе в нескольких домах, а в опустевших казармах заколачивали окна, вынимали из печей вьюшки, все наличные вещи солдаты сносили в один дом, к которому приставлялся караул на все время отсутствия полка.

Выступали из города торжественно, с музыкой. Вообще заметим, что военная музыка, звучащая на улицах Санкт-Петербурга в то время часто, кроме удовольствия могла доставлять горожанам и неприятности. В 1789 году по одной из улиц города шел лейб-гвардии Павловский полк, командир которого князь Б.В. Голицын приказал вдруг музыкантам играть. К несчастью, музыканты проходили тогда под окнами дома, где находилась беременная женщина. Ее испуг вызвал преждевременные роды и как следствие — смерть и ребенка и матери. Голицын был вынужден уйти в отставку.

Движение марширующей за городом колонны обставлялось строгими инструкциями. Солдатам предписывалось: «Будучи в пути, чтоб в посеянные поля лошадей отнюдь не пускали, посеянного хлеба не топтали, чтоб у здешних обывателей на свадьбы и на родины не ходили и ссоры никакой не чинили, а где будут стоять по квартирам, чтоб с господами обхождение имели дружное и приятное, и сверх провианта ничего не требовали, и с шляхетством обходились бы порядочно и вежливо. А ежели что потребно лесу к починке телег и палуб, без ассигнаций или без позволения тамошних обывателей отнюдь не рубить под заплатою тем обывателям втрое; також обывательского сена, как и наперед сего жалобы бывали, что кражею свозили с поля и из лесов, чтоб того отнюдь не чинили, а ежели в том произойдет жалоба, то будет доправлено на виноватом втрое, и сверх того будут суждены военным судом» (1730 год).

Хорошо еще, если место назначения полка находилось неподалеку от города, но в дальних походах во время войны, когда в одном направлении начинали передвигаться огромные людские массы, всякая инструкция была бессильна придать походной колонне надлежащий армейский вид. Вот что наблюдал австрийский военный агент Парадеу в 1736 году, когда Россия воевала с Турцией: «При беспорядке обоза возы так между собой перепутываются и сцепляются, что армия принуждена иногда по 2 и 3 часа на одном месте стоять, тогда как воздух наполнен криком множества извозчиков. Русская армия употребляет более 30 часов на такой переход, на который другая армия — 4 часа. Всякая телега

хочет обогнать идущую впереди, отчего сцепляются и перепутываются; скот, находящийся в тесноте, без пищи, беспрестанно погоняемый, падает мертвым, а который и приходит в лагерь, то такой слабый и измученный, что даже при траве и воде (что, однако, редко случается) не может в несколько дней поправиться».

Зачем такая масса транспортных средств, если основная масса войска шла пешком? Во-первых, пешком шли только нижние чины, а офицеры передвигались на лошадях. К тому же лошади перевозили и их «багаж», и, например, майор в походе Русско-турецкой войны 1735—1739 годов вез необходимые ему вещи на 40 подвод, а «обоз» гвардейского сержанта достигал 16 телег. Что говорить о генерале или генерал-фельдмаршале — их имущество везли на сотнях подвод.

Но большое количество транспортов требовало и полковое хозяйство. Миних, отправляя армию в поход, распорядился обеспечить 80 тысяч человек провиантом на полгода, и только лишь для этого понадобилось 40 тысяч подвод. Телеги были необходимы и для возки походных полковых жилищ — палаток, для патронных и картечных ящиков, для ядер, для разного слесарного, столярного, шанцевого инструмента, под полковую канцелярию и аптеку, под походную церковь, под раненых и под оружие раненых, которое те нести не могли. Всего по штату тех лет требовалось для полкового обоза не более 541 лошади. А на телеги еще нужно было поставить бочки с водой, так необходимой при походе в жарком климате. В каждом полку их имелось от 3 до 10, и столько же больших дубовых досок — при переправах эти бочки становились подобием понтонов.

Да, большие обозы сковывали армию, и военачальники, сделавшие стремительность передвижений одним из главных условий победы, старались обходиться ограниченным количеством подвод. А.В. Суворов и П.А. Румянцева боролись с избытком офицерских экипажей, на которых покоились тюки, сундуки и короба привыкших к барству офицеров. Особенно же не нравилось великим полководцам присутствие в обозе крепостных — офицерских «хлопцов». Указом Павла I «хлопцы» из армии были изгнаны, и командные чины могли пользоваться услугами лишь одних денщиков. Тот же законодатель сократил до минимума и офицерский экипаж: полковник, к примеру, теперь мог рассчитывать на карету и две повозки, капитан возил свое хозяйство не более чем в двух повозках, а субалтерн-офицеры были лишены даже этого транспорта и имели в своем распоряжении одну вьючную и одну верховую лошадь.

В условиях походной жизни, когда слободы были покинуты, а дома обывателей или не давали возможности разместить большое войско, или просто не было приказа прибегнуть к постою, для жилья устраивался лагерь. Уже в самый разгар Северной войны русская армия пользовалась четко сформулированными правилами по разбивке лагерей, и обязанность по их устройству возлагалась на обер-квартирмейстера. Например, в период боевых действий в

Финляндии в 1712—1714 годах под его руководством вначале производились изучение, рекогносцировка местности от Петербурга до Выборга. Прибыв на место будущего лагеря, обер-квартирмейстер вначале выставлял для охраны пикет, под прикрытием которого приступал к разметке участка, где место для каждого полка, его размеры обуславливались размерами и характером ландшафта выбранного для лагеря района. Вначале намечалась линия по разбивке палаток рядового состава, затем поручиков и подпоручиков, в пяти шагах от которых должны были быть поставлены палатки штаб-офицеров. В двадцати шагах от последних обер-квартирмейстер не забывал предусмотреть место для офицерского обоза и поодаль, в десяти шагах от него, — для солдатского. Полк мог располагаться в одну, две и даже три линии, но всегда фронтом в сторону неприятеля.

Разметив место для лагеря, обер-квартирмейстер высылал навстречу подходившим войскам своих помощников — фурьеров или ротных квартирмейстеров, которые и приводили полк на подготовленное место, где точно указывали каждой части намеченный для нее участок. А потом уже начинал оборудоваться лагерь «добрым порядком» под руководством полковых квартирмейстеров.

Основным типом жилища для рядовых и офицеров в лагере являлась палатка, которая изготовлялась из полотна разного качества: толстого, тонкого, парусного. На «дело» походной палатки в 1711 году покупалось 150 аршин полотна, специальной тесьмой тщательно заделывались швы. А шились палатки ремесленниками-шатерниками из полотна русской работы, о качестве которого сохранилось свидетельство иностранного мастера парусных полотен Люберса, говорившего, что «матросы в Преображенском на халщовном дворе парусное полотно ткут против образцового заморского полотна, а лучших того за морем и ему, мастеру, ткать невозможно». Жили в палатке в среднем шесть человек, но так называемые «больнишные» палатки, постоянно возившиеся в полковом обозе, шили более просторными.

Как ни добротной было полотно русских палаток, однако теплым этот вид жилья нельзя было считать. В погожее, теплое время спастись в ней от зноя, от дождя, от мягкой ночной прохлады можно было, но российские весны, осенняя пора или даже легкая непогода делали полотно плохой защитой. В 1758 году Ростовский гренадерский полк, вынужденный жить в лагере еще и в октябре, решил утеплить свои жилища следующим образом: палатки оплетались соломой, и делались маты, должно быть тоже из соломы, служившие солдатам подстилкой.

А вот еще один способ утепления палаток, свидетельствующий о том, как сильно развита в человеке способность находить средства для улучшения бытовых условий даже и тогда, когда обстановка практически свела эти средства к минимуму. «Что касается до холода, — пишет А.Т. Болотов, — претерпеваемого в нашей палатке, то кампанион наш нашел средство от оногo и себя и меня

сохранить. Он, приехав прежде в занятой лагерь, велел поставить наперед мою, а потом сверх моей свою капитанскую палатку и, нажегши жаровню полную жару, внес под внутреннюю палатку и через то так ее согрел, что я, приехав из походу, иззябши в прах, вошел в нее, как в сущий рай».

Уже во время Северной войны не забыли военные законодатели и о «харчевниках», торговавших разным пищевым и промышленным товаром. Они сопровождали армию в походе, а в лагере им отводились особые места, при обозе, чтобы они своим присутствием не нарушали лагерного порядка.

Уставные положения позднейшего времени в целом сохранили старый порядок. Его не могло нарушить стремление ротных командиров украсить, выделить свои линии-улицы. Для этого применялся и мелкий песок, которым посыпались дорожки, и дерн, служивший материалом для выкладывания разных фигур. Но особое внимание уделялось в лагере его чистоте. Кухни устраивались в стороне, чтобы отбросами не засорялись линии, скотину разрешалось бить лишь в строго установленных местах. По Уставу 1716 года ямы для отхожих мест разрешалось располагать не ближе двухсот шагов от лагеря, загребая старые и вырывая новые ямы через каждые 3—4 дня. В 1763 году устав уже рекомендует обсаживать нужники хворостом, а солдатам запрещается ходить в иные, кроме нужников, места, за чем внимательно смотрели часовые. Ямы рекомендуется теперь закапывать через каждые два дня. Не обошел вниманием столь важную проблему, как санитарно-гигиеническое состояние лагеря, и устав Павла I, в котором, правда, количество нужников пехотного полка ограничивалось тремя, а в лагере гусарского полка предлагали устраивать их почему-то в два раза больше — шесть.

Описанный выше лагерь, несмотря на некоторые рационализаторские хитрости вроде оплетенных соломой или поставленных одна на другую палаток, все-таки соответствовал уставному стандарту, но, случалось, лагерь полковой уже совершенно не походил на тот, что рекомендовался уставом. Вновь обратимся к столь ценному для нас источнику — запискам А.Т. Болотова: «...в палатках целое лето жить было несколько жутко и скучновато, и второе наше попечение было, чтобы как-нибудь обстрожить. Всякий офицер, который сколько-нибудь был в достатке, старался сгородить себе какую-нибудь избушку, а солдаты начали копать и делать себе землянки. И так, не успело и нескольких недель пройти, как позади полку явилась вдруг уже изрядная деревенька». Вот еще один пример того, как уставные приемы обеспечения людей насущно необходимыми вещами могут находиться с реальным положением дел в несмыкаемых, параллельных плоскостях. Законодатель позаимствовал в чужих краях метод помещения солдат в течение длительного периода «от травы до травы» в палаточных лагерях, а те, кто вынужден жить в них, не желая мерзнуть, «острожатся», строят избы и роют землянки.

А положение устава «работает», должно быть, лишь в более или менее короткое время походных остановок.

Но может быть, А.Т. Болотов привел в пример случай частный, нехарактерный? Опишем еще один лагерь, который устроен был близ Красной Горки, на южном берегу Финского залива. Шел 1741 год, началась война России со Швецией, под Красной Горкой расположились войска командующего Ингерманландским корпусом принца Гессен-Гомбургского. В лагере размещались несколько пехотных и кавалерийских полков, и поселение это, называемое в документах лагерем, ничуть не напоминало уставной палаточный лагерь. Вот какие постройки имел там, к примеру, Копорский полк: «Перед фрунтом: при знаменном карауле изб с печью — 2, перемид — 18, буток — 12, полковая канцелярия — 1, изб и землянок штаб-офицерских — 24, обер-офицерских — 17, унтер-офицерских и солдатских изб с печью — 93 и землянок — 20, в линиях же землянок обрубленных солдатских — 91, лазаретных изб с печью — 5, пороховой погреб — 1, конюшня для государевых лошадей». Это же не лагерь, возразим мы, а настоящая слобода, в которой хватило места даже для бань и кузниц, а почти все офицеры имеют свои собственные избы и даже дома для «хлопцов», здесь есть и погреба, и чуланы! И все-таки это — лагерь, где жилища размещены по линиям. По-видимому, в самом начале на этом месте действительно поставили палатки по уставу, но в предвидении долгого «сидения» этот лагерь потихоньку «обстрожился», офицеры принялись строить силами солдат свои избышки, а нижние чины, подражая командирам, или делали себе казармы-срубы, с печами даже, или рыли землянки «обрубленные», то есть выложенные внутри бревнами. Лагерь превратился в слободу — приближалась зима.

Безусловно, лагерная жизнь, какой бы устроенной ни была она даже с помощью «усовершенствований», не могла не тяготить солдат, оставивших на квартирах, в слободах свое хозяйство, семейства, часто промысел. Вновь отправиться на зимние квартиры хотел каждый, о чем, конечно, знали командиры. В 1777 году в двух верстах от Новой Ладogi находился лагерь лейб-гвардии Гренадерского полка. Первого августа взглянуть на учения гренадер туда приехал генерал-аншеф князь Репнин, который настолько был доволен «строем» части, что «объявил великую благодарность всем чинам и в уважение общих трудов приказал полку вступить в квартиры раньше положенного срока».

Создавая свою армию, Петр I обязал солдат и офицеров служить бессрочно, «до потери сил», но он же позаботился и о призрении тех, кто воевать уже не мог. Приютом для искалеченных войной, для престарелых воинов служили монастыри и богадельни. Женатым предлагали селиться в слободах близ монастырей. Но войны попадали на монастырский кошт, не становясь при этом обузой для обители — Петр велел свободные монашеские вакансии замещать лишь отставными.

Но со временем все вакантные места в монастырях оказались занятыми, и правительство стало искать иные способы призрения дряхлых, больных солдат и офицеров. Офицеров, к примеру, назначали к «нетрудным» должностям по сбору провианта, фуража на армию, к описанию и межеванию земель, а нижние чины из отставных получали места сторожей в коллегиях и канцеляриях, где им давали казенную квартиру, или переводились на житье в гарнизоны.

Уже в 1736 году на Волге и Каме устраиваются поселения отставных нижних чинов, не имеющих средств к пропитанию. На каждую семью правительство безвозмездно, в «вечное владение», отводило 20—30 четвертей земли, выдавалась единовременная ссуда в размере 5—10 рублей. Обещались поселенцам еще и семена на первые два года их земледельческого труда, от которого большинство солдат или попросту отвыкли за время долгой службы, или вообще не были с ним знакомы. Для безопасности «от неприятеля и внутренних злодеев» отставным предлагалось селиться слободами по 100 и более дворов. В поселках следовало строить церкви, а при них заводить школы. В таких слободах могли селиться и офицеры, только земельные участки им отводились куда более значительные, чем нижним чинам.

Правительство решало таким образом сразу несколько проблем: во-первых, отставные сами заботились о своем жилище и пропитании, во-вторых, дети отставных солдат записывались в службу, то есть естественным путем пополнялась армия. Были и еще причины: солдат, зная, что, «выйдя на пенсию», он получит земельный участок и станет хозяином, по рассуждению правительства, должен был относиться к службе в царском войске с большей заинтересованностью, по крайней мере воздерживаться от побегов. И еще правительство, создавая такие слободы, заботилось и о государственной безопасности — «во время набегов степных инородцев или при неприятельском нападении не токмо сами себя, но и других охранять и оборонять могут». Для эффективности такой обороны поселенцы даже снабжались старым, вышедшим из употребления оружием.

Однако широко задуманное мероприятие не достигло желаемой цели, потому что охотников ехать на Волгу и Каму устраивать свое хозяйство нашлось немного. В самом деле, не в старости же, когда нет сил и тело если и не изуродовано в сражениях, но болит от ран или от нажитых на тяжелой службе хронических заболеваний, приступать к вспахиванию целины, пытаться кормить себя и свою семью «от земли»? Вот поэтому немного находилось желающих превратиться на склоне лет в крестьян. И правительство, не ожидая, куда явятся добровольцы-поселяне, начинает прибегать к принудительным отправкам отставных в те слободы. Тех, во всяком случае, кто был замечен «в праздном шатании».

А не имеющих крова над головой, бесприютных отставных и инвалидов действительно было немало. В 1761 году в одном правительственном распоряжении говорилось, что «в Москве много

из отставных за ранами солдат по улицам скитаются и милостыни просят». Указ велел таких бродяг ловить. Но одними лишь запретами решить проблему оставшихся не у дел солдат было невозможно. Имелись, правда, богадельни, но всех отставных они не имели возможности принять. Монастыри тоже оказывались убежищем не вполне пригодным: настоятели, игумены роптали, говоря, что обитатели скудеют, отдавая часть средств своих в пользу отставных солдат. К тому же, говорилось, монахам приходится «наглости, предрзости, несходственные с монашеским чином, надзирать». И в 1764 году решили в монастыри солдат не посылать, но отправлять их в города (31 провинциальный город назначили для этой цели), где отставные могли бы жить «своими домами», получая денежное жалованье-пенсион. Деньги для этого взяли у тех же монастырей, как бы взамен освобождения их от «солдатского постоя». А незадолго до введения этой меры был учрежден и первый в России инвалидный дом в Казани, каменный, который приказывалось содержать в таком порядке, «как в европейских государствах, а наипаче в Париже таковые содержатся». А еще для поддержания отставных и раненых учредили государственную лотерею, где цена билета равнялась одному рублю, и, судя по тому, что выигрыш составлял 25 тысяч рублей, можно представить, какие суммы были собраны по всей России для помощи тем людям, кто ей служил.

2. Каша

А теперь нам предстоит заглянуть на полковую кухню, приподнять крышку артельного котла, чтобы узнать, что варилось в нем в столь далекое от нас время. Для начала вкратце ознакомимся с провиантскими проблемами допетровского периода — яснее представим суть реформ эпохи «регулярства».

В России XVII века важнейшей повинностью населения являлась хлебная подать, шедшая на удовлетворение потребностей русского войска в провианте. А потребности эти были очень велики — до 10 миллионов пудов зерна собирали для этой цели ежегодно! Хлеб вначале свозили в государевы житницы, и различался он как стрелецкий (по одной статье сборов), то есть предназначенный стрельцам, и тот, что шел на содержание полков нового строя, солдатских, рейтарских и копейных. Потом, уже в виде хлебного жалованья, зерно выдавалось всем ратным людям, продавалось или предлагалось взаимобразно.

Хлебное жалованье по размеру было чрезвычайно разнообразным. Пушкири, к примеру, имели хлеб от 22 до 8 четвертей в год (в четверти — 7 пудов 10 фунтов* — 116 килограммов), и норма эта зависела от чина, от «старости» службы, от занимаемой должности и даже от того, в каком городе служил воин. В Переяславле, например, пушкири имели вообще всего 6 четвертей хлеба в год.

* Пуд равен 16,38 кг, фунт — 0,409 кг.

А иногда выдача хлеба заменялась денежной компенсацией, и случалось это в неурожайные годы, когда не удавалось заполнить государственные житницы. Бесплатной была еще и соль.

Особенно заботилось правительство о тщательной, полноценной заготовке продуктов питания в военное время, в период проведения походов — заранее составлялись росписи-сметы на необходимые в кампаниях виды продовольствия. В 1695 году, перед первым Азовским походом, когда действовали еще характерные для XVII века приемы довольствия армии, заготовлением продуктов для армии молодого Петра занялись «московские гости» Воронин, Горязин и Ушаков, собравшие в городе Паншине значительные запасы провианта. Сюда было свезено 15 тысяч ведер сбитня, 45 тысяч ведер уксуса, 45 тысяч ведер вина, 20 тысяч штук осетров соленых, 10 тысяч штук щук и судаков, 10 тысяч штук лещей, 8 тысяч пудов соли. Подвезли чуть позже еще 120 тысяч штук «всякой рыбы, да снятков псковских, новгородских послано с гостем Березиным 543 чети», то есть четверти. Чтобы заготовить такие огромные запасы, из Приказа Большой казны выдали подрядчикам вперед более 33 тысяч рублей.

Но одной лишь рыбой, сбитнем и вином питаться воины, конечно, не могли, поэтому в походе им выдавали еще и овсяную крупу, крупу ржаную, толокно, сухари. Этот провиант выдавался им на руки в две недели раз, и если нести его с собой, в мешке, было тяжело и неудобно, то припасы перевозились на подводах, нанятых за счет солдатских денег или полковой казны.

Начало Северной войны, переход в комплектовании армии к рекрутским наборам, когда армию пополняли очень молодые, часто неготовые к новой, жесткой обстановке люди, потребовали от правительства Петра искать способы к пропитанию новобранцев, еще практически не влившихся в войско и не поставленных, как сказали бы сейчас, на довольствие. Вот поэтому и обязали помещиков — бывших владельцев теперешних рекрутов снабдить в дорогу новобранцев всем необходимым: одеждой и, главное, провизией. И потянулись телеги с молодыми мужиками, убитыми горем в предчувствии будущих невзгод. На некоторых возах — их жены и даже ребятишки, нехитрый скарб, мешки с мукой... Выданного помещиком провианта должно было хватить на месяц, до приезда в полк.

Но постепенно правительство России осознало, что на помещика можно надавить сильнее, и если раньше новобранец снабжался лишь месячным продуктом, то почему бы и не сэкономить на государственной казне и не принудить крепостников дать больше хлеба? И с 1747 года рекрутский возок нес на себе мешков побольше: помещик был обязан дать новобранцу 12 четвериков муки (около 180 кг), да еще 12 фунтов соли, да еще крупу. Такого провианта хватило бы теперь на полгода, но рекрут фактически не являлся его хозяином, потому что, приехав к месту сбора (на сборный пункт), был обязан сдать все продукты приемщикам, и

они шли, конечно, на общие нужды армии — ведь не полгода же добирался новобранец до своего полка!

Мы видели, как важно было обеспечить «приверстанных» нормальным жильем в дороге, но гораздо важнее было накормить их. В сознании голодного солдата мысль о побеге укреплялась очень быстро. Об этом все знали, поэтому проблема рекрутской еды стояла очень остро на протяжении всего столетия. Еще в 1734 году, к началу русско-турецкой войны, издали такую вот инструкцию: «...а для дальнего проезде как солдатам, так и рекрутам отпустить сумм, что надлежит на треть года, и то жалованье производить им в пути помесечно, дабы они в пропитании не меньшей нужды не имели, а были б у них для варенья артельные котлы, а на судах очаги, и всегда печеный хлеб с сухари, а также крупа, соль, квас, и чтоб им солдатская порция исправно доходила... На довольство же оных рекрут и конвойных солдат принять из определенных на Персидский корпус припасов: на каждые сто человек вина 20 ведер, масла по 5 пуд, уксусу по 3 ведра, перцу по 5 фунтов, да вместо муки овсяной, толокна по три четверти (то есть на 100 человек 348 кг. — С.К.), и употреблять оные припасы в расход по рассмотрению командирскому. Тем рекрутам и солдатам свежей рыбы, от которой повреждение бывает, в пищу не употреблять, а велеть оную соля давать».

Особое же внимание приказывалось уделять больным рекрутам — умирало их по дороге в полк немало. Хорошее питание, включавшее в рацион мясо и рыбу, вино и уксус, масло и перец, было призвано поддерживать здоровье новобранцев, но сумма, затраченная на их еду, не превышала трех копеек в день. А приготавливали новобранцы еду в дороге самостоятельно. Артели, в которые группировались рекруты, как мы помним, для осуществления принципа круговой поруки рассаживались в часы приема пищи у одного котла, где варилась еда, приготовленная назначенным для этой цели рекрутом-кашеваром.

Когда рекрут приходил к месту постоянной службы, в расположении полка, у него обычно спрашивали, насколько полно выдавался дорогой провиант. В случае утайки, недодачи, урезывания рекрутской нормы сопровождавшими команду новобранцев чинами последние могли подвергнуться наказанию военным судом. Попав в полк, рекрут мог вздохнуть свободней: теперь по крайней мере он мог на законном основании требовать причитавшийся ему провиант наравне с остальными солдатами.

Интересно узнать, на что же мог претендовать оказавшийся в солдатах бывший русский крестьянин или посадский человек, дворовый, подьячий, ямщик или даже монастырский служака? Есть сведения, что уже с самого начала Северной войны существовали нормы хлебного жалованья, довольно пестрые по величине, что являлось следствием старой, допетровской системы наделения солдат провиантом. Например, еще в 1706 году были переведены в артиллерию 174 чина Преображенского, Семеновского и прочих полков, и им установили нормы хлеба очень

разные — по 6, 5 и 3,5 четверти хлеба в год на человека. Но очень скоро хлебные дачи, отпускаемые казною для всех рядовых и унтер-офицеров бесплатно, были уравнены — нивелирование является одним из основных принципов, на которых зиждется регулярная армия, когда унифицируются оружие, одежда, оклады денежного жалованья, жестко регламентируются все стороны армейской жизни инструкциями, регулами, уставами. Вот и были приведены к единой по величине норме хлебного довольствия все прежние дачи, и с этой нормой русский солдат существовал весь XVIII век.

Итак, основным компонентом казенного провиантского оклада был хлеб, и выдавать его стали по 3 четверти в год, что в месяц составляло два четверика или пол-осьмины, а переводя на современные меры веса, воин каждый месяц съедал хлеб, выпеченный из 30 кг муки. А вторым компонентом провианта была крупа, дававшаяся каждому по 1—1,5 гарнца в месяц — около 2—3 кг. Собственно, термином «провиант» и назывались эти два вида продуктов: хлеб, в зерне или в муке, и крупа.

Пища солдата должна была быть посолоенной, и казенные соляные дачи, имевшие место и в допетровское время, продолжают существовать и в регулярной армии Петра — в XVIII веке военослужащий мог требовать по 2 фунта соли в месяц.

Не могли обойтись солдаты и без мяса. Петр I прекрасно понимал, как важен этот высококалорийный продукт питания для воина, совершающего пешком многокилометровые марши, и в 1713 году даже распорядился отменить постные дни и разрешил есть солдатам скоромную пищу, обещая, что после окончания кампании (проводились боевые операции в Финляндии) людям будет назначено особое время, чтобы замолить грех и отговориться. Однако, каким бы авторитетным ни было царское разрешение, оно, как видно, не слишком утешило глубоко религиозную натуру русского солдата, и мясные продукты в дни постов употребляли в пищу далеко не все. В 1737 году полковник Манштейн, адъютант генерал-фельдмаршала Миниха (тот, кто впоследствии командовал солдатами, арестовавшими Бирона в его спальне), сделал как участник русско-турецкой войны следующее ценное для нас наблюдение: «Одно обстоятельство сильно развивает болезни в русской армии — это почти непрерывные посты, которые они (русские. — С.К.) обязаны соблюдать по обряду православной церкви, так что они три четверти года постятся. И народ так суеверен, что, несмотря на разрешение Синода во время похода питаться скоромным, мало кто пользуется этим позволением: прочие готовы лучше умереть, чем употреблять грешную пищу».

Почему бы не поверить немцу, если его показания согласуются еще и с позднейшими, уже официальными, документами, содержащими попросту указы по армии, где, ссылаясь на синодальные разрешения, приказывалось разъяснять солдатам недопустимость

* Гарнец равняется $\frac{1}{64}$ четверти (116 кг), что составляет примерно 1,81 кг.

их отказа от мяса в постные дни «за неимением по обстояющей нужде другой пищи». Беседы на такие «телоспасительные» темы приказывалось проводить полковым священникам в полковых же церквях, где батюшка убеждал солдат, «дабы оные иногда из нерассудного упорства и от привычки, не узнав о том разрешении, не могли понести напрасного себе изнурения и повреждения здравью своему».

Зато уж по окончании поста русский солдат любил хорошенько разговеться, всласть отведать скоромной, «грешной» пищи. В 1789 году, когда еще шла война России со Швецией, императрица Екатерина, питавшая к армии своей державы чувства самые нежные, послала войску, находящемуся в Финляндии, на «разговенье», к Пасхе, 3,5 тысячи пудов солонины, принятые изголодавшимися за время долгого поста солдатами с огромной радостью.

Но тогда, в Финляндии, русские солдаты ели мясо, доставленное им по особому, монаршему пожалованию, «вдобавок». Обычно же, в условиях мирного времени, кроме хлеба, круп и соли, они не получали ничего. Уже в начале Северной войны военным служащим отпускались так называемые мясные деньги, всего по три копейки в неделю, и то лишь в течение 6 зимних месяцев, так что в год на мясо выходило 72 копейки. Выдавались мясные деньги «купно» с «соляными», приплюсовываясь к основному денежному окладу воина.

Надо выяснить, как много мяса мог купить солдат на выданные для этой цели деньги, к примеру, в 1741 году. Появившись на рынке в то время, солдат прошел бы по рядам и мигом выяснил, что говяжьих кострецы и грудины продаются по 2 копейки за фунт, дешевле стоили края, ребра, переды, шедшие в продажу по 1,5 копейки. По 1 копейке за фунт можно было купить говяжьих «малые зарезы», а хорошая баранина стоила уже 2 копейки, а свежая свинина и ветчина — алтын (3 копейки). Таким образом, на те 1,5 копейки в неделю, отпускавшиеся солдату казной в течение всего века, он мог купить по ценам дорогого — все привозное! — петербургского рынка фунт «средней» говядины. Но поскольку он, как говорил Манштейн, большую часть года не прикасался к мясу, то с базара, тратя лишь казенные мясные деньги, воин уносил с собой не менее килограмма мяса, хватавшего ему на неделю сытного мясоедного времени. И это лишь при том условии, что в дело шли только казенные 1,5 копейки, но не нужно забывать и об окладных деньгах рядового или унтер-офицера, способных быть подспорьем при покупке продуктов питания вдобавок к выданному провианту. Заметим здесь же, что годовое питание солдата, включая хлеб, крупы и соль, обходилось государственной казне в 5 рублей 2,5 копейки, и эту цифру мы даем, чтобы читатель мог представить «весомость», ценность денег той поры.

Использовалось солдатами купленное мясо, как правило, в щаж и каше — традиционных блюдах русской народной да и аристократической кухни, перешедших в меню нижних чинов армии и,

наверное, офицеров, по крайней мере офицеров русского происхождения. Как уже говорилось, для приготовления пищи войны группировались в артели, имевшие свои, артельные, котлы. Еще в 1711 году такие котлы приказывалось иметь обязательно, поскольку мясо не рекомендовалось жарить из-за убыточности такого способа приготовления — оно «ужаривалось». Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, дотошно входивший в быт солдат, писал об этом: «Тако ж у солдат были б котлы добрые, и когда им будет давано мясо, варили б в каше или с потребными к тому травами, снитью и прочими, которые в нынешнее летнее время сыскать возможно, а жарить оное не велеть, понеже вареное пожиточнее, нежели печеное». Офицеров под страхом взыскания, обязывали следить за наличием у рядовых таких артельных котлов и чтобы «между солдаты в провианте и в прочем харчу» не было излишних трат. В случае невозможности приобретения котлов солдатами за личные деньги Шереметев распорядился покупать их на средства командиров.

Упомянутые в приказе Шереметева «травы, снить» и другие огородные овощи, без которых солдаты, по крайней мере летом, обойтись, конечно, не могли, покупались ими за собственные деньги или выращивались на личных огородах, если условия квартирования могли позволить их завести. И теперь, сделав самый предварительный обзор солдатского меню, рассмотрим способы обеспечения армии продуктами питания, методы хранения провианта и его распределения.

Одновременно с преобразованием старого войска в регулярную армию менялись и учреждения, решавшие проблемы продовольственного снабжения армии. Созданный в 1700 году Петром I новый приказ — госучреждение — был назван Провиантским по титулу своего начальника, генерал-провианта (позднее — провиантмейстер). Этот новый военно-хозяйственный орган начал свою деятельность в очень трудной обстановке, когда война со Швецией, переустройство и перевооружение армии потребовали от его чинов сразу немалого напряжения сил, а часто просто изворотливости. Не было еще и выработанных законоположений, способных точно разметить всю деятельность провиантского ведомства, и до выхода в свет Воинского петровского устава, а потом и специальной инструкции провиантмейстеру руководствоваться приходилось частными распоряжениями войсковых начальников, «по обыкновению», то есть по старинке, а то и просто по наитию.

Должностью генерал-провианта была столь ответственной, что назначением на нее ведал лично царь Петр. Но главный провиантмейстер уже назначал своих помощников, которые на местах организовывали сбор хлеба с населения, и к 1707 году «на Москве и в городах» их было 66 человек, но имелись еще и разные «особливые посыльщики», дьяки и подьячие. Исполнительными же органами на местах сбора провианта были воеводы, бурмистры

и командиры воинских частей, для которых и производился сбор хлеба.

Петровские преобразования в области продовольственного снабжения закончились изданием в 1724 году Инструкции генерал-провиантмейстеру, на которого возлагались обязанности высшего руководства продовольственной частью армии как в походе, так и на квартирах. Ему подчинялись и генерал-провиантмейстер-лейтенант, и обер-, и полковые провиантмейстеры, и все другие самые мелкие исполнители его воли, призванной обеспечить российское войско самым насущным, самым необходимым человеку — пищей.

И обязанности его были «многотрудными» и сложными. Ему поручалось иметь сведения о штатном, списочном и наличном состоянии всей армии, — чтобы приступать к заготовке провианта, нужно прежде знать, как много следует готовить. Заготовив необходимое количество продуктов, генерал-провиантмейстер обязан был к тому же лучше прочих разбираться в правилах отпуска еды в войска. Его обязывали ежемесячно собирать со всех губерний империи сведения о хлебных ценах, чтобы представлять, где нынче выгоднее приобрести необходимый хлеб, не принеся казне убытка, а, напротив, с «наивысшей выгодой». От главного провиантмейстера требовалось быть осведомленным о точной дислокации всех полков в России на квартирах, а также при передислокации полков в походах, — только зная это, мог он вовремя сосредоточить провиантские запасы не в том месте, где уже нет полков, но там, куда они пришли. В его обязанности входило и устройство магазинов-складов продовольствия, но не в любых местах, а где расположить их удобнее всего, и, чтобы успешно справиться с такой задачей, генерал-провиантмейстеру необходимо было знать географию России. Как видим, исполнение таких обязанностей предполагало в обладателе высокого чина наличия незаурядных способностей. А орган, которым он управлял, уже не назывался приказом, а стал именоваться Провиантской канцелярией и с такой вывеской просуществовал все столетие.

В допетровской России хоть и не имелось должностных лиц, украшенных позаимствованным в Европе титулом «провиантмейстер», но, как мы помним, заготовки хлеба тоже производились, и собирался он в амбары-склады, государственные житницы, названные в период «регулярства» магазинами. Ничего нового придумано не было — склады эти предназначались для длительного хранения зерна, крупы, но только разветвилась, расширилась их сеть.

Термин «магазин» привился уже в самые первые годы Северной войны, и не прогремели еще залпы артиллерии на поле близ Полтавы, а Россию буквально опутывала сеть этих провиантских складов. Располагались они, понятно, в тех районах, где концентрация русских войск, действовавших против неприятеля, была значительной. Кормили драгун и пехотинцев, что воевали на Ингерманландском театре, магазины Шлиссельбурга, Петербурга,

Нарвы, Пскова, Печерского монастыря. Смоленский магазин снабжал полки, что сражались со шведами на театре Польско-литовском. А магазины Киева, Белгорода, Путивля, Курска и других запасались провиантом, чтобы кормить солдат Южного театра военных действий. Были, конечно, и внутренние магазины — в Твери, Москве, Мценске, Орле и даже на Белом море, в Архангельске.

Но в том-то и заключалось отличие петровских магазинов от прежних житниц-амбаров, что эти хранилища сооружались для потребностей мобильной армии, находившейся в движении, когда не войско зависело от источников питания, а эти самые источники вызывались к жизни посылаемыми в те или иные районы страны большими воинскими массами. И если выше мы говорили о главных магазинах, то имелась еще и сеть хранилищ «проходных» для обеспечения армии на марше и при остановках. Вот поэтому и места нахождения магазинов в период Северной войны менялись в связи с изменением военной обстановки. В 1708 году, к примеру, ликвидировали все литовские магазины, зато по завоевании Ливонии и части Финляндии появилась необходимость в устройстве новых продовольственных складов в Риге, Ревеле и Кексгольме.

Необходимость в гибком регулировании всего процесса провиантского снабжения требовала кроме точного выбора места для магазина правильно определять и их вместимость. Если не предполагалось посылать в какой-нибудь район большого войска, то зачем же тратить средства на складирование никому не нужного запаса? Случалось, что «силу» магазина определял сам Петр I. В 1708 году он распорядился: «Писать о магазине к гетману (Мазепе. — С.К.), чтоб делать в среднем городе Чернигове, где архиерейский двор, от 20 до 25 четвертей, половина сухарями, и класть на архиерейский двор».

Но «петровский» склад выглядит совершенным ларьком по сравнению с такой махиной, как, например, смоленский магазин, где хранилось 9383 четверти ржи (более 1000 тонн), 2150 — муки (почти 300 тонн), овса — 10 498 (более 1,2 тысячи тонн) и столько же сухарей. А могли храниться в магазинах еще и солод для приготовления пива, и толокно, и пшеница, и ячмень, и горох. Но свежее мясо туда не свозилось, по крайней мере, летом — магазин предполагал длительное хранение продуктов. Но есть сведения, что в одном из складов лежали в 1708 году рядом с другими продуктами 8998 «частей» говяжьего мяса, 1020 говяжьих языков, 148 свиных «полтей», но, надо думать, помещены они были туда только на зимнее хранение или представляли собой солонину.

Теперь нам предстоит выяснить, кто, каким образом наполнял продуктами питания магазины-склады, как решалась «продовольственная программа», когда не было государственных сельскохозяйственных предприятий. Мы помним, что предшественники

* Полть — часть свиной туши.

Петра — его отец и дед — собирали с гражданского населения России хлебную подать, которая и шла на армию. Этот способ снабжения войска хлебом так и «въехал» в век восемнадцатый — на протяжении всей Северной войны с обывателей «сбирали» провиант натурой, что являлось государственной повинностью.

Но как много брали? Количество заготовляемого провианта зависело опять же от потребностей армии, расположение которой в том или ином районе страны и диктовало норму сбора. Подсчитанное в высших провиантских органах нужное количество хлеба раскладывалось на известное число уездов, принявших на квартиры воинские части, которые были приписаны к определенному магазину. Но не только одни крестьянские дворы обязаны были ссыпать свое зерно — производилась раскладка «по указным статьям» с дворов архиерейских, монастырских, дворцовых. А сбор производился в двух формах: в виде провианта окладного и запросного, где первый был нормальным сбором к твердо установленному окладу, а запросный — сбором чрезвычайным, сверх нормы. А нормой для «вотчинниковых и помещиковых» дворов, то есть дворов крепостных крестьян, были 3 четверика муки с одного хозяйства, что в переводе на современную меру веса даст 45 кг, и еще по четверику круп сдавал крестьянин ежегодно со своего двора, получая взамен так называемые «сыпные памяти» — квитанции, расписки в приеме провианта, дававшие ему право отстранить повторные претензии в случае необходимости. Сбор хлеба с дворов крестьянских производился в годы Северной войны в счет подворной подати, обыкновенно денежной, но правительство, не желавшее возиться вначале со сбором денег, а потом с покупкой на них продуктов, предпочитало в те годы, ради интереса «государского», брать хлеб натурой, невзирая ни на недороды, ни на крайнюю скудость их хозяйств.

Трудным и хлопотливым делом было заполнить магазин, хранивший сотни тонн зерна или муки, до полной нормы. Например, в 1709 году нарвский магазин обслуживали девять городов — Переяславль-Залесский, Тверь, Гороховец, Ростов, Коломна, Юрьев-Поволжский, Зубцов, Вологда и Шуя, а петербургский — Ярославль, Углич, Романов, Устюжна-Железнопольская, Ржев, Бежецк и Кашин.

Но обязательная, принудительная поставка провианта, когда хлеб порой буквально приходилось выколачивать из малоимущих, слабых хозяйств, не обеспечила бы армию хлебом, если бы на помощь не приходили люди предприимчивые, желающие заработать на государственной нужде. Практика свободной продажи в магазины необходимых армии продуктов существовала и в самом начале века. В 1709 году обнародовали указ, в котором предлагалось всем желающим привозить «съестные харчи» на продажу и продавать их «по настоящей цене». Торговцам обещали «никаких обид и ограблений не чинить, чтоб войско его царского величества чрез такой порядок могло иметь всякое

довольство». И желающих нашлось немало. Еще до опубликования этого призыва, в 1706 году, у посадского человека Гаврилы Плотникова, к примеру, бывшего, наверное, перекупщиком, взяли сразу 805 четвертей ржи (больше 90 тонн), а у крестьянина Павла Страхова, жителя Новгородского уезда, купили 418 четвертей, в то время как другой крестьянин того же уезда продал на нужды армии 390 четвертей.

Как видим, даже в то время, когда армия, расселенная по деревням и селам, сама занималась «выколачиванием» из крестьян на собственные нужды провианта, богатые крестьяне возили излишки хлеба на продажу. Но правительство не могло не видеть, как вредит делу формирования рыночных отношений, на «производительность» крестьянского двора жесткая система обязательных поставок или попросту изымания хлеба у тех, кто в нем нуждался сам. И это в то время, как частые рекрутские наборы лишали земледельческие хозяйства лучших работников. Понятно, что многие крестьянские дворы скудели, все труднее было «выбить» из них положенный на армию продукт — в перспективе от такой системы могли страдать и интересы армии.

Мешавшие развитию товарно-денежных отношений обязательные натуральные поставки ликвидировали в основном после смерти Петра. Уже в 1725 году происходит переход к сбору не хлеба, а денег, теперь уже не подворной, а подушной подати. Эти средства и идут в основном на приобретение солдатского провианта. В 1737 году купцы Самойло и Тимофей Нечаевы, Осип Синицын и Афанасий Деденцов привезли в воронежский магазин по 10 тысяч четвертей муки каждый, то есть более чем по тысяче тонн, продав каждую четверть казне за 1 рубль 10 копеек. Зачем отбирать у производителя его продукт, если он сам когда-нибудь пожелает избавиться от его излишков, отправив их на рынок?

В период царствования Анны Иоанновны закупки на армию большого количества провианта обуславливались рядом строгих правил, которыми обставлялась сложная, «многогранная» деятельность ответственных за заготовку хлеба лиц. Так, в 1737 году князю Бярятинскому приказали купить в малороссийских городах и селах провианта «по вольным ценам», для чего ему перво-наперво следовало позаботиться о подборе торговых агентов, «добрых людей, кому в том поверить можно». Этим агентам князь должен был потом вручить казну, после чего они «выходили» на купцов и обговаривали все условия торговой сделки. Главнейшим условием, предъявляемым агентам, было ни в коем случае не сообщать купцам о том, чьи интересы представляют они, а объявлять им, «якобы покупают для своего собственного купечества». Разглашение «государственной тайны» могло тут же привести к взлету цен на покупаемый хлеб — знание купцами того, что торг ведет казна, вручало им уверенность, что агент, распоряжаясь не личными средствами, а чужими, скупиться не будет, а поэтому вполне возможно повысить цену.

В этой же инструкции князю Барятинскому находим и рекомендацию в случае невозможности хлеб приобрести покупкой заготовить провиант подрядом, что, однако, было для казны не очень выгодно. А почему же? Да потому, что при подряде, то есть как бы делая заказ, заявку, правительство, казна во всеуслышание объявляли о своей нужде и обращались не к тем, кто хочет избавиться от своего товара, нуждающимся, значит, в покупателе, а к тем, кто, желая нажиться поосновательнее, сам искал такого нуждающегося. И армия для поставщиков-подрядчиков, где хоть и экономили деньги, но все-таки не так, как собственные, стала для подрядчиков буквально дойной коровой.

Однако часто правительству ничего не оставалось делать, кроме как обращаться к их услугам, и еще при Петре I появляется ряд узаконений, создававших благоприятные условия для деятельности поставщиков. Подрядчика, к примеру, при исполнении им казенного договора закон запрещал подвергать личному задержанию, а в случае привлечения его к суду дело требовалось решить в трехдневный срок, не более, а самого подсудимого следовало отпускать во время следствия на поруки или под расписку — предпринимательская деятельность его не терпела остановок и помех, ведших к срыву поставок на армию.

Между тем, вручая подрядчикам известные права, позаботились и о том, чтобы узаконить и предъявляемые к ним требования. Так, подрядчику запрещалось получать более 10% чистой прибыли, что, с одной стороны, не позволяло ему разорять производителя, предлагая за товар цену слишком низкую, а с другой — не давало «заламывать» очень высокую цену при отдаче хлеба казне. Таким образом закон мудро регулировал отношения в цепочке «производитель — посредник — потребитель». За нарушение этого условия подрядчики подвергались крупному денежному взысканию. Частью личного имущества виновного награждались те, кто донес на него.

Но еще более крупные пени ожидали подрядчика в случае неисполнения им взятых на себя обязательств. Размер штрафа в этом случае мог доходить до двойной цены всего подряда, а в военное время нарушителя обязательств могли подвергнуть куда более жесткому наказанию.

Чтобы привлечь к подряду как можно больше предприимчивых людей, публиковались объявления в газетах, а также в городах, на площадях, на рынках, на перекрестках дорог и торговых площадях объявлялось во всеуслышание с барабанным боем о предстоящем подряде, выставлялись билеты-афиши с информацией о том же. При Елизавете Петровне глашатаями государственной нужды служили и священники, которым приказывалось сообщать о подряде «по окончании Божьей службы».

Но вот нашлись-таки те, кто хотел бы взять подряд. Хорошо отработанные правила действий казенных чинов, заготовлявших провиант, требовали зазывать к себе для беседы «одного по другому порознь», а не вместе. У желающего сделать поставку выясняли,

как много просит он за свой товар, и отпускали, взяв с него обещание не разглашать содержание разговора. Так поступали и со всеми остальными, желая выяснить, кто из подрядчиков имеет самый дешевый провиант. Через два месяца объявлялась новая публикация, и снова приходили поставщики, называли свою цену, но им теперь со всей ответственностью заявляли, что в прошлый раз казне предлагали по такой цене, — при этом указывали на минимальную. Конечно, подрядчик не мог не беспокоиться, боясь остаться не у дел, и цену понижал. Но спустя еще два месяца вновь публиковалось предложение взять подряд, и снова зазывали поставщиков для разговора с глазу на глаз, и теперь уже фигурировала недавняя, минимальная цена, заставлявшая этих «третьих» подрядчиков сбавлять цену еще значительней. «И когда по всем трем публикациям, — советовали правила, — последняя нижняя цена состоится, о той, собрав всех подрядчиков, объявить, и дать последний общий торг, и сколько по последнему торгу самой большой уступки будет, за тем и торг постановить с добрыми поруками». Как видим, при правлении дочери великого реформатора уже не прибегали к запрещению получать большую прибыль от подряда, но столь изворотливым способом вынуждали поставщика оставить мечты нажиться на «государевой нужде». Казенный интерес даже и после окончания последних торгов, этого аукциона, когда с подрядчиком ударили по рукам, требовал не прекращать борьбу с поставщиком за понижение цены — «еще о сбавке цены всеми силами склонять». Однако повторим: к подряду, по крайней мере в послепетровское время, старались прибегать лишь в крайних случаях во время недородов или совершенного отсутствия продуктов на «вольном» рынке. Мало того, что способ этот дороже был, но правительство руководствовалось еще и желанием предоставить награду за труд производителю, а не спекулянту-перекупщику, чтобы «ту прибыль сами помещики и их крестьяне в награждение за употребленные к земледельчеству труды, а не втуне купцы получать могли».

Итак, остались позади все предварительные этапы заготовки, и подводы с зерном, мукой, крупой потянулись к магазинам. Хорошо, если провиант привез на сдачу опытный купец, этакий «тертый в торговых делах калач». А если это простой крестьянин, да еще впервые наскребший у себя в амбаре немного хлеба на продажу? Для таких на стенах магазина были прибиты правила приема, — если и не обучен грамоте, то другого попросит, прочтут. В «билете» все прописано: и о качестве принимаемого провианта, и о кулях, и о порядке очереди, и о ценах, и о часах приема.

Принимали привезенный хлеб и крупы офицер-вахтеры и магазин-вахтеры — служители военных складов продовольствия, как правило, отставные или даже инвалиды. Если провианта было так много, что при разгрузке, не терпящей волокиты, невозможно было справиться собственными силами, привлекали на помощь «колодников» и лишь в крайних случаях военнслужащих ближних к магазину частей.

Внимательно следили за качеством привезенного провианта. Рожь перво-наперво должна была быть сухой, не сыромолотой, не лежалой, не затхлой. Если зерно привозили помолотым, то муку проверяли еще и на присутствие комков. Крупы принимали всех сортов, но лучшими для долгого хранения считались полбенные крупы, потом овсяные, хуже лежала греча, а последнее место занимала ячневая крупа. Просо принимали в магазины лишь «по нужде» — считалось, что эта крупа совсем не может храниться в магазине.

Особое внимание требовалось от приемщиков при определении, не содержит ли зерно, мука, крупа посторонних примесей, добавлявшихся иными недобросовестными торговцами для увеличения веса. Ухитрялись подмешивать в продукты и известь, и песок, и древесную кору, и мелкие камни, и даже битые кирпичи. Закон к таким был строг, потому что потери от этого обмана были не только денежными, но и людскими. В случае обнаружения примесей требовалось: «...не отдавая им привезенный провиант, жечь или бросать в воду; а самих их, ежели то от них учинено, кои в службу годны, писать без штрафа в солдаты, в погонщики или профосы, кто куда способен явиться, вечно, а кои в службу негодны, тех бить кнутом».

Могли быть и «невредные» для здоровья солдата примеси, когда мошенники-торговцы смешивали с ржаной мукой не известь или кирпичи, а, например, перемолотый овес, стоивший дешевле хлеба. Уличенных в этом наказывали конфискацией всего товара и записывали в солдаты на четыре года или попросту били плетью, чтобы неповадно было и другим мечтать нажиться на казне.

Принимался в магазины провиант лишь в стандартных по размеру мешках-кулях — девять пудов входило в куль, который должен был быть надежным, крепким, чтобы выдержать длительное хранение при постоянном давлении сверху значительного веса. Случалось, не принимали хлеб в кулях с заплатами. И как много хлопот доставляли крестьянам эти кули! В 1737 году даже был издан указ принимать с крестьян воронежской, тамбовской и орловской провинций привозимый в магазины хлеб, не требуя у них кулей или мешков, «...понеже крестьяне обыкновенно хлеб отдают и принимают мерю и возят больше в веретях (то есть насыпая зерно на большой кусок рогожи, холста, постеленного на дно телеги. — С.К.), а другие, хотя и в мешках или кулях, и то в таких, какие случаются, а весу не знают».

Да, очень важно было точно, правильно, без обмана взвесить привозимый в магазины хлеб, но еще и в середине века на воинских продовольственных складах «измерительные инструменты» находились в столь плачевном состоянии, что перемерить, как раньше говорили, привезенный провиант можно было лишь очень приблизительно. Приемщики вместо металлических стандартных гирь часто пользовались камнями, зашитыми в рогожу, в которых весу

* Полба — вид пшеницы с ломким колосом или вид дикорастущего злака.

** Профос в полку поддерживал чистоту и выполнял порой обязанности палача.

постепенно убавлялось — камень крошился и потихоньку высыпался сквозь незаметные отверстия в швах, что грозило убытком казне. Магазин «выигрывал» немного на весе рогожи, правда, тоже взвешенной, но способной то ли естественным образом, то ли по воле служителей магазина становиться мокрой, а зимою даже промерзнуть, утяжеляя таким образом вес магазинной «гири». Имелись на складах еще так называемые меры деревянные, «из коих некоторые ссыхаются и также справедливы быть не могут». Надо все же думать, что негодный мерный инвентарь — это не следствие полной невозможности снабдить магазины весами, гириями и другими инструментами, — приемщик был осведомлен, в чью сторону качнется стрелка на его весах. «Целовальники обыкновенно чинят привесы, как бы им при отдаче самим не быть в провесе, а другие для бездельной своей корысти простых мужиков обманывают...» — сообщалось о работе магазинных кладовщиков XVIII века.

Итак, провиант от подрядчиков или случайных продавцов получен, уложен в магазинные амбары, и теперь до выдачи его потребителям в полки продукты нужно сохранить, в чем и состояла, пожалуй, основная забота магазин-вахтеров. Безусловно, давняя практика строительства русских зернохранилищ позволяла соорудить помещения сухие, проветриваемые, но одно это долгое хранение не могло бы обеспечить. За продуктами следили. Слежавшийся, отсыревший хлеб магазинные служители «перебивали», отделяли годный от негодного, переваливали во избежание слеживания, комкования. Если требовала нужда, то привлекались для переборки дополнительные силы: те же «колодники», солдаты соседних полков, наемные рабочие. Все понимали, что порченный провиант может погубить все многотонные запасы магазина, поэтому полковые, ротные начальники не смели «отговариваться» и не давали на «чистку» магазина своих людей. Принципы экономии той поры не давали разрешения на уничтожение этого выявленного попорченного сырьем или грызунами провианта. Тут же находились желающие приобрести комковую муку, подгнившее зерно, поеденную мышами крупу. Если испорченные продукты отказывался есть человек, то у рачительного хозяина ими питались коровы, свиньи, овцы.

Нет, до порчи провианта стремились не доходить — главное, это предупредить ее. От служителей требовалось твердо знать, сколь давно хранится та или иная часть хлеба или круп — магазин заполнялся не одновременно, «не враз», а постепенно. Оттого-то и нужно было тщательно распределять весь провиант: здесь лежат, хоть и недавнего привоза, крупы, зерно, мука, но к хранению долгову негодные, потому что «непрочны», а здесь хоть и «прочны», но лежат давно. И магазин-вахтера под руководством офицеров решали, что следует отправить потребителю в первую очередь, а что может полежать еще. Чтобы не спутаться, на стенах, напротив мешков с тем или иным сортом провианта, прикалывались таблички «на память».

Осматривать хранящиеся в магазине продукты следовало дважды в неделю, «чтоб дождь и снег не повредил, и старание иметь, дабы оный (провиант. — С.К.) во всем от повреждения сохранен был, и тот осмотр не мимоходом, а с крайним прилежанием и наблюдением чинить». Часы работы магазинных служителей ограничивались утренней и вечерней зарей, что делалось затем, чтобы исключить использование на складах осветительных средств — ламп, свечей. Да, сырость, грызуны — все это еще полбеда, но что могло быть страшней для построенных из леса магазинов, чем пожар («от чего Боже упаси», как всегда сопровождали в указах XVIII века распоряжения о противопожарных мерах). И мало того, что первейшим правилом при сооружении магазина являлась забота об отведении ему места подальше от других строений, но обязательным, конечно, являлось наличие на складе противопожарного инвентаря — в одном из магазинов, например, хранились 24 кожаных ведра и «бранспойт».

Дотошно, щепетильно относились к хранению в магазинах «второстепенных» продуктов: уксуса, пива, вина, сбитня, соленого мяса, масла. Все это содержалось в бочках, и перед тем, как заполнить бочки, тара тщательно осматривалась, для чего пользовались трубкой, через которую вдвухался в бочку, наполненную водой, воздух. Показавшиеся на поверхности воды пузыри свидетельствовали об изъяне, и это место надежно конопатилось. Если же течь обнаруживалась во время хранения, то магазин-вахтеры старались подвести под такую бочку особый деревянный поддон, «дабы что внезапно потечет, не пропало и в иных судах осталось». Жесткие правила обязывали магазин-вахтеров собирать с амбарных полов не только рассыпанный во время перевалки провианта хлеб, но и тот, что высыпался из худых кулей во время выгрузки или передачи его полкам. Невольно напрашивается сравнение, не правда ли? А между тем речь шла не о собственности частных лиц, а о хлебе казенном, государственном.

В каждом полку составлялась заявка на провиантские запасы соседнего магазина, в ней указывалось количество людей в части, имевшихся налицо. Снимались с довольствия больные — они кормились госпитальной кухней — и те рядовые и унтер-офицеры, кто отправлялся на длительный, более двух месяцев, отпуск в свое имение, — речь шла о дворянах. Отряжалась особая команда с офицером во главе, отправлявшаяся с небольшим обозом к магазину. Если до магазина было не более пяти верст, то пользовались только полковыми лошадьми, а на дальние расстояния ездили на «подъемных» лошадях, присланных в полк на время провиантских перевозок. Но случалось, что транспорт полк не получал, и, чтобы не остаться голодными, солдаты выделяли из своих скудных окладов деньги для найма обывательских лошадей, а то и вообще заводили артельных лошадей, что, конечно, было удобно, но било по солдатскому карману. Огромные российские просторы, где полк часто был вынужден квартировать слишком разбросанно, продиктовали и правило, по которому магазином пользовались лишь

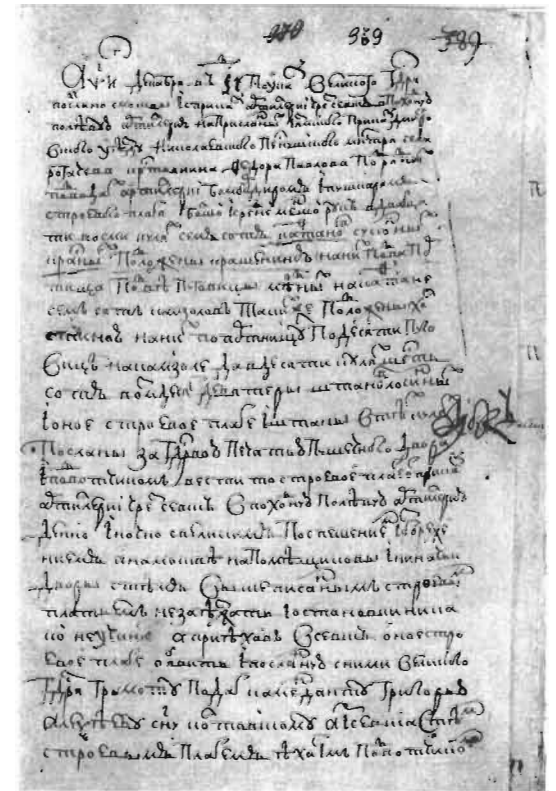

Нижние чины пехотного полка. Начало XVIII в.

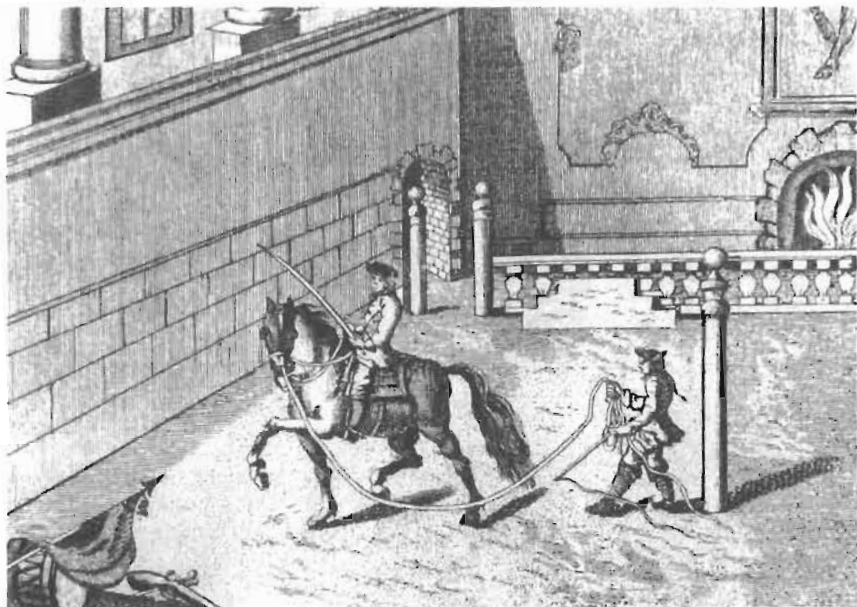
Нижние чины и обер-офицеры гренадерского полка. Середина XVIII в.

указ 1708 г. о снабжении солдат строевым платьем

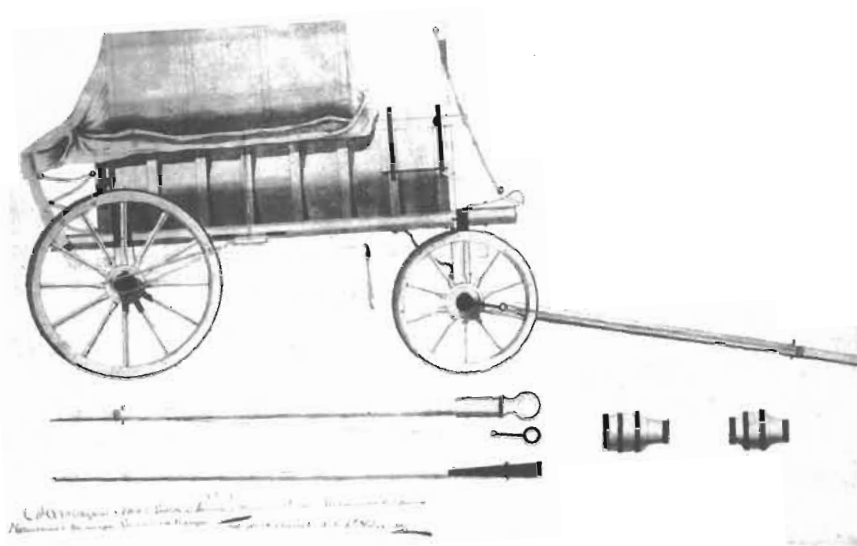
Манеж Кавалергардского полка в Петербурге

В придворном манеже

Чертеж комиссариатского полуфурка для перевозки денег (солдатского жалованья).
Конец XVIII в.

Кавалергарды (1724—1731)

Чертеж казармы с каменными печами.

1129

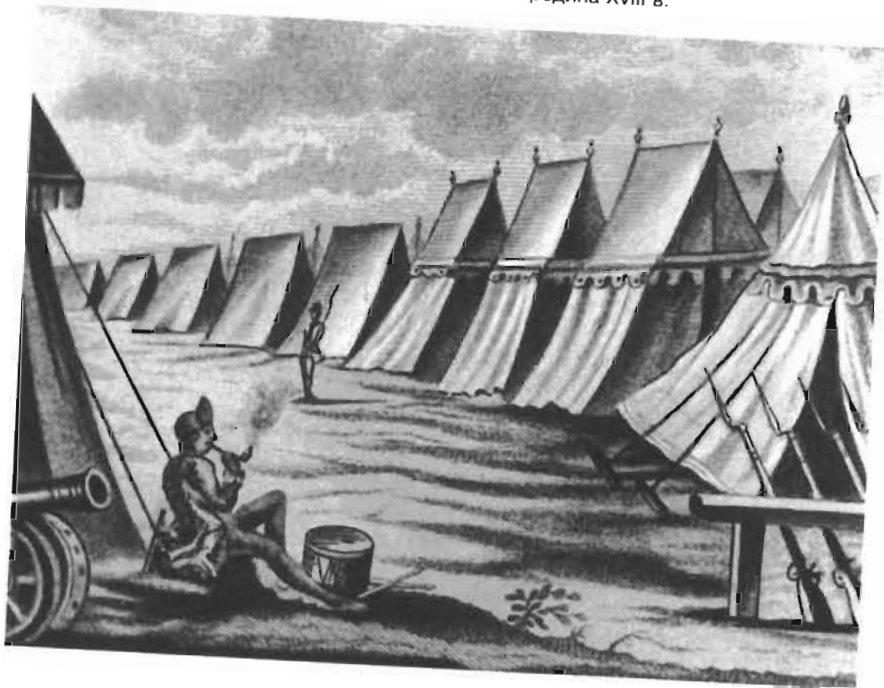
Колоннаты каменныя
Полковникъ Каменскій Николай Ивановичъ
Подполковникъ Калашниковъ

Чертежъ архитектора С. Виссариона - Орловскаго

Чертеж казармы. Конец XVIII в.

Лагерь лейб-кампанцев. Середина XVIII в.

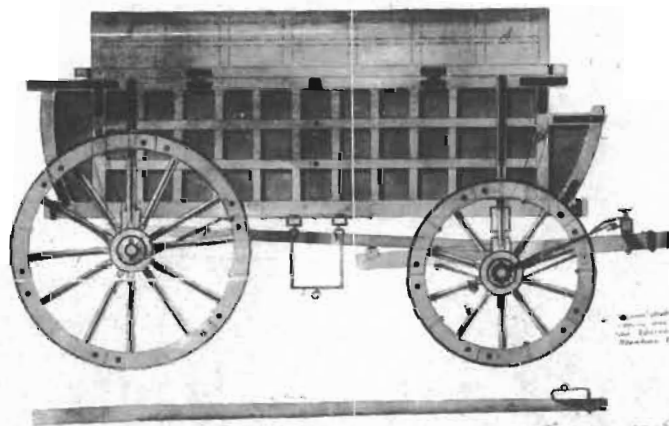

Полковой учебный плац. Конец XVIII в.

Чертеж сухарной (продовольственной) фуры. Конец XVIII в.

АРХИВ
ИМПЕРАТОРСКАГО
УЧЕБНАГО
КАДЕТСКАГО
КОЛЛЕЖИУМА

Чертежъ каменныя казармы с каменными печами.

Сухарная фура
Имп. Академии наук
Имп. Артиллерийскаго
Училища

Рядовой Сибирских линейных батальонов (1834—1843)

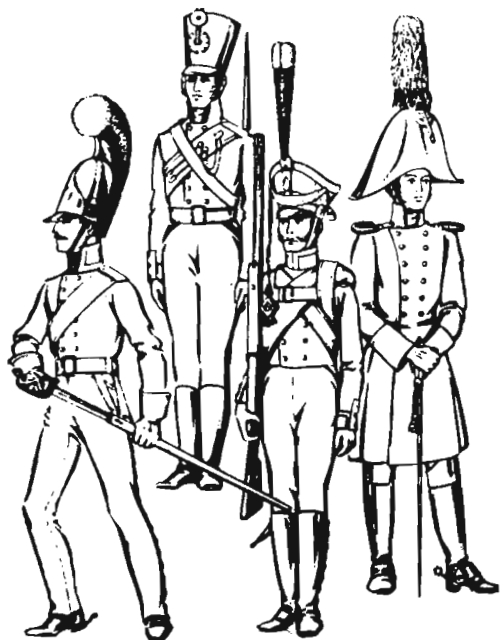

Ротный барабанщик Грузинского инженерного полка

Парад войск в Гатчине в царствование Павла I

Кавалергарды в царствование Александра I

Слева направо: унтер-офицер драгунского полка (1803); канонир (1803); унтер-офицер гренадерского полка (1812); обер-офицер кавалерии

Слева направо: рядовой кирасирского полка (1788); егерь (1765—1786); рядовые мушкетерского полка (1786—1796); рядовые егерского батальона (1794); гренадер гвардейской пехоты (1800)

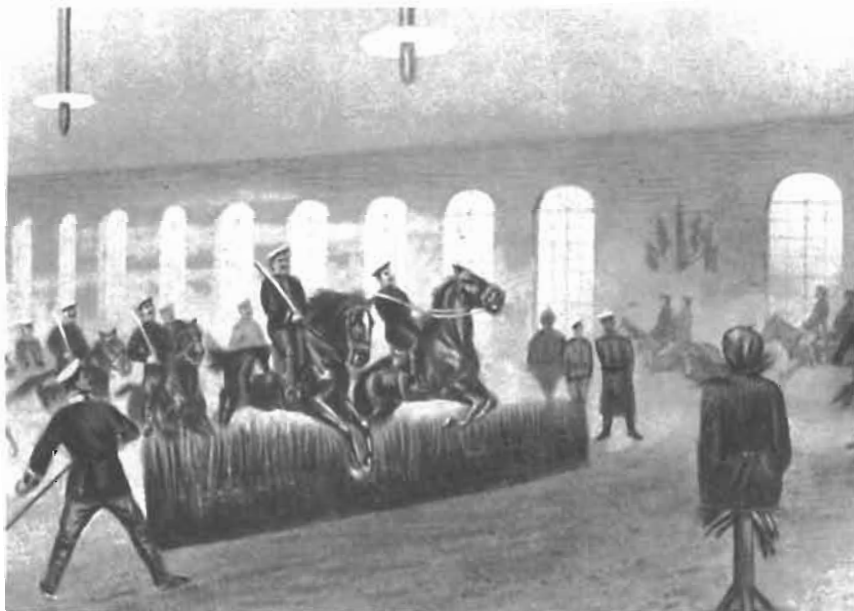

Штаб-офицер лейб-гвардии Колыванского полка (1852—1855)

На посто в Саксонии (1813)

Тренировка в Большом манеже.
Петербург

Смотр войск на Красной площади в Москве (1826)

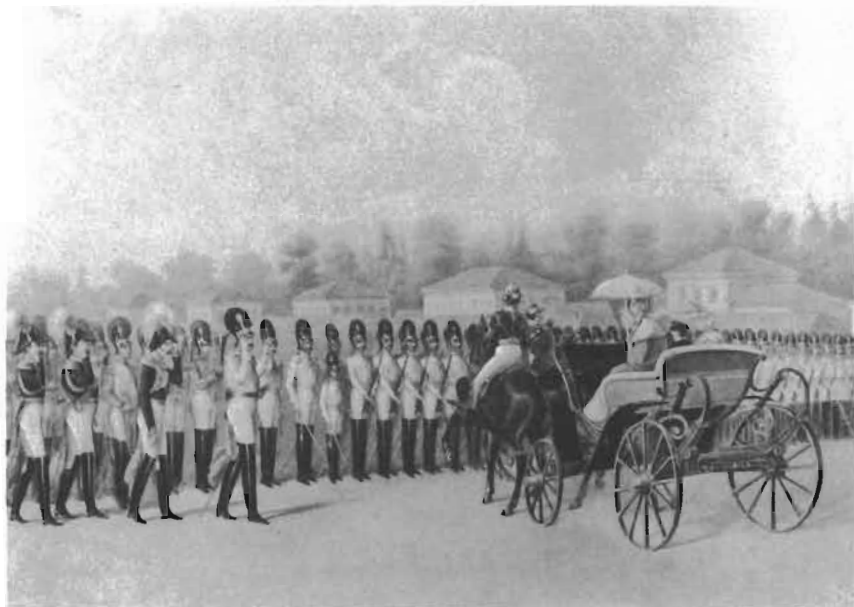
Смотр войск императором Александром II
перед Зимним дворцом в Петербурге

Офицерская дача на Каменном острове в Петербурге

Смотр Кавалергардского полка высочайшими
особами в царствование Николая I

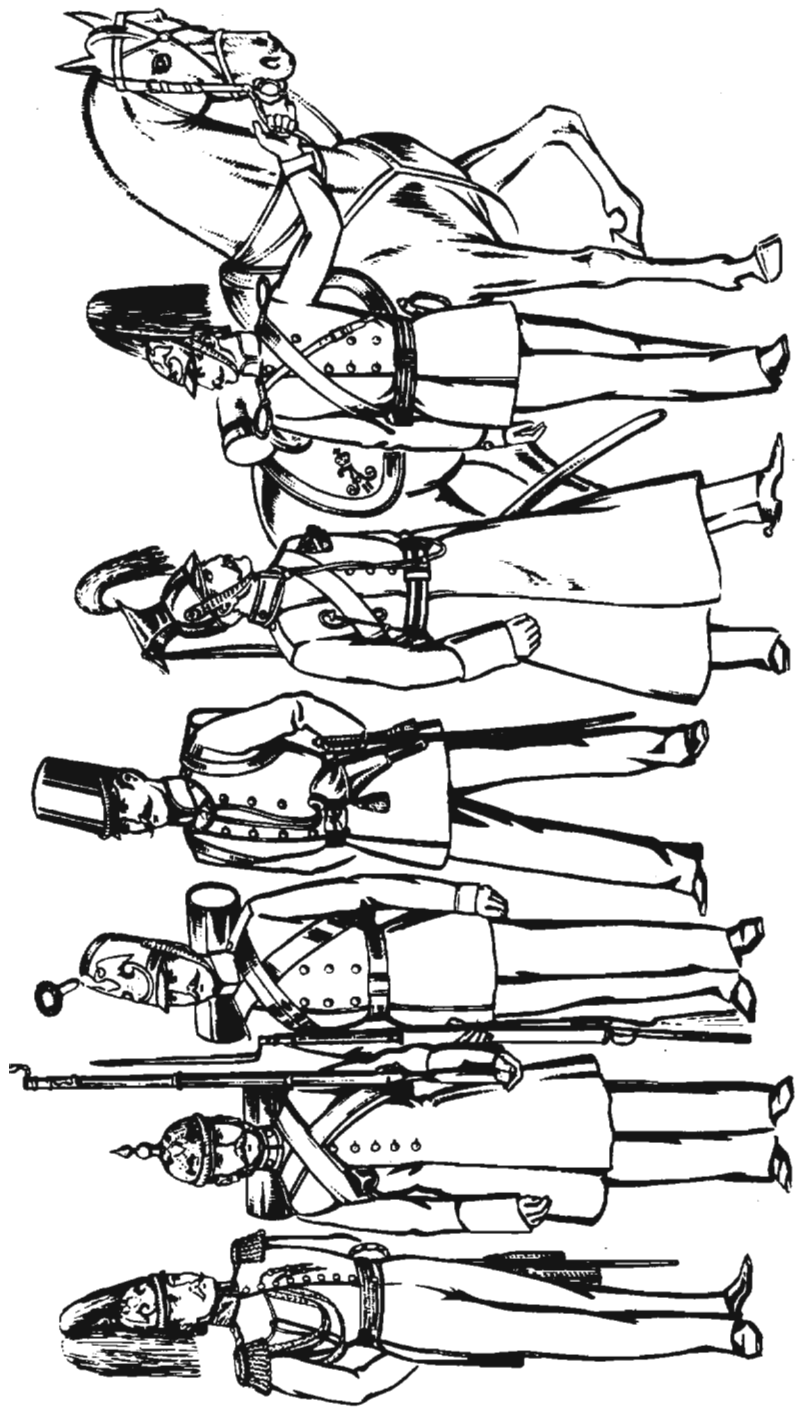

Вид полковой церкви со стороны
Захарьевской улицы в Петербурге

В полковой офицерской библиоте-
теке. Середина XIX в.

Воины русской армии. Середина XIX в.

ближайшие к нему роты одного полка: «...в таком случае токмо те роты из магазинов провиантом довольствоваться, которым оный провиант на подъемных лошадях без дальняго их изнурения от магазинов перевезть возможно будет; прочие же для минования труда и убытка довольствоваться покупкою от полка».

Часто получению большой партии продуктов предшествовало освидетельствование пробы на доброкачественность. На выдачу из магазина шли обычно те продукты, что лежали дольше прочих, и хоть и приказывалось строго не давать в полки провианта «гнилаго, затхлого, с червями и молью», но промахи имели место. Поэтому полковой провиантмейстер с обер-офицерами, а нередко и с лекарем части снимали пробу, съедая приготовленные из намеченных к выдаче продуктов блюда, проверяли «на доброту» муку или зерно. Например, в 1717 году в одном из гарнизонов артиллерийским служителям была предложена из магазина ветчина, хранившаяся там «многие годы». Сразу заподозрили плохое качество продукта, пригласили лекаря, собрали для освидетельствования всех офицеров подразделения, «которые, смотря, про оную сказали, что принять невозможно, тако ж и лекарь упомянул, от нее приключитца людям болезнь немалая».

Самым строгим образом наказывались магазинные служители за выдачу в полки негодной пищи, и испорченные продукты тут же заменялись другими. Но что было делать тем, кто был приписан к складу, заполненному одним испорченным провиантом? А такие прецеденты имелись и даже вызвали к жизни надежные правила действия. В этом случае провиантмейстеры спешили купить продукты по «вольным» ценам у жителей, но ведь денег в полковой казне на экстренную покупку могло не быть, и тогда вынуждены были смотреть, сколь вреден для здоровья тот магазинный провиант. Если совсем испорчен, то и разговора об его употреблении не шло, но подпорченный слегка солдатам могли и предложить, но только на полмесяца питания, чтобы не слишком отяготить солдат невкусной пищей. Остальное воины прикупали сами, и с этой целью их снабжали казенными деньгами.

Принимаемый в полки провиант хранили тщательно и бережно, стараясь уберечь его от двух главных зол: от воды и от огня. В период летней лагерной жизни продукты, нерозданные по артелям, держали в провиантских повозках — фурах. Но воинская служба не терпит сидячей жизни — полк по приказу мог сняться с квартир, с лагеря и отправиться в поход. Что делать с провиантом? Часть продуктов забиралась, но могли остаться значительные неизрасходованные запасы, которые сносились в одно место, и к ним приставлялся часовой, охранявший провиант до возвращения полка. Но войсковая часть порою посылалась надолго, далеко, и не имело смысла оставлять продукты, способные испортиться. Тогда их или передавали за деньги чином провиантского ведомства, или попросту продавали всем желающим по заниженной цене.

Довольно уж говорилось о магазине, о том, как функционировал этот воинский провиантский склад. Возвращаясь чуть назад, по-

смотрим, как кормились полки, пока получение хлеба из магазинов не стало господствующим способом довольствия.

«А в нынешнем 1714 году, — жаловались обыватели Путивля, — оставлено у нас на квартирах полторы роты драгун да штап, и поставлены на наших же дворах на два двора драгун, а штапские лошади поставлены на двор по лошади, и велено их кормить и лошадям фураж давать нам же, а мы люди скудные и в посылки, и на караулы ходим непрестанно, также и платим окладные деньги и всякие твои государевы подати, и за скудостью, и за твоими государевыми многими караулами, и посылками, и податями ныне нам тех драгун и их лошадей кормить нечем. Всемиловитвейший государь, просим вашего величества, вели, государь, тем драгунам и лошадям провиант и фураж давать в Путивле из магазина, чтоб нам вконец не разоритца».

Челобитная путивльских жителей — лишь капля в море тех слез, которые выплакал русский обыватель, отданный Петром I «на откуп» своему любимому детищу — войску. Указы, запрещающие насилие при сборе провианта, неоднократно издавались, но в силах ли были остановить они солдата, просто-напросто желающего есть, которому к тому же определили под прокорм какую-то деревню? В 1703 году Б.П. Шереметева известили о челобитье жителей порубежных сел Красного и Зверовича, сообщавших, что «от проходящих войск оные села запустошены и тамошним жителям чинят обиды и налоги». И генерал-фельдмаршал велел Я.В. Брюсу послать туда офицера «на залогу». Однако в 1707 году полковник Михайло Шереметев жаловался уже на самого знаменитого Брюса, подчиненные которого, пушкари, напали на обоз с провиантом, собранным солдатами его полка, «офицера и солдат перебили и провиант тот отняли». А в следующем году и Борис Петрович журил артиллерийского начальника за то, что его пушкари «в нынешнем походе дорогою надлежащие деревни к его квартирному многие разорили, и порции выбрали, и подводы забрали без остатку, и мужиков разогнали». Навряд ли генерал-фельдмаршал заботился об интересах обиженных крестьян — страдала интереса подчиненных ему войск, так как артиллеристы похозяйничали в местности его квартирования.

Что оставалось делать обывателям в тот суетный, опасный начальный период войны, когда земли на Западном театре, на Украине топтались многотысячными армиями и Карла, и Петра, а гражданские жители подвергались насилию равной силы со стороны и шведов и русских? Часто поселяне просто зарывали в землю свое зерно, чтобы полностью не лишиться хлеба, а то и просто семян для сева. Но нужда заставляла солдат разыскивать припрятанное зерно, чтобы хоть как-то поддержать свои силы. На это были даны и высокие санкции начальства, к примеру, Шереметева, который едва ли не сам додумался до такого способа удовлетворения потребностей солдат «ради оскудения провианту». Генерал-фельдмаршал, правда, приказывал описывать ямы с хлебом, узнавать владельцев и вручать им удостоверение в изъятии

зерна, что впоследствии могло зачеститься им в качестве погашения долга по уплате государственной повинности. А разоренные шведами деревни могли быть и вовсе освобождены от снабжения русской армии провиантом.

Да, магазинов, способных решить все проблемы с прокормлением армии, еще и после Северной войны было в России недостаточно. Немного выручала покупка некоторыми полками всего необходимого «за наличный расчет», но и здесь встречалось множество неудобств. В 1730 году Верховный тайный совет вдруг предложил Семеновскому полку, уже переведенному на квартиры в Петербург, не пожелают ли гвардейцы на протяжении пяти лет получать не хлеб из магазина, а деньги из расчета торговых цен. Семеновцы подумали и отказались. Во-первых, не «хлебным» городом был Петербург, и свободная продажа часто находилась в прямой зависимости от казенных подрядов, от того, какие торговые силы привлекались в столицу. Во-вторых, заготовить сразу около 300 тонн хлеба на год не представлялось никакой возможности, а покупать его частями означало кормить людей провиантом разного качества, что не всем могло понравиться. В-третьих, если в Москве семеновцы владели своим «житным» двором, своего рода полковым магазином, то в Петербурге его еще нужно было строить, чтобы сложить туда купленный, немалого объема провиант. А его к тому же в случае внезапного похода еще нужно было охранять, так что хлопоты с покупкой провианта гвардейцы сочли для себя излишними, деньги остались в казне, а они, как и прежде, пользовались столичным магазином.

Но легко было отказаться от неудобного способа довольствия привилегированным семеновцам, чьи офицеры, да и не только они, но и рядовые, часто несли придворную службу, выполняли ответственные государственные поручения. А армейские пехотные и кавалерийские полки чаще просто подчинялись. Прикажут брать хлеб из магазина — берут. Нет рядом магазина, сгорел или попросту не может выделить муку, крупу и соль — получают распоряжение покупать продукты самостоятельно, и для этого на полк спускались необходимые денежные суммы.

Но интересно выяснить, многие ли полки прибегали к закупкам, а то и к натуральным сборам хлеба с населения России после Северной войны, когда все признали преимущества магазинного способа довольствия войск? Так вот, в 1733 году, к примеру, когда в преддверии войны за польское наследство на Украине происходила концентрация русских полков, 24 драгунским и пехотным полкам приказали приобретать хлеб насущный следующим образом: 8 из 24 обеспечивались магазинным провиантом, 8 — «покупкою, или подрядом, или от обывателей за плату», а другим восьми — «от обывателей без оплаты», то есть просто брать провиант натурой у окрестных жителей. Но самое интересное состояло в том, что сбор натурой был предложен лишь тем полкам, которые разместились не на обывательских квартирах, а в слободах местных, украинских полков, а из магазинов получали хлеб те части,

что стояли непосредственно в домах гражданских жителей. Так регулировали правительство и военная администрация степень отягощения обывателей: не принимаешь на двор солдат — хлеб давай, а пустил в свой дом на постой — освобожден от натуральных дач.

Как ни умножалось количество магазинов на протяжении всего века, полностью избавить население от обязательных поставок провианта на армию все-таки не удалось. Но к натуральным сборам прибегали все реже, когда, к примеру, требовала их обстановка. Еще в 1789 году «для обеспечения войска нашего против неприятеля нашего и всего христианского мира», то есть Турции, Екатерина распорядилась собрать с населения многих губерний России, с каждой ревизской души по 2 четверика муки (30 кг) и по 1,5 гарнца круп (около 3 кг) — месячную норму солдата. За провиант крестьянам, конечно, заплатили по торговым ценам.

Все то, о чем говорилось прежде, касалось снабжения полков, расположившихся на квартирах, — в слободах ли, на постое ли — неважно. Но условия довольствия войск на марше, в походе были куда более сложными, к знакомству с ними мы сейчас и обратимся. Хорошей иллюстрацией снабжения полков в походе может быть отчет подполковника Смоленского пехотного полка, фотографически запечатлевший особенности «дорожного» питания. Этот документ ввиду важности его приводим полностью и даже сохраняем оригинальную орфографию. Вот он: «В прошлом 1711 году, как мы ат Риги марш восприяли, и в бытность при Риге дано было провианту для походу урядником и салдатом 996 человеком сухарями на месяц, и онаго провианту стало до Ковни без нужды, а как пришли к Ковне, приняли от господина генерала лейтенанта Боура урядником и салдатом 914 человеком августа в 30 число провианту ржи 15 бочек, 10 скотин рогатой, и роздано в полку, а из Ковни по приказу господина генерала лейтенанта Боура откомандирован был я с офицеры и салдаты вперед в местечко для сбора провианту, и что я оного провианту против указу собрал и по приказу господина бригадира Тредина в полки роздал в сентября в 5 и 6 числах, и для оного провианту оставлен был офицер и салдаты для молотья ржи и для печения хлеба, и как оной офицер с вышепомянутым провиантом в скорех числах в полк не прибыл, и в то число было салдатам не без нужды, а как прибыли в Гродню, принято от господина генерала лейтенанта Боура провианту урядником и салдатом 889 человеком муки 22 бочки и ржи 38 бочек, соли 1 бочка, 18 скотин рогатых, 8 баранов; а как от Гродни в марш пошли и прибыли в местечко Текотин, и во оном местечке жача была от него ж, господина генерала лейтенанта Боура: сентября 22 числа принято урядникам и салдатом 872 человеком муки 55 бочек и с полубочкою, 30 скотин рогатой, 4 гуся, 3 утки, 7 кур русских, и для оного провианта, для печения хлеба и для молотья ржи командирован был офицер с салдатом, и покамест оной офицер с вышеупомянутым провиантом не управился и в полк не прибыл, и в то число было салдатом не без нужды ж; а как мы от него, господина генерала лейтенанта Боура,

от местечка Текотина в марш пошли з господином бригадиром Трединым и пришли в местечко Тиханово, и в том местечко октября в 4 и в 6 числах принято от господина бригадира Тредина провианту: муки пол 10 бочки (10,5 бочки. — С.К.) да полбочки овса, 4 барана, 2 гуся, 2 утки, 5 кур русских и роздано урядником и салдатом 847 человеком, и оным провиантом шли до Таруни, и в то число салдатом была хлебная нужда, а у которых урядников и салдат были свои денги, и где могли достать за свои денги, покупали, а у которых денег не было, и в то число пробавлялись капустою и свеклою, а под пушки и амуницею даны были в полк 49 лошадей в Риге от господина генерала лейтенанта Боура, и как оные лошади были здоровы, и в то число салдатом нужды не было, а как оные лошади, идучи дорогою до Гродни и в иных местечках, падежом померли, и из оных лошадей осталось в полку малое число, и в то число салдаты пушки и амуницею вести помогали в грязех и на гору, а как помянутый от Риги до Таруни марш восприяли августа с 15 числа, а к Таруни прибыли октября 13 числа, бежало салдат в разных числах 88 человек, а отчего оные салдаты бежали, и про то я не ведом, а в иных местах было провианту не нужда, а как от Таруни до Познани в марш пошли разными трактами, и в то число становились по деревням, и повелено было есть у господарей, и в то число салдатом в провианте нужды не было».

Какой сухой по изложению документ, но как много скрывается за его казенными фразами! Прокомментируем его.

Итак, Смоленский полк вышел из Риги, где имелся магазин, снабдивший воинов и наполнивший провизией так называемый магазин подвижный — запас походный, который нужен был солдатам во время перехода между городами, имевшими военные продовольственные склады. Вообще существовало правило устраивать магазины друг от друга на дистанции недельного марша, не более, «чтоб чрез дальнее расстояние излишним провиантом не отяготить людей и полковых лошадей или не учинить людям в провианте недостатка». Но правило это явилось лишь после Северной войны, а прежде, при Петре, запас походный готовили на месяц.

Что ел солдат на марше? Своеобразной, нехарактерной пищей становились сухари, или получавшиеся из магазина, или сушившиеся солдатами до похода «загодя». Нижним чинам выдавалась мука, они вначале выпекали хлеб, который тут же резался на ломтики и отправлялся в печь: или хозяйскую, если находились на постое, или в казарменную, если жили в слободе.

Однако часто воинов освобождали от этого занятия, и сухари сушились гражданскими жителями, что являлось своего рода настоящей государственной повинностью, потому что в дело шли и дрова обывателей, и посуда, и другие необходимые в пекарном деле предметы. Жителям под расписку выдавалась из магазина ржаная мука в количестве одной четверти и больше, а вернуть они были должны уже полторы четверти сухарей, и не каких-ни-

будь, а «добрых, чистых и сухих». Магазинные приемщики внимательно смотрели за тем, чтобы сдаваемые обывателем сухари были «не горелые, не гнилые, с ячною и овсяною мукою и другим хлебом не мешаные, квашенные добрым квасом». Следили и за тем, чтобы не несли сухарей сырых, с примесью отрубей, песка, кусочков глины, кирпича, способных попасть в продукты от печи.

Походный провиант — сухари и некоторые другие продукты — мог переноситься солдатами и на себе, за спиной, — в 1711 году Б.П. Шереметев приказал: «Провиант поделить поровну по полкам, а как провиант, так и мясо, нести на себе». Для этой цели служили воинам мешки-котомки, но уже в период Северной войны солдат обогатился и ранцем.

Понятно, что тащить за спиной можно было запас продовольствия на несколько дней, но месячный провиант перевозился. В рапорте командира Смоленского полка говорится о конском парке этой части в 49 лошадей, их-то и впрягали в телеги, перевозившие продукты. Для возки подвижного магазина в середине века пользовались фурами, сделанными по «малороссийскому обыкновению», в которые впрягались 4 лошади или 2 вола. Волы, между прочим, сами являлись «запасным провиантом», потому что в случае необходимости волы закалывались и шли солдатам в пищу.

Особое внимание придавалось таре, в которой перевозили провизию. Теперь хлеб, соль и другие продукты не защищали надежные крыши магазинов, и дождь в ненастную погоду мог разделяться с подвижным магазином столь же быстро, как и огонь с постоянным. Вот поэтому и клались на телеги-фуры только надежные, без заплат, кули, часто двойные, чтобы не протерлись в тесном и часто долгом соседстве друг с другом. Дно провиантских фур предварительно выстилалось рогожами, укрывавшими потом и кули с хлебом от непогоды. А соль — компонент солдатского меню огромной важности — перевозилась в плотно закупоренных бочках. Чтобы больше не возвращаться к сухарям, сообщим, что долгое их употребление оказывало крайне вредное действие на здоровье воинов. Тот самый австриец Парадеу, что оставил нам красочное описание русского обоза, сообщает: «...их желудок не переваривает сухарей с водой (об извозчиках. — С.К.); то же можно сказать и обо всех солдатах, страдающих постоянным расстройством желудка; при моем отъезде было более 10 000 больных, их клали по 4 и 5 человек на одну небольшую телегу, на которой едва 2 человека улечься могут, разумеется, их клали друг на друга; телегою управлял человек, едва освободившийся от болезни, похожий более на мертвого, чем на живого».

Далее, изучая рапорт подполковника Смоленского полка, узнаем, что захваченного из Вильны провианта хватило до Ковны, а за это время полк успел пройти более 200 километров. В Ковне снова запаслись провизией и двинулись в сторону Польши, попутно занимаясь во встречавшихся по дороге местечках сбором продуктов. На каком основании? Надо думать, что недостаток в хлебе восполнялся с помощью так называемых реквизиций, когда про-

виант «сбирался» или просто безвозмездно с выдачей справок — квитанций, или за него давали очень мало денег. Военный историк А.З. Мышлаевский пишет, что реквизиции были мерами вынужденными, и к ним прибегали редко, преимущественно в Ливонии, Финляндии и отчасти в Литве, по которой и шагал тогда Смоленский полк. Именно недостаток в хорошо снабженных магазинах на этой «чужой» территории и вынуждал прибегать к реквизициям, которые вообще коренятся в практике ведения войн той поры в Европе. Но еще Петр I предостерегал своих полководцев не злоупотреблять этим варварским методом кормления. «Идучи сквозь Курляндию, — писал царь Борису Петровичу Шереметеву, — под смертью всем, а паче начальным, чтоб никакого разорения и озлобления курляндчикам не делали, и не озлобляли, и ничего б не брали, разве по нужде крайней провианту» (1705 год).

Зато уж неприятельский провиант безо всякого сомнения зачислялся в разряд военной добычи и поступал в полное распоряжение победителей. Немало продуктов питания находили русские солдаты в обозах, лагерях врага, в магазинах покоренных крепостей. Старались удержать солдат от разграбления «трофеев», тут же приставляли караул к найденным запасам, чтобы перечесть потом и включить «в приход». Но перво-наперво старались определить, не отравлен ли провиант злокозненной неприятельской рукой, и для этой цели обычно пользовались домашними животными. Кстати, захваченная у неприятеля скотина тоже поступала в распоряжение победителей, но мясом накормить спешили больных и раненых. Не пропадали и кожи съеденных «трофейных» животных — полковое командование пускало их в продажу, а вырученные деньги шли на нужды нижних чинов. Из отбитого у врагов провианта выделялась часть для прокорма пленных, и уж коль заговорили о них, скажем два слова о пище тех русских, кто освободился из вражеского плена. Несколько подробнее об этом расскажем в следующем очерке, а пока ограничимся красноречивой выдержкой из Провиантских регул 1758 года: «Оным в рассуждении их полонного терпения и что из них многие, содержась долговременно, нестерпимые мучении в заключении имели, штаб- и обер-офицерам на денщиков, а прочим подлежащий им провиант, когда они возвратятся и просить станут, за все то время, сколько они в полону пробудут, подлежащий им провиант в натуре или за оный деньгами, смотря по обстоятельствам и состоянию времени, выдавать...»

Но вернемся к анализируемому рапорту. Видим, что посылались дорогой солдаты с офицером «для молотья ржи и печения хлебов». На самом деле не только в походе, да еще за пределами России, но и дома, на квартирах, полкам приходилось получать из магазинов не муку, а зерно. Случалось же, что солдаты в военной обстановке просто скашивали спелую рожь, обмолачивали, мололи и пекли из нее хлеб. Хорошо еще, если средств для помола имелось достаточно, рядом находилась крестьянская мельница. Но в некоторых районах их было недостаточно, и, чтобы выйти из за-

труднительного положения, фельдмаршал Шереметев издал по армии инструкцию, приказывающую заводить в полках ручные жернова и «имать те жернова в селах и деревнях, где сыскать возможно».

Но, как видно, требование это не исполнялось безоговорочно, потому что о необходимости заводить жернова Шереметев повторял еще раз, а потом и сам Петр обратил внимание Александра Меншикова на плохое обеспечение войск средствами для помола зерна. В чем крылась причина, сказать сегодня трудно: или негде было раздобыть на все войско огромное количество ручных, малопродуктивных мельниц, или сами солдаты не хотели связываться в походе с тяжелыми камнями жерновов, — не знаем. Однако результаты отсутствия мельниц не заставили себя ждать. В 1712 году в русских войсках, воевавших в Померании, вдруг резко возросла заболеваемость солдат. «Ныне, — сообщали Меншикову, — 419 человек больных, между которыми кровавым поносом многие болзнут». Врачебное расследование показало, что причиной массового заболевания оказалось употребление солдатами в пищу пареной ржи из-за отсутствия мельниц, на которые они, как видно, надеялись и не позаботились о ручных жерновах. Пришлось есть немолотую рожь.

А воз нерешенной проблемы еще долго оставался на прежнем месте. В 1733 году во все полки был разослан указ президента Военной коллегии генерал-фельдмаршала Миниха, который, проявляя заботу о здоровье воинов, строго приказывал обзавестись необходимыми для самостоятельного помола средствами. Но Миних пошел дальше своего знаменитого предшественника Шереметева. Теперь полкам предлагалось строить в местах расположения частей ветряные или водяные мельницы, «где для молотья ржи публичных мельниц не имеется». Но могло случиться так, что поблизости не было пригодного для постройки леса, но фельдмаршала это обстоятельство не смущало — рекомендовалось покупать его на «остаточные» провиантские суммы. Эти мельницы должны были находиться в ведомстве командира части, а на содержание и починку их следовало брать с каждой четверти перемолотого зерна по 2 копейки из солдатского жалованья. Но и этим не ограничивались «предложения» указа. «А ежели во время осады, — говорилось в нем, — на вышепомянутых мельницах ржи молоть будет невозможно, а иные могут быть повреждены, и для того иметь в каждом гарнизоне в запасе ручных жерновов на каждое капральство (взвод. — С.К.) по двое или построить на те остаточные деньги мельницы такие, чтоб лошадьми молоть было можно».

Но всякий приказ хорош только тогда, когда он исполняется. Было, есть и будет много приказов, требования которых строятся на плохой осведомленности о реальном положении вещей. И вот, уже в том же году, Военная коллегия стала получать рапорты с мест о том, как продвигается строительство полковых мельниц. В Санкт-Петербурге с удивлением и неудовольствием узнали, что ни

в одном из полков к их сооружению и не приступили. Объяснения были самыми разными, но преобладал следующий аргумент: в местности, где расположилась на «вечных» квартирах войсковая часть, имеются в достаточном количестве обывательские мельницы, на которых «могут солдаты молоть без нужды». Некоторые командиры полков ссылались на отсутствие пригодных для строительства мест, другие объясняли свой отказ тем, что провиант на полк обычно получается из магазина в муке. Были и такие, кто не мог приступить к строительству за неимением свободных денежных сумм, из-за нежелания отвлекать солдат на стройку от их обычных воинских обязанностей или удерживать их личные деньги для будущих ремонтов мельниц, на помол зерна.

Но в отношении приказа обзавестись ручными жерновами в Военную коллегия поступили тоже очень разные суждения. Некоторые на самом деле признавали их полезность в военное время и рапортовали Миниху об их покупке, но другие просто отказывались заводить ручные мельницы, ссылаясь на то, что в округе довольно обывательских ветряных или водяных.

Итак, солдаты Смоленского полка, маршируя по Литве, отыскали где-то поле с неубранной рожью, скосили ее, обмолотили, перемололи имеющимися, пусть в небольшом количестве, ручными жерновами и выпекли хлеб. Но как можно было сделать это в походных условиях? Стоя на квартирах — у обывателей или в слободах — неважно, — для печения хлебов пользовались или хозяйской, или казарменной русской печью. Но в походе, на марше только у местных жителей и можно было разыскать «стационарные приспособления» для печения хлебов, и если съедались сухари, если они просто настолько опротивели, что нужно было срочно печь свежий хлеб, но при этом не имелось вблизи селений с избами, в которых были печи, солдаты все же из положения выходили. На бивуаках, в лагере строились временные печи для печения хлебов. В 1741 году, когда началась война со Швецией, Яши войска, что расположились в Выборгском уезде лагерем, не могли устроить печи из-за песчаной, нетвердой почвы, и приходилось возить муку в Сестрорецк, где хлеб выпекался в печах мастеровых людей оружейного завода.

Какими были эти импровизированные походные печи, мы не знаем. Надо думать, что способов устройства временных печей немало было выдуманно в предприимчивой, умелой, способной устроиться в любых условиях среде русского воинства. Вот один из способов, описанный все тем же А.Т. Болотовым, на которого мы и дальше не раз сошлемся: «Как тут был заготовлен провиант, то должны мы были оный принимать и печь себе хлебы. При сем случае случилось еще нам печь хлебы сии в земляных печах и растворять квашни в ямах: зрелище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидев помянутые ямки и в них в рогожах и в мешках растворяемое тесто, а для печения хлебов другие, выкопанные наподобие нор, дивились и не хотели верить, чтоб могло выйти что-то хорошее, но удивление наше увеличилось,

когда увидели после хлеба и сухари столь хорошие и вкусные, что таковых мы до того времени не едали».

Читаем дальше рапорт подполковника Смоленского полка и узнаем, что за время марша из 996 нижних чинов части дезертировали 88 человек, и автор отчета простодушно выдал нам причину побегов, недоумевая, отчего бежали люди, если «в иных местах было провианту не нужна». Да, не может быть сомнений в том, что основным поводом к побегу на марше по Литве, являвшейся театром военных действий, а потому и «оскудевшей», были недостатки в обеспечении солдат едой. Солдаты покупали продукты за собственные деньги, а те, кто не имел их, питались овощами — благо еще имелись на огородах обывателей! К тому же, мы помним, военным служившим пришлось тащить на себе часть обоза и артиллерию и «в грязех и на гору», что при скудном пайке еще более утяжелило их положение. Да, насколько бытовые удобства на постое, как мы говорили уже, зависели часто не от положений военного законодательства, а от привычек, личного «вкуса», от уровня благосостояния хозяина, что, в общем, зависело и от района страны, настолько и уровень провиантского обеспечения находился в тесной связи с богатством края, в котором квартировал полк. В доказательство сошлемся на записки Болотова: «Стояние наше на месте было хорошо и худо (в Лифляндии, 1755 год. — С.К.). В тепле и свете недостатка мы не имели, напротив того, в потребной для нас провизии и съестных припасах претерпевали иногда оскудение, ибо по бедности и суровости тамошних жителей не можно было ничего доставать купить у них ни за какие деньги, а от городов находились мы в далеком расстоянии».

А теперь прокомментируем сообщение рапорта, где говорилось о том, что во время марша от Таруни до Познани полк квартировал в деревнях и питался «у господарей», стол которых оказался, надо думать, настолько богатым, что смоленцы больше не испытывали недостатка в провианте. Но почему? Дело в том, что полк шел тогда в Померанию через Польшу, с которой у русских имелся договор. По трактату 1707 года поляки, выполняя союзнический долг, обязались поставлять на российское войско «с 1 мая на шесть месяцев по 2 фунта оржаной решетной муки на день каждому солдату». Трактат, включивший этот пункт, являлся большим успехом русской дипломатии, и Петр I срочно остановил закупки провианта на находившиеся в Польше полки, а предназначавшиеся на приобретение хлеба деньги рекомендовал использовать на покупку у польских обывателей других продуктов питания, рассуждая очень «политично» и тонко: «...тем можно учинить своим людям выгоду, а им (полякам. — С.К.) голос такой, что покупаем».

Однако то ли приказ царя был на местах неверно истолкован и стоящие на польских квартирах русские полки прибегли не к покупкам, а к обыкновенным реквизициям, то ли покупки эти делались лишь с учетом интереса «покупателей», — во всяком случае, жалобы начинают поступать уже в год заключения трактата. Шляхта жаловалась, что солдаты берут «вместо провианту

волами и иною скотиною», но реквизицией мяса дело с незаконными сборами не ограничилось. Все в том же 1707 году канцлеру Г.И. Головкину пришлось иметь неприятный разговор с генерал-комиссаром князем В.А. Долгоруковым, которому дали понять, что сахар, изюм и перец, так полюбившиеся квартировавшим в Польше войскам, в оговоренный по трактату провиант не входят.

Но внушение не оказало должного действия, и вскоре польские послы обратились с официальным протестом к русскому правительству. Вот что сказали они в своем гневном заявлении: «Берут по своим прихотям офицеры, кто что захочет, и чего в иных местах, а именно по деревням, купить и промыслить невозможно, то есть корицу, сахар, гвоздику, лук, перец, огурцы большие и малые, а к тому же еще и пиво, вино, и за то, ежели где оно не сыщется, правят многие деньги и берут под этот провиант подводы и лошади, кто до которых мест захочет, чего терпеть им больше невозможно, ибо и самим им, владеющим, от подданных своих насущного хлеба уже мало осталось». Послы говорили, что полякам было куда легче при шведах, и жаловались, что теперь на провиант для русских с каждого «дыма» уходит 50 злотых. В основном их обиды касались офицерского корпуса, и они предлагали вообще лишить права на бесплатный провиант имеющих, как они считали, значительные денежные оклады офицеров, способных приобретать продукты за свой счет. Если заявление, говорили послы, не будет удовлетворено, то Речь Посполитая вовсе откажется от снабжения русской армии провиантом.

Но ультиматум Польши натолкнулся на стену решительного протеста со стороны России. В ответ на заявление послов русское правительство в свою очередь заявило, что войска на территории Польши находятся лишь потому, что этого требуют условия безопасности страны-союзницы, «для сохранения живота и вольности их от неприятеля», что на эти цели русскими уже издержаны «многие миллионы», которые следовало бы потратить полякам. Кроме того, заявление отводило и обвинения в незаконных сборах продуктов, — «излишнего ничего у них не берется, и излишняго иметь накрепко закажется». Таким был ответ России польским представителям.

И меры по борьбе со злоупотреблениями в сборе провизии с польских обывателей на самом деле не заставили себя ждать. Оглашаются по армии «жесткие» указы, запрещающие брать у населения что-либо силой, без оплаты. Но одними репрессиями делу трудно было бы помочь — голодный солдат способен был переступить закон, что бы ему за это ни грозило. А поэтому русская военная администрация спешно рассылала по польским местечкам «универсалы» с призывом к обывателям заранее подготавливать для продажи и хлеб, и всякие другие припасы. И в том случае, если предложения «универсалов» игнорировались, местное население уже как бы на законном основании могло быть подвергнуто принудительной продаже их запасов продовольствия. Меншиков по этому поводу писал в 1712 году: «... принуждены будут силою

брать, где какое пропитание сыщут, и тогда удержать будет их невозможно, к тому ж и вину поставить им будет нельзя (русскому войску. — С.К.), понеже никто, видя способ к получению пропитания, з голоду уморить себя не захочет».

По всей видимости, положения трактата 1707 года хоть и не отменялись, но по причине крайнего разорения войной гражданского населения снабдить провиантом за его счет русскую армию не представлялось возможным. Но солдаты, зная о своих законных правах, искали способы удовлетворить лишь собственные потребности, а следствием являлись реквизиции. Увы, причиной злоупотреблений хотелось бы назвать здесь в первую очередь следующее обстоятельство — войну, где забывались напроочь правила морали и торжествовали принципы крайнего эгоизма, инстинкт самосохранения и интересы узкокорпоративные. Поляки пытались было отказаться от натуральных поставок провианта русскому войску, предлагая заменить хлебные дачи денежной компенсацией. Узнав об этом, Петр I язвительно заметил: «Зело удивительно пишете, что поляки хотят деньгами платить, — как могут солдаты деньги есть?» Как видим, не без оснований отрапортовал подполковник Смоленского пехотного полка о том, что, живя у польских «господарей», смоленцы в провианте не испытывали никакой нужды.

Не с одними лишь поляками заключили русские «кондиции» о прокорме российских войск. Союзники-датчане тоже обещали в специальном соглашении давать полкам Петра в случае их присутствия по договору в пределах Дании провизию: хлеб, мясо или рыбу (морская держава!), давая по четверти фунта на день того или иного продукта (чуть больше 100 г) и по 3 фунта соли в месяц человеку (в России солдатам давали только два). Им обещали постоянные дворы в качестве квартир, а также «доброе попечение» о раненых; кроме того, русское войско получало бы от датского короля вино и пиво «по несколько». Но обещания обещаниями, а на деле положение с провиантом у русских войск, находившихся в Дании, напоминало польскую ситуацию. Семеновский полк, к примеру, натолкнулся на категорический отказ датских обывателей выдавать солдатам провиант. Союзники не пускали их и в свои дома. Да, грань между солдатом союзной армии и неприятельским солдатом при решении вопроса о прокорме и постое была очень зыбкой в то время, когда и в своей стране обыватели едва терпели претензии «защитников».

Теперь посмотрим, как много съедали воины, находившиеся в заграничных походах, — здесь норма была несколько иной. Уже с самого начала Северной войны для «заграничного» кормления, когда армия попадала в непривычные, более сложные условия, были введены так называемые порции, своего рода пайки или комплекты провиантского довольствия. «Старая» Россия не знала порционов — их позаимствовали из устава армии Священной Римской империи. В один порцион, по Воинскому уставу 1716 года, входили продукты, положенные солдату на день его «зарубеж-

ной» жизни. Это 2 фунта хлеба, — вспомним сразу, что и в России он получал от казны такое же количество. Мяса в порцион включалось 1 фунт, круп — 1,5 гарнца в месяц, что равнялось российской даче. Соли он съедал 2 фунта — не больше, чем дома, но кроме этого получал он в день 2 чарки водки и гарнец пива — почти два литра! А на квартирах давался солдату еще и уксус.

Мы говорили о порциях как о норме питания нижних чинов, но ими же снабжался и офицерский корпус армии, только в размерах куда более значительных. В начале Северной войны порционные дачи командиров выглядят просто устрашающими — нормы скопированы из «цесарского» устава. По ним генерал-фельдмаршал мог получить 300 порционов в день, а пехотный капитан — 10. Генералу-фельдцейхмейстеру полагалось 100 порционов, которые должны были быть собраны с 33 «дымов» или дворов, отдававшихся на откуп главному артиллерийскому начальнику.

Нетрудно догадаться, что брать такое огромное количество продуктов натурой никто не соглашался, и порции пересчитывались на деньги, получаемые офицерами в качестве недурного приварка к основному жалованью. С обывателей в Польше собирали как раз порционный провиант, а порой и деньги взамен провизии, которым тоже были рады офицеры. В 1712 году генерал-провиантмейстер В. Долгоруков предлагал Якову Брюсу брать с «отказчиков» за каждый порцион по тинфу (польская монета, равная 4 алтынам 2 деньгам — 13 копейкам). Очень высокая цена за дневную солдатскую норму, включая даже мясо, пиво и вино. В России так называемые кормовые деньги, выдававшиеся, к примеру, командированному (теперешние суточные), не превышали 3 копеек. Как видно, князь Долгоруков, предлагая брать за порцион 13 копеек, прибавил к стоимости продуктов еще и пени за нарушение союзнических обязательств.

У нас есть предлог коснуться в данном месте проблемы офицерского стола. Есть сведения о том, что в самом начале века командиры российской армии получали из казны хлебное жалованье. Так, офицеры 2-го гренадерского Ростовского полка наряду с денежными окладами обеспечивались еще и казенным хлебом: полковник — по 40—50 четвертей в год, а прапорщики получали 5—7. Давали офицерам еще и соль. Провиантские дачи обеспечивали, правда, далеко не всех офицеров, а только иноземцев и тех русских, кто не имел своих поместий. Мы знаем, что эпоха феодализма характеризуется наделением служилого сословия, дворян, участками земли, являвшимися платой за военную службу. Век XVIII еще не забыл, еще выделяет тех офицеров, кто когда-то, пусть с помощью далеких предков, получил от русского царя земельное пожалование, и помещики расцениваются как офицеры, находящиеся в положении привилегированном в сравнении с иностранцами и добившимися офицерского чина службой. А поэтому хлебные оклады, дававшиеся в начале Северной войны, были призваны в какой-то мере уравновесить, нивелировать разницу в материальном положении помещиков и беспоместных. И ведь

наличие поместий для офицера на самом деле имело важное значение. А.Т. Болотов рассказывает в своих записках, как он посылал своего «человека» в поместье «для привозу денег и всякой другой провизии». Заметим, кстати, что известному мемуаристу не только имение служило подспорьем. С милым простодушием он откровенно поведал миру в мемуарах: «...и как приехал тогда прямо из Польши, где находился для заготовления провианта, и имел чрез то случай понажитья и вывезть с собой и денежек, и всего протчаго довольно...» Вот мы и узнали, какими преимуществами обладала должность провиантмейстера.

Хлебное жалованье, однако, уже очень скоро перестает выдаваться как иностранцам на русской службе, так и беспоместным. Эти дачи как бы заменили порции, которыми снабжались в походах за границей все офицеры без исключения, потому что все они вдали от родины как бы становились беспоместными, не могли рассчитывать на помощь из имений, а значит, — рудимент оплаты труда служивого прежних веков! — лишались большей части государственного жалованья, что необходимо было тут же компенсировать порционом. Да и куда удобней было за границей заготавливать провизию централизованно, организовано. Там уже трудно было просто послать денщика на базар за продуктами к столу. Кстати, о провианте денщиков: эти офицерские слуги казенных продуктов на себя не получали. Хоть их порция и не была меньше, чем обычная солдатская, но «хлеб» на денщиков выдавался только на руки офицерам. «Господа» же обычно имели не одного, а несколько денщиков, так что можно предположить с уверенностью: часть денщицкого провианта оказывалась на столе офицера.

Но казна приходила на помощь офицеру и не только выдавая порцион. Экстренные условия вынуждали иногда кормить их хлебом. Так, в 1725 году сообщалось: «...в завоеванных городах деньги российские ходят с умалением цены едва ли не в полы (вполовину. — С.К.), отчего де тамошнему корпусу не без нужды, а офицеры не могут тем жалованьем себя содержать, того ради в правительствующий Сенат подать доношение и требовать указа, дабы онаго корпуса офицерам к их денежному жалованью прибавить хлеба».

Неизвестно, правда, согласился ли Сенат подкормить голодных офицеров казенным хлебом. Но фактом установленным является то, что в середине века и позднее офицеры могли рассчитывать на помощь лишь в самых крайних случаях, за исключением заграничных походов, конечно, где имели порции. В обычной же, «домашней», обстановке только сильный неурожай или другие «самонужнейшие» обстоятельства давали офицеру право просить о выдаче из магазина провианта. Санкцию на это давал сам генерал-провиантмейстер, и уж, конечно, стоимость выданного офицеру хлеба по магазинной цене высчитывалась потом из его оклада.

Вообще дешевизна продуктов питания в России отмечается некоторыми авторами, и чаще всего офицеры без труда могли снабдить себя в счет оклада необходимой провизией, а порою даже

«шпиануть» в ресторации, если служить приходилось в столицах или в крупных губернских городах. Еще в начале XIX века офицер в петербургском знаменитом ресторане Френцля мог иметь за 50 копеек медью «гастрономический» обед с вином и десертом. Жареный рябчик стоил 25 копеек медяками, а за бутылку шампанского платили 2 рубля.

Но перенесемся из столичного ресторана в походную обстановку и повнимательней присмотримся к порционному меню. О хлебе уже говорилось довольно, — дача походного военного времени равнялась обыкновенной, «квартирной». О крупах скажем только то, что наиболее употребительными для солдатской каши являлись гречневая, овсяная, ячменная и толокнянная крупы.

Что до мясной порции, выдававшейся натурой, потому что самостоятельное приобретение продуктов было исключено, то дневная норма размером в 1 фунт, установленная Воинским уставом в 1716 году, просуществовала весь век, но в начале Северной войны была иной. В 1707 году Петр I даже утвердил мясную порцию в целых 2 фунта! Однако количество мяса скоро снизилось до 4 и даже 3 фунтов в неделю, что оправдывалось, наверно, какими-то местными причинами. Мы помним, что существовали и дополнительные дачи мяса, «на разговенье» к Пасхе, но премировали им солдат и в честь Рождества Христова.

Для походов мясо или солили, или сушили, причем последний способ считался наиболее удобным. Возили мясо на фурах в бочках или запас дней на десять вместе с хлебом несли в котомках за плечами. В некоторых случаях, когда не успевали заготовить мясо, компенсировали недостачу или свиным салом, или коровьим маслом.

Сорта мяса, поступавшие к солдатскому столу в заграничных маршах, были разнообразны, но разнообразие это не было, понятно, следствием изысканного вкуса воинов, — что сумели достать, то и едят. Мы помним, что смоленцы в Литве ели мясо и быков, и баранов, и гусей, и кур. Артиллеристы Брюса, расположившиеся на польских квартирах в 1707 году, получали с обывателей за деньги свинину, яловиц, баранов, гусей, уток, каплунов (кастрированных петухов, откормленных на мясо), кур «русских». И чем богаче был край, тем богаче становилось солдатское да и офицерское меню. Обратимся снова к запискам Болотова и узнаем, как питалась армия в Пруссии, когда шла Семилетняя война: «...имели во всем изобилие, а особливо в мясе. Скота крупного и мелкого, и всякого рода дворовых птиц и живности, а особливо гусей, было презрительное множество, и всегда достать их возможно было за весьма дешевую цену. Самих баранов покупали мы иногда только за 10, а гуся не более как по 5 и 4 копейки. Все сие продавали нам наши казаки и калмыки, ибо они, рассеиваясь повсюду, опустошали немилосердным образом все кругом лежащие селения. И как жители спасали только крупный скот свой, а прочее все оставляли, разбегались в леса и там скрывались, то изобильные

пруссские деревни наполнены были повсюду несметным множеством мелкого скота и всякого рода птиц».

Мы не пишем очерков о нравах той поры — наша цель показать лишь всевозможные средства, которыми удовлетворялись потребности солдат в позапрошлом веке. И все-таки заметим, что Семилетняя война, наполненная кровопролитными сражениями, определила и отношение воюющих сторон к мирным жителям. Во всех войнах гражданскому населению была уготовлена судьба не менее тяжелая, чем борющимся армиям. Как раз в то время, как Болотов ел в Пруссии реквизированных каплунов и уток, издали Провиантские регулы, где ясно говорилось, что порции, выданные военным служащим в землях неприятельских, не следует расценивать как жалованье, «ибо она дача не из казны, но с неприятельских подданных получаема быть имеет». Реквизиции были узаконены.

Включили в порционный ассортимент еще и вино, то есть простую водку (встречается в документах еще одно название «горькой» — «гарелка»). Еще по распоряжению Петра солдатам в походе выдавали в месяц 2 гарнца вина, что в пересчете на нашу меру веса дает 100 г в день. Но Воинский устав дал военному служащему возможность выпивать уже по две чарки в день. К сожалению, трудно сейчас сказать, какого объема была та самая петровская чарка, но точная мера ей была, конечно. «Прошу, — писал Яков Брюс в 1708 году, — дабы прислали ко мне меру ведрам винному и пивному, что им ширина и глубина, и что в них кружек и чарок».

Вино, как и мясо, могло являться призом за выполнение боевых заданий или к празднику. В 1707 году 120 военным служащим разных полков, «которые ходили в партию», получили в награду 5 ведер вина «на круг». И казенные выдачи вина вообще можно считать традиционными как раз для военного времени, для сражений, а особенно при блокадах и штурмах неприятельских крепостей «для ободрения армии, а паче в зимнее и в глубоко-осеннее время».

В порцион было включено и пиво, которое на польских зимних квартирах в Северной войне также приобреталось у местных жителей за «наличный расчет». Вначале Петр назначил каждому воину по 2 гарнца пива в день — около 4 литров! Право, с позиции сегодняшнего дня трудно представить солдата (и гражданского человека, впрочем), способного поглощать ежедневно так много этого легкоалкогольного напитка вперемешку к тому же с двумя чарками водки. Наверное, и в те поры решили, что дали пива многовато, и уже порция 1712 года сократила выдачу до одного гарнца, хотя незадолго до этого в некоторых полках солдаты могли осилить даже три гарнца в день! Норма в один гарнец была устойчивой и просуществовала долго.

Несмотря на официальные нормы, включавшие в порцион алкогольные напитки, существовала и борьба за трезвость солдатского быта, где наряду с некоторыми мерами предлагалось также

заменять пиво сбитнем — старинным русским напитком, варившимся с имбирем и перцем. Вот что говорится о преимуществах этого напитка в Инструкции для морских служителей (1750 год): «Содержать сбитень полезней, ибо, когда заготавливается пиво, оно через краткое время скисало и вкус свой переменило, что служителям давать было невозможно и по многому числу выливалось в море, а в сбитне того последовать уже не может, но что более стоит, то лучше; да и по свидетельству медицинской канцелярии тот сбитень явился в дачу много лучше и полезнее, нежели кислое пиво, и для тех резонов во всю кампанию удобнее производить сбитень».

Но в сухопутных войсках сбитень пили еще и раньше. В 1737 году в завоеванный Очаков отправили большую партию «целебных» продуктов для укрепления здоровья гарнизона, находившегося в неблагоприятных погодных условиях, а также плохо снабжавшийся пищей. Этими продуктами были вино (водка), уксус, который, как считалось, предупреждает цингу (он входил и в обыкновенный порцион), перец, лук, чеснок, а также сбитень, расценивавшийся как лекарственный напиток, потому что он содержал перец.

Немного позднее, в середине века, провиантские запасы, оставшиеся в русских крепостях, ожидавших долговременной осады, когда нужно было не только обеспечить защитника твердыни обыкновенной нормой, но и ввиду особой сложности, трудности положения дать ему усиленное питание, назывались сверхординарным провиантом. Крепостной запас по уставному положению включал в себя муку, крупу и соль, мясо — свежее, соленое, сушеное, «в говядине, баранине и ветчине», — лук, чеснок, хрен, масло сливочное (коровье), сало, рыбу, бобы и горох. Кроме того, в сверхординарный провиант крепостей включались непременно перец, уксус, вино и сбитень. А закончим справку о воинских напитках сообщением о том, что солдаты пили еще и квас, для приготовления которого им отдавалась негодная для печения хлебов комковая мука.

Масло, как мы помним, не входило ни в обыкновенный провиант, ни в порционный ассортимент. Однако в Польше полками приобреталось масло у обывателей, наверное, за свободные денежные суммы, остававшиеся в полковой казне после покупки основных продуктов. Тогда солдаты съедали по полфунта сливочного масла в день, которое могло заменяться свиным салом. Есть сведения, что коровье масло выдавалось военным служащим как премия или подарок к Рождеству Христову — по 2 фунта на каждого. Что до масла постного, куда более употребляемого, «демократичного», то его солдаты употребляли двух основных сортов — льняное и конопляное.

Не мог обойтись русский воин и без овощей. Мы уже знаем о пристрастии, например, к соленым огурцам даже представителей офицерского корпуса, но любовь к овощам рядового состава была известна всем армейским командирам, — устав, изданный при

Павле I, требовал от воинских начальников внимательно следить за тем, чтобы рядовые «не объедались нездоровыми овощами и недозрелыми плодами». А печально известный прецедент «объедения» овощем, оказавшимся чрезвычайно вредным для здоровья русского солдата, зафиксирован нашим хорошим знакомым Болотовым. Этим «нездоровым» овощем был картофель, незнакомый простым нижним чинам российской армии до их пребывания на территории Прусского королевства. Вот что записал мемуарист: «...мы тут впервые увидели и узнали картофель, о котором огородном продукте мы до того и понятия не имели. Во всех ближних к нашему лагерю деревнях засеяны и насажены были его превеликие огороды, и как он около сего времени начал поспевать и годился уже к употреблению в пищу, то солдаты наши скоро об этом пронюхали, и в один миг очутился он во всех котлах варимый. Со всем тем, по необыкновенности сей пищи, не прошло без того, чтоб не сделаться от ней в армии болезней — и наиболее жестоких поносов, и армия наша за узвание сего плода принуждена была заплатить несколькимистами человек, умерших от сих болезней».

Действительно, прискорбный случай. Однако употребление в пищу овощей чаще оказывало действие оздоровительное, чем вредное. О целебных свойствах чеснока и лука, например, знали давно, и поэтому не случайно то, что гарнизонам только что завоеванных турецких крепостей посылались наряду с водкой и перцем лук и чеснок большими партиями. В 1737 году туда отправились транспорты с 1299 пудами лука и 1616 чеснока. Вина и уксуса, впрочем, тоже отвезли немало — 3972 и 9668 ведер того и другого «целительного» продукта.

Но не только чеснок и лук попадали на стол солдата в XVIII веке. Квартировавшие в Польше войска, как свидетельствуют провиантские ведомости 1707 года — прообраз накладных, — покупали у обывателей кроме хлеба, мяса, масла, сыра, сметаны, яиц, соли и вина еще и «зелень огородную»: капусту свежую и кислую, бураки (сахарную свеклу), петрушку, пастернак, хрен, лук, чеснок, репу и морковь. Эти вполне «интернациональные» по степени распространения в Европе огородные культуры дополняли солдатское меню и в период квартирования в России. Овощи или покупались воинами на рынке, или выращивались на огородах, примыкавших к их избам-казармам в слободах и существовавших до тех пор, пока каменная застройка больших городов не исключила подсобные хозяйства солдат и их семей как вносящие диссонанс в архитектурный облик.

Насколько обеднел бы ассортимент воинского питания, если бы из него полностью исключили рыбу, которую русское простонародье и аристократия всегда любили, которая водилась в изобилии в полноводных российских реках и которая заменяла людям мясо в дни постов. Уже упоминалось, что в 1695 году московские «гости» заготовили для войска, следующего к Азову, большое количество осетров, щук, судаков, лещей наряду с прочими съестными припасами. Позднее, в период «регулярства», рыба не

входила ни в один из видов казенных провиантских дач официально, но есть сведения, что в 1709 году поставлялись на армию большие партии вяленых сазанов, судаков и щук, а в 1714 году урядникам и солдатам Вельяминова полка одновременно с основным провиантом давались и снетки, что ловились в Чудском озере. Но как часто употреблялась солдатами рыба, сказать трудно. Надо думать, что чаще ее ели в вяленом, копченом или соленом виде, поскольку свежая рыба не могла храниться в магазинах, но, впрочем, и нет сведений о том, что она туда когда-нибудь свозилась. Ее поставки на армию, скорее всего, были разовыми, периодическими, а поступала она на стол солдата, когда приобреталась им за собственные деньги на базаре.

Интересно побывать в рыбном ряду середины XVIII века, чтобы выяснить, что там почем. Итак, на рынке стольного Санкт-Петербурга в 1741 году осетрина и белужина «здесьнего соления» стоила 4 копейки фунт, а хвосты и головы продавались по одной копейке. Тоже 4 копейки фунт стоили крупные сиги, а мелкие продавались всего лишь по копейке. Судак и щука ценились равно и стоили от 2 до 1,5 копейки фунт. Лещи отдавались рыбаками без взвешивания: крупный — 5 копеек, средний — по 3, а мелкие — по 1 копейке. За пуд семги продавцы просили 1 рубль 50 копеек. Сельди стоили от 1 копейки до деньги.

Имелась на рынке и икра. Хочешь черную, «засольную, добрую» — плати по 3 копейки за каждый фунт. А «паесная» стоила куда дороже — целых 5 копеек! Чтобы прикинуть, как часто мог есть икру солдат, скажем только то, что обыкновенно его дневной паек не стоил больше трех копеек, а жалованье пехотинца в год равнялось 10 рублям 80 копейкам.

В период же походной, лагерной жизни солдаты в основном были далеки от базаров, рынков, и тогда сам рынок приходил к воинам в лице торговцев-маркитантов, существовавших, без всякого сомнения, с тех самых пор, как появились армии. Как они, эти предприимчивые торговые люди, были заинтересованы в войске, так и армия не могла обойтись без маркитантов. Устав Петра I так говорит о важности их присутствия близ полков: «И понеже не довольно, чтоб при войске токмо один хлеб был, но надлежит и иные припасы съестные и питье иметь, того ради zelo изрядно и потребно есть, когда многие маркетентеры при войске обретаются; тогда надлежит оных, сколько возможно, в привозе и отвозе защищать, понеже оные как питья, так и съестные припасы на продажу имеют... Кто дерзнет маркетентеров в отъезде и в привозе каким-нибудь образом грабить и обиды чинить, имеет жестоко наказан быть, дабы оные маркетентеры никакой причины не имели бояться таковые потребности привозить». Маркитантам в случае необходимости давали провозных, а в лагере предоставлялись удобные места «позади» рот. Но, создавая условия для торговой деятельности, полковые власти строго требовали от харчевников, как иногда называли в России маркитантов, чтобы продаваемые ими товары не обладали высокой стоимостью. Регулирующее цены

вмешательство не должно было вместе с тем доводить стоимость товара до минимума, — в этом случае у торговцев из-за отсутствия выгоды мог совершенно пропасть интерес иметь дело с войском.

Сохранилась «такса», назначенная администрацией для продажи маркитантами своих продуктов армии в 1738 году, когда еще шла война с Турцией. Видим, что торговец не мог продать ведро вина «российского», короче, водки, дороже 1 рубля 68 копеек. За ведро постного масла мог выручить только 2 рубля, за пуд коровьего масла ему бы заплатили 3 рубля — ровно столько, сколько за ведро меда. За ведро уксуса, так необходимого, чтобы предупредить цинготные заболевания, а заодно и улучшить вкус пищи, щей, к примеру, солдат бы заплатил 1 рубль 50 копеек. Фунт «говяжьего доброго мяса» стоил 1,5 копейки, — мы помним, что на петербургском рынке воин тоже не заплатил бы за мясо больше. Но вот фунт говядины «средней» стоил уже лишь 1 копейку, и в такой цене следует видеть, должно быть, уже вмешательство регулирующих факторов. Интересно то, что фунт свиного сала стоил в пять раз дороже мяса «среднего» — 5 копеек. Солдат мог себе позволить купить у маркитанта булку из пшеничной муки весом в 1 фунт за 2 копейки, а фунт блинов из гречневой муки обошелся бы воину в 1,5 копейки. Маркитанты могли продавать в полках и рыбу, причем не имели права требовать за фунт осетрины или белужины больше 5 копеек. Пуд икры «засольной» не мог быть продан дороже чем за 3 рубля, а фунт этого деликатеса стоил 7,5 копейки.

Трудно сегодня делать какие-либо выводы о том, насколько часто мог прибегать рядовой солдат к услугам маркитантов. Основными продуктами питания он снабжался от казны, а у харчевников брал иногда, наверное, мясо, овощи, изредка «господские» выпечные изделия — белый хлеб, к примеру, какие-нибудь пряники, ковриги. Основными потребителями маркитантских товаров были, конечно, офицеры, не снабжавшиеся хлебом, а вынужденные покупать продукты у торговцев. В походе же офицер без маркитанта попросту не мог бы обойтись, а харчевники, без всякого сомнения, с большей охотой имели дело с господами, куда лучше обеспеченными, чем нижние чины, не желавшими подчас вникать в суть торговой сделки, относившимися порой к своим деньгам небрежно, что давало маркитантам возможность неплохо зарабатывать на «нехозяйственности» иных господ. Солдаты же, считавшие не только каждую копейку, но и полушку (четверть копейки), сами часто прошедшие торговую «науку» в крестьянстве, вряд ли дали бы возможность маркитантам наживаться на себе.

О том, что маркитанты имели дело преимущественно с командными чинами армии, говорит и указ генерала Фермора, изданный в начале Семилетней войны. Говорилось, что необходимо в полку «иметь трактирщиков и хлебников, которые для офицеров стол и напитки содержать могли». Этим торговцам запрещалось «возвышать цены по своему произволу», но указ и защищал маркитантов в то же время, грозя офицерам, уклоняющимся от оплаты услуг

торговцев, урезыванием их окладов наполовину и передачей денег в качестве компенсации за понесенный убыток харчевникам.

Но если рядовые реже, чем офицеры, приобретали у маркитантов основные продукты питания, то вино и пиво, привозившиеся ими к полкам, пользовались популярностью и в среде нижних чинов. Командование прекрасно понимало, что именно маркитанты в условиях походной, лагерной жизни способствовали распространению пагубной привычки в армии, и уже с самого начала века боролись с нею. Укажем хотя бы на два документа: в 1705 году царем был дан указ Федору Юрьевичу Ромодановскому, занимавшемуся провиантским снабжением, не допускать к полкам «шинкарей», продающих вино, но разрешать им торговать одними лишь безалкогольными напитками. Второе распоряжение родилось спустя два года, и автором его был Шереметев, писавший: «Шинки на ночь приказать запираеть и объявить, чтоб вином и пивом, и медом и ренским, как пробьют тапту (вечернюю зарю. — С.К.), торговать не велеть, а кто будет продавать в такие часы, с тех будет взят штраф по 6 ефимков». В дальнейшем продажу алкогольных напитков в армии не ограничивали строгими указами, но за «пристойным» поведением подчиненных внимательно следили младшие их командиры, которым предписывалось не допускать солдат до пьянства.

С одной стороны, прилагаются усилия к нераспространению в армии пьянства, а с другой — за вином сохраняется значение продукта целительного или, во всяком случае, способствующего лучшему усвоению лекарств. Как-то Якову Брюсу написали: «При полевой артиллерии больных всегда бывает многое число, а вина и пива, в чем лекарства давать, при артиллерии не бывает, а покупать не на что, понеже на такие расходы денег из приказу артиллерии не присылается, а без вина и пива лекарства, хотя и давать, и в том пользы мало бывает, а лекарству только утрата».

Но водка, а также и пиво выдавались в 20—30-е годы и в «чистом» виде, без лекарств. Руководство «По сколько чего на человека надлежит варить в день» — приложение к Адмиралтейскому регламенту, которым пользовались в госпиталях как морских, так и сухопутных — однозначно говорит о том, что больным воинам полагалось в день по чарке вина и по кружке водки. Но уже документы 40-х годов говорят о том, что алкогольные напитки даются в госпиталях и лазаретах лишь по особому разрешению врача и только тем больным, «которым такая дача могла принести настоящую пользу». Но еще в 1737 году фельдмаршал Миних приказывал в период проведения Турецкой кампании иметь в каждом полку по три бочки водки (наряду с уксусом и перцем) для «пользования» больных солдат.

Елизаветинские и екатерининские времена больным солдатам вино и пиво в госпиталях все так же отпускают «по рассуждению» врачей, но вот с 1757 по 1764 год выписанным из лечебных заведений солдатам велено было давать в течение некоторого срока

ежедневно сбить, а если не было его, то по 2 чарки водки, что делалось для полного оздоровления воинов.

Однако на водку для укрепления здоровья вылечившихся солдат скоро было трудно изыскать денежные средства, и дачи эти отменили. В самом конце века, при Павле I, не говорится и о «чарке» в госпиталях даже по рекомендации врачей. В детально разработанной инструкции по питанию больных в артиллерийском госпитале (1799 год) видим, что «вино простое», то есть водка, упоминается лишь как составная часть лекарств или идет на припарки. В суточный же рацион больных артиллеристов входит только одна кружка «полпива» — пива облегченного, которое, судя по инструкции, настаивалось на хрене и сосновых шишках, наверное, для прибавления ему целебных свойств. По всей видимости, на протяжении XVIII века отношение к алкогольным напиткам, во всяком случае со стороны армейской администрации, претерпевало эволюцию. Во-первых, все понимали вред, наносимый рядовому составу войска (да и офицерскому корпусу) злоупотреблением спиртными напитками. Во-вторых, постоянные винные порции вели к истощению казны. И, в-третьих, медицина, должно быть, тоже разочаровалась в водке как средстве целительном. Результат — исключение вина из рациона госпитального больного.

Так получилось, что мы начали рассказ о питании находившихся на излечении с водки. Поговорим теперь и о других продуктах, что поддерживали силы больных и раненых в госпиталях и лазаретах. Вновь обратимся к Адмиралтейскому регламенту, который предлагает давать больным 1,5 фунта хлеба в день, в то время как обыкновенной нормой, мы помним, было 2 фунта. Но вот мяса больные съедали больше — три дня в неделю они ели по фунту в сутки, а четыре — по половине, то есть по 200 граммов. Интересно то, что не исключалось мясо и для постной пятницы. Четыре дня в неделю больные ели масло (неизвестно, правда, какое) — по 50 граммов. Отпускались им еще и крупы, овсяные и ячменные, а также соль. В общей сложности госпитальные постояльцы получали от казны провианта больше, чем здоровые солдаты. Чем обуславливалось это различие? Во-первых, конечно, тем, что за больным сохранялась лишь половина его денежного оклада, а другая оставалась в казне. Оставались казне и все его провиантские дачи на время нахождения в госпитале. Вот и получалось, что продукты питания теперь приобретались на «хлебные» деньги больного или раненого солдата, который как бы сам и оплачивал за усиленный паек. Кстати, Елизавета Петровна, понимавшая вместе с армейским командованием, как важна больному здоровая, питательная еда, распорядилась в 1757 году не удерживать у военнослужащих половины оклада во время лечения, а после возвращения в строй снабжать его еще и фунтом мяса (о водке мы уже говорили) в день. Но по воцарении Екатерины такие льготы были отменены — не хватало денег.

Но вернемся к Адмиралтейскому регламенту. В этом документе-инструкции, которым определялась жизнь пехотных и даже

артиллерийских госпиталей и лазаретов довольно долго, рекомендовалось для больных «печеный хлеб и мясо свежее подряхать, и о том договариваться с промышленниками, чтоб ставили во весь год, сколько потребно будет, уставя среднюю цену». Давалась пища больным два раза в день. В осеннее и зимнее время рекомендовалось варить овсяную кашу или «яшную» со свежим маклом, а летом, «пока травы еще держаться могут», предлагалось кормить больных капустой, крапивой, «снитью» и другими овощами попеременно с кашами. Зелень обыкновенно выращивалась на лазаретных или госпитальных огородах. Тем больным, которые по докторскому определению не могли есть мясо, давались калачи с жидкой кашей.

Регламент советовал всегда держать при госпиталях квас и пиво, которые варились в госпитальной пивоварне, затем разливались в специальную посуду и ставились в погреб, на лед, во избежание прокисания. Предлагалось иметь при госпитале и несколько коров для доения молока, употреблявшегося больными в пищу, а также шедшее как компонент в лекарства. В целях экономии покупать для животных корм не рекомендовалось — их следовало кормить «дробинами», то есть отходами пивоваренного госпитального производства. А из других дополнявших в первой половине века инструкцию регламента документов узнаем, что в постные дни мясо заменялось в госпиталях и лазаретах рыбой, сметками, которых выдавалось по полфунта в день, а в праздничные и воскресные дни каша варилась более густой, чем в будни.

Со временем правила питания больных совершенствуются, дифференцированной становится подход к обеспечению пищей страдающих различными недугами. Шагнувшая вперед медицинская наука в конце века уже не рекомендует давать больным «вещей нежных», как-то: цыплят, яиц, молока, которое в основном в то время идет на припарки. Считалось, что пища должна быть простой, но питательной. «Слабым» больным давался легкий бульон без наваря, «средние» могли есть уже наваристый бульон, а выздоравливающие получали мясо. Требовалось, чтобы говядину приобретали только высшего качества. То же условие соблюдалось и при покупке сливочного масла, а при отсутствии доброкачественного коровьего масла больным выдавали дополнительную порцию каши с мясом или крепкого бульона. Хлеб больным подавали «чистым и хорошо испеченным», а утром каждому наливали кружку сбитня: «слабым» он давался без горячего вина, а «прочим» — так называемый «морской», содержащий, видимо, алкогольные добавки. В общем, к концу века много внимания уделяется скорее не обилию пищи, а разнообразию и качеству продуктов.

Детально продуманная инструкция о питании больных артиллерийского госпиталя, о котором мы уже упоминали в связи с разговором об алкогольных напитках, родившаяся в 1799 году, является собой как бы апогей эволюции госпитальной кухни. Здесь все больные уже разделены на четыре категории, если судить по количеству предлагаемых меню. Выздоровливающие могли пре-

тендовать на 1,5 фунта ржаного хлеба в день и на фунт «свежего, черкасского» мяса — в бульоне, в каше или приготовленного каким-либо иным способом. Масла сливочного получали они по 12 золотников — более 50 граммов. Круп гречневых давали им по полфунта — 200 граммов. Круп овсяных — четверть фунта — 100 граммов. Полагались им и соль, и кружка пива «хренового», и «крошево кислое», то есть овощная часть кислых щей.

Вторая категория больных, представленная «одержимыми венерической болезнью», имела другой стол. Хлеб ржаной им уже не давали, и страдающие «францеватыми» или «французскими» заболеваниями, как говорили в то время, имели в день по две булки из пшеничной муки, весившие 250 граммов. Не из военного ли госпиталя вышло название «булка французская»? Круп этой категории больных отпускалось столько же, а вот мяса им давали вдвое меньше — только полфунта, или 200 граммов. Масло сливочное отпускалось им сполна.

Больным третьей категории можно было съесть только две «французские булки» и запить их кружкой молока. А вот «недужные» четвертой категории имели булки, полкружки молока, а другая половина кружки компенсировалась одной кружкой киселя.

В артиллерийском госпитале в щи для выздоравливающих клали крапиву, сметки, широко употреблялся лук репчатый, который шел не только в пищу, но и на припарки. Вообще фармакопея той поры использовала не только лук, но и молоко, и мед, и клюкву, масло постное, свиное сало, шедшее на мази.

Справку о госпитальной кухне закончим сообщением о посуде, которой пользовались больные. Пища для них варилась на 50 человек сразу в больших котлах, хорошо вылуженных, чтобы предупредить окисление меди, пошедшей на их изготовление. Котлы имели высокие стенки во избежание расплескивания горячей пищи во время носки из кухни в палаты. Для неходячих больных полагались оловянные персональные чашки, а другим, кто мог ходить, — одна чашка на семерых. Каждый больной имел свою деревянную тарелку и ложку, а нож выдавался на двух один. Сервиз госпитальных обитателей дополняли солонки из толстого стекла, а обеденные столы покрывались холстинными скатертями, к нижнему краю которых пришивалась длинная полоса полотна, использовавшаяся в качестве салфетки. Для тех больных, кто не мог подниматься с постели, ставили между кроватями один стол на семерых, на который и водружалась большая чашка с бульоном или кашей.

Коснемся теперь проблемы обеспечения провиантом семейных солдат. Мы помним, что около половины всех военнослужащих были женаты, и уже указ 1704 года при назначении провиантских дач различает женатых и холостых воинов. Семейным выдается от казны каждый год 5 четвертей хлеба (580 килограммов), а неженатым — только 3. Когда военнослужащий отправлялся в поход, оставляя «в домех», то есть на квартире, свою «половину»,

то ему начисляли обычный солдатский хлеб — 2 четверика в месяц, то есть примерно по 1 килограмму в день, — об этом уже достаточно говорилось. А жены служивых в их отсутствие имели право брать на себя и детей из «государевых житниц» оставшиеся 2 четверти ржи, которых им должно было хватить на год независимо от того, сколько человек в семье солдата. Всякая волокита в выдаче казенного провианта ставила порой детей и жен ушедшего в поход военнослужащего в крайне тяжелое положение. В 1707 году в государственных амбарах-магазинах не оказалось хлеба, и задержка в получении провианта привела к такому результату: писалось, что жены и дети солдат «помирают голодной смертью».

Интересно то, что сохранились распоряжения, тоже относящиеся к началу века, в которых содержались отказы в выдаче дополнительного хлеба тем солдатам, кто, не имея жен и детей, все-таки пытался выпросить у казны провианта для матерей и «сродников». Правительство, конечно, никак не могло пойти на такие издержки, хотя вряд ли имело к тому основания нравственного порядка: ведь, насильно забирая у родителей их сына, будущего, а может быть, и сегодняшнего кормильца, оно обрекало стариков на сильную нужду, лишая их поддержки.

А скоро, во всяком случае еще в течение Северной войны, перестают семейные снабжаться казенными двумя четвертями хлеба — правительство снимает с себя обязанности по прокорму жены солдата, и рекрут вынужден или оставлять супругу на прежнем месте жительства, в родной деревне или в городе, или везти ее к полку, не надеясь на казенную помощь. В 1764 году, правда, издали указ, где говорилось о необходимости снабжать хлебом жен молодых солдат в течение двух лет, «для новости... доколь еще не обзаводятся», но не говорилось, как много полагалось на женщин провианта. Но мера эта была, конечно, временной, а то и вовсе «неработающей» — в том же 1764 году издали «Инструкцию пехотного полка полковнику», где рекомендовалось командиру подыскать для жен солдат работу — вязание чулок, стирку, шитье палаток и прочее, — «чем может дать довольный случай к пропитанию и содержанию солдатских жен...». При чем же здесь казенный провиант? Дело спасения самих себя находилось в руках — умелых и сильных — подруг жизни русского солдата.

Совсем иным зато было отношение к детям солдата, по крайней мере к мальчикам. Здесь правительство проявляло заботу о тех, кто, по сути дела, должен был заменить в строю своих отцов. Если всякие свидетельства о выдаче провианта женам военнослужащих пропадают уже во втором десятилетии века, то тогда же появляются приказы снабжать мальчиков казенным хлебом. Вначале с 6—7-летнего возраста их кормила школа «для солдатских детей», отпуская на учеников по одному четверику ржи в месяц — ровно половину от настоящего солдатского «хлеба». А в середине века, а то и раньше выдается из казенных запасов провиант и для «дошкольников». Кроме ржаной муки получали «робятишки» еще и крупу.

тендовать на 1,5 фунта ржаного хлеба в день и на фунт «свежего, черкасского» мяса — в бульоне, в каше или приготовленного каким-либо иным способом. Масла сливочного получали они по 12 золотников — более 50 граммов. Круп гречневых давали им по полфунта — 200 граммов. Круп овсяных — четверть фунта — 100 граммов. Полагались им и соль, и кружка пива «хренового», и «крошево кислое», то есть овощная часть кислых щей.

Вторая категория больных, представленная «одержимыми венерической болезнью», имела другой стол. Хлеб ржаной им уже не давали, и страдающие «францеватыми» или «французскими» заболеваниями, как говорили в то время, имели в день по две булки из пшеничной муки, весившие 250 граммов. Не из военного ли госпиталя вышло название «булка французская»? Круп этой категории больных отпускалось столько же, а вот мяса им давали вдвое меньше — только полфунта, или 200 граммов. Масло сливочное отпускалось им сполна.

Больным третьей категории можно было съесть только две «французские булки» и запить их кружкой молока. А вот «недужные» четвертой категории имели булки, полкружки молока, а другая половина кружки компенсировалась одной кружкой киселя.

В артиллерийском госпитале в щи для выздоравливающих клали крапиву, сметки, широко употреблялся лук репчатый, который шел не только в пищу, но и на припарки. Вообще фармакопея той поры использовала не только лук, но и молоко, и мед, и клюкву, масло постное, свиное сало, шедшее на мази.

Справку о госпитальной кухне закончим сообщением о посуде, которой пользовались больные. Пицца для них варилась на 50 человек сразу в больших котлах, хорошо вылуженных, чтобы предупредить окисление меди, пошедшей на их изготовление. Котлы имели высокие стенки во избежание расплескивания горячей пищи во время носки из кухни в палаты. Для неходячих больных полагались оловянные персональные чашки, а другим, кто мог ходить, — одна чашка на семерых. Каждый больной имел свою деревянную тарелку и ложку, а нож выдавался на двух один. Сервиз госпитальных обитателей дополняли солонки из толстого стекла, а обеденные столы покрывались холстинными скатертями, к нижнему краю которых пришивалась длинная полоса полотна, использовавшаяся в качестве салфетки. Для тех больных, кто не мог подниматься с постели, ставили между кроватями один стол на семерых, на который и водружалась большая чашка с бульоном или кашей.

Коснемся теперь проблемы обеспечения провиантом семейных солдат. Мы помним, что около половины всех военнослужащих были женаты, и уже указ 1704 года при назначении провиантских дач различает женатых и холостых воинов. Семейным выдается от казны каждый год 5 четвертей хлеба (580 килограммов), а неженатым — только 3. Когда военнослужащий отправлялся в поход, оставляя «в домех», то есть на квартире, свою «половину»,

то ему начисляли обычный солдатский хлеб — 2 четверика в месяц, то есть примерно по 1 килограмму в день, — об этом уже достаточно говорилось. А жены служивых в их отсутствие имели право брать на себя и детей из «государевых житниц» оставшиеся 2 четверти ржи, которых им должно было хватить на год независимо от того, сколько человек в семье солдата. Всякая волокита в выдаче казенного провианта ставила порой детей и жен ушедшего в поход военнослужащего в крайне тяжелое положение. В 1707 году в государственных амбарах-магазинах не оказалось хлеба, и задержка в получении провианта привела к такому результату: писалось, что жены и дети солдат «помирают голодной смертью».

Интересно то, что сохранились распоряжения, тоже относящиеся к началу века, в которых содержались отказы в выдаче дополнительного хлеба тем солдатам, кто, не имея жен и детей, все-таки пытался выпросить у казны провианта для матерей и «сродников». Правительству, конечно, никак не могло пойти на такие издержки, хотя вряд ли имело к тому основания нравственного порядка: ведь, насильно забирая у родителей их сына, будущего, а может быть, и сегодняшнего кормильца, оно обрекало стариков на сильную нужду, лишая их поддержки.

А скоро, во всяком случае еще в течение Северной войны, перестают семейные снабжаться казенными двумя четвертями хлеба — правительство снимает с себя обязанности по прокорму жены солдата, и рекрут вынужден или оставлять супругу на прежнем месте жительства, в родной деревне или в городе, или везти ее к полку, не надеясь на казенную помощь. В 1764 году, правда, издали указ, где говорилось о необходимости снабжать хлебом жен молодых солдат в течение двух лет, «для новости... доколь еще не обзаводятся», но не говорилось, как много полагалось на женщин провианта. Но мера эта была, конечно, временной, а то и вовсе «неработающей» — в том же 1764 году издали «Инструкцию пехотного полка полковнику», где рекомендовалось командиру подыскать для жен солдат работу — вязание чулок, стирку, шитье палаток и прочее, — «чем может дать довольный случай к пропитанию и содержанию солдатских жен...». При чем же здесь казенный провиант? Дело спасения самих себя находилось в руках — умелых и сильных — подруг жизни русского солдата.

Совсем иным зато было отношение к детям солдата, по крайней мере к мальчикам. Здесь правительство проявляло заботу о тех, кто, по сути дела, должен был заменить в строю своих отцов. Если всякие свидетельства о выдаче провианта женам военнослужащих пропадают уже во втором десятилетии века, то тогда же появляются приказы снабжать мальчиков казенным хлебом. Вначале с 6—7-летнего возраста их кормила школа «для солдатских детей», отпуская на учеников по одному четверику ржи в месяц — ровно половину от настоящего солдатского «хлеба». А в середине века, а то и раньше выдается из казенных запасов провиант и для «дошкольников». Кроме ржаной муки получали «робятишки» еще и крупу.

Но, несмотря на казенные хлебные дачи для мальчиков, несмотря на разные побочные промыслы для женщин вне полка или предложенные командиром части, без личного хозяйства, чем-то напоминавшего хозяйство воина-профессионала XVI—XVII веков — стрельца, прокормиться семейному было очень трудно. Солдаты не только засаживали овощами огороды, но и держали домашних животных — на прокорм. В 1709 году в Шлиссельбурге пушкарь Иван Ростовский, украв у своего соседа свиней «и побив, держал то свиное мясо у себя, и с тем мясом был он пойман и винился». Но далеко не везде и не всегда получали воины возможность завести свое хозяйство. Не была искоренена на протяжении века система надения солдат жильем в домах гражданских жителей, где трудно, почти что невозможно было «ладить» и огород, и хлевы для скотины. А слободы постепенно заменяются большими казармами, не терпящими подсобных хозяйственных пристроек, которые возможны были при казармах-избах на малое число жильцов. Но в этих больших казармах нет больше места и для жен солдат, и для их детей. Значит, потихоньку отпадает и необходимость в собственном хозяйстве. В 1793 году, как уже говорилось, служба бессрочная ограничивается 25 годами, солдат еще может надеяться на то, что, выйдя в отставку, обзаведется и семьей, и каким-то «делом». Он все еще тот же, прежний воин-профессионал, но уже совсем не похож на стрельца — полупахаря, полуремесленника, полуторговца. Абсолютистское государство, полностью обеспечивая его всем необходимым в быту, сузило функции, задачи, деятельность представителей воинской корпорации до выполнения ими лишь чисто профессиональных обязанностей.

А закончим очерк об армейской кухне XVIII века небольшим сравнительным анализом солдатской провиантской нормы той поры с теперешним меню рядового и сержантского состава армии, для чего воспользуемся новейшими официальными данными. В суточный солдатский паек на первое место, как и прежде, поставлен хлеб, которого теперешний защитник нашей Родины съедает 850 граммов. Просто поразительно! Ведь это по сути дела прежняя провиантская норма, только теперь чуть меньше половины приходится на белый хлеб. Круп современному солдату дается по 125 граммов на день, немного больше, чем по обычной норме «давно забытых дней», но вот если сравнить эту дачу с той крупяной, что имела место в артиллерийском госпитале в 1799 году, то получится, что крупы здоровый солдат нынешней Русской армии имеет в два раза меньше, чем «старый» больной артиллерист. Мяса современный воин получает в день 175 граммов, и мы помним, что официальная денежная дача на мясо равнялась раньше 1,5 копейки в неделю, то есть на 409,5 грамма мяса. Но ведь в военное время «старому» солдату выдавалось по фунту мяса на день, что считалось вполне нормальным для воина той поры, должно быть, и в обычных условиях в мясоедные дни, но только он покупал этот продукт на собственные деньги. Вот и сравните:

175 граммов и 409,5 грамма! Не будем скрывать, нынешнему воину недостаток мяса компенсируют рыбой — по 100 граммов в день «без головы» (!), а также 30 граммов животных жиров. Масла же в теперешних полках дают по 30 граммов человеку на день, и мы не знаем, сколько съедали этого продукта воины Петра, Елизаветы, Павла в обычных условиях, но вот в госпитале им давали, как мы помним, по 50 граммов в сутки коровьего масла, зато совершенно лишали больных и здоровых того времени сахара, а этого продукта «наш» солдат имеет 70 граммов в день.

Ровно столько же, сколько имеет воин хлеба, получает он «от казны» и овощей — 850 граммов, разнообразных, — картофель, капуста, свекла, морковь, лук, зелень, помидоры. Мы прекрасно знаем, что и четверть тысячелетия назад русские солдаты не могли представить свой стол без овощей, но как много употребляли они их в пищу, сказать трудно. Наверное, немало — овощи продавались в России по очень низкой цене. Не знаем мы и как много ели прежде яиц, но узнали, что с 1 января 1991 года солдат съедает по 4 яйца в неделю и выпивает 100 граммов молока в день.

Но предложенный выше анализ не может дать ясных представлений о том, был ли более сытым, чем современный, прежний солдат. По-видимому, никогда и не удастся провести более или менее достоверное сравнение. Нужно было бы учесть огромное количество различных факторов. К примеру, следовало бы учесть и своевременность доставок провианта в часть — любая задержка заставляла военнослужащих голодать. Потом лишь очень приблизительно можно сравнить калорийность продуктов питания XVIII века и теперешних. Нужно достоверно знать потребность человека той поры, требовавшийся ему объем калорий, даже уровень расхода полученной энергии. Скажем лишь, что средний рост рекрутов, принимавшихся на сборных пунктах в середине XVIII века, как свидетельствуют документы, был 2 аршина и 5 вершков, что в пересчете на современные меры даст 164 сантиметра, и запрещалось записывать в солдаты тех, чей рост не достигал 2 аршин 2 вершков! Безусловно, за время, протекшее после Северной, Семилетней, турецких войн, мы хорошенько подросли, а значит, съесть положено нам больше. Но больше ли мы съедаем?

Теперешние защитники Отечества практически лишены (с их мизерным денежным жалованьем) возможности покупать что-либо из продуктов за свой счет. Иным же был оклад у профессионала-воина позапрошлого столетия. К рассмотрению системы денежного довольствия мы сейчас и переходим.

3. Казна

Деньги — нервы войны. Эта истина была известна людям, наверное, уже в те времена, когда только появились деньги. Ведь именно они давали возможность приобретать оружие, лошадей, а значит, и корм для них, покупать на войско продукты

питания, строить и покупать корабли, сооружать крепости, делать дороги. Деньгами можно было откупиться от побеждающей вражеской армии и тем самым предотвратить разорение страны, деньгами подкупались дипломаты враждебных держав, способные изменить ход военных действий, ответственные военные чины, изобретатели, хранившие секреты. За деньги нанимались целые армии, и, как только кончались деньги, педшие в уплату воинского мастерства наемника, войска отказывались подчиняться, боевые действия прекращались, но появлялся представитель вчерашних противников, обещая награду, — и наемные полки переходили в противоположный лагерь. Нет, такие высокие понятия, как интересы родного города, государства, нации или просто Родины, всегда существовали, но кроме этого воин если и не ждал от своего участия в сражениях выгод чисто денежных, если и не видел в них способ обогащения, то, во всяком случае, он должен был поддерживать свои силы, должен был обладать хорошим вооружением, жить в относительно сносных условиях, а для всего этого требовались деньги.

Издавна на Руси, да и в Западной Европе, воинскую службу несли свободные сословия за жалованье. Эпоха феодализма основной формой оплаты воинских услуг сделала наделение «служилого человека» землей, с которой он и кормился. Земля, данная «слуге», и называлась нашими пращурами жалованьем.

При Иване Грозном ратные люди поместного войска получали за свою службу московскому государю и землю, и денежное жалованье, а вот стрельцы, которые набирались из простонародья, получали от казны лишь денежное обеспечение — по 4 рубля в год. Но уже в XVII веке поместье вообще перестает на практике являться основой материального обеспечения дворян и детей боярских — такой основой постепенно становится денежный оклад. Однако правительство не имело возможности обеспечить всех дворян служилых, которые обязаны были являться к войску «конны, оружны и людны», деньгами. Часто оклады им назначались в зависимости от количества их поместных земель, что даны были или лично им, или их предкам за службу.

Но очень различными были оклады и «простых» ратных людей. Еще незадолго до петровских реформ, например, артиллеристы (московские пушкарки) получали в год: один — 16,5 рубля, другой — 15, третий — 13 и так далее до 4 рублей годового оклада. То есть повторялась картина, подобная наблюдаемой нами при знакомстве с пушкарскими хлебными дачами, когда выдавалось одной и той же категории воинов от 8 до 22 четвертей ржи в год. Похоже, что на величину оклада влиял срок службы солдата, а значит, и его опытность, и город, в котором он служил, и, возможно, наличие у некоторых земельных наделов, дававшихся государем в уплату за службу. Вот взять, к примеру, историю с просьбой брянских пушкарей, что в 1668 году, недополучив жалованья за половину срока (выдавался оклад два раза в год), подали челобитье с просьбой заплатить и за другую половину. Но в ответ

местные власти получили из Москвы приказ: «Городовых пушкарей вместо своего государева денежного и хлебного жалованья устроить землями из порозжих».

И таких «помещиков» из простых ратных людей немало было во второй половине XVII века. И если имелись «порозжие», незанятые земли, то ими и снабжались воины. Как-то раз жалованье не привезли сразу 68 валуйским пушкарям. Им, правда, вскоре послали половину, а за оставленные в казне деньги «устроили» участками земли, по 14 четвертей каждый, заменившими и жалованье, и хлеб. Понятно, что такая смешанная система довольствия военнослужащих не вела ни к чему хорошему: воин, обремененный хозяйственными заботами, — а в подобном положении находились и стрельцы, вынужденные заниматься торговлей и промыслами, — попросту терял квалификацию.

Но, повторим, к концу XVII века, еще до реформ Петра, поместная система довольствия войск постепенно отмирает и жалованье денежное как бы оттесняет «землю». Господство денежной формы обеспечения выявляется и в следующих, сказали бы некоторые, мелочах. Рядовые воины получают наградные (по 1 рублю) к Рождеству Христову, в 1689 году награждали солдат деньгами «для вечного с королем польским миру и христианского покою», за участие в некоторых кампаниях. Даются единовременные «вспомоществования» пострадавшим от пожара ратным людям, просто «для скудости», денщикам воинских начальников выдавали по 1—2 рубля в год «на сапоги». Просили некоторые и наград за долголетнюю службу.

Порядок раздачи денежного жалованья и в допетровское время обставлялся правилами, где предписывалось отмечать каждую дачу в расходных книгах, «всякому человеку особой статьей», с обязательной распиской получателя. А в том случае, если воин находился в длительном походе, его жалованье могла получать жена, но лишь по особому разрешению начальства после подачи челобитной — денежный оклад часто был единственным источником благосостояния всей семьи стрельца, пушкаря, солдата или, по крайней мере, основным. Заслуженные супругом окладные деньги получала вдова в случае гибели мужа и при этом еще могла надеяться на небольшое подспорье для погребения и на помин.

Правительство, обязавшись довольствовать «слуг» своих деньгами, в свою очередь обязывало их самих относиться к полученным деньгам по-хозяйски, бережно. Вот какой наказ был дан заступающему на должность тюменского воеводы стольнику Тухачевскому в 1699 году: «...беречь накрепко, чтоб служилые люди зерню великого государя жалованье не проигрывали и не пропивали, и никому в посулах и в поминках не рознашивали, и чтоб у служилых людей из жалованья на Тюмени никому никакого вычета отнюдь не было; а которой служилой человек учнет государево жалованье проигрывать, и себя обнажит всякой нужной потребе, и к службе и к походу воинскому за скудостью запасов ружей и лошадей негоден, и такому за то чинить наказание жестокое,

смотря по вине, а буде, совсем не исправится, такова отправлять и сажать на пашню, в какую работу пристойно, а на его место поверстать его свойственника или кто будет достоин». Понятно, что, ратуя за интересы воина, стремясь обеспечить его материальное положение, оградить от нищеты, правительство преследовало параллельно и соблюдение собственных интересов, интересов всего государства, защиту которого мог обеспечить не просто смелый, хорошо обученный, но и сытый воин.

Но вот стремительным потоком ворвались в размеренный порядок российской жизни петровские преобразования. В 1699 году, в самый начальный период формирования регулярной армии, Петр I учреждает Бурмистерскую палату, в ведомство которой передается наблюдение за большей частью государственных доходов — подворная (стрелецкая) подать и оброки, таможенные и кабацкие сборы. С момента учреждения Палаты теряют былое значение многие старые приказы, многие же просто уничтожаются. Реформатору была необходима жестокоцентрализованная организация денежных сборов. «Деньги — нервы войны», — не уставал повторять государь, и уже в 1700 году был образован новый Приказ.

Военный приказ, задачей которого стало обеспечение армии обмундированием и жалованьем, возглавил князь Я.Ф. Долгоруков, получивший неизвестный прежде титул — генерал-комиссар. Вскоре за учреждением Сената (1711 год) Военный приказ по титулу своего руководителя начинает называться Комиссариатом. За ним-то на протяжении века и сохраняется значение высшего административного органа армии с обязанностью распоряжаться всеми расходами на содержание русских войск и заготовление различных припасов. Особо снабжались артиллеристы, имевшие свое обособленное управление: вначале Приказ артиллерии, а позже Канцелярию главной артиллерии и фортификации, ведавшую обеспечением еще и всех инженерных чинов.

Мы больше не станем касаться устройства государственных финансовых учреждений — наша задача рассмотреть систему наделения военнослужащих деньгами, разные статьи дохода и расхода материальных средств солдат и офицеров, попытаться определить, насколько могли быть удовлетворены потребности воинов казенным денежным окладом.

Начнем с рассказа о рекрутском жалованье. Мы уже знаем, что помещик, отправивший на службу новобранца, бывшего до этого его крепостным, являлся первым провиантмейстером рекрута, но и не только им, но и первым комиссаром приверстанного. Еще в последние годы XVII века помещик был обязан кроме хлеба и одежды дать отправленному к войску «на подъем по рублю да в полках по другому рублю человеку». Но уже в 1719 году публикуется указ, требующий начислять рекруту полное солдатское жалованье с момента «приверстания».

Однако каким бы дельным ни был этот указ, нашелся и в нем изъян — жалованье новобранцу хоть и назначалось, но получить

он мог его лишь по истечении выслуженного срока, и порядок этот крылся еще в системе допетровского довольствия армии, когда ратные люди, прослужив полгода, получали от казны за служебное. При Петре осуществляется переход от полугодовой оплаты «труда» военнослужащих к потретной, то есть за четыре месяца.

Переход этот не являлся пустой формальностью, но вызван к жизни он был рядом веских причин. Прежняя, полугодовая дача, когда военнослужащий становился обладателем относительно большой суммы денег, как бы располагала стрельца, пушкаря, солдата к излишним тратам, к быстрому «спусканию» оклада. Но лишившийся всех денег воин «скудел», боеспособность его понижалась, а армия была, о чем уже говорилось, заинтересована лишь в хорошо обеспеченном солдате. В уставе генерала Адама Вейде — попытке создания свода регламентаций русской военной жизни при помощи компиляций из европейских уставов — вообще предлагается организовать раздачу денег понедельно: «...и дабы солдаты свои деньги не пропили или инако коим способом не растеряли, и того ради им от капитанов не помесячно, но по вся недели или дважды на неделю заплата чинится».

Никто не спорит, частые выдачи окладных денег небольшими порциями были бы весьма удобны для солдата, но реализоваться это предложение не могло: приходилось бы тратить много средств на перевозку монеты, в то время как полки были разбросаны на широких российских просторах, немало времени потребовалось бы на раздачу внутри полка, на процедуру выдачи. Короче, предложение Вейде никак не подходило, но потретные выдачи все же были узаконены и просуществовали весь XVIII век.

Возвращаясь к рекрутам, скажем, что именно необходимость отслужить четыре месяца со дня «приверстания», а после этого претендовать на жалованье и ставила их в тяжелое положение. Как раз на неоплаченный, первый срок службы, когда новобранец, попадая в непривычные для него условия, находился в дороге, на пути к полку, без хорошо организованного питания, и выпадали трудности. Вот поэтому своевременно снабдить рекрута денежным жалованьем, на которое могли покупаться продукты питания, являлось важной мерой, способной предупредить побег. В 1738 году Миних так аргументировал эту необходимость: «...понеже всем известно, что не токмо трех недель, но и трех дней без пропитания никому прожить невозможно (имели место трехнедельные задержки в выдаче рекрутских денег. — С.К.), и поэтому может быть от рекрутов воровство и побег из службы умножится; того ради сим нашим указом подтверждаем: под жестоким истязанием на галеры впредь рекрутам жалованье и провиант производить с определения их в указные времена, не продолжая за срок ни единого дня». Одновременно с этой мерой проводилась и другая: по приводе рекрутов в полк жалованье им выплачивалось не по третям, а спустя выслуженный месяц, что делалось, пока молодой солдат не устраивался на новом месте жительства, не втягивался в службу, в армейский быт, диктовавший правильное отношение

к окладным деньгам. Что же касается размера жалованья, выдававшегося новобранцу, то, например, у артиллеристов, не прошедших «науку» и, значит, не ставших еще полноценными воинами, оно было в среднем в два раза меньше обычного, но в пехоте и кавалерии молодые солдаты снабжались одинаково со старослужащими.

В 1758 году правила обеспечения рекрутов деньгами еще более усовершенствовались. С «отдатчиков», то есть с помещиков, по-прежнему берутся некоторые суммы на новобранца, но этих денег рекруту должно было хватить не более как на время пребывания в местах сбора. Едва заканчивались эти деньги, за чем ответственные чины обязаны были внимательно следить, рекрут сразу же становился на казенное довольствие, которое не только равнялось обыкновенному солдатскому, но и выдавалось уже не по истечении месяца, но даже и вперед. Кроме этого выделялись особые средства для найма подвод, транспортировавших вещи новобранцев, припасы, перевозивших больных новобранцев, а для последних на усиленное питание спускалось от казны еще по 3 копейки в день. Как видим, в отношении снабжения новобранцев имел место постоянный прогресс.

Прежде чем мы узнаем, как много денег имели в распоряжении своем солдаты и офицеры, опишем кратко способы, к которым прибегало правительство России для изыскания денежных средств на армию. И так, основным источником государственных доходов был в начале «регулярства» прямой налог — подворная подать, замененная в 20-е годы на подать подушную. Но Северная война, потребовавшая колоссальных расходов, вынудила правительство Петра изыскивать источники другие — в ином случае войско не только оказалось бы не одетым и голодным, но и попросту невооруженным, поскольку большие партии стрелкового оружия приобретались за границей. Таможенные и кабацкие сборы, пошлина с купеческих сделок, взятая в казну продажа соли, государственная монополия на торговлю табаком, дегтем, мылом, рыбьим жиром, щетиной, салом, налог на «венечные памяти», гербовая бумага, деньги, заплаченные купцами за освобождение от воинской повинности, пресловутые деньги за право ношения бороды, широкое использование монастырских и помещичьих средств — все это было теми ручейками, которые, стекаясь, превращались в реку финансирования нового, регулярного войска, воевавшего с опасным врагом России.

С учреждением губерний сбор подати возлагается на губернаторов, которые в 1711 году приняли под свою финансовую опеку и полки, назначив к каждому по особому комиссару. Эти комиссары, прибыв в войсковую часть, вначале проверяли личный состав полка и всю материальную часть — определялась потребность в том или ином количестве денежных средств. Собранные с населения губернии деньги частью направлялись в центральные госучреждения, где на войско заготавливалось и оружие, и амуниция, и сукна для пошива мундиров, но часть денег на выдачу жало-

ванья, а иногда и на провиант шла прямо в полк. Этот порядок имел немало достоинств: получая все готовое, полки были освобождены от многих финансовых и хозяйственных забот, и командование, не теряя времени, могло уделять все внимание боевой подготовке части.

Но вот была проведена основательная, подробная перепись населения, обнаружившая полмиллиона «податных душ», ранее не учтенных, и правительство Петра I решило, что будет выгоднее подать собирать не со двора, а с «души», что значительно увеличило бы доходы государственной казны. А поскольку большая часть сборов все равно была «съедена» армией, то уже упоминавшимся Плакатом на войско возлагались функции по контролю за сбором подушной подати. Считалось, что армия, расставленная по деревням, собирая на себя и хлеб (о чем уже говорилось), и деньги, выполнит функции сборщика, как никто иной.

И вот с 1724 года в помощь земскому комиссару назначались от полка особые счетчики, непосредственный контроль осуществлял и сам полковник с авторитетной комиссией, состоящей из офицеров части. Деньги по мере поступления ссыпались в мешки, которые запечатывались печатями счетчиков, снабжались ярлыками с указанием их фамилий и размера денежной суммы. После этого мешки складывались в бочки, запечатанные уже печатями полковников и земских комиссаров. И тот и другой имели по экземпляру окладных книг, где указывались все входившие в район полка деревни. Открываться бочка могла лишь в присутствии обоих: и полковника и комиссара.

На самом деле Плакат хоть и гарантировал бесперебойный, полный сбор подушной подати, но какой ценой это достигалось? Уже немало говорилось о том, к каким злоупотреблениям привело расширение прав армии в отношении сбора хлеба, как стеснены были сельские жители проживанием полков в деревнях. Та же самая история повторилась и в непосредственном сборе денег полками — злоупотреблениям не было конца. К тому же, отдавая немало времени и сил «непрофессиональным» занятиям, полки почти забыли о боевой подготовке, упала дисциплина. Но мы помним, что в 1727 году полки выводятся из деревень, однако полностью участие войск в сборе денег с населения окончательно устраняется лишь при Минихе, в 1736 году. Подушный сбор с этого времени возлагается на губернаторов и воевод, но в помощь им даются оставшие штаб- и обер-офицеры. Профессиональная армия России «очищалась» от несвойственных ей функций и занятий постепенно, медленно, но вместе с тем и неуклонно.

Итак, на местах, то есть в районах, к которым был приписан тот или иной полк, деньги уже собрали, вычтены те, что идут в центральные госучреждения. Требуется вывезти суммы для раздачи окладов, но операция эта только на первый взгляд представлялась простой. Во-первых, полк должен был на собственные средства подрядить подводы, наем которых стоил немало. Семеновский полк, к примеру, посылая команду за третьим жаловань-

ем (в середине века — 74 тысячи рублей), комплектовал целый обоз из семидесяти подвод — медная монета занимала большой объем. Чтобы уложить все деньги, требовалось заготовить еще и 500 бочонков, много веревок и рогож для упаковки. Необходимо было обезопасить переправку денег, и для этой цели обозу придавался сильный конвой из солдат полка. Понятно, что большой, тяжелый обоз в условиях русского бездорожья, при частых остановках для исправления поломок редко доходил до полка в назначенный срок, что и служило одной из главных причин несвоевременной выдачи жалованья воинам. Примерно с половины века, правда, полки испробовали новую (но в общем-то известную уже давно!) систему получения денег: с помощью векселей или переводом. Тем лицам, которые способны были предоставить части большую сумму денег на месте расположения полка, — для семейств, как мы помним, это Петербург, — отчислялся один процент за услуги. Невыгодами этого способа являлись увеличившиеся расчеты и долгая переписка.

Но вот деньги уже в полку. Строгая инструкция в этом случае приказывала поступать следующим образом: «Когда откуда денежная казна привезена будет, то при снятии с возов сверх определенного казначея, быть самому обер-штер-кригскомиссару, дабы в том каких ущербов и от того в происшедших не порядках следствия быть не могло. При том и того наблюдать, как скоро денежная казна привезена будет, чтоб прибывшие с нею подводы отпущены были того ж дня, а прибывших в конвое, как скоро та денежная казна на счет принята будет, того ж, а по крайней мере на другой день, под штрафом взыскания с того, кем удержаны будут, тому конвою и подводам каждому человеку по 10 копеек на день». Как видим, простой и «транспорта», и людей не допускался. И еще два слова по поводу рачительности, бережливости наших соотечественников того времени: когда бочки, рогожи и даже веревки, использовавшиеся для возки денег, приходили в негодность, их старались не выбрасывать, но публиковали объявления и продавали тару всем желающим, «ища казенной прибыли». Выручка записывалась на баланс полка, давая в дальнейшем возможность пускать «излишние» деньги на приобретение нижним чинам лишней пары белья, на содержание лазарета, на дополнительный провиант.

Итак, казна прибыла в полк, бочки открыты, деньги пересчитаны. Теперь можно было бы, наверное, раздать их военнослужащим? Нет, раздаче предшествовал полковой смотр, который должен был выявить, насколько тот или иной чин заслуживает того, чтобы быть удовлетворенным «государевым» жалованьем. К выдаче оклада основание давало не просто истечение срока, но именно служба, и к тому же беспорочная.

Смотр обычно проводил обер-штер-кригскомиссар, который, как говорилось, «имеет под своим смотрением денежную казну, как на заплату вышним и нижним служителям жалованья, так и на приуготовление всяких к тому принадлежащих мундирных и

амуничных вещей». Его обязанностью был по сути дела контроль за финансами полков, находившихся в распоряжении полковых казначеев и комиссаров. Прибыв в полк, контролер или ревизор без излишнего напоминания получал от командира точные поименные списки части, где были указаны все умершие, прикомандированные, больные и т.д. Ему вручались таблицы, где имелись сведения обо всем полковом имуществе. А ведь каждая вещь в войске вплоть до гвоздя имела свой срок службы, поэтому обер-штер-кригскомиссар и должен был вникнуть во все операции по замене негодного, отслужившего срок имущества, согласиться или отвергнуть незаконные траты, назначить суммы для замены, для «построения» вещей. Ревизор исчислял и оставшуюся казну.

Не довольствуясь одной лишь проверкой финчасти и хозяйства полка, инспектор приступал к непосредственному осмотру всего имущества. При этом важно было, если вещи изготавливались в самой части, а не получались извне, определить, насколько соответствуют они уставным требованиям. Особенно это касалось одежды воинов, шившейся после 1731 года полковыми портными. Проверялась добротность амуниции, состояние оружия.

Порядок полковых смотров, предшествовавших раздаче жалованья, — это мера, получившая право на долгое существование еще в период Северной войны. При Петре I комиссар, проводя смотр, спрашивал у рядовых в отсутствие офицеров, насколько полно удовлетворяются они провиантом, мундирными вещами, нет ли каких-либо незаконных вычетов из их жалованья, «с таким притом объявлением, чтоб показывали самую истину и ни за кого в том напрасной жалобы не чинили».

Подобные меры требовались для того, чтобы выяснить степень заслуги воинов, в основном командных чинов. Если обер-штер-кригскомиссаром выяснялось, что по вине того или иного офицера происходила какая-нибудь «казенная утрата», то наказание выражалось в частичном, а то и в полном лишении жалованья. Итак, смотр заканчивался выдачей заслуженной части окладов. Для этой цели заводились расходные книги, прошнурованные, заверенные печатью, в которых каждый получатель расписывался за прием денег. Казначеем предписывалось производить раздачу, «не задерживая никого нималого времени», а также остерегаться, чтоб по прихотям одному все медной, а другим серебряной монетой выдачи чинено не было, и тем один перед другим в обиде не оставался». Во время пребывания русской армии за границей воинам выдавалось жалованье валютой. Произведя раздачу, казначей был обязан хранить книги с чрезвычайной бережливостью. В том случае, если книга оказывалась в результате небрежности попорченной мышами, то с казначея взыскивали штраф, находившиеся же при документах канцелярские служители или писари подвергались «штрафу на теле», как образно выразился военный законодатель середины века. Но если финансовые документы съедались мышами или сгорали в огне при пожаре помещений по умыслу ответственных лиц, чтобы скрыть, к примеру, растрату,

то с виновными поступали чрезвычайно строго. Кстати сказать, уличенный уже не в порче книг, но в самой растрате казенных денег офицер при отсутствии наличных денег вынужден был лишиться недвижимости: его имение — символ его верной службы государю! — описывалось и продавалось, а деньги шли на возмещение убытков.

В каждом полку даже после раздачи окладных денег имелась так называемая запасная казна, которая по временам могла тратиться на самые разные нужды — на провиант, на подряд подвод, на погребение воинов. И если не имелось постоянного помещения для хранения казны — в походе, к примеру, в лагере, — то деньги держали в фурмане — крытой телеге, в бочках с ярлыками, «за печатями» казначеев или комиссаров. Правда, еще в 1738 году поступило распоряжение держать деньги не в мешках и бочках, а в «довольно крепких железных или в довольно окованных сундуках под крепкими замками. К полковой казне — хранилась ли она в фурмане, в избе, в мешке, в сундуке — приставлялся караул.

Выше говорилось о том, как тщательно относились к раздаче денег, боясь пропустить кого-либо в именном списке, — от своевременного получения оклада зависело материальное положение не только самого солдата и даже офицера, но и членов их семей, если таковые имелись. Уже говорилось, что еще в XVII веке в случае отсутствия кормильца, отправившегося, например, в длительный поход, оклад его мог поступать в распоряжение жен. И практика эта перенесена была в следующее столетие. В 1707 году жены московских пушкарей, отбывших в поход, подали коллективную челобитную дьяку с просьбой выдать им из окладов их мужей «по рублю, и по два, и по три, потому что де они от пожарного разорения скитаются меж двор и помирают с робятишки голодною смертию, а прокормитца им нечем».

Но если в случае пребывания солдата в походе женам выдавались их оклады только по подаче челобитной и по особому разрешению, то в случае нахождения военнослужащего во вражеском плену жалованье плененных, если не было известно достоверно, что воин погиб в бою, уже безоговорочно поступало в распоряжение семей. Несемейные же могли получить все окладные деньги, зачислявшиеся на их счет в течение всего времени пребывания в плену, возвратившись на Родину.

Выше мы рассмотрели «технику» довольствия полков финансами, а теперь нам предстоит подробнее приглядеться к окладу военнослужащих, определить размер жалованья воинов разных категорий, охарактеризовать статьи расходов, вычетов и источники окладных прибавок. И начнем мы с офицерского оклада.

Сразу скажем, что вся первая четверть века четко разделяет жалованье командиров на оклады русские и иноземские, и последние были выше. Чем обуславливалась дискриминация русских офицеров? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить, что русское войско пользовалось услугами иностранцев еще

задолго до введения «регулярства». В XVII веке поступающий на «государеву» службу иноземец получал вначале так называемое жалованье «за выезд». Известному Патрику Гордону, например, который приехал в Россию в чине майора в 1661 году, в благодарность за решение служить русскому царю выдали сразу 25 рублей подъемных (сумма немалая!), да соболей на такую же сумму, а также 4 локтя полотна и 8 локтей камки^{**}. Такое жалованье (по ассортименту) получили все спутники Гордона соразмерно чинам.

Но наиболее интенсивный наплыв иностранных военнослужащих начинается с 1702 года, после опубликования манифеста Петра I, приглашавшего на службу в русскую армию всех желающих. Целью преобразователя было желание обеспечить российское войско высококвалифицированными специалистами, и царя в первую очередь интересовали знатоки артиллерийского дела, фортификации, минеры. Но Приказ артиллерии, в ведомстве которого и находились эти отрасли военного искусства, в процессе подбора по-настоящему опытных, знающих специалистов проявлял пассивность. А царь Петр был очарован Европой настолько, что уже в первые годы Северной войны нужных русской армии офицеров подыскивали иностранцы, вообще далекие от военного дела. Так, капитуляции (договоры) заключал за границей тайный советник фон Паткуль, которому Петр I очень доверял. Но при вербовке Паткулем офицеров развивались обыкновенно пункты условий, касавшиеся главным образом материальных выгод нанимавшегося, а про обязанности почти не упоминалось. В 1704 году Паткуль сообщил в Приказ артиллерии, что в Лейпциге некто Климент Плюмке, служивший у курфюрста Бранденбургского «огневым мастером год, пушкарем пять лет, снасти оберегателем пять лет, дал слово великому государю служить и к Москве ехать». Как видим, Плюмке имел в «Бранденбургии» всего лишь чин рядового, но фон Паткуль, «радеющий» за интересы России, оговаривает для своего протеже чин поручика, да еще «с надеждою, что после одного минувшего году ему гауптманский чин и обыкновенное капитанское жалованье дано будет, ныне же ему месячное поручиково жалованье по 15 рублей от того дни, как сей договор состоится». То есть проходило еще несколько месяцев, прежде чем завербованный мог добраться из Бранденбурга до Москвы, а жалованье этому новоиспеченному поручику шло. Но реформатора, как видно, такое положение дел вполне устраивало — он очень верил в то, что без иностранцев шведов ему не одолеть. А часто прием иноземных специалистов основывался на их личных заявлениях о своих способностях и достоинствах. В свою очередь завербованным и еще ничем не отличившимся офицерам поручалось звать других и везти их с собой в Россию, что и обуславливало

^{*} В России XVII века локоть составлял $10\frac{2}{7}$ вершка — около полуметра.

^{**} Камка — шелковая цветная ткань.

появление в русской армии разного рода авантюристов, не имевших нужных знаний и навыков.

Нетрудно догадаться, что основным мотивом, заставлявшим иностранных военнотружеников перебраться в Россию, было повышенное в сравнении с окладами прочих европейских армий денежное жалование, обещанное Петром I иноземцам. «Каждый генерал, — писал царь, — или офицер у иных областей совершенно в поле служит, такмо степенью выше оных в нашей службе принят и по уставу заплату иметь будет, якоже, например, который в иных странах в совершенной службе маор был, тот в нашей службе подполковник» и т.д. И эта выдержка из петровского манифеста интересна тем, что дает намек на наличие в сфере денежных окладов русской армии каких-то аналогий с общеевропейскими окладными стандартами. А иначе как бы мог определиться иностранец при выборе, где ему служить, если бы ориентировался лишь по своей, европейской школе?

Но часто зачисление на русскую службу давало предприимчивому иноземцу, не побоявшемуся хлопот с переездом, повышение не на один чин, как обещалось в манифесте, а даже на два-три, причем оговаривались и перспективы дальнейшего продвижения. Такую карьеру делали в основном артиллеристы. Если судить по денежной ведомости за 1706 год, дающей возможность сравнить оклад «выезжего» с момента приезда, то окажется, что все иноземцы сумели увеличить размеры своих окладов в 2—6 раз! И, как правило, начинали расти они уже по истечении двух лет службы. Например, голландец Ричард Гревс в 1698 году был принят в русскую артиллерию бомбардиром с окладом 5 рублей 25 алтын 5 денег в месяц, а в 1706 году мы видим его уже в чине майора с месячным окладом 33 рубля 11 алтын. Яган Гинтер поступил на службу огнестрельным бомбардиром, оговаривая для себя 24 рубля в месяц, а через семь лет он обзавелся уже чином подполковника и окладом 68 рублей.

А если сравнить оклады иноземцев и русских офицеров в первый период Северной войны, то увидим, что жалование «выезжих» в среднем в два раза превосходило «русские» оклады. Майор пехотный и драгунский (в пехоте и кавалерии получали одинаково) из иностранцев имеет в год 300 рублей оклада, а русские только 140 рублей. Иноземец-капитан мог требовать от государя 216 рублей каждый год, а русский только 100. Выезжий поручик получал 120 рублей, что было больше русского капитанского оклада, а поручик «доморощенный» только 80.

Неужели одним высоким профессиональным мастерством, на которое Петр возлагал надежды, можно объяснить значительный приоритет «выезжих» при получении жалования? Неужели и кавалеристы, и пехотинцы-иностранцы несли с собой из-за границы какие-то незнакомые России прежде секреты воинского искусства, на что можно было еще надеяться при приеме в русскую службу представителей «технических» родов войск? По всей видимости, и от пехотных, и кавалерийских офицеров ждали мно-

гого, но не только этими соображениями руководствовалась администрация при назначении иностранцам повышенных окладов. Дело в том, что подавляющее большинство русских офицеров были дворянами, землевладельцами, помещиками, и пониженное в сравнении с иноземскими окладами их жалование, по старинному, традиционному убеждению государственных властей, компенсировалось, дополнялось результатами обработки выданных им когда-то поместных земель, которых не было у иностранцев.

Но шла к своему победному завершению Северная война, и в самом конце ее, в 1720 году, были изданы новые Штаты, где уже совершенно не делалось различия при определении окладов для русских и иноземцев. Как видно, правительство или разочаровалось в талантах европейских «учителей», или за время войны успели накопиться отечественные командные кадры, что и обусловило отказ от излишних трат на приглашение специалистов из-за границы. Однако нельзя сказать, что прекратился поток желающих попытать счастья в поднявшей свой авторитет победами над Карлом Шведским России, только теперь нанявшиеся на русскую службу рассчитывали лишь на обыкновенное жалование.

Надо сказать, что, уравнивая оклады в пехоте и кавалерии, буквально забыли об артиллерии, где вплоть до 1739 года выезжие иноземцы (были ведь еще иноземцы природные, «московские», — потомки осевших на русской земле эмигрантов) получали большие оклады. Но русско-турецкая война показала, как недостаток в денежном содержании мог влиять на материальное положение командных чинов, обеспеченных якобы жалованием в форме земельных наделов. «...Российские офицеры несут сильную нужду и недостаток неточию в мундирах, но и в экипажах», — сообщали Миниху. И генерал-фельдмаршал приказал сравнить оклады русских и иноземцев, но у последних никак нельзя было отнять часть денег и передать в распоряжение первых, поэтому изыскивали суммы и подняли оклады русских офицеров до величины иноземческих. Так высшим начальником русской армии, датчанином по происхождению, был ликвидирован последний этап в дискриминации русской части офицерского корпуса. Надо думать, что поместный способ обеспечения военного слуги Российского государства, дворянина, исчерпал себя полностью при ликвидации разницы в окладах иностранцев и русских. Теперь правительство, не ссылаясь на поместья, предлагало всем офицерам равный (в пределах чина) и одинаковый по существу способ довольствования — денежное жалование.

А в 1764 году Военная коллегия пошла еще дальше. В высочайше утвержденном докладе форму закона приняло решение зачислять на русскую службу «как бывших в голштинской, так и в прочих иностранных службах штаб- и обер-офицеров с понижением одного чина». Трудно сейчас сказать, был ли этот указ продиктован одним лишь раздражением Екатерины против памяти покойного «голландца», однако и иной мотив вполне приемлем: желание оградить русскую армию от случайных лиц, получавших

производство, служа не «царю и отечеству», а другим державам, что не давало возможности оценить способности нанимавшегося по достоинству. Во всяком случае, во второй половине века, в правление Екатерины Великой, один лишь факт «заграничного» происхождения уже не приводил в трепет русского военного администратора, получавшего предложение от офицера-иностранца воспользоваться его талантами.

Но присмотримся повнимательнее к размерам офицерских окладов. Мы помним, что век семнадцатый знал крайне разнообразные величины жалованья даже у воинов одной и той же категории. Интересно то, что и первые десять лет следующего века, как бы копируя положение в «дорегулярстве», предлагают одному и тому же чину очень разные оклады. Один капитан в артиллерии мог получать в год 720 рублей, другой — 240, третий — 165, а четвертый даже 132 рубля. В чем же дело? Может быть, это касается лишь капитанов? Нет, и у поручиков картина та же: 18, 15, 13, 12, 10 и даже 7 рублей 23 алтына 2 деньги в месяц. А причин для такой пестроты было несколько.

Во-первых, как уже говорилось, в период Северной войны у иностранцев оклад был больше. Другой же причиной, приводившей к различию в окладах, являлась практика присвоения офицеру очередного чина с сохранением прежнего жалованья. Однажды фельдмаршал Борис Шереметев получил от самого царя указы выбирать и назначать на полковничью должность подполковника, на подполковничью — «маеора», а на майорскую — капитана «по достоинству», и так вплоть до капрала. Вся хитрость указа заключалась в том, что произведенным офицерам не выплачивалось соответствующее чину жалованье, а повышенным в звании следовало ждать, «когда в каком полку упалые будут места». «Упалые» же места — это освободившиеся после убитых в бою или умерших офицеров окладные ставки.

Нетрудно догадаться, что появление такого распоряжения было вызвано желанием незамедлительно восполнить недостаток в начальствующем составе армии, причем происходила экономия денежных средств: кто-то на капитанском, к примеру, окладе работает за майора и является как бы кандидатом на его жалованье. Вполне вероятно, что ускоренный перевод в новый чин с сохранением прежнего оклада практиковался еще и в целях морального поощрения военнослужащих, с нетерпением ожидавших повышения, теряя подчас интерес к службе. Итак, наш капитан стал майором, но в ведомости против его фамилии стоит цифра, соответствующая размеру капитанского жалованья. Вот мы и уяснили одну из причин окладной пестроты.

Другой причиной, делавшей оклады офицеров разными, была практика выдачи штаб-офицерам (полковникам, подполковникам, майорам) еще и капитанского оклада вдобавок к основному — от 11 до 25 рублей, — что делалось за исправление обязанностей командира батальона или роты. Мы бы и не упомянули здесь об этих дачах, если бы они осуществлялись далеко не всем штаб-офи-

церам, а являлись своего рода особым пожалованием, поскольку командовать вверенными подразделениями им практически не приходилось. Например, как-то Яков Брюс сообщил князю Федору Ромодановскому о том, что «его царское величество по именному своему государеву указу пожаловал артиллерийских маеоров Илью Кобера, Карла Гаксворта, указал им давать к маеорским их окладам капитанские оклады также». Интересно и то, что хотя эта прибавка называлась «капитанской дачей», но она могла и не достигать размера капитанского жалованья, и ее величина зависела и от характера службы штаб-офицера, и от произвола начальства, назначавшего ее. Так, в 1707 году сообщалось о пожаловании двух майоров «капитанской дачей», причем писалось: «...и давать им велено, которой будет в походе обретатца, по 18 рублей, а которые в гарнизонах — тем по 11». А есть сведения, что часто гарнизонным штаб-офицерам и вовсе отказывали в этих дачах, а вообще «капитанские деньги» перестают выдаваться, надо думать, уже в конце Северной войны — раздаточные книги 1730—1740 годов о них молчат.

К разнообразию в окладах одного чина приводили и разные периодические надбавки, получаемые за личные заслуги, выслугу лет и пр. В 1705 году капитану Кохону добавили к 18 рублям месячного жалованья еще 6 рублей, поручику Лейде к 12 рублям — 3, адъютанту Гейну к 8 рублям — 4. Вот так и росло жалованье обер-офицеров даже в пределах чина от «нижнего градуса до высшего». Вначале назначался самый маленький оклад, по нижней статье, а быстрое повышение оклада при помощи частных, но незначительных прибавок стимулировало заинтересованность воинов в службе, во всяком случае офицеров-иностранцев, для которых материальный стимул являлся основополагающим. Нельзя сказать, что русские офицеры были равнодушны к повышению оклада, — нет. Просто до предоставления дворянству права самим выбирать род службы пребывание в армии было необходимо, и офицер—обладатель богатого поместья уже в меньшей степени, чем иностранец, мечтал о чинопроизводстве как о средстве улучшить материальное положение свое.

Получение же нового чина, а значит, и большего оклада в первом десятилетии века начиналось обыкновенно с подачи челобитной — прошения, которое писалось претендующим на новое звание. Сохранилось немало челобитных артиллеристов, и в одном из таких прошений писалось: «Служу тебе, государь (составлялась челобитная всегда на имя царя. — С.К.) в артиллерии сержантом шестой год, а чином, государь, я никаким не переменен. Всемилюстивейший государь, прошу вашего величества, повели, державство ваше, за службы мои повысить меня чином в штыкьюнкеры. Вашего величества нижайший раб Гензберт Монс».

Хоть и писалась эта челобитная на имя Петра, но поступала она в Приказ артиллерии, где назначить просителю новый оклад одновременно с присвоением ему более высокого чина не спешили. Челобитная вначале подвергалась тщательному анализу со стороны

подьячих, выяснялось, откуда приехал челобитчик, каким чином, какое жалованье имел прежде, какое имеет теперь, сколько лет всего прослужил в России. В случае с Гензбертом Монсом дотошный подьячий даже приписал уточнение: «...и стал он при артиллерии служить тому 10 год, а он сказал, при артиллерии он служить стал сержантом 6, а не 10 год». После выяснения этапов прохождения службы подьячим составлялась небольшая выписка, где вкратце излагались все сведения о челобитчике, а также прилагалась справка с указанием величин окладов, на которые мог претендовать проситель. К примеру: «А буде великий государь пожалует вышписанного сержанта Гензберта Монса, велит быть ему при артиллерии штыкьюнкером и свое государево жалованье учинит ему... против первой статьи по 9 рублей, а ежели против второй статьи по 8 рублей, а буде против третьей статьи — 7 рублей на месяц».

Таким образом, подьячий, отправляя челобитную «выше», предлагал начальству выбрать тот или иной размер жалованья, действуя по своему усмотрению и исходя не от положения какого-то указа, а на основании собственной оценки характеристики челобитчика, почерпнутой из «биографии» офицера. Однако все имевшиеся в нашем распоряжении челобитные и решения по ним говорят о том, что обыкновенно жалованье просителю назначалось по самой нижней статье, хотя неизменно предлагались и другие варианты.

Отказов по челобитным не было — все, кто просил повысить чин, получали требуемое. По всей видимости, челобитные все же не подавались офицерами, не видевшими достаточных оснований к повышению. Вначале «выбывал» из полка какой-то чин, освобождалось место. Далее желающий продвинуться вперед военнослужащий прикидывал, что прошел «изрядный» срок с момента его последнего производства, и за это время он участвовал в походах, не имел взыскания и т.д. О себе, о своих заслугах в челобитных писали подробно: «Служу тебе, великому государю, при артиллерии в сержантах тому уже шестой год, и с того году был я в твоей царского величества службе при взятии города Нарвы и при иных городах, и во многих походах, а мои братья (сержанты. — С.К.), которые стали служить со мной сержантами при артиллерии вместе, ныне оные пожалованы все в штыкьюнкеры». Но мало было просто представить свои заслуги с выгодной стороны — требовалось еще, чтобы челобитной дали ход канцелярские служители. Умело составленная писарем или канцеляристом «биографическая» выписка гарантировала успешное завершение всего предприятия. И в ход шло старинное и, к сожалению, почти что безотказно действующее средство — взятка, которая давалась претендентом на новое звание (и повышенный оклад!) приказному, канцелярскому чиновнику. Но в 1711—1712 годах вводятся Штаты, явившиеся первым официальным регламентом окладов в армии, и это событие по праву считается последним камнем, заложенным в фундамент регулярной русской армии.

Ввели Штаты — и изменилась система, порядок чинопроизводства. Но присмотримся теперь к тому, что дал этот штатно-финансовый регламент.

Петр I лично участвовал в создании Штатов 1711—1712 годов — росчерком пера были ликвидированы некоторые чины, утверждены новые (к примеру, капитан-поручики вместо секунд-капитанов). Царем уточнялись и размеры окладов: уменьшены у одних категорий и увеличены у других. Законодательно утверждался приоритет иноземцев перед русскими и артиллерии перед солдатскими и драгунскими полками. И если, как мы знаем, иностранцев вскоре перестали «жаловать», то артиллерия в течение всего столетия получала большие оклады: полковник — генеральское жалованье, подполковничье равнялось полковничьему пехотному или драгунскому и т.д. Платили больше потому, что служба в артиллерии требовала особых знаний, навыков, ценившихся довольно высоко.

Как ни стремились авторы Штатов сделать их основанием равенства, единообразия в противоположность прежней окладной пестроте, удалось это осуществить далеко не сразу. Мешали многие причины. Взять хотя бы все тех же иностранцев. Когда создавались Штаты, оказалось, что нельзя всем иноземцам дать равные оклады, так как одни являлись «нововыезжими», а другие «старых выездов». В чем же разница?

Иноземцами «старых выездов» были те, кто, подобно Патрику Гордону, выехал в Россию еще при отце Петра, а то и раньше. Эти иноземцы уже частично обрусели, частично обзавелись поместьями, а что самое главное, они не являлись в глазах петровской администрации, самого реформатора, так верившего в европейскую исключительность, носителями передового — на уровне армии Карла XII! — знания в области воинских наук. Иное дело «нововыезжие», которые несут с собой последние, новейшие идеи. Короче говоря, не смея приравнять иностранных офицеров «старых выездов» ни к русским офицерам, ни к «нововыезжим», было решено давать им оклады, занимавшие по величине нечто среднее между жалованьем русских и только что нанявшихся на службу иноземцев, делая оговорку: «До дальнего его царского величества указа». Штаты же 1720 года, как мы знаем, уже не отмечают никакого разделения в окладах. Но отметим в этом месте еще одну любопытную деталь. В 1709 году дезертирам, перешедшим из шведской армии на русскую службу, были положены офицерские оклады «против иноземцев тех, которые родились в Москве», то есть тех, что позднее будут названы иноземцами «старых выездов». Как видно, царь хоть и признавал в шведах носителей «передовой мысли», но, принимая в свою армию фактически предателей, изменников, не решился дать им такие же высокие оклады, как и тем, которых к вступлению в русскую армию подтолкнула не победа при Полтаве.

Но вернемся к порядку офицерского производства. Введение Штатов вызвало к жизни другой порядок. Теперь ход дела опре-

деляла не хорошо составленная справка приказного чиновника, не только долговременная служба, а наличие «упалого» места являлось решающим аргументом в пользу повышения. Во-первых, появляется строгое распоряжение «чрез чин никого не жаловать», что раньше было явлением обыкновенным. И если раньше для одной категории военнослужащих существовало несколько статей окладов, то теперь при назначении, заглядывая в Штаты, видели лишь один размер жалования. Таким образом, при отсутствии промежуточных окладов «внутри чина» производство как бы замедлялось, но при повышении звания офицер получал сразу значительную прибавку, и поэтому нужно было как можно тщательнее теперь проверять всех претендентов.

И контроль за чинопроизводством возложили на самих офицеров. Теперь кандидат на повышение обсуждался офицерами той части, где служил, и коллективу офицеров вменялось в обязанность выяснить, насколько кандидат достоин повышения, и делать это сослуживцы претендента должны были, «не видя какой страсти, но правдою, а ежели сыскано будет, что неправдою такое избрание будет, таковые лишаться своих пожитков». Вот поэтому, перед тем как приступить к разбору, офицеры приносили следующую клятву: «Мы, к настоящему воинскому баллотированию назначенные, клянемся Всемогущим Богом оное баллотирование чинить по сущей правде не для какой страсти, службы или склонности, подарков или зависти, не для дачи, но токмо едино, чтоб произвести в настоящие ранги по Его Императорского Величества указу хотим учинить право и нелицемерно так, как ответ нам дать на страшном суде Христовом, в чем да поможет нам он, нелицемерный судья!»

Но одной клятвы было мало. Имелись и подробно разработанные правила, уточнявшие детали баллотирования. Для этого отводилась особая комната, где стулья ставились в круг на таком расстоянии друг от друга, «чтоб рукой одному до другого достать было нельзя, а стол с ящиком, в который баллы кидают, и чаша с баллами стоят на середине». Офицеры впускались в эту комнату одновременно, открывался ящик для баллотирования, что давало возможность убедиться в отсутствии шаров, положенных туда или случайно, или по чьему-либо умыслу. После осмотра ящика все рассаживались по местам, и уже никто не смел подняться с места. Правила требовали быть всем офицерам в епанчах, полами которых следовало маскировать движение руки голосующего, когда бросался шар в черную или белую половину ящика, — голосование было тайным. Открытая чаша с шарами обходила всех присутствующих, начиная с председателя. Требовалось также делать шары не деревянными, а из какого-нибудь мягкого материала, к примеру из холста, и объяснить это требование можно было бы, наверное, тем, что твердый шар при падении в то или иное отделение ящика мог сориентировать звуком своим всех присутствующих к тому или иному решению. Но вот все офицеры, закрываясь епанчами, произвели баллотирование, после чего ящик ставился на стол, присутствующие подходили к ящику, открывалось вначале «бе-

лое» отделение и считались баллы, после пересчитывались черные шары. Результаты голосования сразу же фиксировались секретарем, и все офицеры «заручали» протокол своими подписями. А еще правила баллотирования требовали «носить баллы и ящик не всегда одному, но перемежаясь, и чтоб не знал тот, кому прикажут носить, заранее». Такой подробный рассказ о правилах перевода офицера в следующий чин необходим был для того, чтобы проиллюстрировать серьезность подхода военной администрации при награждении офицера более высоким чином, что делалось для того, чтобы приостановить продвижение вперед офицеров неспособных, качественно улучшить личный состав офицерского корпуса, очистить его от посторонних и, конечно же, сберечь за счет этого деньги.

В артиллерии, где требовалось присутствие специалистов как ни в каком ином роде войск, повышению чина во второй половине Северной войны сопутствовал экзамен. Мало было провести кандидатуру через голосование офицерского коллектива, нужно было убедиться в профессиональной пригодности того, кто претендовал на повышение. Перед баллотированием проверялось умение кандидата чертить пушечные и мортирные чертежи, знания артиллерийской теории, материальной части.

Интересно то, что жесткие требования, которые стали предъявляться к кандидату на повышение чина (и оклада), охладили служебный пыл некоторой части офицеров артиллерии, в основном иностранных офицеров, приехавших в Россию искать материальных выгод. «Афицеры, — писал Якоб Брюс, — скучают, что не могут во артиллерии так скоро повышение чина иметь, якоже в пехотных и драгунских полках». Эта причина толкнула значительную часть артиллеристов-иноземцев, которыми в начале века и был в основном представлен род войск, игнорируя повышенное в сравнении с пехотой и кавалерией жалование, переходить на службу в солдатские и драгунские полки, надеясь на быстрое продвижение. А для этого иностранцы пользовались так называемым «абшидом», то есть увольнением из русской службы с намерением якобы вернуться на родину.

Однако скоро было замечено, что «находчивые» иноземцы и не собирались отправляться туда, откуда прибыли когда-то: они просто заключали капитуляцию вторично, поступая в пехоту или кавалерию. Все понимали, что последствия таких переходов могли быть губельными не только для артиллерии, распылявшей личный состав, но и вообще для исхода войны: артиллерия, все знали, часто была решающей силой на полях сражений. И с целью прекратить подобные переходы не позднее 1716 года издается категоричный указ: «...которые офицеры из артиллерии с абшидом во отечество свое отпущены будут, тех в службу его величества ни в которые полки не принимать».

Пристальное внимание к системе чинопроизводства и другим вопросам устройства армии периода Северной войны понятно — именно в это время закладывалась основа комиссариатской, ин-

тендантской служб русской регулярной армии, просуществовавшая весь век и перенесенная во многом и в век XIX. Итак, денежное жалование офицеров в период «регулярства» становится главной статьей их материального обеспечения. Но что, кроме оклада, могли иметь они?

Увеличивали офицерские доходы денежные дачи, дававшиеся в виде «премиальных» участникам боевых операций, кампаний, походов. Мы помним, что практика эта существовала еще и до Петра, и подобные дачи коренились в практике военной жизни так глубоко, что давали право требовать заслуженное вознаграждение как законно причитающееся жалование. «За преславную, яко и удивительную викторию, учинившуюся здесь, при Полтаве» настойчиво просил дополнительной денежной дачи, к примеру, адъютант Илья Веселовский. Единовременные пожалования осуществлялись на протяжении всего века. Манштейн в своих записках о России пишет, что «двор имел средства раздавать награды всякий раз, как войска переносили чрезвычайные трудности или совершали что-нибудь замечательное». Всю армию наградили «третьим» жалованием за боевые действия в Крыму в 1736 году, а в 1759 году за победу под Кунерсдорфом всем участникам сражения выдали еще более значительное вознаграждение — полугодовое жалование «не в зачет». Случалось, что армия имела предлог получить прибавку и в связи с событиями невоенного характера. В 1745 году всех без исключения наградили деньгами в честь рождения великого князя Павла Петровича.

В период проведения некоторых кампаний, как это было, например, во время войны за польское наследство (1733 год), офицерам могло идти полutorное жалование на все время пребывания в походе, но правилом это не являлось. Зато, — мы уже знаем об этом, — все командные чины снабжались за границей порционными, где в одну «порцию» входила дневная норма солдатского питания. Перечислив все продукты на деньги, получали стоимость одного порциона. По Уставу 1716 года, полковник мог претендовать на 50 порционов, капитан на 15, а поручик на 9 порционов. Кто мог съесть такое количество продуктов? Ясно, что брали их офицеры деньгами, составлявшими значительный «приварок» к основному жалованию. Позднее, в XIX и XX веках, порционные деньги примут иное название — деньги столовые.

Другим видом офицерских дополнительных дач являлись рационы. Рацион — это деньги для приобретения фуражного довольствия на одну офицерскую лошадь. А расчет производился следующим образом. Было подсчитано, что лошадь съедает в месяц четверть овса (около 120 кг) и 15 пудов сена. Но казенное содержание офицерским лошадям предоставлялось только на 6 «зимних» месяцев, остальное время, «летнее», лошади, должно быть, обходились, по мнению военных законодателей, подножным кормом. Итак, в год одна лошадь съедала 6 четвертей казенного овса и 90 пудов сена. За четверть овса платили 50 копеек, а пуд сена стоил 3 копейки, вот и получалось, что цена одного рациона

равнялась 5 рублям 70 копейкам. Эта цифра взята из указа времен Северной войны, но рационы увеличивали офицерское жалование на протяжении всего века, только в конце столетия на лошадей выдавали деньги уже не 6, а 8 месяцев, и стоил месячный рацион 1 рубль 50 копеек. Рационные деньги (по 12 рублей на лошадь) приплюсовывали к основному окладу, и они практически уже были неотличимы.

А рационные прибавки были весьма значительными! В 1709 году генерал-фельдмаршал обладал правом иметь 300 лошадей, а артиллерийский полковник — 40, вот и помножьте это количество на стоимость фуражной порции. К концу войны лошадей в офицерских конюшнях поубавилось, но и то полковник артиллерии (в этом роде войск рационы, как и оклады, «на один ранг» выдавались больше, чем в пехоте и кавалерии) имел 30 лошадей (реально он мог держать столько, сколь нужно было) и получал на корм для них по 171 рублю от казны в год — прибавка значительная!

Еще одной формой обеспечения командного состава дополнительными средствами являлась выдача денщицких денег — по сути дела жалования, предназначавшегося офицерским слугам, денщикам. По уставному положению фельдмаршал мог обслуживаться 16 денщиками, у полного генерала их было 12, у генерал-лейтенанта 10, у генерал-майора 8, полковник имел 6 денщиков, подполковник 4, майор 3, капитан 2, а поручик и прапорщик должны были обходиться услугами лишь одного денщика каждый. Нельзя думать, что денщикам не полагалось твердо установленного оклада. Жалование офицерских слуг в пехоте и кавалерии в первой половине века равнялось 6 рублям в год, а в гвардии было немного выше — 7 рублей. Артиллерийские офицеры приравнивались в этом отношении к гвардейцам — имели на одного денщика больше, чем в пехоте, и жалование их слуг тоже было «гвардейским». Артиллерийский капитан, к примеру, мог обзавестись не двумя, а тремя денщиками.

Вполне понятно, что каждый офицер оставлял за собой право решать, сколько денщиков ему необходимо. Все тот же капитан мог пользоваться услугами только одного человека, в то время как жалование еще двух слуг, полагавшихся ему, поступало в его распоряжение. Но даже в том случае, если офицер и обзаводился законным количеством денщиков, их жалование, выдававшееся на руки офицеру, вряд ли передавалось по назначению полностью — денщики составляли в армии самую бесправную категорию военнослужащих.

В самом конце века денщицье жалование, увеличенное до 7 рублей 30 копеек в год, уже совершенно слилось с офицерским окладом, как и фуражные деньги, и офицер, надо думать, стал полновластным собственником причитающихся его слугам денег.

К числу случайных денежных прибавок можно отнести и дачу, связанную с любопытной традицией, коренившейся в «дорегулярном» прошлом русской армии. Приказный человек середины

XVII века Григорий Котошихин в своем описании Московского государства рассказывает о том, что еще в давние годы ратные русские люди, побывавшие в плену у неприятеля, награждались «за полное терпение» тем, что выходили из холопства или крестьянства (те, кто принадлежал к зависимым сословиям), получали от казны небольшие земельные наделы и поместье или вотчинное владение и даже получали статус «детей боярских».

Вот поэтому и неудивительно то, что в практике петровского времени мы встречаем такое же отношение к тем военнослужащим, кто возвратился из вражеского плена. Мало того что они имели право получить причитающееся жалованье, но с 1713 года им на законном основании выплачивают еще и своего рода компенсацию за мучения, принятые на государевой службе в неприятельском плену. Землями бывших полоняников уже не наделяют, но вручают денежные дачи «за полное терпение». Размеры этих дач были разнообразными. Обыкновенно тем, кто возвращался из шведского плена в период Северной войны, выдавалось в придачу к жалованью еще и от 1 до 4 рублей. В 1726 году некоторым возвратившимся из Швеции русским воинам выдали за полное терпение по 11 рублей.

Иными были награды тех, кто выходил из турецкого плена. Считалось, что их мучения были несравненно большими, чем те, что претерпевались русскими в плену у «цивилизованных» шведов. Поэтому и награда за полное терпение находившимся в «варварских руках» русским воинам назначалась куда более весомой. Офицеры и солдаты, возвращаясь после плена в «турках и хивах» на Родину, получали до 20 рублей за полное терпение. В 1731 году было принято решение награждать «турецких полонников» 10 рублями.

Отношение к попадавшим в плен военнослужащим начинает постепенно меняться со второй половины века. После Семилетней войны кем-то в правительстве было обращено внимание на то, что эта война имела уже ряд особенностей: «...ныне уже в политических христианских государствах при случае продолжение войны чинится, не только не пресекая между воюющими державами способов к пересылке на содержание своих у неприятеля пленных денег и не поступая с ними бесчеловечно, но и делая еще между собой конвенции, с каким удовольствием в обеих сторонах пленных содержать или между собою размениваться». Законодатель, кроме того, опасался, что практика выдачи полонных денег может «служить попользовению от взятых в полон меньше себя защищать», и все эти рассуждения явились поводом к тому, что в 1766 году правительствующий Сенат фактически отменил дачи за полное терпение, оставив, правда, за главнокомандующими полномочия решать самим, «кому и сколько дать».

Нет сведений о том, что жестокие войны с «нехристианской» Турцией, которые вела Россия во второй половине века, заставили правительство изменить свое отношение к попавшим в плен воинам. Надо думать, что по мере абсолютизации государственных

интересов, параллельно, одновременно с укреплением государственной машины Российской империи, индивидуум, служащий этим интересам, все больше и больше теряет право пренебречь ими даже в самой экстремальной ситуации, когда, к примеру, приходится выбирать между гибелью или выполнением боевого задания. Отношение русского правительства к воинам, попавшим в плен, эволюция этого отношения — наглядный пример порабощения личных интересов государственными. Наверное, совершенно излишним было бы напоминать, каким было отношение Советского правительства к тем воинам, кому пришлось побывать во вражеском плену.

Мы говорили выше о статьях дохода офицеров, а теперь посмотрим, на что тратилось жалованье — оклад и побочные доходы. И так, важнейшей статьей расхода являлись траты на приобретение мундирных вещей (об этом поговорим подробнее в последнем очерке). Немало денег уходило на покупку пищи, — мы знаем, что только рядовые и унтер-офицеры получали казенный провиант.

Кроме трат на одежду, еду, жилье (мы помним, что командный состав был обязан или строить свои дома, или нанимать квартиры за собственные деньги) военное законодательство XVIII века опустывало офицеров еще и довольно густой сетью вычетов на разные нужды. Уходящим корнями в практику XVII века был в первом периоде Северной войны вычет у русских офицеров «за каждый двор, которым они владели в принадлежащих им поместьях». Нетрудно увидеть в этом рудимент старой, поместной системы оплаты «труда» боевых слуг государства. Вычет этот был неравномерным и увеличивался соответственно старшинству чинов. Прапорщик, к примеру, отдавал с каждого двора по 30 копеек, а капитан — 45. Позднее установили равный для всех вычет — 20 копеек за каждый двор. Часто в казну уходили такие суммы, что офицер из богатых помещиков служил совсем без жалованья. Но, повторяем, вычет за дворы существовал недолго.

К числу постоянных отнесем вычет на медикаменты, введенный в практику в первые годы Северной войны и существовавший все столетие. В инструкции под названием «Что надлежит к лекарствам немощным и к плате лекарств» (1706 год) говорилось о необходимости отчислять из годового жалованья каждого полковника 12 рублей, подполковника — 6, майора — 4, капитана — 3, поручика — 2 и прапорщика — 1,5 рубля в год. А в 1731 году решили брать на медикаменты по 1,5 копейки с каждого рубля офицерского жалованья.

Другой вычет из офицерского оклада был вызван необходимостью бороться со злом Северной войны да и позднейшего времени — солдатскими побегам. Уже в первые годы века, чтобы побудить командиров к более тщательному присмотру за нижними чинами, за каждого дезертира с его непосредственного начальника взимается штраф. С полковника брали 1,5 рубля, у подполковника и майора высчитывали 0,5 рубля, у капитанов за каждого беглого — как у командиров рот — забирали 1,5 рубля, с сержантов

брали 10 копеек, а у солдат того капральства, в котором служил дезертир, удерживали по 1 копейке с каждого человека. Таким образом за беглого отвечали денежным штрафом не только его командиры, но и «братья» рядовые — круговая порука. Однако в том случае, если пойманный дезертир объяснял на допросе свой поступок тем, что «бежал от налог офицерских или от принуждения к собственным их работам и от другой какой несносной нужды», то офицер, послуживший причиной к побегу, мог быть предан суду. В качестве меры, способной предупредить произвол офицера, существовал указ, запрещающий под страхом штрафа в 10 рублей использовать подчиненных в работах для собственных нужд.

Часто командиры были совершенно неповинны в дезертирстве солдат, но тяжкая служба, постоянная угроза смерти гнали бывших крестьян как можно дальше от полков. «Худели» воинские части, «худели» и офицерские кошельки, и малопоместные, особенно же беспоместные, офицеры, жившие только на жалованье, буквально бедствовали, разоряемые штрафами за побег подчиненных. В 1712 году генерал Аникита Иванович Репнин доносил царю о том, что «штабс-, и обер-, и ундер-офицеры, и солдаты, и прочие чины просят милосердия о вычетных денгах за беглых, чтоб ради нынешней трудной службы и дорогова провианту не вычитать». Никакого ответа Репнин тогда не получил, но штраф за беглых, как нам известно, взимался до 1731 года, пока его не упразднила Инструкция генеральному кригскомиссариату, предписавшая штрафовать лишь тех офицеров, кто был лично повинен в дезертирстве солдат. И отмена этого штрафа стала возможной лишь потому, что по окончании Северной войны с постепенным упорядочением всей системы довольствия армии, более гуманным отношением командиров к подчиненным количество дезертиров значительно уменьшилось.

В 1716 году издается указ за подписью царя, повелевавший высчитывать у каждого повышенного в чине офицера его новое месячное жалованье. Авторы указа, надо полагать, считали, что произведенные офицеры должны отблагодарить казну за повышение таким вот образом. Была найдена и статья расхода для изымавшихся при производстве офицеров денег — они шли на содержание «шпиталей», то есть госпиталей. В 1725 году Военной коллегией была сделана попытка отменить положение об отчислении месячного жалованья на госпиталь, однако окончательная ликвидация петровского указа произошла лишь в 1762 году, когда «благодарная» Екатерина освободила офицеров от необходимости платить в казну столь значительные по размеру пени. Но вычеты за изготовление патента — документа, удостоверяющего присвоение офицеру нового звания, — остались. Печатался патент на пергаменте, и майор, например, платил за него 1 рубль, потом оплачивал типографские работы — 27 копеек и пошлину — 1 рубль 6 копеек.

Значительно уменьшать офицерское жалованье могли штрафы, которые налагались обер-кригскомиссарами в том случае,

если при проведении «комиссарских» смотров обнаруживались серьезные недостатки во вверенном офицеру подразделении (при выявлении утерь, порчи имущества, обмундирования, оружия, плохого содержания лошадей и пр.). Комиссар немедленно удерживал из оклада провинившегося офицера деньги «по валеру учиненного обитка». Этого требовал Регламент кригскомиссариата 1711 года.

Не только хозяйственные упущения карались денежными штрафами. Многие дисциплинарные проступки офицеров наказывались «обнижением чина» или удержанием в казне жалованья за несколько месяцев. Например, в 1717 году, по сообщению генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, поручик Кошелев «за слушание в команде» был наказан удержанием «на гошпитал» двухмесячного жалованья, и еще один оклад был взят с него «за крихсрет», то есть в качестве уплаты за судопроизводство, вызванное его делом.

Но часто дисциплинарное взыскание не исчерпывалось одним лишь штрафом, и офицер подвергался аресту. Но еще в самом конце Северной войны не имелось твердого положения, разъясняющего, как поступить с жалованьем арестованного. В 1720 году генерал-кригскомиссар обращался в Военную коллегию за разъяснением. «Понеже как в армии, так и в гварнизонах, — писал он, — штап-и обер-офицеры, и рядовые арестуютца по году и болши, а дела их и инквизициями, и кригсрехтами еще не окончены, а иные офицеры требуют своего жалованья на те месяцы, которые будут под арестом, и таким на те месяцы жалованье платить ли, о том как в артикуле, так и в воинском уставе не написано, а когда по кригсрехту какая персона обязана бывает штрафом, вычетом из жалованья на несколько месяцев или отнятием чина, их комиссарству о том от генералитету предлагается указом».

Как видим, по каждому частному случаю приходилось выносить особое постановление в отношении размера оставляемого арестованному жалованья, что, безусловно, было хлопотно и неудобно, а также ставило находящихся под судом офицеров в неравное положение. На запрос генерал-кригскомиссара тогда дали однозначный ответ: «...выдавать находящимся под арестом офицерам и рядовым половинное жалованье». Это правило и существовало в течение всего века.

Половинное жалованье получали офицеры (да и рядовые) и за время их нахождения на излечении в госпитале. Правило это получило «путевку в жизнь» с легкой руки Петра I, не забывавшего использовать экономические рычаги довольно широко. Считалось, что «через вышереченное удержание жалованья многие солдаты, которые выздоровели, скорей похотят к своим полкам идти, чтоб им паки жалованье получать... ибо уже некоторые явились, которые выздоровели, чтоб им спать и праздные дни иметь, а к своим полкам не идти».

Однако не одно лишь желание пробудить в выздоравливающем воине стимул к быстрейшему возвращению в полк диктовало

воинской администрации содержание этого законоположения. Офицер, попадая в госпиталь, кормился в нем, и половина его оклада шла именно на продукты питания. Рядовые тоже отдавали пол-оклада на госпитальный прокорм, но лишь в том случае, если поступали на лечение не в полковой госпиталь или лазарет, а, к примеру, в гарнизонный. В полковые же стационары поступала пища, полагающаяся рядовому по закону, — его провиантская норма. Чтобы закрыть «госпитальную тему», скажем: лечение для всех военнослужащих было бесплатным, но исключение делалось для тех офицеров, «которые наживают себе болезни французские, також де и раны, которые они достают в драке от своего произволения».

Полностью жалование удерживалось у тех военнослужащих, кто отправлялся в отпуск в свои имения. Понятно, что в основном дворяне пользовались этой привилегией. По большей части в отпуск отправлялись тогда, когда полки располагались на зимних квартирах и, конечно уж, когда не предполагалось военных действий. Случалось, что до одной четверти всех чинов полка уезжали в отпуск. В канцелярию подавалось прошение, где указывались причины отпуска, прилагались ручательства трех офицеров о том, что отпускник вернется в срок, и личная расписка отпускника. Отпуска могли быть длительными — до года, и самыми весомыми причинами являлись: восстановление подорванного службой здоровья (здесь требовалось медицинское заключение. К примеру: «...вышеписанный поручик Костеев дохтуром Севастием свидетельствован, а по свидетельству... временем ушми туг, в ногах лом и чехотная болезнь. А по моему свидетельству имеет он каменную болезнь, также и дряхл»). Но чаще всего мотивами становились дела домашние: «Отец болен, скот увели, дом разграбили, крестьян заложили, а другие бежали, и землю соседи продали».

В 1731 году уже упоминавшаяся Инструкция генеральному кригскомиссариату гласила, что у отпускников сохраняется полное жалование, если их нахождение в отпуске не превышает одного месяца. Понятно, что редко кто уезжал в свое имение на столь короткий срок — одна дорога в те поры занимала массу времени. Тем не менее Инструкция строго предупреждала: «А кто на срок при командах не явятся и о своем замедлении законных причин не докажут, и у онаго за те просроченные дни чинить из жалования вычеты за каждые семь дней по месяцу (то есть месячное жалование. — С.К.)». Как видно, правило это, скорее всего, мало применялось на практике из-за редкого использования краткосрочных отпусков. Уже в 1744 году приказывалось доставлять в казну оклады военнослужащих, уехавших «для исправления домовых нужд» в свои поместья.

Мы вкратце описали систему финансового обеспечения офицеров, теперь же не мешаает взглянуть на то, как формировались денежные доходы рядовых, на что солдаты «пускали» свои деньги.

Говорилось уже, что XVII век знает крайнее разнообразие в окладах служивых людей. Интересно то, что и петровские воины «зарабатывали» по-разному в начале Северной войны, имея один и тот же чин. В 1708 году фузелерам выплачивается жалование по шести статьям. Солдаты в зависимости от «старости» службы, не надеясь получить капральский или сержантский чин, могли все же продвигаться по некоему подобию служебной лестницы, сооруженному традицией из разных величин денежного оклада. В такой системе был резон — не утрачивался интерес к службе, постоянно поддерживаемый прибавками к жалованью.

Желающий повысить свой оклад обычно подавал челобитную точно так, как и офицер, ссылаясь на долголетнюю службу, часто на то, что на его жалование «прокормитца нечем», и просил оклад «старых» солдат. Как видно, именно «старость», выслуга лет и являлась наиболее весомым аргументом для прибавки. О том, что надбавки производились в ранний период «регулярства» без апелляции к какому-либо узаконению и всецело зависели от произвола начальства, говорит тот факт, что многие челобитчики просили прибавить «чем тебе, государь, об нас бог по сердцу положит». Но челобитная челобитной, а наличие вакантных, «упалых» мест являлось обязательным условием для повышения оклада.

Пестрота в окладных дачах увеличивалась из-за того, что рядовых порой переводили в новый чин с сохранением старого жалования, обещая вскоре его повысить, но шли годы, а оклады не менялись. Дерптской артиллерии бомбардирский капрал Семен Борзой в 1707 году с трудом добился того, чтобы жалование ему положили «против иных капралов, а не бомбардирское». О том же просили и капралы Никита Балашов, Софон Григорьев, Алексей Третьяков и Василий Козел.

Но случалось и так, что артиллеристы, сохраняя свой чин и оклад, исполняли обязанности вышестоящих категорий военнослужащих. Так, по взятии Нарвы пушкари Федор Вавилов и Иван Летошнев были оставлены в гарнизоне и «управляли капральское дело», нося звание пушкарей, а оклады им тоже шли пушкарские. Однако Штаты 1711—1712 годов положили конец запутанной (пусть и не лишней смысла) системе окладных дач. Абсолютизм, не устраняющий неравенства между различными социальными категориями, стремится все же к нивелировке личности внутри однородной группы. Равные оклады — отличительная черта «регулярства».

Но одними окладными дачами не исчерпывался «доход» рядовых. Им, как и офицерскому составу, следовали одноразовые премиальные за участие в кампаниях, удачных битвах, походах. В 1757 году после Грос-Егерсдорфского сражения всем нижним чинам «была учинена винная порция» и выдавались награды в размере месячного оклада, а уже за победу под Кунерсдорфом нижних чинов премировали полугодовым жалованием.

Но случалось, что премии эти попадали в карман солдата не без хлопот и трудностей. В 1718 году военнослужащие Ревельского

гарнизона все еще не могли получить награду в размере двухмесячного оклада за участие в Полтавской битве, то есть спустя девять лет после сражения, о чем подали коллективную челобитную. Увы, о гарнизонных, часто находящихся вдалеке и от блеска побед, и от высокого начальства, обыкновенно забывали. Понятно, что были лишены гарнизонные солдаты и обыкновенных надбавок, на которые всегда рассчитывали воины — участники заграничных походов. Например, в период войны за польское наследство, в 1733 году, каждый нижний чин получал от казны по 3 копейки в день в прибавок к основному жалованью. На эти деньги можно было обеспечить себе сносный, если не обильный, стол.

Придача могла даваться рядовым и в форме подъемных при переводе из части в часть. К числу одноразовых случайных пожалований отнесем и выдачу отдельным воинам «премий» (полтина!) к Рождественским праздникам, и денег на покупку сапог, когда целые группы нижних чинов получали в качестве вспоможения ту же самую полтину, а в 1754 году по случаю рождения великого князя Павла Петровича все рядовые армии получили рублевое вознаграждение. Иногда выдавались некоторые суммы просто «для скудости». И конечно же, на всех нижних чинов распространялось положение о «премировании» за полное терпение. Напомним, что все солдаты получали от казны по 72 «мясных» копейки в год (фунт мяса стоил 1—1,5 копейки), а «соляных» им выдавалось в год 15 копеек. Эти деньги получались военнотружущим одновременно с основным окладом, то есть потретно.

Некоторый прибывок давало солдатам участие в «непрофессиональных» видах деятельности, когда они использовались, к примеру, на строительстве и ремонте мостов, при сооружении фортификационных построек, казарм и пр. Использование дешевого солдатского труда — традиция давняя. С успехом применялся он и на рытье каналов, когда рядовые между тем получали по 3 копейки в день за несвойственную основному назначению солдата работу.

В свободное от «общественных» занятий время нижние чины имели право трудиться на себя. С разрешения полкового начальства они нанимались в поденную работу к частным лицам с целью получить дополнительные денежные средства. Эти промыслы, конечно, не могли располагаться в отдалении от мест квартирования полка и занимать много времени, — короче, представлять помеху для нормального течения службы рядовых. Понятно, что подрабатывать таким образом военнотружущий имел возможность лишь в период нахождения полка на «вечных» квартирах, при расселении в слободах, но никак не в походах или во время кампаний. Во время «ратной страды» появлялся другой источник дополнительных денежных доходов.

Коренился источник этот в нравах той поры, в правилах ведения войны, общепринятых в Европе. Обратимся за разъяснением к Анштальту (штату) артиллерийскому (1726 год), в котором говорится: «Инфантерия и кавалерия, когда неприятеля на баталии победит или когда какой город осадят, и оной возьмется штурмом,

имеют как офицеры, так и рядовые, яко победители, в поле с мертвых и раненых, а в городах и из домов и других градских хранилищ себе прибыток. Сверх того оные на инфантерию и кавалерию при выходе из неприятельской земли всё имеют выграбить, и тако из того немалое себе богатство приобретать могут».

Оставив для потомков столь ценное свидетельство, законодатель простодушно жаловался на то, что артиллерия-де находится по сравнению с пехотой и кавалерией в невыгодном положении ввиду того, что во время сражений и осад привязана к назначенным для орудий местам и артиллерийские служители поэтому не могут проявлять «сноровки», присущей представителям других родов войск, и на их долю достается лишь «шестая часть из меди» по взятии осажденного города. Комментарии, нам кажется, излишни.

Перечислив статьи дохода рядовых, перейдем к обзору солдатских трат. До тех пор, пока не отменили штрафы за дезертиров, нижние чины наказывались вычетом одной копейки за каждого бежавшего товарища. Копейку в месяц отдавали они в пользу полкового батюшки (после Северной войны упоминаний об этом вычете обнаружить не удалось) и копейку в месяц «на медикамент». Отсутствие по какой-либо причине последнего вычета могло порой являться поводом к отказу в лечении.

Если рядовой попадал на стационар полкового госпиталя или лазарета, то жалованье по возвращении в строй выдавалось ему «ополовиненное». Лечили, правда, их от всех болезней бесплатно, даже если солдат наживал «французскую болезнь». Устав 1716 года предписывал «с урядников и рядовых отнюдь ничего не брать, отчего бы им болезнь ни приключилась, но лечить их всех без заплаты». Как видно, Устав изменил отношение к венерологическим больным из числа рядовых, потому что в предшествующие его появлению годы оно было иным — еще в 1715 году Яков Брюс приказал лишить фузилера Юду Бячкова жалованья за два года, «потому что он пролежал в лазаретах в нечистой болезни, а та болезнь происходит от своего невоздержания».

Наиболее ощутимыми отчислениями из окладов рядовых являлись вычеты за мундир, который хоть и «строился» централизованно, но расходы на его изготовление оплачивались солдатом. У гантлангера, например, в 1719 году из рублевого месячного оклада удерживалось на построение воинского платья по 35 копеек, а в 1751 году из жалованья фузилера, получавшего в месяц 90 копеек, на мундир уходило $39\frac{1}{4}$ копейки.

Хорошей иллюстрацией соотношения величин окладов, вычетов и надбавок послужит такая таблица (1751 год).

Чин	Оклад за треть	Вычет в мундир	Вычет в медикам.	Остаток	Дача на мясо	Дача на соль	Итого
Фузилер	3 р. 60 к.	1 р. 57 к.	3,75 к.	1 р. 99 $\frac{1}{4}$ к.	24 к.	5 к.	2 р. 28 $\frac{1}{4}$ к.
Каноир	4 р. 40 к.	—	4,5 к.	2 р. 78 к.	—	—	3 р. 7 $\frac{1}{2}$ к.

Как видим, даже статьи постоянных вычетов уменьшали жалование солдата едва ли не в два раза. И в связи с последним замечанием поговорим немного о благосостоянии военнослужащих, или, вернее, о том, насколько зависело оно от жалования.

«Ежели случится, — гласил Устав, — что жалование к плате не всегда справно в уреченное время дано будет, однако же, несмотря того, имеют офицеры и солдаты службу охотно отправлять и до тех мест терпеть, пока они удовольствованы будут. Буде же кто при собрании военных людей в походе, гарнизоне, лагерях или где публично о деньгах кричать будет, оный имеет без всякой милости яко заводчик возмущения наказан быть».

Выдержка эта приведена здесь не случайно — строгое предупреждение было всего лишь откликом на реальное положение дел в денежном обеспечении солдат времен Северной войны, когда недостатки эти, значительно ухудшавшие материальное положение солдат, грозили вызвать недовольство в армии или даже открытое возмущение. Позволим себе процитировать еще одно сообщение. Генерал-фельдмаршал Шереметев писал: «Государева денежного жалования на нынешний 1715 год артиллерийским как офицером, так и рядовым ничего не дано, отчего он, генерал-маеор (Гинтер. — С.К.) опасение имеет, чтоб люди за каким воровством не пошли, потому что питатца стало нечем, понеже в Калуге и прошедшего марта месяца на первую половину артиллерским служителем провиант там едва достали».

Вот когда сказывались больнее всего промахи в обеспечении полков деньгами: не довозят казенный провиант — приходится залезать в свой кошелек. Но как быть, если и он пуст у солдата, не получившего жалование? Денежные дачи в Северной войне при недостаточно отработанной еще провиантской службе становились часто единственным источником прокормления. И это понимали высшие командные чины, стремясь до минимума сократить задержки с жалованием.

Но как часто случались они? Ответить на этот вопрос сегодня трудно. «Неисправности» коренились скорее не в нерадении начальства, — все понимали необходимость правильного, полного и своевременного довольствия армии деньгами, — но от несовершенства податной системы, невозможности вовремя собрать подати, от неспособности вовремя доставить деньги к месту расположения полка, часто менявшемуся в военное время.

Несвоевременный сбор денег на местах был, пожалуй, главной причиной затяжек с выдачей жалования. Недоимки вели к значительному дефициту средств. В самом конце Северной войны Меншиков сделал такое заявление Военной коллегии: «...как офицеры, так и драгуны претерпевают за неимением денег нужду, на которых истинно жалко смотреть, и никогда сего не бывало, что на 21 полк не дослано слишков з двести тысяч рублей».

Порой невыдача денег, несмотря на устрашающие статьи Устава, грозила неповиновением, усилением дезертирства или, по крайней мере, «оскудением» солдат настолько, что это грозило бы ухудшением боеспособности. И высшие воинские чины, чтобы хоть как-то исправить положение, прибегали к таким средствам, как заем денег у гражданских лиц. В 1719 году пороховой заводчик Родион Мейер ссудил артиллеристов пятью тысячами рублей, и предусмотрительный Яков Брюс велел комиссару вернуть долг «без всякого задержания, чтоб впредь ему и другим во время тако же случившейся нужды охотно было оными (деньгами. — С.К.) служить».

Но бывало, в суматохе Северной войны трудно было отыскать заимодавца, способного дать армии на время большую сумму денег, и в дело шли личные средства высших командных чинов. Так, в 1715 году Адам Вейде сообщил в письме Брюсу, что ввиду «великой нужды» он принял решение «до времени ссужать своими деньгами» находящиеся в Лефортовском полку пушкарей.

А особенно затруднительным становилось снабжение деньгами тех полков, которые воевали за пределами России. В 1716 году, к примеру, жалование удалось переправить «нашим» в Данию на ластовых (грузовых) судах вместе с провиантом. Но в следующем году Петр принял решение переводить окладные деньги находящимся в Дании русским войскам следующим образом: торговым людям было приказано свозить на ярмарку в Архангельск юфть (до 100 тысяч пудов), где пуд кожи приобретался казной за 4 рубля, после чего товар на судах отправляли в Данию, продавали, а вырученные деньги и шли на уплату воинского жалования. Понятно, что столь «хитрые» способы доставки денег за границу лишали русских воинов возможности получать свои оклады своевременно. После Северной войны войска, следующие в заграничные походы, снабжались по возможности валютой.

Нетрудно понять, почему так заботила воинских начальников своевременная выдача окладов военнослужащим. Малопоместные и беспоместные офицеры кормились и одевались на жалованные деньги, а отсутствие окладных денег у нижних чинов тормозило построение им одежды, которая шилась на вычтенные из их жалования суммы, госпитали отказывались их принимать ввиду не сделанного «в медикамент» отчисления. Еще в 1723 году Военная коллегия, беспокоясь о качестве несения солдатами службы, так отвечала на доклад Главного комиссариата: «Уже какое великое время армия без жалования, и какую несносную нужду терпят не токмо солдаты, но и офицеры, ис которых многие дневной пищи не имеют, а солдатам хотя провиант и дается, но с одним хлебом и водою; какой кураж быть может, каждый о том рассудит, чтож за армия будет, когда и офицеры, и солдаты наги, и босы, и голодны будут».

Но финансовая неустроенность в сфере армейского денежного довольствия постепенно сменяется стабильностью. Все реже становятся длительные задержки в выдаче окладных денег. Произошли ли при этом значительные изменения в благосостоянии военнослужащих, трудно сказать. Устранилось со временем одно из серьезных зол — длительные задержки выплаты окладных денег, но увеличились ли оклады? В 1720 году поручик получал 120 рублей чистого оклада в год, в 1731-м — тоже 120, а в штате 1800 года мы видим, что вместе с денщицкими деньгами и рационами он получает из казны 204 рубля, то есть примерно столько же, сколько в конце Северной войны. Драгун на протяжении столетия имел 12 рублей годовых по окладу, а жалованье рядового пехотного полка тоже было достаточно стабильным — примерно 10 рублей в год. От 12 до 14 рублей в год имели рядовые артиллеристы. Но следует заметить, что при относительной стабильности окладов покупательная способность рубля, особенно во второй половине века, снижалась, так что вряд ли можно говорить о прогрессе в благосостоянии русских воинов на протяжении XVIII века.

Если же нижние чины, по крайней мере, кормились «от казны», то младшие офицеры, выбившиеся в «благородные» из унтер-офицеров или являвшиеся бедными дворянами, часто просто бедствовали. Их благосостояние прямо зависело не от получаемого жалования, а от доходов поместий. Вот что мог оставить прапорщик даже гвардейского полка своим наследникам: «По смерти прапорщика Матвея Враскина (лейб-гвардии Кегсгольмский полк, 1736 год. — С. К.) осталось нижеозначенного экипажа: кафтанов зеленых, в том числе без обшлагов один, — 2, камзолов красных (один без рукавов) — 2, штаны ветхие, красные — 1, сюртук зеленый, ветхий — 1, епанеч красных, ветжих — 2, котел медный — 1, шляпа ветхая с позументом — 1, позументу ветхого с мундиру — 7, крест серебряной — 1, кошелек ветхий, шитый — 1, платок пестрый, ветхий — 1, галстуков белых — 2, полотенец ветхих, ручных — 2, шпага с медным эфесом, седло ветхое, одеяло ветхое — 1, лошадей — 2». Разве обладателем одних ветхих штанов и одной ветхой шляпы представляли мы себе лейб-гвардейца, не оставившего к тому же ни копейки денег своим наследникам? Зато поручик Харламов, однополчанин Враскова, умерший в том же, 1736 году (шла русско-турецкая война), оставил после себя 449 рублей наличными деньгами. Так ведь не оклад же позволил Харламову являться вполне состоятельным офицером — понятно, что поручик обладал деньгами, присланными из поместья. И в связи с этим обратимся еще раз к мемуаристу Болотову, сделавшему в 1757 году следующую запись: «Обрадован я был одним случаем, а именно приездом из деревни людей моих с запасом. Они привезли мне всякой походной провизии и некоторое количество денег, которым я в особенности был доволен, ибо, хотя я никак не мотал и жил наивоздержаннейшим образом, однако одного офицерского жалования было слишком мало к тому, чтоб

можно было содержать себя порядочным образом; сверх того нужны были деньги для предстоящего похода».

Завершим очерк о воинском жалованье сообщением о денежном обеспечении отставников и семей умерших на службе «царю и отечеству» военнослужащих. Напомним, что основанием к отставке служило медицинское освидетельствование, признававшее неспособность офицера или солдата продолжать службу из-за полученных в боях ран, болезней или попросту старости. Порядок этот для офицеров сохранялся до 1736—1740 годов, когда издаются указы о сокращении их службы до 25 лет, а для рядовых — до 1793 года, когда они получили право на отставку после беспорочной двадцатипятилетней службы.

В первой половине века отставники практически не получали пенсий — выдавалось единовременное вспоможение в размере годового оклада, и офицеры-помещики отправлялись в свои имения, а рядовые в монастыри или богадельни. Только в 1764 году, при Екатерине, издается указ с предписанием отсылать отставников в 31 провинциальный город, где они могли бы жить своими домами, получая от казны уже настоящие пенсии. Подполковнику назначались 120 рублей в год, майорам — 100, капитанам — 65, поручикам — 40, унтер-офицеры получали 15, а рядовые 10 рублей в год. Отставные офицеры, таким образом, имели бы пенсии, равные примерно трети их прежних окладов, а нижние чины, не получая от казны провианта, сохраняли практически свое прежнее жалованье. Но указ предупреждал, что пенсии эти распространяются лишь на тех, кто отправляется не в имения, богадельни или к родственникам, но лишь для «гражданского» проживания в намеченных указами городах. Напомним еще и о тех отставниках, которых отправляли для хлебопашества на Волгу. Такие на пенсии тоже не могли рассчитывать.

Не оставались без внимания семьи погибших военнослужащих уже в начале Северной войны, когда, к примеру, вдовам артиллеристов платили 1/10 часть годового оклада их покойных мужей, а дети их «на прокормление сиротское» получали в день по 1,5 копейки. Но претендовать на пенсии могли в то время лишь жены иноземных офицеров, не имевших в России источников дохода в форме поместий.

Зато введение в действие Морского устава в 1720 году, статьями которого долгое время пользовались и другие рода войск, изменило положение вещей. Вдовам и детям умерших военнослужащих, бывших в обер-офицерских чинах, назначалась пенсия: жене — восьмая доля оклада мужа, а детям «каждой персоне» двенадцатая доля. Но Морской устав указывал возраст пенсионеров. Не каждая женщина могла рассчитывать на постоянное вспоможение, но лишь вдова старше 40 лет или та, которая по причине своего уродства («будет так увечна») не имела надежды на новое замужество — таким пенсии назначались «до смерти». А вдовы моложе 40 лет и лишённые физических недостатков, то есть те, кто вполне мог обзавестись «кормильцем», получали лишь едино-

временное пособие в размере годового жалованья мужа. Сиротам-мальчикам платили до 10 лет, а девочкам — до 15. Однако уже в самом конце века, при Павле, в торжественной форме всех офицеров заверили в следующем: «Награждая их (воинов. — С. К.) при всяком случае лично за собственные их подвиги, желаем ныне успокоить дух сих героев, идущих на брань побеждать и истреблять повсюду врагов веры и законных прав царей (разрядка наша. — С. К.), от бога дарованных, и для того повелеваем: дабы жалованье по чину всех убитых на войне штаб- и обер-офицеров службы нашей производимо было женам их по смерти, а детям до совершенного их возраста». Через два года после опубликования этого указа некоторые офицеры и не вспомнили об этой монаршей милости.

Члены семей умерших или погибших нижних чинов долгое время не пользовались поддержкой казны. Исключение составляли мальчики, которых полк не отдавал матерям и содержал при школах для солдатских детей. Вдова же могла надеяться на отдачу ей недополученного мужем жалованья, на выдачу мундира, которому «не минул срок», да еще в некоторых случаях небольших разовых сумм на «погребение и на помин души». Лишь в 1764 году высочайше распорядились выдавать женам унтер-офицеров и рядовых, умерших на службе, по 2 рубля в год «по смерти или по замужеству», а детям по 3 рубля.

4. Кафтан

Что может быть более зримым, значимым признаком регулярной армии для постороннего наблюдателя, чем одинаковая воинская одежда, — короче, форма? Но скажем сразу, что форму знали еще стрелецкие полки времен Ливонской войны, а иностранец, приехавший в Москву в правление Алексея Михайловича, мог собственными глазами убедиться в том, что московские стрельцы имели одинаковую по покрою одежду, разнившуюся цветом у воинов разных полков. Например, в полку, которым командовал Иван Нараманский, стрельцы носили вишневые кафтаны с черными петлицами и светло-синим подбоем, а на головах у них были шапки малинового цвета, на ногах — желтые сапоги. В полку же Тимофея Полтеева кафтаны были оранжевые с черными петлицами и зеленым подбоем. Его стрельцы щеголяли в зеленых сапогах и вишневых шапках. Все четырнадцать московских полков имели одинаковую «по фасону» одежду — форму, которая еще только-только вводилась в армиях европейских государств. Имели одинаковое обмундирование и рейтары, и копейщики, и солдаты.

Задача Петра I, таким образом, сводилась не к тому, чтобы одеть свое войско в форму, признанную дисциплинировать солдата, давать возможность отличать на поле боя «своих» от «чужих», а командирам более успешно руководить подразделениями своего полка, но чтобы обмундировать армию именно в европейскую воинскую одежду. Как отечественная легкая промышленность

справлялась с этой задачей, мы увидим вскоре. Мы помним, что помещик, отправлявший своего крепостного в армию, являлся и его первым комиссаром, и провиантмейстером. Обязан был снабдить помещик новобранца еще и платьем. В 1696 году издал указ, требовавший обеспечивать новобранца полным комплектом одежды, необходимой для благополучной доставки «даточных» к месту службы. И одежда в этом случае представляла из себя полный крестьянский гардероб: сермяжный кафтан, штаны, сапоги, рукавицы, онучи, рубаху, портки да еще шубу.

Тот, кто отправлялся в полк с семьей, получал от помещика платье для членов семьи: «...женам по сарафану, по шубе одеваальной, по башмакам, по чулкам, по две рубашки человеку, детям их платье ребячье». Во избежание недоразумений передача новобранцу одежды заверялась расписками с обеих сторон. Но уже в 1705 году комплект рекрутской одежды лишается шапки, рукавиц, чириков, рубахи, но за все эти вещи помещик обязан был платить рекруту по одному рублю в год якобы на их приобретение. Станный указ! Не ходил же молодой солдат годами в чириках и шапке. Скорее всего, из помещиков хотели выудить как можно больше денег на армию, отсюда, как мы помним, и обязательный годовой провиант от помещика, и деньги «на подъем».

В 1711 году петровская администрация, стремясь сократить траты на армию, возложила на помещиков обязанность не просто снабжать новобранцев крестьянским платьем, но отправлять их в полки, одетыми в мундиры — в кафтаны и камзолы, но шубы, обувь и белье следовало давать тоже. В следующем году помещик «повязывал» на шею своему бывшему человеку еще и галстук.

Но, как видно, мундиры эти имели такой вид, что уже в 1714 году помещиков к обряжению рекрутов в форму уже не принуждали, а функции по снабжению новобранцев форменной одеждой перешли властям губернским. И снова ничего не получилось — качество изготавливаемого в губерниях мундира оказалось столь низким, что дало повод Александру Даниловичу Меншикову заметить: «Понеже со всего государства собирают всегда на мундир денег немалое число, а мундиру, ниже тем деньгам, лица не видеть, которыми, чаю, корыстуются в губерниях, а на которых делают в губерниях мундир, тот самой плохой».

В самом деле, делавшийся на местах мундир никак не мог удовлетворить полковое начальство, которое видело приходящих в часть новобранцев одетыми в следующий костюм: «токмо красная шапка да серый кафтан с прорехою». Приходилось тут же заменять эту странную одежду на обычную строевую, и, чтобы прекратить бесполезные траты на изготовление никому не нужной «формы», Меншиков предложил собранные на рекрутское обмундирование деньги отсылать в государственные учреждения, «а мундиру на рекрут в губерниях не строить, а приводить их к армиям в мужицком платье».

Не следовало снабжать новобранцев какой-либо форменной, казенной одеждой еще и потому, что по дороге в полк многие из

них, о чем уже не раз говорилось, убегали. Дезертируя, рекрут не забывал обычно «уйти в бега» с выданным форменным платьем, пусть даже такого невысокого качества. А возможно, и сам факт обладания мундиром, обычно вскоре продававшимся, служил отчасти поводом к побегу. Только к концу Северной войны отказались окончательно от мысли дать новобранцам до прибытия в полк одежду, похожую на форму. В 1719 году уже конкретно говорилось, что «мундир выдается рекрутам с того числа, как в полки определены бывают». В 1726 году было велено принимать рекрутов, имеющих на себе шапку, рукавицы, «хотя ношенные, только б не драные, да штаны и рубашка с порты и обувь простая, все такое, какое они в домах своих носили, а мундир на них отнюдь не спрашивать». Порядок этот не изменился потом на протяжении всего века, когда новобранцев принимали в полки, не обязывая помещиков давать рекрутам какую-нибудь одежду. Платье их должно было быть «какое у кого домашнее случится, целое и не изодранное» — все тот же кафтан сермяжный, шуба, шапка, рукавицы, две рубахи с портками (прообраз кальсон), штаны сермяжные, обувь (чирики или упоки с чулками), «а больше того не требовать и нового покупать ни под каким видом не заставлять» (1754 год).

Но что представлял собой тот мундир, для введения которого Петру I понадобилось воспользоваться традициями, модой, вкусом западноевропейских военных законодателей? Состав гардероба пехотинца был следующим: кафтан, камзол, штаны, епанча, шляпа, башмаки и сапоги, белье (портки и рубаха), чулки, галстук, штiblеты (с 1730 года) и в ряде случаев шубы, шапки, рукавицы и рабочие кафтаны. Обмундирование драгун не слишком отличалось от солдатского мундира, только дополнялось ботфортами со шпорами, а позднее и перчатками. Иначе, правда, одевались кирасиры, учрежденные при Анне Иоанновне, — кафтан и камзол им заменяли колет и подколлетник.

Присмотримся теперь к процессу заготовления на армию огромного количества мундиров европейского образца, изготовление которых для русских мастеров оказалось поначалу делом непростым. Сложностей было чрезвычайно много. Во-первых, необходимо было вначале запастись материалом для пошива кафтанных, камзолов и штанов — сукном, но отечественные сукноделы не способны были предоставить в начале века ни требуемого количества сукон, ни материала, соответствующего стандарту. Тонкие цветные сукна в подавляющем большинстве на российском рынке были заграничного производства, поэтому первые годы Северной войны ознаменовались не только испытанием русского оружия в сражениях со шведами, но и спешным заключением контрактов на поставку импортного материала для воинской одежды.

Очень энергично за «обшивание» солдат на новый лад взялся, к примеру, Приказ артиллерии. Уже в 1704 году на дело пушкарям и бомбардирам кафтанных и камзолов закупили 3847 аршин коричневых и красных английских сукон и 2153 аршина «любских» по

53 копейки за аршин (0,71 м). А на «приклад», то есть на обшлага и воротники, пошло 83 аршина василькового сукна.

А через три года, когда на артиллеристов готовились шить новую партию мундиров, пришлось столкнуться с большими затруднениями. Приказ артиллерии действовал обособленно от Мундирных канцелярий, где заготавливалась одежда на пехотинцев и кавалеристов, а поэтому неожиданно артиллеристы столкнулись с результатами конкуренции. «В рядах у иноземцев, — доносили Брюся, — ни у кого не сыскано, для того, у кого такие сукна и были, и те выбраны наперед сего в разные приказы и в канцелярии на дело строевого платья драгунам и солдатам».

Да, трудно было обеспечить портных добротными сукнами, а ведь требовалось к тому же заготовить на полк мундиры одинакового цвета, но в период Северной войны часто совершенно не удавалось купить большую партию одноцветного материала. А это вело к тому, что солдаты одного полка стояли в строю одетыми в разноцветные мундиры или цвет одежды менялся при построении новой партии формы. Например, в 1707 году Приказ артиллерии покупал на «апшлаг» синие и желтые сукна вместо васильковых, использовавшихся в 1704 году, а коричневое сукно полностью заменилось красным, обнаруженным в лавках английского купца Андрея Стельса. В следующей партии в дело пошло уже лазоревое сукно, которое вывез на продажу земляк Стельса Андрей Ачкин. Только в конце Северной войны цвет артиллерийского мундира более-менее определился — и кафтаны и камзолы стали шить красными, а в 1731 году к этому цвету добавился еще и черный, на воротники и обшлага. Вот таким сложным путем, зависевшим от того, какие сукна преобладали на рынке, пришли к устойчивому цветосочетанию, просуществовавшему потом довольно долго. И это еще не считалось большим грехом, когда менялся от партии к партии цвет мундиров. Некоторые войсковые части вообще не могли заполучить высококачественных цветных сукон на мундиры, и одежда шилась из серого некрашеного сукна, обыкновенного российского, носившегося крестьянами, или серое сукно окрашивалось примитивным способом в отваре из листьев дуба, например, или в других «естественных» красителях, дававших чрезвычайно неудовлетворительные результаты.

Однако если в начале Северной войны цвет покупаемого у купцов сукна не играл решающей роли, то к качеству материала относились с большим вниманием. На торги и ярмарки командировались специалисты сукноделы, чтобы «прежде приему оценить по самой сущей правде почему аршин, как лучше образцов и ниже образцов стоят». Из сукон, качество которых признавалось стоящим «ниже образца», мундиры не делались или понижалась цена. В 1719 году торговые люди оценивали сукна Андрея Ачкина в присутствии его «короспондента» и назначили цену васильковскому сукну 60 копеек за аршин, а красному 55 копеек, заявив, что «больше той цены те сукна истинную правду не стоят».

А в середине XVIII века экспертиза сукон была заботой браковщиков, выбранных обычно из людей купеческого сословия, которые действовали согласно специально разработанным правилам, наблюдая, к примеру, за тем, «чтоб в одном цвете разноцветных сукон не было, разве малым чем будут одне потемнее, а другие посветлее», и прочим. Браковщикам работы хватало. На рынок вывозилось много недоброкачественного материала, и не составляли в этом случае исключения и сукна иностранных мастеров. Так, в 1738 году пришлось отказаться от закупки прусских сукон, которые при осмотре браковщиков оказались «плохи и к носке непригодны».

Этот случай дал основание издать указ с предписанием заготовлять сукна на российских фабриках, «ибо некоторые из них давно заведены и в состоянии приведены». Да, в самом деле, за тридцать первых лет века удалось наладить выпуск отечественного сукна, пригодного для солдатских мундиров, но полностью отказаться от закупок импортного материала все еще не могли. Российские сукноделы научились делать прекрасную каразею — грубую шерстяную ткань, шедшую обычно на подкладку, — но еще мало производилось сукон, способных конкурировать с тонкими, носкими, хорошо окрашенными английскими, голландскими, немецкими. В 1740 году понадобилось даже издать именной указ «об объявлении суконным фабрикантам, чтоб они мундирные сукна делали по образцам» и о штрафовании сукноделов в случае неисполнения этого распоряжения.

А в следующем, 1741 году издается «Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики», и поводом к их опубликованию служило все то же невысокое качество русских сукон. Отсюда и сложность положения армейских заготовителей, не потерявшая остроты и во второй половине века. Приходилось действовать комбинированным методом: покупали сукна импортные, приобретали и отечественные, прямо на суконных фабриках, подряжали посредством опубликования билетов-объявлений, с помощью полиции, путем розыска, проводимого специальными агентами по закупкам. Проводя политику защиты отечественного суконного дела, правительство предписывало не обходить стороной материалы русской выделки, чтобы «иноземческих сукон при покупке и подряде было толикое число, сколько в прибавок к сделанным на российских фабриках потребно». Но несмотря на протекционизм, русские товары были поставлены на рынке в состояние конкуренции с высококачественными импортными сукнами и другими продуктами легкой промышленности, что от года к году повышало уровень изготовления нужных армии товаров.

А теперь присмотримся к главному предмету мундира — кафтану, позаимствовавшему свое название у верхней одежды стрельцов. Однако кафтан петровского мундира стал короче, до колен. Рукава с обшлагами, тоже короткие, — из-под них должны были выглядывать рукава рубашки. Полы в частых складках, сзади на них разрезы, украшенные шпивными петлями. Большие карманы,

прикрываемые клапанами, срезаны внизу пятью зубчиками. На левом плече для придерживания перевязи патронной сумы пришит красный гарусный шнур. Пуговиц на каждый кафтан полагалось по два портища (дюжины) и еще две штуки. Делались пуговицы из меди, полами, пустота которых порой заполнялась свинцом или оловом. Цена их в среднем была копейка за штуку. И если срок носки кафтана равнялся трем годам, то пуговицы считались «бессрочной» принадлежностью мундира, и когда сукно приходило в негодность, то пуговицы следовало спороть и пришить на новый мундир. Но пуговицы тем не менее постоянно приобретались у ремесленников, торговых людей, так как они терялись, ломались, к тому же они были нужны и для мундиров новобранцев, которым еще неоткуда было их отпороть.

Хоть и равнялся средний рост приводимых в армию новобранцев, как уже говорилось, 2 аршинам 5 вершкам, но были в России позапрошлого века мужчины и повыше и пониже указанного роста. Вот поэтому и шились мундиры трех размеров — «большой, средней и меньшей рук», и при покупке сукна на большую партию мундиров вначале производился расчет, имевший целью предупредить лишние траты на сукно. Однако порой не удавалось точно определить, сколько каких «рук» имеется в той части, которую требовалось обшить, и, боясь купить сукна мало, решались взять с излишком, предполагая, что все в полку носят кафтаны «большой руки». Но шились мундиры уже по размерам, что давало «прикрой», который по существовавшему с самого начала Северной войны положению поступал в распоряжение нижних чинов. В 1708 году, к примеру, после изготовления мундира на 760 артиллеристов суконных лоскутьев было продано на 102 с лишним рубля. А подкладывались кафтаны байкой, крапешинной (крапешное домашнее полотно) или каразей, о которой уже говорилось.

Кафтан по Уставу можно было носить и незастегнутым — нарушением это не считалось, потому что под кафтаном носился камзол. Этот предмет обмундирования шился таким же по покрою, только был короче, имел более узкие рукава без обшлагов и мог делаться из сукна иного, нежели кафтан, цвета. Пуговиц на камзоле было меньше — всего лишь 22, — и застегивался он полностью, до самой шеи солдата, а срок носки для него определили, что и для кафтана, — 3 года.

А вот для такой важной части мундира, как штаны, срок носки был определен в два раза меньше — полтора года. На качество материала, идущего на пошив штанов — предмета гардероба, подверженного большему износу, чем кафтан или камзол, старались обращать особое внимание. К сожалению, продукция русских сукноделов еще в 1719 году вызывала серьезные нарекания. Писалось «...штаны делают в мундирных канцеляриях из сукон московского дела, которые в маршах солдатам неспособны, понеже те сукна толсты, и в летнее время солдатам в маршах бывает труд немалой».

Вполне понятно, что проблему бы решило тонкое, мягкое импортное сукно, но еще в первом периоде Северной войны предпринимаются попытки подыскать принципиально иной материал для штанов. В 1706 году Александр Меншиков, не боявшийся экспериментов, обрядил часть своих драгун в кожаные штаны, чтобы продлить срок носки их — при постоянном трении о седло суконные штаны не могли прослужить отпущенного для них срока.

Уже через два года в кожаных штанах ходили артиллеристы, которым выдали 700 пар лосиных штанов отечественной работы, стоивших 1 рубль 2 алтына за пару. Появились на русском рынке и импортные изделия, только стоили они значительно дороже. Купец из Англии Андрей Стельс пытался договориться о поставке партии штанов из немецкой кожи по цене 2,5 рубля. Предложение Стельса тогда, правда, отклонили, и было решено воспользоваться продукцией русских мастеров, только тщательно отобрав соответствующие стандарту изделия.

На дело штанов шли различные сорта кожи: лосиные, олени, «коз дворовых и диких», бараньи, телячьи, сайгачьи. Качество готовой продукции, а вместе с тем и цены различались в зависимости от сорта выбранных на пошив штанов кож и от качества выделки. Например, в 1717 году, когда русские полки находились в Померании, солдатам покупали лосиные штаны по 4,5 талера, козлиные по 3, а за штаны из бараньей и телячьей кожи платили только по 2,5 талера.

Кожаные штаны, еще в период Северной войны включенные в солдатский гардероб, вызывали все же много нареканий. Еще мало было хорошо выделанных кож, годных для пошива штанов, на которые должен был идти материал тонкий, эластичный. Русские лосиные кожи годились для кавалерийских камзолов — там требовалась кожа потолще, но штаны из них получались плохие. Воины жаловались на качество штанов, пошитых из «козлий московского дела». Говорили, что они «от воды скорбнут и ломаютца».

Исходя из настоятельной необходимости снабдить воюющую со шведами русскую армию доброкачественными штанами, надежными, удобными в носке, обер-штер-кригскомиссар Новосильцев доносил в только что учрежденную Военную коллегию о печальном положении в деле пошива этого предмета мундира и предлагал делать штаны только из кож нарвской и ревельской работы. Да, штаны из этой кожи стоили бы дороже, но «по препорции достоинства» значительно бы выигрывали. Новосильцев предлагал также «размножить» отечественные кожевенные заводы, способные выпускать материал для пошива мундиров, не уступающий по качеству импортному.

Однако организовать высокопродуктивное производство в России оказалось делом не таким простым, и правительство пошло на заключение контракта с саксонскими мастерами Паулем Темпером и Антоном Шупенаксом, которые обязались наладить выпуск кож на московском кожевенном заводе «против заморской

работы», а также обучить за три года десять русских учеников «благоизученным художествам своим так, как сами в том искусны».

Неизвестно, правда, сколь эффективной оказалась немецкая наука, но еще при Петре I были пресечены причины, ведшие к оскудению кожевенного рынка России. Оказалось, что «скудость в лосинах, и в оленинах, и в козлиных чинится оттого, что торговые люди, а паче господин Строганов, везде тот товар по вся годы закупали и ныне выкупили для отпуску за море для себя». Строгий указ царя запретил вывоз за границу «стратегического» материала, и эта мера в совокупности с постепенным налаживанием кожевенного производства не могла не дать положительных результатов. В течение всего века полки периодически облекались в кожаные штаны, и проблем с их изготовлением уже в 40-е годы не наблюдалось, но чаще носились штаны суконные, менее ноские, но более удобные. Заметим здесь, что кожаные изделия должны были служить солдату три года.

Совершенно новой и непривычной для русского солдата одеждой стала «петровская» епанча. Представляла она собой короткий, до колен, суконный плащ без рукавов и пуговиц с двумя отложными воротниками. Носилась она накинутой на плечи и застегивалась при помощи крючков у подбородка. В походной обстановке, когда было тепло, епанча скатывалась в продолговатый сверток и привязывалась к верху ранца. С 1771 года к полам епанчи (хотя примерно с середины века ее все чаще именуют плащом) с внутренней стороны пришивались большие холщовые карманы, называвшиеся пшанбсаками. Они были рассчитаны специально для того, чтобы солдат мог в них вместить суточную сухарную порцию — свою обычную походную еду. До тех пор, покуда епанча-плащ не была заменена в конце столетия шинелью с рукавами, она мало чем менялась в облике своем. Но вот в самом начале века, когда этот предмет обмундирования только вводился, ответственным за ее массовый выпуск пришлось поволноваться.

Основные трудности заключались в том, чтобы правильно выверить меру сукна, идущего на пошив плаща, и в связи с этим — а идет война! — завязывается долгая переписка между различными ведомствами, делаются предварительные расчеты, производится пробный раскрой. Мало сделать партию епанчей строго по образцу — необходимо еще не выйти из сметы. Немало хлопот доставил и выбор материала на подкладку, а нехватка сукна обусловила для периода Северной войны пестроту не только «подбоя» в одной партии епанчей, но самого их цвета. Вообще имевшиеся в нашем распоряжении документы, дающие сведения о многотрудном процессе пошива епанчей, являются яркой иллюстрацией сложнейшего процесса «одевания» регулярной петровской армии в европейские мундиры, при изготовлении которых русская легкая промышленность испытала невероятные трудности, но тем не менее сумела худо-бедно обмундировать за короткий срок огромную по численности армию.

«Исподним» воину служила рубаха и портки, которые шились из холста, различавшегося в свою очередь как «рубашечное» и «портошное». Качество выделки первого сорта было выше, и стоил холст, идущий на шитье рубах, по 6 копеек за аршин, в то время как за «портошный» холст платили 2—2,5 копейки. Солдаты должны были иметь несколько смен белья и приобретали его самостоятельно. Однако белье могло покупаться, «строиться» казной, но в этом случае использовались неистраченные при пошиве основного мундира деньги. Такое белье шло к уже имеющемуся в прибавок. Три рубашки — обыкновенный солдатский запасной комплект, который по инструкции переносился воином в походе в ранце.

В походном багаже солдата обязательно хранились еще и два запасных галстука, шившихся из холста, как и белье, но не обязательно. Чаще всего на галстуки шли трип, китайка или фланель, а его фасон в первые годы Северной войны проходил внимательную «апробацию». Например, в 1706 году дьяк Приказа артиллерии, не решаясь взять на себя смелость начать изготовление 600 необходимых канонирам и пушкарям галстуков, приложил к своему письму, требовавшему разъяснений, «модель» галстука. Генерал-фельдцейхмейстер Яков Брюс разрешил сомнения дьяка, приказав шить галстуки из китайского зеленого или черного цвета. Позднее, когда производство форменных вещей было отработано, налажено, такая нехитрая вещь, как галстук, приобреталась воином самостоятельно, за собственные деньги. Завязывался он обычно бантом, у подбородка, а концы его спускались на камзол.

Еще больше хлопот, чем галстуки, доставляли военным администраторам начального периода Северной войны шляпы, производства которых (во всяком случае, массового) Россия прежде всего не знала. Шляпы делали из войлока, но выдержать форму согласно образцу, то есть изготовить красивый, доброкачественный головной убор да еще в массовом количестве русским промышленникам было поначалу нелегко. И насколько трудно оказалось снабдить армию шляпами, прекрасно демонстрирует переписка, имевшая место в 1706 году и состоявшаяся между Яковом Брюсом и обер-комиссаром, посланным на поиск шляп.

Все началось с того, что генерал-фельдцейхмейстер указал комиссару: «В Смоленску прикажи искупить 500 или 600 шляп, а буде в Смоленску купить не обыщет, и ты выбери из дворян кого доброго человека и пошли в Могилев и в Шклов, и в иные города, где чаешь оные шляпы искупить».

Обер-комиссар, спеша исполнить распоряжение начальника, послал за шляпами в Смоленск, но необходимого количества головных уборов там не оказалось. Поиски, как и следовало, продолжили в Шклове, а потом и в Могилеве. И вскоре комиссар получил известие от ответственных за покупку лиц о неудаче предприятия: нужного количества шляп найти не удалось. Правда, имелись в продаже 100 головных уборов, но стоили они чрезвы-

чайно дорого — по 60 копеек за штуку, в то время как приказано было не отдавать за шляпу больше 30 копеек.

Пока агенты торговались, неожиданно поступило сообщение, что в Смоленск из Вязьмы привезли большую партию шляп — целых 400 штук! — и вроде бы не слишком дорого, всего по 40 копеек. Агенты буквально кинулись в Смоленск, где скоро и была совершена сделка, когда с купцами, снизившими цену с 40 до 25 копеек за шляпу, ударили по рукам. А ведь через подобные «мытарства» приходилось переходить петровским военным администраторам почти при каждой заготовке формы.

Но ширилось, развивалось, крепло отечественное шляпное производство — в Москве еще в период Северной войны на полную мощность работал Шляпный двор. Однако государственное предприятие не скоро наполнило рынок доброкачественной продукцией, и полкам часто приходилось прибегать к «свободным» предпринимателям, пользуясь надежными средствами: покупкой и подрядом, и обычная цена шляпы была 20—25 копеек за штуку.

На протяжении века «конструкция» шляпы менялась незначительно: только поднимались поочередно поля — вначале одно, вернее, одна сторона его, потом три, а в 30-е годы передний угол шляпы настолько приподнялся, что осталось только два угла. Менялись обшивки по краям полей, кокарды, значки, кисти, но принципиальных изменений этот головной убор не претерпевал, и его всегда можно было отличить от картуза или бомбардирской шапки.

Картуз, или «карпус», как его называли солдаты, был введен в 1710 году, и его появление было обусловлено тем, что высококачественных шляп не хватало. Этот тип головного убора гораздо проще было изготовить, шился он обычно из сукон двух цветов, например красного «с опушкой васильковой», что соответствовало цвету кафтана и цвету обшлагов и воротников. Кроме простоты изготовления он нравился солдатам еще и тем, что в ненастную погоду можно было опустить на уши суконный клапан, обыкновенно поднимавшийся к тулье. Этот головной убор не сдувало ветром, а отсутствие полей не мешало воину прицеливаться. Как ни странно, просуществовал картуз недолго, и по мере налаживания шляпного производства его носили все меньше и меньше. В 30-е годы ношение картузов в армии совершенно не имело места. Срок службы для шляп и картузов был ограничен тремя годами.

Острроверхая, совершенно оригинальная по форме шапка-гренадерка тоже имела отпущенный ей срок носки, но вот медная чеканная бляха, нашивавшаяся спереди, должна была отпарываться и пришиваться к новой основе до тех пор, пока, как гласил устав, «совсем изломается».

Обувью солдатам XVIII века служили сапоги и башмаки, смазные, чтобы не намокали, тупоносые, чтобы не стеснять стопу и пальцы, на толстой подошве и низком каблуке. Того и другого вида обуви полагалось по паре в год. В период Северной войны,

в походах, чаще употреблялись сапоги, но в 30-е годы, когда в армии широко используются штиблеты, заменяющие голенище сапога, башмаки становятся наиболее «ходовой» обувью.

Уже в начале века сапоги и башмаки приобретались на армию двумя основными способами — покупкой в торговых рядах, непосредственно у ремесленников, которых немало было в Москве и в других больших и малых русских городах, или подрядом, когда приобретались сразу многотысячные партии обуви, но уже приходилось иметь дело не с самим производителем товара, а с посредником.

Подряду обычно предшествовал торг между желающими сделать на армию крупную поставку товара. Например, в 1731 году выставлялась заказчиком образцовая пара обуви с указанием предельной цены, зажигалась свеча, и до тех пор, пока она горела, продолжался своего рода аукцион между подрядчиками, где цена не повышалась, как при покупке, а, напротив, понижалась. Оброчному крестьянину Потапу Алексееву удалось тогда отстранить конкурентов, сбавив объявленную цену за пару сапог с 59 копеек до 56,5 копеек, чем и приобрел он для себя право на поставку большой партии обуви. Выгода была взаимной: и казны, и подрядчика.

Но недостаточно было купить для воинов обувь подешевле — требовалось приобрести обувь удобную и прочную, способную выдержать многокилометровые марши в течение года, не доставить солдату неприятность скверным изготовлением, неудобством. Вот поэтому и обращалось особое внимание на привозимые по подряду сапоги и башмаки, для чего отряжались «сапожного приему» целовальники их опытных ремесленников или торговых людей. Но и их опытности было недостаточно — приемщики пользовались подробно разработанной инструкцией, предписывавшей внимательно следить за тем, чтобы сапоги «были трех рук: большие, средние и меньшие; подошвы, хоть в цвете разны, только б добротой были против образцов и чтоб между подошвою и стелькою лоскутья, лубков и бересты не было, а были б цельныя из нового товара прокладки». Понятно, что приемщик не смог бы проинспектировать всю партию, но этого и не требовалось — бралась одна пара из каждых двухсот, подпарывалась подошва в присутствии подрядчика и производился тщательный контрольный осмотр. Проверялось и качество кожи голенищ, осматривались каблучки, изготавливать которые требовалось не из обрезков кожи, но из добротного материала. А особое внимание обращалось на качество прошивки — она должна была быть «твердая, не реже, как орженого зерна» и выполнена хорошо просмаленной «вервью». В ином случае сапоги или башмаки попросту развалились бы из-за прогнившей или непрочной прошивки. На принятой обуви браковщик ставил клеймо с буквой «Д» — «добро».

Случалось однако, что тот или иной полк не удавалось снабдить обувью централизованно, и в этом случае военнотружущим выдавали собранные с них же деньги для самостоятельного приобре-

тения сапог и башмаков. Известно, что в 40-е годы артиллеристам отдавали по 57 копеек из 60, собранных на сапоги, и по 33³/₄ копейки из 40 копеек «башмачных денег», и полковому начальству требовалось проследить, чтобы рядовые «объявленные деньги на другие расходы не издержали, но имели б всегда исправные за то сапоги на себе». Выдача «сапожных» денег на руки объяснялась не одной лишь невозможностью заготовить большую партию обуви. Оказывается, покупая сапоги или башмаки самостоятельно, воин более тщательно подбирал их к своим ногам, в то время как массовое приобретение, несмотря на обязательную покупку разнотеликих сапог, намного снижало вероятность идеального подбора нужного размера. Говорилось, что солдаты «получают каждой не по своим ногам: ино малы, а ино — велики, и затем продают дешевою ценою, а уже всякой, по своим ногам прибирая, покупает дороже, из чего им не без лишняго убытка происходит, и желают артиллерийские служители за ту обувь получать по подрядной цене деньгами, как и на 1744 год получали, и требуют о том от конторы определения». Просьба солдат была удовлетворена, и они покупали сапоги самостоятельно. А в конце века, как видно, это становится общим правилом, и рядовым даже выдаются деньги в прибавок к жалованью «за годовую обувь».

Было бы несправедливым забыть упомянуть о третьем виде обуви, использовавшейся в русской армии в течение всего века. Это — валенки. По Уставу их выдавали в зимнее время стоящим в карауле воинам, но не исключено, что в некоторых случаях валенки использовались и более широко зимой на марше.

Портянок русская армия первой половины XVIII века еще не знала, вернее, забыла о них при ношении узких сапог и башмаков, к которым полагались чулки. Подрядчики «ставили» в армию уже в начале Северной войны огромные партии (до 30 тысяч пар по одному подряду) чулок русских ремесленников. Красные, белые, серые, лазоревые — они покупались казной по 24—27 копеек за пару (цена высокая, если вспомнить, что сапоги стоили в пределах рубля). Несмотря на большое количество чулок, поступавших в армию, воевавшую с Карлом XII, этот предмет солдатского гардероба почти всю войну являлся дефицитом ввиду быстрого изнашивания на долгих, тяжелых маршах. Как ни старались восполнить недостачу путем новых закупок, однако затруднения вынуждали прибегать подчас к совершенно неожиданным вариантам. Так, в 1712 году В.В. Долгоруков спрашивал у царя, куда девать ветхие палатки, и получил распоряжение употребить их на пошив чулок. Не воспользовались ли в этом случае палатками, просто разорвав их на куски, принявшие форму портянок?

Как бы то ни было, но именно чулки, а не портянки служили солдату в походах и Семилетней войны, когда генерал Фермор инструкцией, отданной по армии в 1757 году, приказал всем нижним чинам не отягощать себя ничем лишним, кроме трех рубах, трех галстуков, пары сапог и башмаков и двух пар чулок. Носили военнотружущие чулки и в конце века, при императоре

Павле, армейский Устав которого, однако, воспрещал солдатам во избежание заболевания ног носить в летнее время чулки шерстяные — следовало надевать холстинные.

Штиблеты, как об этом свидетельствуют документы, применялись уже в ходе Северной войны, хотя массового их использования и не было. В 1707 году Б.П. Шереметев отдал такое распоряжение: «...из кож, которые волеы биты, приказать зделать штиблеты для зимняго похода». На «штивели» могли идти тогда и пришедшие в негодность палатки, но широкое применение эта часть мундира получает лишь в 30-е годы, когда их делают из толстого полотна и носят с башмаками.

Как ни стремились учредители «регулярства» обрядить русское войско в западноевропейский костюм, но отказаться от привычной в российской зимней стуже от меховой одежды они все же не в силах. Трудно было короткой, подбитой тонкой байкой епанче тягаться с морозами. Нет, шубы, шапки, рукавицы в течение всего века не входят в официальный воинский гардероб, но выдаются для временных надобностей: зимой в походе, стоящим в карауле, на строительных работах и при исполнении некоторых особых поручений.

Одним из способов снабжения солдат меховой одеждой было использование крестьянского платья, в котором приводились рекруты в полки. Но запасов «рекрутского мундира» не хватило бы на многих, и есть сведения о покупках шуб и полушубков на армию. Средняя цена за простую овечью шубу в первой половине века не превышала 70 копеек.

Другим источником обеспечения военнослужащих меховой одеждой являлся ее пошив непосредственно в полках. В 1707 году генерал-фельдмаршал Шереметев отдал приказ: «Для зимняго походу из авчин и из козлин, сколько их есть, салдатам приказать делать душегрейки». А в 1741 году на изготовление шуб и полушубков, шапок и рукавиц для 50 полков, стоящих в Остзее, отпускаясь овчины и мерлушки. А в уже упоминавшейся инструкции Фермора «для употребления в осенние месяцы» солдатам разрешалось заводить «от себя» овчинные или стеганые душегрейки, а также шерстяные перчатки.

Нам трудно представить какой-либо иной способ ношения зимней меховой одежды, кроме надевания ее поверх, к примеру, пиджака, но военнослужащие XVIII века не имели права терять армейское обличье, которое непременно скрылось бы под обыкновенной овчинной шубой. Ну, пусть одет в длинную шубу часовой из рядовых, тем более в ночное время, но можно разве было бы представить кавалериста, восседавшего на лошади в тулупе? Нет, нельзя, — войско не имело права даже в сильные морозы приобретать «мужичий вид». И поэтому те самые пятьдесят русских полков, что в 1741 году готовились сразиться со шведами, хоть и обзавелись меховой одеждой, но надевали ее лишь «под камзольчики». Это касалось и полушубков, и душегреек.

Чтобы «поместить» под мундир меховую одежду, и камзол и кафтан следовало делать достаточно просторными. Офицеры ухитрялись пользоваться специальными, скрытыми от посторонних глаз шнуровками, чтобы уменьшить весной «излишки» своего мундира, или же они просто ушивались. С наступлением холодов распускалась шнуровка или распарывались швы, и под мундиры надевались фуфайки, душегрейки и даже полушубки, как бы символизируя исконно русское «дорегулярство», выглядывавшее из-под европейской формы.

Но, несмотря на требования инструкций, правила ношения меховой одежды нарушались. Разве мог отказать себе состоятельный офицер в возможности щегольнуть зимой богатым мехом? Особенно проявляли слабость к дорогой меховой одежде гвардейцы в вольготное для офицерства царствование Елизаветы Петровны. Семеновцы, например, покатались с ледяных гор при дворе являлись не в епанчах — помилуйте, что за тон! — а в лисьих шубах без рукавов, покрытых тонким бирюзовым сукном, обложенных по борту и подолу бобром или соболем. Шубы эти застегивались клапанами из золотого галуна, золочеными пуговицами. Понятно, что такая шуба требовала и соответствующего головного убора, поэтому гвардеец смело оставлял на своей квартире треуголку и шел на гулянье в шапке из серебряной парчи, отороченной богатым мехом.

Екатерина Великая терпела неуставное роскошество гвардейцев до половины своего царствования, после чего злостные нарушения формы одежды стали преследоваться. Но по-настоящему ярым гонителем дорогих мехов, носившихся поверх мундира, стал Павел I, который при этом последовательно заботился о «подкамзольной» теплой зимней одежде. Что до офицерских шуб, то здесь он был неумолим: виновный подвергался продолжительному аресту. Как-то раз император заметил офицера в шубе, поздравил его, велел снять дорогую шубу и отдать ее будочнику, стоявшему поодаль, и сказал при этом, что ему теплая одежда куда нужнее будет.

Здесь будет уместным поговорить подробнее именно об офицерском мундире, состав которого не отличался в принципе от воинской одежды рядовых, но шился из сукна лучшего качества, имел отделку золотыми галунами, позолоченные пуговицы, шарф, султан на шляпе и другие декоративные детали, включая бархатную отделку. Стоимость мундирного комплекта офицера в 1740-е, к примеру, годы достигала ста рублей, и, учитывая то, что командные чины сами приобретали себе одежду, нередко возникали трудности в своевременном построении мундира. Особенно тяжело приходилось беспоместным и малопоместным офицерам, «которые не могли своею суммою исправиться». Командование знало об их нуждах и искало способы помочь малоимущим. Для своевременного построения мундира офицерам часто предоставлялась возможность выбрать материал на мундир, когда приходило время «обшить» весь рядовой состав, и сукна покупалось оптом,

подешевле, или давались ссуды для пошива. И в первом и во втором случае офицер должен был, конечно, с казною расплатиться, но, случалось, плата эта была невысокой. Так, в 1741 году в Тобольский пехотный полк поступило зеленое сукно на строение мундира рядовым. Кафтаны пошили, но оказался в наличии значительный остаток — 800 аршин. Премьер-майор, делая вид, что продает излишек, назначил за сукно крайне низкую цену — 25 копеек за аршин — и предложил его полковым офицерам, которые охотно разобрали дешевый материал.

Сильно удорожал офицерскую одежду шарф, который, ввиду использования в его кистях чистого золота, имел значительную стоимость. Поэтому в елизаветинское время во многих полках шарфы начинают заказывать централизованно, оптом, «чтоб сделаны были во всем одной доброты и одним против друга сходны». Заказ осуществлялся за казенный счет, но по раздаче шарфов их стоимость начинала постепенно вычитаться из офицерских окладов, «дабы вдруг не могли прийти в какой-либо недостаток». А в случае смерти офицера, если все деньги за шарф были выплачены, этот предмет мундира оставался членам семьи покойного.

Одним из способов помощи малоимущим офицерам являлся запрет на использование в мундирах бархата — материала дорогого и к тому же непрочного в носке (Указ 1735 года). Разумеется, и до этого указа никто не обязывал офицеров шить бархатные мундиры, но ведь часто бедные стремились подражать своим состоятельным однополчанам, что приводило их к еще большей нужде. Фельдмаршал Миних оставил бархат лишь артиллерийским офицерам, да и то лишь на воротниках и «малых» обшлагах.

Делали офицерскую одежду дорогой и галуны, которые ткались из золотых нитей. Клался позумент по борту, по обшлагам, по воротнику, по фалдам и клапанам карманов и даже по шляпам. Выглядел мундир красиво, если учесть вызолоченные пуговицы и шарф, но ведь в такой одежде требовалось не просто щеголять на смотрах и парадах, но и находиться в походах, на учениях. Требовалось сохранить дорогой мундир как можно дольше, чтобы не вовлечь себя в новые траты, и поэтому с 40-х годов офицеры должны были заводить еще и так называемые повседневные мундиры, или «убогие». Золотые позументы заменялись на «убогом» мундире гарусным трикотным галуном, и сукно, шедшее на пошив повседневной одежды, было более дешевым.

Не были избавлены от необходимости приобретать позумент за свой счет и унтер-офицеры, чей «заработок» являлся в сравнении с обер-офицерским куда более скромным. Правда, урядники носили меньше галунов: у сержантов — по три на обшлагах, у капитанармуса — два, а у капрала только один галун. К тому же делались унтер-офицерские позументы не из золота, а из серебра и золотились. Есть сведения, что Петр Великий требовал у унтер-офицеров «на позумент против рядовых излишних трат не вычитать», но документы свидетельствуют, что артиллерийские урядники в 1728 году были обязаны приобретать на свои деньги позу-

мент на галуны «равного для всех фасону на мундиры и шляпы». Насколько же затруднительной для них становилась эта покупка, видно из того, что они просили начальство организовать приобретение позументов подрядом на всех сразу, что, конечно, было удобней и дешевле. Свою просьбу унтер-офицеры объяснили тем, что «токмо расплатились с долгами».

Позументы, однако, подобно пуговицам, являлись «долговечным» элементом обмундирования, и надо полагать, траты на их приобретение не были частыми. О долговечности позументов свидетельствует тот факт, что в лейб-гвардии Конном полку серебряные позументы унтер-офицеров, умерших на службе, поступали в распоряжение полка, их отдавали на Монетный двор «для выжиги» металла, и как-то удалось «выжечь» серебра на 343 рубля, которые поступали в распоряжение полковой церкви. Долго хранились в полковом храме предметы утвари, приобретенной на эту сумму.

Что до гвардейцев, то, если в «рядовых» полках начальство следило за искоренением чрезмерных трат на одежду, в привилегированных полках роскошество в мундирах даже поощрялось, потому что придворная служба, для которой гвардейцы часто привлекались, не только позволяла, но и требовала одежды не просто богато украшенной, но даже сшитой по последней моде. Эполеты с золотыми или серебряными кистями украсили плечи российских обер-офицеров при Екатерине II, но далеко не во всех полках.

Теперь нам предстоит узнать, где и кем шились мундиры, и документы периода Северной войны свидетельствуют о том, что пошив одежды производился в основном в мундирных канцеляриях. Например, в 1710—1712 годах группой вольнонаемных мастеров-портных (121 человек) было изготовлено 12 552 кафтана, 9358 камзолов, 15 979 епанчей и 1550 картузов. Шитье мундиров оплачивалось так: за кафтан портному платили 15 копеек, за камзол — 8 копеек, а пошив штанов стоил всего 4 копейки. Стоимость же всего мундирного комплекта, включая обувь и амуницию, равнялась в начале века 5 рублям 10 алтынам 4 деньгам и высчитывалась она из 11-рублевого солдатского жалованья, которым располагал рядовой в год, постепенно, примерно по 40 копеек каждый месяц. А во второй половине века мундиры «строились» уже за счет казны.

Доставка мундиров из канцелярии в полки обставлялась строгими правилами. Во-первых, во избежание подмены в пути все мундиры клеймились «государевой» печатью, кроме того, готовая продукция имела еще и клеймо изготовителя или подрядчика, а в некоторых случаях (на кожаных штанах) ставилась и его личная подпись. После клеймения одежда заворачивалась в рогожные циновки, предохранявшие от сырости, готовые кипы перевязывались веревками, концы которых опечатывались, «чтоб из ононого каких блуден и чему перемены не учинилось». Кстати сказать, и рогожи и веревки эти никогда не выбрасывались — «тара» или

продавалась, давая полковой казне прибыль, или отправлялась в мундирные канцелярии назад.

Транспортировались мундиры в полк на подводах, подряженных в Ямском приказе. Подводчиков снабжали детально разработанной инструкцией, где намечался маршрут следования обоза и говорилось, что «везти нужно денно и ночью с великим поспешением и збережением, а на Москве на помещиковы и ни на чьи двory с тем вышписанным строевым платьем не заезжать и остановки никакой не учинить». По приезде к месту назначения мундир сдавался полковым приемщикам, от которых подводчики для подтверждения полной и своевременной сдачи мундира получали «довозное письмо за их приемщиковыми руками». Получив «довозное» письмо, подводчики должны были отправляться в обратный путь незамедлительно, по дороге ни к кому не заезжать, а по прибытии в Москву сдать письмо начальству «безо всякого задержания». Нарушение инструкции влекло за собой суровое наказание: «за то тем подвотчиком от великого государя быть в смертной казни».

Однако уже в годы Северной войны предпринимаются попытки разместить мундирное производство в самих полках, где пошив мог бы осуществляться портными из числа солдат воинской части под непосредственным контролем полкового начальства. Еще в 1714 году был объявлен указ с требованием спрашивать у набранных рекрутов, «кто из них умеют портному и сапожному мастерствам, и отсылать таких в военную канцелярию к строению мундира». Портные из солдат получали жалованье в два раза меньше обыкновенного оклада рядового — всего 50 копеек в месяц, но в середине века им шли и своего рода премиальные, которые назывались «задельными» деньгами и предназначались для восполнения личных затрат портных на приобретение игл, ниток и свечного воска, шедшего на изготовление свечей, так необходимых портным, работавшим в плохо освещенных помещениях. Часть «задельных» денег шла в пользу тех военнослужащих, которые были вынуждены заменять на караулах и работах своих товарищей-портных — освобождать последних от полковых обязанностей никто не собирался. «Задельные» деньги не были регулярными дачами, потому что и иглы, и нитки, и воск закупались «к делу» мундиров одновременно с приобретением основного материала — сукна.

В 1718 году была сделана первая попытка полностью передать в полки мундирное производство, но новая система настолько не оправдала ожиданий, что уже в следующем году приказали: «... ради нынешних походов и наступающей кампании (готовились к Персидскому походу. — С.К.) шить мундир по-прежнему в мундирных канцеляриях прежними казенными портными мастерами». Но первая попытка не испугала армейских администраторов, и уже в 30-х годах «мундирные и амуничные вещи готовят в Комиссарияте и при полках». Все чаще сукно и другие материалы везут прямо в полки, где ткань перемеривают своими, полковыми, аршинами, железными, «верными», которые с обеих сторон имели

клеймо во избежание чьей-либо злокозненной попытки укоротить измерительный инструмент, чему препятствовать должна была еще и толстая медная проволока, вделанная в аршин на всю его длину. Вторая половина века знает основной способ пошива мундиров — при полках, силами полковых портных. Только во время войн портные-солдаты должны были занять свое место в строю, а мундирное производство передавалось гарнизонным мастерам из военнотружущих и лишь в самом крайнем случае вольнонаемным.

С уверенностью можно говорить, что стиль воинской одежды, господствовавший в России (да и везде в Европе, пожалуй), следовал гражданской моде и был далек от того, чтобы исходить из требований удобства. Мода вообще не считается с естественными запросами человека, стремящегося носить практичное, удобное платье. Не считается мода к тому же и с эстетикой — стиль, которому вчера все поклонялись, сегодня кажется уродливым, безвкусным. Прекрасно понимал все это Г.А. Потемкин, написавший в 1738 году: «Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье, чтоб быть солдату одеждою, а не в тягость, всякое щегольство должно уничтожить, ибо оно — плод роскоши, требует много времени, и иждевения, и слуг, чего у солдата быть не может». Исходя из главного принципа — одежда служит солдату, а не солдат одежде, — Потемкин подал Екатерине записку, вскоре высочайше утвержденную, и вскоре (1783—1786 годы) большая часть полков российской армии, исключая, правда, гвардейцев и гусар, обрядилась в новую форму, где стиль определялся утилитарным назначением каждой вещи. Что же нового мог предложить всесильный фаворит?

Потемкин справедливо считал шляпу убором негодным — она «головы не прикрывает и торчит концами на все стороны, озабачивает навсегда солдата опасностью, чтобы ее не измять, особенно мешает положить голову и, будучи треугольником, препятствует ей поворачиваться, да и не закрывает также от морозу ушей». И шляпу заменила легкая кожаная каска с двумя суконными лопастями, что прикреплялись сзади и спускались на спину. Эти лопасти в непогоду завязывались спереди на шею.

Не нравились Потемкину и старые кафтан с камзолом — и их сменила просторная куртка, наглухо застегнутая, с короткими полами. Реформатор знал, как ненавистны солдатам лосиные штаны, в которых зимой было холодно, а летом жарко, под которыми невозможно было носить полотняное белье, которые трудно было надевать и приходилось тратить много времени на отбелку и чистку. И в армии появились широкие суконные штаны с нашитыми кожаными крагами, с лампасами.

Не мог не знать Потемкин и то, сколь неудобными были солдатские сапоги с узким, высоким голенищем. И армия обзавелась просторными сапогами с укороченным голенищем. Ноге, обтянутой тонким чулком, в таком сапоге было бы неудобно, и русское войско обрело наконец давным-давно известное в народе

приспособление для защиты ног от потертостей, опрелости и других сопутствующих ношению сапог осложнений — портянки. Сам Потемкин знал о преимуществах портянок. «... Портянки, — писал он в своей справке, — пред чулками имеют ту выгоду, что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно при первом удобном времени тотчас их скинуть, вытерев портянкою ноги и обертев их опять сухим уже оной концом, вскорости обуться и предохранить их тем от сырости и ознобу; в узких же сапогах и чулках то учинить никак невозможно, которых неудобно скинуть, ни свободно опять надеть нельзя, да и чулки не всегда бывает возможность переменить или высушить, чрез что бедные солдаты, имея беспрестанно ноги мокрые, подвергают себя нередко простуде и другим болезням».

Не обошел вниманием Потемкин и такой большой вопрос, как прическа военнослужащего. При Петре I солдаты носили волосы довольно длинные и свободно распущенные. В анненские же времена были введены пудра, пукли, солдаты, офицеры стали увязывать длинные волосы в косы, которые у рядовых обтягивались черной кожей, а у офицеров шелковой лентой того же цвета. Требовалось носить усы, а те, у кого они не росли, обязаны были приклеивать фальшивые. Потемкина буквально возмущали несвойственные воину прикрасы: «Завивать, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов. Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок, и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! И простительно ли, что страж целостности отечества удручен прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных!» В самом деле, мода на косы была не только вредна, неудобна, отнимала массу времени, но, кроме того, вводила солдат в дополнительные расходы по приобретению лент, пудры, помады или муки, кваса, сала для придания формы прическе. Потемкин отменял все это — короткая стрижка заменила прежний фасон.

Но удобная потемкинская форма просуществовала лишь до вступления на престол Павла I. Кто знает, какими мотивами руководствовался новый монарх: ненавистью к плодам деятельности любимца своей матери или горячей уверенностью в то, что прусский вариант воинской одежды выигрывает и в аспекте удобства, и в плане красоты? Во всяком случае, немедленно отставляются и каски с лопастями, и куртки, и сапоги с широким голенищем. Армия вновь обрядилась в очень похожие на мундиры Петра Федоровича кафтаны и камзолы, однако павловский устав советовал делать кафтаны «в меру длинные и не короткие», а штаны «не узки, не широки, не долги», так что совсем уж неудобной эту одежду нельзя назвать. Но возвратились к русскому солдату треуголка и ненавистные пукли с косами. Правда, Павел удружил ему тем, что отменил плащ-эпанчу и ввел шинель.

Подробно разработанный Устав 1796 года хоть и узаконивал косы, пудру и помаду, но в то же время требовал неукосного соблюдения правил личной гигиены, как-то: мытье рук, лица, еженедельное посещение бани, бритье через каждые два-три дня. Воин, как требовал Устав, должен был иметь всегда «вид солдата, а не мужика». И еще в этом своде военного законодательства имелось следующее замечательное распоряжение, так согласующееся с антиаристократическим тоном павловской политики: «...каждого рядового наставлять, чтобы учтиво, но смело знатым людям отвечал и говорил».

Заговорив о личной гигиене военнослужащих, невозможно не коснуться правил, которыми обуславливалось пользование мундиром в XVIII веке. Несмотря на то что воинская одежда строилась на личные средства солдат, последние являлись лишь номинальными владельцами мундиров. Мало того, что тщательно следить за опрятностью платья солдат обязывали распоряжения уже петровской поры, но ни в коей мере не дозволялась продажа формы, ее утеря. Владелец у мундира был как бы двойной: солдат и полк. В 1706 году наказали шпицрутенами пушкаря Ивана Репку, потерявшего строевой кафтан, «напившись пьян», а по поводу пушкаря Федора Маркова «за то, что он продал с себя в пьянстве мундир», была получена сентенция: «...прогнать шпицрутены чрез весь полк три раза и написать в службу по-прежнему». Полковое начальство (особенно в период Северной войны и даже позднее) дорожило буквально лоскутом форменной одежды. Так, в 1729 году был отыскан у крестьян мундир бежавшего из части солдата Григория Астафьева. Возвратили в полк такую «форму»: «...шляпа обрезана... толка одна кафтанная задняя половина да четыре лоскута байки». И поскольку дезертира не нашли, «доправили» стоимость мундира на крестьянине, дерзнувшем купить казенную одежду.

Если военнослужащего из нижних чинов переводили в другую часть, то мундир, стоимость которого не была полностью выплачена солдатом, оставался в полку, взамен же выдавался «серый» кафтан из рекрутского гардероба.

Во времена Петра I военнослужащие, признанные по причине дряхлости, неизлечимых болезней, инвалидности негодными к армейской службе, шли в отставку, и их за ревностное служение «царю и отечеству» награждали правом носить мундир и шпагу. Дарованное право являлось привилегией, потому что при Петре же издаются указы, запрещающие гражданским лицам заводить одежду, имеющую сочетание цветов, сходных с мундирными цветами, и этим подчеркивалось особое положение армейского сословия, «всечасно кладущего животы свои на службе государевой». В 1726 году высочайший указ повелевает отставным солдатам, находясь уже вне полков, тщательно следить за своей внешностью, носить немецкое платье и содержать себя в чистоте. Артиллеристы, например, покидая службу, давали расписку с обещанием «бороду брить или ножницами подстригать по дважды в неделю и в немецком платье ходить». Непонятно, правда, было ли мундиром это

немецкое платье, или отставным предлагалось воздерживаться от ношения традиционного лишь, русского, чтобы до самой смерти как бы являться носителями черт «прогрессивной» западной культуры.

В самом начале царствования Екатерины II, однако, издается распоряжение: «...никому, кто не имеет воинского чина, мундиров воинских не носить». Не имели права надевать мундир и те, кто, обзаведясь воинским чином посредством приписки к полку, не служил на самом деле в нем. Зато те военнослужащие, кто «отставлялся» с чином, могли носить мундиры «только без погонов», но лишь до тех пор, покуда не приобрели на гражданской службе «статский» чин.

Разрешение отставнику периода Северной войны уходить домой в мундире может дать намек о том, что воинской одежды армии вполне хватало, но факты между тем кричат о том, как плохо петровские полки обеспечивались формой, к изготовлению которой российская легкая промышленность только приступила. В 1705 году Аникита Репнин взывал к царю, жалуясь на то, как обносились сапогами, чулками и рубахами воины его дивизии — выходили из строя первыми те предметы, которые испытывали большие механические нагрузки. Репнин писал: «...деньги у них есть, а купить и дорогою ценою не найдут». Меньше года оставалось до Полтавской виктории, а канцлер Г. И. Головин в письме к смоленскому воеводе П. Салтыкову просил немедленно отправить в армию башмаки, сапоги и чулки, «понеже те обуви здесь в армии зело нужны, потребны, ибо солдаты от дальних и трудных походов весьма обувью обносились, и многие делают себе обуви из старых кож и в том принуждены ходить».

В 1712 году Шереметев жаловался Петру о поставке в его корпус мундирных вещей, в которых много «негодного», и о совершенной непоставке епанчей и сапог, беспокоясь о том, что «великая вреда данному мундиру чиниться, и не может тот мундир своего времени без епанчей вытерпеть». Кроме того, солдаты генерал-фельдмаршала были вынуждены обходиться лишь одной парой башмаков и «того для обосели». В связи с этим и высказал Борис Петрович небезосновательное опасение в том, что тяжелое положение с обмундированием может стать причиной дезертирства: «салдаты к сильному побегу велми принуждены будут».

Особенно ценно для нас свидетельство самого Петра I, тебававшего, чтобы Т. Н. Стрешнев заготовлял мундир, «не мешкав», объясняя это тем, что «многие полки наги ходят». В бедственном положении находилось положение с мундирами и у русских, воевавших под Штральзундом, где солдаты, по свидетельству очевидца, так мундиром обносились, что «не только стыдно перед дацкими, саксонскими, но и самая нужда пришла, понеже наступает глубокая осень и стужа, что неподобно без мундиру нагим в поле или в опрошах вытерпеть».

* Стрешнев Тихон Никитич (1649—1719) — дальний родственник Петра I, видный государственный деятель, ведал заготовками для петровской армии.

Трудно было не только изготовить нужное количество одежды, но и доставить ее к «потребителю» по причине ненадежности транспортных путей, тем более во время войны. Платье за границу везли на ластовых судах из Ревеля и Риги. Из-за этого «мундирную нужду» переживали в 1717 году артиллеристы А. И. Репнина, воевавшие в Померании, которые «сильно мундиром обносились». На поиски необходимого обмундирования в Кенигсберг и Данциг посылался будущий российский историк поручик Василий Татищев.

Трудности с одеждой обострялись еще и тем, что в период усиленной «эксплуатации» мундиров в походах, сражениях, работах они не выдерживали отведенных для них сроков носки. Например, в 1718 году Брюсу доносили, что мундир служителей полевой артиллерии, который выдавался в последних числах 1715 года, «зело худ», то есть он пришел в негодность уже за полгода до выдачи нового комплекта.

Особенно страдали от недостатков в снабжении одеждой гарнизонные солдаты, служба которых проходила в основном за стенами крепостей, значительная же часть этих солдат были оставниками-инвалидами, и воинская администрация не спешила тратить на добротный мундир тем, кто представлял Россию на полях сражений. Однако престиж державы, правитель которой намеревался преобразить народ при помощи немецкого кафтана, мог покачнуться как раз через оборванных гарнизонных солдат. Заботясь о «чести государевой», сообщали высокому начальству о тяжелом положении с одеждой в гарнизоне Дерпта, и беспокойство местного командования происходило оттого, что «гварнизон Дерпт — пограничной, и естли от иных стран посол или посланник случитца проездом в Дерпт, посмотреть на них, пушкарей, страшно — зело безодежны».

Но не один лишь стыд за плохо одетых солдат требовал навести порядок в гарнизонах — в 1708 году генерал Боур донес царю о гибели нескольких человек от сильного мороза из числа тех, кто имел в мундире «нужду немалую», а случилось это в центре мундирного производства того времени, в Москве.

Одной из важных причин неудовлетворительного снабжения рядовых мундиром в период Северной войны являлась неодновременная поставка в полк различных предметов одежды. Писали из войсковых частей, что, «когда дача бывает кафтанов, тогда камзолов не дают, а как камзолы дают, и тогда уже кафтаны бывают ветхи, а камзолы еще новые, или дают по половине кафтанов и камзолов». Понятно, что следствием неодновременных поставок была различная степень износа вещей всего мундирного комплекта.

Недостатки в сфере довольствования войск одеждой при Петре Великом пытались ликвидировать различными средствами, и, конечно, главной мерой становилось наращивание производства мундиров. Но этим не исчерпывались мероприятия государственной и полковой власти. Уже упоминалось о том, как строго взыскивали с тех солдат, кто нерадиво относился к своей одежде. Бережливость, хозяйственность были китами, на которых покоилось слож-

ное полковое хозяйство уже в начале «регулярства». Да, мундиров не хватало, а поэтому прибегают даже к изъятию одежды у находящихся на излечении солдат. Так, в 1712 году 236 нижним чином дивизии А. И. Репнина не повезло, и они оказались в лазаретах Смоленска в то время, как полки двинулись дальше, не забыв забрать их воинское платье, — мундиры нужны здоровым, а не больным. Неудивительно поэтому, что в столь «безодежное» время одежда умерших солдат продолжала служить живым, а мундиры, пришедшие в совершенную негодность, никогда не уничтожались, а продавались на публичном торге всем желающим, и деньги, вырученные от продажи, поступали в полковую казну — на них обычно приобретались белье, чулки или галстуки в запас.

В конце Северной войны, незадолго до Персидского похода, Военной коллегией предпринимаются попытки определить степень обеспечения одеждой всей армии, что обуславливалось настоятельной необходимостью выработать действенные меры к удовлетворению полков мундиром. Полковому начальству предписали провести подробный осмотр имевшихся в наличии мундирных вещей, сделать перечневые ведомости и отослать их в Коллегию. Вот таблица, составленная на основании данных, поступивших от Лефортовского полка, 1-го и 2-го гренадерских и 19 гарнизонных пехотных полков (1719 год):

Наименование	Годных	Ветхих	Требуется
Кафтанов	19 693	4615	4380
Камзолов	2662	—	2546
Штанов	16 385	3706	8591
Епанчей	20 718	3689	4281
Гренадер, шапок	2409	—	183
Картузов	12 585	5639	5248
Шляп	2514	—	110
Галстуков	13 654	5009	10 025
Сапог (пар)	104	—	28 584
Башмаков (пар)	5205	—	23 483
Чулок	879	—	55 497
Рубах	9323	—	48 053
Порток	1296	—	56 080

Как видим, вышеперечисленные полки были снабжены обмундированием лишь на 34% от установленного количества, но и в это число входили вещи изношенные, требующие замены — их было 20% от имевшихся. И, как это было и прежде, особенно трудным представлялось положение с обувью, чулками, бельем, быстро выходявшим из строя, а лучше, чем со всем прочим, обстояло с кафтанам. Камзолов требовалось почти в два раза меньше ввиду того, что подавляющему большинству гарнизонных полков этот предмет обмундирования вообще не полагался. Данные эти можно было бы с успехом распространить и на большую часть петровской армии. Выходит, победы Северной войны вершились

«нагими и босыми»? Как жаль, что нельзя проверить, как сказались бы на шведах плохая обеспеченность в одежде.

Однако шли годы, крепла, совершенствовалась русская легкая промышленность, все меньше нареканий в адрес мастеров-портных шло от солдат. Шитье мундиров проходило при полках, под бдительным присмотром командиров. В 1737 году, когда Россия воевала с турками, Бутырский полк составил рапорт почти такой, что составлялся для Военной коллегии незадолго до Персидского похода. Оказалось, что, несмотря на военные перипетии, нехватка составляет лишь 13% от нужного числа вещей, и причиной недостатков являются не недопоставки, а совсем другие причины. Оказалось, что часть мундиров «снесена» беглыми, часть взята неприятельскими людьми (наверное, на поле боя). Уменьшило количество мундирных запасов сожжение одежды убитых и умерших воинов (раньше-то пожалели бы), а некоторые мундиры были закопаны в землю, так как пришли в совершенную негодность. На самом деле меры эти хоть и диктовались обстановкой военного времени, но за всем этим видится уже недостаток. Надо полагать, что в 1730—1740-е годы войско русское исправно обеспечивалось одеждой.

Что до экономии в полковом хозяйстве, то черта эта сохранялась на протяжении всего столетия. Павловский устав приказывал из старых, вышедших из употребления камзолов шить фуфайки, фуражки, рукавицы, а мундир умерших воинов продолжал служить — его носили новобранцы, еще не получившие своей формы.

* * *

Как ни желательна, ни симпатична историку четкая граница, что пролегла между XVII веком — временем старой, во многом рутинной, сонной допетровской России и новой, шумной эпохой петровских новаций, открывших русским иной путь развития, познаномившей полуазиатско-россиян с плодами европейской мысли, отметим при всем при этом следующее: система довольствия русской армии в XVIII веке продолжала носить в себе признаки старых, допетровских способов надления военнослужащих предметами первой необходимости. Одной из главных причин была следующая: «потребитель» по сути дела продолжал оставаться тем же и, несмотря на перемену мундира, определял запрос на удовлетворение своих насущных потребностей устоявшимися привычками чисто физиологического порядка, традиционными правилами, берущими истоки в этнических особенностях русской нации. Укоренившиеся способы надления человека жизненно необходимыми вещами, которые жестко детерминировались природной и социальной средой, в которой он обитал и обитает, переменить не так-то просто. Не покушался на традиционность в этом вопросе и Петр I.

Военнослужащий петровской армии долго не мог изжить особенностей быта стрелецкого войска. В свободное от походов и

учений время он мог работать на себя, нанимаясь к кому-нибудь, обзаводиться личными и коллективными предметами хозяйства: котлами, жерновами, посудой. Примерно половина воинов женаты, и отсюда «сложность» их быта, потому что в него привнесена нехарактерная для чисто мужской обстановки домовитость, объясняемая присутствием в армейской среде женского элемента. Год как бы разделяется на «мужской» сезон — в лагерях, походах — и «женский» — более комфортабельный, на зимних квартирах.

Дома, в которых живет солдат XVIII века, представляют собой простые обывательские строения, и сооружаются они самими солдатами, если воины просто не вселяются на квартиры к обывателям. Постройки эти (и только эти!) дают возможность селиться в них членам семей солдат. Но приходят на смену избам каменные казармы, которые невозможно построить без помощи профессионалов-строителей, в которых не остается места женам, и солдат перестает сооружать себе жилье, и быт его во многом теряет «дорегулярные» черты, однако происходит это лишь в XIX столетии.

Одежда воина регулярной армии совершенно не похожа на стрелецкие кафтаны — нет ничего проще, как единым волеизъявлением реформатора переменить покрой костюма. Однако местные климатические особенности — сравнительно короткое лето, суровая зима — вынуждают оставить в гардеробе «регулярного» солдата шубы, шапки, рукавицы, валенки. Короткие тулупы, фуфайки, душегрейки надеваются прямо под камзол и как бы символизируют симбиоз старого и нового: с одной стороны, необходимость уберечь человека, удовлетворить его физическую потребность, а с другой — удовлетворить желание самодержавных поклонников европейских канонов. Армия, состоящая из живых людей, приноравливала немецкий костюм к русским морозам, но постепенно вживалась, привыкала к чужому в прошлом мундиру, что, в сущности, было не так и сложно, потому что все детали его «конструкции» были прежде опробованы на людях армий других стран. Оставалось лишь немного «подогнать» новую одежду к российским непогодам. Кажется, что обращение Петра к европейской одежде вообще не слишком болезненно было встречено основной массой населения страны. Это не та реформа, сопротивляться которой имело много смысла. Дворянство приняло ее с охотой, легко, а крестьянство и большую часть мещанства «переодевание» и вовсе не коснулось, и они наблюдали за ним со стороны. Воинские реформы Петра вообще не в силах были задеть традиционно-этническую сторону солдатского быта, его основу, замешанную на сложнейших взаимодействиях биологических, географических, экономических, культурных компонентов, определенных долгим путем развития русской нации.

Но куда больше совершенно нового найдем мы в административно-экономическом аспекте проблемы довольствия армии в период «регулярства». Создание огромной армии «нового образца», призванной находиться в состоянии постоянной боевой готовности,

армии мобильной, довольствовать которую нужно было не на местах расселения полков, но с учетом их частого передвижения, потребовало вызвать к жизни ряд новых специализированных учреждений. Они и заложили фундамент для существовавшего очень долго интендантского ведомства.

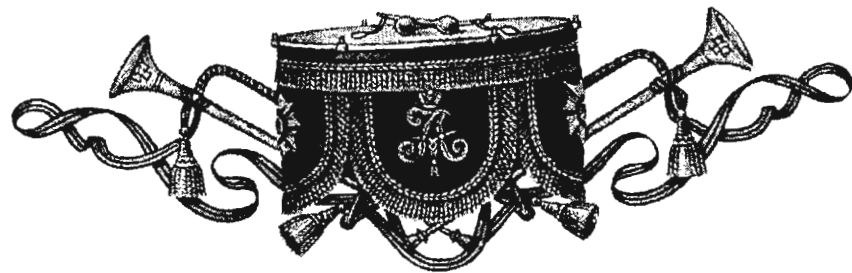
В основу деятельности комиссариата, провиантской и мундирных канцелярий кладутся скрупулезно разработанные законодательно-нормативные положения. Строгой регламентации подвергались с созданием «регулярства» и все стороны армейского быта, что проходило в русле абсолютизации государственной власти вообще, когда отдельные, частные, индивидуальные элементы начинают подчиняться жестким законам целого, законом государства, служением которому и оправдывается существование армии вообще.

При создании интендантства регулярной армии, налаживании его четкой работы действовать часто приходилось «ощупью», методом проб и ошибок. Несложно было позаимствовать в Европе какой-то метод — сложнее было реализовать его на русской почве, собственными средствами, совместить его с прежними, отечественными, традиционными нормами. Прекрасно, к примеру, уживается и развивается в дальнейшем способ хранения провианта в магазинах, но активное участие армии в сборе продуктов питания с населения не проходит проверку жизнью. Большое зло стране наносит квартирование в обывательских дворах, и во второй четверти века намечается тенденция к обособленному, казарменному проживанию полков, хотя завершился этот процесс лишь в царствование Александра III.

Хозяйственно-административным органам приходилось варьировать способы, с помощью которых осуществлялось снабжение армии продуктами, пошивочными материалами, готовой одеждой. Используются все возможные источники: покупка у отечественных производителей, у иностранных предпринимателей, у подрядчиков-перекупщиков. Производство необходимых для армии вещей осуществляется на государственных предприятиях, силами мелких и крупных производителей, а также собственными, полковыми средствами. Такая комбинированная, смешанная форма позволяет со временем обеспечивать вполне сносное снабжение русского войска предметами первой необходимости и провизией. Армия становится для населения страны самым главным потребителем его продукции, делает производителю заказ, исполнение которого приводит к оживлению внутреннего рынка, усилению отечественной промышленности, укреплению связей с европейским производством, знакомству с уровнем изготовления изделий, с западной научно-технической мыслью.

Труднее всего, пожалуй, оценить с позиции современного потребителя степень удобства казарменных условий проживания солдат той далекой поры, удобства их одежды, то, насколько полностью удовлетворялся запрос солдата в питании. Нам трудно представить дневную норму в почти что 1 кг мяса, гарантированную рядовому

в заграничных походах, но ведь в условиях многокилометровых маршей, постоянных воинских учений такая норма никому завышенной не казалась. Она исходила из биологической потребности человека, занятого тяжелым физическим трудом. Однажды Петр Великий, желая проверить, насколько полноценна солдатская «порцайка», некоторое время питался из артельного котла, после чего заключил, что солдат получает вполне достаточное количество провианта. А ведь петровская норма просуществовала практически все столетие. Другое дело, имеются сведения о недостатках в снабжении продуктами, когда провиант не подвозился вовремя, когда его трудно было купить на марше, когда был неурожай, когда не успевали вовремя заполнить магазин и пр. Но в этом случае воин имел дело с трудностями, конечно, временного характера. Твердо установленные, введенные при «регулярстве» нормы хлебного и денежного довольствия давали солдату право требовать причитающееся пусть с запозданием, но все же на законных основаниях. Это — черта нового, регулярного периода русской армии: государство, требуя от воина верной, самоотверженной службы, гарантировало между тем удовлетворение его насущных потребностей.

Д.С.

СОСЛУЖИВЕЦ*

После продолжительной разлуки с родными мне удалось наконец выхлопотать себе отпуск и отправиться домой. Трудно описать то удовольствие, с которым я подъезжал к родным местам: окончание последнего экзамена, производство в офицеры — все эти впечатления были гораздо слабее...

...Радость встречи я описывать не стану: кому не известны эти минуты, редкие, но обновляющие всю натуру человека? Осмотревшись, первым делом было обежать дом, спросить, где такой-то диван, где такая-то картина, я за тем только и приехал, чтобы на них посмотреть. Потом бросился в сад: кустик сделался кустом, целые аллеи вырублены, взамен их явились новые, сад не походил сам на себя, мне стало жаль его. Только одна старая груша уцелела от всеобщей порубки и стояла сиротой, кивая с упреком столетней верхушкой. Возвратившись в дом, я был встречен на пороге совершенно незнакомой мне фигурой красивого солдата в мундире нашего полка.

— Здравия желаем вашему благородию, имею честь поздравить вас с приездом, — проговорил служивый, вытянувшись по всем правилам рекрутской школы.

— Здравствуй, любезный. Каким образом ты здесь?

— Как же, ваше благородие, я теперь состою у вас на службе прикащиком, вы меня разве не узнаете? Я вас вот каких еще помню. Когда меня сдавали в солдаты, моя сестра кормилицей вашей была...

Действительно, я вспомнил, что мне писали о новом прикачнике, которым не могли нахвалиться.

Я очень ласково обошелся с однополчанином. Нужно было видеть, с какой любовью он смотрел на мундир своего полка, хвалил перемены.

— Дай Бог здоровья начальству за сюртуки, лучше такой штуки и выдумать нельзя, жалко, что при нас этого не было. А что, ваше благородие, мне можно будет пришить полы к своему мундиру?

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1858. Т. III. С. 413—448.
(Примеч. сост.)

— Разумеется, можно, — отвечал я, хотя сомневался в том, что можно было что-нибудь пришить к опрятному, но истертому до ниток его мундиру.

— Позвольте спросить, ваше благородие, как поживают в нашем полку? — При этом он начал перечислять имена и фамилии начальников, из которых половина оставила службу, другие занимали важные места и были для меня почти вовсе незнакомы.

— Жаль, что их нет. Хорошие были господа.

— Чего же их жалеть? Ведь им теперь лучше, они уже в больших чинах.

— Точно так, ваше благородие, а все жалко хорошего начальника. Я вам доложу, что я всяких начальников видел, с рекрутства поступил в армию, потом приехал адъютант, выбрал в гвардию, и там прослужил немало, у всякого начальника доводилось быть, а такого, что для нашего брата солдата был хорош, — жалко, расставаться с ним нежелательно, так бы и служил с ним всю службу...

Наружность Ефима Маковнюка — так звали нашего приказчика — понравилась мне с первого взгляда: продолговатое, смуглое лицо с прямым носом, небольшими карими глазами смотрело умно и с достоинством. Небольшими усами, щегольски подстриженные (Маковнюк служил в стрелковом взводе), не скрывали рот с добрыми и красиво очерченными губами, голова была плешива, но искусно зачесана с висков. В манере держать себя, во всем видны были порядочность и даже щегольство. Нравился мне и разговор Маковнюка. Он говорил не совершенно солдатским языком, к которому мы так привыкли, а как-то особенно: в качестве приказчика, обращаясь постоянно с помещиками, он уже несколько пообтерся, хотя и прорывались в его речи выражения чисто солдатские, в особенности когда он вспоминал про старое. Как все обруселые малороссы, он выговаривал мягко «г» и «л», и только поэтому можно было догадаться, что он из хохлов.

...После я узнал, что, получив отставку, он пришел к родным. Отец и мать его померли, братья были разделены. Не желая стеснять их и отвыкнув от черной работы, он стал искать себе места. Зная его как честного, непьющего человека и притом грамотного, ему предложили место приказчика в имении. Несколько лет он исполнял добросовестно и умно эту обязанность. Трудолюбивый и расторопный, с добрым сердцем и умной головой, он вскоре не уступал любому немцу в управлении имением, заслуживая в то же время любовь и доверенность крестьян и помещиков. Скоро я с ним очень сошелся.

— Расскажи-ка мне, Ефим Трофимыч, про твое солдатское житье, — сказал я ему однажды, едуци с ним в поле на беговых дрожках.

— Что вам рассказывать? Давно было, вот уж сколько годов в отставке, всего не вспомнишь... многое и совсем позабыл.

— Ну, да что помнишь. Расскажи сначала, как поступил в армию.

— Поступил так, как и все поступают: сказали в присутствии «лоб», вот и солдатом стал. Потом отдали нас в гарнизон, одежду справили рекрутскую, шинель серую дали, — ничего, так себе, только узка да коротка, — шапку такую, как арестанты носят, сапоги дали, шитые из горелой кожи, ну и погнали нас в город. Дорогой — ничего, идешь гуртом, не скучно. Иной, больше из наемщиков, песни поет, иной с крестовым братом про домашнее разговаривает. Деңги водились у каждого, были даже такие, что и капитал имели, затем и насчет пицци не очень обижались. Всякого народу у нас было: были и такие, что хуже разбойников, так и норовят стащить что-нибудь у своего же брата, а были и смирные ребята. Иные, кроме своей деревни, в жизнь свою ничего не видали, денег-то собственных боялись пуще всего и отдали спрятать их солдатам из гарнизона, что нас провожали. После того половина так своих денег и не видала: кто говорит, что потерял, кто, что украли, а кто и совсем отперся, что никаких денег не брал. Потом пришли мы в губернию, опросили нас, как водится, имеем ли претензии, получали все, что давали? Отвечали все, как велено. Пришел какой-то генерал и разбил нас по полкам. Мне досталось быть в 41-м егерском.

Явились мы в полк — человек нас со сто будет. Тут полковник опять нас спросил (уж сколько раз нас опрашивали, так и не вспомню — что ни начальство, так и опрашивают), а мы все отвечаем одно и то же: «довольны» да «все получали», а иной раз опроса приходилось ждать, ничего не евши, с раннего утра до вечера.

В полку разбили нас по ротам, мне пришлось быть в 3-й мушкетерской. Ротным командиром был у нас капитан Шаробоков, Мартын Иваныч, из себя немолодой, здоровый, широкоплечий. Нос у него был толстый такой да красный, аж сизый, а взгляд такой имел, что страшно было смотреть на него сначала. Отдали нас по капральствам, и началась служба.

Вот теперь, когда я уже столько прожил на свете, то вижу, что лучше всего жить человеку со сноровкой. Я и смолоду был расторопный — сейчас рассудил, что такое есть моя настоящая служба. Деньжонки, что были, приберег, с гарнизонными солдатами не водился, как другие. Вот осмотрелся и начал перво-наперво капрального угощать, — на мое же счастье он и выпить-таки любил, мне и полегче было, чем другим. Да и сам-то я был ловкий такой, через месяц уже маршировал в один прием и ружьем делал, а другим-таки тяжело доставалось. Конечно, оно всякому спервоначалу трудно ружье держать за угол да стоять на одной ноге, как цапля, а другой махать то вверх, то вниз. А тут еще как начнут с двух сторон ефрейторы выправлять: один носок гнет книзу,

* Быть владельцем 100 рублей ассигнациями значит у солдата иметь капитал.

** Солдаты, рассказывая о начальнике, всегда говорят «начальство». Это выражение сделалось почти характеристическим в их речи. В нем не подразумевается личность такого-то генерала или полковника — нет, оно выражает как будто отвлеченную и отчасти неведомую силу.

другой задирает ногу кверху да держит, чтоб колено не гнулось, — невкусно покажется!

С одним рекрутиком нашего пригону была такая оказия — не может ноги высоко поднять, что хочешь делай. Уж и доставалось же ему, и били, — все не помогает! Вот раз взялись ефрейторы поднимать ему ногу, вдруг что-то как треснет! Мы так и подумали: пропала нога, сломилась. А то штаны лопнули: ему в отделении так их пригнали, что на четверть в шаг не подходили. Как лопнули, так нога и начала подниматься. Вот смеху-то было! Хорошо еще, что штаны порвались, а то быть бы ему еще биту. Мы потом к нему стали приставать: «Дурак, чего же ты раньше не сказал?» — «Да я, — говорит, — думал, что это форма такая».

Сначала стояли мы с ротой в деревне, на хозяйской пище — ничего, хорошо кормили. Служба не тяжелая была: утром часа три постоишь на одной ноге да вечером, а то делай, что хочешь. Я, признаться, сначала поскучал, жалко было дома, ну а потом привык. В деревне стоять хорошо, народ ласковый, и деревня как будто похожа на нашу: и хаты такие беленые, и садики есть, и народ одевается по-нашему. Мужик ничего себе, разве пьяный лезет целоваться, а бабы жалеют москаля (в Малороссии всякий солдат называется москалем) и палениц дадут, и мяском покошуют.

Грамоте я знал еще немного в деревне. Помните дьякона, отца Пахомия? Он меня начал учить, да как помер, оттого что у него внутри загорелось, так и не доучился, до псалтыри только дошел. Ну, а теперь, как увидел, что грамотному быть лучше, принялся опять за книгу, начал мараковать* и гражданское.

Постояли мы в деревне этой месяца четыре, потом повели нас в город караулы занимать. Я уже ходил тогда в задней шеренге. Вот тут-то жизнь стала уж похуже: казармы сырые, нары голые, спишь на одних досках, только ранец в головах, никуда выйти нельзя, пища плохая, а службы много. А тут еще, чтоб показать свое усердие, всякий с тебя спрашивает. Да что вам рассказывать? Известно — армейская жизнь. Всего и не перескажешь.

— Ну, а каковы ж были у вас ротные командиры?

— У меня все время был один, тот, что я вам говорил, капитан Шаробок. Он, как в своем был уме, так ничего, хороший человек, а как только выпьет, так просто беда. Пивал он больше запоем, хорошо еще, что пил гуляньем, а не в одиночку, от чего, говорят, человека и отучить нельзя. Бывало, как запьет, так ротный писарь и готовит рапорт о болезни — неровно начальство наедет, так чтоб можно было из дому не выходить.

Один пить он не любил, а больше в компании. Мы стояли по казенным селениям, так становой, из причту тоже, а то больше свои же господа с ним гуляли. Призовет к себе деревенских баб, дивчат; сначала было те не хотели, так становой стал приказывать.

* Паленица — булка, калач. (Примеч. сост.)

** Коштовать — здесь: кормить. (Примеч. сост.)

*** Мараковать — понимать. (Примеч. сост.)

Ну, конечно, против начальства идти нельзя, вот и начнут гулять, пьют, песни поют до утра. Капитан ловко играл на гитаре. Бывало, играет сам да пляшет вприсядку в красной рубаше и плисовых штанах. И плясать был молодец! Тогда уж наш брат не попадайся ему на глаза — как увидит, так и начнет ругать: «Ты, — говорит, — что, собачий сын, подсматриваешь, как капитан гуляет, да и самому потом чтоб загулять?! Нет, брат, шалишь! Я тебе, такой-сякой, ребра пересчитаю!» Тогда уж знай уходи, а то больно побьет. Кулачище у него был здоровенный такой. Хорошо еще, что бил-то он не с размаха, а так, только для остратки, наотмашь. И то случалось, что зубы вываливались. Как перестанет гулять, так точно хороший был начальник, хотя и то не без того, чтоб не выпить. Бывало, так и слышишь несколько раз на день: «Григорьев (денщик так прозывался), дай-ка мне «41 травку» или «утешение в горе» (у него всякие они были). Что-то, — говорит, — под ложечкой щемит». Раз тоже я был вестовым, приезжает полковник и прямо к нему, а уж он немного подкуражился. Вот полковник и спрашивает: «Что это у вас такой запах?» — «Это, — говорит, — я простудился, промочил ноги так обтирал их вином».

Впрочем, всем это известно было, что он любил испить, но как умел держать себя против начальства, так ему все сходило с рук. А главное то, что был хороший хозяин, из всего умел выгоду сделать и службу знал ловко. Под конец меня выбрали артельщиком, так я многое узнал.

— Какое же рогное хозяйство? Разве трудно выдавать деньги на расходы да правильно вести книги?

— Это в гвардии так, а в армии нет, как можно! Тут спроста ничего не сделаешь, тут нужно быть куда сноровистым. Во-первых, надо наблюдать земское начальство, с ним не браниться, а быть заодно, потом со своим начальством уметь обращаться, ну и солдат не очень обижать, чтоб каждая крупинка не пропадала даром, чтоб изо всего польза была. Тут много нужно хитрости иметь — начальников много, а хороших хозяев мало.

— Расскажи, пожалуйста, как ваш капитан хозяйничал?

— А вот как, например. Раз случилось, что стояли мы на шассее, вдруг подрядчик проведал, что какое-то начальство будет проезжать. А дорога такая, что ехать совсем нельзя. Нам об эту пору можно было искать вольных работ, и нанялись мы на мельнице свай бить. Вот подрядчик к капитану, просит Христом Богом дать людей камни разбрасывать, дает хорошую цену, однако не сошлись. «Нельзя, — говорит капитан, — люди работают». Подрядчик бросился туда-сюда, рабочая пора, народу нет — он опять к капитану. Тот с него и взял вперед себе две сотни да по полтине в сутки с человека, а показали-то по тридцати копеек, — тоже хорошая цена, — а от битья свай отказались. Потому, говорит, что люди стали болеть от сырости. Да мало ли каких штук еще не было.

— Ну, а в пище или в жалованье он вас не обижал?

— Нет, грех сказать. Ну, разумеется, когда стояли на хозяйском продовольствии да в богатых губерниях, то купит, бывало, водки, покошует деревенское начальство или так подарит что-нибудь, квитанцию-то и выправят, а провиант так и остается ему. Хозяева исправные, кормят хорошо, за пайком не гонятся, а нам все равно — быть бы сытым. А когда на своем продовольствии случалось быть, с подрядчиков мясом пользовался, потому что контракт-то делался квартирмейстром, так от контракта ему ничего не приходилось, а подрядчик от себя ему присылал в подарок. Наш брат за этим не гонится, мяса и без того мало приходится на человека, гоняться за ним не стоит. Что мясо варилось, только и знаешь оттого, что кости из котла выглядывают. Нашему брату лишь бы хлеба вдоволь было, мы и на том благодарны. Случалось, свиней, кур, всякую живность держит на кухне, как водится. Жил по-хозяйски. А насчет жалованья, Боже сохрани, — копейка солдатская за ним не пропадала.

— А в других ротах командиры так же поступали?

— Нет, в других ротах было хуже не в пример. Случалось так, что по целым неделям варки не делали, когда на тесных квартирах стояли. В маленьких деревнях и на тесных квартирах рота верст на десять растянется. У нас котел всегда стоит на одном месте, а у них так каждый день перевозился на другое, будто вода нехороша. Вот люди бегают, бегают за котлом да и кончат тем, что или хлеба погрызут, или у хозяев чего выпросят похлебать, а в котле вместо того, чтоб на двести человек варить, сварят на пятьдесят, для тех только, что поблизости стоят.

Раз, говорил мне другой роты артельщик, чуть было не попалось. Варки совсем не было, а вдруг приезжает адъютант из штаба пробовать пищу. Что делать? Вот капитан их, не будь прост, и велел опрокинуть котел, вымазать внутри наполовину мелом, а кругом котла воды налить, чтоб было болото. Вот адъютант походил вокруг, походил, сапоги побоялся мочить, так и уехал. Тем и отделились, что лудились, и потому варки не было на обед, а будет на ужин. Да что! Бывали и хуже случаи. Доходило до того, что люди с голоду пухли. Но у нас, благодаря Богу, этого не случалось. За нашим только и водилось, что насчет выпивки да девушек. Был у нас унтер-офицер Епифанов, все квартирмейстером ходил, ловкий такой из себя. Вот, бывало, капитан как посылает его занимать квартиры, так и говорит: «Епифанов! Знаешь меня, смотри, чтоб самая лучшая была!» — «Слушаю, ваше благородие, будьте спокойны на эвот счет, не в первый раз». И точно — ловкий был, собака!

А как невзначай заметит нашего брата, что разговаривает или пошутит с какой-нибудь из его, так просто беда. «Ты, — говорит, — куда суешь рыло? Выше носа нюхаешь! Я, — говорит, — тебя живого в землю закопаю, три шкуры с тебя сниму!» Драть был мастер. Слегка посечь не терпел — я, говорит, шутить не люблю. Бывало, чтоб дать там розог сто и чтоб фельдфебель

считал — никогда. Все на трубку мерял, без счету, покуда трубка курится, а трубка была здоровенная, кожей обделана. Зато без дела не бил, больше за ученье доставалось да за большое воровство или грубиянство, а так за выпивку или за то, что стащишь у хозяев чего-нибудь съестного, — ничего. Раз рота живьем, среди дня, двух свиней стащила, проходя через деревню: загнала их в середину, в песни ударила да так из села и вывела, а потом на дневке и порешила. Капитан узнал про это, смеялся. «Вот, — говорит, — черти ловкие! У меня смотри только, не попадайся, чтоб жалоб не было!» Что и говорить, хороший был человек, можно было служить с ним.

— Сколько же ты лет служил в армии, Ефим Трофимыч?

— Да годов пять будет.

— Ну, а как же ты попал потом в наш полк?

— Стояли мы на Волыни — преотличная была стоянка. Послали меня в штаб с бумагами, и узнал я, что приехал из Петербурга адъютант выбирать людей в гвардию. Ну, как водится, только проведали про это, сейчас кого жалко, кто нужный человек в роте, да высокий ростом, давай тех прятать. Кого в госпиталь положили, кого на вести, кого в караул нарядили. Известно, всякому жаль отдать нужного человека. Я был не очень близко к правому флангу, из себя не больно видный, сухощавый такой. Думали, меня и не выберут. Вот подходит ко мне адъютант, молоденький такой, ус чуть пробивается, а вся грудь в крестах, даже звезды есть. Вот, думаю я себе, должно быть, храбрый, во многих сражениях бывал. Наше начальство перед ним так и гнется, а он как будто и не видит их. Дошел он до меня, осмотрел с ног до головы и начал писать что-то мелом на груди — значит, выбрал. Тут мне стало жаль с ротой расставаться, хотел просить, чтоб оставил. Да как его будешь просить, когда не знаешь, как и звать-то? Может быть, еще рассердится, что не так обзовешь.

Оглянулся я по сторонам, смотрю, стоит наших немало впереди, а как посмотрел на роту, то, как ни горько было, чуть не засмеялся: всякая шваль что ни есть, которые побольше ростом, понаставлены в переднюю шеренгу. Это все Мартын Иваныч так распорядился — известно, хозяйственный человек. Таким порядком, значит, и выбрали меня в гвардию. Ну, а нужно вам сказать, что мне очень не хотелось переходить из полка, привык я к роте, к начальству. Жалко было расставаться и с товарищами, в особенности с одним. Писаревым звали, из русских. А в роте прозывался Пыжовым, такой был безответный.

Бывало, как рота в поход, так впереди всех и прет. Какой-нибудь переход — не присядет, даже на привале. «Это, — говорит, — баловство». Ребята над ним шутить любили: засунут ему за ранец палку или старую подметку, он так все и несет — известно, безответный, а добрая душа, рад поделиться последним куском и выпить не любил.

* Посыльным. (Примеч. сост.)

Прощался я это с ротой, собирал кой-какие долгишки*, продал свое имение**. Ребята меня жалели, даже сам капитан раз встретил и сказал: «Жаль, Маковнюк, что тебя не спрятал. Не думал, что выберут тебя в гвардию с таким рылом». — «Покорнейше благодарю, ваше благородие, на добром слове. Что делать, служба везде одна». А на самом деле вышло, что не одна — в гвардии в мои времена была куда труднее, просто не в пример.

Пригнали нас в Петербург, а на другой день прямо к начальнику, самому большому. Корпусный, что ли? Вышел он, такой бравый, генералов с ним столько, что и в жизнь свою не видал. Смотрю, ходит тут и тот, что нас в армии выбирал. Тоже при орденах, да такой тихенький, все сзади ходит, совсем другой, не то, что у нас был. Человек двадцать нас, все больше смуглых, да таких, у которых нос был тонкий и на конце вострее***. Записали в ...полк и отправили в канцелярию, где генерал разбил по ротам. Мне досталось быть в 3-й гренадерской роте. Как я пришел туда, так просто наудивлялся. Казармы большие, окна светлые, коридор посередине широкий, а по бокам покои. Фельдфебель вышел нас принять, красивый такой, при часах (у себя все больше ходил в красном халате и трубку длинную, как господа, курил), так важно спросил нас, из какого полка, сколько меры и знаем ли какое мастерство.

Потом отвели нас в покои, а в покоях не так, как в армии: стены выкрашены, пол чистый, койки все высокие и обклеены разными бумажками, одеяло на каждой койке ситцевое, подушек по несколько и поверх покрыты платками, а на платках нарисованы разные города или птицы, а то и сигналы исписаны. Самоваров, словно на продажу, и часов по стенам довольно. Над каждой, почитай, кроватью, около стены, разных картин поразвешано, да таких нет, как у нас в армии были: «Мыши кота хоронят», или «Страшный суд», или «Бобелина», а все патреты генералов или барышень, и подписано: «Лето», «Зима», — просто чудо как хорошо. Вот я думаю себе: «Маковнюк, потаскался ты по деревням, спал на голой лавке или в сенях где-нибудь, на соломе, с шинелью под бок, под голову и ею же укрывался. Теперь будет тебе житье, поспишь на пуховиках». Ан, те пуховики не даром не достались.

Отделенный, значит, капральный, тоже видный такой, говорит, чтоб себе все завел. Пригнали мне это мундир и штаны такие, что чуть держатся, — старого срока, значит, а новые спрятаны в цейхгаузе, выдаются только на парад. Тут все на хитростях было — хорошие вещи все отобраны, носишь самое что ни есть худое, а с тебя спрашивают, чтоб все было исправно. Амуничку дали тоже плохенькую — давай справлять от себя. Я любил, чтобы около меня все было как следует.

* Хороший солдат всегда имеет у себя должников.

** Сундук, постель, зеркальце, пуговичная щетка и проч.

*** Здесь указание на то, что в разные гвардейские полки подбирались люди с характерными физическими чертами. (Примеч. сост.)

Попотчевал отделенного, да не то, чтобы как у нас, полуквартой, а в трактир пошли. В первый раз чаем угостил, — сроду его не пивал, — ну, а там по рюмочке. Закусили, аж смотрю — полтинничка как не бывало, так что какие были деньжонки, все потратил на обзаведение.

Потом на службу нарядили. Идешь это по городу, чудеса такие! Дома большущие, окна светлые, а за рамами чего ни поставлено. Спросишь о чем-нибудь, товарищи смеются: «Ишь ты, — говорят, — армия необразованная!» Со службы придешь, все разные репетички делают, расчеты да дожидают приезда начальства. Конечно, для этого самого чистоту завсегда наблюдали, а чистота эта куда нелегко доставалась! Человек двести в роте, каждый разов десять войдет и выйдет, сколько тут одной грязи нанесут осенью да зимою, а требуется, чтоб пол аж лоснился.

При внимательном взгляде между гвардейским солдатом и армейским существует заметная разница. Гвардеец далеко не имеет той первобытной простоты, того чисто русского нрава, который отличает армейца. Армеец, не так далеко отделенный от крестьянского быта, более похож на вооруженного гражданина, тогда как гвардеец смотрит наемщиком, для которого за пределами службы ничего более не существует. Его мир — или казармы, или плац-парад. Сцены семейной жизни, ее радости и печали, в которых армейский солдат делается невольным соучастником, шевелят его сердце, не дают ему очерстветь. Общество женщин, каких бы то ни было, все же женщин, оживляет его существование, он добрее, менее эгоист, рад пособить ближнему из-за доброго слова. В деревне он нянчится с детьми своей хозяйки, помогает ей в хозяйстве. На маневрах, в походе, прежде, чем устроить себе палатку, он заботится устроить ее офицерам, часто не рассчитывая на самую ничтожную плату.

Гвардеец, потеряв большую часть мирных гражданских добродетелей, приобрел более внешности, более лоску и успел уже нахвататься из так называемой образованности чего полегче и что более лыстит чувственности. Затворническая, казарменная жизнь, полное разъединение с семейным бытом (женатых в гвардии немного) притупляют его чувства. Женщина не представляется ему в виде матери с ребенком на руках или честной девушки. Нет, женщина для него только средство удовлетворения чувственности, притом средство, стоящее всегда некоторых расходов. Поэтому деньги для гвардейца — цель жизни. Он делается искателен, за каждую услугу ждет щедрой награды, работает по ночам, изнуряя себя, чтоб иметь лишнюю копейку и удовлетворить свою прихоть в ситцевой рубашке, кофе, чае, в незаконном посещении трактира и других увеселительных учреждений.

Об армейском солдате было так много и так верно писано, что мы по нему составили понятие вообще о русском солдате, между тем гвардейский солдат — особенный тип и ждет описания.

— Я забыл вам рассказать про ротного командира, — продолжал Маковнюк. — Ротой нашей командовал князь Белозерский. На другой день, как мы поступили, фельдфебель собрал нас к нему на смотр; вот подошел к нам князь, такой длинный да худой, сюртучок на нем новенький, так и блестит, — капитан Шаробокос и в большие праздники такого не надевал. Руки маленькие и в белых перчатках, а в глазу что-то вставлено, как зеркальце. Поморщился это, должно быть, не понравились, сказал «хорошо» и ушел к себе.

Как потом послужил я с ним, так увидел, что он такой чудной был, все как будто чем недоволен. Говорит это в нос, ходит все в перчатках. И рапорты подписывал и папироску курил — все в перчатках, ей-богу! Как пройдет мимо, так все от него духами разными пахнет. Это взойдет иногда в покой, — и то редко, — ну, конечно, народу много, один курит, другой амуничку справляет, дух-то и тяжелый. Он нос платком закроет или начнет нюхать какую-то стекляночку. Тоже раз было, взял ложку, щей попробовал, ложку-то вытирал, вытирал, и платком и всем, зачерпнул чуточку, попробовал, выплюнул и скривился. Даже обидно стало, лучше бы не пробовал, потому что щи, нечего Бога гневить, были отменные — пища куда не в пример лучше армейской.

Да и в роте-то он бывал, почитай, что раз в неделю, не больше. Оно, конечно, не годится, чтобы начальство безвыходно сидело в казарме, оттого что при начальстве всякое дело не спорится. Работал бы что-нибудь в рубашке да в одних исподних, оно бы тебе и свободней было, а тут нужно одеться. Иной раз и песенку бы для куража затянул — нельзя. А если что не ладится: зубок ли не берет, шило ли не туда идет, без начальства загнул бы крепкое слово, оно бы и полегчало, а то молчишь да сердишься, а дело-то пуще не клеится. А нехорошо тоже, когда начальство и совсем не ходит в роту. Тогда кажется, что некому заступиться за тебя.

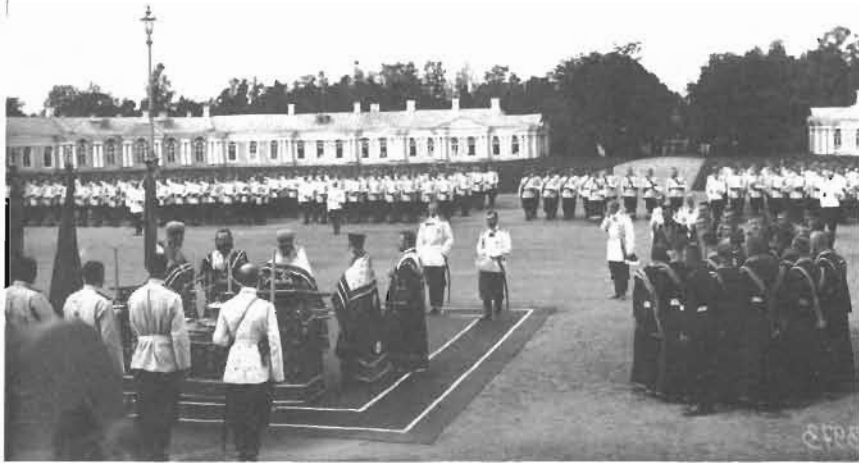
По правде сказать, князя-то мы редко видали, так что настоящий командир был Иван Ерофеич (фельдфебеля так звали, в гвардии это уже обычай такой, что и унтер-офицеров все по имени и отчеству зовут). Фельдфебеля мы боялись больше всех. Он просто делал в роте, что хотел: кушать ему на кухне готовили особо, провизию ему всякую артельщик покупал, по своим делам посылал, кого вздумает. Бывало, побьет, и не то что за дело, а так, под сердитую руку, да коли начнешь отговариваться, так еще попрекает. Не хочешь ли, говорит, идти к князю жаловаться?

Князь, почитай, из целой роты только и знал одного флангового, кроме фельдфебеля. Раз как заболел фланговый да ушел в госпиталь, так он по плацу с полчаса искал роту, разов пять проходил мимо и все в стеклышко смотрел, да под конец уже спросил, где 3-я рота.

Мы это часто промеж себя удивлялись на его стеклышко, что в глазу сидит. Думали, что помогает ему смотреть, так нет — на маневрах, бывало, далеко видит и без стекла, а больше вблизи в

Полковые музыканты и песенники (1907)

Молебн перед парадом в Царском Селе (1902)

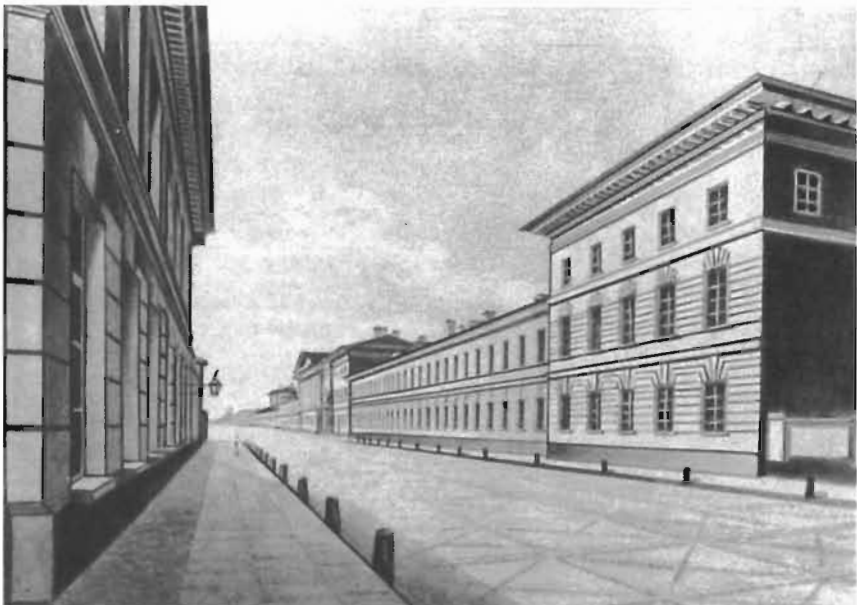
Новобранцы лейб-эскадрона кавалерийского полка (1899)

Артиллеристы на огневой позиции (1904)

Прохождение церемониальным маршем по плацу у Большого Екатерининского дворца в Царском Селе (1902)

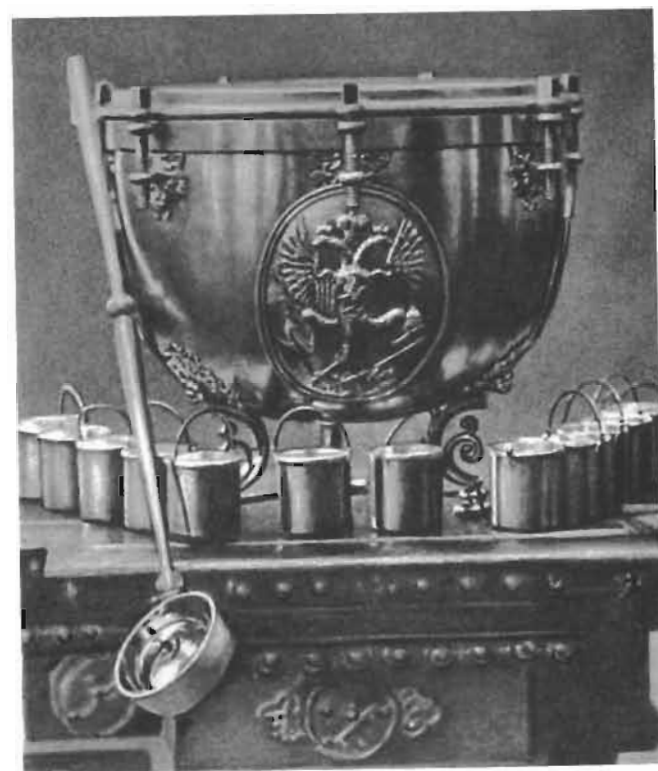
Кавалергардские казармы в Петербурге

Внутреннее устройство полковой церкви

Церемониальный марш в Красном Селе (1904)

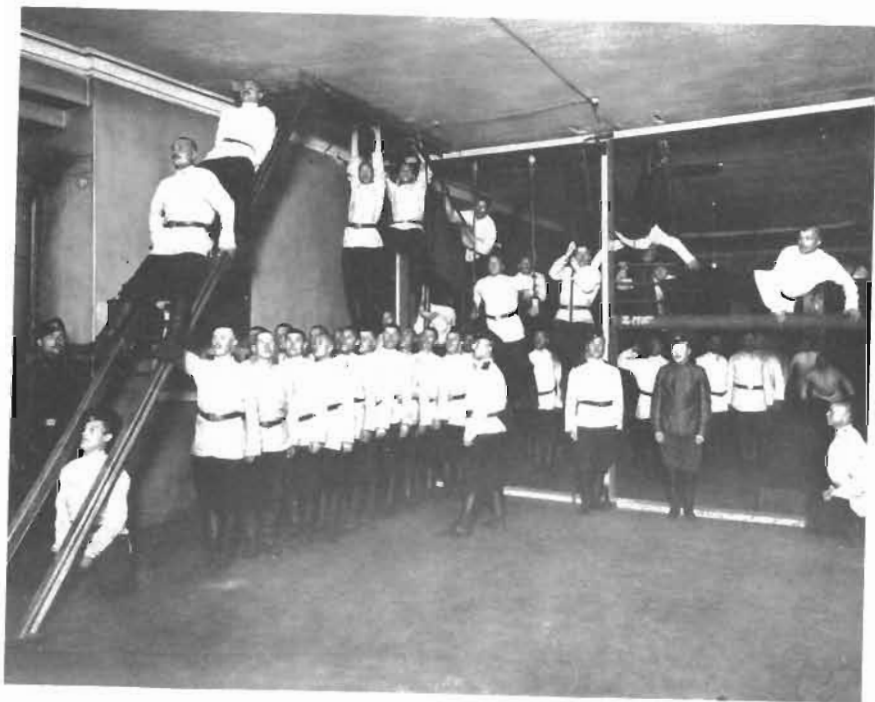

Чаша для пунша в виде полковых литавр

Знаки «За отличную стрельбу из винтовки»

Группа солдат на гимнастических занятиях (1907)

Знак «Отличный разведчик»
1-го разряда

Император Николай II, великий князь Николай Николаевич в сопровождении свиты и командира лейб-гвардии Преображенского полка князя Оболенского осматривают лагерь в Красном Селе (1913)

Полковой оркестр (1906)

него смотрел, когда господа около стоят. И когда смотрел в него, так такой сердитый становился. Может быть, он затем и смотрел в стекло, чтобы сердитее казаться?

Про князя говорили, что он всю службу был где-то адъютантом и на время поступил в роту, чтобы получить полк какой или батальон. Без этого, говорят, нельзя, чтобы не командовать ротой. Службу совсем не знал, ротное ученье все фельдфебель делал, а он сбоку смотрел. А на больших ученьях, бывало, как горнист начнет играть какой сигнал, так он ему и говорит: «Ты не играй, я слышу, как играют, а ты только говори мне, что трубили: направо или налево». А уж по хозяйству куда меньше знал, чем капитан Шаробоков. Это раз пришла ему охота посмотреть, как хлебы пекут. Хлебопек был из старых, как следует вымесил квашню, поделал хлебы, посадил их в печь и оставил на дне кислого теста, чтоб скорее закисало новое. Князь и видит, что он на старое сыпет муку, как взъестся на него: «Ты, — говорит, — свинья, не хочешь чисто хлебы делать! Выкинь, выкинь старое вон!» Насилу фельдфебель прибежал да отговорил его, что без этого тесто будет долго киснуть.

Сам-то по себе князь был добрый и щедрый такой, водкой всякую неделю роту поил. Что-нибудь сделаешь ему, сразу целковый и отвалит. Фельдфебелю, писарю жалованье от себя давал. Бить — Боже сохрани! — рукой, бывало, никого не тронет. Да и какое же тут битье было бы, если кулак такой, что и глядеть не на что. А ругать иногда ругал, только все не по-нашему, непонятно, может, оно еще и хуже. Зато уж воля унтерам была, а это для нашего брата хуже всего. Коли начальство бьет, на то оно и начальство, оно миловать может. Вот капитан Шаробоков, бывало, побьет и говорит: «Это я тебе, дурак, отеческое наставление дал». На это, конечно, скажешь: «Покорнейше благодарю, ваше благородие».

А жил князь настоящим баринем, квартира у него преотличнейшая, карета, лошади — все как следует. Когда случалось быть вестовым, так видишь, как съезжаются к нему вечером разные господа и сидят до самого утра, в карты играют. А то барыня к нему все ездила, актерка, говорили. Такая видная из себя. А утром-то их лакей, важный такой, будто сам барин, и приказывает: «Как приедут тут разные немцы, так ты их не пускай, в шею гони». Вот раз я не пускаю немца — нет, кричит окаянный: «Дайте, — говорит, — мои деньги! Разве я даром карету работал?» — да ломится в дверь. Я это как понажал, так немец чуть носа не оставил в дверях, аж запищал. Вот смеху-то было!

На мои глаза, Мартын Иванович был лучше командир, чем князь. Проще был, нашего брата не чуждался. А князь, — нельзя

* Отеческие наказания так укоренились у нас, что вы их встречаете во всех слоях общества. «Отец-командир» сделался общим выражением. Но, как кажется, «отцы-командиры» употребляли отеческую власть только при взысканиях, совершенно оставив в стороне прочие родительские чувства, и странно было бы требовать к нескольким тысячам детей такой любви, какую отец питает к своему ребенку.

дурного слова сказать, а все от себя как будто тебя толкает, точно мы не люди для него, а хуже зверя. Так что аж обидно станет. Это, чтобы пожалеть солдатику, не заставляя его понапрасну дожидаться — никогда. Бывало, придет время жалованье или другие какие деньги раздавать. Соберут роту, всякий вычистится, чтобы перед начальником показаться как следует. Вот ждем, ждем его часа три или четыре — пришлет отказ, что или спит, не вставал, или уехал куда. Да так разов пять собирают, покуда получишь свои рубль шестьдесят пять копеек за четыре месяца службы. А тут у каждого, кроме службы, есть свое дело, мастерство какое, что ли, ведь на гвардейской службе одним жалованьем не справишься, на амуницию не хватит, этого-то в толк он и не возьмет. Да и где же ему взять было в толк, когда он нашего жителя совсем не знал. Наш брат солдат — простой человек, а видит сразу, какой начальник, за кого он тебя считает: за человека или за собаку. Иной и покричит, и побьет, а разберет всякое дело, и подумает о тебе, и вступится за тебя, где нужно. А другой, вот как князь, так для него ты и не человек.

Собака у него была серенькая, такая худенькая, актерке подарить собирался, так убежала было, когда отворили двери солдатику, что с приказом приходил. Так вот, как расхотелся, полроты разогнал собаку искать, чуть не плачет. Пропадай, говорит, вся рота, лишь бы моя собачка нашлась. И не грешно было так говорить: собаку к человеку приравнял, еще и с христианской душой.

Однако же недолго он нами командовал, с полгода всего, а там получил какой-то полк и уехал. Под конец нам угощение сделал, по целковому прислал на брата, а там и в роту не пошел, чтобы попрощаться, так будто и начальником не был. Оно, конечно, что им солдат — мужик необразованный, об нем и помнить не стоит, а они все господа важные, хороших отцов дети да богатые, так как же им и разговаривать с солдатом?

Потом разные командиры были, всех и не упомнишь, иной год раза три менялись командиры. Были и хорошие, такие, что и вспомнить о них радостно, а были такие, что упаси Господи, в особенности один из немцев, а другой из русских, да, почитай, хуже немца.

— Расскажи-ка и про них что-нибудь.

— Хорошо, в другой раз, а теперь уже скоро приедем, рабочий час, нужно приглянуть за всем.

Когда мы подъехали, косовица была в полном разгаре. Работали, что называется, на шабаш. Тут было уже не до рассказней. День клонился к вечеру. Любо было смотреть на работу. Десятки косарей в белых рубахах, в валяных шляпах, уступами, как вереница гусей, тянулись по степи, мерно размахивая своими косами. Впереди всех шел красивый широкоплечий парень с павлиньим пером на шляпе. Нужно было удивляться правильности и красоте его движений и силе рук, которые, промахавши целый день, и теперь работали как ни в чем не бывало. Коса, блеснувши против солнца, ловко подрезывала ряд травы, которая с каким-то

металлическим звуком, описав полукруг, ложилась на сторону ровным рядом. Остальные косари с трудом попевали за ним. Работа кипела, приостанавливались только изредка, когда нужно было поправить иступившуюся косу.

Я не забыл обещание Маковнюка рассказать мне про начальников, немца и русского, который хуже немца, но прошло несколько дней, прежде чем выдался случай возобновить прежнюю беседу. Раз вечером, встретив его в саду, я стал просить исполнить обещанное.

— Хорошо-с, только вы меня простите, мы люди темные, может быть, что-нибудь и скажем нескладно, не обидьтесь.

— Ничего, пожалуйста, говори все, как было.

— Я вам сначала скажу про немца. Звали его Розенбергом, из себя был такой неуклюжий, толстый, на маленьких ножках, голос у него был крикливый и немного шепелявил. Он, как разобрать его по частям, так еще ничего, а как посмотришь на всего вместе — больно некрасив. Господа тоже не любили его: как где соберутся, так и начнут смеяться над ним. Уж как его ни назовут — всякими именами, а он, как горохом в стену, только улыбается да перебирает губами, будто вол жвачку жует. Больше всего ему доставалось от господ за барышень. Очень охоч до них был. Где увидит шляпку, так и начнет ходить около нее бочком и одной ногой все загребать, а сам облизывается да щурит глаза. Вот его сейчас возьмут на смех и начнут передразнивать.

По службе был вот какой бедовый. В роту, бывало, приходил раньше всех господ, а уходил, как уже никого нет, так что наша рота училась вдвое супротив других. На ученье, хоть дождь, хоть непогода, всегда доучивал до конца. Все роты разойдутся, а мы учимся, покуда батальонный или другой начальник велит распустить. Да и то, как добежишь до казармы, так опять и стройся во дворе, покуда не придет сам и не скажет «к ноге», «по покоям марш», а то еще и стойку у кого-нибудь поправит. Терпеливый такой был, что ужас. Как не пондравится ему какой прием, так и начнет переделывать. Случалось, что на два часа оставлял да переделывал одно и то же, а сам стоит навтыяжку и командует во всю глотку — это уж у него такая привычка была. На маневрах, бывало, с места своего ни на шаг не отойдет. Все господа идут сбоку, а он держится флангового. Раз пришлось идти по шассее, где камни кучами лежали, так он чрез все кучи переступил, а с места не ушел.

Ну, разумеется, и с нашего брата спрашивал тоже. Перед смотрами или парадами так по суткам в роте и сидел — по целым ночам чрез него людям спать не приходилось. Известно, без начальства, может быть, в час убрался бы, а при нем вдвое дольше. Ты хочешь то делать, а он тебя заставляет другое, ну, порешь горячку, а копаешься даром.

Не знаю, как теперь у вас, а прежде, в наше время, часов за пять до смотра начинали людей готовить. Еще с вечера чистка, беготня, ругня так и идет по всей казарме. Часа через два маленько

поуправятся, начнут выводить. Выведут сначала на двор, постоим, постоим или репетичку сделаем. Потом выведут на улицу, там опять то же самое. Под конец уже пойдут на самый плац, где линейные унтер-офицеры спозаранку стоят, как столбы на большой дороге. Вот введут в линию и до приезда начальника начнут ровнять. Командиры кричат, надрываются, иной после смотра целую неделю хрипит, как повешенный. Дойдут до фланга, выровняют батальон, времени еще много остается, опять начнут ровнять, сызнова. Это хуже всего. Иной раз ветер, холодно, а тут стоишь на месте, пошевелиться нельзя. Парады ничего, а хуже всего дожидаться их. В других ротах хоть давали человеку ослобониться, а наш капитан, бывало, Боже сохрани, как заметит, кто колено отставил, так и знай, что достанется на орехи. А дадут вольно, так у него всякий кашлять должен. Так и смотрит, чтоб не стоял просто. Ну, разумеется, хочешь не хочешь, а кашляешь для порядку.

Тоже, когда рота в караул идет, так он целый день ходит, как шальной, во всякий караул раза по два заглядывает, да не то чтобы прямо идти, а все сторонкой, прячется под стенкой, чтоб это, значит, поймать. Особенно любил он ловить на сенатской караульне. Это была изо всех самая каторжная. Да вы стаивали на ней?

— Как же, стоял. Даже раз, помню, попался на ней и лишний караул отстоял.

— Вот видите! Это уж был такой проклятый караул, хуже всего было стоять на нем в дождь, когда с ружьями приходилось снизу выбегать, чтобы успеть честь отдать. Сколько тут народу билось, ружей ломалось — и сказать нельзя! Бывало, как прстоишь там за старшего, так просто из сил выбьешься.

— Теперь стоять легче, выходят реже, в дождь даже совсем не выходят.

— Дай Бог здоровья начальству. Вот теперь, значит, хорошо служить, а то в наше время куда было труднее. Во всем спрашивалось, чтоб было в аккурат, по форме. Наш капитан форму ужасно любил, порядок всякий наблюдал до малости, любил тоже стоечку поправить. Где увидит своего солдата, так и начнет его осматривать со всех сторон. Первое, бывало, говорит: «Нюхало подыми!», а потом и станет по косточкам разбирать: «Правое, — говорит, — ухо ниже, пятое ребро с левой стороны выпусти». До всего дойдет. Тут иногда к спеху послан куда-нибудь, а он тебя муштрует. От каждого солдата спрашивал, чтобы все было по мерке. Наш брат, известно, одеялишко или сундучишко норовит купить подешевле, у своего же товарища. Ему не понравилось это, велел все продать и завести по новой форме: одеяла форменные, зеленые, сундуки по мерке, и на все вычитал жалованье, так что иному в целый год и гривенника получить не приходилось. От этого порядка и денщики у него жить не могли, — в год человек пять переменялось. Любил, чтоб всякая вещь у него лежала на своем месте, да так, чтоб ни на волос не двинулась. На все у него мерка была.

Как придет, так и начинает проверять. Что не так — отдувайся денщик. Завел он себе вместо денщика мальчика из своих крестьян, так тот тоже не выдержал, с полгода прослужил и в солдаты пошел.

Чтобы пожалеть человека или помочь кому-нибудь — никогда, на это каменный был. Раз случилась в роте покража. Шли мы в деревню, солдатик так себе, с придурью, возьми да и положи в ранец денег, синенькую ассигнацию, вместе с платчишком. Вот пришли на привал, он, как и все, снял ранец и поставил его к стенке. Товарищи хотели подшутить над ним, сговорились и послали одного положить ему в ранец камень фунтов в пять: заметит он, как пойдет, или нет. Ударили подъем, идет себе наш солдатик с камнем, не замечает. Вот посмеялись над ним и забыли, так и пришли в квартиры. Пришел и он, бросился к деньгам, а там вместо денег — камень. Беда! Побежал к фельдфебелю, тот давай разыскивать. Как на грех, кто-то видел, как камень клали, и показали на того, кто в ранец лазал. Тот Христом-Богом клянется, что не брал, со страху сначала стал было отказываться, что и камня не клал. Ну, как другие показали, что подговорили его, так сообщили об этом капитану. О ту пору приехал батальонный, наш к нему с рапортом, что так и так. Тот, не долго думавши, подписал сразу на рапорте: дать двести розог за подозрение в краже и заpirationство тому, кто в ранец лазал. Повели его сечь, больше ста розог дали — не признается. Камень, говорит, клал, а денег не брал, аж нам его жалко стало. Вдруг прибежал наш офицер ротный, молоденький такой, добрый был барин, и кричит: «Карл Иваныч, нашелся вор, у него и платок оказался, что с деньгами был. Этот не виноват, отпустите его!» Капитан как крикнет на него: «Убирайтесь вон отсюда! Как вы смеете мешаться не в свои дела?! Мне велено дать двести розог!» Так-таки и дал все до одной, а потом и в самом деле открылось, что вор-то был другой.

Все это оттого, что он перед начальством ужасно робкий был. Кто бы ни пришел из старших в роту, он так и не дышит руку от шляпы не отнимает.

Тоже был охотник до письменной части, любил рапорты писать, писаря ротного совсем замучил. Что бы в роте ни случилось — лошадь ли захворает, колесо ли перетянуть надо, солдатик ли попадется в чем-нибудь, — оно бы можно было и дома расправиться с ним, иной по глупости провинился, — нет, непременно рапортом представит, чтобы напивки сняли. Уж сколько несчастных наделал, беда!

Раз с ним приключилась вот такая оказия. Был у нас инспекторский смотр, вот начальник обошел, опросил как следует всех да потом и вызвал солдатика разуться. Тот снял сапог, развернул портянку. Известно, портянка, как следует, форменная, смотровая, про этот случай так и бережется, только как до манежа шли по грязи, так через сапог вода маленько прошла, пальцы-то и стали видны. Вот генерал показывает капитану на портянку и спраши-

поуправятся, начнут выводить. Выведут сначала на двор, постоим, постоим или репетичку сделаем. Потом выведут на улицу, там опять то же самое. Под конец уже пойдут на самый плац, где линейные унтер-офицеры спозаранку стоят, как столбы на большой дороге. Вот введут в линию и до приезда начальника начнут ровнять. Командиры кричат, надрываются, иной после смотра целую неделю хрипит, как повешенный. Дойдут до фланга, выравнивают батальон, времени еще много остается, опять начнут ровнять, сызнова. Это хуже всего. Иной раз ветер, холодно, а тут стоишь на месте, пошевелиться нельзя. Парады ничего, а хуже всего дожидаться их. В других ротах хоть давали человеку ослобониться, а наш капитан, бывало, Боже сохрани, как заметит, кто колено отставил, так и знай, что достанется на орехи. А дадут вольно, так у него всякий кашлять должен. Так и смотрит, чтоб не стоял просто. Ну, разумеется, хочешь не хочешь, а кашляешь для порядка.

Тожe, когда рота в караул идет, так он целый день ходит, как шальной, во всякий караул раза по два заглядывает, да не то чтобы прямо идти, а все сторонкой, прячется под стенкой, чтоб это, значит, поймать. Особенно любил он ловить на сенатской караульне. Это была изо всех самая каторжная. Да вы стаивали на ней?

— Как же, стоял. Даже раз, помню, попался на ней и лишний караул отстоял.

— Вот видите! Это уж был такой проклятый караул, хуже всего было стоять на нем в дождь, когда с ружьями приходилось снизу выбегать, чтобы успеть честь отдать. Сколько тут народу билось, ружей ломалось — и сказать нельзя! Бывало, как постоишь там за старшего, так просто из сил выбьешься.

— Теперь стоять легче, выходят реже, в дождь даже совсем не выходят.

— Дай Бог здоровья начальству. Вот теперь, значит, хорошо служить, а то в наше время куда было труднее. Во всем спрашивалось, чтоб было в аккурат, по форме. Наш капитан форму ужасно любил, порядок всякий наблюдал до малости, любил тожe стоечку поправить. Где увидит своего солдата, так и начнет его осматривать со всех сторон. Первое, бывало, говорит: «Нюхало подыми!», а потом и станет по косточкам разбирать: «Правое, — говорит, — ухо ниже, пятое ребро с левой стороны выпусти». До всего дойдет. Тут иногда к спеху послан куда-нибудь, а он тебя муштрует. От каждого солдата спрашивал, чтобы все было по мерке. Наш брат, известно, одеялишко или сундучишко норовит купить подешевле, у своего же товарища. Ему не понравилось это, велел все продать и завести по новой форме: одеяла форменные, зеленые, сундуки по мерке, и на все вычитал жалованье, так что иному в целый год и гривенника получить не приходилось. От этого порядка и денщики у него жить не могли, — в год человек пять переменилось. Любил, чтоб всякая вещь у него лежала на своем месте, да так, чтоб ни на волос не двинулась. На все у него мерка была.

Как придет, так и начинает проверять. Что не так — отдувайся денщик. Завел он себе вместо денщика мальчика из своих крестьян, так тот тожe не выдержал, с полгода прослужил и в солдаты пошел.

Чтобы пожалеть человека или помочь кому-нибудь — никогда, на это каменный был. Раз случилась в роте покража. Шли мы в деревню, солдатик так себе, с придурья, возьми да и положи в ранец денег, синенькую ассигнацию, вместе с платчишком. Вот пришли на привал, он, как и все, снял ранец и поставил его к стенке. Товарищи хотели подшутить над ним, сговорились и послали одного положить ему в ранец камень фунтов в пять: заметит он, как пойдет, или нет. Ударили подъем, идет себе наш солдатик с камнем, не замечает. Вот посмеялись над ним и забыли, так и пришли в квартиры. Пришел и он, бросился к деньгам, а там вместо денег — камень. Беда! Побежал к фельдфебелю, тот давай разыскивать. Как на грех, кто-то видел, как камень клали, и показали на того, кто в ранец лазал. Тот Христом-Богом клянется, что не брал, со страху сначала стал было отказываться, что и камня не клал. Ну, как другие показали, что подговорили его, так сообщили об этом капитану. О ту пору приехал батальонный, наш к нему с рапортом, что так и так. Тот, не долго думавши, подписал сразу на рапорте: дать двести розог за подозрение в краже и заpiresательство тому, кто в ранец лазал. Повели его сечь, больше ста розог дали — не признается. Камень, говорит, клал, а денег не брал, аж нам его жалко стало. Вдруг прибежал наш офицер ротный, молодецкий такой, добрый был барин, и кричит: «Карл Иванович, нашелся вор, у него и платок оказался, что с деньгами был. Этот не виноват, отпустите его!» Капитан как крикнет на него: «Убирайтесь вон отсюда! Как вы смеете мешаться не в свои дела?! Мне велено дать двести розог!» Так-таки и дал все до одной, а потом и в самом деле открылось, что вор-то был другой.

Все это оттого, что он перед начальством ужасно робкий был. Кто бы ни пришел из старших в роту, он так и не дышит руку от шляпы не отнимает.

Тожe был охотник до письменной части, любил рапорты писать, писаря ротного совсем замучил. Что бы в роте ни случилось — лошадь ли захворает, колесо ли перетянуть надо, солдатик ли попадет в чем-нибудь, — оно бы можно было и дома расправиться с ним, иной по глупости провинился, — нет, непременно рапортом представит, чтобы нашивки сняли. Уж сколько несчастных наделал, беда!

Раз с ним приключилась вот такая оказия. Был у нас инспекторский смотр, вот начальник обошел, опросил как следует всех да потом и вызвал солдатика разуться. Тот снял сапог, развернул портянку. Известно, портянка, как следует, форменная, смотровая, про этот случай так и бережется, только как до манежа шли по грязи, так через сапог вода маленько прошла, пальцы-то и стали видны. Вот генерал показывает капитану на портянку и спраши-

вают: что это такое? «Портянка, ваше превосходительство». — «Какая это портянка. Это, — говорит, — хуже тряпки. Извольте взять ее и нести за мной». Вот наш взял за кончик и несет. Потом еще человек с пять разул, но у тех меньше вода прошла, знаков-то и не было. Так наш капитан и прогулялся с портянкой до конца роты. С этого смотра и пошел он допекать за портянки. Где увидит солдата, сейчас поправит стоечку, а потом — снимай сапоги, показывай портянки. На улице поймает, ведет под ворота — показывай ему портянки. Где же нашему брату, рабочему человеку, завсегда быть в чистых портянках? Вот начали это десяточных да и отделенных сменять за портянки, а те принялись за них так, что солдаты по десяти штук заводили себе, рубашки рвали на портянки. Случалось, что солдат в двух рубашках остается, а портянок сколько хочешь. Даже перед другими ротами обидно было — такие же товарищи, им — житье, а нам просто наказание.

А если сам что-нибудь сделает не по форме, так совсем оплошает. Правда, и себя он не жалел. Раз, говорил мне его денщик, случилось ему как-то опоздать на ученье, так он денщика-то побил, что проспал, а сам себя под арест посадил, целый день просидел не евши, в полной форме, с застегнутыми чешуйками^{**}, ей-богу.

Года два мучились мы с ним. Я уже об эту пору унтер-офицером был. Вот страху-то набрался! Бывало, как пройдет день, так и молишься Богу, что не попался. Унтер-офицеров человек пятнадцать разжаловал, пять фельдфебелей сменил. Одним только был хорош: это очень наблюдал, чтоб пища была хорошая. Ночью, бывало, бегают в роту смотреть, как мясо кладут в котел. И когда ты ни приди к нему, всегда застанешь дома, а то по большей части господ никогда дома не найдешь: или в гостях, или спят, так что вестовые лишнюю пару сапог за них порвут. А что, неизвестно вам, где он теперь проживает?

— Как же, знаю, он уже давно генералом, важное место занимает.

— Мы так и полагали, что быть ему в больших чинах. Первое — службу всякую до тонкости превзошел, а другое — терпелив больно был и порядки всякие очень любил. Как он вышел от нас, потом много было хороших господ: был князь Красногорский, был один барон, такая чудная фамилия, не выговорю теперь, да уж напоследок достался капитан Высоцкий, чтоб ему ни дна ни покрывки.

— Отчего, Ефим Трофимович, ты рассказываешь больше про дурных начальников, а про хороших ничего?

— Что ж говорить про хорошего? Кто по закону живет да по-человечески поступает, с тем никаких okazji не случается. Про того скажешь просто «хороший человек», а как вспомнишь про дурного, так даже шкура начинает дрожать. Так вот, кажется, откуда-нибудь и выскочит прямо на тебя. Все равно как в разго-

^{*} Десяточные и отделенные — низшие должности ротного состава. (Примеч. сост.)

^{**} Чешуйчатый ремешок кивера, застегивавшийся под подбородком. (Примеч. сост.)

ворах не станешь говорить, как был здоров, а все про какую-нибудь болезнь расписываешь, и, как начнешь об ней говорить, так кажется, опять на том месте боль отзывается.

— Что же, памятен вам остался этот капитан?

— Не забуду его по гроб, как теперь вижу перед собой: тщедушный, — в чем душа держалась? — плевком сразу пополам перешибить можно, а хитрый да злочий, как змей. Мы его так змеем и прозвали. Говорил всегда так сладко да протяжно, при других господах или при начальстве такой ласковый, все это говорит «мой любезный» да «мой милый», а если один в роте, так такого ругателя и в жизнь никто не видел, просто невозможными словами ругался. Больше всего любил похвастать, что его рота лучше всех и что его очень любят солдаты. Этот цигарку свою кому даст, пирогов купит или начнет сам играть в какую-нибудь игру с нами, да все норовит так, чтобы больше господ было при этом.

Стал приучать, чтоб солдаты скоро отвечали, если что спрашивают у них. А началось это с того: генерал очень расхвалил одного ефрейтора в другой роте — что у него ни спросит, тот сразу и отрежет. Вот нашему завидно стало, он и начал нас допекать. И о чем уж он ни спрашивал: и сколько на небе звезд, и сколько фонарей в городе, и много ль кирпичей пошло на казарму. Как кто задумается, сейчас подойдет к нему и так ласково начнет говорить ему: «Нужно, мой милый, на все вопросы отвечать скоро, смело», а сам или за нос жмет, или губу крутит, так что у иного аж слезы выступают. А то жалованья не выдает, куда не выучится отвечать на все. Как в следующей трети не выучился, так жалованье в артель и кладет целиком. В особенности наблюдал, чтобы у него съестных и артельных денег было больше, чем в прочих ротах, так что ему всегда благодарность за это была. Вот господа спрашивают, бывало, у него: «Отчего это, Иван Иванович, у вас так много денег?» «Оттого, — говорит, — что хозяйство понимаю, солдаты мои бережливы, я им внушаю это. Сами кладут деньги в артель».

Хуже всего было то, что он завел у нас в роте наушничество, так что всякую малость знал, даже что в других ротах делается. Довел до того, что каждый солдат стал товарища бояться, всякий думал про другого, что вот этот и пересказывает. А уж тут какое житье? Слова нельзя было ни с кем сказать, песни, шутки в роте не услышишь, только и пели, как прикажут, а по заказу пенье куда не весело. Насчет песен любил, чтоб пели весело. Как заметит, что кто недружно подтягивает, так подойдет и спросит: «Что, у тебя горло болит?», а сам глаза и выпучит. Ну, конечно, тут всякий лезет из кожи. Это как узнает, что хотят заводить в других ротах что-нибудь хорошее, сейчас и почнет отговаривать, что не годится потому и потому. Умный был, говорил, как книжка, всякого умел отговорить. Вот как те бросят, он возьмет потихоньку да и сделает один. Когда же сам что выдумает, так упаси Боже, если кто расскажет на сторону, сейчас узнает, кто и кому сказал. Один солдатик пересказал было, отчего в роте такая большая

артель, так он придрался к нему за что-то да триста розог и дал перед ротою. И когда били несчастного, так он, как кот, ходил вокруг потихоньку, потирал руки. Подойдет к нему и носком в лицо еще потычет, — такого задал страху, что вся рота дрожала.

А мимо храма Божия не пройдет, чтобы не перекреститься. Какая ни будь погода, каждый праздник к обедне да к заутрене ходил. Господа так только ходят в церковь, постоять себе, поглядеть по сторонам, а наш так все на коленях стоит да земные поклоны кладет. Рота тоже чтоб вся в церковь ходила, уж за этим наблюдал. Какие образа в роте завел, так просто на удивление, все в серебряных да золоченых ризах, кивоты под потолком, и против каждого лампадка горела. На всякой вещи — дощечка и подписано: «Сооружена такого-то года и числа усердием капитана и кавалера Ивана Ивановича Высоцкого».

Любил рассказывать перед ротою. Долго, бывало, говорит про всякую всячину, и про Божественное, и про служебное, и так складно говорил, только не все понятно. Рота уже всегда выровнена, все стоят смирно, муха пролетит — слышно. Боже сохрани тогда кому кашлянуть или чихнуть. Это, говорит, невежество, невнимание, и непременно вздует.

Во фронте, на ученьях, вот был сердитый — ужаси! Везде все видел! Уж как это он делал, Бог его знает. Стоишь, бывало, вдруг тебя сзади как урежет по шее или по спине чем-нибудь, так аж в глоток дух сопрется. Это значит, уж что-нибудь не так сделал и попался. Иной раз сам не знаешь свою вину, а коли бьют, так, значит, виноват. Никогда не бил спереди, чтобы знаки были, а все потихоньку, сзади, с третьей шеренги. Иногда видишь — крадется, а обернуться не смеешь, только глазами моргаешь да спину в себя втягиваешь, чтобы не так больно было.

Раз так рассердился, что забыл свою привычку не бить спереди и чуточку сам не попался. Был какой-то смотр, начальство стало уж подъезжать к роте, он одному солдатику второй шеренги и дал в зубы, да, должно быть, ловко дал, кровь-то и пошла. Как увидел, и говорит: «Утрись, скотина, утрись скорей!» Солдатик сробел, что ли, или нарочно, вместо того чтоб утереться, взял да и размазал кровь по лицу. Вот он ему еще ласковее: «Утрись хорошенько, пожалуйста, утрись!» Тот все размазывает. «На тебе мой платочек, утрись, я тебе на водку дам, в унтер-офицеры произведу». А сам так и посоловел, — начальство уже у самой роты, а кровь так и бежит, аж амуниция вся покраснела. Вот он видит, что беда. Велел солдатику снять каску и двум людям вывести его под руки, будто захворал. Тут прибежал батальонный, спрашивает: что такое это? Говорит: «Солдату дурно сделалось, кровь из носу пошла, верно, воротник узок, так я его велел вывести». Так и говорил, ничуть не покраснел. Что ж вы думаете? Сжил-таки со света этого солдата — в армию перевели.

Тоже раз это, шли мы батальоном вперед, только «завалилась» середина дивизиона. Вот фельдфебель — Гавриловым звали, собака был порядочный, живодер — и кричит сзади: «Чего вы там

хлябаете, на левом фланге?! Я вас как шаркну!» Уж мы знали, что это значит — «шаркнуть». Это значило ткнуть куда-нибудь прикладом: в шею или в плечо, а то и в поджилки. Не успел это он выговорить, вижу, капитан сзади крадется. Я стоял в это время за офицером, а вместо офицера стоял у нас подпрапорщик. Только подошел он и давай сзади лудить по загревкам всю переднюю шеренгу. Дошел до второго с флангу, тут же подпрапорщик сробел — думал, и ему заодно попадет. Оборачивается и говорит: «Иван Иванович, это я». — «Вижу, вижу, не беспокойтесь!» Перешел через подпрапорщика и в следующем взводе прошелся по отделению. Зато и рота была, просто огонь! Уж сколько наград он получал за нее, крестов, так и сказать нельзя, ни у кого столько не было.

Вот еще какая была у него привычка, это чтоб на него всякий смотрел весело. Идет по роте, кто смотрит исподлобья, непременно обругает. «Это, — говорит, — ненадежный человек, глядит недовольным, за ним нужно присматривать». А может быть, тот и родился таким. Уж так на этот счет приучил роту, что как в казарму, так всякий и строит себе веселую рожу, а кому вовсе не пристало — мохнатый весь, старый, кожа на лице, как подметка, и фонарь под глазом (отделенный, значит, в чем заметил), — туда же лезет расправлять рыло. Иной амуничку справляет, весь в мелу, в клею, как мельник, и тот скалит зубы. А то у нас в роте был конюх из татар, рожа, как барабан, широкая и вся рябая, глаз совсем не видно, заместо усов два клочка собачьей шерсти. Просто смотреть скверно. Как увидит капитана и начнет кривиться так, что не разберешь, что он — плачет или смеется? Сам капитан не мог смотреть на него, помирает, бывало, со смеху.

Любил тоже, чтобы, когда уходит из казармы, всякий ему услуживал: кто нес бы галоши, кто — шинель, кто — шляпу. Очень это любил, особенно когда чужие господа видят. Всегда, бывало, скажет: «Видите, как они меня любят? Спасибо, друзья мои». Как узнали про это, так и начали все бросаться услуживать, на каждую галошу приходилось по пять человек, один у другого так и тащит из рук. Шубу чуть в клочки не порвали, так что уж после того фельдфебель с вечера наряд делал, кому что нести. Начальство его как любило, и сказать нельзя. Генерал всегда за руку брал, ей-богу! Значит, умел себя так поставить. Оно, разумеется, каждый старается, чтоб ему было получше. Как подумаешь, так и его в этом винить не станешь. Если бы с него не спрашивали, и он бы нас так не допекал. Служба что — казенное дело, а вот нрав-то у него был нехороший. Он и окромя нашего брата многих на своем веку загубил... — Сказав это, Маковнюк тяжело вздохнул и задумался.

Вечер быстро сменился малороссийской ночью, воздух был полон нежным запахом ночных фиалок. Природа, казалось, отдыхала после дневного зноя, впивая полной грудью прохладу вечера. Фруктовые деревья, все в цвету, белели на темной зелени каштанов и тополей. Луна в одном месте пробивалась сквозь чащу

дерев, выводила на дорожках чудесные узоры, в другом огненным дрожащим столбом перерезывала пруд на две ровные части. Солной затянул свою вечную песню любви.

— Что с тобой сделалось, Ефим Трофимыч? Что ты так призадумался? — спросил я его. — Или вспомнил про старое, про молодость?

— Ну, уж начал говорить, так все скажу. Сегодня уж день такой выдался. Скажу вам, чего я никому не говорил, хотя и теперь иной час не имею оттого покою. Скажу потому, что вижу, у вас душа есть, не будете смеяться надо мной. Вот оно какое дело было. Капитан наш был женат уже несколько лет. Женился он, говорят, из-за капитала на купеческой дочке, да обманули — деньгами-то его и надули, так что он с тех пор стал еще хуже, так все и рвет и мечет. Барыню все корил и родней и бедностью, в гроб ее чуть не вогнал, так что она, несчастная, только и утешалась ребенком, что им Бог дал.

Вот как мальчик стал подрастать, чтобы ходить за ним, и взяли они из своей вотчины няню, Аннушкой звали. Как вспомню про нее, так и теперь душа становится не на месте. Сколько ни живу на свете, не привелось встретить другой такой девушки: высокая, белолицая, черноволосая, глаза так вот сами в душу и заглядывают, добрые такие да жалостливые, как будто хотят тебя утешить. Держала себя, не то что другие верхоглядки, степенная была девушка. Что и говорить, другой такой не было.

Как теперь помню, перед выходом в лагеря капитан оставил меня в городе присматривать за квартирой, а барыня еще с весны жила на даче. Пробыл я это с неделю, только передумала ли барыня или мальчик захворал, — не знаю, — перебралась в город и меня оставила при квартире для посылок. Вот тут-то я и сошелся с Аннушкой. Началось с того, что мне самому ее жалко стало: все ходит такая скучная, будто в воду опущенная. При барыне еще ничего, а придет это из лагерей капитан, так она, бедная, не знает, куда ей и деваться. Он при всех с ней ничего, обращался как следует, а уж потом я узнал, что ей приходилось терпеть без людей. И мальчишка-то был окаянный, не приведи Господи, просто из рук вон: злючий такой да капризный, даром что маленький, весь в отца. Капитан об нем и не думал, а барыня, известно, женское дело, души в нем не слышала, ну и испортила мальчишку. Хуже всего доставалось от него бедной Аннушке, замучил ее, сердешную. Ночью это встанет, кричит, давай ему есть или по комнатам води его гулять. Как что не по нем, так и норовит тебя царапнуть или укусить. Бывало, начнет кричать — кричит, кричит, аж надсадится, потом замолчит. Вот ему и говорят, чтобы утешить: «Умница, Васенька, перестал плакать, хорошие дети не плачут». «Нет, — говорит, — я опять буду». И точно — отдохнет маленько да как хватит, так просто беда.

Полюбил меня очень мальчишка: я ему раз мельницу сделал, а то на руках все носил, так что все, бывало, в передней со мной сидит, ну и Аннушка тут же. Барыня в это не вмешивалась, лишь

бы дитя молчало. Кажется, совсем маленький был, а и мне от него доставалось — как запустит это пальчики в усы или виски, так и норовит вытащить пучок волос или показывает, как папаша Федора бьет (денщика так прозывали). Ты его держишь на руках, а он тебе в зубы тычет кулачишком. Да что та беда! То ли еще можно было вытерпеть, чтоб только с Аннушкой быть вместе. Она была такая стыдливая, всех чуждалась. Первое время меня даже больше, чем других. Сидит, бывало, в уголку да шьет что-нибудь, как я с мальчиком балую. Встретишься это где-нибудь с ней, скажешь: «Здравствуйте, Анна Михайловна». — «Здравствуйте», — ответит так скоро, будто про себя, а то и ничего не скажет.

Уж под конец лагерей начали мы с нею разговаривать. Что спросишь — отвечает, больше об Васеньке, а раза два сама на меня посмотрела, да так ласково, как на меня еще никто не смотрел. Что со мной случилось с той поры, и сказать вам не могу. От пищи меня отбило, что ни возьму, все из рук валится, на уме только и было что про Аннушку. Вот раз вечером, уже смерклось, барыня уехала куда-то с утра, сижу я это в столовой и балую с Васенькой, — проклятый мальчишка забавлялся тем, что спичкой мне в глаза тыкал. Я и говорю: «Анна Михайловна, что это с вами, что вы всегда такая скучная?» — «А разве моя жизнь весела? Когда бы вы все узнали, так не спрашивали бы! Мальчишка-то, с ним возиться недолго, подрастет год — на другой учителя наймут. Что мне Васенька? Он ничего, а то постарше его житья не дадут...» — сказала и залилась слезами, да такими горькими, что я их будто и по сю пору слышу.

Тут я все понял: и то, что она так робела, когда капитан в город приезжал, и зачем все бегала, чтобы не быть с ним одной, и стало мне самому так горько, стало душно, будто узкий воротник меня давит, будто ранец во сто пудов на мне лежит...

Сидит это бедная Аннушка в углу да все всхлипывает. Мальчишка ничего себе, как будто и не слышит, дошел уж до моего уха, туда чем-то тычет. Вот я и говорю ему: «Васенька, подите, утешьте свою нянюшку, видите, она, бедная, плачет». Взял его на руки, поднес и сел с нею рядом. Мальчишка — прямо за платок, что на ней был, стащил его, слез на пол и стал взнуздывать им деревянного коня, у которого давно уже были глаза повьковыреваны.

Долго сидели мы рядом; уже чего я не передумал в это время, и Боже мой! Чего бы я не дал, чтобы ее жизнь была лучше: службу готов был начать сначала, всякие наказания претерпеть, чтоб только ее избавить от беды. Вот она посидела, потом говорит: «Прощайте, пора Васеньку спать укладывать». «Нет, — я говорю, — еще рано, Анна Михайловна, посидите немножко, мне, — говорю, — очинно приятно с вами беседовать». — «Какое может быть со мной приятство? Вы же сами сказали, что я такая скучная. Другие девушки веселее, идите лучше к ним». — «Что мне другие? До сих пор никого не знал, и нужды мне до них не было. Я, — говорю, — их всех не променяю на вас одних, ей-богу, не променяю», — сказал и не знаю, откуда у меня смелости достало. —

«Спасибо вам, Ефим Трофимыч, что вы меня одни жалеете. Я вижу, что вы добрый человек. Я, — говорит, — век вас помнить буду».

Тут приехала барыня, и мы разошлись.

Уж как это случилось, не знаю, только полюбили мы один другого, да так полюбили, что и сказать нельзя... Господа все думают, что мы — мужики, что в нас и чувства никакого нету. Как мы провели неделю, что осталась до конца лагерей, и сказать невозможно. Мы и говорить-то не говорили, а только смотрели один на другого, держась за руки, да подчас она плакала... Кончился лагерь, пришел полк в город, отправили меня в роту. Товарищи, это, сперва не узнали меня. «Что с тобой, Маковнюк, — говорят, — какой гордый стал, в денщиках побыл, заважничался». К тому же, как я начал иногда по вечерам, после зори, выходить потихоньку из казармы, чтоб хоть словцом перекинуться с Аннушкой, душу отвести, — так стали меня считать за доносчика, начали бегать все. А уж тут, как душа отводилась, каждый раз только сердце надрывалось.

Один вечер выходит она ко мне бледная, чуть дышит. Житья, говорит, нету, барин прежде все лаской да подарками хотел взять, а теперь начал страдать: «Ты, — говорит, — моя крепостная, я могу с тобой сделать все, что хочу, — продать, в Сибирь на поселение сослать...» Вот думали мы, думали, решил я пойти просить ее замуж. Я бы сам не посмел никогда, да барыня по Аннушкиной просьбе обещала сказать про нас. Добрая была барыня, дай Бог ей здоровья.

Как теперь помню, то было перед воскресеньем. Думаю, может, Бог ему на душу доброе дело положит, покается, он же до обедни ничего не ел. Пошел я это к заутрене, помолился Богу, поставил гривенную свечку угоднику Божию Николаю, на бедных в кружку положил пятак. Потом, часов так в девять, оделся в форму и пришел к капитану. Покуда человек сказывал про меня, вижу, сквозь двери смотрит Аннушка, бледная как смерть, и держит мальчика на руках. Он ее теребит за косу, а она хоть бы моргнула... Вышел капитан. Уж тут что случилось со мной, не знаю, будто снова отдают меня в рекруты и привели в присутствие.

«Что, — говорит, — тебе нужно?» «Ваше высокоблагородие, будьте отцы-командиры...» — сказал, а дальше язык не ворочается. «Что такое? Говори скорее». А сам стал хмуриться. «Ваше высокоблагородие, сделайте Божескую милость... заставьте вечно Богу за вас молить... будьте заместо отца родного...» — «В чем же дело?» — «Вы знаете мою службу, ваше высокоблагородие, рад стараться до последней крайности, душу, — говорю, — рад буду за вас положить...» — А слышу, в глазах слезы так и ходят: «Позвольте вступить в первый законный!» «Что же, — говорит, — очень рад, на ком же?»

Как я выговорил: «На вашей Аннушке» — и не помню, видел только, как он весь позеленел и закусил себе губу. Я так и думал, что бросится меня бить, аж глаза зажмурил... Нет, засмеялся и

говорит так ласково: «Разве ты любишь ее?» «Очень, — говорю, — люблю, ваше высокоблагородие!» — «Что ж, если вы любите друг друга, так я ничего против этого не имею. А она тебя любит? Аннушка, — говорит (она за дверьми стояла), — вот мой унтер-офицер хочет на тебе жениться. Желает за него идти замуж? Любишь его?» — «Воля ваша, барин, как прикажете». А сама чуть дышит.

«Хорошо, друзья мои. — А у самого глаза так и бегают, губы трясутся, а ноздри раздуваются. — Только она — моя крепостная. Заплати тысячу рублей, а потом и женись, а до тех пор... — Как крикнет: — Пошел вон!»

Так у меня кровь захолонула. Повернулся я налево кругом и как шальной дошел до казармы. Люди строились в церковь, пошел и я с ними вместе. Молитва на ум не шла, «тысячу рублей» да «пошел вон» так и гудели в голове, особенно как посмотрю на капитана. А он стоит себе впереди всех и так усердно молится на коленях.

С той поры житья мне не стало, руки хотел на себя наложить, ничего делать не мог, службу совсем позабыл, а тут капитан стал привязываться, фельдфебель тоже начал прижимать, должно быть, по приказанию.

Терпел я это, терпел с неделю, больше — немоготу стало. Раз рота пошла с капитаном в караул, я сменился — был дежурным. Вечерком, после зори, пошел на старое место. Смотрю, через полчаса выбегает Аннушка, выбежала и прямо мне на шею, плачет и целует меня. Это было в первый раз, что мы целовались, первый и последний. Как я обнял ее, так мы и простояли до полуночи. О чем мы говорили, не знаю. Помню только, что ламповщик разогнал нас, как пришел лампы тушить...

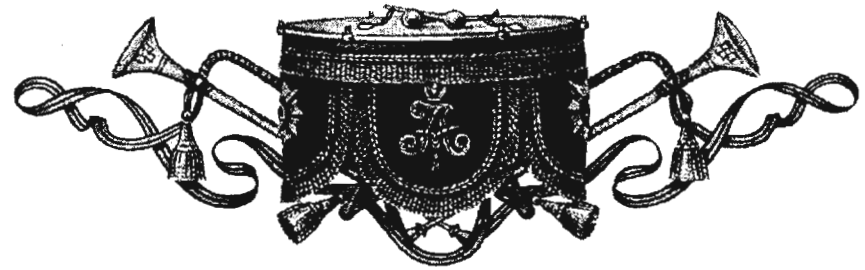
На другой день капитан все узнал. Нашлись добрые люди и передали. Представил меня к разжалованию из унтер-офицеров за дурное поведение и отлучки из казармы да велел держать под арестом до приказа. Останься он еще хоть месяц командиром, погубил бы меня вконец, да произвелся в полковники и получил место. Как сдавал роту новому командиру, так сказал обо мне: «На него советую обратить внимание — безнравственный человек. Он имел дерзость у меня в доме разврат заводить». Кабы вы знали, как мне было больно слышать это! Лучше бы он убил меня, чем так говорить. Если б не начальство, кажется, в куски разорвал бы его. Да что делать, пришлось терпеть! Аннушки с тех пор я не видел, что с ней случилось — не знаю. Вот уже сколько лет прошло, голова облезла, как старый полушубок, а и теперь не могу вспомнить о ней, чтоб лихорадка меня не била.

Действительно, нельзя было узнать Маковнюка: лицо его было бледно, глаза сверкали, голос был прерывист...

— Извините, — сказал он, несколько успокоившись, — что наговорил вам всякой всячины. Не прогневайтесь, вы же сами говорили, чтобы все рассказывал.

Рассказ Маковнюка произвел на меня грустное впечатление. Я не мог отказать в глубоком сочувствии этой прекрасной личности. Ни тяжесть двадцатилетней службы, ни полный произвол начальников в продолжение ее, ни самые их слабости не положили клейма на эту прямую и честную натуру. Мы привыкли смотреть на поступки низшего класса людей с точки зрения чисто юридической и никак не хотим рассмотреть каждый факт с точки зрения психологической. Мы думаем, что они не представляют с этой стороны ничего занимательного, или не имеем времени заниматься такими пустяками! Разве под беленой амуницией, лядункой* или перевязью бьется не такое же сердце, как и под батистовой рубашкой? Если б можно было разобрать побудительные причины всех побегов, покраж и дерзостей, то, вероятно, оказалось бы, что половина их происходила не от совершенной испорченности виновных, а от непонимания их человеческих требований. Служить почти всю свою жизнь, быть навеки оторванным от всего близкого, не имея ничего впереди, не давать никакой жизни своему сердцу, это не свойственно натуре человека, — он или впадает в апатию, или бросается в крайности.

Сколько драм, раздирающих душу, безвестно разыгрываются сначала в стенах казарм, потом на госпитальной койке, и никто про них не знает, даже сонный фельдшер, пишущий последнюю волю умирающего об его сундуке и постели. На другой день только отдадут в приказе: «Такой-то, такой-то исключается из списков», да доктор в скорбном листке пропишет по-латыни какую-нибудь хитрую болезнь, которую и не переведешь по-русски. Тем все и кончается.

Л. КЛУГИН

РУССКАЯ СОЛДАТСКАЯ АРТЕЛЬ*

Война 1853—1856 годов** застала Россию в самом сильном развитии вооруженных сил. В последние годы мирного времени одни регулярные ее войска простирались до 1 140 000 человек. В продолжение войны цифра эта увеличилась, но по заключении мира тотчас же было приступлено к уменьшению состава нашей армии. Сначала уволено из регулярных и иррегулярных войск и из состава государственного ополчения до миллиона чинов, вследствие чего русская армия дошла до миллиона с небольшим. Последующими затем распоряжениями в составе войск произведены были новые ограничения, и регулярная армия наша уменьшилась противу приведенной выше цифры на 290 000.

Таким образом, в настоящее время регулярное наше войско представляет цифру в 850 000 человек, цифру все-таки весьма значительную. Такая масса войска, естественно, должна поглощать огромную часть государственных доходов. И действительно: русская армия со всеми военными учреждениями стоит правительству около 100 000 000 рублей серебром, что составляет едва ли не более третьей части всех доходов России.

Такие два знаменательных факта, как число наших войск и цифра стоимости их содержания, не могут не возбуждать общего внимания. Вникая в них, естественно прийти к желанию ознакомиться поближе с той частью русского народа, которая, будучи сословием непроизводительным и дорого стоящим государству, исполняет благородную и трудную обязанность охранять интересы нашего отечества на пространных десятках тысяч верст, от берегов Балтийского моря до Великого океана.

Но если громадность числа русских войск и издержек на содержание их достойны основательного исследования, то найдется немало и других причин, которыми объяснится желание ознакомиться с нашим войском вообще и с составными его единицами в особенности.

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1861. Т. XX. С. 79—130. (Примеч. сост.)

** Имеется в виду Крымская война 1853—1856 годов. (Примеч. сост.)

* Лядунка — патронная сумка. (Примеч. сост.)

Мы обратим здесь внимание на одно обстоятельство, по которому солдат наш заслуживает подробного ознакомления с ним.

Несмотря на различные национальности, входящие в состав русского войска, оно представляется почти исключительно великорусским народом, носящим в себе много элементов того сословия, которое служит ему главнейшим рассадником, — нашего крестьянства. Во всех государствах постоянно содержимые народные войска, естественно, проявляют свойства и особенности их нации. Хотя при большей или меньшей продолжительности срока службы и при некоторых других ее условиях солдат приобретает особые навыки, особые понятия, отличающие его от собратьев, оставшихся в первобытном состоянии, однако в главных основаниях солдат, какой бы нации он ни был, остается сыном своей страны и того сословия, которому принадлежал до поступления в военную службу. А как главнейшим источником для составления и пополнения нашего войска служат крестьяне, то и в солдате русского проявляется в главных чертах тип многочисленнейшего нашего сословия — земледельческого. Это вполне подтверждается тем, что нижние чины, в особенности армейские, при увольнении на родину отставкой или бессрочным отпуском становятся опять по преимуществу земледельцами.

Такое явление в русском солдате, столь выгодное для него самого и не менее полезное для государства, по нашему мнению, может быть объяснено двумя главнейшими причинами. У нас, в армии собственно, не развита система казарменного размещения войск, которое в России представляется до настоящего времени исключительным способом квартирования солдат. Большую часть своей службы армейский солдат проводит на обывательских квартирах. Из этого истекают, правда, многие неудобства: обучение его не может производиться с таким успехом, за ним нельзя иметь такого неослабного надзора, как при казарменном размещении. Кроме того, натуральный налог квартирной повинности не поддается уравнительной раскладке на все народонаселение государства. Но невыгоды эти отчасти вознаграждаются тем, что и при продолжительном сроке службы, как у нас, живя по преимуществу в деревнях, между крестьянами, кормясь вместе с ними, принимая часто участие в их занятиях, армейский солдат встречает много условий, не допускающих его отвыкнуть от прежнего быта и сопряженных с ним трудов и занятий. Но есть и другая причина, приводящая солдата нашего к подобным же последствиям: собственно солдатский быт заключает в себе в некотором отношении немало общего с бытом русского простого народа.

В самом деле, одну из характеристических особенностей русского крестьянства составляет общинное владение с мирской сходкою. Вглядываясь в материальный быт наших солдат, мы замечаем, что и у них встречается отчасти такое явление, узнаем, что и у русского солдата есть и особый вид общинного владения, и подобие мирской сходки. Вероятно, каждому видевшему хозяйство войск случалось слышать такие термины, которые именно выра-

жают сказанное явление. Например, почти всякий у нас знает, что в ротах, этих меньших единицах нашей пехоты, есть артельные лошади, артельные телеги, артельные котлы, но всякий ли обратил внимание, на чей счет они приобретены? Быть может, для многих невоенных будет ново узнать, что столь необходимые для ротного хозяйства предметы покупаются на общинные ротные деньги, и хотя с разрешения начальства, однако по предварительному приговору ротной сходки.

Все сказанное нами приводит к мысли, что ознакомление с бытом русского, и в особенности армейского, солдата может представить много интересного для любознательного читателя. Настоящая статья и имеет целью изобразить некоторые особые черты материального быта нашего армейского солдата, выражающиеся в ротной артели и в ротной сходке.

Артели существуют отчасти и в других войсках, но далеко не в том размере и виде, как у нас. Составление же их на Руси делалось всегда с целью большего успеха действий целого сборища работающего люда или для того единственно, чтобы этому люду во время отлучек с мест жительства для заработков продовольствоваться дешевойшим способом. То же стремление к удешевлению продовольствия было причиною устройства артелей и в войсках наших.

Первоначальное проявление, развитие и настоящее положение солдатских артелей в России достаточно ясно можно видеть из хода русского законодательства по продовольствию войск, поэтому мы и обратимся к нему, принимая за исходный пункт нашего исследования относящийся к этому предмету постановления Петра Великого при первоначальном устройстве им русских регулярных войск, сделав при этом небольшую оговорку. Об одной из главнейших статей продовольствия солдата, хлебе, мы говорить теперь не станем, потому что установленная великим преобразователем России солдатская хлебная дача сохранилась и до настоящего времени в том же размере. Далее исследования наши будут касаться преимущественно положений по мирному времени, относящихся исключительно до пехоты, и притом только последнего звена ее строевой иерархии — рядового.

При исследовании о средствах, которые имел в прежнее время русский солдат для своего продовольствия, нам придется говорить преимущественно о жалованье. Причины этого выяснятся сами собой при дальнейшем изложении.

Штатами 1711 года армейскому солдату, рядовому, отпускалось денежного жалованья в год 10 рублей 80 копеек, табелью же 1720 года оно увеличено до 10 рублей 98 копеек. В этом количестве денег заключался отпуск и на приготовление мундира — до 5 рублей 32 копеек, так что за вычетом и своевременно отсылкою его в военную канцелярию солдат получал собственно с 1720 года

* Самое слово «ротный» показывает, что мы намерены говорить исключительно о пехоте, составляющей главную массу нашей армии. Впрочем, излагаемое о пехоте с немногими изменениями может относиться вполне и к другим родам наших войск.

5 рублей 66 копеек в год. К денежному отпуску в 1713 году прибавлены особые дачи. Сначала было повелено: нижним чинам «давать Великого государя жалованья, когда бывают в марше и на винтер-квартирах на весь год, рассчитывая на мясоедные дни, на мясо по алтыну на неделю человеку», что составило в год 72 копейки. Вслед за этим распоряжением, в том же 1713 году, приказано давать солдату соли по два фунта на человека в месяц натурой «из поместного приказа, из которых городов пристойнее».

При императрице Анне Иоанновне постановлено было деньги на мясо 72 копейки, а также определенные вместо прежней дачи соли натурой 15 копеек каждому солдату в год причислить к его окладному жалованью и «давать с тем жалованьем вообще, дабы тому особливых книг впредь не было». Между тем, вероятно по ошибке, в табели 1731 года к жалованью рядового (10 рублей 98 копеек в год) прибавлены только деньги на мясо, а определенные на соль 15 копеек не помещены.

Этой же табелью хотя и не изменен прежний вычет с нижних чинов на мундир, однако на те же 5 рублей 32 копейки солдату увеличены средства обмундирования сокращением сроков мундирной одежды. Весьма характеристично изложена причина этого изменения в мнении Сената: «Понеже во все полки мундир готовится из Кригс-комиссариата на вычетные из жалованья деньги, который определено отдавать на указные сроки, но токмо того мундира, кому оный давать надлежало, никогда исправно не ходит и в том мундире против их жалованья вычету имеют обиду».

В следующие за 1731-м годы произошло весьма важное изменение с средствах содержания солдата. Это было уничтожение вычета из его жалованья за ведение мундира. Когда состоялось общее по сему предмету распоряжение, прямых указаний мы не нашли, но еще в 1723 году издан частный указ «о даче обретающимся при Сенате, коллегиях и канцеляриях унтер-офицерам и солдатам денежного жалованья без вычета на мундир и амуницию и о стройке им мундира и амуниции на жалованные деньги». В 1743 году вышел другой указ, по которому гарнизонные и ландмилицкие полки, находящиеся на войне, начали получать жалованье также без вычета на мундир. Надобно полагать, что общее распоряжение состоялось в означенный промежуток времени, между 1731 и 1743 годами. Из табелей же 1763 года видно, что в это время вычета уже не делалось: в них с подробностью обозначено, какое именно количество сукна и денег следует отпускать из комиссариата в полки для постройки мундирной одежды нижним чинам.

С уничтожением вычета на мундир получаемое солдатом содержание возросло весьма значительно, так что составленная в царствование Екатерины II по особому распоряжению Военная комиссия нашла возможным уменьшить жалованье нижним чинам,

* Еще в начале 50-х годов XVIII века на мундир вычет производился. Его отменили, видимо, в конце 50 — начале 60-х годов. (Примеч. сост.)

приводя в утвержденном императрицей мнении следующие объяснения: «Положенное в последнее правление рядовым жалованье, а именно гренадеру — 10, а мушкетеру 9 рублей, оказалось в самом деле излишне, ибо хотя довольно содержание и чтоб солдат ни в чем недостатку не имел необходимо нужно и справедливо, то сие же самое, ежели сверх надлежащего и со излишеством производиться будет, подаст только солдатству повод к разным непорядкам и пьянству... и старинное положение полевым нижним чинам предвиделось недостаточно же, по уважению возвысившихся на потребное к солдатскому содержанию цен; для того воинская комиссия и приняла за нужное во внесенных при сем штатах полагать гренадеру и кирасиру по 8, а мушкетеру и карабинеру по 7 ½ рубля в год». Определенное таким образом солдатское жалованье осталось без изменения и в табели 1795 года.

В царствование императора Павла Петровича содержание армейским войскам опять было увеличено и дошло почти до того размера, как было при его родителе. За вычетами на медикаменты и госпиталь годовое жалованье рядовых пехотных армейских полков было: егеря и мушкетера — 9 рублей 40,5 копейки, а гренадера и фузилера — 9 рублей 90 копеек. Такой размер с небольшими изменениями сохранился и при императоре Александре I: егеря и мушкетеры получали 9 рублей 50 копеек, а гренадеры — 10. Заметим, что в этом окладе следует считать (на основании закона Анны Иоанновны 1731 года) определенные Петром Великим 72 копейки на мясо и отпускаемые на соль по сделанному в то время расчету 24 копейки. В штатах для вновь формируемых тогда войск упомянуто именно, что означенные деньги считаются в общем окладе солдатского жалованья. В декабре 1816 года последовал указ об увеличении жалованья офицеров, но на нижних чинах указ не распространился.

В это время произошло весьма ощутимое изменение в ценности отпускаемого войскам нашим жалованья. Причина заключалась в необходимости выдавать его ассигнациями, которые тогда уже сильно упали против серебряной монеты. На такой упадок курса ассигнаций, ходивших в начале их учреждения даже дороже серебра, в 1812 году обращено было особенное внимание правительства. Манифестом 9 апреля того года введено повсеместно единообразное обращение ассигнаций, взнос доходов в казну должен был производиться по три рубля ассигнациями за серебряный рубль. Войскам же определен отпуск жалованья и прочего содержания хоть и ассигнациями, но по существовавшему тогда курсу, что, однако, продолжалось недолго. В 1814 году вследствие представления командовавшего войсками в Грузии генерала от инфантерии Ртищева об отпуске Каспийской эскадре, находившейся у персидских берегов, жалованья серебром или червонцами по тому же курсу, в каком производилось оно прочим войскам, в тамошнем крае расположенным, состоялся именной генералу Ртищеву указ, оканчивавшийся следующими словами: «Соглашаясь на удовлетворение требования сего, я нахожу только нужным заметить, что

войска Грузии по сие время получают жалование звонкой монетой, когда, напротив, и действующие за Рейном армии довольствуются ассигнациями. По несообразности таковой и к сохранению в государстве золота и серебра повелеваю употребить по главному начальству вашему в Грузии меры и особенное попечение, дабы ассигнации наши имели надлежащий ход, после чего и все без изъятия войска довольствоваться жалованием и ремонтом не иначе как ассигнациями».

Уменьшившееся таким образом в своей стоимости, но оставленное в прежней цифре жалование нижних чинов затем уже не изменялось в размере до настоящего времени. Переложенное на серебро в 1841 году, оно составило в год: гренадеру и стрелку — 2 рубля 85 копеек, а мушкетеру — 2 рубля 70 копеек.

Из приведенного перечня изменений, деланных в различное время в жалование русского солдата, видно, что обязанный законом на получаемое им денежное жалование и хлебную дачу «довольствоваться сам» солдат не мог делать этого в одиночку. Как бы ни стояли низко цены на съестные припасы, продовольствоваться на те деньги, которые наш солдат получал от казны, каждому отдельно не представлялось возможности, тем более что, имея надобность на то же жалование приобретать некоторые необходимые для его обихода мелочные предметы, он не мог все свое жалование издерживать на одно продовольствие. Естественным следствием такого положения было образование солдатской артели — явление очень обыкновенное у русских в подобных обстоятельствах.

Следовательно, начало существования артели в войсках наших, по всей вероятности, должно быть отнесено к самому началу учреждения в России регулярной армии. Но на каких основаниях были устроены артели, а также до какой степени выполняли они свое назначение — обеспечивать солдата хорошим продовольствием, — указаний на то в давнее время мы не имеем. Обращаясь же ко времени более близкому, к 10—40-м годам текущего столетия, на основании рассказов старослужащих и собственного опыта, мы можем сделать следующий вывод: солдатская артель не одинаково, не везде и не всегда обеспечивала содержание нижних чинов. При одном и том же взносе денег в артель в одних местах она едва покрывала расходы на покупку масла или сала для каши, приготавливаемой из отпускаемых солдату из казны круп, в других — доставляла средство к весьма хорошему, вполне питательному продовольствию.

На западе России солдат наш, кроме каши, говорят, не имел почти никакого другого кушанья, и, вероятно, в тех местах и составлена им поговорка: «каша — мать наша». На востоке же России при тех же артельных средствах, но при совершенно других местных условиях квартирования происходило совершенно иное. Сибирские регулярные войска, например, стоя постоянно на одних и тех же местах, пользуясь дешевизною всех продуктов, устроив ротные хутора, имели за незначительный взнос в артель из жалования всегда отличную пищу, постоянно с мясом в скоромные дни.

Пользуясь продолжительностью и суровостью тамошней зимы, закупая рогатый скот в это дешевое время гуртом, роты не только за малую сумму обеспечивали свое продовольствие мясом на большую часть года, заготавливая его впрок, но даже одной продажей сала и кож убитого скота выручали иногда более затраченного на то капитала. Мы знаем, например, что в исходе 1830-х годов нижним чинам линейных батальонов, квартировавших в городе Омске, по возвращении в артель всей суммы, употребленной на гуртовую покупку скота, пришлось получить еще по 15 копеек серебром каждому на руки.

Если различие ценности съестных припасов в разных местах квартирования войск имело и, без сомнения, имеет и теперь влияние на разницу выгод, происходящую от заведения артелей для солдат, то, с другой стороны, влияние на различие это оказывали и особые обстоятельства. Стоящие постоянно в одних и тех же местах войска не знают тех расходов, которые делают другие, меняющиеся, иногда весьма часто, свои квартиры. Последним приходится, между прочим, многие предметы перевозить на артельный счет — весьма важное обстоятельство, о котором мы будем говорить подробнее. Теперь же заметим только, что совокупность условий мест квартирования войск, также и различия их служебных обязанностей имели последствием огромную разницу в величине вычета из жалования нижних чинов для составления артелей. Возьмем для примера две крайности: в то время, когда в войсках в Западной Сибири вычет не превышает 15 копеек серебром с каждого солдата в треть ([года]. — *Сост.*), в Закавказье он доходит до 1 рубля серебром*.

При таких условиях существования артелей в наших войсках значительным подспорьем для них при расположении по бытовательским квартирам послужило продовольствование солдата от хозяев квартир, с давнего времени установившееся в России.

Выше мы видели, что по закону Петра Великого при расположении на квартирах нижние чины должны были продовольствоваться на счет получаемых ими от казны средств. В постановлениях преемников Петра о квартирной для войск повинности о продовольствии солдата от жителей также нигде не говорится, между тем подробно определяется, что именно требовать от хозяев квартир имеет право постоялец-солдат. Отсюда следует, что законодательство наше и не предполагало ввести такое условие, иначе о нем как о весьма важной статье квартирной повинности непременно было бы упомянуто в законе, тем более что закон подробно объяснял важные условия квартирного довольствия войск.

* Покупка гуртом рогатого скота в некоторых местах Сибири доставляла, да, вероятно, и теперь доставляет, особые еще выгоды войскам. На искупленных для мясной порции волах они перевозят (например, в Киргизской степи) те предметы своего довольствия, которые при известном расстоянии мест заготовления от расположения войск должны быть перевозимы: дрова, провиант. Полученные за то деньги увеличивают артельные средства рот.

** Напоминаем, что находящиеся за Кавказом войска получают почти двойное жалование.

В этом заключении могут убедить еще и некоторые косвенные указания военных постановлений. Так, например, в Инструкции полковому командиру 1766 года читаем следующее: «Ежели офицеры и рядовые, будучи в квартирах, похотят для нужд своих и пропитания, а не для заводов, содержать всякий скот, то это им иметь дозволяется». Если бы предполагалось, что солдат имеет право на довольствие от жителей, тогда в подобном дозволении нижним чинам, во всяком случае стеснительном для хозяев квартир, не было бы никакой надобности.

Условие продовольствия войск от жителей не вошло и в ныне действующий закон, по которому солдат имеет право требовать от хозяина только подстилку, тепло, вместе с ним освещение, горшок для пищи, ставец и воду. Все сказанное приводит к заключению, что указанный выше закон Петра Великого изменяем никогда не был. Между тем на деле продовольствие войск приварком от жителей, у которых они располагаются «на просторных квартирах», сделалось почти обязательным. Когда же именно и при каких условиях ввелось это обыкновение, перешедшее почти в правило, мы сказать не можем. Обратимся, однако, к самому факту.

По свойству местных условий довольствие солдата от жителей приняло два вида: или полное, когда он получал от хозяина квартиры пищу и хлеб, отдавая за то свой провиант, служивший некоторым вознаграждением жителям за продовольствование ими войск, или солдат при собственном хлебе получал от хозяина один приварок, отдавая ему только казенную дачу крупы. По разным причинам вознаграждение это не всегда доходило до хозяев: часто они отказывались от него сами в пользу нижних чинов, когда были довольны стоянкой. Нередко пользовался этим, как рассказывают очевидцы, ротный командир, который, сделав известное угощение крестьянам или их сельским властям, склонял их уступить себе провиант бесплатно.

Деньги, вырученные за уступленный ротам провиант, служили довольно важной поддержкой ротных артелей и позволяли им при переходе на собственное продовольствие, или, как принято у нас говорить, «на котел», значительно улучшать пищу. Но это случилось не везде. В некоторых местах России войска постоянно квартировали в казармах, в других им приходилось продолжительное время быть в сборе, как, например, при содержании караулов в крепостях и карантинах. В таких случаях артели солдат, не получая со стороны никакой поддержки и составляясь только вычетами из жалованья, не могли долго удовлетворять своей цели. Между тем войска, несшие службу при подобных условиях, нуждались в соответственной их усиленным трудам питательной и здоровой пище. Некоторым же потребно было продовольствие, соответствующее особым неблагоприятным условиям местности,

* В 1857 году было предложение о вознаграждении обывателей за даваемое ими войскам продовольствие не провиантом в натуре, а деньгами. Встретив большие затруднения в применении к делу, предложение это не состоялось.

на которой они располагались. Поэтому возникла необходимость в продовольствии некоторых войск уже не из тех денег, которые для того отпускались солдату в числе его жалованья, а на счет особых расходов правительства. Так действительно и случилось.

Различными частными распоряжениями, последовавшими между 1808 и 1837 годами, значительной части войск начат отпуск особых от провиантского ведомства денег на мясную и винную порцию и на некоторые предметы продовольствия. Размер порций был неодинаков: от 2 до 1 фунта мяса и от 2 до 3 порций винных в неделю человеку. Некоторым войскам на черноморской береговой линии давалась еще «морская» провизия (то есть 0,5 фунта соленого мяса и одна винная порция в день, кроме того, определенное количество сухарей, масла, квасу и уксусу), а другим, например, стоявшим в Финляндии, отпускалась определенная сумма денег на улучшение их артелей.

Итак, солдат наш не везде одинаково получал средства для своего продовольствия. Это продолжалось до 1848 года, служащего началом заметного улучшения в материальном быте русского солдата: с этого года следуют одно за другим распоряжения об увеличении войскам средств продовольствия.

«Желая наступление 1848 года ознаменовать новым знаком особенно к войскам благоволения и постоянной о них заботливости, — государем было повелено 1 января того года: всем строевым и нестроевым нижним чинам, за исключением денщиков, состоящих в полевых войсках, отпускать по 20 фунтов соли в год на человека безденежно».

Вслед за тем 6 декабря 1849 года состоялся новый указ, на основании которого с 1 января 1850 года начался отпуск строевым нижним чинам всех вообще полевых войск еженедельно, кроме четырех постов, по пяти полуфунтовых порций мяса на человека, а квартировавшим в округах поселения кавалерии, гарнизонным войскам и всем вообще нестроевым нижним чинам, кроме денщиков, — вполтину. Тем же войскам, которые получали порционное довольствие больше этого размера, оно было сохранено.

Эти два распоряжения доставили войскам нашим возможность уменьшить вклады из жалованья на составление артелей. Хотя не на все дни в году назначалась нижним чинам мясная порция, но как деньги на мясо отпускались по «справочным» ценам, которые почти всегда выше действительных, то это обстоятельство сильно помогало войскам в их продовольствии. Особенно выгоден был отпуск денег для тех войск, которые находились в изобильных губерниях, где продовольствие при расположении в большую часть года на «просторных» квартирах было получаемо от жителей.

Благодаря этому обстоятельству во многих частях (особенно когда была возможность производить нижними чинами вольные

* По расчету числа дней в году, в которые мясные порции этим приказом не полагались, то есть в четыре поста, во все среды и пятницы, вышло, что войскам армейским вообще следует отпускать по 84 фунта мяса в год на каждого строевого и по 42 фунта на нестроевого солдата.

работы и часть вырученных за них денег обращать в артели) артельные суммы от неупотребления порционных денег возрастали до значительной цифры, доставляя возможность производить без всяких вычетов из жалованья солдата хорошее и полное продовольствие при вступлении его в менее благоприятные условия квартирования, когда круглый год приходилось довольствоваться из котла.

Но в то самое время, когда одни из русских войск, находясь в таких благоприятных условиях квартирования, получая постоянно деньги на соль и мясо, увеличивали артельные свои средства и тем обеспечивали свое продовольствие на будущее время, другие, расположенные на невыгодных местностях, чувствовали неудобства, сопряженные с неполным содержанием, получаемым от казны. Довольствуясь круглый год из котла, они не могли иметь тех средств, какие были приобретаемы другими войсками, следовательно, большей частью должны были довольствоваться на счет своего жалованья. Такое положение продолжалось до 1855 года, когда было дано начало новому способу довольствования войск.

«Государь император в неусыпной попечительности своей о благосостоянии армии, озабоченный чрезмерною болезненностью и смертностью в некоторых частях войск, особенно же расположенных в Царстве Польском и западных губерниях, изволил изыскивать средства к устранению, по возможности, тех причин, которые имеют преимущественно вредное влияние на здоровье солдата.

Внимание его величества обратилось на следующие два предмета:

1. Необходимость теплой одежды в холодное время года, как при передвижении войск, так и на квартирах в худых, сырых и неотопленных хижинах.

2. Улучшение пищи войск на обывательских квартирах в том крае, где хозяева домов по бедности своей сами едва в состоянии прокормиться, а тем менее могут снабжать солдата достаточным приварком*.

Тогда на продовольствие солдата в Царстве Польском и в западном крае начался отпуск (вместо производившихся прежде винных и мясных порций и соли) приварочных денег — по 5 копеек серебром в день на человека. Такое усиление продовольственных средств для нижних чинов сопровождалось особыми распоряжениями, столь замечательными и отчасти новыми в сравнении с существовавшими до того времени правилами, что мы считаем поучительным привести здесь некоторые из них: «По случаю довольствия нижних чинов и при роспуске их на широкие (зимние. — *Сост.*) квартиры в особых артелях, величина которых будет зависеть от числа

* Из отношения военного министра к генерал-фельдмаршалу 2 августа 1855 года за № 11399, которое по распоряжению высшего начальства приказано было тогда же прочитать всем нижним чинам.

дворов тех селений, в коих разместятся нижние чины, следует, чтобы в каждом десятке они сами выбирали себе честных и расторопных артельщиков, которые бы знали толк в приискании и покупке съестных продуктов и умели бы готовить из них пищу. В свободное от служебных обязанностей время все вообще люди каждого десятка должны участвовать в приискании и заготовлении себе съестных продуктов и приготовлении из них пищи. Расходование артельщиками приварочных денег должно быть в подробности известно каждому солдату, а потому ежедневно, при сборе к обеду, когда люди все находятся налицо, артельщики должны постоянно объявлять им, какие именно припасы и по каким ценам куплены и на какое время оных достанет. Также сколько ежедневно копеек будет выходить на всякого человека и сколько оставаться, дабы, смотря по остатку денег, люди могли увеличивать количество продуктов и улучшать тем пищу. Приварочные деньги раздавать ротному и другим артельщикам через каждые 10 дней. Ротные командиры не должны вмешиваться в расходование сих денег, а обязаны только наблюдать за верностью их расхода и чтоб нижние чины непременно имели хороший приварок. Так как теперь средства к продовольствию солдата увеличились, то предоставить собственному обсуждению нижних чинов, нужно ли продолжать определенный прежними правилами вычет по 8 фунтов с солдатского месячного пайка в съестную их артель».

Эти правила, впоследствии измененные, по словам очевидцев, в свое время вполне удовлетворяли цели.

Распоряжение о новом размере отпускаемых солдату средств продовольствия, вначале частное, было потом распространено на всю нашу армию.

С 1 января 1857 года всем войскам, расположенным в районе провиантского управления и интендантства 1-й армии, вместо порционных назначено производить приварочные деньги по трем категориям, как строевым, так и нестроевым нижним чинам, кроме денщиков, на каждого человека:

По первой категории в год — 12 р., а в день 3 $\frac{1}{3}$ к.

По второй — — — 10 р. — — — 2 $\frac{7}{9}$ к.

По третьей — — — 9 р. — — — 2 $\frac{1}{2}$ к.

Части России были причислены к категориям таким образом, что из местностей, о которых по преимуществу мы будем говорить, Царство Польское принадлежало к первой, а западные губернии — ко второй. Размер отпуска денег по категориям остался без изменения до настоящего времени, и это распоряжение, относившееся ко всем русским войскам, было последней общей мерой к улучшению продовольствия нашего солдата.

Проследив от Петра Великого до настоящего времени исторический ход развития даваемых русским войскам средств и заметив, что теперь солдат наш получает в общем гораздо более, чем когда-либо, рассмотрим, до какой степени войска наши обеспечены в своем продовольствии даваемыми им ныне от казны средствами.

Войскам постоянно отпускаются на продовольствие деньги, которые выдаются ежемесячно в роты по наличному числу людей. Между тем солдат не всегда имеет надобность в этих деньгах собственно для своего продовольствия: почти 10 месяцев в году он преимущественно расположен по широким обывательским квартирам, где и получает продовольствие от жителей, разумеется, весьма разнообразное, зависящее от степени благосостояния самих хозяев квартир. При настоящем способе квартирования казенное продовольствие солдату необходимо только или во время летних сборов, или при содержании караулов в городах и крепостях (причем войска обыкновенно сменяются в определенные сроки), или, наконец, когда солдат квартирует в таких местах, где жители по бедности своей продовольствовать его не в состоянии.

Вообще в большую часть года и большей части наших войск из отпускаемых на продовольствие солдата денег образуется экономия, которая при благоприятных условиях достигает иногда значительного размера. Но если, наоборот, случится, что войска должны целый год или более довольствоваться одними получаемыми от казны деньгами, то их оказывается недостаточно. Две главные тому причины: во-первых, иной раз не всегда и не везде размер «категорических» денег соответствует постепенному в настоящее время увеличению и зависящему от весьма многих причин непостоянству ценности предметов первой необходимости. Во-вторых, войскам необходимо делать расходы, кроме продовольствия, и на некоторые другие предметы, к нему же относящиеся.

Первое замечание подтверждается прежде всего тем, что почти при самом начале введения «категорических» денег в западной России и в Царстве Польском они оказались недостаточными, а потому вскоре (в 1858 году) сделана к ним прибавка, сначала по $\frac{5}{9}$ копейки в день на человека, а затем еще по $1\frac{1}{9}$ копейки серебром. Правда, эти прибавочные деньги не постоянно отпускались войскам — войска требуют от провиантского ведомства приварочные деньги по соответствующим их месту стоянки категориям, — но с 1858 года разрешено издерживать на продовольствие солдата более, чем определено категориями, именно $3\frac{8}{9}$ копейки в западных губерниях. Недостаток противу «категорических» денег пополняется или сбережением их во время продовольствия войск от жителей, или особо назначаемым пособием целой части, например полку, в том случае, когда сбережение по представляемым ежемесячно отчетам окажется истощенным.

Необходимо заметить, что как при введении в 1855 году нового размера средств для продовольствия солдата были установлены особые правила, так случилось и при последнем усилении «категорических» денег. В это время в некоторых войсках были установлены следующие правила: «... чтобы пища для тех частей войск, которые довольствуются из котла, непременно была всегда приготавливаема хорошая и по уставной

раскладке (в которой с подробностью обозначено, какое количество и каких именно продуктов должно быть употреблено для известного числа людей), без всякого изменения рода и количества продуктов, и постоянно с полуфунтом хорошего мяса на человека пять раз в неделю в скоромные дни; в постные же — со свежей рыбой, где ее можно достать, или с сельдями, сметками и постным маслом. Расход по продовольствию покрывать одними приварочными деньгами и вновь назначенным пособием в увеличенном размере, то есть всего по $3\frac{8}{9}$ копейки на человека в день». При этом было требуется исполнять еще два условия: передержанные на продовольствие солдат противу определенных деньги записывать обратно на приход по книгам и чтобы ближайшее начальство, указав удобные для дешевой покупки места, заставляло купленные продукты перевозить на подъемных лошадях в расположенные роты.

Такие требования, имевшие целью возможное удешевление и улучшение пищи нижних чинов, довольствовавшихся из котла, были не вполне приемлемы к делу. Не говоря уже о возможности или невозможности исполнения последнего требования, заметим, что трудно согласить два условия, часто противоречащие друг другу: не выходить из известной стоимости продовольствия, а между тем доставлять определенных размера и качества пищу солдату ежедневно. Последствием было, что часто ротные командиры, обязанные отвечать за продовольствие солдат и отдавать отчет в израсходованных деньгах, вышедшие из нормы стоимости продовольствия и принужденные в таких случаях записывать обратно на приход передержанные деньги, прибегали к различным уловкам, не всегда благовидным, имевшим различные последствия.

Другое явление от условия не выходить из определенной стоимости продовольствия было то, что в постные дни пищу стали приготавливать постной только по названию, а не по свойству употребляемых для нее продуктов. Так как рыбу в некоторых местах приобретать было затруднительно, а иногда и совершенно невозможно, особенно за дешевую цену, то и вошло кое-где в обыкновение, теперь уже, кажется, измененное, приготавливать ее без масла, но постоянно с салом, вроде того, как это делается для ужина в скоромные дни. Наконец, соблюдение условий раскладки в некоторых частях само собою почти уничтожилось, и пища обыкновенно приготавливается теперь, по выражению нижних чинов, по деньгам, то есть назначенные раскладкою продукты приобретаются не в том количестве, как ею определено, а соображаясь с размером отпускаемых на продовольствие денег.

Одновременно с такими мерами принимались и другие, более удобоисполнимые, для возможного удешевления продовольствия нижних чинов: введено употребление сушеной капусты, приготовленной особым способом и отпускаемой из магазинов по довольно дешевой цене, обращено внимание на заведение войсковых огоро-

дов, что, впрочем, в весьма немногих местах возможно*. Несмотря, однако, на эти меры, стоимость суточного продовольствия солдата, превышая в некоторых местах даже определенные в 1858 году 3 $\frac{8}{9}$ копейки в день на человека, во многих и теперь выше нормы «категорических» денег. Таково, по крайней мере, положение дел в тех войсках, которые квартируют в Царстве Польском и в западных губерниях, — в последних еще менее, чем в первом.

Деньги отпускаются на 360 дней в году, то есть считая каждый месяц по 30 дней, значит, в течение пяти или шести дней в году солдат должен получать приварок за счет экономии от остальных, которой при постоянном довольствии его из котла, как мы уже видели, не бывает. Такой порядок требования приварочных денег согласуется с правилами, установленными для отпуска провианта.

Провиант дается тоже только на 360 дней в год, и хотя таким образом на 5—6 дней в году солдату не отпускается провиант, но он всегда может получить определенное количество хлеба, потому что образующийся при приготовлении из муки хлеба припек не только вполне обеспечивает законную дачу трех фунтов хлеба в день, но даже всегда и за этим доставляет излишек, идущий в ротач на приправку пищи, на приготовление квасу, а в иных случаях по продаже остатка за всеми расходами и на увеличение средств к приобретению приварка. Если таким образом в отпуске солдату количестве провианта он всегда находит полное обеспечение себя хлебом, то нельзя сказать того о порционных деньгах. Если б даже (как и бывает в некоторых местах) отпускаемых солдату денег и было достаточно на ежедневный приварок, то все-таки пять или шесть дней в году он должен расходовать деньги из каких-нибудь особых сумм, если не из жалованья своего.

Очевидно, что при существующих у нас правилах продовольствия войск от жителей имеет огромное значение. Кроме возможности довольствоваться при переходе на котел, на одни «кате-

* Сушеную или, лучше сказать, прессованную капусту, отпуск которой начался еще в 1857 году, солдаты употребляли весьма неохотно, потому что она не заключала в себе достаточной кислоты и притом соощала какой-то мутный цвет пище, не доставляла ей густоты, к которой солдат наш привык, а потому войска старались по возможности уклоняться от ее получения.

Что же касается заведения войсковых огородов, то они были бы весьма полезны. При постоянной стоянке войск на одних местах, как, например, находящихся на Кавказе, батальонов внутренней стражи и других, огороды много помогают удешевлению продовольствия солдат: они способствуют тому, что отпускаемых на приварок денег не только вполне достаточно, но от них бывает постоянно остаток. Но заведение огородов в войсках, нередко меняющих места квартирования, сопряжено с большими затруднениями и неудобствами.

** Из сказанного о провианте мы видели, что хлебная дача нашему солдату определена в таких значительных размерах, что только исключительные личности могут находить ее для себя недостаточной. Те солдаты, которым мало в день 3 фунтов, составляют большую редкость. Но если дачи хлеба всегда достаточно солдату, то нельзя не заметить, что он при переходе на сухари чувствует себя не вполне удовлетворенным определенным размером: 1 $\frac{3}{4}$ фунта сухарей, полагающихся в известное время солдату вместо дневной порции хлеба, получают из

рические» деньги и происходящую от них экономию, во время стоянки по обывательским квартирам это обстоятельство доставляет еще и ту выгоду, что солдат, продовольствующийся от жителей, имеет возможность более разнообразить свою пищу — условие весьма важное в смысле гигиеническом.

Но, с другой стороны, продовольствие от жителей, составляющее особый для них налог, кроме платимых ими податей, не везде одинаково, а в некоторых местах несравненно ниже получаемого солдатом продовольствия из котла, особенно весной, когда зимние запасы начинают истощаться. В Литве, например, в это время года полезно переводить войска на котел, потому что пища крестьян состоит тогда из одной капусты и ничем не приправленного крупника. Между тем в этом крае за такое продовольствие приходится некоторое время платить деньги. В 1859 году здесь по неизвестным причинам распространился между местными жителями слух, что войскам хозяева их квартир не должны давать приварка и что солдат обязан непременно довольствоваться тем только, что он получает от казны. После различных разъяснений дела вошли в прежний порядок, но в течение некоторого времени стоявшие там войска платили своим хозяевам «категорические» деньги, довольствуясь все-таки тем же, часто скудным приварком, какой жители употребляли сами. Заметим еще, что эта плата производилась по преимуществу и почти единственно теми частями войск, которые квартировали у помещичьих крестьян.

Переход от хозяйского приварка на собственное продовольствие всегда сопровождался особыми явлениями. Стоя на широких квартирах и не нуждаясь в приварочных деньгах, войска составляют из них экономию, достигающую иногда весьма значительных размеров. При продолжительном же нахождении нижних чинов на котле роты вследствие известных уже нам причин не только уничтожают свою экономию, но часто входят в большие долги, для покрытия которых нужно опять немалое время пробыть на хозяйском приварке, а также принимать особые меры, как, например, производить вычет из жалованья

3 фунтов печеного хлеба и соответствующему этому количеству по своей питательности. Но как желудок до перемены привычки и сообразно прежней требует известной массы пищи, не доставляемой сухарями в таком размере, как положенною дачею хлеба, то на первое время до приобретения новой привычки довольствующийся сухарями солдат, особенно неопытный, часто находит дачу их недостаточной. В некоторых войсках существует даже особый термин для обозначения этого обстоятельства. Словом «заедаться» нижние чины выражают, что определенное на четыре дня количество сухарей, которое они имеют при себе в походе, они уничтожают в меньшее время, особенно в начале сухарного довольствия.

Заметим еще, что солдат наш любит иметь пищу, доставляющую порядочную массу для желудка. Рассказывают, что при блокаде Карса в 1855 году, когда при находившихся там войсках бывало нередко большое количество рогатого скота, у отбиваемого, главнокомандующий предполагал давать нижним чинам известную прибавку мяса, с тем чтоб уменьшить дачу сухарей. Но солдаты просили скорее об обратном, то есть чтоб им уменьшили размер мясной порции, а увеличили бы дачу сухарей.

нижних чинов*. Но если подобная противоположность происходит от недостаточности размера приварочных денег, то следует прибавить, что есть еще другие причины того же явления: у солдат существуют особые расходы, к тому же продовольствию относящиеся.

Начнем с того, что в некоторые дни нижним чинам полагается довольствоваться улучшенной пищей: в Пасху, в полковой и ротный праздники, когда им дозволяется издерживать на нее втрое более обыкновенного. Такой расход допускается и при довольствии их от жителей. Далее, для приготовления пищи в ротах заведены особые, так называемые артельные котлы, приобретение и лужение которых лежит на средствах артели же**. Наконец, покупка и корм лошади, возящей котел и съестные припасы, приобретение, ремонт и вообще содержание в исправности артельной телеги и различных для езды принадлежностей.

Все это вместе, составляя постоянный или в некоторых случаях временный расход, требует особой, часто довольно значительной на каждую роту суммы денег в год. Чтобы иметь приблизительное понятие о величине расхода, возьмем для примера какую-либо роту и проследим по отчетам ее расходы на означенные предметы, включая сюда и довольствие войск в течение тех пяти-шести дней в году, в которые приварочных денег солдату не отпускается. Мы увидим следующие расходы на год:

На довольствие роты в течение означенных пяти дней — 40 рублей 40½ копейки.

На Пасху, полковой и ротный праздники — 49 рублей 7¾ копейки.

На корм лошади и ее ковку — 10 рублей 68 копеек.

На содержание конской сбруи и коломазь — 7 рублей 20 копеек.

На полуду котлов, исключая той, которая производится раз в год полком, — 12 рублей.

Итого 217 рублей 36 ¼ копейки.

* До какой степени могут возрастать долги войск при несоответствии отпускаемых на продовольствие денег с действительными ценами на продукты, можно указать на 13-ю пехотную дивизию во время ее нахождения в последнюю войну за Кавказом, где «категорические» деньги введены гораздо раньше, чем в других русских войсках. Эта дивизия, бывшая перед тем в Крыму, благодаря разным благоприятным обстоятельствам имела в полках значительные суммы. Но когда она в течение трехлетнего нахождения в Закавказье должна была довольствоваться одними «категорическими» деньгами, оказавшимися недостаточными по случаю возвышения во время войны цен на все предметы, не имея притом тех хозяйственных удобств, которыми обладают собственно кавказские войска, то перед походом на Кавказскую линию в 1856 году некоторые полки этой дивизии, истощив совершенно артельные средства, имели, кроме того, до 10 000 рублей серебром долга в полковые суммы. Долг этот был пополнен по особому распоряжению бывшего кавказского наместника генерала Муравьева.

** В войсках для приготовления пищи нижним чинам заведены казной особые медные котлы, число которых в пехотном полку по военному времени полагается 249, но они употребляются только в таком случае, если войскам дозволяется иметь артельных лошадей. А как котлы эти, называемые в войсках десяточными, употребляются, следовательно, очень редко, между тем ремонт на них отпускается ежегодно, то в некоторых войсках наших по частным распоряжениям главных начальников приказано: на счет этого ремонта раз в год лудить артельные ротные котлы.

Заметим, что мы рассматриваем здесь расходы, только прямо или косвенно к продовольствию относящиеся, не говоря о тех, которые ротам приходится делать также на свой счет для других предметов, к ротному хозяйству относящихся, и о которых мы будем иметь еще случай упомянуть ниже.

Итак, годовой расход рот на продовольствие простирается до довольно значительной суммы. Этот расход можно назвать более или менее постоянным, но по разным случаям ротам приходится на те же предметы издерживать гораздо более: павшая ротная лошадь, перегоревший от долгого употребления и потому пришедший в негодность котел, ломавшаяся телега и проч. — все это вместе или порознь заставляет увеличивать ротные расходы. Мы знаем пример, что в одной роте в течение года пали две артельные лошади и что покупка новых обошлась роте в 180 рублей.

Все изложенное нами выше приводит к заключению, что солдату необходимо кроме составления артели на продовольствие свое собственное увеличивать сумму и для других нужд своих. Это так и существует в действительности, только сама сумма, на все эти предметы различным образом составленная, получила название другое: в 1-й армии она именуется экономическою, а в других — харчевою, съестною. Собственно говоря, сумма эта та же самая, которая под именем артельной существовала в войсках с давнего времени. Изменение в названии ее произошло тогда, когда на правильность ее организации было обращено особенное внимание и когда в нее стали поступать значительные суммы, составляемые экономией от отпускаемых солдату средств для его продовольствия при расположении на широких квартирах.

Экономическая сумма не составляет частной собственности, а считается общей принадлежностью роты или команды, так что только они могут называть ее своей собственностью, но ни один из чинов роты или команды лично права на выдел из нее не имеет, даже при выбытии из них. Сумма эта предназначается на два главных предмета: на продовольствие солдат и на расходы по всем тем предметам, содержание которых лежит на их обязанности.

Источники, из которых составляется экономическая сумма, в главных чертах следующие: 1) деньги, получаемые на продовольствие по категориям и добавляемые на основании сказанного выше по особым распоряжениям; 2) деньги, выручаемые от продажи провианта или уступаемого по добротству жителей, у которых нижние чины при квартировании находятся на полном довольствии, или сберегаемого при вольных работах, когда солдаты получают все содержание во время работы от хозяев, или, наконец, остающегося от припека; 3) деньги, платимые за производство нижними чинами государственных работ; 4) часть денег, выручаемых за вольнонаемные работы, на основании особых правил, а также тех, которые жалуются за парады, смотры и пр.; 5) артельные и собственные деньги убитых и умерших, если они не будут потребованы родственниками покойных, взятых в плен, без вести пропавших, а также бежавших. Последним артельные деньги не

возвращаются при их поимке; 6) в крайних случаях умеренные вычеты из жалованья нижних чинов по собственному их приговору. Наконец, 7) в исключительных, редких случаях отчисление части артельных денег также по приговору.

Главнейшие расходы, дозволяемые по правилам в экономические суммы: 1) на продовольствие нижних чинов; 2) на Пасху, ротный и полковой праздники; 3) на покупку и содержание артельных котлов, повозок, лошадей и сбруи; 4) на наем вольных подвод, если нужно облегчить в походе солдат от вещей, которые им положено иметь на себе, или под такие вещи, которые иметь дозволено, а между тем они не могут быть перевозимы на одних артельных лошадях: вес этих вещей на роту ограничен правилами; 5) на содержание ротной канцелярии — не более одного рубля в месяц; 6) священнику за проповедь; 7) снабжение нижних чинов, переводимых на дальнее расстояние, особой одеждой и обувью, смотря по времени года.

Во главе ротной хозяйственной администрации стоит ротный командир, назначаемый командиром полка и утверждаемый в должности начальником дивизии. Он заведует всеми предметами ротного хозяйства, начиная с амуниции и обмундирования нижних чинов до всего к ротному хозяйству относящегося; он отвечает за продовольствие роты и за все расходы, из ротных сумм делаемые. Он в буквальном смысле полный ротный хозяин. В помощь ему назначаются фельдфебель и каптенармус. Первый наблюдает вообще за действиями всех нижних чинов, распоряжающихся хозяйством роты, а второй есть приемщик и расходчик мундирных, амуниционных, годовых и оружейных вещей, а также провианта и дров.

Кроме этих двух лиц в роте распоряжения по хозяйству лежат на четырех отдельных (капральных) унтер-офицерах и таких же ефрейторах, которые хранят мундирные и амуниционные вещи капральства, не находящиеся в руках у нижних чинов. Все распоряжения начальства приводятся в исполнение при совокупном действии означенных чинов под главным надзором ротного командира, на обязанности которого лежит также выбор кашевара (повара), хлебопеков и конюха из нижних чинов, вполне соответствующих такому назначению.

* Мы говорили выше, что экономическая сумма — та же артельная, которая всегда в войсках наших существовала для обеспечения рот в продовольствии. Теперь скажем, что с переименованием ее в экономическую название артельной (едва ли правильно) осталось за той суммой, которая составляется у каждого солдата отдельно вычетами из его жалованья, что обязательно продолжать до тех пор, пока у солдата не составит 7 рублей 15 копеек. Эта сумма — собственная артель — предназначается на два главных предмета: чтобы доставить по возможности солдату при выходе его в отставку и бессрочный отпуск средства для путевых издержек до избранного им места жительства и на первоначальное обустройство и на пособие ему в экстренных случаях, например на издержки для присоединения своего семейства. В исключительных же случаях, когда все экономические средства истощены, часть денег отчисляется в экономическую сумму, пример чему едва ли может встретиться в настоящее время.

Независимо от распоряжений командира и участия означенных выше лиц военной администрации, назначаемых собственно начальством, некоторые распоряжения по ротному хозяйству представляются в армии решению (в определенных границах) целой роты, выражаемому в сходках, по приговорам. Для составления приговоров капральства избирают половинное число всех наличных унтер-офицеров и не менее 12 старослуживых солдат, к которым присоединяются фельдфебель и каптенармус. Составляемая таким образом сходка собирается не иначе как по приказанию ротного командира раз или два раза в месяц и рассуждает о предметах, которые предложены будут ротным командиром и которые обыкновенно относятся до покупки новой лошади, перемены котла, расходов по продовольствию, определения размеров вычетов из жалованья в собственную артель и в экономическую сумму.

Самовольные сходки строго запрещены. Замеченных в «пусторечии» во время сходок нижних чинов выбирать на будущее время на сходки не дозволяется. Приговоры записываются в особый журнал за подписью грамотных нижних чинов, участвовавших в сходке. Бывшие при составлении приговора нижние чины объявляют потом своим товарищам, что ими постановлено. Таковы основания относительно сходок и приговоров, определенные «Сводом правил о хозяйстве», но в войсках наших случаются изменения против этого. При нахождении нижних чинов на широких квартирах часто бывает, что приговоры составляются при собрании по какому-либо случаю на ротный двор целой роты, и тогда все нижние чины принимают участие в приговоре. При выборе же ротного артельщика и ротного хозяина это делается постоянно.

Рассуждая на сходке об указанных предметах своего хозяйства, рота имеет право избрать из своей среды некоторых лиц ротной хозяйственной администрации, а именно пятерых артельщиков: одного ротного и четырех отдельных и так называемого ротного хозяина. Обязанности этих лиц следующие, по крайней мере в войсках 1-й армии. Ротный хозяин заведует единственно продовольствием роты. Получая на то от ротного командира деньги, он обязан при содействии отдельных артельщиков закупать продукты и выдавать их кашевару, отчасти наблюдать и за приготовлением самой пищи. Он же выдает приварочные деньги на руки тем нижним чинам, которые продовольствуются по какому-либо случаю отдельно от роты: женатым, отделяемым на непродолжительное время от роты без прикомандирования на довольствие к какой-либо другой части, например при посылках из роты по делам службы в полковой или батальонный штаб и проч.

По своей обязанности хозяин имеет много дела во время продовольствия роты из котла, при расположении же по широким квартирам на хозяйском приварке обязанность его ограничивается ведением расчетов с теми нижними чинами, которые, как замечено

выше, получают приварочные деньги на руки. Ротный артельщик есть приемщик, хранитель и расходчик денег, выдаваемых ротным командиром на разные другие, кроме продовольствия, надобности ротного хозяйства: на его обязанности лежит снабжение всем необходимым ротной канцелярии, содержание лошади,ковка ее, ремонтирование сбруи и прочее. Часто он заведует и ротным образом, похоронами нижних чинов. Он должен также в точности знать состояние сумм собственной артели в роте. В некоторых ротах, однако ж, ротных хозяев не бывает, и тогда на ротного артельщика возлагается обязанность и хозяина роты. За это он освобождается от других обязанностей, передаваемых одному из отделенных артельщиков. Последние, должныствующие следить за состоянием собственной артели в отделениях и давать в том отчет своим товарищам, с тем вместе служат (по назначению роты) помощниками ротного хозяина и артельщика, разделяя с ним ответственность в правильности его действий.

Все эти лица суть непременные члены ротных сходок, на приговоры которых они, естественно, имеют влияние как специалисты по всем отделам ротного хозяйства. Через них же по преимуществу объявляется роте состояние различных ротных сумм. Выбирая вышепоименованные лица, рота отвечает за них в случае растраты ими денег собственной артелью каждого солдата. Впрочем, случаи, чтоб они не оправдали выбора, редки, и весьма часто случается, что ротные артельщики и хозяева остаются в этом звании по нескольку лет^{**} и ставят себе в особенную честь, если рота довольна их действиями.

Такова хозяйственная администрация рот в нашей армии. Она представляет замечательную разницу с такою же в других регулярных армиях и даже в нашей гвардии. Главнейшее различие заключается в некоторых хозяйственных распоряжениях, делаемых по приговору. Это учреждение, занесенное в армию от нашего народа, вполне прекрасно и должно было бы представлять существенные гарантии благосостояния солдата, если б, как довольно справедливо замечает автор «Военного хозяйства», на сходки не были допускаемы фельдфебель и каптенармус — лица, с одной стороны, стесняющие свободу суждений своим влиянием на нижних чинов, а с другой стороны, не долженствовавшие бы участвовать в сходках потому, что они назначаются ротными командирами, а не избираются ротами по приговорам.

* Ротный образ — икона, принадлежащая роте. (Примеч. сост.)

** Г. Аничков говорит, что артельщик сменяется через 6 месяцев. Вероятно, правило это существует по преимуществу в гвардии. В армии же время, на которое артельщики выбираются, не определено. Да это и весьма основательно: необходимо предоставить усмотрению нижних чинов, когда выбрать нового артельщика, ибо за его действия отвечают только одни они.

Упомянув о том, что сходки рот с их приговорами составляют отличие русской армии от других, мы сказали также, что их нет и в гвардии нашей. Если такую разницу в отношении иностранных войск мы объясняем отчасти самыми особенностями русского народа, то несуществование в русской гвардии того, что есть в армии нашей, имеет свои причины. Вот как объяснено это на странице 516 «Военного хозяйства»: «В гвардии подобных сходок не существует, и приговоры их заменяются решением полкового и ротного командиров на том основании, что средства, предоставляемые гвардейским войскам, до такой степени обеспечивают все нужды солдата, что у нижних чинов не может явиться сомнения в незаконных действиях ротных хозяев, тогда как в армии, при недостаточности этих средств, необходимо привести каждого солдата к убеждению, что, по крайней мере, эти ограниченные средства употребляются полностью по своему назначению».

Подводя общий итог всего изложенного нами относительно продовольствия солдата, его артели-экономии и, наконец, ротной хозяйственной администрации с ее сходкой и приговором, мы придем к некоторым общим выводам о всех этих предметах.

Один из важнейших вопросов военной администрации — обеспечение солдата продовольствием — у нас для некоторых частей решен вполне удовлетворительно. Не говоря уже о хлебе, отпуск которого в русских войсках всегда имел размеры не только вполне достаточные, но даже с избытком, производство с 1857 года приварочных денег в значительной части русских войск совершенно достаточно для доставления солдату весьма хорошей и питательной пищи. Такой результат достигнут в особенности теми войсками, которые, находясь постоянно в одних и тех же местах квартирования, имеют хозяйственные заведения, как, например, огороды, дозволяющие много удешевлять стоимость продовольствия солдата. Расположение же армейских войск по широким квартирам с довольствием от жителей, хотя чрезвычайно разнокачественным по различию благосостояния их в разных местностях России, позволяет составить из отпускаемых казною приварочных денег большие в войсках сбережения, обеспечивающие на довольно продолжительное время средства их продовольствия при переходе на неблагоприятные условия квартирования, а также из тех же сбережений делать расходы на другие предметы солдатского хозяйства. Но как продовольствие от жителей для армейских войск, часто меняющих места квартирования, не везде возможно, то одни и те же части нередко находятся в совершенно противоположных условиях относительно своих артельных средств: переходя от хозяйского приварка на свой, они растрачивают быстро богатые свои сбережения и входят часто в долги, заставляющие прибегать к вычетам в артель-экономии из солдатского жалованья,

а иногда ведущие, как сказано выше, и к уменьшению собственной артели солдат.

До сих пор мы рассматривали солдатскую артель как средство к вернейшему обеспечению в войсках продовольствия, а также к содержанию и приобретению некоторых предметов, косвенно к продовольствию не относящихся. Если мы обратимся к исследованию этого второго предназначения артели солдат, то внимание наше преимущественно остановится на перевозке в случае похода собственных солдатских вещей. Но какие это собственные солдатские вещи, когда солдату все обмундирование отпускается от казны?

Стоя долго на одном месте, имея возможность заработать копейку, солдат уже не довольствуется так называемыми годовыми вещами, от казны ему отпускаемыми: он старается приобрести лишнюю пару белья, лишнюю пару сапог, что невозможно уже при походе вложить в свой ранец. Вот первоначальный и естественный способ составления нижними чинами собственных вещей. Кроме того, у нас во всей армии есть так называемые вторые и третьи мундиры, которые также относятся к собственным солдатским вещам. Это последнее обстоятельство заставляет нас обратиться к рассмотрению обмундирования русского солдата.

Выше мы видели, что в прежнее время почти половина отпускаемого нижним чинам жалованья шла на заведение различных предметов обмундирования. Со второй половины прошлого столетия такой порядок отменен, и солдат стал, как и ныне, получать мундирную одежду, не платя за то ничего из своего денежного жалованья, которое, таким образом, все должно идти на собственные нужды его.

Срок службы мундирной одежды несколько раз изменялся, как менялась и сама ее форма. В настоящее время солдату из главных предметов одежды отпускаются: мундирная пара на два года и шинель на три. По большому удобству носки последней она составляет для нижних чинов самую важную часть обмундирования. В большей части России один мундир, без шинели, может быть употребляем только небольшое время года: 4—5 летних месяцев, в остальную часть года солдату приходится по необходимости быть постоянно в шинели. А в походе даже и летом нижние чины предпочитают шинель мундиру, потому что она по более свободному покрою менее стесняет их движения, притом, будучи немногим тяжелее мундира, она доставляет им еще и выгоду большего предохранения от влияния перемен погоды.

По этим причинам шинель выслуживает, говоря вообще, свой срок с большим трудом, тогда как мундир, употребляемый реже, может проноситься более назначенных для него двух лет. Через это в продолжение некоторого времени нижним чинам предоставляется возможность при постоянном приготовлении им в определенный срок новых мундиров иметь не один уже только экземпляр этой одежды. Не говоря о том, до какой степени удобоисполнимо

уравнение сроков мундирной одежды увеличением их для мундира и уменьшением для шинели, посмотрим, какие последствия происходят от накопления у солдат мундиров в нескольких экземплярах.

Излишек мундиров прежде всего доставляет возможность щеголять ими на парадах и смотрах. На всякий смотр у нас нижние чины выводятся почти в совершенно новом одеянии, до того однообразном в степени его доброты, что кажется, будто вся часть только что получила мундиры из швальни. Между тем многим из них в то время уже оканчивается срок, и часто через четыре или пять месяцев после смотра солдат получает опять новый мундир. Для достижения такого результата необходимо, разумеется, условие, чтоб не дослужившие сроки мундиры не были выдаваемы на руки солдату для его домашней носки.

И действительно: мундиры эти постоянно хранятся в цейхгаузах, и за сбережением их имеется строгий надзор. В таком стремлении к сбережению мундира для большей представительности на парадах и смотрах имеется полная возможность, когда нижние чины заслужили уже два или три мундира. Если же случится, что в часть поступят несколько нижних чинов из рекрутов или возвращенных из продолжительных отпусков, когда они не имеют собственных мундиров, то приходилось бы им выдавать тотчас новую одежду для вседневной носки. Но в этом случае произойдет неприятное для глаз разнообразие в смотровом фронте: один солдат будет в совершенно новом платье, другой же явится в поношенном.

Такое неудобство устраняется тем, что нижние чины при поступлении на службу, не имея вторых мундиров для сохранения новых, сами стараются приобрести для домашнего обихода старые. Если по какому-либо случаю есть в роте выслужившие срок мундиры, например от умерших, то прибывающие снабжаются ими. Часто же, при неимении такого запаса, они приобретают их на собственный счет. Так как наружный вид солдата часто служит определением его исправности, то каждый из вновь поступающих на службу, желая приобрести между товарищами лестное название «исправного», торопится обзавестись вторым мундиром. При неимении денег и при отдаленном получении жалованья, отпросившись на работу, он всегда сумеет приобрести средства, чтоб сразу поставить себя в желаемое положение «исправного». Распорядившись же раз таким образом, солдат затем получает уже полную возможность благодаря условиям носки мундира заслужить третий, а иногда даже и четвертый мундир. Поэтому во всей нашей армии имеются непременно почти у всех нижних чинов три мундирные пары.

* Можно сказать почти безошибочно, что во всех частях, а в особенности в тех, которым отпускаются гимнастические рубашки, мундир может без труда проноситься три года, а потому назначение шинели двухгодичного срока будет выгодно для казны и вполне полезно для солдата.

Происходящие от того выгоды нами уже указаны. Но тот же предмет имеет и стороны невыгодные. Умалчивая о других, обратимся к главнейшим.

Для ношения в походе вещей у русского солдата есть одно средство — ранец, в который укладываются только самые необходимые предметы. Пока войска стоят на месте, излишние противу положенных законом вещей их не обременяют, но при назначении похода, хотя и недалекого, не желая бросать приобретенных запасов белья и сапог и обязанные иметь излишние мундиры, они должны сами позаботиться о мерах перевозки их за собой: казною на подобные расходы отпуска денег не полагается.

Поэтому солдату необходимо в этом случае прибегать к пособию артели. Мы уже видели, что существующими правилами об экономической сумме на этот предмет расход допускается в определенных размерах. Вначале он был ограничен: каждой роте полагалось перевозить 50 пудов собственных вещей, потом количество веса увеличено до 75 пудов. Но это ограничение не вполне согласно с действительной потребностью. Взявши домашний счет расхода в роте на перевозку или спросивши любого артельщика (на которых лежит обязанность приискания подвод для перевозки и все счета с подрядчиками), мы узнаем, что перевозить вещей приходится каждой роте от двух до четырех раз более определенного. При таких условиях перевозка собственных вещей при постоянно случающихся передвижениях армейских войск составляет для них весьма значительный расход, который естественно увеличивается, если частям часто приходится менять места своего квартирования. Различие в весе перевезенных вещей зависит преимущественно от того, были или не были построены нижними чинами новые мундиры. Различие же в плате за вес кроме расстояния разъясняется временем года и состоянием дороги, по которой перевозка производится.

В недавнее еще время исполнение означенных правил относительно перевозки было требуемо очень строго, и потому каждая рота выводила в расход из своей артели-экономии на перевозку вещей только по числу 75 пудов, пополняя остальные израсходованные на этот предмет деньги из жалованья нижних чинов. Иногда же, имея возможность быть на заработках, роты всю вырученную за то сумму нередко совсем не показывали в приход по книгам экономических сумм, а за отделением половины или третьей части денег на руки работавшим берегли остальную для могущих случиться расходов на перевозку. Составляемая таким образом сумма, не подлежащая, подобно прочим в роте, контролю начальства, получила для отличия от них особое название, весьма характеристичное: темной. В настоящее время по особым представлениям допускается иногда вывести в расход из артели-экономии на перевозку больше предназначенного правилами. Но по бывшим доселе примерам разрешение это не превосходило 150 пудов. А поэтому ротам приходится и теперь часть вещей перевозить за свой счет.

До сих пор мы говорили только о походах мирного времени для перемены мест квартирования войск. В случае же выступления в военный поход вещи эти уже не могут быть возимы за войсками, и тогда приходится оставлять их в складе, отделяя для присмотра за ними некоторое число воинских чинов, тогда как в это-то время солдат и нуждается в лишнем мундире и других излишних вещах своего обмундирования. При продолжительности такого похода оставленные в складах вещи приходят более или менее в негодность, а иногда, как было в прошлую войну*, войска по окончании военного похода идут совершенно не в те местности, в которых остались их склады. Тогда приходилось опять принимать меры, чтоб доставить вещи эти, долго и в самое нужное время не приносившие никакой пользы, в новые места квартирования. Таким образом выходит, что богатство нижних чинов излишними вещами не всегда приносит им пользу, а между тем перевозка обходится так дорого, что при слишком частых передвижениях она иногда превосходит стоимость перевозимых вещей.

Итак, мы видим, что перевозка собственных солдатских вещей падает на ту же артель-экономия, из которой производятся расходы по всем предметам, прямо или косвенно до продовольствия войск относящихся. Знаем также, что нижние чины ставятся иногда в необходимость составлять особые суммы артельным путем на ту же перевозку. Но есть еще и другие причины, оправдывающие то же явление.

Большую часть своей службы солдат вместо присвоенного ему роду оружия головного убора — каски, папахи, кивера — прикрывает в необходимых случаях свои уши от холода наушниками, большими и малыми. Эти два предмета солдатской одежды, а также набрюшник и рукавицы со времени постановлений по сему предмету императора Александра I должны быть приготовляемы из выслужившей срок мундирной одежды солдата**. В отношении набрюшника, а отчасти наушников и рукавиц правило это исполняется. Что же касается фуражки, то здесь дело принимало другой вид. Построить ее с цельным околышем из цветного сукна положительно нельзя из старых вещей: ни на одной из них нет куска нужной для околыша величины. Кроме того, по обычаю ввелось, что фуражкою как более других заметною частью мундирной одежды солдат щеголяет, поэтому она нигде и никогда из старых вещей не делалась, тем более что при соблюдении такого условия пришлось бы часть ее делать из сукна старого, а другую — из совершенно новых материалов. Это и повело к тому, что вообще постройка фуражек делается нижними чинами из собственности.

* Автор имеет в виду Крымскую войну 1853—1856 годов. (Примеч. сост.)

** Если не ошибаемся, в нашем законодательстве в первый раз о постройке фуражных шапок из выслужившей срок мундирной одежды упоминается в табелях 1812 года. Это правило удержано и в табели 1830 года и считается до настоящего времени основным с тем прибавлением, что на фуражные шапки для нижних чинов, вновь поступающих на службу и не имеющих при себе мундиров, отпускается единовременно 50 копеек ассигнациями.

А так как на подобный расход потребно по средней цене около 50 копеек, то обыкновенно он покрывается из солдатской негласной артели*.

Совокупность означенных нами двух расходов, по сознанию самих распорядителей, в прежнее время вела к тому, что при невозможности приобрести необходимые для того средства работами с солдат по собственному их согласию производился особый вычет из их жалованья. А при постоянном обязательном удержании определенной его части в артель-экономии и собственную артель случалось, что солдат вместо положенных ему 90 копеек серебром в треть жалованья получал всего только 5—10 копеек.

Мы коснулись двух важнейших предметов, заставляющих солдат делать расходы из других, кроме общей артели-экономии, источников. Но есть еще и другие, мелкие расходы, падающие на те источники. В числе их следует, между прочим, упомянуть о бане и о расходах на обучение чинов грамоте.

По существующим правилам только находящимся в Царстве Польском войскам отпускаются деньги на наем бань. Другим же дозволяется на тот же предмет делать расход из артели-экономии, но в весьма ограниченном размере: собственно для команд, при полковом штабе состоящих, определено 10 рублей серебром в месяц; для остальных же нижних чинов подобные издержки из того же источника допускаются только в особых случаях, например при сборах, содержании караулов, по испрашиваемым особо каждый раз разрешениям. Это правило основано на том, что при

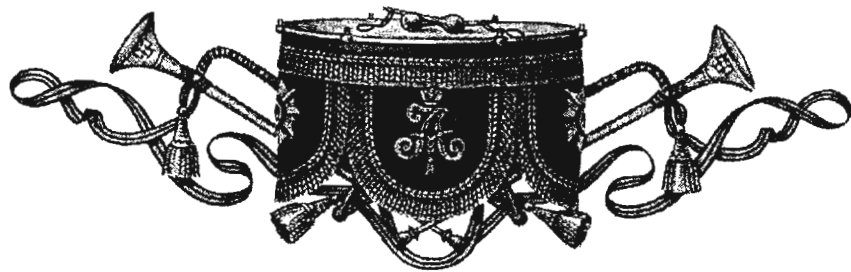
* Здесь будет уместно коснуться вопроса, нередко встречаемого в войсках: составляет ли выслужившая мундирная одежда собственность солдата? Прежними правилами вопрос этот решался положительно в пользу нижних чинов. В «Инструкции пехотного полка полковнику» по этому предмету говорится: «...по прошествии положенных сроков верхний и нижний мундир, то есть шляпа, кафтан, камзол, сапоги, штiblеты, башмаки, рубашки, чулки, манишки, галстуки ни от кого не отбирать; да и отставным, которые прослужат один год, при отставке все это отдавать, кроме пуговиц, которые отбирать должно, понеже оные бессрочно положены». В ныне же действующем законе, в «Уставе хозяйственном», сказано: «Мундирные и амуничные вещи по выслужении ими положенных сроков оставляются в распоряжении полков и команд. Из числа одежды, остающейся в распоряжении полков и команд, частным начальникам войск не возбраняется для соблюдения экономии в новой одежде приказывать нижним чинам употреблять ее в носку, но только ту, которая находится еще в исправном состоянии, не с дырами и разноцветными заплатами. Употребление же нижними чинами одежды совершенно ветхой, которая прослужила не только один, но даже два срока, допускать отнюдь не дозволяется». На основании этого последнего закона права те, которые говорят, что прослужившие срок мундиры составляют собственность полка, а не солдата. Но еще правее утверждающие, что подобные предметы составляют личную собственность нижних чинов: при установлении правила, чтоб из этой одежды строились фуражные шапки, наушники и пр., и при введении обычая делать последние на собственные деньги нижних чинов выходит, что солдат, сделав свой счет на эти предметы, вправе мундирную одежду, долженствующую послужить ему материалом для шитья тех вещей, но не употребленную на то, считать своей собственностью.

расположении войск по широким квартирам нижние чины могут пользоваться баней вместе с хозяевами своих квартир, что в большей части России при существовании в деревнях значительного числа подобных заведений совершенно возможно. Но иногда случается и обратное. В западном крае, в особенности же в Литве, почти нет обыкновения между жителей иметь в деревнях свои бани. И здесь солдат, привыкший к бане как к необходимости, устраивает ее себе сам, употребляя деньги из тех же источников, которые указаны выше.

Относительно средств для обучения нижних чинов грамоте заметим, что некоторым из наших войск отпускается на этот предмет по 5 рублей серебром в год на роту от казны. Вначале, при введении обучения нижних чинов грамоте, этих денег, может быть, было достаточно. Но потом, при развитии подобных занятий, отпускаемых денег оказалось мало для приобретения на целую роту необходимых материалов для обучения, в особенности письму.

Наконец, в числе всех подобных негласных расходов рот необходимо упомянуть об одном, не везде и не всегда делаемом: на перевозку провианта. Законом определено, что перевозка провианта на ротные дворы, если магазин отстоит от них менее 35 верст, должна производиться на казенных подъемных лошадях. Но это не всегда удобноисполнимо. Летом, при травяном довольствии лошадей, для подножного корма луга отводятся почти постоянно в одном месте, а между тем полк иногда раскинут на 150 верст. Зимой для большего удобства в приискании фуража лошади часто располагаются также в одном месте. При таких условиях перевозка ими провианта из магазина на ротные дворы, разумеется, чрезвычайно затруднительна. В большей части случаев провиант перевозится на обывательских подводах, которые иногда, вследствие расположения к нижним чинам жителей, даются даром. Чаще же всего за это приходится уплачивать деньги.

Из всего изложенного ясно видно, какое важное значение имеет солдатская артель и как нижние чины у нас при недопущении некоторых расходов из артели-экономии сами устраивают негласную артельную сумму для своих потребностей. Мы не могли разобрать в подробности всего до этого предмета относящегося, потому что разнообразие условий солдатских расходов зависит от весьма многих обстоятельств, не всегда поддающихся обобщению. Но и указанное достаточно для определения, что существующие правила и обычаи относительно ротного хозяйства не вполне удовлетворительны. Впрочем, все это более или менее уже осознано у нас, и не подлежит сомнению, что составленный в настоящее время по распоряжению правительства особый комитет для пересмотра табелей, штатов и других положений, относящихся до довольствия армейских войск, устранит те из указанных неудобств, которые ввелись временем и обычаями, вызванными необходимостью, и для которых теперь настает конец.

П. ЛЕНОВСКОЙ

ОЧЕРК ИЗ БЫТА ВОЙСК В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ*

Наблюдательный наш отряд был невелик. Он состоял всего из двух батальонов пехоты, двух эскадронов кавалерии, казачьего полка и нескольких орудий.

Окончилось лето, и наступила осень. Неподвижность наша не изменялась. Мы все ждали наступления неприятеля и уже привыкли верить, что ничего не дождемся. Близость осени обещала нам скорое появление снегов в горах, а потому, очевидно, наши ратные подвиги должны были ограничиться лишь несколькими фальшивыми тревогами, да и те представлялись уже в памяти нашей как дело прошлое, хотя еще и не очень давнее. Пришло повеление главнокомандующего готовиться к зимовью «на позиции», приказано было строить для солдат землянки.

Жизнь в пустыне, как и вообще уединение, делает нас впечатлительнее. Возвращение посланного в город за письмами, появление нового лица, случайно ли проезжего или нарочно присланного офицера с какими-нибудь приказаниями уже составляет событие и собирает с разных сторон кружок любопытных. Неудивительно после этого, что, простояв уже более полугода в горном ущелье, все мы были немало заинтересованы ожиданием в отряде нового, еще не виданного нами войска, о котором понятие могли иметь только из рассказов наших отцов да из картин Отечественной войны 1812 года. Дружина О...го ополчения должна была сменить регулярную пехоту и расположиться на позиции, по соседству с нами. Ожидания были недолги, и вскоре медный крест на шапке ратника поселился возле чалмы на каменных памятниках татарских гробниц.

С жадным любопытством, быть может, и с радостным трепетом в сердце толпились солдаты наши у проезжей дороги, и видно было, с каким умилением смотрели они на родимую бородку, на серый, почти крестьянский кафтан и большие юфтевые сапоги, когда проходили мимо них запыленные ряды ратников после дальнего похода. Вид этих воинов-новобранцев невольно привлекал

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1859. Т. VI. С. 461—498. (Примеч. сост.)

каждого. Он каждому напоминал что-то близкое: и родную избу, и зиму с снежными сугробами, и православный свой приход с деревянною церковью, и красную, как маков цвет, хозяйку белолику-круглолику, и много-много, от чего уже так давно отстал солдатик наш и что покинул он вдали, пространствовав два года по княжествам Дунайским, по магазинам Бессарабии да по степному раздолью под Евпаторией. Нельзя было не заметить, какое живое чувство говорило в глазах каждого из наших воинов пустыни. «Здорово, земляки! Далека ли путь-дорога? Счастлива ль отбыли поход?» — «Поход-то нелегак да благо к концу. Идем на битву за царя, за веру, за Русь святую!» — то и дело слышались ответы из рядов.

Дружины разделились, и роты разошлись по разным постам и ущельям.

Был близок уже октябрь, и хотя среди дня воздух тепел был, как летом, но по утрам появлялся уже иней на деревянных мостиках дороги да кой-где иногда кристальные блески на поверхности воды. Поэтому не без удивления смотрел я на белое исподнее платье ратников, а впрочем, полагал, что в ранцах или же на подводах, во всяком случае, у них должно быть и суконное. Не любит наш простолудин в сукно рядиться спозаранку, и нередко даже в трескучий мороз можно увидеть солдата в его любимых китайчатых шароварах полинялого синего или голубого цвета преспокойно отбывающим обыденные домашние работы. Одна рота ратников направилась по горе и наверху, верстах в трех от нашего зимовья, заняла землянки на очень живописном месте, в виду синееющего вдали моря, построенные их предшественниками, пехотными солдатами.

Землянки эти были мне очень хорошо знакомы. Чтобы дать о них понятие, начну я с офицерской землянки, например, хоть ротного командира, после которой о солдатской речь будет очень коротка. Давно известно, что пехотный солдат более всякого другого ловок и изобретателен в доставлении себе и начальнику своему возможного удобства на бивуаке. Лишь только где-нибудь, хоть в самом пустом месте, расположилась пехота на неделю-другую, тотчас появляется жаркая баня русская. И каких выдумок вы тут не увидите! То является она вроде гнезда или норки какого-нибудь зверька подземного, то представляет собою целый курган земляной, то лепится где-нибудь к обрыву горы или крутого берега из камней, дерну и т.д. и всегда заключает в себе не без искусства сложенную печку-каменку, подчас из простого булыжника или плитняка, занимающую всегда около половины далеко не огромного пространства бани. Густой белый пар, вырывающийся из этой наскоро сложенной отряды русского человека всякий раз, когда откроется крошечная дверь, да раскрасневшиеся от жару лица солдат свидетельствуют вам о «благополучии» бивуачного отдыха.

Такие опытные строители, разумеется, не затруднятся устроить около своих землянок и жилье для их капитана со всевозможною роскошью, особенно когда под рукой есть кустарники и лес и когда

приказом главнокомандующего разрешено пользоваться ими для построек. Землянка капитана Б. была врыта в землю и огорожена плетнем до половины ее высоты (в рост человека) и состояла из двух отделений: одно при входе, теплый «присенок», в то же время кухня и спальня для денщика капитанского; за ней — другое, около сажени в ширину и сажени полторы в длину — комната самого капитана. Верхняя половина стен состояла из трех-четырёх венцов букового леса, только что срубленного с пня, очень порядно обтесанного с внутренней стороны и со свойственным нашему простолюдину умением исправно прирубленного «в спой», с прокладкою даже мелким горным сеном за неимением мха. Потолок был сложен из того же бука, смазан глиною и покрыт землею на два ската. Маленькое окошко в одно стекло, привезенное артельщиком из Симферополя, достаточно освещало эту комнатку, а нагревалась она тою же самою печкою из глины и булыжника, в которой готовилось кушанье.

К началу осени, когда, впрочем, наступили уже длинные холодные вечера и по ночам появлялись в горах морозы, а по временам мочило и порядочным ливнем, мне случилось заезжать к гостеприимному капитану Б. Тут ознакомился я с его маленькой землянкой на вершине горного перевала, и всякий раз промеж неумолкаемой беседы о новостях с северной стороны Севастополя (южная уже была очищена), о приключениях под Евпаторией или на правом фланге горной позиции нашей, о похождениях разных героев Симферополя, этой столицы госпиталей, подвижных магазинов, провиантских и других складов, мы не могли нахвалиться уютностью и удобством незатейливой, как описано, квартиры капитана, в которой железная складная тульская кровать, складной табурет и столик, сделанный из половинки какого-то ставня, ни разу не дали права вспомнить о недостатке мебели.

Солдатские землянки были построены в ряд, каждая на пятнадцать или двадцать человек; углублены они в землю были несколько более капитанской, поверх земли в них не было бревенчатого сруба, и вместо потолка они просто-напросто покрыты были двускатными крышами из колосьев и хвороста, смазанными сверху глиной и засыпанными землей. Дверь из плетня на хворостинных петлях заменяла в то же время и окно для всей землянки. Вдоль обеих продольных стен устроены были нары из мелкого дровяного леса, а в противоположном от двери конце землянки врезана в откос земли скорodelьная маленькая печь из глины и камней, которая, разумеется, скорее могла служить бы камином, нежели в самом деле печью.

Быт солдат роты капитана Б. точно так же, как и большей части нашего отряда, вообще был очень недурен, несмотря на стоянку в дурном месте и на все ожидавшиеся сначала неудобства и лишения военного времени.

Скажем, кстати, несколько слов о тогдашних средствах к продовольствию солдат в Крыму. По положению, составленному кня-

зем М.Д. Горчаковым для своей крымской армии, строевой солдат получал в день: обыкновенную дачу хлеба, то есть 3 фунта печеного, когда была возможность его печь, или $1\frac{3}{4}$ фунта сухарей; $\frac{1}{4}$ фунта крупы ($1\frac{1}{2}$ гарнца в месяц); $\frac{3}{4}$ фунта мяса; около 6 золотников соли (20 фунтов в год), чарку пенного вина; $1\frac{1}{2}$ чарки уксуса на неделю и $7\frac{1}{2}$ золотника перцу в месяц. Все это, кроме хлеба и крупы, было отпускаемо в войска деньгами по справочным ценам, совершенно достаточным. Так, например, на 1 пуд говядины отпускалось нам в горном отряде по 2 рубля 60 копеек серебром, и за эту цену, а нередко и гораздо дешевле, получали мы говядину у татар. Осенью, в особенности когда вздоржало сено, они сами приводили к нам своих маленьких быков на продажу; брали за них обыкновенно около 15 рублей за штуку, и так как мяса получалось от 7 до 8 пудов, то 1 пуд, следовательно, обходился около 2 рублей серебром. Остающиеся затем 50—60 копеек серебром с пуда можно было обращать то на прикупку крупы для крутой каши к обеду, то на покупку капусты или чрезвычайно крепкого крымского хрену, этих могучих противников цинготной и других болезней между солдатами.

Стоит упомянуть, какой хороший способ указали сами солдаты сохранять запас сырой говядины на два-три дня в жаркое время, то есть в июне и в июле месяцах, когда всякая живность в один день уже начинает портиться. Говядину опускали на $\frac{1}{2}$ часа в соленую воду и потом развешивали ее кусками в нарочно выкопанных ямах, которые сверху закрывали поленьями и землей. Способ этот оказался вполне удовлетворителен.

Мы говорили о покупке живого скота на убой. От него в артелях остаются шкуры, материал если не совершенно бесполезный, то и не приносящий большой выгоды для артели, потому что, если собрать их за целый месяц и послать в город для продажи, то в то время можно было выручить для артели не более одного рубля серебром со штуки. Однако добрые люди навели нас на мысль, которую при благоприятных обстоятельствах мы и впрямь удалось исполнить. Надо прежде сказать, что на стоянках в каменистых горах у солдат неизменно страдает обувь, и двух пар менистых горак у солдат неизменно страдает обувь, и двух пар (в кавалерии) получаемых ими сапог едва хватает в таком случае на половину срока. Мне предложили занимать солдат по очереди выделкою сыромяти из воловьих стяг. Охотники нашлись, и сыромятную кожу, по тогдашней цене в Симферополе по 12 рублей серебром за пуд, можно было продать около 4 или 5 рублей серебром штуку, так что от 13 кож, набравшихся в месяц от эскадрона, можно было надеяться выручить около 40 рублей серебром в месяц на подметки, новые сапоги, кому по крайности нужно, и даже на рубашку в крайне необходимом случае.

Вот так поступали мы с сухими воловьими шкурами. Солдаты набрали мелких обломков известкового камня (мрамора крымского), сложили из него небольшую пирамидальную кучу с очелком внизу, подкладывали дрова и в продолжение одного дня обожгли порядочное количество известки. Затем, размочив несколько шкур

в воде, пересыпали их поверх шерсти негашеной известью и сложили в таком виде в яму на одни сутки. Такое действие называется «квасить» или «травить» шерсть, откуда происходит в Малороссии и самая обидная брань «кислая шерсть». На другой день стяги вынимались из ямы и расстилались в проточной воде ручья, чтобы освободить их от едкости извести. К вечеру с промытых таким образом кож «сбирали» шерсть, и потом просушивали их на воздухе. Затем на воздухе пропитывали их жиром. На первых порах не за дорогую цену покупали мы у южнобережских татар жир дельфина или морской свиньи, впоследствии же заменяли его топленным говяжьим жиром с прибавкою некоторой части постного масла. Пропитанную таким образом кожу оставалось только мять, чтобы получить сыромять. Для этого устроили следующий прибор: вкопали в землю твердо столб без малого в два аршина высотой, верхний конец его на пол-аршина обтесали покруглее до толщины 4 вершка в поперечнике; на эту часть столба насадили накрест одна на другую, одну ниже, а другую на пол-аршина выше, крепкие пластины (около 3 аршин длиною), обтесав их концы в виде кольев или рычагов, а между собою соединили их 8 цевками, или стоячими колышками, так что образовалась около обтесанной вершины столба круглая клетка, которую можно было посредством связанных рычагов поворачивать или вертеть на этом столбе. Сложив кожу в длину наподобие того, как складываются солдатские шинели для носки через плечо, одним концом всовывали ее и вцемляли в столб внутри клетки, и в то же время четыре человека или более, взявшись за рычаги, начинали поворачивать клетку до тех пор, пока вся шкура в нее не втянулась. Вертеть продолжали, покамест кожа не облеглась вполне и ворот начинал ходить легко. Тогда начинали вращать его в противную сторону, потом опять в первую, и так, сменяя только людей, работа продолжалась несколько часов времени: сыромятная кожа была готова.

Не думаю, чтобы этот способ мятья кожи был наилучшим в отношении механического производства, но там, где много рук свободных и не много материала для работы, он ничуть не казался неудобным. Кожа была хороша, ее покупали наши же офицеры для постромок и тому подобных надобностей; большая же часть кож была продана на рынке. По одному рублю серебром с кожи было возвращено в артель, копеек по 30 со штуки отдавалось в пользу двух главных мастеров этого изделия и около 3 рублей со штуки, как выше сказано, шло на улучшение солдатской обуви и белья.

Говорить нечего, что солдаты нисколько не тяготились этой работой; во-первых, она доставалась им не каждый день, во-вторых, составляла для них развлечение и занятие, в-третьих, не один из них, без сомнения, выучился при этом новому ремеслу и уже унес его с собой в бессрочный отпуск или в отставку после кампании, а все вместе они были чрезвычайно довольны, сверх всякого ожидания, получить даровые вещи, в особенности же

сапоги — любимое достояние, экипаж и охрана здоровья, богатство нашего солдата, к тому ж еще в такое время, когда камень, не в пример пуще наших деревенских грязей, съедал подметки и подборы, да и головкам доставалось; а никакая «хозяйка» или «кума» не могли наделить его сорочкой своего шитья. Чтобы не наскучить долгим перечислением пользы, какую может приносить солдатам как в мирное, так даже и в военное время распространение ремесел между ними, добавлю только, что те же продаваемые кожи доставили возможность, когда наступило ненастное время двадцатидневных дождей, а после того морозов и снежных метелей в горах, завести в эскадроне сбитень. За 11 или 12 рублей серебром был куплен в городе у сбитенщика самовар, столько же почти денег употреблено на покупку меду, имбирю, гвоздики и нескольких кружек жестяных. Один престарелый солдат из бессрочноотпущенных, недавно возвратившийся перед тем уже во второй раз из госпиталя и потому заметно ослабший силами, был избран в сбитенщики. Ему вручен был весь купленный припас как основной фонд капитала. Сделан первый опыт варки сбитня, по всенародной пробе определена лучшая пропорция припасов и сообщена положена плата за кружку сбитня (по 1¹/₂ копейки). С первого же дня сбитень пошел в продажу успешно. Солдаты пили его во всякое время дня, по возвращении с разъездов, по смене с дневки на коновязи, с часов, после поездок за фуражом и, наконец, «так себе, для удовольствия души». Пили его с хлебом, с булками, которые привозились два раза в неделю артельщиками в счет сбитневой суммы, пили его даже с крутой кашей, и последствия всего этого были очень утешительны: простудами и расстройством желудка начали заболеть реже, прибывающие из госпиталей поправлялись гораздо скорее, чем прежде, несмотря на самую дурную погоду, да и сам наш сбитенщик заметно скоро поздоровел и приобрел румянец на щеках. Вырученные в продолжение недели деньги записывались у сбитенщика в книжку и употреблялись на закупку в городе новых припасов для сбитня. Таким образом мы самоварничали целую осень и зиму без малейшего вреда ни для службы, ни для солдатского кармана: напротив, впоследствии времени оказалось, что большая часть солдат отказывались от раздаваемой им ежедневной винной порции и получали взамен того с артельщика деньги, так что при возвращении из Крыма почти ни у кого не было менее 6 рублей серебром в кармане.

Смешно, может быть, покажется другому слушать рассказы про самовар и сбитень в военное время в виду неприятеля. Но кажется, что какова бы ни была служба, а человеком при ней быть все же не мешает. И ежели по воде Божьей мы не попали под бомбы или под картечь, то все же из этого не следует еще, чтобы нужно было беспрекословно отдаваться на произвол «лихоманок» (лихорадок) и поносов. Да и не осудит, вероятно, самый рьяный служака и в то же время благоразумный человек, если сказать ему даже, что в хорошее время года и, пожалуй, при самой легкой службе для солдата нужно доставить ему разнообразие в пище и случай по-

лакомиться. Не дознано ли физиологами, что на питание человека такое же влияние имеет качество пищи, как и разнообразие ее? Вот почему, когда возможно, варите людям сегодня щи, завтра борщ из бураков, или свеклы (на юге это нетрудно), потом горох или похлебку с картофелем и луком, затем опять щи и так далее. По временам также вместо говядины небесполезно давать солони-ну; кашу варите то гречневую, то ячневую, то пшеничную, то с маслом, то с салом, то с постным маслом; к говядине давайте хрен: крупный крымский хрен мы давали по $\frac{1}{2}$ вершка на человека (для верности раздачи).

Однако вместо мудрствования взглянем, что делалось с крымской природой в конце осени и при начале зимы.

Октябрь весь был невероятно тепел, только странно как-то тепел. Если улыбающееся южное небо по временам грело нас не шутя, то, с другой стороны, мы чувствовали совсем не то, когда не было видно солнца. Бывало, в драповом сюртуке и солдатской шинели наопашь стоишь себе на коновязи, солнце греет, жарко; вдруг набегает облачко из соседнего ущелья, спряталось солнце, и уж холодно, — опять в шинель. Так бывало даже в августе и сентябре. Правда, что в горах что ни шаг, то новый климат; не раз еще в августе у нас покрывалась льдом на палец вода в ведрах от утренников, а между тем дни стояли знойные. Бывало, в четыре часа после полудня выйдешь из-под крыши, чтоб посмотреть, можно ли начинать езду, — нет, еще жара. Пройдешь, однако ж, сто — двести шагов, там тень от соседнего отрога Чатырдага, и даже прохладно, не только что нежарко. Еще забавнее игру тепла с холодом, света с темнотою испытывали мы здесь в конце октября и в начале ноября. Постоянно чрез день делали мы поездки вроде практического похода лошадям своим, и часов в десять утра эскадрон отправлялся рысью и шагом попеременно, верст за пять по каменистой дороге, с тем чтобы с обратным путем всего сделать верст десять хорошего моциона коням.

Случалось, что солнце грело с правой стороны так, что готов был надеть хоть белый китель, и в то же время левое плечо и левая рука с поводьями мерзли от холода. Окончив свои пять верст, мы возвращались уже в двенадцать часов в прекрасный майский день — и это в ноябре.

Впрочем, что удивительного? На южном берегу, в расстоянии верст тридцати от нас, цветут еще розы в это время под открытым небом. Но с 7 ноября начались проливные дожди, предшествуемые двухдневною стужею, как в степи, так и в горной полосе до южного берега. Дожди, перемежающиеся почти ровно через сутки, дожди и туманы, то есть наводнения облаков с гор, дожди и снег мокрый. Бедные кони наши! Навесы вместо конюшен с плетневой крышей, покрытой для большей важности листьями с деревьев, защищают их от дождя так же, как решето. Стоят и дрогнут, бедненькие, под мокрыми попонами, с какими-то сосульками вместо пушистых, так тщательно разбираемых пальцами в обыкновенное время хвостов своих. Стоят с поникшими головами, словно в думах горьких,

а под ногами топь черной грязи и целые лужи воды (этому мы успели пособить, устроив деревянные помосты из кольев и жердей), негде прилечь и прислониться, а о постилке и говорить нечего. Каково же полкам, которые стоят теперь в степи под Симферополем и Евпаторией без навесов, без землянок. Там людям иногда на целый эскадрон достается не более двух опустелых татарских сараев, смазанных из кизяка, а лошади стоят среди открытой степи за каменными изгородами, едва лишь по колено возвышающимися над землею. Усердный солдат там, подкладывая своему коню сена, держит свою шинель вроде ширмы, чтобы ветром не разнесло сено прежде, нежели лошадь успеет его съесть! А наши кони мокли, правда, но не мерзли, потому что согревали мы их нарочно ежедневными поездками, и солдат наш не беспокоился над устройством ширмы по нескольку раз в день, чтобы «травить» сено, потому что в горах везде затишья вдоволь.

Землянки и «сборни» наши, устроенные наподобие татарских сараев и мазанок, только пороскошнее, а именно: не с бумажными, но со стеклянными окошками и с русскими печами, представляли не слишком надежную защиту в дождливое время. Если бы не старый постоянный двор какого-то обанкротившегося купца с черепичною крышею да казарма для бывших здесь арестантов, то негде было бы солдату рубашки посушить.

Был декабрь, недели две уже стояла у нас зима, настоящая русская зима; снегу на ровных местах было вдоволь, морозы доходили до 13 градусов, и оледенелые хворостные крыши перестали протекать. И день и ночь приветливо дымились солдатские огоньки и коротенькие трубки в зубах, а рассказы о давно прошедшем житье-бытье в великороссийских наших губерниях помогали им коротать длинные зимние вечера при мерцающем огне плошки, наполненной говяжьим жиром, в низкой своей землянке, где гораздо удобнее было лежать, нежели сидеть или стоять. Занятий у них в это время было меньше прежнего: только уход за лошадей да посещения к ней через час-другой, чтобы подложить клочок сена или поправить свернувшуюся набок попоны.

Поездки — дело привычное, и в хорошую погоду они не в тягосты. Надоедали им подчас лишь очередные посылки версты за четыре от зимовья нарывать грядки по крутым обледенелым спускам к ручьям, чрез которые то и дело нам надо было подвозить себе или провиант, или фураж из дальних складов. А как за то проезжие нам были благодарны, за эти усердные поправки, избавлявшие, между прочим, и их от закатывания повозок и опасности сломать себе шею или выкупаться в ручье еще до праздника Крещения.

Вот минул Николин день, 6 декабря. С самого рассвета и небо и земля начали обмываться густым холодным дождем. Снегу в один день как не бывало. Отовсюду в один день понеслись потоки бурой, мутной воды, ручьи переполнились и обратились в реки;

если бы мы не догадались заготовить на них деревянных перекидных мостков из необтесанных бревен с настилкою из кольев, покрытых навозом, то пришлось бы, быть может, долго прождать подвоза съестных припасов и зернового корму лошадям. Из обнаженных крутостей гор, заменявших стены для землянок, брызнули фонтаны, крыши снова потекли... Так продолжалось целую неделю.

В один из таких ненастных дней, часу в десятом утра, вошел ко мне человек средних лет в ополченском кафтане, с одной звездочкой на погонах.

— Ну, уж нечего сказать, упекли нас за грехи наши... Вы меня извините-с, я хоть и не имею чести вас знать, а скажу вам откровенно, что упекли-с, уж точно, что упекли-с...

Глядя на измоченную фигуру, я догадался, в чем дело, и, желая разогнать мрачное расположение моего гостя, полушутя-полусерьезно возразил ему:

— Полноте, едва ли упекли: уж не прохладили ли вас не в меру?

— То-то, прохладили! Решетом накрыли да озера подостлали вместо постелей. Вы, господа полковые, может быть, и привыкли под водою греться да в походах отдыхать, а наши, я вам доложу, не то что в землянке — под кровом небесным места не найдут; то и дело, что ни день, двух-трех в больницу отправляешь.

Я попробовал его утешить и рассказал ему, что делается в наших землянках в это время, уверял, что и у нас в подобную погоду заболевающих бывает побольше, чем в другие дни.

— Уж так-с или нет, а все не может быть, чтобы вам так жутко приходилось, как нам там, наверху!

— На горе, я думаю, легче избавиться от луж в землянках, чем под горою. Разве вы не можете канавками отвести воду вниз?

— Да, отведешь ее, позвольте вас спросить, когда вас сверху ливнем обдает, а сбоку вода волною катит. Ведь, чаю, неизвестно вам, сколько было снега на горе — что по-над нашей позицией, так от этого дождя все это сразу распустилось да так и льет на нас, как в ведро из кадки... Иное дело в морозы, бывало, наш брат-офицер хоть чаем обогреется, а таперича и самовара не успеешь подать, как уж водою его остудит... Всю эту ночь глаз, скажу вам откровенно, не смыкали, а уж народ-то наш и вовсе распустился, просто размазня, — вот тут и все!

Я велел подать закуску. Гость обогрелся несколькими рюмочками и горячим битком. Лицо его сделалось покойнее и доверчивее.

— Однако, — сказал я, продолжая разговор, — если эта волна, как вы говорите, с боковой вершины так вас обдает, то чего же молчит ваш начальник? Ему давно надо было съездить к отрядному командиру, чтобы объяснить дело и просить перевести роту на другое место.

— Да и то сегодня-с они поехали. Мы им изо всех рот сделали донесение рапортами, что эдак без неприятеля все животы положим.

— Жаль только, зачем не раньше это сделали; все это нетрудно было вперед угадать.

— То есть вот вы, капитан, это так по-человечески говорите, а нам ведь сказано, с первого дня вразумили, что в военной службе рассуждать не смей. Ну, мы и доселе службу-то разумеем не больно, а рассуждать-таки не смеем.

— Ну ужели вы думаете, что служить должны только ноги да руки, а голова на службе должна без всякой мысли оставаться?

— Уж в этом прощения просим, а рассуждать нам заказано.

— Не ошибаетесь ли вы? Быть может, тот, кто вам давал такое понятие о военной службе, разумел, собственно, что распоряжений начальства и вообще заведенного порядка в службе опровергать не следует. Но могу вас уверить, во всяком случае, нам не запрещено обращаться к начальникам с просьбами, касающимися улучшения быта солдат, и, разумеется, мы первые должны узнавать их нужды.

— Помилуйте-с, эдак вы наипуще против нарушения дисциплины говорите.

— Вы, верно, никогда не были в военной службе?

— Признаться сказать, я точно по военному времени из гражданских поступил. Знаете, у нас в уезде дворян-то добровольных немного набралось. Из молодых, которые познатнее, так в Петербурге служат, а другие тоже по полкам — давно в чинах. Так что остались, изволите видеть, женатые, семействами, так сказать, обремененные, ну да и ратников тоже ставили и рекрутов поставляли, — не без того же, на все это деньги нужны! Так и пожалеешь ино доброго человека, как придет да скажет тебе: «Иван Яковлич, так и так, дети мал мала меньше, жена, семейство — ну, все это, как водится. Яви, значит, дружбу такую милосердную. Вы, дескать, человек молодой, ваши годы долги, так это, нельзя ли на службу, в ополчение, за нас сойти, а мы за вас, — говорит, — уж денно и ночью молитвы ко Всевышнему посылать будем, да и царь-то вас не оставит. Благодарность вам на то уж с нашей стороны будет, — уговор лучше денег, о деньгах, — говорит, — мы с вами сойдемся, в нужде не оставим и плакаться на нас не будете. Только, Иван Яковлич, уж я вам скажу, вы не откажитесь! А пошлет вам Бог Владимира в петлицу или еще эдак Георгиевский крест на желтой, знаете, ленточке пришить, так и дворянство, значит, приобрели. Не то что просто — с капитальцем будете. А тут, знаете, — еще прибавляет, — и предводитель-то, Лев Ксенофонович, и судья также, Авдей Петрович, все как есть, в одно слово ожидают, что вы, так сказать, великодушно, из преданности к престолу, к дворянству любви в ряды станете под знаменем за веру и прочее, как все это говорится». С одной стороны, знаете, тут беззащитное мое положение в земском суде, жалованье пять рублей в месяц, с другой стороны, лакомое блюдо — эдак пять радужных показано. Ну, тут же и кавалерственный орден в виду, и также страсть напастей каких-либо со стороны предводителя, от судьи тоже — все, между нами будь сказано, люди сильные,

да и не то сродни, не то в делах они с тем господином Крутицким, что, изволили заметить, откровенное мне такое предстательство сделал, чтобы за него в дружину пойти. Так заговорило ретивое: «Куда ты, буйная головушка, несешь себя?» — спросил я себя. Подумали, подумали, зашел я, знаете, с товарищами в ресторацию да сперва с ромком чай, а там уж, знаете, как разобрало — мадеры и цимлянского в счет будущих благ, как говорится, приказали подать... А Судейкин-то, наш столоначальник, я уж вам доложу, так, знаете, вокруг меня и ластился и увивался, да как заметил, что я уже того, как заговорит со мною об опасности отечества, о подвигах бранных, о том, что, дескать, всякая служба всякие выгоды имеет, да и говорил же как! Хитер, нечего сказать! Говорил да говорил, а тут уж я что-то и не помню, как по рукам ударили, а там посадили в сани да и к Крутицкому на квартиру уж свезли, у Андашской, значит, у Авдотьи Климовны, всегда он становился, как в наш город, бывало, приезжал. Вот-с и привезли. Он тут мне на шею. Друг мой, говорит, благодетель мой, и многое такое. Да, никак, и гости у него на ту пору были, — все ведь свидетели! Помню только я, что тут Судейкин да Климов еще, предводительский письмоводитель, уж вот как больно юлили! Ну да не в том дело, а в том, что уж вправду уговор — лучше денег. По рукам ударили еще раз при свидетелях, сейчас же все в трактир, да и в канун самого Благовещения меня, раба Божия, прапорщиком в дружину вписали, к майору, что из отставных, Махдееву — в гусарах, выходит, служил, Иов Моисеич зовут. Статься может, слышали?

Узнав так неожиданно подробности о начале военного поприща моего нового знакомца, не скрою, я поддался любопытству узнать дальнейшие похождения Ивана Яковлевича и его сослуживцев.

— А скоро у вас сформировалась дружина? — спросил я у моего собеседника.

— Да вот как скоро, как бы вам сказать: ино пустого дела, эдак листиков в сто двадцать перебелить не успеешь, как уж глядишь, тут Иов Моисеич в форме щеголяет, тут уж и кадру из губернии пригнали, из внутренней стражи к нам в сержанты да в урядники попереволили. И то сказать, народ не бравый и не за отличие какое. Да и кто ж, вы сами посудите, что ни на есть надежного человека из своей роты отдаст? Ну, да уж артикул ружьем метать все-таки умеют, и нашу бороду, кисельника, службе и всяким эдаким делам научить сумеют. Да и нельзя же без того! Ну как, в самом деле, не учивши мужика сиволапого в поход пустить, не научивши начальство почитать, унтера и ефрейтора уважать, под ружьем не горланить, базара то есть не чинить, да и в праздник не обжираться, а иной раз и во вторникам пост соблюдать. Толстое брюхо — во всем войске проруха, — прибавил он не без скромного удовольствия своему красноречию.

— Ну, а ваш майор, Иов Моисеич, так же прилежно занимался обучением ратников артикулу, о котором вы мне рассказали?

— Да-с. На первых порах они и не приведи Бог, как уж ретиво за службу взялись*. Сразу поротно весь люд разочли. Вы, говорит, «экономические», все в первую да в четвертую роту. Вы — дворовые, господские, значит, что побойчее, в третью роту, а вы — сиволапенькие, косолапенькие мужичонки-простачки, клином бороды у вас сошлись, вы пошли во вторую роту. Ну, как водится, каждой роте по два с барабанами и сигнальщика с трубкою приписали, и господ, то есть офицеров всех, тоже по местам назначили. Ротные у нас ведь назначены были все из полковых, что из отставки вновь на службу поступили. Вот, примерно, в первой роте Кирило Матвейч Волгин — уж куда добрейшая душа — капитаном определен, ну и во второй роте капитан тоже, Петр Петрович Ситников. В третью роту, выходит, самого твердейшего эдакого, во всякой службе бывалого Барновского Ферапонта Евхитича, майора, утвердили, а в четвертую, уж извините, только поручика, Аггея Семеновича Самсонова — старше, изволите видеть, уж и не нашлось из полковых.

Только уж вы позвольте мне откровенно объясниться: насчет этак письменной части да по денежной, так уж тут наш брат гражданский понужнее будет. Полковые-то уж в этом не больно знают, да и писать им как-то не с руки. Даже хоть, например, Ферапонт Евхитич сами говорят: «Мне, бывало, в полку не до чернильной вашей пачкотни было». И точно, что они фамилию и чин подписать только и соглашаются, а более, уж извините, не помнят, должно быть. Так и назначили в адъютанты, — он же и казначей и квартирмейстер тоже, — Ивана Макарыча Бубликова, из столбовых тоже дворян. Он у нас годов с пяток заседателем в уездном числился, а после в отставку вышли. Их уже поручиком прямо по указу в дружину и зачислили.

— Так как же, вы мне все-таки не сказали, как и долго ли майор ваш дружинный вас учил артикулу? Мне это очень любопытно.

— Как же-с! И сколько тут забот им было. То поротно рассчитывали, а Иван Макарыч все на бумагу записывали; то пошли разные хозяйственные дела, то есть насчет кафтанов, сапог, артельных тоже сумм и прочее такое... Так было долго, недели с три, а после собрали нас, офицеров, да и держат такую речь: «Начальник, — говорит, — есть слово, ухо царское. Вы, — говорит, — господа — руки, а люди — это ноги. Вы — учите, они — будут ходить, а я вами править буду. Мое дело — все что ни есть в дружине. Я был уже на службе, в полках разных служил, и скажу вам, вот моя система: начальнику не подобает всегда и везде быть налицо; его дело за всем следить вообще, генерально. Адъютант пишет приказы, я подписываю, а вы, господа, исполняете. Только помните, всякий приказ есть царское слово. Так прошу не рассуждать».

* Экономическими по-старинному зовут крестьян ведомства государственных имуществ.

И знаете, точно — майор наш после этого для нас уж чем-то невидимым стал. Приказ обнесут — ротные хлопочут, и суд и расправу чинят, а майор все на бумаге, по приказам, «кабинетным образом», знаете... Зато уж к дружине когда пойдут, не то что у простого ратника, а у нашего брата, из образованных, Бог весть отчего, а поджилки так и трясутся.

— Как, неужели он вас никогда и не видел?

— Нет-с, не то! Как же, в воскресенье, например, в обедни всегда его видаем. Даже и подойдет при выходе к каждому: «Вы как? Как ваше здоровье?» — и прочее. А в походе уж, разумеется, не их дело с нами грязь месить; они себе в тарантасе едут с дневки до дневки. После вот, чтобы вам лучше сказать, Харькова ли, Полтавы ли, не упомяну, только уж сот пять верст походу мы отбыли, оказалось, что в коляске начальнику попрстойнее. Вот они и коляску куплею приобрели. Для благопристойности единственно-с. А Иван Макарыч, адъютант и казначей тож, уж в каком благорасположении у них! Не то что по вежливости просто, а даже дружески, так сказать. Ни за обед, ни за ужин майор без них не садятся.

Да что-с, — продолжал Иван Яковлевич после некоторого раздумья, — такова ли теперь служба! Трудись да хлопочи — что ни старше, то больше! Вот старики так иначе рассказывают. В наше время, говорят, не то что теперь, не всякий в службе наравне с молодежью лямку тянул. Пока еще в караул или на вахтпарад ходил так ходил; а как в подполковники или в полковники поднялся, засел дома, в квартире, и, значит, для строя уж стар, — унизительно несколько, разве только в высочайшем присутствии или на корпусном, например, смотрю. А по бумажной части у них тоже читать уж не водилось! Эдак ведь и старым ханжою прослы-вешь... Не полковничье это дело! Полковник уж всегда барин, хоть бы и не из столбовых, примером сказать, происходил. Его дело почет принимать да подписывать бумаги, а пишут их да читают пусть младшие.

То-то водилось в старину у начальников тех, что поважнее. А подумаешь, ведь и подчиненным-то не легче было в то время. Иному об своем деле, иному по службе нужно объясниться с командиром, ну, точно так же, как бы и теперь. Так что же-с?! Слыхивал я от соседей у нас в уезде, которые давным-давно уже в отставке: ведь, говорят, бывало, иной начальник прямо тебе скажет: «А вот подите справьтесь у адъютанта». Так оно-с и выходило, что все надо было ведаться с адъютантами. Да и важная же это была должность тогда! Знай, говорят, как задобрить адъютанта, и все тебе будет сделано, что ты себе в смиреннии твоём и пожелаешь! Разумеется, чтобы только не было противно интересам службы. А, например, знаете, как хорош с адъютантом, так все как-то на твою долю: и нарядом куда-либо как будто меньше перепадет, и послужной-то список, — по-нынешнему, полковому, формуляр, — тоже как-то благовиднее представляется. Да сказывают даже, что кто в знакомстве, значит, с адъютантом, то вот

был бы случай, а уж наградишка какая, хоть бы плохенькая, тебя не минует по службе. Зато уж неповадно было, коли адъютанту ты не по сердцу!..

Дверь отворилась, и мой человек объявил, что пришел ратник с запискою к своему офицеру. В записке объявлялось, что третья рота, в которой он числился, должна оставить свои залитые землянки и к вечеру занять квартиры в двух соседних татарских аулах.

— Ну, слава в вышних Богу, на земле мир, человеком благоволение! — воскликнул Иван Яковлевич, творя крестное знамение. — Уж как-то мы этот месяц побились да помялись! — Тут он схватил свою шапку, второпях попрощался со мною и выбежал, отказавшись даже повторить еще рюмку вина и закусить паюсной икрой с хлебом.

Был час пятый после обеда. На небе было чисто, и дождь давно уже перестал, только лужи под горою делали еще дорогу не совсем приятною для пешеходов. В длинных охотничьих сапогах, подобрав серые солдатские шинели, бродили мы, несколько офицеров, взад и вперед по дороге, чтобы проветриться после нескольких дней затворничества под крышею незавидных наших помещений. Вдруг из-за кустов на спуске горы показалась толпа людей с ружьями на плечах. То были ратники, переселявшиеся из своих землянок на новые квартиры. Проходящая мимо нас рота нам показалась очень невелика, всего человек 70 или 80. А я помню, они на позицию вступили в числе 150 человек, несмотря на то что слишком уже 50 перед тем оставили в разных госпиталях на походе своем из России. Пожалели, пожалели мы бедных ратников, так долго купавшихся в горных потоках в это время года. И долго и тихо тянулись они нестройной толпою, покамест не скрылись из глаз наших в соседнем ущелье.

Дня два спустя, проходя по нашим стоянкам, я увидел маленький кружок офицеров, разговаривающих с проезжим офицером. Он ехал из какого-то госпиталя, где пролежал более месяца, и теперь отыскивал свою роту. Небольшого роста, стройно сложенный, одетый не без щеголеватости, ни по складу речи, ни по наружности своей он вовсе не был похож на своего сослуживца, недавнего моего знакомого Ивана Яковлевича. На военных стоянках люди знакомятся весьма скоро, не обмениваясь даже никакими вперед задуманными фразами. Мы поговорили с четверть часа, и я сообщил ему, в каком жалком положении я видел недавно одну из рот его дружины, прибавив к этому сожалению, что по весьма простительной недогадливости еще неопытных в горном кочевье воинов нашего отряда роте этой досталась такая горькая доля — стоянка на позиции.

— И другие роты, не думаю, чтобы были все в лучшем положении, — сказал мне Муромский, ополченский офицер. — Беспокойства и холод всегда легче с рук сходят тем людям, у которых

больше сил в запасе; а как с выходом из Малороссии, где еще на походе кормили ратников на вольных квартирах, они и позабыли, что такое всегда быть сытым от обеда, да и водку видели разве только в большие праздники, так нечем было и приготовиться к трудной непривычной жизни. — Тут Муромский посмотрел на часы: было уже за полдень. — Однако мне надо торопиться, — продолжал он: — Быть может, когда-нибудь увидимся, — сказал он, наскоро пожимая каждому из нас руку, проворно вскочил в свою маленькую тележку, запряженную парой русских рысачков, кивнул головою и уехал.

Тут я невольно вспомнил, что уже давно в отряде носились слухи о не слишком хорошем состоянии некоторых дружин ополчения. Но не всякий честный человек легко бросается на первую сказку, зато всякий при подобных случаях должен помнить пословицу: «Семь раз примерь, а один раз отрежь». Бойтесь и вы, мой читатель, сгоряча когда-нибудь бросить камень в человека, а тем более в общество людей, обвиняемого или обвиняемых на основании одних только слухов. Не должны ли мы помнить, что на белом платке и от малейшего брызга остается пятно, между тем как грязный, уже сколько ни марай, грязнее не сделаешь. Так точно и всякая сплетня, неосторожно принятая в свете, черным, грызущим душу пятном ложится она на сердце невинно оклеветанного, и только бездушный лиходей, плещущийся в грязи, остается безразлично грязным, сколько бы ни говорили про его дела... Так вот почему, всего вероятнее, никто в отряде не торопится принять участие в положении дружины, нашей соседки. Ниже мы увидим, что дурное действительно не было общим правилом; в некоторых дружинах, наоборот, содержание было превосходно.

Однако ж подобные слухи распространялись все более и более. Об этом уже зачастую говорили офицеры разных частей отряда, об этом также говорили и частные лица, жители окрестных мыз и селений. Два доктора из отряда были командированы освидетельствовать пищу и вообще содержание ратников. Они ездили по всем ротам, были в штаб-квартире дружины и возвратились с донесением, вероятно, не оправдывающим дела, потому что дня через два после того в приказе по отряду было отдано, что отрядный командир просит начальника дружины, майора Махеева, обратить внимание на улучшение пищи людей.

Майор Махеев чрезвычайно обиделся на это. Он тотчас же поехал в отрядную квартиру и на пути остановился на полчаса у меня. Между нами произошел следующий разговор.

— Читали вы, — спрашивал меня майор Махеев, — как меня отшлепали в приказе?

— Этого я не читал, а читал только, что вам предложено обратить внимание на улучшение продовольствия вашей дружины.

— Да помилуйте, я пятнадцать лет был в службе и столько же в отставке, а до сих пор не читал и не слышал, чтобы писались такие приказы, — говорил, задыхаясь от гнева, майор. — Я — человек больной, у меня печень страдает, я для службы здоровьем

пожертвовал, я продал свое имение, чтобы сформировать дружину, и вот к чему все это привело!..

— Вы меня извините, майор, я никакого права не имею сомневаться в ваших словах, но все-таки должен вам сказать, что люди ваши не отличаются здоровьем, это я сам видел, и общий говор всех, что их дурно кормят.

— Да что же прикажете делать? Вот, посмотрите, я вам покажу все счета свои, сколько на каждую роту выдаю. Я выдаю больше, чем отпускается из казны, вы сами это сейчас увидите.

При этом майор начал развешивать портфель свой и доставать из него какие-то бумаги.

— Я могу вам сказать, майор, что мы стоим здесь еще не в самых невыгодных обстоятельствах. Припасы доставать всегда можно, и отпускаемых на это денег достаточно. Взгляните на наших людей — на казаков, на пехоту, — вы не увидите ни одного изнуренного человека.

— И что же, вы не передерживаете ничего из съестных сумм?

— Могу вас уверить, что на щи с наваром, на три четверти фунта мяса на человека, на соль, на уксус, на перец и на кашу-размазю к ужину мы ничего не передерживаем противу положенного, напротив, даже от говядины у нас остается часть денег, на которые мы прежде прикупали крупу, а с осени закупили капусты на закваску. Теперь же, правда, чтобы давать по порционной порции крутой каши к обеду, приходится в месяц приплатить несколько десятков рублей. Это роскошь, может быть, но роскошь спасительная, потому что горячая каша, крутая, составляет в холодное время славную припарку для солдатского желудка и предохраняет его от болезней. Впрочем, я этим вовсе не хочу сказать, чтобы тут было самопожертвование с нашей стороны: от заготовки фуража по справочным ценам мы всегда имеем деньги в остатке.

— А как вы даете хлеб?

— Сначала мы хлеб получали сухарями из комиссии, а с тех пор, как велено строить землянки и, значит, мы узнали, что остаемся на месте, мы начали принимать муку и печем хлеб сами в придорожной казарме; другие пекут в соседних деревнях.

— И вы выдаете хлеб сполна?

— Разумеется, во всяком случае, мне приятнее было бы сказать, что сполна, нежели говорить противное, — отвечал я, смеясь. — Впрочем, на этот раз действительно могу вас уверить, что солдат у нас всегда получает свои полные три фунта: четверть фунта они сами оставляют и делают себе из этого квас. Наше дело только о том заботиться, чтобы хлеб не был сыр и всегда хорошо выпечен.

— Ну, а сухари у вас тоже всегда хороши были?

— Сухари, не ровен час, попадались плохие, черные и с плесенью...

Пока мы толковали, майор успел разложить свои бумаги.

— Вот, посмотрите, — говорил он, — это счета всех четырех рот. Вы отсюда увидите, — и он начал указывать на цифры, —

что вот на эту роту за месяц следовало выдать четыреста пятьдесят рублей серебром, а я уже выдал пятьсот, на эту — тоже, на эту — тоже.

Тут он начал мне читать справочные цены продуктам, и я не мог не заметить ему, что некоторые цены были проставлены в счетах неверно. Не знаю, впрочем, что за ошибка тут вкралась и почему цены значились ниже, чем они были на самом деле.

— Все-таки вы видите, — продолжал майор, — вы сами находите, что я выдаю больше, чем следует, так скажите мне, научите меня, что же мне делать, чтобы мне не писали таких обидных приказов?

— Я полагаю, что надо настаивать, чтобы пища приготовлялась хорошо и чтобы припасы были также хорошими.

— А где их взять хороших, например говядину? Я вас спрашиваю.

— Из нас никто в этом не затруднялся до сих пор. Татары очень охотно сами водят свой скот на продажу.

— А у меня договорен подрядчик, так уж я не могу учить его, откуда брать скот.

— По крайней мере, вы можете наблюдать, чтобы от него не принимали дурной говядины.

— Ну уж извините, — отвечал майор с запальчивостью и хватаясь за свой правый бок, — этого уж слишком много. Я не могу сам принимать говядину.

— А я смотрю на это совсем иначе и не нахожу никакого стыда сам смотреть за тем, чем кормят людей, когда дело пойдет о том, чтобы спасти их от голода и болезней.

Майор, как видно, не мог снести такого покушения на независимость его барской неги, не отвечал ничего и, раздосадованный, уехал.

Вдоль дороги тянутся в один ряд татарские мазанки. То не наши русские избы, не малороссийские хаты, белые как снег, с высокими соломенными крышами, всею толщиною своей кладя смело спускающимися в навес вокруг хаты, и с неправильною завалинкою вокруг да с маленькими окошками по одному или по два в стене, вставленными в подъемные свои рамки. Татарская хата, или сарай по туземному названию в соседних к горам местах, кроется обыкновенно невысокою крышею из черепицы, что резко ее отличает от приземистой мазанки с плоскою земляною покрывкою, нередко поросшею травой и напоминающею собою известные у нас в России парники (такова мазанка перекопского татарина), а также и от хижины горского татарина, лепящейся обыкновенно, подобно улью, к прислону горы. Что общего между тремя этими различными видами сараев, — это то, что стены их обыкновенно складываются из обломков плитняка и внутри всегда, а снаружи иногда обмазываются глиною (светло-желтою). В таких стенах обыкновенно оставляются довольно большие окна (около 1 аршина

высоты), обтянутые бумагою, заменяющею стекла, и защищенные снаружи деревянною решеткою — эмблемой всегдашней ревности азиатца.

Внутренность сарая обыкновенно разделяется сенями на две половины, мужскую и женскую. Пол везде земляной, набитый глиною. Около стены, прилегающей к сеням, находится камин (одмар), расположенный в уровень с полом, дым из которого проходит в прямую над ним трубу, устраиваемую обыкновенно из хвороста, обмазанного глиною; труба эта аршина на два от земли расширяется над огнем наподобие широкого кожуха наших кузнечных горнов; из середины трубы вы видите обыкновенно висящую цепь (асма) с котелком. У этого семейного очага сидят обыкновенно татары, поджавши ноги, на тюфяках или на войлоках. Тут варится кофе, тут пекутся чебуреки, то есть их круглые слоеные пирожки на бараньем жире, хлеб из смеси ячменной и пшеничной муки; наконец, тут в холодные дни выкуривается несметное множество трубок крымского табаку.

Вся мебель подобного жилища ограничивается несколькими толстыми тюфяками, разложенными вдоль стены вместо диванов, и одним или двумя круглыми столиками не выше делаемой у нас скамеечки для ног. Как украшение в доме зажиточного хозяина иногда рисуются почти во всю высоту стены тщательно сложенные кучи разноцветных ковров и подушек.

В двух селениях, совершенно подобных сделанному нами здесь общему очерку, стояла под конец зимы рота О... ополчения майора Барновского. Не очень тепло должно было жить ратникам в татарских сараях, несмотря на всю их опрятность. Хозяева-татары на тепло, впрочем, не скупились, потому что в обыкновенный январский день, когда степь покрыта легоньким снежком, а в воздухе стоит сероватая оттепель, можно было в любом месте увидеть дымящийся огонек в камине и в то же время настезь растворенную дверь в сени. По этой, вероятно, причине иной ратник, видя, как щедро татарин теплотою своей избы делится с матерью-природой, широкой степью, и видя себя обделенным, вымещал свое неудовольствие то на курах, то на баранах татарина. Недочет в курах и баранах постоянно увеличивался. Обращались не раз и к ворожеям, чтобы узнать, куда деваются животные, обращались и к муллам, чтобы «отчитыванием» из Корана разогнать злое наваждение; прибегали и к окуриванию своего жилья, и даже некоторые, подеятельнее, просиживали по ночам в закоулках, чтобы подсмотреть, кто берет кур и баранов. Были слухи даже, будто и вправду удалось какому-то татарину, хитро зарывшемуся в солому, подкараулить, как пришли гяуры за его коровой, и он с отчаянием, отказавшись от помощи Корана, вверился своим кулакам. Но что же — ни слово Магомета, ни кулак его поклонника не могли спасти висевшей уже на волоске жизни коровы: мощные руки гяуров, связав татарина, упрятали его под ту же самую солому, из-под которой он только что вылез. Жаловались начальникам,

прибегали к посредству соседних помещиков, гуяров же. Хлопот было много и не совсем понапрасну, потому что «зуб за зуб и кровь за кровь» — это изречение Корана оправдывалось, когда усиленные старания домохозяев достигали иногда до улик. Провинившегося наказывали. Попадаться стали реже и реже: одни только куры и бараны, которых, вероятно, не догадались также высечь, попадались по-прежнему.

Неподалеку от места, где совершались описываемые нами мрачные видения и еще более мрачные деяния наяву, в одной из тех благодатных долин, где среди роскошной зелени и под теплым небом юга во время минувшей войны так много наших раненых и больных чудесным образом поправлялись и даже в самое короткое время возвращались к полному здоровью, стоит уютный дом с усадьбой, принадлежащий одному из самых гостеприимных семейств на всем полуострове. Господин Гуттер, владелец этого имения, живущий издавна в самых дружеских отношениях ко всему населению окрестностей, принимал немалое участие в неприятном положении татар, у которых был военный наш постой. Как умный человек, он скоро догадался, что «у голодного брюха нет уха» и что по этой уважительной причине нечего сердиться на постояльцев за то, что они объедают хозяев; и задумал он, как бы помочь горю так, чтобы и волки были сыты, и овцы были целы. Он знал уже, что ротный командир, майор Барновский, человек, не любящий общества, но во что бы то ни стало задумал таки он с ним познакомиться, а после посмотреть, что и как можно было бы уладить в пользу ратников и их хозяев, татар. Остановившись раз на таком решении, господин Гуттер ждал только случая приступить к делу.

Был какой-то праздник. Господин Гуттер по праву соседства посылает в роту ратникам в подарок несколько ведер фруктовой доброй водки из собственной винокурни и корову на артель, а ротного командира просит сделать честь пожаловать к нему на обед. Посланный возвратился, и с ним двое или трое ратников, то есть фельдфебель и два урядника, пришли благодарить за оказанное «пожертвование». В то же время от ротного командира принесли ответ, что он нездоров и потому к обеду быть не может. Помещик наш вместо обычной своей утренней прогулки отправился сам познакомиться с больным майором. Майора он застал, несмотря на его болезнь, занятым все-таки службой: по долгу ближайшего начальника он старательно пробовал и перепробовывал присланное для ратников господином Гуттером. Помещик потащил майора к себе чуть не силою.

Я приехал к господину Гуттеру часу во втором дня и застал его вместе с незнакомым мне лицом в ополченском кафтане со штаб-офицерскими эполетами. Хозяин нас познакомил. Это был майор Феррапонт Евтихич Барновский, командир роты ратников, квартировавшей по соседству в деревнях. Между нами завязался разговор, один из тех разговоров, которые нетрудно вперед угадать каждому, кто знаком с бесчисленными встречами людей на воен-

ных стоянках. Говорили о походе из внутренних губерний России в Крым, о дурном положении непривычных ратников в новой для них стране, о том, что татарские сараи зимою холоднее русских изб, о прежней службе майора в армии.

Майор был мужчина небольшого, скорее даже маленького, роста, немолодой, довольно плотно сложенный. Его круглая голова и редкие, полувсклокоченные русые волосы на ней для опытного даже френолога ничего, кажется, не выразили бы, кроме того разве, что майор менее всего занимался своим туалетом. Небольшие серенькие глаза его, по-видимому, по крайней мере в тот день, были в дурных ладах с его физиономией, потому что последней явно хотелось веселиться — она горела жизнью, была красна, полна, так что небольшие рябинки, по ней рассеянные, составляли едва ли не единственные на ней впадины, а глаза, как будто бы наперекор, с упрямством закрывались, выражали какое-то утомление и то и дело собирались спать. Голос также скорее соглашался с глазами, нежели с физиономией; словом, разладица во всем была решительная. Не упомяну хорошо, чью сторону держали ноги — глаз или лица.

— А вот и моя музыка! — сказал майор, указывая медленным движением руки на стеклянную дверь балкона со стороны сада, на который всходила в это время порядочная толпа людей с бородами и без бород, в серых кафтанах, в больших сапогах и с медными крестами на шапках; у некоторых из них в руках виднелись инструменты вроде бубна, балалайки, позвонка и тому подобного.

— Это ваши песенники?

— Да-с. Вот они, — говорил майор, указывая на господина Гуттера, — пошалить для праздника вздумали, так и выгнали сюда эту дрянь. Позвольте, говорят. Пушай я их угощу.

— У-у, да как их у вас много!

— Десятка четыре наберется. Ну, да ведь это не то, что в полку каком-нибудь. Там, например, все народ ученый, — крутели-звери! Крутели! Я сам, доложу вам, смолоду полюбил песню, как в полку еще служил. Только там, знаете, во всех частях дойдут — доведено! Строгость то есть первой всего. Как есть, значит, страх! Зато уж и играли же песни! Впрочем, что святых гневить, — и здесь вот, сами увидите, оно не то чтобы уж музыку производили, а песни играют кое-как... Играют, как же! Недаром же я им того, разных эдаких побрякушек и бубен, всего обзаведения, понакупил.

В это время подали на стол. Феррапонт Евтихич поместился с правой стороны, через одно или два места от госпожи Гуттер. Обед шел своим порядком. Песенники усердствовали. Они трудились так добросовестно, что, вероятно, не только небольшая столовая господина Гуттера, но и вся мыза его и все окрестности, горы и долины никогда еще не оглашались таким количеством звуков самых разнообразных. Явление было поистине новое. Стоит только припомнить, что действие происходит в глубине Крыма, непода-

леку от Херсонеса Таврического, где и до и после описываемой поры можно встречать только важно молчаливые фигуры татар и разве только в большой какой-нибудь праздник, например в байрам или же в день свадьбы, в селении вы услышите протяжный гнусливый звук так называемой у нас волынки, или «козы», или, как редкость, цыганский бубен, аккомпанируемый скрипкою. Но все это, без сомнения, пигмеи в сравнении с колоссальными звуками, размашистыми, как сама Русь, с ее беспредельными землями, со звуками песни или, лучше, песен четырех десятков наших мужичков, давно уж стосковавшихся по родине на негостеприимной чужбине и вот теперь попавших к помещику доброму, гостеприимному, который их угощает и вне дома, и в дому у себя и приглашает развернуться, вспомнить про веселье былое, житие разудалое.

Податлива, падка натура человека русского на доброе слово, на привет радушного хозяина. Куда делись и кручина злая, и дни бескормные, и ночи бессонные на дожде да на холоде!

Глянуло в окошечко белое лицо хозяина, лицо белое, волос серебряный, молвило лицо хозяина нам доброе слово, доброе слово, что речь отца родного; глянуло оно очами на небо ясное, на твердь небесную, глянуло и нам, молодцам, в очи сокольи, а глянет — говорит, что рублем подарит. Как поведет рукой на сторону, а тут и понесли вокруг, по бородушкам по русым чарку полную, чарку зелена вина...

Скинь горе, шевелись,
В сарафанчики рядись,
Ой, жги, жги, говори,
В сарафанчики рядись.

Не богат, не пышен был стол у Эрнеста Карловича Гуттера, но все, что ни подавалось, было вполне хорошо. Да и не могло быть иначе в доме, где живут такие радушные, деятельные хозяева. Они живут на своей земле и своими трудами; живут и дают жить другим: не одно бедное семейство ими поддержано, не один наш раненый и больной, задыхавшийся в госпиталях, нашел здесь чистый воздух, и покойную комнатку, и ласковый уход хозяев за своей немощью; не один также дряхлый татарин нашел здесь приют и тщательное лечение. А между тем господа Гуттеры не разоряются; хозяйство их не в дурном виде, амбары полны хлеба и фруктов; во дворе не выводятся даже в тяжелое военное время огромные стоги сена и соломы.

Обед еще не был кончен. Песенники не жалели горла. Через отворенную дверь балкона мелькали в руках одного из них какие-то дощечки, издававшие особенное щелканье.

— Что это такое у них? — спросила госпожа Гуттер, вообще очень мало выдавшая солдат и, кажется, в самом деле впервые слышавшая песенников, на этот раз, к слову заметить, еще не совсем хорошо организованных, потому что большинство из них, как должно полагать, явились сюда не столько из желания явить

свои музыкальные дарования, сколько из того, чтобы участвовать в ожидаемом на верное угощении.

Я отвечал, что этот инструмент называется ложками и что ложки держит песенник в руках для того, чтобы аккомпанировать ими пение наподобие кастаньет.

Обед кончился. Встали из-за стола. Надо было сделать честь песенникам ближайшим вниманием со стороны хозяев и гостей. Подошли к ним. Майор был также тут.

— А нуте плясовую, да позабористее! — крикнул он им начальственным тоном — так, по крайней мере, казалось ему самому.

Черноглазый фельдфебель, в черной фуражке и в шинели какого-то гарнизонного батальона, сам лично управлявший хором, тотчас принял исполнять требуемое и, не знаю почему, по правилу ли мартышки, описанной в квартете нашего баснописца, или так просто, из невинной фельдфебельской важности, желая показать свое значение, скомандовал, показывая рукою на одну сторону впереди себя, а потом на другую:

— Становись! Толстые голоса сюда, а тонкие вот сюда!

Ратники встали, и два ряда голосов, толстых и тонких, по выражению фельдфебеля, заревели такую разладицу, что уж решительно ничего разобрать нельзя было. По счастью, им скоро принесли кушанье; хозяева и гости, кроме того, начали давать им денег, так что «игранье песен» прекратилось. Слышны были только возгласы: «Отцы наши, благодетели наши! Благодарим покорнейше, много благодарствуем вашей милости! Много довольны тебе, батюшка, кормилец наш! Ух, кабы ты на́большим у нас был, мы бы с таким начальником горы своротили!» Ратники были вообще очень довольны.

— Это у меня сорванцы все, звери! — говорил, выступив на середину, майор. — Все дворовые ведь, ракальи. Кто, знаете, оброка не выплатил барину, иной тоже сгрубил, вон этот теперича, выскокой, например, так просто барыне погрозился, а вон, пониже, белобрысый, это его брат, в ратники, значит, сам пожелал. И все, и все такие. Из дворовых так вот вся рота и сколочена. Я, знаете, сам в полку служил и могу сказать, уж службу знаю, не то чтобы как-нибудь балясы точить, а уж начистоту. Строгость во всем предпочитаю, потачки уж ни-ни, никому то есть, прошу не прогневаться! Вот за то, за то самое мне эту роту и вверили. А ведь дворовые все, сорвиголола!

Несмотря на декабрь месяц, день был так хорош и на солнце так тепло, что многие из нас без шинелей, без перчаток даже отправились в сад и там по крайней мере полчаса перекидывались снежками. Да и все ли это! Недели три спустя, не более, я помню, в один ясный январский день, когда снегу совсем не было, в одном пригретом солнцем затишь между гор я любовался роем мошек...

После игры в снежки я возвратился в комнату и застал там следующую сцену.

Майор, воодушевленный рассказом о своей роте из дворовых, проснулся решительно. Живая его струна была еще задета чьим-то

вопросом из молодых офицеров о том, хороший ли у него фельдфебель.

«У-у, престрогий!» — торопливо воскликнул майор, сжимая коротенький кулак над редкими волосиками своей головы.

Госпожа Гуттер в это время сидела в кресле возле дивана и о чем-то думала, — вероятно, впрочем, не о том, чтобы подольше удерживать в гостях майора.

Но Ферапонт Евтихич пришел уже вполне в хорошее расположение духа и захотел быть любезным даже с хозяйкой дома. Предмет для разговора с нею сам собою ему представился...

«Да вот-с, я вам по сущей подлинности объясню, — начал он, обращаясь к госпоже Гуттер и уставясь на нее, — какой у меня фельдфебель. Когда мы выступали из города Птицына, купечество и мещане вознесли по начальству желание хлебом-солью угостить дружину, — значит, по калачу там или по булке и по чарке пеннику поднести. За царя, говорят, за святую веру не токмо что состояние — жисть, животы, значит, положить предпочитаем. Начальство, как есть, согласилось. Ну, честь честью. Благодарность предъявили, да и к делу. У нас ведь, я вам по всей подлинности доложу, как все обстоит нонече, так все уж было на ту пору, по-военному. Сейчас народ вывели, по ранжиру поставили, ну и подходи, значит, с правого фланга, а кто выпил свою, тот пошел на левый, а новый подходи с правого же фланга...»

Не знаю — в скобках заметить, — как занимательно было для госпожи Гуттер это вступление в будущую повесть о героическом характере фельдфебеля. Знаю только, что она очень мало могла бы понять что-либо из красноречия Ферапонта Евтихича, потому что вообще не очень сильна была и в обыкновенном русском языке. Как бы то ни было, рассказчик стоял перед ней, широко расставив свои коротенькие ножки, как будто боясь выпустить из кресла свою жертву, и рассказ продолжался:

«Один же ратник и возмись — слукавил. Губа-то не дура! Он-с, того, выпивши свое да отойдя сызнова на правый фланг, взял да и сызнова шасть к ушату с винищем... А фельдфебель его и подметь. Хе-хе-хе-с. Каково?!»

Тут рассказчик, приостановившись, отбежал в противоположный угол комнаты, потом ускоренным шагом подошел к креслу, на котором сидела госпожа Гуттер, вдруг остановился в полшаге от нее. Подобный маневр повторился раза три в продолжение последующего рассказа, которого главной темой был подвиг фельдфебеля, с самоотвержением вывихнувшего себе палец в минуту, когда он порывался то же самое сделать с челюстью провинившегося невоздержанного ратника.

Госпожа Гуттер во все время сидела без движения. Жаль, что не было тут фотографа: физиономисты и психологи, быть может, открыли бы впоследствии какое-либо новое движение души, занимающее средину между негодованием, стыдливостью, состраданием и отвращением...

Ферапонт Евтихич вскоре уехал. С тех пор никому из нас не случалось встречаться с ним.

Незадолго уже перед окончанием зимнего похода, в те дни, когда на юге солнце греет, как в Петербурге в апреле, случилось мне проезжать верхом на крымском маленьком коньке через деревню, где квартировали ратники. Вечерело. Воздух заметно стал наполняться сыростью. Сарай, или мазанки, татарские как будто сбросили с себя дневную белизну свою и сероватым рядом тянулись вдоль степной дороги и только кое-где по временам показывали промеж себя извилистые, узенькие переулки, ведущие к задней стороне аула. Стаи поджарых, тощих собак лежали там и сям на небольших возвышениях наподобие курганов, виднеющихся впереди селения, и все эти отряды сельской стражи по очереди встречали и провожали проезжего сиплым лаем своим.

Вдруг где-то в конце деревни послышалась русская песня. Те самые, кажется, голоса, которые отличались когда-то на мызе господина Гуттера, но только с меньшим немножко одушевлением пели:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно дома горевать.
То ли дело под шатрами
В поле лагерем стоять.

Мне приходилось проезжать через средину селения. Начали попадаться навстречу ратники; они выходили по одному, по два из каждой почти избы и, лениво застегивая набок свои серые кафтаны, еще ленивее тянулись куда-то по одному и тому же направлению. Некоторые из них меня узнавали, вероятно, видевши прежде где-нибудь в отряде, останавливались и приветствовали, кто отдавая честь по-солдатски, а кто просто отдавая поклон и приговаривая: «Здравствуйте, батюшка, ваше благородие, изда-лека ли к нам жалуете?» По временам, продолжая ехать своей дорогой, я обменивался с ними парой слов.

«Что у вас сегодня, не праздник ли, что песни поете?» — спрашиваю я. — «Нет, никак нет; это у нас кажинный день так перед обедом и ужином!» — кричали мне в ответ. «Ну, слава Богу, слава Богу, что хорошо живете. Это и слышать радостно». — «Да-а, жить-то весело...» — отозвался чей-то голос, dokonчив что-то в рифму, чего, впрочем, мне не удалось расслышать.

Время идет, идет вперед безостановочно и крымский мой ходун, каждую минуту оставляя за собою сотню-две шагов пространства. Я выехал из деревни и был уже близ большой дороги. Тут наскочил сзади мой спутник, юнкер Х., отставший несколько от меня в деревне, чтобы закурить цигарку. У нас пошло философское рассуждение о том, какая разница между тем, как отдавать приказы и как достигать их исполнения, да о том, что и на службе прежде

всего следует быть человеком, а затем — служивым. Плох тот службист, кто забывает эту двойственность условий службы.

В воздухе было уже холодно. Из аяна мы перешли в добрую рысь и через час времени были уже дома, на своих стоянках.

Война окончилась. Войска начали выступать из Крыма и остановились на время в Днепровском и соседних ему уездах, по деревням. Это было сделано столько же для отдыха, сколько и для так называемого «очищения», чтобы не занести во внутренние губернии болезней, неизбежно укоренившихся, так сказать, в некоторых частях армии. Вслед за тем получено приказание выранжировать и распродавать тех лошадей, которые содержались по военному положению, и присланы маршруты для похода на постоянные уже или же еще временные квартиры. В половине апреля мы перешли через Днепр по плавучему мосту при Бериславле. Далее путь нам лежал через северную часть Херсонской губернии, по тем именно местам ее, где Ингулец своим течением оживляет высокую необозримую степь, где на каждой станции по маршруту встречаются красивые поселения с рощами и садами, этим столь редким и отрадным для путника явлением.

В Бериславле мы встретились с двумя дружинами ополчения П... губернии. Они сдали уже свои ружья в Николаеве и сохранили при себе только барабаны и рожки. Маршрут нам был по Херсонской губернии общий, только дружины должны были идти днем позже нас, так что мы сменяли друг друга на ночлегах. Это обстоятельство дало мне случай познакомиться с другим положением ратника, нежели мы видели несколько недель тому назад. Здесь уже все было не так, как в той дружине, где перед обедом и перед ужином пелись песни для улучшения пищи. Напротив, мы видели полные, цветущие лица, и сами ратники рассказывали, что вот, дескать, у них начальство так начальство — выкормят, и приберегут, и приструнят, и обласкают человека; а заболит кто, так не то что поскорей в больницу, нет — сами уложат, укроют его. Да еще были и такие офицеры, что сами ездили верст за двадцать каждый день советоваться с доктором, все записывали на бумаге, что покажет больной и что говорит после доктор, и лекарства привозят и при себе дают их больному. «Да и не то что во время войны, а теперь, — говорили ратники, — как мы же домой в походе поротно для порядку только, а доберемся восвояси, так, почитай, каждого из нас и вовек не видать ему, начальнику, — и то все-таки берегут и кормят нашего брата, словно какой службы от нас бы ожидали. Уж и то мы много довольны за военное-то положение, так нет — наш Ропшин, Александр Андреевич, дружинный, значит, просто отец родной! Как взял нас со двора родного, так в целости и обратно представить хочет. Да что — такими ли представит, как взял нас?! Нет, пошли мы неучами, людьми темными, а теперь свет повидали, службу поузнали, да во здравии, в благополучии, Бог даст, воротимся домой. Еще баит казначей наш, что как распуцать станут, то распродадут обоз, да и экономия от съестных есть, так рублей по двадцати серебра еще

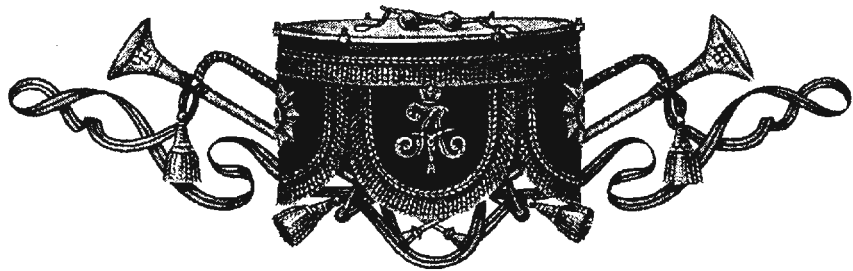
на руки выдадут, чтобы не с пустой мощной домой пришли... Да и господя тоже у нас, офицеры, дай Бог им здоровья. Просто бы князьями им всем быть, не то что дворянами. Будет что порасказать на дому, будет чем поход помянуть. Вот только горе — никто из нас Егория домой не принесет!.. В огне, значит, не были; штурма, вишь, от нас ушла. А курские, слышно, в Свистопуле (Севастополе. — *Сост.*) с Хрулевым генералом Егориев таки захватили маленько!..»

И шли мы походом со станции на станцию, с дневки на дневку. И как теперь перед собою часто вижу я картину почти ежедневную: выступление наше с ночлега и встречу в это время с ополчением. Как теперь помню эти ясные утра, точно в мае благоухание степного воздуха. Часов в семь утра кони уже выведены, эскадроны строятся, взводные там и сям ходят между шеренг и осматривают вьюки. Вот раздастся команда: «Смирно!» Очередной взвод везет штандарт. А вот в другом конце селения раздаются, слышатся звуки песни русской, то заунывно-протяжной, как сама темная даль пережитых веков матушки-Руси — старушечки, то разудалой, залихватской плясовой с барабанным перебоем да со звонким присвистом и с чистым, ровным «подголоском» (альт) лихача-запевалы. Невольно оставались мы на месте лишние четверть часа для того, чтобы дожидаться, когда покажется дружина (ратники выступали с ночлегов еще до свету и часам к семи уже оканчивали свой поход), и посмотреть на веселый поход ратников. Вот звуки все ближе, ближе, заблестели медные барабаны, впереди идут горнисты, а за ними, большим полукружьем широко раскинувшись в поле — благо в степи везде дорога, — сотни две-три человек фронтом; те, кто ближе к барабанам, то все песенники; по сторонам их, все более и более вперед, идут их слушатели. Да и как идут! Любо, весело смотреть. Кафтаны нараспашку, руки за спину заложены, у всех цветные рубахи — у кого красная, у кого синяя; а походка, поступь — соколы, да и только! Смело и ровно подаются они вперед, передаваясь с ноги на ногу своими мощными плечами; а ноги-то — не ноги, а самоходы какие-то в своих двенадцатифунтовых сапогах! И таким шагом они много и скоро идут, верст по шести в час, наверное.

Так шли походом ратники п-цы. Не доходя до Елизаветграда, тракт делится надвое. Нам прямо, им — идти на Екатеринославль и там опять на левую сторону Днепра. С одной дневки мы разошлись, простились. Они весело шли, песни подпевали, а барабаны подбивали:

Барабанчики гремят,
Колокольчики звенят,
Ай, люди, люди, люди,
Ай люшеньки-то люди!

Это было нашим последним прощанием.

В. Д. К.

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ В ПОЛКУ*

Выдержки из дневника

I

Вчера прибыл я к месту моего нового служения. Странные чувства волновали меня; лег спать и, несмотря на страшную усталость, не мог заснуть ни на минуту во всю ночь; мысли: «как примет меня полковой командир», «как встретят новые сослуживцы» — не давали мне покою. Встал рано, вышел из дому в самом грустном расположении духа. Явился командиру; сколько мог заметить, он должен быть добрый человек, но большой оригинал. Встретил он меня ласково, приветливо, но срезал, как говорится, на первых порах.

— Скажите, пожалуйста, — сказал он, — какой расчет был у вас переходить к нам?

Я объяснил ему со всею откровенностью причину, по которой оставил место прежнего моего служения и имел честь поступить под его начальство.

— Так-с, очень жаль, — произнес он грустным тоном, — ведь наша служба не представит вам тех выгод, какими вы пользовались; оно правда, — добавил он после некоторого молчания, понизив голос, — что вы, будучи столь молоды, поступаете в полк прямо капитаном, следовательно, принимаете роту, а это чего-нибудь да стоит, это-с шаг в жизни; я, батюшка, тринадцать лет добивался этой чести; правда, время глухое было, — продолжал он, увлекаясь все более и более, — ведь на этом месте человек обеспечен, можно сказать, если только умно поведет делишки, так что овцы будут целы и волки сыты, но все-таки...

Тяжело мне стало от этой речи, я не дал докончить ему последнюю фразу, перебив ее просьбою не давать мне пока роты, а позволить осмотреться да попривыкнуть; тем более что я не думаю долго оставаться в полку.

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1858. Т. IV. С. 89—124. (Примеч. сост.)

— Очень хорошо, — сказал командир, — у меня же, кстати, в настоящее время и роты вакантной нет; конечно, я бы мог отнять у некоторых, потому что уж слишком по-пански руки в казну запустили, да жаль все как-то, знаете, — так вот и терпишь до поры до времени, авось образумятся. Да и вам, в самом деле, поосмотреться, поприглядеться к нашим порядкам надо: ведь у нас здесь совсем не то, что у вас там, — при этом он показал пальцем кверху, — здесь совсем другая обстановка; примете эдак роту зря, так и напляшетесь потом; того и гляди, под суд упекут, как пить дадут; а попривыкнете да поодержитесь, быть может, и не захотите бежать от нас, и все пойдет как по маслу. Итак, — заключил он, улыбнувшись, — роты я вам не назначу, а как гостю и старшему капитану в полку предпишу временно исправлять должность младшего штаб-офицера.

Поблагодарив командира за его любезность и получив приглашение заходить к нему на чашку чаю и на обед, коли своего дома не случится, я раскланялся с ним и отправился к представителям полка, или так называемым чиновникам: адъютанту, казначею и квартирмейстеру.

Первый визит мой был к казначею, но не потому, что я хотел у него заискивать, а так случилось, по дороге. Наружностью изба, в которой помещался казначей, ничем не отличалась от других изб, отведенных для офицеров, но внутренняя обстановка поразила меня на первом шагу. В грязных и темных сенях, отделяющих летнюю избу от зимней, на протянутой веревке грациозно колыхались две женские юбки, такие же детские панталонцы, пикейное с фалборой одеяльце и много другого белья, ясно, принадлежащего не крестьянину, а его постояльцу.

— Здесь живет казначей? — спросил я нерешительно у черноглазой крестьянской девушки, пересматривавшей белье.

— Здесь, пожалуйста направо.

Но не успел я сделать ни малейшего движения, как указанная мне дверь отворилась, и я лежал в объятиях корпусного товарища, лучшего друга детства.

— Л^{***}, душа моя, — говорил товарищ, — насилу-то я тебя дождался; с месяц назад, как только прочел в приказе, что ты к нам переводисься, со дня на день поджидаю. Скажи, какими судьбами ты попал к нам?

— Нет, скажи лучше, как ты попал сюда, — ведь ты вышел из корпуса в кавалерию, в уланы, кажется?

— Спешился, вот и все; обстоятельства, братец, обстоятельства; да пойдем же в комнату, там потолкуем. Я познакомлю тебя с женой, она уж заочно давно с тобой знакома, — сказал казначей и, схватив меня за руку, потащил к дверям.

— Как, ты женат? — спросил я, совершенно озадаченный этой неожиданностью.

— Да, уж второй год женат, и сынишка есть.

— И ты с женой да еще с ребенком нянчишься в походе?

— Что делать: сама хочет. Ну да пойдем же в комнату, что мы в сенях-то стоим.

— Но я стесню твою жену, буду женить ее. Ведь, я думаю, она только что встала, теперь всего восемь часов.

— Нет, брат, мы уже завтракать собираемся; она у меня по-военному, в пятом часу встает; а если ты ее будешь женить, она уйдет в другую комнату.

— Да где же ты там нашел другую-то комнату? В избе?

— Ну, войди, войди только, сам увидишь.

Мы вошли.

Большая чистая крестьянская изба была разделена вдоль глухой деревянной перегородкой, которая посередине разделялась другою, идущею поперек избы, и таким образом представляла нечто вроде трех комнаток или клеточек; в каждую клетку вела особенная дверь.

— Мари, вот Л^{***}, о котором я говорил тебе; он не хотел войти, боясь стеснить тебя, — сказал казначей, входя в избу.

— Не кричи так, Жан, — нахмурив брови, плаксивым голосом произнесла она, обращаясь к мужу, — не знаешь разве, что Саша только что лег спать, — сделав замечание мужу, она обратилась ко мне: — Очень, очень рада видеть вас, г-н Л^{***}. Муж мой с нетерпением поджидал вас, он так счастлив, что чуть даже не разбудил малютку; простите, что я при вас сделала ему выговор.

— Я на вашем месте еще не так наказал бы его, а просто за уху.

— Нет, он у меня такой милый. — И она поцеловала мужа.

Казначей вспыхнул.

— Не взъищи, Л^{***}, — сказал он, — она у меня такая инстинтутка, что просто беда.

— В этом беды нет, а вот не терпите ли вы беды, живя в такой тесноте?

— У нас теснота? Что вы, Бог с вами, — сказала жена казначея. — Да чего же еще нам больше надо? Пойдемте, я вам покажу наши комнаты (с этими словами она подошла ко мне и взяла меня за руку). Только, пожалуйста, не стучите каблуками, не разбудите Сашу, он плохо спал нынешнею ночью. Вот видите, это наша спальня, — сказала она, введя меня в первую от дверей клеточку (чистота и опрятность, столь несродные с походным бытом, изумили меня). — Тут за стенкой детская, так что я слышу даже, когда Саша повернется, не то что заплачет, — видите, как удобно; а вот приемная и столовая. — Она указала рукой на часть избы впереди перегородки: — Через сени, на той половине, кухня и людская. Скажите, разве неудобно? Конечно, вам после петербургских палат это помещение кажется дурным, а нам хорошо, мы люди походные, боевые...

И она залилась звонким, непринужденным ребяческим смехом.

— Положим, пока на месте, оно и хорошо, а если двинуться далее, каково тогда будет?

— В походе мне еще лучше; у нас есть покойный тарантас, я еду за полком, ведь Жан — казначей, ему всегда для ночлега и

дневок отводят лучшую избу; к тому же полковой штаб помещается постоянно в хорошей деревне.

— Мари, распорядись-ка завтраком. Л^{***}, думаю, перекусить хочет, да и нам время, — сказал казначей, видимо недовольный наивной болтовней жены.

— Сейчас, мой друг, — сказала она, поцеловав мужа, и выпорхнула из избы.

— Да, счастлив ты, братец, — заметил я, когда хозяйка скрылась, — что тебе досталось такое сокровище; не удивляюсь теперь, что ты возишь ее с собою; она не бремя, а утешение. Скажи, где тебе Бог послал такое счастье?

— Да, я счастлив вполне; и если б только финансовая сторона была в порядке, просто и умирать бы не надо.

Я недоверчиво посмотрел на него.

— Ты давно уже в этом полку?

— Года два будет.

— А казначеем?

— Около того же времени; меня выбрали в казначей через два месяца по прибытии в полк.

— И ты до сих пор не обеспечил себя?

— Что ты, смеешься или серьезно говоришь это?

— Чему смеяться, ведь казначей везде и всюду наживаются, это аксиома.

— Нет правила без исключения; правда, воровать можно.

— Какой же расчет был у тебя переходить в пехоту?

— Мои старики желали, чтобы я был ближе к ним; к тому же и дела их расстроились, они не в состоянии были помогать мне; полк этот стоял тогда в их уезде, они и перетащили меня; прожил я с ними год с небольшим, женился и пошел таскаться по свету; вернусь ли опять когда-нибудь, одному Богу известно; все судьба, братец.

— И не раскаиваешься ты, что перешел?

— Жена заставляет забыть все, она за все вознаграждает.

— Ну, а каково товарищество у вас в полку?

Казначей махнул рукою вместо ответа.

— Плохо? — спросил я.

— Поживешь — сам узнаешь, всего насмотришься.

— Неужели нет ни одного порядочного человека?

— Что ты, что ты, разве я сказал это? Напротив, очень много прекрасных людей; ну, а есть и теплые ребята, в семье не без урода.

— А каких больше?

— Для меня первых больше, не знаю, как тебе покажется.

— Адъютант и квартирмейстер хорошие люди?

— Я живу с ними ладно, но в полку их не любят; адъютант, между нами будет сказано, отчасти горд, а квартирмейстер глуповат.

— Ну что ж, одно стоит другого.

— Был ты у полковника?

— Был.

— Ну, как он тебе показался?

— Кажется, добрый человек, но...

— Редкий человек, — перебил меня казначей, — лучшего командира сыскать трудно. Узнаешь его покороче — сам скажешь то же; есть, правда, у него некоторые странности, много темных взглядов на вещи, но кто не ошибается в жизни? Конь о четырех ногах, да и то спотыкается. Ты какую роту принимаешь?

— Я не принимаю никакой, я буду исправлять должность младшего штаб-офицера.

— Вот и прекрасно; в каком батальоне?

— Не знаю, но это, я думаю, все равно.

— Ну не совсем; впрочем, главное, мне хотелось быть с тобой, а как ушлют в третий, так не часто будем видаться — он стоит в тридцати верстах отсюда.

— А в этой деревне какой батальон?

— Здесь только дежурная рота; хочешь, я устрою, чтоб тебя назначили в 1-й батальон, он расположен всего в двух верстах от штаба.

— Сделай одолжение, мне все равно.

— Простите, что я так долго возилась в кухне, — сказала раскрасневшаяся от жару хозяйка, возвращаясь в комнату, — но Трофим наш ничего не понимает, все самой надо. Что, Саша не просыпался?

— Нет, спит спокойно; да где же няня? — спросил казначей.

— Разве не знаешь, что сегодня стирка? Она весь день с бельем провозится. Жан, накрой стол, я сейчас велю подавать завтрак. — И она убежала снова.

Только что мы принялись с казначеем за сервировку, ребенок заплакал, хозяин забыл и меня и стол, бросился в так называемую детскую, схватил ребенка на руки и начал баюкать, напевая какие-то нескладные, но очень усыпительные песни.

«Вот где кстати поговорка: нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет», — подумал я и продолжал один накрывать на стол.

Минут через пять явилась хозяйка с блюдом в руках в сопровождении небритого денщика также с блюдом и двумя графинами.

— А где Жан? — спросила она.

И, не дождавшись ответа, порхнула за перегородку, хотя там уже смолкли и писк и песня.

— Уснул, слава Богу, — сказала хозяйка, на цыпочках выходя из детской, — теперь мы можем закусить спокойно.

Позавтракав, казначей начал одеваться, взял портфель с бумагами, расцеловал жену, перекрестил малютку, и мы вышли из избы: он — к командиру, а я — к адъютанту и квартирмейстеру.

Адъютант и квартирмейстер принадлежали к разряду «теплых ребят», по выражению казначея. Адъютант принял меня в халате, при входе едва поднялся с места и, указав рукой на близстоящий стул, тоном покровительства произнес:

— Садитесь.

Я сел.

— А вы ведь просрочили, — сказал он, лукаво улыбаясь, — вам уж давно срок, давно надо было бы явиться; ведь уже более месяца, как вас перевели.

— Так, но я не думаю, чтобы я просрочил, мне и сроку назначено не было.

— Но вы не беспокойтесь, — продолжал адъютант, — это ведь от вас зависит, это в наших руках, мы не подвергнем вас ответственности, мы своих не выдаем. Были вы у полковника? Назначил он вам роту?

— Был, но я роты не приму, а буду за младшего штаб-офицера.

— Да? — адъютант сдвинул и нахмурил брови. — Впрочем, это я подал эту мысль, — продолжал он, просветлев немного. — Он ведь без меня ни на шаг, я его вот как в руках держу. — При этом он сделал жест наподобие того, как кучер держит вожжи, и так далеко выдвинул вперед руки, что я должен был со стулом податься назад. — Извините, нельзя, знаете, иначе. Дай волю, так зазнается. Как вам понравилось наше общество офицеров?

— Я еще никого не имел удовольствия видеть.

— Гм... ничего, служить можно, правда, с горем пополам, но можно; конечно, я никогда бы не служил здесь с моим образованием — я ведь воспитывался в университете (впоследствии оказалось, что это было сказано только для красного словца). С моими связями можно было бы и не служить вовсе, но в настоящее трудное время как-то совестно лежать на боку, нынче все порядочные люди служат. У вас есть состояние?

— Нет, никакого.

— Вам не родственник ли дежурный штаб-офицер нашего корпусного штаба?

— Да, родной дядя.

Адъютант вдруг переменял тон.

— Извините, что я принимаю вас в таком неглиже, — сказал он, захватывая левою рукою халат у горла, а правой поправляя полы его, — но я только что встал — всю ночь не спал, завален работой. Не угодно ли чаю?

— Нет, благодарю.

— Да-с, работа у меня страшная, но я ее не боюсь. Жаль одно, что никакого поощрения или, так сказать, возмездия за труды не видишь; правда, я получаю от полкового командира триста рублей серебром в год, — иначе нельзя, согласитесь, кто же для него даром трудиться станет; сам ведь он ни бельмеса не смыслит, все я; ну да что значит его триста рублей? Так, сквозь пальцы пройдут, что и не заметишь; в один дивизионный штаб за годовые отчеты рублей двести, пожалуй, а то и двести пятьдесят заплатить надо, — что же останется? Конечно, я этот расход на счет полковому командиру ставлю, нельзя баловать, сам ведь не догадается, а все-таки поощрения за труды никакого не бывает; здесь ведь не то, что в гарнизоне, — там у адъютанта почти каждодневные доходы есть. Правда, что наша служба благороднее, но зато тут разве только от продовольствия музыкантской команды кое-что

перепадет, — ну и все; а вот казначей и квартирмейстер — это другая статья.

— Что квартирмейстер? Что тебе надо? — сказал, входя в комнату, рослый рябоватый мужчина лет тридцати в шинели из серого солдатского сукна.

— А вот один и сам налицо, — сказал адъютант, обращаясь ко мне, — позвольте вас познакомиться. Поручик Тухолмин, рекомендую — новый товарищ, капитан Л***.

— Приятно познакомиться, — басом произнес квартирмейстер, — давно вас поджидаем. Добро пожаловать.

— А я вот тут знакомлю капитана с нашим житьем-бытьем.

— Плохое житье, батюшка, понаплачетесь вдоволь, — сказал квартирмейстер. — Это не то, что у вас там было: тут всякая дрянь, с позволения сказать, тебе в глаза тычет, неприятностей не оберешься; конечно, я плевать на все хочу, а все же неприятно, согласитесь; будь еще полковой командир порядочный человек, все бы ничего, а то такая выжига, чтобы не сказать хуже, что и не приведи Бог.

— Но мне он очень понравился, — сказал я, — и казначей о нем хорошо отзывался.

— Да, еще бы казначею нехорошо отзываться. Рука руку моет, — заметил, лукаво улыбаясь, адъютант и искоса взглянул на квартирмейстера.

— И обе чисты бывают, — добавил квартирмейстер. — У них ведь все неделенное, заодно управляют. Да, казначейская часть — это лафа, это не то, что наша.

— Отчего ж это? — спросил я.

— Да так, наша часть грязная, а у них все начистоту.

— Помилуйте, что же может быть чище вашей части, продовольствие людей...

— Ну да, уж про это мы знаем; примете роту, так увидите, рук марать не стоит, крохи перепадает; а по казначейской части штуки да куски в карман лезут; конечно, такая разиня, как наш казначей, многого не составит, а дай-ка мне эту должность, я бы показал себя. Да что говорить, знаем мы, где раки зимуют. Обиднее всего то, что квартирмейстер хоть и в ничтожной, а все-таки в постоянной зависимости от казначея, тогда как казначей и знать нашего брата не хочет, разве только сальной свечкой одолжится, чтобы итоги да транспорты в книгах смазать для удобнейшего и скорейшего уничтожения сих последних крысами и мышами.

Я улыбнулся невольно, хотя разговор этот начинал мучить меня, и, чтобы положить ему конец, обратился с просьбой к квартирмейстеру отвести мне избу.

— Можно, — сказал квартирмейстер, — только все порядочные занятия, посмотреть надо будет.

— Да им, я думаю, можно будет отвести избу, где помещается полковой госпиталь, — решительно заметил адъютант.

— И в самом деле, — произнес Тухолмин, — этих лежебоков и в сарай поместить можно.

— Помилуйте, из-за меня тревожить больных! — почти вскрикнул я, испугавшись такого решения.

— Вздор! Это не ваше дело, ведь он пошутил, сказавши «в сарай»; мы их в другую избу, только похуже теперешней, переведем, — сказал адъютант, — вот разве только Густав Федорыч заупрямится.

— Посмотрю я на этого немца! На всякого лекаришку прикажете еще внимание обращать. Нет, много будет, пусть его орет, ничего не возьмет, только надорвет глотку! — запальчиво произнес квартирмейстер.

— Нет, ради Бога, не делайте этого для меня. Я вас прошу, отведите мне какую-нибудь избу, мне везде хорошо будет, а не то я на постоялом дворе останусь.

— Ну, как хотите, насильно мил не будешь, а напрасно не желаете, нам это ровно ничего не значит, — сказал квартирмейстер. — А коли немца-доктора боитесь, так не стоит труда; если всякому потачку давать, того и гляди, что тебе весь полк на шею сядет; ну, а избу мы вам все-таки найдем порядочную, — добавил он после некоторого молчания.

— Очень буду благодарен, только, пожалуйста, не стесняйте никого, иначе мне крайне будет неприятно. — С этими словами я поднялся, чтобы уйти.

— Куда же вы? — закричали в один голос адъютант и квартирмейстер.

— Пора домой, надо разбираться с вещами, да и вам, господа, вероятно, пора с докладом к полковнику, казначей уже давно пошел.

— Да, он известный выскочка, — сказал адъютант. — Ну, а нас подождет. Вы где обедаете сегодня? Приходите к полковнику.

— Как же я приду, он меня не звал.

— Ну, я вас зову, это все равно.

— Может быть, но, благодарю вас, я уж отобедаю дома или у казначея.

— Что за вздор, приходите к полковнику, — повторил адъютант.

— Вы, может быть, боитесь объесть его? Но ведь он тоже не свое ест! — добавил квартирмейстер и разразился громким хохотом.

— Прощайте, господа, — сказал я, — очень рад, что имел случай познакомиться с вами.

— И мы тоже, — произнесли оба вместе.

— Заходите почаще, я живу здесь рядом, — добавил квартирмейстер.

— Непременно буду, постараюсь, — сказал я, затворяя за собою дверь.

II

Прошло более трех месяцев, как я был в полку, а мало успел познакомиться с обществом офицеров; они не слишком жаловали

полковой штаб (где мне предписано было жить) и наезжали редко, разве только по обязанностям службы; ротных командиров я знал всех в лицо и по фамилиям, но сойтись с ними, узнать их покорооче, при всем желании никак не мог: они как-то избегали, дичились меня, во-первых, потому, что я (по выражению некоторых) был чужого поля ягода, а во-вторых, жил в полковом штабе; с младшими же офицерами полка я вовсе знаком не был и не видел почти никого из них. Большую часть времени проводил я у казначея и полкового командира.

Полковник полюбил меня, как родного, обращался со мной не как начальник, а как лучший товарищ, и хотя мы во многом не сходились, но наши частые беседы и задушевные разговоры были истинно дружеские. Не знаю, чем объяснить это: тем ли, что он считал меня временным, случайным гостем, или его добродушием, — во всяком случае я ему равно признателен. Из лиц, живших в штабе, кроме тех, о которых говорил выше, я познакомился довольно коротко с полковым штаб-лекарем Густавом Федоровичем Зоннером, добрым, честным, благороднейшим немцем, прекрасно знавшим и добросовестно исполнявшим свое дело, и с моим ближайшим начальником, командиром 1-го батальона майором Каратаевым.

Майор Каратаев, рослый, видный мужчина, баловень счастья (как его звали в полку), еще в молодых годах и в маленьких чинах всегда был отличаем и протезируем начальством, то есть его посылали всюду на ординарцы и во всевозможные почетные и видные караулы, а в заключение, в знак особенного начальственного благоволения, отправили в Образцовый пехотный полк для усовершенствования в деле вытягивания носка и салютовки. Повезло и тут Каратаеву: новое начальство не могло нахвалиться им, видело в нем олицетворенную грацию и решило оставить его в кадрах; но тут вышло маленькое обстоятельство, совершенно неслужебное, но повредившее по службе. Жена, или сестра жены, или нечто в этом роде одного из начальников майора (в то время поручика), видя общее начальническое внимание к Каратаеву, стала со своей стороны и по-своему являть к нему особенное расположение; не знаю, как, кто и зачем, но дело в том, что майора в одно прекрасное утро совершенно для него неожиданно отправили к месту прежнего служения, наградив достойно и снабдив одобрительными отзывами.

Приехал майор в полк, но уже не тем, каким оставил его, приехал оперившимся, с познаниями, с деньжонками; завел лошадей, повел большую игру, — словом, задал тону, зажил баринном. Разговор майора стал пестреть французскими фразами, иногда довольно нелепыми, но тем не менее французскими. Майор мало обращал на это внимания, он шикавал, он тонировал и до того дал знать себя, что в полку смотрели на него как на что-то необыкновенное и прозвали «непостижимым». Но непостижимый майор очень постигал себя и сферу, в которой обретался; и, к чести его отнести надо, остался славным товарищем, веселым

собеседником, справедливым, добросовестным начальником и благороднейшим человеком, готовым на всякое дело. Часто убивал я время, слушая его восторженные рассказы на любимую тему о житье-бытье в Образцовом полку, о годах его молодости, или, как он сам выражался, быстро, бурно и невозвратно пролетевшей молодости, о временах амурных походов.

Полку было назначено движение вперед. Полковой командир потребовал меня к себе.

— Вчера был я у начальника дивизии, — сказал он, — и он требует, чтобы вы приняли роту; он изъявил даже мне свое неудовольствие, что вы до сих пор не командуете.

— Но ведь я, полковник, как вам неизвестно, со дня на день ожидаю откомандирования, — сказал я.

— Вы уж четвертый месяц ожидаете со дня на день, а все нет толку, Бог даст, и останетесь; знаете, мне бы очень не хотелось расстаться с вами.

— Очень вам благодарен, полковник, но я не переменяю своего намерения.

— Ну, что будет, то будет, а пока роту все-таки принять надо. Не обижайтесь, — сказал он, помолчав немного, — если я вам дам несколько полезных советов; я вас полюбил с первого разу и теперь хочу говорить, как отец с сыном. Уверен, что вы поймете меня. Рота у нас, — продолжал полковник, — нечего греха таить, кому это не известно, — капитал, с которого ротный командир получает проценты; но один, извольте видеть, довольствуется законными, а другой, как ростовщик, берет безбожные, и все ему мало; он так и норовит, как бы весь капитал к рукам прибрать.

— Что же из этого следует? — спросил я.

— Прошу вас, — сказал полковник, протянув мне руку, — я знаю, вы благородный человек, довольствуйтесь законными, не обижайте бедных солдат, им и без того трудно.

— Помилуйте, полковник, за кого вы меня считаете? — вскричал я. — Да если б я дерзнул подумать о том, чтобы взять копейку с роты, я был бы подлецом в собственных своих глазах.

— Только бы в своих и были, — довольно сухо отвечал командир. — И к чему крайности? — продолжал он тем же тоном. — Не брать вовсе — нельзя, благоразумная экономия необходима; есть случаи, где с вас же спросят, откуда тогда возьмете?

— Но подобных случаев быть не может и не должно быть, если все командуют добросовестно.

— Вам так кажется? Ну вот, если я, например, потребую, — что обыкновенно и делается, — чтобы вы построили на всю роту новые фуражки или сделали бы новые галстуки да набрюшники; что, из своего кармана вы это делать будете, коли не запаслись экономией?

— Но вы этого не потребуете, если не отпустите суммы на эти предметы.

— Я, батюшка? — сказал полковник, как бы испугавшись моих слов. — Да я-то из каких сумм? Нет, на этот случай должна быть

экономия; мало ли мы, полковые командиры, подобных случаев на себе испытываем, — нам ведь тоже потачки не дают, беспрестанно требуют, чтобы мы распорядились экономическим или хозяйственным образом, а сумм не отпускают.

— Но ведь казна отпускает, куда же все это идет?

— Ну, уж про это старшие ведают, — сказал полковник, принужденно улыбаясь. — Да вот, например, пуговицы, — продолжал он, видимо, обрадованный, что напал на эту мысль. — Казна отпускает бессрочно только на один мундир, а ведь я от вас буду требовать, а старшие от меня потребуют, чтобы на всех трех мундирах пуговочки-то все сполна были — откуда вы их возьмете?

— Если это так, то подобный расход и для роты не может быть обременителен; можно купить пуговиц на счет съестной или экономической суммы, какие там у вас существуют в ротах.

— Суммы в ротах существовать-то существуют, да кто же дозволит вам вывести из них расход на пуговицы? Разве на капусту покажете, а пуговиц купите, — это можно, это бывает, но все же неприятности могут быть, если проверят да увидят, что у вас месячный расход более, чем в другой роте.

— По-моему, легче перенести замечание начальника, чем упрек совести.

— У всякого, батюшка, свои понятия; действуйте, как хотите. Я считал за долг предупредить вас и свое сделал, совесть моя чиста перед вами.

— Очень вам благодарен, полковник. Поверьте, что умею ценить это.

— Не совсем, кажется; ну, довольно об этом.

— А какую роту прикажете принять мне?

— Я вас прошу подтянуть мне 3-ю мушкетерскую, ею командует поручик Сбруев и распустил донельзя, только хапать и умеет.

— Когда же прикажете принять?

— А вот сегодня после обеда будет общая поверка сумм, вы примете деньги, а на завтрашний день, пожалуй, и роту. Вы ведь у меня обедаете?

— Если позволите.

— Ну и прекрасно.

После обеда, часу в пятом вечера, все власти полка начали собираться в избу к командиру. Полковник был в приятном расположении духа, при входе батальонных командиров вставал со своего места, подавал руку вошедшему и просил садиться; ротных же командиров приветствовал только легким наклоном головы и приглашением садиться не удостоивал, но зато у всякого, ласково улыбаясь, расспрашивал с участием о благосостоянии и благополучии роты.

Когда все собрались, явился казначей в сопровождении ефрейтора, писаря и двух рядовых, несших полковой казенный ящик; ящик поставили на двух табуретах сзади длинного стола, пред серединой которого воссел сам полковник; по сторонам его поме-

стились батальонные командиры, а по концам стола сели квартирмейстер и казначей; адъютант стал пред серединой стола, против полковника; ротные же командиры разместились по стенкам. Началась поверка. Ротные командиры вызывались полковником поочередно, по старшинству рот; когда вызываемый подходил к столу, писарь вынимал из полкового казенного ящика небольшой ящичек, принадлежащий роте, подавал его полковому командиру, который чрез адъютанта передавал его ротному. Ротный командир отпирал ящик, вынимал деньги, пересчитывал, отделял излишние, или так называемую передержку, и затем остальные деньги вместе с ведомостью передавал снова полковому командиру; полковник проверял деньги по ведомости, выдавал ротному командиру требуемую сумму для дальнейшего расхода, подписывал новую ведомость и препровождал все казначею; казначей брал ключ у хозяина ящика, укладывал деньги, запирали, запечатывал ящик и опускал его в полковой казенный. Затем требовался следующий ротный командир, и с ним повторялась та же история.

Неудивительно, что при подобном доверии к ротным командирам и при подобном способе проверки суммы все находились в наличности; но удивительно и странно то, что у всякого ротного командира оказывались еще излишние деньги, рублей восемьдесят, сто и даже более; нужно полагать, что это была благоразумная экономия.

Когда поверяли 3-ю роту, полковник подозвал меня, велел пересчитать и проверить по ведомости деньги, выдал на расход триста рублей серебром и затем передал мой ящик и деньги казначею.

По окончании всей проверки полковник потребовал командира 3-й роты.

— Сбруев, — сказал он, — извольте сдать роту на законном основании капитану Л***; у вас в роте много неисправностей. Капитан, — добавил он, обращаясь ко мне, — прошу вас все это исправить; вами, поручик, я был крайне недоволен.

Поручик поклонился.

— Мое почтение, господа, — сказал полковник, обращаясь к обществу, и шаркнул ногой.

Все поклонились молча и гурьбой высыпали на улицу.

— Когда вы думаете приступить к приемке? — вкрадчивым голосом спросил Сбруев, когда мы вышли из избы.

— Это будет совершенно зависеть от вас, — сказал я. — Если у вас все готово к сдаче, то хоть завтра.

— К чему такая поспешность, капитан? Знаете русскую поговорку: «Поспешишь — людей насмешишь»? У меня еще бумаги не готовы.

— Когда же они будут готовы у вас?

— Недельки через две; кстати, тут и месяц кончится, а то как же я книги закончу?

— Как, через две недели? Сегодня будет в приказе.

— Приказ — это последнее дело; вам же легче будет принимать, когда я все закончу и приведу в порядок; к тому же я более двадцати дней в этом месяце продовольствовал роту, так я выписку составлю, а то вы, пожалуй, чего доброго и собьетесь в моих счетах и записях.

— Помилуйте, ведь через неделю полк выступает в поход, так неужели мне на походе роту принимать прикажете?

— Приказывать не смею, но посоветовать считаю за долг; на походе исподволь попривыкнете к людям — там суеты меньше; так, не суетясь да не торопясь, все вещи по описям примете, пересмотрите хорошо.

— Но как же я смею это сделать, когда мне приказано принять роту немедленно на законном основании?

— Мало ли что приказано; ну, если боитесь, сходите к полковому командиру, объясните ему, что у меня бумаги не готовы; поверьте, я говорю и советую это для вашей же пользы, чтоб вам до первого числа позволили командовать только по наружной части; к первому же числу я все исправлю, все чисто, до единой нитки сдам.

— Пожалуй; не в моих правилах стеснять кого-нибудь, и если это вам необходимо, то я готов просить полковника.

— Ну, а если он не согласится? — вопросительно взглянув на меня, заметил Сбруев.

— Согласится, я почти в этом уверен, — утвердительно отвечал я, зная доброту и снисходительность полковника.

— Ну, так идите же, — сказал Сбруев, — а я подожду вас здесь.

— Не лучше ли нам идти вместе?

— Ловко ли будет?

— Я думаю, ловче, чем одному идти.

— Пожалуй, пойдем.

Мы пошли.

Я объяснил командиру причину, по которой не могу принять роту тотчас же; Сбруев подтвердил мои слова, и полковник, как я и ожидал, разрешил мне командовать ротой до первого числа только по наружной части; когда же мы выходили из избы, он отвел меня в сторону и сказал:

— Повторяю вам, будьте осторожней и осмотрительней при приемке.

Возвратясь домой, я поспешил раздеться и лечь, думая хоть во сне отдохнуть немного и забыть разнообразные впечатления дня; но сон давил меня тяжелым кошмаром. Только я закрывал глаза, смутные мысли мои начинали рисоваться поразительными картинами; я видел худого, бледного солдата, а тайный голос твердил

* В большей части армейских полков исстари ведется, что ротные командиры не имеют права записывать прямо в шнуровую книгу деньги, израсходованные ими в продолжение месяца на продовольствие роты, а предварительно составляют о них по окончании каждого месяца особую ведомость, которая рассматривается и утверждается полковым командиром и только по утверждении им вносится в книгу. Подобная ежемесячная ведомость называется выпиской.

мне: «Вот она, благоразумная экономия*». «Безгрешные доходы** представлялись мне в виде ограбленного селения разоренных крестьян, и мне вдруг становилось тошно, позывало на рвоту; я вскакивал с постели, закуривал папиросу, ложился и забывался снова. Мне чудилось, что я начинаю заниматься чеканкой пуговиц, чеканю их из колоколов, снимаемых ночью потихоньку моими солдатами с колоколов сельских церквей; чеканю их из орудий, ворюемых из-под носа спящего часового, чеканю с жадностью, с такою же, как ворую, чеканю по миллиону в минуту, нашиваю эти пуговицы в пять и в шесть рядов на мундиры моих солдат; наконец, меня хватают, отдают под суд, но не за воровство, а за то, что у моих солдат больше пуговиц на мундирах, чем в других ротах; меня ведут в цепях, а Сбруев бежит сзади и кричит: «Что, не говорил ли вам, что поспешишь — людей насмешишь?! Чеканили бы исподволь, так и хлопот бы не было». И с этими словами он толкает меня в пропасть, на дне которой лежат сторублевые ассигнации — благоразумная экономия ротных командиров; я лечу и падаю в объятия казначея, он на руках выносит меня на чистый воздух, я вздыхаю свободнее и просыпаюсь.

Наутро я принял 3-ю мушкетерскую роту под свое начальство по наружной части.

III

Пять лет спустя по приеме роты я вступил с нею в поход. Люди, привычные к походу, шли бодро и весело; тридцати-, а иногда сорокаверстные переходы мало их утомляли. Сбруев ехал квартирьером пред моей ротой и распоряжался приготовлением пищи.

Прошла неделя похода, а благоразумными распоряжениями Сбруева рота всего два дня продовольствовалась из котла, остальное же время состояла на иждивении жителей. Подобное радующие со

* «Благоразумная экономия» составляется при обращении и столкновении с казенными суммами и предметами довольствия солдат, так, например, при отоплении, освещении казарм, обмундировании и продовольствии нижних чинов; причем большее или меньшее количество экономии зависит от степени благоразумия обращающегося.

** Под фирмой *безгрешных доходов* слывут в войсках побочные средства к существованию, получаемые командирами не из солдатских сумм.

К этой категории относится продажа муки и круп, не выдаваемых жителям, если рота расположена на пространных квартирах. Делается это обыкновенно таким образом: приказывается фельдфебелю напоить старосту и старшин деревни (или села) допьяна и тут под пьяную руку вытребовать от них подписку за всю деревню в получении ими солдатских пайков.

Некоторые устраивают это еще короче: никого не угощают и ничего не выдают, отговариваясь тем, что не получили еще от полка ассигновок, а когда приходится оставлять деревню, то покупают квитанцию.

Деньги, остающиеся после умерших нижних чинов, если они в течение известного времени не будут востребованы родственниками умершего, относятся иными также к разряду безгрешных доходов; из этих денег артельные составляют неотъемлемую собственность казначея и полкового командира, а собственные солдатские — ротного.

стороны поселян, чрез владения которых прошла уже не одна тысяча войск, стягивающихся к Севастополю, чрезвычайно меня удивляло, тем более что положение некоторых было крайне бедственное. Приблизилось 1-е число следующего месяца; 30-го была дневка. Сбруев засел за работу и усердно занялся составлением так называемой выписки.

— Чем это вы так усердно занимаетесь? — спросил я, видя, что пот ручьями струился по его лицу, а пальцы не переставали работать на счетах. — Не нужно ли помочь вам?

— Нет, благодарю, сам покончу; в этом деле надо иметь много соображений.

— Какие тут соображения — ведь вы выписку составляете?

— Да.

— Ну так что же? Не понимаю, зачем сами хлопочете: приказали бы писарю выписать расход из книги артельщика, которая вами ежедневно проверяется, просмотрели бы только эту выписку — вот и вся недолга.

— Что?! — закричал Сбруев удушающим смехом. — Эдак будете составлять, так и по миру пойдете; эдак, пожалуй, всякий мальчишка составит; нет, батенька, тут надо иметь бездну соображений, чтоб самому впросак не попасть да и других не подкатить.

— Что это значит? Я уж тут ровно ничего не понимаю.

— А вот поймете. Чрез полчаса соберутся сюда все ротные командиры батальона для совещания, так вот и увидите да и поучитесь.

В самом деле, не более как чрез полчаса времени собрались все ротные командиры.

— Ну что, Семен Лукьяныч? — спросил Сбруева командир 1-й роты. — Почему нынешний месяц говядинку-то покупали?

— Дорого, канальство! — серьезно ответил Сбруев. — По четыре рубля восьми гривен за пуд платил.

— А у меня по четыре с полтиной выставлено, — с сожалением заметил тот же командир. — Ну да не беда, разница невелика, сойдет, быть может.

— Конечно, сойдет; а вы, господа, почему показали? — сказал Сбруев, обращаясь к другим присутствующим. — Ты, Творжицкий, вероятно, дорожке хватил?

— Молчу, значит, идет, — резко отвечал Творжицкий, командир 4-й роты.

Затем они стали сравнивать свои выписки; гармония как в целом, так и в частностях оказалась полная, точно они предварительно сговорились в ценах и количестве.

— А вы сколько дней показали, господа, что мы продовольствовались жителями? — спросил Сбруев, обращаясь к обществу. — Как бы нам в этом не промахнуться, расходы ведь одинаковы. Я всего два дня показываю.

— Как — два дня? — заметил я. — Мы всего два дня кормились из котла, а остальное время продовольствовались жителями.

— Ну, уж это не ваше дело, — заметил Сбруев.

— Как не мое, ведь ротой мне придется командовать; надеюсь, что имею право заботиться о ее интересах.

— Ну, когда будете командовать, тогда и заботьтесь, а пока не командуете, так и заботиться и хлопотать не о чем: пока я за все отвечаю.

Тут только спохватился я, какого дал маху, согласившись принять роту по наружной части, и понял, какие книги не были готовы у Сбруева.

— Не в ответе дело, но я не могу позволить вам грабить солдат! — сказал я запальчиво.

— Слышите, господа, грабить! — заметил Сбруев, улыбаясь. — Да кто же их грабит? Ведь они же с голоду не помирали, сыты были, ракальи, а если б жители кормить не согласились, пришлось бы расходовать из их сумм.

— Но не пришлось, так и слава Богу, роты у нас и без того небогаты, надо беречь копейку на черный день.

— Об этом, батенька, не нам с вами толковать — казна позаботится, ее жалеть ничего.

— Но разве это благородно?

— Даже высокоблагородно.

Все улыбались.

— Я вижу, что вы шуточками хотите отвертеться, — продолжал я, — но я говорю серьезно, что не позволю вам показать неправильно; в противном же случае доложу полковому командиру, что выписка ваша составлена неверно.

Все общество переглянулось.

— Это уж не по-товарищески будет! — заметил Творжицкий.

— Но согласитесь, что воровать неприлично, и дозволить грабить солдат невозможно.

— Вот, затвердила сорока Якова одно про всякого, — сказал Сбруев. — Что его слушать, господа, далось ему слово «грабить», он и твердит его, как попугай. Так сколько же дней вы, господа, показываете?

Общество переглянулось снова и бросило искоса свирепый взгляд на меня.

Мне стало страшно неловко, но, взволнованный последним заключением Сбруева, я подошел к нему и сказал:

— Понимаете ли вы, что я не шучу, и повторяю вам, что, если вы осмелитесь показать хоть одним днем меньше, я донесу рапортом.

— Пожалуй, я покажу верно, — совершенно хладнокровно отвечал Сбруев, — только вы потрудитесь за сохранение сумм вашей будущей роты заплатить мне все, что было мною израсходовано по тому случаю, что жители кормили людей.

— Что вы тут могли израсходовать? — спросил я.

— Коли не знаете, так и не совались бы. Видно вы, батенька, только задним умом крепки; небось жители так и станут кормить вас, если не заплатишь старосте, сотским, десятским и прочей сволочи, чтоб они приказали миру продовольствовать людей, а в

случае приезда начальства показали бы, что нет удобного помещения для варки и что жители добровольно вызывались кормить. А, что — прикусили небось язычок?

В самом деле, я сделал в эту минуту странное движение губами, но не потому, что прикусил язык, а потому, что мне вдруг стало ясно: и радушие жителей, и передовые поездки Сбруева, и все его хлопоты. Я хотел сказать что-то, но, пораженный своим открытием, вдруг остановился.

— Да вы напрасно беспокоитесь, капитан, — сказал командир 1-й роты. — Ведь в полковом штабе по квитанциям видно, где кормились из котла, где продовольствовались жителями, так, что ни покажи, нам не поверят, а исправят по-своему.

— Так зачем же вы показываете несправедливо, когда даже сами знаете, что вам не поверят?

— А вот для чего: ведь сверять квитанции с выписками не будут, это вздор, а просто, если мы покажем два дня, нам сделают четыре; так если мы по всей сущей справедливости пять или шесть дней выставим, нам, пожалуй, и восемь вкатят, тогда поди и разговаривай; у нас квартирмейстер такой, что не приведи Бог, никакого товарищеского чувства не имеет; ну, да уж и несдобровать ему.

— Помилуйте, да кто же смеет сокращать и марать ведомость, если она правильно составлена?

— Потому-то правильно и составлять нельзя; вот, например, мы теперь составили месячную выписку рублей на четыреста каждый, а если в полковом штабе триста оставят, так и слава Богу, а то и до двухсот другой раз поуничтожат.

— Кто же это сокращает?

— Сначала квартирмейстер уравнивает все выписки по самой шее, потом подаст полковнику, тот и давай крестить; у вас, положим, например, написано, что куплено говядины пятнадцать пудов, заплачено за пуд по четыре рубля восьмью гривен, а он выставит, что куплено двенадцать пудов и заплачено по три рубля семи гривен за пуд, — и так далее во всем; и до того сократит, что как пришлют к вам обратно, так и увидите, что итог-то наполовину меньше; а уж в каком виде прислали, так и в книгу шнуговую вносить надо; они ведь только о том думают, чтоб самим быть сытым, а другой хоть с голоду околевай, им все равно.

— Помилуйте, господа, у вас вовсе нет самолюбия, — сказал я, обращаясь ко всем присутствующим. — Как же дозволить пачкать подписанную вами ведомость? Если вам доверили часть, то к вам и должны иметь доверенность.

— То-то, что не доверяют. Что будете делать? Затем вот выписки выдумали. То ли было дело, как позволили бы прямо в шнуговую книгу заносить? Там уж марать не могли, — заметил Творжицкий.

— Откуда же, из каких сумм те, кто правильно показывают, пополняют то, что им посократят?

— Вот уж именно, что на всякого мудреца довольно простоты! — заметил Сбруев. — Да разве бывают такие? Нет, батенька, мы,

товарищи, друг дружку не выдаем; затем и совещаемся, и, коли правду сказать, как они там ни марай себе, а мы все-таки никогда не внакладе.

— Значит, на те деньги, которые вы выводите в расход за месяц, можно было прекрасно кормить роту месяца три.

— Мы, батенька, этого не рассчитывали. Займитесь, коли вам делать нечего, — сказал Сбруев и, обратившись к обществу, добавил: — Пойдемте-ка, господа, в избу к Творжицкому, там нам никто мешать не будет; с этим барином, как я вижу, пива не сварить. — При этом он указал рукой на мою персону, взял фуражку и вышел из избы; все последовали за ним.

— Вы не сердитесь на него, не стоит, — сказал мне командир 1-й роты, остановившись в дверях, — он ведь у нас из бурбонов.

«Все вы теплые ребята, — подумал я, когда они вышли. — Устрою же я вас, голубчики».

Но устроить я только пообещал да при том и остался.

Отдохнув немного после тяжелых впечатлений, произведенных на меня этим домашним комитетом, и произнеся в утешение: «Блажен муж, иже не иде» и т. д., велел я оседлать лошадь и отправился к казначею.

Тут я дал полную волю своему негодованию и, с ужасом рассказав моему доброму товарищу все виденное и слышанное мною, сообщил ему о своем намерении.

Совершенно хладнокровно, изредка улыбаясь, выслушал казначей мою горячую филиппику.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — сказал он. — Не горячись, Л^{xxx}, горбатого могила исправит, а ты, как ни хлопочи, ничем не поможешь, только себе наделаешь бездну неприятностей. Ведь на основании слов твоих, — а еще того хуже, если ты, как говоришь, подашь рапорт, — подымут тревогу, нарядят следствие — за этим не постоят, это у нас сплошь и рядом бывает. И что же? И он, и они все вывернутся, а ты останешься в дураках. Одному против всех идти трудно, да и не сам ли полковник внушал тебе о благоразумной экономии? Скажи, поймут ли тебя после этого?

— Но нельзя же позволить воровать? Ведь они бессовестно грабят солдат, разоряют крестьян.

— Тебе это так кажется только: грабить им никто не позволит, и какие выписки эти господа ни составляй, все приведут к одному знаменателю: а если они и подводят громадные итоги, то это так, чтобы позабавиться только: а чем бы дитя ни тешилось, лишь бы ни плакало, — так пусть их потешатся.

— Но кошкам игрушки, а мышкам слезки.

— Допустим, что так, но из чего хлопотать? Мы с тобой их не исправим: не бери сам, а остальные пусть делают, что хотят. Бог им судья.

— Но если все только будут рассуждать так, этого мало, это никогда не кончится; надо искоренять зло, надо действовать.

— Пока полк будет арендой, рота не перестанет быть фольварком. Согласись, нельзя обличать и уничтожать других, когда у самого рыльце в пушку.

— Оттого, что у меня не в пушку оно, что совесть моя чиста, что я совершенно спокойно могу смотреть в глаза каждому, а кричу и буду кричать.

— Хоть горло надорви от крику, никто тебя слушать не будет, прослынешь за беспокойного человека, никого не исправишь, а сам пропадешь.

— За правое дело и погибнуть отрадно.

— Э! Да ты энтузиаст, как я вижу, — сказал казначей.

— Кто бы ни был, — сказал я, обидевшись, — но не вор все-таки!

— Нет, с тобой, душа моя, сегодня говорить нельзя, ты слишком взволнован, успокойся; завтра мы хладнокровно потолкуем.

— Нет, уж завтра поздно будет, я донесу по команде сегодня же.

— Не поздно ли будет? — сказал казначей, вынимая часы. — Уж двенадцатый час ночи.

— Как тебе не совестно говорить подобные пошлости, — сказал я и вместо того, чтобы разразиться справедливым гневом за эту неуместную выходку, разразился смехом.

— Чему ты смеешься? — спросил казначей.

— Тому, что я глуп, а ты забыл, вероятно, что дураков учить, что мертвых лечить; не видишь разве, что я сумасшедший, и толкуешь со мной, как с существом мыслящим.

Казначей вопросительно взглянул на меня, и этот взгляд говорил ясно: «А что, не рехнулся ли он, чего доброго, и в самом деле?»

— Понимаю, душа моя, что вздор горожу; ты прав, меня не поймут, меня забросают камнями; к тому же я виноват не менее: не тот вор, кто ворует, а кто лестницу подставляет. Не я ли совершенно противозаконно дал возможность Сбруеву еще раз, как он выражается, покормиться от роты? Не я ли сам хлопотал об этом? Положим, это было сделано по неопытности, по глупости, вернее сказать, но кому же от этого легче? Чем я лучше Сбруева в этом случае, позвольте спросить?

— Как можно, Сбруев такой противный, — сказала жена казначея, сидевшая молча и рискнувшая наконец вставить слово в горячий, вовсе для нее неинтересный наш разговор.

Тут только я опомнился, что мы не вдвоем, и смутился.

Милые хозяева заметили это, удачно переменили тему разговора и из мира грустной действительности совершенно незаметно перенеслись в мир в то время для меня идеальный, в мир тихой семейной жизни.

Когда я в совершенно спокойном расположении духа выходил от казначея, он сказал мне:

— Не горячись же вперед, друг мой, а насчет выписки Сбруева будь покоен — мы ее посократим до самой малости.

На другой день Сбруев представил мне все книги и бумаги для окончательной сдачи роты. Я осмотрел предварительно на походе в свободное время ружья, амуницию и все ротное хозяйство; мне оставалось одно: спросить людей, не имеют ли каких претензий, и проверить по книгам артельные и собственные солдатские деньги.

Все оказалось верно и в наличности, люди никаких претензий не изъявили.

Совершенно довольный, что мне не придется иметь новых столкновений с человеком, который мне становился невыносим, я вернулся в избу с намерением покончить все одним разом, подписав рапорт без разговоров. Но не тут-то было.

— Что, все ли исправно, всем ли вы довольны? — спросил Сбруев, когда я вошел.

— Очень вам благодарен, — сказал я, — все в исправности, а главное, люди не имеют никакой претензии.

— Да смеют ли они, мухи! — начал с азартом Сбруев, но, спохватившись, вдруг переменил тон и добавил: — Уж я ли не лелеял их! Ну что ж, — сказал он после некоторого молчания, — значит, теперь бумажки и рапортник подмахнуть можно.

— Извольте, — отвечал я и взял перо, чтоб подписывать, вдруг Сбруев схватил меня за руку.

— Выйдите-ка, господа, — сказал он, обращаясь к двум молодым ротным офицерам, пришедшим обедать с нами, — нам надо секретно поговорить с капитаном.

— Что за секреты могут быть у нас? — сказал я, внутренне испугавшись предстоящей беседы. — Оставайтесь, господа, я прошу вас. Вы офицеры этой роты, вам должно быть известно все, до нее касающееся.

— Пожалуй, мне все равно, я и при них говорить буду, я только вас не хотел конфузить, — сказал Сбруев.

— Сделайте одолжение.

— Вы сами изволили сказать, — продолжал он, — что все в совершенной исправности, так-с?

— Да.

— Следовательно, вы избавлены от всяких хлопот и неприятностей, так-с?

— Может быть.

— Что же из этого следует, позвольте спросить?

— Очень простое следствие, что вы командовали исправно.

— Это-с вздор, а следует то, что с вас придачи рублевиков двести пятьдесят не худо было бы.

— Что? Придачи? Какой придачи? Я вас не понимаю.

— Полноте простаком-то прикидываться; а коли в самом деле не понимаете, объяснить нетрудно. Если бы я, положим, например, роту бы вам с грешком сдал, потребовали бы небось от меня негласного.

— Как вы смеете говорить это, не зная человека? — сказал я, вспыхнув, но вспомнив с кем имею дело, и добавил, стараясь

придать голосу своему как можно более спокойствия. — Я бы от вас просто-напросто не принял роты в таком случае.

— Как не приняли бы, когда приказано принять?

— Ну, не подписал бы бумаги и рапорта.

— Подписали бы; кто денег не любит? Знаем мы этих честняков, — случись забрать, не поморщившись бы взяли, а вот как отдавать пришлось, так и на попятный; это, батенька, уж вовсе не по-товарищески. Посудите: я вас от всяких неприятностей при приеме избавил, так не бессовестно ли с вашей стороны будет не вознаграждать меня за хлопоты. Хоть полтораста рубликов, а все надо; оно, батенька, вернее будет, коли мы с вами таким образом покончим.

— Да мы уже кончили.

— Нет-с, уж коли на то пошло, так далеко не кончили; извольте вы каждое ружье по номеру проверить, все неисправности, имеющиеся в них и на них, означенные в описи, доставленной из артиллерийского ведомства, точно ли существуют, и точно ли у всякого рядового свой номер ружья, своя ли амуниция на людях надета, состоит ли последняя полностью в роте постоянно или только на случай сдачи из другой роты позаимствовали.

— Да вам какое дело? Я подписываю рапорт, я и отвечаю.

— Что рапорт — плевое дело, только для формы; нас ведь не надуешь, я старый воробей, после с меня же потянете, коли какая недодача окажется; а теперь бы решили со всею откровенностью, оно бы и покойнее и для вас и для меня было.

— Я вам говорю со всею откровенностью, что не заплачу ни гроша.

— И ста рублей не дадите?

— Ста полушек не дам, понимаете ли?

— Понимать-то понимаю, да вы какой-то непонятный, все думаете, что я прижимать вас хочу; я не из таких, у вас, может быть, теперь денег в наличности нет, я подождать могу. Покомандуете ротой, отдадите, вот эти господа и свидетелями будут. — Он указал на молодых офицеров.

— А что, и мы пригодились, — заметил один из них.

— Так я за вами сто рубликов считать буду, — сказал Сбруев, не обращая внимания на замечание офицера.

— Можете считать хоть тысячи, этого никто вам запретить не сможет, — сказал я.

— Так вы рапорт подпишете?

— Подпишу.

— И отошлете?

— И отошло.

— Так мое почтение.

— Куда же вы, разве не с нами обедаете?

— Нет, иду к Творжицкому, он меня звал; нельзя не идти, я к нему в роту перевожусь.

— Не смею удерживать в таком случае.

По сдаче роты Сбруев избавил меня от своего приятного сообщения, и я продолжал поход с двумя молодыми ротными офицерами, прекрасными во всех отношениях, достойными юношами. Но испытания, предназначенные мне свыше (по выражению Сбруева), далеко не кончились. Однажды, после довольно утомительного перехода, расположился я с ротой на привале близ деревни, у которой отдыхало уже несколько рот. Люди составили ружья, сняли амуницию и принялись за свой солдатский завтрак; я подошел к группе офицеров, в грациозных и очень неграциозных позах лежавших на траве.

— А, добро пожаловать, только вас и поджидали! — сказал командир 1-й роты, подавая мне руку.

— Мое почтение, господа, — сказал я, усаживаясь возле них. — Что нового?

— Новости неотрадные, — заметил командир 8-й роты, маленький сухощавый штабс-капитан. — Какого вы мнения насчет вчерашней выходки нашего почтенного полкового командира?

— Какой выходки? Я ничего не знаю.

— Как, разве вы не получали предписания от квартирмистра? — недоверчиво спросил тот же штабс-капитан.

— Да разве квартирмистр имеет право писать предписание? — заметил я.

— Не о том речь, — сказал командир 2-й роты. — Израсходовали ли вы ваш одиннадцатидневный сухарный провиант? Взяли ли вы его из полкового вагенбурга?

— Нет, не брал, не имел в нем необходимости; у меня и четырехдневный еще на людях; когда надо будет, тогда возьму.

— Ну, уж тогда поздно будет, — заметило несколько голосов. — Его уж и теперь там нет. — И вслед за этим, непонятным для меня, почти общим возгласом последовал взрыв хохота.

— Как же нет, кто же смел взять его оттуда? — недоверчиво и обидясь неуместным смехом, спросил я.

— Вчерашний день во время перехода, — начал командир 1-й роты, едва удерживаясь от смеха, — полковому вагенбургу пришлось подыматься на высокую песчаную гору; вы, проходя, вероятно, ее заметили, — сказал он, обращаясь ко мне. — На этой-то анафемской горе лошади полкового обоза пристали и, как ни бились, ни с места. Зыскин, — знаете, что фурштатской-то командой заведует, уже не то что лошадей, самих возниц бить принимался — ничто не берет; вдруг, откуда ни возьмись, полковник. Лучшее, видит, его достояние, хлеб насущный, стоит и ни с места. «Что такое?» — завопил он. «Да вот, — говорят, — так и так, гора высока, песку много, лошади пристали». — «Что, лошади?! — завопил он пуще прежнего, да как выскочит из коляски, а у самого пена у рта, и прямо к Зыскину. — Чтоб сейчас шли, не то уничтожу, в землю зарю, кулаками, — говорит, —

* Вагенбург — подвижной магазин. (Примеч. сост.)

будешь всю жизнь слезы утирать». Перепугался бедный Зыскин; да и согласитесь, пренеприятное положение, никто бы, я думаю, не желал быть на его месте; он и говорит: «Помилуйте, полковник, лошади не виноваты, песок, да и провиантские фуры, полные ротными сухарями, тащили, тащили, да и сил просто не хватает». — «Как сухарями?! — задыхаясь от гнева, закричал полковник. — А отчего они его до сих пор не израсходовали? Ведь уж скоро две недели будет, как мы в походе! Под суд всех без изъятия, под суд! А пока, — добавил он Зыскину, успокоившись немного, — извольте распредить лошадей, повытаскивайте из фур сухари, размочите их в этом озере, — при этом он указал рукой на то болото, что, помните, если заметили, влево от горы было, — и вытравите все эти сухари на корм лошадям. Я им, — говорит, — покажу себя!» Не знаю, кому — нам или лошадям хотел он показать себя, но что хотел показать, это верно.

— Полководец вдали показался! — перебил пылкую речь оратора запыхавшийся фельдфебель.

Как бы по магическому знаку волшебного жезла все вскочили со своих мест, оправились и выбежали на дорогу. Вдали виднелся экипаж. Все смолкло и обратилось в слух и зрение. Когда же экипаж поравнялся с нами и дружное: «Здравия желаем, ваше высокоблагородие!» — огласило окрестный воздух, полковник в сопровождении квартирмейстера вышел из коляски.

— Ложись, люди! — закричал он. — Мое почтение, господа, опустите руки, — добавил он, обращаясь к офицерам. — Очень рад, что вижу здесь многих ротных командиров. Что вы скажете, господа, насчет того, что вчерашний день заметил? Как же это вы, несмотря на все подтверждение и приказание, не выбрали до сих пор провиант из фур? Да что я, извозчик, что ли, с позволения сказать, вам достался!

— Помилуйте, полковник, — возразил командир 1-й роты, — не на своих же плечах таскать нам его?

— Это уж не мое дело; он у вас должен быть израсходован; вспомните, сколько дней мы в походе.

— Да мы все время шли на продовольствии жителей, — осмелился произнести я, — и не нуждались в провианте.

— До этого мне тоже дела нет; и разве вам не известно, капитан, что жители довольствуют только приварком, а хлеб люди должны иметь свой?

— А если жители добровольно и хлеб предлагают, — заметил командир 8-й роты, — не выбрасывать же нам свой?

— Знаем мы это «добровольно», — наступая на горло; впрочем, мне все равно; вчерашний день я вытравил лошадям более половины провианта вашего, и если не вынесете сегодня, то вытравлю и остальное, понимаете?

— Помилуйте, полковник, — снова возразил командир 1-й роты. — А если нам понадобится хлеб, где мы его возьмем?

— Это опять не мое дело, извольте исполнить приказание, а если действуете самовластно, то и действуйте, как знаете, — я не

могу. Посудите сами: послезавтра мы вступим в пункт хлебопечения, и, будь у вас провиант цел (на что вы и рассчитывали), вам и заботушки мало, вы бы чистоганчиком за него получили, да и правы, а я — тащи да тащи. Так вот и ошиблись. Дайте моим лошадям хоть денек вздохнуть; не затем же, в самом деле, правительство их содержит, чтобы таскать вашу экономию.

— Не нашу, а солдатскую, — сказал я с сильным ударением на последнем слове.

Все недоверчиво взглянули на меня.

Полковник улыбнулся и вместо ответа обратился к квартирмейстеру:

— Пойдемте, Тухолмин, пора. Мое почтение, господа.

— Сию минуту, полковник, — сказал квартирмейстер, — вот только надо слова два сказать капитану. — Он подошел ко мне, отвел меня в сторону и вкрадчивым голосом, почти на ухо, произнес с расстановкой: — Хитры вы, батюшка, что твой агнец на заклании: мы ведь вашу ротную-то фуру видели, — отсюда и вытаскивать нечего было, там ветер ходит; ловко, должно быть, вы устроили Сбруева; видно, нашла коса на камень.

— Как ветер? Что такое? Говорите яснее.

— Полно Лазаря-то строить, я ведь третий калач, нас не проведете. Да и хорошо, если вы этого маклака устроили да поприжали, ему так и надо.

— Ну, пойдемте, пойдемте! — закричал полковник из экипажа. — После договорите.

Квартирмейстер подбежал к коляске, сел, и они уехали.

— Ай да гусь, — сказал командир 8-й роты, — он же и прав.

— Жаль, что Творжицкого нет, — заметил командир 1-й роты. — Воображаю, как он беснуется.

Все захохотали.

«Что за чертовщина, — думал я, припоминая слова и тон квартирмейстера, — один твердит: вытравил лошадям, другой о каком-то ветре толкует!» Чтоб разъяснить скорей недоразумение, я подозвал ротного каптенармуса:

— Федулов, где у нас находится одиннадцатидневный сухарный провиант?

— Не могу знать, ваше благородие, — простодушно отвечал каптенармус.

— Как не можешь знать, кто же знает? Его нет в полковом обозе.

— Никак нет, ваше благородие.

— Отчего же его нет там?

— Не можем знать, поручик не заготовили, так и вашему благородию сдали.

— Отчего же ты не сказал мне этого, когда я принимал роту?

— Поручик не приказали докладывать вашему благородию, они изволили объяснить, что за эту недодачу достойно ублажили деньгами ваше благородие.

Вся внутренность перевернулась во мне от подобного неожиданного ответа.

— Пошел вон, дурак! — закричал я, вспыхнув. — И не смей никогда не только говорить, но и думать об этом.

— Слушаю, ваше благородие, — совершенно хладнокровно отвечал каптенармус и, ударив рукой по тому месту, где должна находиться сума, сделал совершенно правильный поворот налево кругом.

Я велел ударить подъем, собрал роту и, полный тревожных мыслей, пошел далее. Но, вероятно, в Книге Судеб день этот был отмечен для меня днем испытаний.

Сделав переход более двадцати пяти верст, усталый, измученный, едва в шестом часу дотащился я до ночлега. Допивая последний стакан чаю и с любовью поглядывая на приготовленную постель, я готов был примириться с обстоятельствами и с жизнью, начинавшею надоедать мне, как вдруг дверь с шумом растворилась и в избу влетел растрепанный жид.

— Ай-зи беда, васе благородзие! — завопил он отчаянным голосом. — Васи насих, наси васих...

— Что тебе надо? — закричал я.

— Ай-зи, гевалт! — крикнул он и выбежал.

— Панкратий, узнай, что там такое, — сказал я, обращаясь к денщику.

Но в эту минуту вбежал в избу не менее растрепанный, чем жид, дежурный унтер-офицер и объявил, что в деревне неприятности, солдаты бьют жителей за то, что жители не хотели дать им соломы.

Одевшись на скорою руку, выскочил я на улицу. Дело было жаркое, солдаты остервенились, жители валялись там и сям, совершенно избитые. Я велел ударить сбор, и этого было довольно; в одно мгновение побоище стихло, и только жалостные вопли побитых долетали до моего слуха. Собрав роту, начал я производить следствие. Оказалось, что дело завязалось таким образом: в одной из изб, где помещался капальный унтер-офицер, на постели хозяина лежала перина, а на перине — владелица ее. Унтер-офицер, видя перед глазами частые примеры присвоения чужой собственности, не считал нисколько делом противозаконным сбросить дремавшего уже хозяина на пол, а самому уместиться на постели. Хозяин поднял крик, солдаты, бывшие в избе, начали доказывать ему, что неприлично унтер-офицеру валяться на полу, когда он, Израиль, лежит на постели, и что тот проспит только ночь и уйдет, тогда как он будет валяться на ней всю жизнь, пока не окочурится. Но столь резонные доводы, сопровождаемые, вероятно, какими-нибудь сильными убеждениями, мало подействовали на несчастного, и он завопил «караул». На звук родного голоса прибежали соседи, завязалась баталия; весть о перине мигом разнеслась по всем избам, люди повскакивали со своих мест и, недовольные соломой, стали отнимать у хозяев перины, тюфяки и подушки; началась поголовная потасовка, и, не поспей я вовремя,

не знаю, к какому плачевному результату привела бы она. Сказав роте несколько поучительных фраз, взыскав с виновных, я распустил роту и собрал мир. Лениво и неохотно собирался мир по моему зову, и единогласно потребовал мировой пятьдесят целковых, в противном случае грозил не выдать квитанции и жаловаться высшему начальству.

Очень довольный тем, что деньгами мог купить себе спокойствие, я без всяких разговоров вынул из бумажника требуемую сумму и быстрым исполнением общего желания до того поразил мир, что некоторые бросились целовать мои руки, некоторые взглянули на меня глазами, в которых ясно можно было прочесть: «Отчего мы, олухи, больше с него не попросили, он бы и больше дал». Но они горько ошибались: при всем моем желании больше я дать не мог — я отдал все, что у меня было в наличности, на что рассчитывал прожить еще более месяца, то есть до получения жалованья.

Наутро я с квитанцией в руках, к общему удовольствию, в виду всех жителей, с песнями и плясками выступал из много стоявшей мне деревни, а на следующий за тем день вступил в пункт хлебопечения.

Не буду говорить подробно о том, что я здесь видел и слышал. Лежавший нетронутым почти до последнего дня и случайно отравленный лошадям одиннадцатидневный сухарный провиант говорит за меня и объясняет все. Скажу одно, что офицер, заведовавший хлебопечением, должен быть если не волшебник, то непременно что-нибудь в этом роде. Его счета, расчеты и учеты, сложные в высочайшей степени, но устраивающие в то же время общее согласие и довольство, — вещь чисто гениальная.

По окончании расчета, где я также, по общему мнению, нагрел себе руки и тут же, не сходя с места, купил у квартирмейстера оказавшийся излишним полный запас сухарей хлеба, не заготовленного хлебопеками по общезаведенному порядку, приказал уложить его тут же при себе в провиантскую фуру, отправился обедать к полковому командиру.

Полковник, по обыкновению, встретил меня приветливо.

— Ну, что, батюшка, как идут делишки наши? — спросил он, усаживая меня.

— Слава Богу, все благополучно, полковник.

— И прекрасно. А правда ли, — до меня дошли слухи, но я не хочу верить, — что вы на ночлеге третьего дни заплатили за квитанцию пятьдесят целковых?

— Откуда вам это известно? — сказал я, совершенно растерявшись от неожиданного вопроса.

— Неужели это правда? — сказал полковник, вскочив со своего места, как бы испугавшись чего-нибудь.

— К несчастью, совершенная истина.

Полковник грустно покачал головой.

— Извините, полковник, но смею вас уверить, что это произошло не от моей беспечности, не от нерадения к службе, а так, несчастный случай выпал.

— Верю, верю, но не о том речь; зачем вы заплатили?

Вопрос этот смутил меня окончательно.

— Я заплатил затем, чтоб избавить вас и себя от неприятностей, а роту от нареkania; не мог же я уйти без квитанции.

Полковник захохотал.

— Вот что выдумали! — сказал он, едва удерживаясь от смеху. — Знаете что, у меня был ротный командир, который, сделав, заметьте, в мирное время восемнадцать переходов, представил всего три квитанции в благополучном квартировании.

— Но здесь жители хотели жаловаться.

— И пусть бы их жаловались, негодяи! Сами потом не рады были бы; завязалось бы дело, тянулось бы года два и кончилось бы тем, что вам сделали бы выговор по корпусу, мне бы поставили это обстоятельство на вид, а мы видали виды. А теперь что? — заключил полковник после некоторого молчания. — Правда, выговора нет, да зато и пятидесяти целковых не хватает, а они, батюшка, не выговора стоят, на улице не валяются.

— Для меня, полковник, спокойствие дороже денег.

— Положим, что так, и я бы ничего не сказал, меня бы это обстоятельство не так тронуло, если б вы эти деньги отдали из экономических, а то ведь небось свои заплатили.

— А какие же?

— Не хотели мне верить, что, командуя ротой, нельзя не иметь благоразумной экономии, вот она теперь бы и пригодилась. Я не проповедую вам, что надо наживаться на службе, но ведь и разоряться безрассудно.

— Бог поможет прожить и не обременяя совесть воровством.

— Правда; а знаете русскую поговорку: «На Бога надейся, а сам не плошай»?

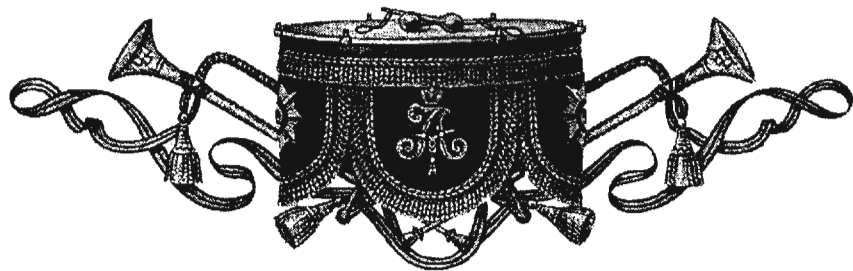
Приход адъютанта и квартирмейстера прекратил нашу дальнейшую беседу об этом обстоятельстве.

Две недели после этого происшествия продолжал я командовать роту и в это короткое время видел много, очень много. Так, например, на одном ночлеге солдаты разнесли деревенскую баню, чтобы устроить плот для рыбной ловли на озере; на другом солдат украл у мужика курицу, и когда я потребовал его к себе и спросил, как он осмелился это сделать, то он очень спокойно отвечал, что воровал по приказанию фельдфебеля для моего стола; на третьем барабанщик ободрал телянка, чтобы натянуть кожу его на лопнувший барабан свой; на четвертом капральные унтер-офицеры обирали моим именем и как бы в мою пользу по рублю серебром с людей, представленных мною на старший оклад жалованья; и много, много подобных случаев, называемых в армии «мелочами», видел я в эти две недели.

Все эти грустные, но, к несчастью, истинные факты я привожу здесь не в обвинение солдата, храброго защитника родины, за-

гнанного, безмолвного существа, а в подтверждение правдивой поговорки русской: «Какovy пастухи, таково и стадо».

По прошествии двух недель я по распоряжению начальства был откомандирован от полка; роту пришлось мне сдавать тому же самому поручику Сбруеву, от которого месяц тому назад я ее принял; и хотя все находилось в наличности, многое было дополнено и исправлено, но я не мог сдать роты иначе как при посредстве других ротных командиров, принявших мою сторону и заставивших Сбруева подписать рапорт и бумаги без всяких прилагательных. Сбруев был опытнее и осторожнее меня; принимая в полковом штабе денежные суммы, он не пропустил случая заглянуть в фуру с одиннадцатидневным сухарным запасом.

Штабс-капитан ЛОССОВСКИЙ

ЗАБАВА И ДЕЛО В КАЗАРМЕ*

Все, что касается нашего солдата: одежды, которую он носит, пищи, которую он ест, оружия, которым владеет, постели, на которой спит, — все разнообразные обстоятельства его жизни от момента поступления и до последней минуты пребывания в казарме, должно быть предметом возможно подробного и возможно частого обсуждения. Лучше десять раз повторить одно и то же с риском надоесть читателю, нежели раз пропустить, хотя бы ничтожное с виду, обстоятельство. Выходя почти исключительно из сословия, привычного к непрестанному труду, работе, голоду и холоду, наш солдат есть существо в высшей степени покорное, безответное и выносливое. Всякому жившему вплотную с солдатом, знающему его не издали, знаком тот юмор и то добродушное незлобие, с которым он относится к своему нередко тяжелому положению.

Но ежели условия доказарменной жизни выработали в солдате равнодушие к собственному положению, то насколько должны быть внимательны и пытливы те, в руки которых отдана судьба самой жизненной и цветущей части народа, и преступно забыть хоть на минуту, что имеешь дело с живым организмом, а не с машиной, от которой вправе лишь требовать известного количества механической силы.

В декабрьской книжке «Военного сборника» за 1883 год помещена статья: «Несколько соображений по поводу винной солдатской порции». Автор статьи господин Бутовский, рассуждая о том влиянии, которое имеет узаконенная порция вина на нравственный уровень казарменной жизни, приходит к глубокому убеждению вредного влияния винной порции на трезвость и казарменную нравственность и ратует за совершенное уничтожение этой порции, с тем чтобы отпускаемые на нее деньги выдавались бы людям на руки или шли бы на улучшение пищи, или, наконец, предлагает

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1884. Т. VII. С. 72—112. (Примеч. сост.)

заменить традиционную чарку вина чаем. Ряд наблюдений, выведенных из 8-летнего командования ротой, дают мне право считать себя компетентным в вопросе о казарменной нравственности, и я, со своей стороны, горячо протестую против мысли отнять у солдата узаконенную винную порцию.

Заметка господина Бутовского дала мне мысль попытаться прямо и искренне проникнуть в глубь тех оснований, на которых зиждется казарменная нравственность и основывается сила военного устройства.

Изучая сложные начала, которые вели наших великих генералов к победе, мы находим эти начала не на одной лишь широкой, шумной дороге военных подвигов, но часто на тихих и скромных боковых путях администрации, в кропотливом и трудном пути мирной подготовки солдата и в стремлении поднять его нравственную и духовную сторону.

Жизнь армии, ее быт, условия, интересы, потребности, всестороннее развитие распадается на две категории: формальную и общечеловеческую. В солдате два существа — казенное и свое собственное. Первое обуславливается потребностью создать людей, способных безответно повиноваться приказу начальника, готовых положить душу за други своя (нравственное воздействие) и умелых разумно, сознательно действовать как в мирное, так и военное время (обучение); второе обуславливается теми особенностями, которые свойственны каждому народу и выработались на основании его собственных бытовых и исторических условий. Работать над развитием первого и быть крайне чутким ко второму существу — обязанность каждого военного, на которого подчиненный смотрит как на начальника и человека. Только при подобной постановке взаимных отношений фраза «все обстоит благополучно» перестанет быть пустым звуком и в части установится строгий, справедливый и крепкий порядок, который не пошатнет не только полчарки, но даже и ведро водки.

I

Условия, способствующие духовному развитию солдата

Когда человек поглощен какой-нибудь умственной или физической работой, то никакая блажь не идет ему в голову, но раз наступает час досуга, время отдыха, необходимо, чтобы он встряхнулся, освежился и зачерпнул бы новый запас сил для предстоящего труда и работ. В сфере развития казарменной жизни благодетельное действие этого всемирного принципа недостаточно осознано. Нередко от нашего неумения, нерадения дать солдату в часы досуга, в часы томительного казарменного вечера возможную сумму веселья и развлечения раздаются жалобы на солдатское пьянство и казарменную распущенность. Здоровье, веселье, бодрый дух делают сносною всякую жизненную участь, тогда как монотонность, голый формализм, бесцельное шатание из угла в угол делают

мрачную даже такую жизнь, которая обставлена в материальном отношении самым благоприятным образом.

Ротный командир, который, поддерживая с полной твердостью все ограничения, требуемые законом, в то же время не только избегает ненужных ограничений, но еще дает свою собственную санкцию всем законным удовольствиям своих солдат и, доставляя сам нужные для того средства, глядит с одобрительной улыбкой на их забавы, не может не приобрести на своих солдат громадное влияние. Надо действовать на душу, чтобы управлять телом. «Представьте себе, — говорит господин Бутовский, — совсем не испорченного новобранца, который, может быть, принес в душу идеал воина и, страстно стремясь к этому идеалу, пламенно желает, чтобы все окружающие считали его молодым, бравым солдатом, — и вдруг этот человек только из-за того, что он не пьет водки, является окруженным каким-то бессмысленным презрением, жестоко побиваемым его самолюбие».

Зачастую расторопный, сметливый парень, еще вчера бывший героем деревенских вечеринок, сегодня, явившись новобранцем, делается вялым, тупым, равнодушным ко всему на свете, точно он совсем переродился. Что за причина этого превращения? Неужели казарма, судя по этим двум примерам, действует таким развращающим и притупляющим образом? Все зависит от нашего отношения к делу. Идем ли мы путем формальным, бездушным, опираясь лишь на писанные законы, или, напротив, осмысленным, непрерывным трудом, направленным к развитию в солдате разумной, но дисциплинированной единицы? Как в том, так и другом случае или с чувством горькой укоризны, или с гордым сознанием исполненного долга начальник части должен сказать себе: «Это дело моих рук» — с тем же правом, с каким архитектор сказал бы: «Я выстроил этот дом».

Ошибаются те ротные командиры, которые предоставляют процесс превращения новобранца в солдата силе обстоятельств; конечно, как хлебное зерно перетирается в муку на мельничном поставе, так и новобранец перетрется в общую серую массу, но ежели при этом воздействие распространяется лишь на внешнюю сторону его, то получится, быть может, хороший фронтовик, складный видом, ласкающий взгляд начальника, но нравственно непочатый, рыхлый, то есть неспособный противостоять дурным влечениям и неспособный соединить в себе два основных условия: повиноваться и рассуждать. В часы занятий он будет на своем месте, заучивая сведения, необходимые солдату, в часы же отдыха отсутствие всякой умственной пищи, всякого развлечения погонит его к единственному возбуждению — кабаку. При такой обстановке немудрено, ежели новобранец спутается с первого шага. С утра до вечера он ноет, в нем еще живы воспоминания о родной хате. Все идет мимо него, и он механически втягивается в страшный для него мир размеренного порядка. Ухо слышит ругань или обрывистые приказания, — нападает на него какая-то съезженность, трусость, и ему кажется, что всякое общение с действитель-

ным миром для него прекратилось — порвано. При таком внутреннем порядке роты обыкновенно худшие элементы главенствуют, и к ним в силу крепости в нашем крестьянстве семейного союза, общины, мирской солидарности в конце концов пристанет новобранец. Все это делается исподволь, незаметно. Бывают болезни хронические, их сразу не заметишь в человеке. Усиленными припадками действуют они лишь по времени, а обыкновенно такая болезнь точит человека понемногу, изо дня в день, и доводит до смерти. Так и здесь. Новобранец незаметно для самого себя втягивается в бессмысленное равнодушие; страх, не говоря про стыд, теряет для него всякую силу, и он впадает в то одеревенелое состояние, по которому быть пьяным или трезвым, быть вором или честным — совершенно безразлично.

Другое дело, если внутренний распорядок роты держится на глубоком нравственном единении начальника с подчиненными, если солдат смотрит на своего командира как на непогрешимый авторитет, а командир на солдата — как на нравственного, слабого человека. Являясь живым образцом долга, справедливости и точного исполнения мельчайших требований закона, ротный командир наглядно, без траты лишних слов, укажет тот путь, которым должны следовать вверенные ему солдаты. Для полного нравственного единения необходимо взаимное доверие между начальником и подчиненным. Раз ротный командир смотрит на солдата как на негодяя, ищущего лишь случая обмануть и улизнуть, а солдат, зная «кое-что», не верит в совершенство и непогрешимость своего ротного командира, то, конечно, нравственного, объединяющего начала нет, а есть лишь казенно-обязательная, механическая связь. Взаимное доверие — великая сила как в мирное, так и в боевое время. Не в этой ли живой силе заключается секрет чарующего обаяния великих генералов на солдат. «Верьте мне, ребята, — говорил Скобелев, — как я вам верю, и тогда скоро мы опять во славу русского народа заработаем спасибо барюшки-царя».

В прежнее время, когда после 22—25-летнего срока действительной службы, равнявшегося почти среднему периоду человеческой жизни, солдат возвращался в давно покинутую, забытую им родину, изможденный трудами и лишениями многолетней походной и казарменной жизни, он был лишним человеком на свете, чужим между своими; отвыкнув от занятий и образа сельской жизни, он являлся ненужной экономической единицей — связь была порвана. Нынче благодаря короткому сроку действительной службы армия возвращает народу бодрого, здорового, дисциплинированного, грамотного человека, способного быть деятельным членом общества. С общей обязательной повинностью рота служит для солдата не только школой, в которой он вырабатывает преданность долгу, воинский дух и воинское товарищество, но и школой его умственного просветления, нравственной крепости и приготовления к жизни общественной.

Поведение может быть нравственным или безнравственным, то есть сдержанным или распущенным, — существенная разница одного от другого заключается в большей или меньшей связи между волей и умом человека с его поступками и в силе и качестве ума и воли. Человек может быть нравственным, когда в самом себе, в своей личной инициативе находит отпор соблазну и считает выгодным предпочитать труд — разгулу, трезвость — пьянству, целомудрие — разврату. Поскольку солдат не находит в самом себе и в окружающей обстановке никаких побудительных стимулов, никакой почвы для уклонения от греха и соблазна, то равновесие им потеряно, и он становится игрушкой случая, увлекаясь более сильным, но порочным товарищем. Внешние меры тут не помогут; даже кулак — средство испытанное, — несмотря на всю свою простоту и подкупающую убедительность, оказывается ничтожной нравоочистительной мерой. Надо быть очень недалеким, чтобы пользоваться безнравственной мерой для водворения нравственных начал.

Нравоучения, разные моральные сентенции тоже не оказывают никакого существенного влияния на солдата; он реалист, человек дела, и не проберешь его никакими увещеваниями, ежели последние не представляют ярких примеров из повседневной казарменной жизни. Если сегодня ротный командир горячо толкует солдату о святости его призвания, о высоком назначении воина, а завтра при малейшей оплошности этого воина пустит в дело кулак; если сегодня он проповедует необходимость строгого, неукоснительного исполнения мельчайших требований воинской службы, а завтра в присутствии нижних чинов прибегает к плутовским мерам, чтобы скрыть допущенный беспорядок, то естественно, что при таком порядке живые факты будут заглушать всякую мораль.

Стоять строго и исключительно на почве угроз, страха и механической охраны, держать во всех входах и выходах дневальных, а под ними недремлющее око дежурного и фельдфебеля, — не говоря о том, что сами охранители нравственно сродни охраняемым, — подобное состояние долго длиться не может, и сам этот запрет по существу своему будет толкать солдат на разные уклонения: то водочку принесут под видом керосина для ротной канцелярии, то баба прошмыгнет под видом «сродственницы- посетительницы»: все будет с виду чинно, формально, благопристойно, а внутри — полная распущенность и наглое надувательство.

Система исключительного страха и запрета была бы еще логична, если бы можно было поставить солдата в такое положение, чтобы он никогда и нигде не мог принадлежать самому себе. Но у солдата есть холст, сапожный товар, краюха хлеба, сбереженная от недоеда, — надо ему это продать и выручить копейку на табачок, ваксу, портянки; увольняется он в город на базар, надзор порван,

* Например, ротному командиру лень идти на утренние занятия, и фельдфебель получает записку: «Фельдфебель! Если полковник зайдет в роту, скажи, что я на занятиях и только что сейчас ушел»; фельдфебель по секрету передает это взводным, а эти по секрету — рядовым, и пойдет по роте толк: «Наш-то, мол, полковника надул».

и, конечно, человек, целую неделю сдавливаемый механически, сдерживаемый на помочах, вырвавшись на вольный простор, развернется во всю ширь и закончит веселый день или в полицейской кутузке, или явится в роту в развращенно-пьяном виде.

Как же быть? Чем руководствоваться для водворения в роте строгого, но разумного порядка и сделать солдата послушным орудием воли начальника и строгим исполнителем всего, что требуется законом и порядком службы?

Я полагаю, что как счастье и мир здоровой семьи зависит не от законодательных мер, а от их нравственных начал, которыми руководствуются в семье, так и в роте, в этой большой семье молодых людей, основным началом домашнего, казарменного быта должно быть нравственное побуждение хотеть и поступать так, как хотеть и поступать солдату должно; но, дабы поступки его всегда были в строгом согласии с законом и справедливостью, солдат должен знать предел возможного, и только при развитом, деятельном сознании можно смело кредитовать солдату свободу, дозволяя ему быть хозяином себя.

Сознание своего долга и осмысленное понимание своих прав и обязанностей приобретает солдатом лишь при условии умственного и нравственного развития.

II

Умственная сторона

Не силою быют, а умением.

Последняя кампания (Плевна, Шипка, Карс, Баязет)*, а также свидетельство первых военных авторитетов удостоверяют в том, что русский солдат — первый в мире (терпелив, хорошая нравственность, малая впечатлительность, безответная покорность приказу начальника, безграничная преданность престолу, отечеству и вере отцов), и если недостает чего, то это некоторого запаса интеллигентности. Скучность умственных сил, вносимых населением в нашу армию, заметно отражается на этой последней и постоянно тормозит ход образования нижних чинов.

Из принятых на службу в 1879 году 217 050 человек, умеющих читать и писать или только читать, было 41 828 человек; в 1880 году из 231 677 человек, умеющих читать и писать или только читать, было 47 158 человек. Эти данные указывают на подавляющую цифру темного, неграмотного люда в нашей армии. Но простая грамотность — эта первая ступень в развитии человека — есть только внешняя форма, одно из средств развития, и остановиться на одной лишь грамотности, очертив ею круг умственного развития солдата, было бы по меньшей мере бесполезно. Мастеровые и фабричные в большинстве случаев народ грамотный, но это не мешает им быть завсегдаемыми кабаков и трактиров.

* Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 годов. (Примеч. сост.)

Для простого, неразвитого человека религия является живою, нравственно просвещающей, сдерживающей силой; в этом нас убеждают солдаты из латышей, католиков и даже евреев. Кому неизвестно то безграничное доверие, та простота отношений, которые спокон века существуют между мужиком и «батюшкой»? В тяжелые и радостные минуты своей жизни привык наш крестьянин обращаться к священнику, доверчиво раскрывая перед ним свои горести и радости. Связь эта, исторически установившаяся, представляет прекрасное, готовое средство; необходимо, чтобы она продолжала существовать и в армии, но здесь она, к сожалению, обрывается.

Наш полковой священник в большинстве случаев стоит особняком от внутренней бытовой жизни солдат, и, за исключением обязанности, упомянутой в 148-й статье Положения об управлении полком — «увещевать по поручению полкового командира порочных нижних чинов», — священник является лишь исполнителем церковных треб и обрядов. Обязательные уроки закона Божия в учебной команде, состоящие из объяснения богослужения, таинств, символа веры, заповедей и прочего, касаются лишь ограниченного числа слушателей (4—5 человек на роту), и притом отвлеченные догматы для своего уразумения требуют предварительной подготовки, а потому уроки эти, нося казенно-обывательский характер, подвергаясь тому же процессу заучивания, как и другие обязательные предметы учебной команды, не приносят никакой пользы в смысле просвещающего, сдерживающего начала.

Для духовного развития солдата, для живого воздействия на его душу священник должен быть активным участником солдатской жизни роты и полка, но не в учебной команде с ее классической обстановкой, а в роте, в живой, непринужденной беседе объясняя обязанности христианина вообще и воина в частности (присяга), опираясь на примеры из жизни той же роты, иллюстрируя свой рассказ яркими примерами человеколюбия и самопожертвования русских людей, укореняя в солдатах доблести храброго воина и честного русского гражданина.

Наш крестьянин рядом с религиозным благочестием нередко поражаet крайне грубым и циничным отношением к вопросам и предметам нравственного и религиозного культа; его понятия о природе и ее явлениях составляют одно сплошное заблуждение, и кому же поручить дело его нравственно-умственного перевоспитания, как не священнику, которому с колыбели он привык доверять и который прекрасно знает все условия сельского быта.

А потому я полагаю бы крайне полезным организовать вечерние беседы полкового священника с нижними чинами (сводя 2—3 роты); беседы эти, имея целью устранить в солдате все дикое, грубое и укрепить все доброе, благородное, справедливое, будут прекрасным подспорьем для ротного командира в его стремлении направить и поддержать солдата на добром пути, и, бесспорно, беседы эти отразятся смягчением нравов казарменной жизни и уменьшением процента преступности.

В дружеской беседе, живым образным языком, доступным пониманию солдата, священник разовьет сознательную любовь к отечеству (откуда пошла и как стала Русская земля, нынешний строй государства, жизнь крестьянская до и после освобождения, участие крестьянина в гласном суде и земских собраниях и проч.), даст разумное понятие о природе и ее явлениях, рассеив бесчисленные суеверия и предрассудки (на чем стоит и чем держится земля, вера в леших, домовых, обращение, столь часто практикуемое солдатами, к ворожеям и проч.), и слово священника, если оно будет согрето любовью к солдату, найдет скорый доступ к сердцу и уму его, так как священнику в силу строя деревенской жизни он привык бесконечно верить.

Вторым сильным деятелем в умственном развитии солдата мог бы быть полковой врач. Полковой врач должен быть активным членом военной части с очень сильным голосом во всем, начиная с солдатской обуви и кончая обучением. Ротный командир и полковой врач должны дружно идти рука об руку, помогая друг другу в развитии здоровья нижних чинов как основе всякого другого развития. Врачу недостаточно наблюдать лишь над выполнением известных гигиенических мер (на это есть писанные правила, инструкции) в роте «и о замеченных по сему предмету отступлениях немедленно докладывать полковому командиру», но необходимо товарищеское, душевное отношение к ротному командиру, помогая последнему данными, выработанными наукой и личными наблюдениями.

К сожалению, некоторые врачи слишком склонны увлекаться административной частью своих лазаретов и, всецело погружаясь в отчетности и донесения, принимать слишком слабое участие в повседневной казарменной жизни. Осмотр нижних чинов в сроки, назначаемые полковым командиром, проба ротной пищи, наружный осмотр помещений — вот почти вся служивая деятельность наших врачей. Уже и не говоря про посещение рот дивизионными и корпусными врачами — это целое событие в роте, настоящий осмотр, которому предшествует полуда ротных котлов, добавка в кашу лишнего фунта сала, натирание пробных ложек укропом (дабы отшибало нос, как выражаются солдаты), мытье тюфяков и набивание их свежей соломой. Не лучше ли было бы, если бы деятельность нашего военно-врачебного персонала составляла бы неотъемлемую часть казарменной жизни и была бы естественным, привычным элементом повседневного течения солдатской жизни. К посещению врача, как и священника, солдаты должны быть так же привычны, как и к посещению своего ротного командира. У себя дома и здесь, в казарме, солдат наш боится лекаря, а на лазарет и больницу смотрит как на место неизбежной смерти, а потому необходимо сблизить солдата с врачом, для чего последнему, отбросив всякую торжественность, следует слиться с полковым начальством в дружном усилии всестороннего развития солдата.

Наш солдат недорого ценит свою жизнь, свое здоровье, тем более должны мы его беречь. Для того чтобы солдат с доверием относился к мерам, направленным к его оздоровлению (казарменный запах, въедающийся в солдатскую одежду, сероватый цвет лица, грудные болезни — следствие громадной примеси сернистого водорода в казарменном воздухе), недостаточно уроков гигиены в учебной команде, страдающих теми же недостатками, как уроки закона Божия: нужна живая беседа, согретая любовью к человеку. В этих беседах толковый врач, имея в руках массу фактов, почерпнутых из военно-медицинской практики, прибегая иногда к волшебному фонарю, исподволь, постепенно уяснит всю важность мер, употребленных для здоровья солдата, рисуя ему все губительные последствия пьянства и венеры.

Солдат, заболев венерой (на 1000 человек служивших в войсках в 1879 году больных этой болезнью было 44,24%, а в 1882 году — 37,8%), не только себя губит, но разрушает здоровье и семьи, в которую он вернется, а потому, оздоравливая солдата, знакомя его с здоровыми гигиеническими понятиями, мы некоторым образом содействуем оздоровлению самого народа. А народ наш, несмотря на установившуюся за ним репутацию железноздорового, по статистическим данным далеко не так здоров. Тут смешивается здоровье с выносливостью. С 1874 по 1883 год в воинских присутствиях освидетельствовано до трех с половиной миллионов лиц всех местностей империи, и оказывается, что призывный возраст, захватывающий наиболее цветущий, жизненный элемент народа, выделяет из себя громадную цифру освобожденных по болезням и телесным недостаткам («Военный сборник», № 8 и 10 за 1883 год), и, за исключением этого, в ряды армии все так же проскальзывает слабый, хилый элемент, так как в рядах новобранцев постоянно оказывается известный процент «незаконногодных», то есть таких индивидуумов, которые после признания их во время набора годными оказываются потом пораженными какими-нибудь патологическими недугами или недостатками. Военно-медицинская пресса не раз уже говорила об этом ненормальном явлении в деле отправления воинских повинностей, и, вероятно, будут выработаны более верные меры (роль врача в присутствии не должна быть пассивна) для ограждения военного министерства от бесполезного расхода денег, а войска — от наплыва «незаконногодных» новобранцев.

Для того чтобы человек жил здоровой жизнью и хорошо работал, ему необходимы кроме достаточной пищи известные возбуждения, которые вывели бы его от времени до времени из обычно монотонной колеи жизни; образованные люди удовлетворяют этой потребности книгами, общественными собраниями, музыкой, театрами; солдату же мы предложим вечерние беседы священника, врача, офицеров, туманные картины, казарменные спектакли, и полковое начальство не остановится перед средствами, так как эти затраты сторицею окупятся умственно-нравственным подъемом нашего солдата.

Интересы военной службы требуют, чтобы каждый вступающий в ряды войска твердо знал, какие права и обязанности он приобретает и чего лишается из тех прав, которые принадлежали ему в гражданской жизни. Кроме того, солдату должно быть ясно как день, что дисциплина не составляет исключительной, неотъемлемой особенности военной службы, что она также нужна и в гражданской жизни, и разница лишь в строгости, так сказать, в напряженности, а потому, приучая его к дисциплине военной, мы тем самым подготовляем его к дисциплине гражданско-общественной. Но было бы большим самообольщением думать, что все это солдат усвоит путем толкования и обучения, — для этого нужен ум развитый, способный осиливать отвлеченные понятия.

Весьма важной мерой для умственного развития солдата является чтение книг и газет. Наш простой народ далеко не глуп. Яркая простонародная речь, пословицы, поговорки, наконец, весь народный эпос — результат тысячелетней умственной работы народа — красноречиво свидетельствуют о его стихийной умственной крепости.

Нравственно ответственные за правильное умственное развитие солдата, мы должны зорко следить за книжным материалом, обращающимся в руках солдата. Надо сознаться, что желаемый спрос на чтение встречает недоброкачественное предложение в лубочных изделиях разных аферистов, и солдат тратит свой грош на безграмотные, бессмысленные, неопрятные изделия этой литературы вроде «Битвы русских с кабардинцами», «Английских милордов», «Сонников»; литература эта давно уже вошла в моду у грамотного простолюдина и следует за ним в казарму. Вся эта «духовная пища» имеет целью лишь тешить и щекотать животные инстинкты, но никак не развивать.

Эксплуатация скудного солдатского кармана, завоевывая себе все больший и больший район действий, с бесцеремонностью, свойственной аферистам, направила свою деятельность на руководство и пособия для нижних чинов, запрудив наш книжно-военный рынок изданиями сомнительного качества. Наши ротные библиотеки имеют прекрасные издания вроде «Досуг и дело», хотя число экземпляров далеко не достаточно по числу людей; но если ротный командир и младшие офицеры роты возьмут в свои руки как направление солдата в выборе путных книг, так и самое чтение, то дело поправимо; вообще руководить чтением обязательно должны офицеры, так как для солдата, лишенного всякой элементарно-научной подготовки, чтение — простой механический процесс складывания букв в слова. Чтение должно быть в высшей степени занимательным, обдуманым и строго систематичным, шаг за шагом втягивая солдата в область интересных и нужных для него знаний. Вкореняя в солдата полезное знание и верное понимание вещей, мы косвенным образом проникаем в невежественную среду нашего крестьянства, внося туда лучи света и теплоты; грамотный развитой солдат, вернувшись в деревню, не раз

помянет нас добрым словом, найдя себе как кусок хлеба, так и уважение от сельчан.

Если улучшение казарменной нравственности мы поставим в зависимость от умственного развития, то вряд ли кто осудит выписку на роту дешевой газеты, но выписка эта должна происходить на счет наличного числа людей роты (4—5 копеек с человека в год), и газета таким образом становится собственностью роты вообще и каждого солдата в отдельности. Мне известно несколько примеров выписки ротою газеты, и нужно видеть ту наивную гордость, с которой солдат рассказывает солдату другой роты, что он узнал из «своей» газеты. Газета должна получаться на имя фельдфебеля и вечером ротным командиром или одним из младших офицеров прочитываться при общем собрании роты; это будет прекрасным подспорьем, темой для вечерних бесед. Новобранца надо учить новым для него словам, названиям вещей, понятиям. В своем сельском быту, среди примитивных начатков культуры, работая от зари до зари со своими молчаливыми спутниками — топором да сохой, он довольствуется для своего обихода сравнительно небольшим числом слов, и неудивительно его недоумение, а порой бестолковость, когда ему приходится стать лицом к лицу с теорией стрельбы или дисциплинарным уставом, полным незнакомых для него слов и выражений.

Время, проведенное солдатом вне роты, вне расположения ротного командира, есть решительно потерянное в деле подготовки солдата; отсюда первым условием для успеха дела является необходимость, чтобы наличное число людей роты возможно менее было разнородно от списочного. Полковые, учебные, музыкантские, барабанные команды, пивальни и мастерские, а также разные командировки отнимают массу людей в ротах, а за отчислением домашнего расхода — ротного писаря, артельщика, кашевара, хлебопека, конюха, офицерской прислуги, больных — наличный состав окончательно расплывается, и вся деятельность ротного командира, младших офицеров и унтер-офицеров сосредоточивается на молодых солдатах. Не имея ничего против необходимого расхода в полковых учебных командах, я позволю себе заметить относительно расхода, идущего на музыкантские команды и разные мастерские. Музыкантский хор — это балованное дитя полкового начальства и гордость полка. Конечно, приятно слушать хорошую музыку, но вместе с тем нельзя забывать, что с чисто боевой точки зрения значение музыки в войсках ограничивается только тем, что она способствует стройному движению колонн, как на плацу, так и в бою, а потому излишнее развитие музыкантского элемента в полках и принесение для этого в жертву нередко лучших людей роты, мне кажется, не оправдывается боевой необходимостью.

Мастерская поглощает от 5 до 10 часов в роте (предмет постоянного пререкания ротных командиров с хозяйственной частью полка). Удивительно влияние мастерских на солдат: бравый солдат, попадая в швальню, чрез неделю для опытного глаза ротного командира неузнаваем — и нравственно и физически опускается.

Расход этот, к сожалению, не ослабевает, несмотря на приобретение полками усовершенствованных швейных машин и отпуска в войска вещей в готовом виде. Кроме этих более или менее продолжительных расходов роты несут еще временные, краткосрочные расходы.

Представителем рабочей единицы в казарме является солдат. Труд его даровой, и рабочих рук много. Это обстоятельство и служит нередко причиной для несообразного пользования этой даровой силой. Куда довольно бы послать двух человек — посылают четырех, пятерых. Работа идет неспоро, вяло, небрежно, и солдат отправляется на нее, как на отдых. Если бы утилизировать ту массу ненужного избытка работы, которая тратится за год в казармах на мытье полов, чистку двора и исполнение разных хозяйственных надобностей полка или роты, то можно бы было много лесов насадить, железных дорог настроить, канав накопать. Экономия в затрате солдатской рабочей силы вдвойне необходима как для достоинства и быстроты самой работы, так и для сохранения людей для их прямого дела.

III

Нравственная сторона

На войне нравственный элемент относится к физическому как 3:1.

Предварительно позволю себе небольшое отступление. Нравственное поведение и нравственная сила характера — две вещи, совершенно разные. Человек может быть безукоризненно нравственного поведения, но безо всякой нравственной силы характера, и обратно. Нравственное поведение есть дело воспитания, дрессировки; нравственная сила характера есть результат сложных условий (национальность, наследственность, обстановка, при которой действует человек). Нравственное поведение, раз оно укоренилось в человеке, сопровождает его всю жизнь: эта величина постоянная. Нравственная сила характера обуславливается массой внешних обстоятельств, может быть доведена до наибольшего напряжения и низведена до нуля: эта величина крайне изменчивая (Плевна 30 и 31 августа).

Есть одна общая черта между нравственным поведением и нравственной силой характера — что на то и другое поразительно действует пример. Существенную же разницу между ними составляет то, что нравственное поведение обнаруживается в каждом поступке действий человека, нравственная же сила проявляется лишь при особых условиях, обстоятельствах. Иногда в ничтожном, завалющем солдатике никто и не подозревает той массы энергии и нравственной силы, которую он способен проявить в момент боя, обаятельно действуя на всю часть, электризуя самые трусливые

* Имеется в виду штурм турецкой крепости Плевна. (Примеч. сост.)

натуры. Нравственное поведение есть сторона скорей домашняя, имеющая особенную ценность в мирное время. В военное же время нравственная сила характера приобретает громадное и исключительное значение. Это единственный залог победы.

Нравственная сила характера удесятерит физические силы человека. Оставив в стороне излюбленный пример Марафона (10 000 греков бьют 100 000 персов), напомним лишь августовские дни бешеных атак Сулеймана на Шипку или Ахал-Текинскую экспедицию как яркие примеры высокого подъема нравственных сил нашего солдата.

Установив разницу между нравственным поведением и нравственной силой характера, обращаясь к разбору нравственного поведения солдата как к условию, необходимому для поддержания в части чинности, порядка и дисциплины.

«Если придуманы, — говорит Спенсер*, — различные упражнения для физических сил, то необходимо завести гимнастику и для нравственных».

Гимнастика эта в сфере казарменной жизни в разные времена носила разный характер. В каждую эпоху развития человечества господствующий дух и господствующие идеи проникают во все сферы и держатся на одном уровне, подобно воде в соединенных между собой сосудах. Этот вездесущий дух времени, волей самого законодателя, проник в темные уголки казарменной жизни, положив в основу обращения с солдатом чисто человеческие начала (воинская повинность как деятельное орудие развития и образования), отбросив все позорящие наказания, унижающие человеческую личность (шпицрутены, розги). Если современная криминалистика признает личность в самом закоренелом злодее, то подавно должно признать человеческую личность в существе, призванном охранять закон и служащем одною из самых надежных гарантий внутреннего спокойствия, порядка, внешней безопасности. Армия, еще недавно служившая местом для заклеивших себя позором, ныне представляет кровный союз людей, исполняющих святую обязанность защищать честь и интересы отечества.

Субъективные особенности натур чрезвычайно разнообразны. Солдат как отдельная единица может быть загадкой, но рота вся вообще, в целом, представляет поверхность, на которую с полной уверенностью в успехе может действовать ротный командир. Действия эти должны стремиться к установлению такого внутреннего порядка, при котором бы удовлетворялись до мелочей все требования закона и вместе с тем не игнорировались бы законные требования человеческой природы. Раз такой порядок заведен, ротный командир может быть покоен: нравственное поведение вверенных ему людей обеспечено. В роте образуется преобладание хороших элементов, которые имеют интерес в сохранении порядка и совокупное значение которых достаточно сильно, чтобы побороть влияние вредных элементов, нарушающих установленный порядок.

* Спенсер Г. (1820—1903) — выдающийся английский философ-позитивист и социолог. (Примеч. сост.)

Внутренняя бытовая жизнь солдата проходит между двумя противоположными течениями: с одной стороны, монашеская жизнь и тиски дисциплины, а с другой — улица с ее соблазнами и увлечениями. Раз невозможно разделить эти два течения стеною, то по крайней мере надо стараться примирить их, сохраняя достоинство солдатского звания и исполняя требования закона.

Положим, ротному командиру известно, что один из солдат его роты имеет на стороне любовницу. Солдат он трезвый, честный, умеет себя «соблюдать в аккурате». Внутреннему порядку роты не будет нанесен ущерб, если он и будет посещать ее, удовлетворяя этим настоятельную потребность молодого, крепкого организма. Но раз она его посетила или он опоздал явиться к сроку в казарму, то этим нарушением он лишается отлучки со двора, и, конечно, прямой интерес солдата будет соблюдать и охранять порядок.

Ротному командиру не требуется быть проникательным знатоком сокровеннейших тайн человеческого сердца. Нужно лишь осмысливать требования закона и дисциплины и руководствоваться в своих отношениях к солдату законными человеческими началами не в смысле расплывающегося беспредметного благодушия, но деловыми резко очерченными отношениями.

Я не идеализирую солдата, хорошо зная, что в этой среде нередко встречаются субъекты нравственно неисправимые, но из того, что в данном обществе есть больные, не следует же лечить и здоровых. Тут вся суть в умении прилагать чисто теоретические выводы к живым существам, в которых нельзя игнорировать присутствие нервов, сердца, половых влечений и проч.

Толкуя о поведении солдата, нельзя иметь в виду чисто абстрактное существо, изолированное от внешнего мира; такой прием может быть с успехом применен к изучению траектории в безвоздушном пространстве, но не к живому существу.

Рядом с логикой принципов (теория) существует логика фактов (практика), и если будем руководствоваться лишь логикой принципов, то можем дойти до прекрасных теоретических выводов. Например, казалось бы, что стоит лишь не давать людям водки — и пьянство прекратится, в роте водворится искомая трезвость, и солдаты, пробавляясь одним лишь чаем, утратят всякое побуждение посещать кабаки и трактиры; но, прикладывая сюда логику фактов (жизненная правда), выводы меняются: в сельском быту новобранец привык все важные моменты своей жизни (сватовство, кумовство, престольный праздник) сопровождать чаркой водки, и наше «положение о ротном хозяйстве», определив винную порцию для выдающихся моментов солдатской жизни, вероятно, имело в виду эту особенность. И в самом деле, как в день ротного праздника заменить традиционную чарку водки стаканом чая, когда у себя в деревне и бедняк в день престольного праздника последнюю копейку пускает ребром. Если и не дать солдату водки, то все равно он ее добудет, но путем контрабандным и благодаря нашему чисто теоретическому выводу может серьезно пострадать. Узаконенная выдача винной порции уже тем хороша, что это всегда

составляет событие в роте, приятно нарушающее монотонную обстановку казарменной жизни.

Господин Бутовский, рисуя картину полочки ротою по какому-нибудь случаю винной порции, видит тут две стороны: с одной стороны, торжественно веселый, оживленный говор и задушевное искреннее веселье, «но достаточно, — говорит он, — остаться еще несколько минут, чтобы увидеть обратную сторону процесса»: люди хмелеют, непьющие чувствуют себя угнетенными, над ними начинается глумление, раздаются обидные прозвища, возбуждающие общий презрительный хохот, в заключение появляется ворчливая и мелочная жалоба на тяжесть законных требований по службе. Мне кажется, что краски положены слишком густо. Сотни раз присутствовал я при поголовной выдаче казенного вина и, любуясь первой половиной картины, никогда не замечал второй. Во-первых, не так слаба солдатская голова, чтобы охмелеть от полчарки водки; во-вторых, терпимость в отношении других составляет отличительную черту русского человека. Вообще вторая сторона картины господина Бутовского есть скорее теоретический вывод, нежели факт, взятый из жизни. Что водка не составляет исключительного зла, в этом нас убеждает статья «О солдатских буфетах в полках 3-й гвардейской пехотной дивизии» («Военный сборник» № 10, 1883 года). «В буфетах продается водка, закуски, чай. Цифрами доказано, что солдатские буфеты не только не терпели от конкуренции городских торговцев, но и дали еще значительный доход. Значит, солдаты охотнее шли в буфеты, чем в кабаки или в трактиры, а главное — в нравственном отношении буфеты оказали хорошее влияние на нижних чинов, отвлекая их исподволь от бесцельного шатания по городу и посещения питейных заведений; по крайней мере, за все существование буфетов число нижних чинов, задержанных в разного рода увеселительных заведениях, значительно сократилось».

Если и бывает в ротах пьянство, то причина этому не внешняя, а внутренняя, психическая, и система «не пускать, запрещать» ни к чему не поведет. Сам господин Бутовский говорит: «...процент пьющих между солдатами увеличивается пропорционально количеству прослуженных ими лет». Следовательно, если бы предупредительные и карательные меры имели бы благой результат относительно уменьшения пьянства, то, конечно, количество пьющих постепенно бы уменьшилось соответственно увеличению сроков службы, — но мы видим обратное. В другом месте, говоря, что казенная порция не только знакомит совершенно непьющего новобранца с вином, но и систематически приучает его к выпивке, господин Бутовский спрашивает, «каким железным характером должен обладать новобранец, чтобы идти против общего течения». Конечно, нужно иметь недюжинный характер, чтобы идти против общего течения. Но если общее течение толково, разумно и нераспущенно, то полагаю, что пьянство стало бы единичною струей, которая непременно увлеклась бы общим потоком.

Рота, в которой установлен порядок, обладающий устойчивым равновесием, не понесет ущерба своей нравственности, если 2—5 солдат напьются, да и кто поверит тому ротному командиру, который стал наивно уверять, что у него нет отъявленных пьяниц.

Развитие в роте добрых нравов находится в прямой зависимости от установленных порядков, от течения внутренней жизни и от нравственной связи между ротным командиром и солдатами.

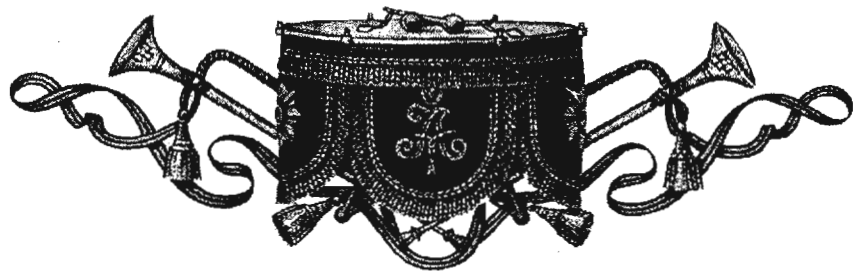
Нравственность, подобно дисциплине, не может быть предметом преподавания, и является она как результат известного режима, навыка, привычки.

Главными орудиями нравственного воспитания и развития добрых навыков должны быть:

- 1) Полная солидарность между людьми роты.
- 2) Строгая законность во всех отношениях старших к младшим и разумная справедливость в домашнем суде и расправе.
 - а) Солдат должен гордиться своей ротой; его сердцу должны быть близки и дороги интересы родной роты, так как в этом общем интересе замешан и его личный интерес. Крепкая связь, круговая порука создают ту общую нравственность роты, которую мы означаем словами: «образцовая рота». Раз нет спетости интересов, нет солидарности и связь между людьми не нравственная, а чисто механическая (солдату все равно, 5-й ли он роты или 14-й), то на такую роту нельзя положиться ни в мирное, ни в военное время, так как это будет не нравственно сплоченное целое, имеющее общие желания и коллективное самлюбие, но случайное скопище людей с врозь идущими интересами.

- б) Рота есть военное братство, союз людей, судьбами которых руководит и управляет закон. Закон для них — единственная всемогущая сила, которую они признают за собой, и единственная внешняя воля, которой они подчиняются, а потому закон и только закон должен лежать в основе отношений старших к младшим. Но так как закон не может охватить всех разнообразных случайностей, всех мелких нарушений правил военной службы и дисциплины, всех оттенков в проступках, обусловливаемых индивидуальными особенностями отдельной личности, то законодатель с полным доверием к нравственному чувству, служебному такту и здравому смыслу начальника дает ему в руки сильное, острое средство — подвергать подчиненных взысканиям дисциплинарным, то есть без придания виновных военному суду, представляя и право самого выбора взыскания в пределах указанной законом власти.

Дабы не затмить в себе чистоту сознания должной меры в наложении взыскания и всегда держаться пути строгой постепенности и последовательности, необходимо соразмерять взыскания с нравственными мотивами проступка и личными свойствами каждого. Невольно припоминается прекрасный стих Шиллера: «Мы все видим, что человек совершил; мы не видим всего, с чем он боролся». Солдат предпочитает строгого, даже сурового начальника добродушному, рыхлому, так как в первом случае он знает, чего от него хотят и что его ждет.

ГЕЙНО ФОН БАЗЕДОВ

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ВОЕННОЙ РОССИИ*

Мне никогда не приходилось присутствовать на маневрах или больших упражнениях русских войск, поэтому я не в состоянии дать каких-либо сведений относительно их тактики и командования ими. Однако же я часто бывал в Петербурге, а недавно мне пришлось проехать через всю обширную Российскую империю, от Финляндии до Южного Кавказа; хотя эти поездки и имели целью исключительно посещение родственников, хотя я и являлся только простым туристом, тем не менее мне как военному человеку невольно приходилось наталкиваться на многие явления, видеть и слышать многое, что, будучи взято по совокупности, дает в свою очередь многое для пополнения сведений, получаемых из специальных военных источников.

Россия — страна мундира. Мундир носят не только солдаты, полицейские, таможенные и железнодорожные служащие, но и административные чиновники, судьи, учителя; мундиром обозначается принадлежность к известной профессии, обеспечивающей соответствующие преимущества в общественной жизни. Даже студенты и слушатели высших учебных заведений обязаны носить форму.

Русский офицер всегда в форме; даже в отпуску и в путешествии, по крайней мере внутри страны, он не имеет права носить штатское платье. Вследствие этого приходится иногда видеть офицерский мундир в положении, не соответствующем нашему о нем представлению.

При отставке офицер сохраняет мундир для ношения его не только в исключительных случаях, а постоянно; так что старый генерал, рано поступивший в кадетский корпус, всю свою жизнь, за исключением своих детских платьев, не носивший ничего, кроме мундира, не представляет исключения.

Разобраться в массе существующих в России форм является далеко не простой задачей, и если даже сравнительно скоро можно научиться отличать офицера от чиновника, военного от невоенного

* Текст печатается по изданию: Военный сборник. СПб, 1911. Т. X. С. 177—204. (Примеч. сост.)

и отдельные рода войск между собой, то для того, чтобы вникнуть в тайны всех цветов, кантов, отличий, в эту путаницу корон, вензелей и прочих букв на шапках и погонах и в цифры, обозначающие то дивизии, то полк, нужна целая наука; наука, для которой, без сомнения, Петербург представляет благоприятную почву, так как там можно встретить представителей всей армии.

История русского мундира имеет связь с германской. Петр Великий и его преемники создали свое войско при помощи главным образом немецких учителей. Наряду со многими немецкими учреждениями и многими еще теперь существующими обозначениями, как-то: фельдфебель, унтер-офицер, ефрейтор, ротмистр, егерь и фельдшер, в Россию проникли и немецкие военные формы. Петр III, большой любитель военного дела, зашел в своем благоговении пред Фридрихом Великим так далеко, что тайно обменялся с ним письмами в то время, как русские войска сражались с прусскими. Император же Павел окончательно принял прусское обучение и организацию войск. Таким образом русская армия и по наружному своему виду все более уподоблялась прусской.

Когда соработничество на полях сражений в эпоху освободительных войн и родственные узы царствующих домов еще более сблизили обе армии (стоянка лагерем под Калишем с совместными маневрами прусских и русских войск может служить лучшим подтверждением сказанному), связь между ними выразилась во введении одновременных перемен в обмундировании. Как у нас, так и в России были введены: ранец с перекрещивающимися на груди ремнями, каска, наш шишак — известный как типично прусский; в фуражке с козырьком, сюртуке и значках, обозначающих офицерские чины, сказывается тоже общее происхождение, несмотря на то что у немецких и русских офицеров звездочки имеют не совсем одинаковое значение, а именно в русской армии высший чин того же класса, то есть капитан, полковник и так называемый полный генерал, носит эполеты и погоны гладкие, без звездочек.

В 1882 году император Александр III ввел так называемую национальную форму, которую уже раньше носили стрелковые батальоны. Она состояла из меховой шапки и двубортного кафтана без пуговиц, застегиваемого сбоку крючками, из сапог с голенищами и широких нависающих шаровар. Только кавалерийские гвардейские полки сохранили свои прежние формы, некоторые из которых до того были похожи на прусские, что можно было принять одних за других.

Но недавно опять вернулись к прежнему. Национальный кафтан заменен более грациозным военным двубортным полукафтаном, к которому у гвардейских полков в парадных случаях пристегивается лацкан цвета полка. Быть может, и не практичная, но, во всяком случае, очень идущая к лицу меховая шапка совершенно отменена. В гвардейских полках вернулись к прежнему, лишь слегка измененному, киверу. В армии единственным головным убором в настоящее время является походная фуражка.

Драгунские полки, в которых с 1897 года национальный кафтан опять был заменен двубортным полукафтаном, частью снова обращены в гусарские и драгунские полки, так что теперь каждая нормальная кавалерийская дивизия, кроме причисленного донского казачьего полка, состоит из одного драгунского, одного гусарского и одного уланского полков, значащихся под одним номером.

Покрой существовавших до сих пор мундиров был, по всеобщему мнению, некрасив, почему при последних изменениях были приняты в соображение только требования красоты, а не требования практичности. Походное снаряжение солдата, напротив, производит впечатление вполне военного; скатанная шинель через одно плечо, вещевой мешок через другое; хотя при отсутствии всякого металла оно и не особенно изящно и не годилось бы для парадов Николая I, но зато оно гораздо более свободно, чем у нас, с прямолинейными ремнями от ранцев; шапка же, надетая более набекрень, чем это делают наши уланы, довершает впечатление молодцеватости и непринужденности.

Темно-зеленый цвет русского мундира, конечно, не выдерживает солнца, поэтому ношенные формы пестрят иногда всеми оттенками. Нередко попадаются такие, которые в Пруссии, наверно, не выдержали бы испытующего ока отдельного начальника.

Надо прибавить, что вне службы солдат большей частью ходит без оружия, так как только гвардейской пехоте выдается в мирное время для уличного одояния холодное оружие. Армейская пехота носит только пояс, штык же с ножами остается дома.

Некоторые детали офицерской формы кажутся, на наш взгляд, не совсем красивыми: широкие погоны и фуражка с очень выступающим верхом и большим козырьком. Ношение же пашки на перевязи, через плечо, практично, так как таким образом оружие всегда, даже при надетом пальто, находится под рукой и может быть легко снято и надето. У русских португеля более отвечает своему назначению, чем у нас.

К мундиру, воротник которого не только у гвардейцев, но и у всех офицеров украшен вышивками и кантами, в парадных случаях надевается серебряный кушак, подобный нашему, но без кистей. Кроме того, часто к снаряжению офицера, даже в мирное время, например в карауле, принадлежит револьвер с особым шнуром.

Летом суконый мундир заменяется кителем из легкой материи, который офицер носит не только на службе, но и на улице, в обществе и в дороге. Бывший до сих пор в употреблении более изящный белый цвет в настоящее время заменен цветом хаки, предназначенным также для походной формы и, как таковой, называемым «защитным цветом».

Пальто часто носят или по крайней мере накидывают на плечи даже в теплое время года. По русскому представлению, оно есть необходимая часть полного костюма. В противоположность этому многие офицеры даже на службе появляются без перчаток, что летом является даже правилом.

Изображение русского офицера было бы неполным, если не упомянуть об орденах, жалуемых в большем количестве, чем у нас, и чаще надеваемых.

Как известно, у русских существуют ордена: Станислава, Анны, Владимира, Белого Орла, Александра Невского, Андрея Первозванного и, кроме того, исключительно за военные заслуги Георгиевский крест. Из названных орденов Анненский заимствован из Голштинии, Станиславский и Белого Орла — из Царства Польского. Может быть пожаловано до восьми звезд. Орден Андрея Первозванного, как самый высший, жалуются в очень редких случаях. Из лиц, состоящих на службе и не принадлежащих к Императорской фамилии, он имеется только у министра двора барона Фредерикса.

Как первое военное отличие жалуются орден св. Анны четвертой степени за храбрость, который носится не на груди, а на эфесе и при котором пашка украшена темляком из Анненской ленты.

За особенные заслуги генералам и штаб-офицерам, если уже исчерпаны все прочие отличия, а в виде исключения и обер-офицерам (под этим общим наименованием подразумеваются чины до капитана) жалуются «золотое оружие за храбрость», у которого на рукоятке дерево заменено золотом и темляк с оранжево-черной Георгиевской лентой.

Унтер-офицеры тоже щедро жалуются отличиями. По истечении пятилетней службы они получают первую медаль, после десяти лет — Анненский крест, а после двадцати и тридцати лет службы следуют дальнейшие медали для ношения на шее. Так как при пожаловании новых отличий прежние сохраняются и к этому присоединяются еще часто разные медали и военные ордена, то старшие унтер-офицеры большею частью имеют большую колодку со многими медалями.

Но это не все. Кроме орденов и медалей имеются еще и другие отличия, которые, как и ордена и медали, носятся на груди. Сюда принадлежат: «знаки», указывающие на известный ход образования, установленные для окончивших академию Генерального штаба и другие высшие учебные заведения, полковые значки, учрежденные в память столетних юбилеев или каких-либо других празднований и удостоенные Высочайшего утверждения. Первые носятся на правой стороне груди, последние — слева, а часто так же, как жетоны, на маленькой цепочке в верхней петлице.

Полнейшее сходство между собою представляют наш Иоаннитский, или Мальтийский, крест и значок Пажеского корпуса, основатель которого император Павел I был облечен в сан мальтийского гроссмейстера. Точно так же можно едва отличить от Железного креста первой степени так называемый «Кульмский крест» — значок егерского полка, пожалованный ему за заслуги в битве при Кульме.

* Темляк — кожаная или шелковая петля на эфесе холодного оружия. (Примеч. сост.)

От лиц, посещавших Петербург, не может ускользнуть то обстоятельство, что среди многочисленных мундиров, встречаемых там, генеральские мундиры составляют несоразмерно больший процент, причем добрая часть их принадлежит генералам в отставке.

Генералы распознаются, как и у нас, по широким лампасам на шароварах и по красной подкладке пальто; сами же по себе их мундиры очень разнообразны. Не только каждый род оружия имеет свою особенную генеральскую форму, но часто продолжают носить форму Генерального штаба или прежних полков с генеральскими отличительными знаками. Таким образом очень часто генерал имеет право появляться в трех различных мундирах.

Большое количество состоящих на действительной службе генералов объясняется тем, что по истечении срока командования корпусом или дивизией корпусные командиры почти все без исключения назначаются в Военный совет, а дивизионные — в Александровский комитет о раненых и таким образом остаются на действительной службе. Кроме того, масса мест, занимаемых в других государствах частью гражданскими чиновниками, частью офицерами гораздо низшего ранга, до капитана включительно, замещаются в России генералами. Очень часто заведующие артиллерийскими складами, начальники военных училищ и кадетских корпусов почти всегда — генералы.

Точно так же обстоит дело и с офицерами Генерального штаба. В петербургском обществе они встречаются в поразительно большом количестве и очень часто занимают места, имеющие мало общего со службой Генерального штаба.

В Генеральный штаб можно попасть, только пройдя Николаевскую академию Генерального штаба. Перевод из полка без прохождения курса названной академии не допускается. Зато хорошо выдержанный экзамен в академии кроме права ношения установленного значка и надежд на перевод в Генеральный штаб влечет за собой немедленное производство в высший чин, до капитана армии или штабс-капитана гвардии включительно, или же выдачу полного годового оклада жалованья. Даже те из академиков, которые окажутся непринятыми в Генеральный штаб (около одной трети всего числа), пользуются особыми преимуществами и при последующих производствах. Пребывание в академии приносит, таким образом, еще более выгод, чем у нас.

В целом Генеральный штаб представляет замкнутое в себе сословие. Кто надел его мундир — черный бархатный воротник с серебряным шитьем и серебряными аксельбантами, составляющими также отличительный знак всех адъютантов, — тот сохраняет его на все время службы. Хотя до производства в штаб-офицеры и необходимо в продолжение одного года прокомандовать ротой, но для этой цели не надо переводиться в какой-нибудь полк, а принимают роту в командование, сохраняя мундир Генерального штаба. Настоящий же командир роты на это время отправляется

в отпуск. В общем, офицер Генерального штаба может рассчитывать через 15 лет службы быть произведенным в полковники.

Штабы снабжены большим числом офицеров Генерального штаба, чем у нас, так как вообще все присутственные места в России отличаются переизбытком персонала. Права начальников штабов также значительно больше. Начальник штаба армейского корпуса имеет права начальника дивизии, начальник штаба дивизии — права командира полка, и каждому из них присвоено право делать самостоятельные смотры. На положение начальника штаба похоже положение «помощника», полагающегося в России почти при всех высших должностях. Так как при замещении высших должностей там принимаются в соображение не исключительно лишь одни способности, а часто родственные и другие связи, то и является необходимость рядом с ними иметь лиц, избавляющих того, кто замещает данную должность, от существенной части работы, а часто и от всей работы.

Однородное явление с генералами и офицерами Генерального штаба представляют также военные судьи. Положение усиленной охраны, на основании которого многие случаи, прежде подлежавшие гражданскому суду, теперь судятся военным, в короткое время увеличило число этих военных судей в пять раз. Они пополняются не из практиков-юристов, а из офицеров, прошедших специальный курс в военно-юридической академии. Между тем, как военные врачи считаются военными чиновниками, военные юристы остаются, не служа в строю, офицерами действительной службы с правами, в силу их академического образования, на особое производство. Среди них также бросается в глаза большое количество генералов, распознаваемых по широким лампасам того же красного цвета, как и в нашем Генеральном штабе.

В петербургском обществе встречаешься только с офицерами гвардейских полков или с пользующимися особыми служебными преимуществами. Армейский офицер не имеет в обществе никакой роли. Большею частью он и учился, как говорит русская пословица, только на медный грош. Выражение «армейский» имеет почти презрительный оттенок. Только пехотные полки больших городов, отдельные кавалерийские полки и офицерский корпус артиллерийских и инженерных частей пользуются большим уважением.

Давно известно, что гвардия кроме привилегированного положения общественного пользуется еще и целым рядом прочно установленных служебных преимуществ. Прежде всего офицерский чин в гвардии соответствует следующему высшему чину в армии. В гвардии нет чина подполковника, а так как с 1884 года для всей армии отменен и чин майора, то капитаны гвардии производятся прямо в полковники. Гвардейскими батальонами командуют полковники, полками — генералы. Поэтому случается, что старый батальонный командир при своем уходе прямо получает чин генерал-майора и титул превосходительства, так как в России его имеют все генералы.

Достоин внимания то, что каждый гвардейский полк отличается от другого ясно выраженными особенностями. Это касается не только нижних чинов, которых, например, в Преображенский полк набирают самых рослых, в Семеновский идут стройные блондины, в Измайловский — темноволосые, в Волынский — рябые, в Павловский — со вздернутыми носами. Офицеры каждого полка тоже представляют совсем особенный определенный характер.

Самые старейшие части — Преображенский и Семеновский полки, Петровская бригада, офицеры которой в виде отличия при парадной форме носят особые нагрудные знаки.

Эти два полка получили свои названия от подмосковных сел, Преображенского и Семеновского, где Петр Великий играл ребенком и где он в юношеских годах образовал два свои полка потешных. Преображенский полк вполне соответствует нашему 1-му пехотному гвардейскому полку. Часто во главе его стояли великие князья, сам государь, будучи наследником престола, командовал первым батальоном.

Семеновский полк, второй по номеру и по значению, считается особенно усердным в служебном отношении. В дни революции он выделился своими энергичными действиями как в Петербурге, так и в Москве, куда он был отправлен.

Среди офицеров Измайловского полка всегда насчитывалось много немецких, а также шведских имен. Одно время там было 65% неправославных офицеров, что составляет редкое исключение. Вообще же процент иноверцев не должен превышать 10% для католиков и 25% для лютеран. Этот полк отличается (по крайней мере, так было раньше) большим интересом к наукам и литературе, поддерживаемым главным образом великим князем Константином Константиновичем, долгое время служившим в полку.

Егерский полк — четвертый полк 1-й дивизии — выдается менее других полков; полки 2-й гвардейской дивизии играют в общественном смысле точно так же меньшую роль.

Офицерские собрания петербургских полков могут удовлетворять самые изысканные требования. Собрание Преображенского полка с его коллекциями трофеев, картин и прочими реликвиями, относящимися к историческому прошлому полка, отличается поистине царским величием. В общем же офицерские собрания не имеют того значения, как у нас. Постоянные общие завтраки и обеды бывают только летом во время лагеря, поэтому, или, может быть, несмотря на это, жизнь обходится молодому петербургскому офицеру очень дорого. Без добавления из собственных средств 100 рублей в пехоте и 200 рублей в кавалерии он едва может свести концы с концами. Для женатого офицера многое облегчается тем, что он не обязан жить общею для всего полка жизнью, и тем, что большое число женатых офицеров располагает чрезвычайно вместительными казенными квартирами, что при высоких петербургских квартирных ценах имеет особенное значение.

* Революция 1905—1907 годов. (Примеч. сост.)

Служба отбывается во многом иначе, чем у нас. По нашим понятиям, она начинается зимою слишком поздно, это согласуется с общей привычкой русского народа и объясняется климатическими условиями. Часто офицера избавляют от строевой службы из-за отправления им посторонних, нередко бесполезных служебных обязанностей, как-то: дежурств в казармах, арестных домах, госпиталях, а также многочисленных караулов. Только в одном Петербурге до девяти офицерских караулов, на многие из коих наряжается по нескольку офицеров.

Между тем как в армейских полках жалуются на недостаток в офицерах (в 1908 году оставалось незанятыми 14% всех вакансий), петербургские полки положительно страдают от переполнения, вызванного тем, что хорошо выдержанные экзамены при выпуске из Пажеского корпуса дают право выбрать полк, не принимая в соображение количество свободных вакансий. Один ротмистр кавалергардского полка жаловался, что у него 11 офицеров в эскадроне и что при всем желании он не знает, как найти всем им занятие.

Чин далеко не всегда соответствует занимаемому служебному положению. Например, по производстве в капитаны офицер может отказаться от роты, то есть заявить, что пока не желает принять командование ротой и отказывается таким образом от соответствующего вознаграждения, но сбывает зато с рук и роту, которая в таком случае передается старшему штабс-капитану, представляющему характерную в русской армии переходную степень от поручика к капитану. В лучших петербургских полках широко пользуются этим правом.

Вообще нельзя не отметить старания, с которым русский офицер уклоняется от строевой службы для того, чтобы обеспечить себе, часто даже на гражданской службе, более спокойную жизнь, а также приобрести большее значение. Этим стараниям помогает возможность совместительства гражданской и военной должностей, а также и то обстоятельство, что для занятия большинства из этих мест не требуется никакого особенного специального образования. Известно, что немалое число губернаторов, градоначальников и предводителей дворянства выходит из рядов армии. Такая перемена звания облегчается тем, что офицер может быть принят на новую должность прямо с переименованием в соответствующий чин гражданский. Например, полковник — статский советник.

Несмотря на многочисленный гарнизон, военной службы на улицах столицы видно не много, тем более ценным является доступ в казармы, разрешаемый благодаря особой любезности. Я имел однажды случай присутствовать при обучении новобранцев одной из рот Преображенского полка. Оно происходило в теплом квадратном помещении, две стены которого были наружные, с окнами, занятые разными приборами для гимнастики и стрельбы в цель. Тут и происходило совместное обучение новобранцев, состоявших (при существовавшем тогда четырехгодичном сроке службы) толь-

ко из 30 человек. Русский солдат в Петербурге представляется мне очень избалованным во многом, особенно же в отношении холода. Зимой новобранец почти не выходит на воздух.

Для нижних чинов старшего срока службы от поры до времени устраиваются так называемые военные прогулки. Глубокий снег делает большею частью невозможными прогулки за чертою города, тогда весь полк с музыкой во главе, выстроившись в походные колонны, всеми четырьмя батальонами отправляется приблизительно на 18-километровую прогулку по городу. При этом люди закутаны в шинели и наушники даже при такой температуре, когда у нас о шинелях, конечно, не могло бы быть и речи.

Иногда можно наблюдать военные упражнения на Марсовом поле — большой открытой площади, расположенной в центре города. Здесь происходят бесконечные упражнения в прицеливании — они заменяют в остальное время стрельбу, так как упражнения в прицельной стрельбе за недостатком места ограничиваются только лагерным временем. Русские роты снабжены поэтому многочисленными приборами, большими и маленькими мишенями, прицельными станками, главным же образом — зеркалами и прочими контрольными снарядами. Вертящаяся тут же, среди солдат, уличная молодежь старалась услужить тем, что подбирала и складывала использованные патроны для нового заряжания.

Я видел затем на том же Марсовом поле, как охотничьи команды соседнего Павловского полка упражнялись на лыжах. Относительно целесообразности этих охотничьих команд, учрежденных в 1886 году, мнения в России расходятся. В общем они представляют для ротного командира известное удобство в том отношении, что избавляют его от одной отрасли обучения, которая в сущности должна лежать на нем. С другой стороны, они отнимают от полка ценный материал без непосредственной для него пользы, так как охотничьи команды, подобно нашим велосипедистам, часто соединяются в большие отряды и предназначаются для самостоятельных поручений. При этом обучении охота не играет, впрочем, никакой роли, как это можно было бы предположить по названию. Если мужики выследят медведя, то весьма понятно, что они скорее продадут его за дорогую цену охотнику-любителю, чем предоставят для военно-учебных целей.

Особенно характерны некоторые черточки из военной уличной жизни: марширующий взвод солдат, которому унтер-офицер усиленно отсчитывает «раз, два», чтобы заставить его идти в ногу, что несколько не мешает одному из солдат, марширующему в последней шеренге, преспокойно уничтожать свое яблоко. Или же идущие сомкнутым строем люди, несмотря на ружья, не пропускающие ни одной из многочисленных церквей и ни одного образа без того, чтобы добросовестно не перекреститься. Гренадер, сидящий на рынке среди торговки и сбывающий казенный хлеб, предназначавшийся своей роте. Воз сена, оставленный посреди улицы со сломанным колесом и разбросанным вокруг сеном. Когда же по прошествии получаса я возвращался обратно по той же дороге,

я застал все ту же самую картину, причем солдаты, сопровождавшие воз, стояли тут же с невозмутимым равнодушием. Можно привести много примеров в том же духе.

Для специалиста большой интерес представляет также порядок оказывания военных почестей в России. По нашим понятиям, честь отдается вообще очень небрежно. Достойным замечания мне кажется то, что офицеры обязаны становиться во фронт не только членам Императорского дома, но и генералам, командующим какой-либо частью, главнокомандующему войсками Петербургского военного округа, военному министру, а также знаменам и штандартам. Еще недавно офицеры одного и того же чина отдавали друг другу честь только в случае личного знакомства, теперь же обоюдное отдавание чести требуется даже от солдат.

Как военное зрелище большую притягательную силу имеет смена караула, особенно же у Зимнего дворца, где ей предшествует передача знамени, причем можно наблюдать трогательный обычай: все присутствующие чествуют его снятием головных уборов.

Интересно также наблюдать часовых, которые при снятии с поста разряжают при публике ружье, а также посыльных, ходящих по улицам с сумкою и ружьем с прижатым штыком, что напоминает национальный русский обычай и заповеданную Суворовым любовь к холодному оружию.

Наибольший сбор войск, который мне пришлось видеть, был по случаю парада, устроенного в августе 1897 года, в лагере под Красным Селом, в честь нашего императора. В этом параде принимали участие большая часть гвардейского корпуса и полки 1-го армейского корпуса, принадлежащие к Петербургскому военному округу. Лагерь рассчитан на 55 батальонов, 46 эскадронов, 35 батарей. Я был единственным представителем германской армии среди целой толпы морских офицеров эскадры, доставившей императора в Кронштадт. Парад прошел, как и у нас: объезд войск, выстроенных большим четырехугольником, причем они отдают честь и кричат «ура», после чего все войска проходят церемониальным маршем, многочисленные же начальники проезжают верхом. Музыка исполняла знакомые мотивы: Хохенфридебергский марш был сыгран перед полком кирасир ее величества, а лейб-гвардии казачий полк проходил под звуки свадебного марша из «Сна в летнюю ночь». Пехота проходила колонная, по полкам, все четыре батальона друг за другом, и, несмотря на то, что она не изучала нашего учебного шага в три темпа, производила выгодное, молодцеватое впечатление. Павловский полк, в котором при парадной форме полагается гренадерская шапка, маршировал с ружьями наперевес — преимущество, дарованное ему за какой-то военный подвиг.

При прохождении кавалерийских полков перемена шага достигалась тем, что государь отдавал приказание о желаемом аллюре стоящим за ним трубачам Собственного его величества конвоя. Сигнал повторялся по очереди трубачами полка, после чего полковой командир уже подавал команду полку. Так, один казачий

* Германский император Вильгельм II. (Примеч. сост.)

полк из галопа должен быть непосредственно перейти в шаг. Можно себе представить, что это было сделано не особенно мягко, потому что казаки не имеют шпор и ездят на одной уздечке.

Относительно артиллерии у меня остались в памяти отвесно поднятые банники и запряженные лошадьми мортиры. Известно, что на основании опыта, приобретенного под Плевной, русские прежде всего завели тяжелую полевую артиллерию и держат ее запряженной даже в мирное время. Достойным замечания оказалось обучение различных петербургских военных училищ; они разделяются по роду войск, но имеют одну общую форму, образуют строевые батальоны, эскадроны, сотни или батареи (при последних даже ездовые были из юнкеров) и производят чрезвычайно выгодное впечатление.

Особенностью русских парадов является благодарность, объявляемая проходящим мимо войскам, на которую они отвечают тем же. На этот раз с возгласом «спасибо» обращался к войскам наш император, бывший в форме своего Выборгского полка. Ответ очень длинен и гласит приблизительно следующее: «Мы рады стараться для вашего императорского величества!» Он должен быть произнесен в темп шага, что требует заботливого упражнения. Для одновременного начала ответа один из офицеров подает знак саблей.

Накануне парада я присутствовал на другом своеобразном зрелище, а именно торжественном объезде лагеря государем, который этим оказывал войскам честь своего посещения. После объезда полков, построенных на своих сборных местах, без оружия, офицеры и музыканты собрались перед устроенной для царской семьи палаткой. Я не забуду того впечатления, какое у меня осталось от момента, когда царский кортеж приближался к этому месту. Впереди — оба государя верхом, за ними — государыни в открытых экипажах, затем — все великие княгини на своеобразно устроенной линейке, за ними верхами великие князья, следовавшие по старшинству. На правом крыле — недавно умерший всеми уважаемый великий князь Михаил Николаевич, последний внук королевы Луизы, и все это замыкалось небольшой свитой. После этого соединенными полковыми оркестрами было исполнено несколько музыкальных вещей. Затем, после того, как император принял обычные рапорты фельдфебелей Пажеского корпуса и шефских рот, последовала возвещаемая знакомыми звуками парадная заря. Лишь только протрубили к вечерней молитве, раздалась команда: «На молитву, шапки долой», и старейший из присутствовавших солдат, рослый фельдфебель с длинной седой бородой, прочел звучным голосом «Отче наш».

После этого красивого зрелища я осматривал палатки людей, а затем наслаждался в первый раз в кругу офицеров Преображенского полка, справедливо прославленных гостеприимством. Во время ужина песенники исполняли национальные песни. Они играли большую роль во внутренней жизни русского войска во время переходов и в вечерние часы. Часто их песни сопровождаются игрой на народных инструментах и мимическими плясовыми

жестами. У преображенцев особенно в ходу балалайка, южнорусский струнный инструмент наподобие гитары, применяемый не только для аккомпанемента, но и для самостоятельного исполнения пьес. Песенников в виде поощрения к дальнейшему исполнению щедро угощали водкой.

Русская армия отличается тесной связью военного духа с религиозным чувством. Каждая рота, каждый полк имеет своего святого, который празднуется наряду с прочими довольно многочисленными светскими и церковными праздниками. Каждая войсковая часть имеет свою собственную, часто роскошную, церковь и полкового священника, а иногда и нескольких. Во время войны берут с собой особенную походную церковь. Существуют образа, принимавшие участие уже в Отечественной войне, как называют приход 1812 года.

Праздник святого, чтимого полком, образ которого красуется и на полковом знамени, считается в то же время самым торжественным днем в полку. Торжество начинается церковным парадом, на котором в привилегированных полках присутствует царская чета, затем следует завтрак за царским столом, празднество для людей (автор, по-видимому, имеет в виду рядовых. — *Сост.*), и в заключение, около 11 часов вечера, парадный ужин в офицерском собрании, значительные расходы по которому, доходящие для поручика до 60 рублей, покрываются ежемесячными вычетами из жалованья.

Несколько лет тому назад я имел случай присутствовать на празднике Семеновского полка 21 ноября старого стиля. Парад происходил в Михайловском манеже, насколько мне известно, самом обширном в свете. Полк стоял, выстроив свои четыре батальона в резервную колонну, напротив собрались приглашенные, в ложе были полковые дамы, одетые в полковой цвет — белый с синим, с букетами, перевязанными синими лентами. После того как государь прошел по фронту в сопровождении многочисленной свиты, началось богослужение, во время которого низкие басы полковых певчих, сверкающих золотом мундиров, сливались со звонкими голосами солдатского детского хора. Торжество закончилось церемониальным маршем.

Ежегодно 6 января бывает праздник Водосвятия в память Крещения господня в Иордане, во время которого в присутствии высочайшего двора, высших военных чинов, а также и иностранных военных агентов окропляются освященной невской водой знамена Петербургского гарнизона. Для этого священного обряда на льду реки устраивается павильон. Шитые золотом ризы духовенства, белые меховые шапки многочисленных генерал-адъютантов, красные кафтаны императорских певчих и конвоя его величества вместе с массой других разнообразных мундиров представляют величественную картину. Войска берут «на караул» под звуки вечерней молитвы, которая употребляется не только в принятом у нас смысле, но вообще как военно-церковная музыка. Недавно я слышал ее в Киеве во время большой процессии в день св. Владимира.

Чтобы закончить описание интересных военных картин, виденных мною в Петербурге, упомяну еще об упражнениях конных ординарцев пехоты и об «ополчении».

В 1895 году попробовали создать конных ординарцев из солдат пехоты, посадив их на бракованных кавалерийских лошадей. Опыт оказался настолько удачным, что постепенно образовался постоянный кадр наездников, которые ездят на уздечках, вооружены саблями и револьверами. Их полагается на пехотный полк по двенадцати рядовых и одному унтер-офицеру, но они несут службу при различных штабах в качестве вестовых и для ближней разведки. Не подлежит сомнению, как важно для пехоты не только в военное, но и в мирное время иметь для различных учебных целей кроме штаб-горниста, который всегда был конный, еще и других наездников в своем распоряжении, тем более что ротный командир все еще остается пешим. Лошади ординарцев кроме своего главного назначения часто употребляются также и пехотными офицерами для их конных упражнений.

Из петергофского парка я имел случай видеть учение одного отряда «ополчения», соответствующего нашему ландштурму. С 1890 года оно призывается на 2—3 недели и в мирное время несет службу в штатском платье, только серая шапка с крестом, какие носит и наш ландвер со времен освободительных войн, и красные погоны делают ополченцев похожими на солдат. Название их, «ратники», такое же старинное, как и «дружина», которую они образуют.

Под наблюдением офицера занималось около 100 таких ополченцев. Каждый 20 человек были подчинены одному унтер-офицеру или ефрейтору, которые, видимо, старались изо всех сил как можно лучше обучить их ружейным приемам.

После тех похвальных отзывов, благодаря которым ополченцы были официально признаны достойными сражаться за свою родину рядом с братьями-армейцами, описанный род подготовки должен достигнуть чудесных результатов, и это в стране, где даже трехлетний срок воинской службы считается коротким!

Таким образом, Петербург, который я посещал неоднократно в течение 12 лет, дал мне много интересных сведений о жизни русской армии. Но было бы неправильно обнародовать впечатления, вывезенные мною из столицы, без предварительной критики. Поэтому я признал крайне важным проверить и дополнить их этим летом во время моего объезда большей части монархии. Вначале путь лежал по Волге через места, почти лишенные войск. Как известно, в России отсутствует хотя бы приблизительная равномерность в распределении гарнизонов, большинство которых двинуты к западу, чтобы облегчить мобилизацию в случае европейской войны.

Покинув Волгу, я проехал казачьи области, сначала Астраханскую, а затем Донскую, Кубанскую и Терскую. При более близком знакомстве с казаками несколько меркнет тот романтический ореол, которым они окружены со времен освободительных войн.

*Ландвер — ополчение в Германии. (Примеч. сост.)

Их происхождение относится к XVI столетию. Недовольные элементы русского населения удалялись на окраины и вели там независимый образ жизни, сначала враждя с правительством, но последнее мало-помалу примирило их с собой, помогло их внутренней организации и обратило их в защитников границ государства. Постоянно подвергаясь нападениям враждебных соседей, казаки всегда находились в боевой готовности, что выработало в них ценные военные качества. До сих пор их организация носит строго военный характер. Их земли образуют государство в государстве, они составляют не губернии, а так называемые области и отделы.

Во главе их стоят генералы и штаб-офицеры, в руках которых сосредоточена не только военная власть, как, например, наблюдение за воинской повинностью и т. д., но также и административная.

Если казачество еще не утратило своего значения в областях, примыкающих к Азии, и если на Дальнем Востоке ему выпадают новые благодарные задачи, то следует признать справедливое мнение, что область Войска Донского давно уже перестала быть пограничной областью, и ее казаки сделались простыми крестьянами. Но казаки ревниво охраняют свои привилегии, а русское правительство охотно пользуется особыми служебными обязательствами, возложенными на них взамен дарованных им прав, так как казачество не только призывается на службу в несоразмерно большом числе, но обязано также поставлять необходимых лошадей, оружие и обмундировку на собственные средства. Разделение казаков на три очереди, с различного рода службой, продолжающейся каждый раз четыре года, общеизвестно. Первая очередь находится под знаменами, вторая — в отпуску, но должна держать наготове мундир, оружие и лошадь, третья обязана иметь лошадей только при мобилизации. Перед поступлением в строй молодой казак три года находится в приговорительном разряде и по возможности без ущерба для его обычных занятий, то есть преимущественно по праздникам, получает вблизи станицы предварительное обучение.

Форма степных казаков (кавказские имеют совершенно другую форму) состоит из длинного, большей частью темно-синего сюртука без пуговиц и папахи, то есть остроконечной шапки из меха. Погоны, опушка, шапки и характерные широкие лампасы на шароварах у различных войск разного цвета. Отличия чинов и званий такие же, как у регулярных войск.

Вообще существует стремление как можно ближе сравнить казаков во всех отношениях с армией, главным образом через улучшение корпуса офицеров. В настоящее время едва ли можно говорить о казаках как о иррегулярном войске. Правда, раньше только десятая доля всех казачьих офицеров выходила из военных училищ, в то время как в остальной кавалерии таковых было 30%, и только 5% их насчитывается среди слушателей академии Генерального штаба. На составе офицеров неблагоприятно отзывается то обстоятельство, что они не находятся постоянно под

знаменами, а часть их переводится на целые годы в запас с понижением оклада. В принципе все офицеры до чина полковника должны быть приписаны к своей станице и иметь свою земельную собственность. Только высшие должности могут (и то лишь с 1898 года) замещаться офицерами армии, которая в свою очередь предоставляет известное число генеральских вакансий для казачьих офицеров.

Большой заботой является для армии упадок коневодства и увеличение цен на лошадей, вызванное быстрым заселением страны, вследствие чего регулярная кавалерия вынуждена брать часть лошадей в казачьих землях.

В общем казаки по своей численности не требуют поддержки и к тому же дают более дешевую, хотя и худшую по качеству кавалерию, которая, конечно, способна успешно противостоять туркам и персам, но значительно уступает регулярной коннице.

Как раз в казачьих землях реже всего встречаются казачьи войска — за немногим исключением они разбросаны по другим частям государства, так как независимо от того, что в состав кавалерийских дивизий входят четвертыми полками донские казачьи полки, пять дивизий составлены исключительно из казаков, причем две из них стоят на западе, две — на Кавказе и одна в Туркестане. В гвардейской кавалерии также значительную часть составляют казачьи войска.

Таким образом, в казачьем кругу я не видел строевых казачьих частей, не был очевидцем джигитовки, этой искусной вольтижировки на мчащейся лошади, не видел и «лавы», то есть массовой атаки, которая считается обычной формой нападения, хотя вообще их строевой устав одинаков с уставом всей кавалерии.

Выше я упомянул об отличии формы кавказских казаков от степных. Вместе с привычками и боевыми приемами они заимствовали у своих прежних врагов и теперешних соседей, черкесских горцев, и их одежду. Они носят остроконечную мерлушковую шапку, так же как и черкеску — длинный кафтан без воротника, снабженный и у офицеров патронташами по обеим сторонам груди. Через треугольный вырез виднеется нижнее цветное платье под названием бешмет. Вооружение состоит из сабли, карабина и кинжала, который носится за поясом. Владение длинной пикой без флюгера, имеющейся лишь в первых шеренгах у степных казаков, приходит в упадок.

В одежде казаков и их головных уборах попадают самые разнообразные оттенки. Только погоны и нашивки отличают носящих их от мирных граждан, которые тоже все вооружены. Офицеры предпочитают коричневые черкески с белым бешметом и светло-серые барашковые шапки, что в общем дает очень изящное сочетание.

Осмотр казачьего лагеря под Пятигорском выяснил мне причину этой пестроты и разнородности во внешности кавказских казаков. При мне была собрана целая сотня в самых разнообразных по цвету одеждах. Я узнал, что при исполнении мелких служебных обязанностей выбор цвета вполне предоставляется желанию каждого, лишь для парадной и служебной формы существует определенный мундир. При этом основной цвет — темно-серый, погоны

у кубанских казаков ярко-алого, а у терских синего цвета, парадная шапка из черного меха.

С величайшей любезностью меня водили по лагерю, куда я попал совершенно случайно. Даже четыре пулемета, которыми, казалось, особенно гордились, были мне охотно показаны. Это было в воскресенье. Часть людей развлекалась стрельбой в цель по маленьким мишеням. Среди них находился вольноопределяющийся, которого я узнал по таким же, как у нас, разноцветным шнурам на погонах. На мой вопрос относительно лошадей мне ответили, что они на подножном корму. Потом мне стало ясно, что речь идет о лошадях, которые служат для возки пулеметов, так как по номеру на погонах и по штыку на ружье я догадался, что имею дело не с кавалеристами, а с Третьим Кубанским пластунским батальоном.

Единственные из всех казаков, кубанцы, наряду с конными полками формируют и пехотные части, чтобы облегчить службу беднейшим горцам, а именно шесть так называемых пластунских батальонов.

Люди были размещены в парусиновых палатках, в каждой помещалось 10—15 человек, для одежды и вооружения которых посредине, вокруг шатерного древка, была сделана земляная насыпь. В проходах между палатками была вода для питья и мытья казаков. Деревянные бараки, находившиеся за палатками, служили жильем офицерам и заняты были столовой, канцелярией, конюшнями и складами. Все было окружено чем-то вроде сада. Перед лагерем находилась «линейка», то есть место для сбора войск, у которой располагалась гауптвахта. Под грибовидной крышей находились знамя и повозка, в которой помещался денежный ящик, непосредственно охраняемый часовым. Лагерь был расположен в нескольких минутах ходьбы от казармы. В него переходили не столько ради удобного места для учений или общения с другими родами войск, сколько для того, чтобы наряду с приучением солдат к лагерной жизни иметь возможность вычистить и привести в порядок казармы.

В продолжение моего путешествия мне постоянно приходилось встречать лагерь, расположенные в непосредственной близости к гарнизону. Лагерь же крепостных войск помещались часто даже внутри крепости.

Из казачьей области я отправился далее на юг, где мне удалось познакомиться с Кавказскими войсками — гордыми полками, достигшими особого положения в русской армии благодаря своим победным боям, полным подвигам, отваги и самопожертвования. Великолепный музей в Тифлисе с картинами и трофеями напоминает о героических подвигах прошлого.

Служба на Кавказе долгое время считалась лучшей военной школой, и до сих пор еще ее добиваются, вроде того, как у нас службы в стрелках.

Во время Полтавских торжеств 10 июля 1909 года, между прочим, участвовал в параде и Нижегородский драгунский полк,

соперничающий по значению с гвардейской кавалерией, равно как и Мингрельский гренадерский полк, знаменитейший из полков Кавказкой гренадерской дивизии. Торжество происходило в летней форме, то есть в «хаки», с само собой понятным в России сочетанием военного церковного блеска. Выстроенные войска были окроплены святой водой.

Достоин удивления, как Россия сумела приучить покоренные кавказские племена к новым условиям. Сначала были созданы войсковые части, носившие вполне национальный характер. Мало-помалу отличия, формы и прочие учреждения становятся все более русскими, и если вначале настоящими русскими были только офицеры и унтер-офицеры, то понемногу таковыми становятся и солдаты, и в конце концов русскими делается вся часть, тогда как туземцы переводятся в полки внутри страны. Речь идет только об абригенах христианского вероисповедания — магометане еще и теперь платят поголовную подать. Они поступают лишь добровольцами в милицию, несколько сотен которой назначается для полицейской службы. При случае из них вырастают настоящие войсковые части: Осетинский дивизион и Дагестанский конный полк могут служить тому примером.

В отношении пожалования титулов и знаков отличия туземцам русское правительство не скупится и старается привлечь на службу в армию молодежь лучших фамилий. К существующим кадетским корпусам прибавился недавно новый корпус во Владикавказе, снабженный учебными пособиями и коллекциями расформированного финляндского корпуса.

Я не раз видел строевые и тактические учения рот и меньших частей, которые подтвердили мое мнение, что русское обучение войск в силу национальных особенностей во многих отношениях отстает от наших основных положений. На строгую дисциплину в строю, по-видимому, обращается мало внимания. Люди стоят не вплотную друг к другу, а на ладонь интервала, приемы выполняются медленно, а именно в темп шага.

Наш учебный шаг неизвестен, а русский шаг быстрее (100 шагов в минуту), и впечатление живости усиливается чрезмерным выбрасыванием правой руки. Ружейный прием и шаг часто совпадают, то есть одновременно с началом шага ружье кладется или снимается с плеча. Одновременно офицер вынимает или вкладывает свою пашку. Часто все это проделывается с папиросой во рту.

Неоднократно я имел случай убедиться в многостороннем применении жалонерного флага, который, прикрепленный к штыку, носится унтер-офицером и дает возможность издали узнать войсковые части в дивизии и их подразделения. Батальонный флаг белого, оранжевого и черного цветов; по основному цвету ротного флага, а равно и по находящимся в середине его поперечным и отвесным полосам узнают полк, батальон и роту.

Звук боевых выстрелов долетел до моего уха только один раз, — это были упражнения в учебной стрельбе, проходящие обыкновенно очень поверхностно: круглой мишени для номерной стрельбы

нет, условий никаких не соблюдалось. Так как стрельбищ с закрытиями мало, то занятия учебной стрельбой имели вид нашей подготовительной стрельбы. В данном случае производил занятие, по-видимому, батальон, имея по четыре стрелка от каждой из четырех рот на линии огня. Я мог, конечно, наблюдать за упомянутой стрельбой только издали, так как далеко от стрелявших было выставлено оцепление из солдат с красными флажками. Это было около Севастополя.

Прежде всего надо сказать, что не только в привилегированных частях, но и во всей армии вообще солдаты произвели на меня в отношении физического развития превосходное впечатление. Впрочем, это неудивительно в стране, где преобладает сельское население и которой нет необходимости призывать под знамена такой большой процент годной к военной службе молодежи, как, например, в Германии или Франции. Хотя русские по своей природе в сущности не воинственны, а, напротив, вполне миролюбивы, но они обладают двумя отличными военными качествами, присущими и их давнишним противникам, туркам. Во-первых, климатические невзгоды и общественные условия приучили русского крестьянина к перенесению тягот и развили в нем пассивное мужество. Бедность и посты многому его научили, почему продовольственные затруднения не играют для него такой роли, как это имеет место в какой-нибудь западноевропейской армии. Во-вторых, он родился с известной дисциплиной. Русские ротные командиры уверяют, что им совсем не приходится считаться с недостатком в доброй воле солдата. Простой народ охотно признает барина, господина за высшее существо и без рассуждения подчиняется его авторитету. Между начальством и подчиненными существуют еще старинные патриархальные отношения: официальное название унтер-офицера, занимающегося с новобранцами, «дядька», не без глубокого значения. Неправильно было бы также принимать за презрительное отношение то, что подчиненным говорится «ты». Простолыдину показалось бы очень странным, если бы к нему обращались на «вы». Император Александр II говорил всем офицерам «ты».

Неизбежным спутником так называемой природной дисциплины является, без сомнения, недостаток самостоятельности и умственной неповоротливости, которые являются большими препятствиями неизбежной демократизации современного пехотного боя. Поэтому результат действия какой-нибудь части вполне будет зависеть от лица, руководящего ею. Военная история дает ряд примеров тому, что часть, которая под предводительством одного начальника оказывалась совершенно негодной, тотчас же под начальством другого творила чудеса храбрости, и наоборот. На этом качестве зиждется, с одной стороны, глубокое значение даровитых начальников, но в то же время почти непреодолимая трудность в образовании подходящего унтер-офицерского состава.

Когда срок службы был еще 25-летний и с поступлением в армию солдат отрывался от своей обычной жизни и видел свою

родную деревню только в исключительных случаях, тогда старые, опытные унтер-офицеры вырабатывались сами собой. В настоящее же время с большим трудом удается подготовить для роты даже незначительное, положенное по штату, число подпрапорщиков, и даже должность фельдфебеля не всегда удается заместить таковым. Существовавший в Риге с 1887 года учебный батальон, соответствовавший нашим унтер-офицерским школам, дал, по-видимому, плохие результаты, так как в прошлом году он был расформирован.

Таким образом, не остается ничего другого, как замещать унтер-офицерские вакансии нижними чинами срочной службы, и это в армии, в которой почти половина новобранцев безграмотна и служба в которой является, следовательно, не продолжением, но прямо-таки заменой народной школы. Выбранные нижние чины сводятся в особые учебные команды и после семимесячного обучения и затем одного года службы производятся в унтер-офицеры, и таковыми они служат еще два года.

Я уже упоминал о различных особенностях офицерского состава. Ни в одной армии не встречается такого неравенства среди офицерского корпуса, как в русской. Образованные, как мы это понимаем, офицеры выходят только из военных училищ и высших учебных заведений, то есть имеющими известную научную подготовку и занимавшимися в училище исключительно военными науками, тогда как юнкерские училища наряду с преподаванием военных наук должны еще дополнять недостаточное общее образование своих питомцев. До сих пор армейская пехота пополнялась почти из одних юнкерских училищ. В настоящее время дело поставлено лучше, и в близком времени надеются преобразовать все юнкерские училища в военные.

Вообще теперь стараются установить равенство путем уничтожения чрезмерных привилегий и распределяют производства равномернее. Чтобы открыть дорогу молодым силам, в 1908 году было уволено в отставку не менее 148 генералов и назначены новые командиры 16 армейских корпусов и 26 дивизий — это неслыханное до сих пор движение. Офицерские оклады значительно повышены: капитан получает такое же содержание, как в Германии, поручики и подпоручики обеспечены даже лучше, чем у нас. Вопрос о судах чести разработан заново. Словом, чувствуется свежее веяние, и все стремления направлены к существенному улучшению офицерского быта и поднятию положения офицеров.

Много работы замечается и в других областях. Правда, первые годы после японской войны были потеряны на устранение внутренних беспорядков; охранная и полицейская служба часто отвлекала войска от их прямого назначения. Но затем тотчас же приступили к работе. Одна комиссия следовала за другой, появилось много новых законоположений.

По мимолетным путевым впечатлениям, конечно, трудно судить о том, действительно ли армия сумела извлечь пользу из опыта,

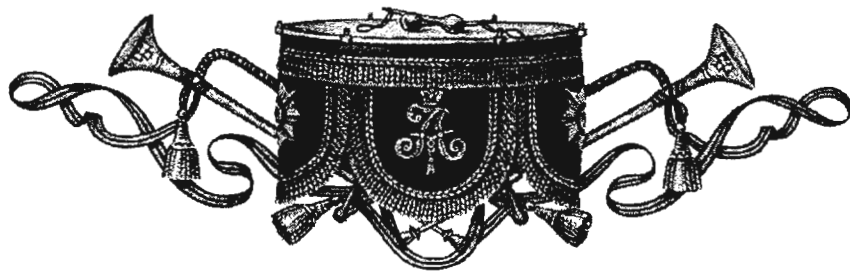
приобретенного дорогой ценой во время японской войны, и я затрудняюсь ответить на вопрос, что может ожидать мир от русской армии в случае новой войны? В конце концов войны решаются не столько техникой, сколько духовной мощью; в этом отношении нельзя отрицать, что Россия должна еще много работать, чтобы исправить недочеты минувших лет. От знатоков военной истории, конечно, не может быть скрыто, что характеру русского народа вообще чужды деятельная инициатива и желание предписывать законы противнику.

Есть еще один вопрос, на который мне трудно дать ответ: какое настроение в русской армии по отношению к Германии? Прежние добрые отношения были нарушены Берлинским трактатом, который, по мнению России, лишил ее выгод и побед над турками, и в этом она винила германскую политику. Кроме того, не подлежит сомнению, что необходимость признать превосходство культуры соседнего народа вызывает зависть и неприязненное отношение. Предпочтение Франции искусственно навязано народу не только ради одних политических целей. Как ни невероятно это кажется на первый взгляд, в характере русских и французов имеются некоторые общие черты. Наоборот, для различных слоев населения тяжелы свойства немецкого характера. Немецкий учитель требует старательной и добросовестной работы, немецкий ремесленник неудобен своими большими требованиями. В торговле и в промышленности, в больших и малых предприятиях с немцами конкурировать тяжело. Поэтому неудивительно, что по ту сторону границы немцы не пользуются особыми симпатиями.

Наконец, плох тот солдат, который не думает о войне. Можно ли упрекать армию за то, что она жаждет загладить неудачи, понесенные на Дальнем Востоке? Я думаю, что не столько нелюбовь к Германии, сколько весьма понятное неудовлетворенное солдатское самолюбие есть главная побудительная причина, заставляющая желать новой войны. Но если даже, продолжая далее свою работу, начнут возводить новые укрепления вместо старых в Кронштадте, то в этом нужно видеть не столько угрозу Германии, сколько справедливое стремление исправить наконец прежние недосмотры.

Я с удовольствием пользуюсь каждым случаем, чтобы лично познакомиться с иностранными армиями, и бывал при этом не раз радушно принят в обществе офицеров разных стран, но нигде я не встречал такого, простирающегося даже за пределы родной армии, чувства товарищества, как среди русских офицеров. Это объясняется не одними личными симпатиями — старое соратничество еще не забыто.

Все, написанное здесь, основано исключительно на впечатлениях, вынесенных мною при соприкосновении с русской армией, на виденном и слышанном мною лично. Это не научный труд, а лишь набросок строго субъективного характера. Возможно, где-либо вкрались ошибки, и то, что раньше было верно, теперь уже не соответствует истине. Прошу о соответственном снисхождении.

Н. БУТОВСКИЙ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦЕРСКОГО БЫТА*

I

Чувство порядочности в офицерской среде

Ежегодные товарищеские обеды N-го корпуса в последнее время стали многолюдными и оживленными; их аккуратно посещают питомцы этого заведения, между которыми можно встретить высокопоставленных лиц, корифеев военной науки, представителей последних войн, а также и лиц, удалившихся в разное время в гражданский мир, но не утративших традиции славного корпуса.

Новое поколение кадет, еще не давшее нам вполне законченного типа, вступает здесь в тесное общение с представителями предыдущих эпох и прекрасно чувствует себя среди этого оригинального собрания, где неравенство лет и служебного положения ступеньвается военным братством.

Последний обед был особенно многолюден. Заблаговременно собравшаяся молодежь с любопытством поглядывала на широкую застланную толстым ковром лестницу, ведущую в просторный обеденный зал. Вот входит один из самых старых кадет, генерал А., стоящий во главе одного из центральных учреждений, — человек по виду сухой и несобщительный; переступив порог этого зала, он становится как будто моложе, веселее, приветливее и доступнее. А вот и генерал Б., известный знаток военного быта, даровитый и неистощимый рассказчик. Появление его производит некоторую сенсацию; послеобеденная беседа обещает быть интересной.

Зал быстро наполняется и становится пестрым. Статские (бывшие кадеты) перемешиваются с военными. Происходят трогательные встречи; слышатся восклицания, расспросы, и вся комната наполняется ласкающим шумом дружеского приветствия. Вот гражданский губернатор узнает в скромном армейском штаб-офицере своего бывшего корпусного друга и горячо целуется с ним; заслуженный генерал прохаживается со своим отставшим по служ-

бе товарищем, крепко обняв его за талию. Слышатся уменьшительные имена, обороты речи и названия, понятные только для питомцев N-го корпуса. В промежутке между столами, окруженный молодежью, оживленно говорит и жизнерадостно жестикулирует предводитель дворянства N-й губернии, добродушный и остроумный толстяк, ежегодно приезжающий с юга в Петербург и никогда не пропускающий обедов. Взрыв смеха в этом кружке заразительно действует на отдыхающего в уголке раненого туркестанца, который быстро приковыливает на своих костылях, заливается гомерическим хохотом и теряет равновесие. Молодежь поддерживает старика и осторожно усаживает рядом с предводителем...

Время обеда приближается. Кого-то как будто ждут. «Непременно хотел быть... вероятно, что-нибудь задержало», — заявляет распорядитель обеда — пожилой полковник. У дверей слышится движение расступающейся группы, и на открывшейся лестнице показывается молодой, но уже высокопоставленный генерал, чтимый всей армией за свои выдающиеся боевые заслуги. Его как будто стесняет официальное приветствие однокашников; он, видимо, старается смешаться с толпой и крепко пожимает руки ближайших.

Опытный распорядитель обеда, человек необыкновенно живой, несмотря на свои почтенные годы, привычными пригласительными жестами подает знак, что уже все в сборе. После общей молитвы, торжественно пропетой старыми и молодыми кадетами, за стол усаживаются по выпускам. Заслуженные генералы ведут дружескую беседу со своими отставшими по службе товарищами. Кругом, во всех группах, царит жизнерадостное чувство. Несмотря на свободу обращения, все полно строгого, ласкающего взор приличия: нигде, даже после выпитого вина, не проскальзывает неловкая шутка; никто не фамильярничаёт со старшими и не позволяет себе бестактности в виде намека на протекции — все это считается дурным тоном, не присущим N-му корпусу.

Настоящая беседа начинается после обеда, отдельными группами, за рюмкой ликера. Статские выдают свое воспитание остатками корпусных манер, которых ничто не может сгладить. Предводитель снова собирает около себя молодежь и смешит ее до упаду анекдотами из корпусной жизни. Смех этот до того заразителен, что сидящие по соседству два высокопоставленных генерала и один профессор академии прерывают свой серьезный разговор, быть может о предметах государственной важности, и начинают хохотать вместе с молодежью.

Разговорился и сумрачный N, преждевременно состарившийся кадет 60-х годов, большой талант, гордость заведения, унесенный из военной среды модою того времени — исканием широкой деятельности и много переживший неудач и невзгод. Все присутствующие его знают и видимо интересуются им. На бледном лице его, украшенном выразительными, вдумчивыми глазами, лежит печать грустного разочарования. Теперь он у пристани, совершенно забыл свою «Америку», известен прямолинейной честностью, всеми уважаем и служит по выборам.

* Текст печатается по изданию: *Бутовский Н. Очерки современного офицерского быта.* СПб, 1899. (Примеч. сост.)

В большинстве групп идут серьезные разговоры, обращающиеся в горячий спор. Много интересного, поучительного приходится слышать на этих обедах; много фактов и взглядов высказывается здесь в открытую, не стесняясь, как у себя дома; возникают споры, которые редко где можно услышать; горячо отстаиваются важные принципы, и все это слушается молодежью и оставляет в ней сильное возвышающее впечатление.

Для многих из нас самым интересным лицом на обеде N-го корпуса был генерал Б. Почтенный старец, высокий, седой, сгорбленный, но живой в манерах, с красным, веселым, почти смеющимся лицом в очках и с Георгием в петлице, он выбирал себе на товарищеских обедах самый уютный угол и всегда бывал густо окружен собеседниками. С ним необычайно скоро сближались, откровенничали, спорили, как со своим человеком, и даже поверяли ему свои служебные промахи и неудачи. Генерал, не стесняясь, давал советы, а при случае не прочь был и разнести спорщика, но все это было проникнуто таким добродушием, такими симпатичными манерами, что разносы бывали даже приятными.

На этот раз оппонентом генерала явился командир одного из армейских полков, моложавый, элегантный, немножко занятый собой, с изящными, но несколько суетливыми манерами и не совсем добрым выражением лица. Он жаловался на состав офицерского общества и вообще на трудность современного управления полком.

— Знаете что, мой милейший, — сказал Б., характерно тряхнув головой, — не трудно командовать полком, где все помощники, как говорится, на подбор; там командир может держать себя баринком, разбрасывая направо и налево красивые руководительные словечки, а вот настроить распущенный полк, внести хороший тон в общественную офицерскую жизнь, водворить гармонию в отправлении службы, — вообще обнять полк своим авторитетом, своим воспитательным влиянием, — это заслуга...

— Позвольте, ваше превосходительство, — перебил полковник, — офицеры — не школьники; их воспитание заканчивается в учебных заведениях... Командир полка в роли воспитателя — это даже смешно... Каждый офицер — зрелый человек, отлично понимающий свои обязанности, строго определенные законом; исполнил их — прав, не исполнил — подвергайся каре закона... Я даже не понимаю, какие тут могут быть нежности?

— Напрасно, напрасно, мой милейший, вы так узко смотрите на дело, — возразил генерал, — воспитываться никогда не поздно; школа замечательных военных начальников воспитывает даже генералов. Войска, побывавшие в руках талантливого начальника, совершенно преобразовываются: какая серьезность, какая святость отношений в исполнении служебных обязанностей приобретаетаются такими войсками; сколько любви и интереса к делу, сколько доверия своею принадлежностью к военной корпорации, и, как высшая точка этих проявлений, — обаятельный идеал воинской доблести, стремление к высоким подвигам, полная готовность

«положить душу свою за други своя»... Положим, у нас в общем все войска хороши, но я говорю о высших проявлениях, о том, что может сделать выдающийся начальник... Да зачем далеко ходить, возьмем хотя генерала N., он умел увлекать не только молодежь, но и нас — седых стариков. Я не могу вспомнить без волнения нашего похода, нашей привязанности к этому человеку, нашего корпоративного духа... Да и что говорить, этот человек оставил после себя целую школу...

Генерал характерно махнул рукой, как бы давая знать этим, что все это слишком известно и что даже странно так много об этом говорить. Полковник не возражал; он казался несколько смущенным и все время покручивал свои усы.

— Да, мой милейший, — сказал генерал после некоторой паузы, — я через эти дела прошел: командовал 12 лет полком да 6 лет дивизией, всего посмотрелся; имел горькие и утешительные опыты, и снова повторяю, что воспитываться никогда не поздно. Что же касается молодежи, то о ней и говорить нечего, она в высшей степени восприимчива по отношению к воспитательным мерам начальника... Знаете ли, на меня всегда удручающе действовало, когда искупителями полковых неурядиц являлись молодые офицеры — ведь это воск, из которого можно лепить что угодно... Вот вы жалуетесь на состав офицерского общества; положим, я с вами согласен, что известная часть молодежи, вышедшая из разночинной среды, не приносит с собой возвышенных принципов; но верьте мне, что молодой офицер, за весьма малыми исключениями, способен перевоспитываться к лучшему, если будет окружен приличием и порядочностью со стороны старших. Общественное мнение в полку, всегда находящееся в руках старших товарищей, — огромная сила, и раз она попала в руки ловких, влиятельных, но недостойных людей, тогда не ждите ничего хорошего: уровень порядочности в офицерской среде понижается; служба вышучивается; мелкие дисциплинарные отступления, расшатывающие военный строй, покрываются ложным понятием о товариществе и т. д. Искупительной жертвой такого положения почти всегда является простодушная, слепо идущая за старшими молодежь; крутые меры против этой молодежи — жалкий паллиатив, свидетельствующий о слепоте командира... Я убежден, что во всех кутежах, сопряженных с неприличными поступками, в офицерской задолженности, в развязных манерах, антидисциплинарных жестах, в неумении прилично выслушать и исполнить приказание, в дурном критическом духе по отношению к службе и вообще в дурном тоне, не отвечающем военному строю, непременно есть заводчики среди старших... Благо тому командиру, который сумеет отыскать их безошибочно и направить всю силу своей власти и своего авторитета на этот реальный центр полковых неурядиц.

— Да вот, господа, если вам не надоело слушать, — продолжал Б., раскуривая сигару, — я расскажу вам блестящий пример воспитательного влияния командира отдельной части, бывший у

меня в дивизии. Это было очень давно. Один из моих полков, не имея в течение пяти лет постоянного командира, совершенно распатался. По различным случайностям смена командиров происходила чуть не каждый год, а последний был назначен издалека и целый год не являлся; да на беду еще старший штаб-офицер был хотя и порядочный в нравственном отношении человек, но вялый, мягкий и очень недалекий. Соседи, как это часто водится, старались сбывать в этот полк все, что им не нужно, и таким образом состав образовался неважный. Не проходило месяца, чтобы там не было нескольких скандалов. Наконец я вижу, что дело плохо; призываю временнокомандующего, расспрашиваю, ничего, как есть, не могу от него добиться — точно в лесу ходит. «Я, — говорит, — ваше превосходительство, за каждый проступок примерно наказываю». — «Да что, — говорю, — в том толку, что вы примерно наказываете! Вы мне положение дела объясните, — может быть, кого-нибудь удалить надо?»

Я хотел уже сам вмешаться во внутреннюю жизнь этого полка и велел присматриваться к бригадному. Как раз в это время является настоящий командир. Впечатление на меня произвел неважное: худенький, невысокого роста, в пенсне и все улыбается, даже когда о серьезном говорит. Я вздохнул и подумал, что не такого сюда надо; опять, думаю, пойдет канитель. Чистая беда.

— Ну, — говорю, — полк принимает неважный; хорошенько присмотритесь, да потом вместе подумаем, что предпринять.

— Знаю, — говорит, — мне писали об этом. — А сам улыбается. Вот, думаю, чудак.

Ну, я, конечно, во все его посвятил и на некоторое время оставил в покое. Недель этак через пять Авалов (так была его фамилия) является ко мне с докладом.

— Ну, что, — говорю, — как? Рассказывайте.

— Завтра, — говорит, — я призываю подполковника В. и капитана Г. и предложу им подписать прошения об отставке или гарантировать честным словом свое дальнейшее поведение...

— Постойте, батюшка мой, нет ли тут недоразумения? Ведь В. переведен к нам из N-го резервного батальона, где удостоился производства «за отличие вне правил»; это, можно сказать, единственный штаб-офицер в полку...

— Ваше превосходительство изволите ошибаться, — возражает Авалов и все улыбается. — Я остановился на этом человеке как на главном виновнике дурных влияний в полку, а потому я счел своей обязанностью собрать самые подробные справки о всей его жизни и службе...

Он вынул из кармана два письма — одно от лица, знавшего В. при начале службы, а другое — от своего товарища, тоже командира полка, которому В. был хорошо известен в качестве командира роты. В обоих письмах он был выставлен ленивцем, интриганом, вообще вредным человеком, совершенно неспособным даже для командования ротой; но история производства В. в подполковники была так юмористически изложена, что я до сих пор не

могу вспомнить ее без смеха. Командир резервной бригады, старик-инородец, плохо говорящий по-русски, не мог видеть этого ротного командира на смотрах.

— Ну, вы послушайте, — выговаривал он командиру батальона, — надо куда-нибудь уберите этого капитана, совсем уберите!.. Фуй, это срам!

— Я сам уже думал об этом, — отвечал командир, — и только жду случая, чтобы на что-нибудь серьезное опереться.

— Ну, ну, — отвечал генерал, жестикулируя и строго наморщив брови, — ну, вы понимайт... можно там как-нибудь «за отличие вне правил» представяйт... Ну, вы умный человек, вы понимайт...

На том и порешили. Таким образом В. попал в подполковники.

Я, конечно, обещал Авалову полную свою поддержку. Большую сенсацию произвело в полку это событие; все вострепнулось, почувствовали силу, а главное — разумную силу, прямо попавшую в центр. Однако я ничего этого как будто не знаю, жду рапорта и уже начинаю беспокоиться. Послал адъютанта справиться и получил ответ, что рапорта не будет и что в полку все благополучно. Я потребовал Авалова, и то, что я от него узнал, заставило меня удивляться и недоумевать, каким образом этот маленький, худенький человек, да еще с виду такой чудак, мог в какой-нибудь месяц изучить полк свой до ниточки, даже узнать характеристики полковых дам.

— Что же, — говорю, — не будете исключать?

— Бог с ними, ваше превосходительство, — улыбнулся Авалов, — народ простой, неупорный, — обещались все сделать по моему.

Он подробно рассказал мне свои наблюдения.

— Да что вы за волшебник такой? — спросил я, выслушав с некоторым сомнением рассказанные им характеристики. — Как могли вы изучить полк в такое короткое время? Офицеров, что ли, допрашивали?

Авалов поморщился; ему, видно, не понравился мой вопрос.

— Я не признаю такого способа, — сказал он, нервно улыбаясь. — Мои докладчики — промежуточные начальники, да и они оказались на этот раз лишними: картина полковой жизни и службы вся налицо; я вижу ее и понимаю, а потому и сам могу быть своим докладчиком.

Оказалось, что Авалов в первую же неделю завел дешевые вечера в собрании, где мог отлично познакомиться не только с офицерами, но и с их семьями. По казармам ходил нечасто, но каждый обход давал ему массу материала, который он умел обдумывать и обобщать. Он сразу заметил, что служба в полку отправляется из рук вон плохо, но что это явление не коренное, а представляет отпрыск чего-то более важного, на чем Авалов и сосредоточил свое внимание. Подробности общественной офицерской жизни хоть кого привели бы в ужас, но Авалов не растерялся; он производил свои наблюдения тихо, спокойно, все с той же загадочной улыбкой и не торопился принимать какие-либо меры.

Один важный предмет особенно занял Авалова: чудное учреждение — светильник чести офицерской, суд посредников находился в недостойных руках, а временнокомандующий полком вместо того, чтобы регулировать действия этого учреждения, только вносил путаницу своим бестолковым вмешательством. Подполковник В. и капитан Г. стояли во главе суда и бесценно выбирались каждый год. Популярность их основывалась на грубой выпивке, на вышучивании требований начальства, а главное, на покровительстве, которое они оказывали приставшей к ним компании офицеров; наоборот, молодежь твердая, воспитанная, избегающая безобразий и желающая служить, подвергалась систематическому преследованию, не находя никакой защиты в слабом и до крайности ограниченном штаб-офицере, временно стоявшем во главе полка. Главным образом орудовал подполковник В.; капитан Г. состоял у него в качестве преданного подручного. Временное безначалие в N-м полку дало им власть, а кто не знает, к какому результату может привести людей недалеких и маловоспитанных опьяняющее чувство властолюбия...

Несколько чудных юношей навсегда оставили военную службу; одни сами уходили из этого безобразного хаоса, других ловили по пустякам и предавали офицерскому суду. Это была невидимая извне и страшная именно этой невидимостью, облеченная в подкупающую форму офицерского достоинства диктатура нескольких лиц над всем полком. Дамоклов меч висел над каждым офицером, осмелившимся чувствовать себя независимым от этого страшного кружка.

Офицеры, покровительствуемые этой безобразной партией, держали себя совершенно развязно: фамильяричали со старшими, не видели в ротных командирах своих начальников и иногда даже позволяли себе неприличные против них выходки, имея у себя за спиной защиту, которая распространяла свою власть и на ротных командиров как на обер-офицеров. Странно было видеть юношей, подходящих к буфетной выставке с какой-то трактирной манерой; подпоручика, хватающего под руку почтенного капитана и держащего его за пуговицу во время разговора; грубый смех и неприличные остроты резали ухо в собрании; но что было самым ужасным — это поголовная задолженность офицеров: люди, живущие одним жалованьем, утоляли жажду деликатными винами и безнаказанно забирали в буфете на целые сотни вместо разрешенного небольшого кредита...

Не только к литературе, но даже к обыкновенному легкому чтению не чувствовалось в обществе никакого интереса. Библиотека стояла запертой, журналы лежали неразрезанными; тоска какая-то разбирала офицеров, особенно по вечерам, и поездки в такое место, где можно развязно провести время, обратились в насущную потребность. В. и Г. были душой таких поездок и косо посматривали на товарищей, не принимавших в этом участия, называя их отщепенцами.

В карты играли по большой, не по средствам, и тут тоже входили в долги...

Авалов все понял и все сообразил с первых шагов своего командования. Он дал время созреть своим наблюдениям и не торопился принимать меры. Ему хотелось безошибочно определить центр, около которого вертится все это безобразие, и он намечал его исподволь, как на занятиях, так и на вечерах в офицерском собрании. Никому не выражая своих мнений, он измерял всякое явление своим пронизательным взглядом, сопровождаемым загадочной улыбкой, что в соединении с изысканной деликатностью в обращении ставило его в положение неразгаданного сфинкса — положение, которое обыкновенно вызывает в людях инстинктивную осторожность.

Без всякого применения каких-либо мер уже все стали воздерживаться от резкостей в присутствии командира и держали себя с ним в строго дисциплинарных отношениях, а в конце месяца после его прибытия уже все ждали чего-то, чувствовалась близость какого-то кризиса.

Служебное объяснение с полковником В. и капитаном Г. с быстротой молнии разнеслось в полку и произвело огромную сенсацию. Как раз перед этим они хвастались, что заберут Авалова в свои руки и что порядки в полку не изменятся, и вдруг эта сила, эти орлы, ворочавшие всем полком, вернулись от командира с подрезанными крыльями, точно в воду опущенные.

Этот необыкновенный случай привлек всех офицеров в собрание; все с серьезными лицами передавали друг другу свои впечатления.

— Оно и к лучшему, — говорили лица, принадлежащие к кружку В. и Г., — а то уж чересчур все разболтались.

— Наконец-то Бог послал нам настоящего командира, — радовались офицеры, находившиеся до тех пор в осадном положении.

Некоторые из поклонников В. и Г., приставшие к ним из-за чувства самосохранения, но в душе ненавидевшие их, сразу изменили своим принципам и стали пить за здоровье Авалова.

— Вот так молодчина! — восклицали они. — Нет, господа, как хотите, а командир должен быть командиром, а то что ж это такое, за завтрашний день никто не может ручаться, все ждешь, что под тебя кто-нибудь подкопается...

Начало было сделано; главное колесо машины было исправлено. В. и Г. стали, как говорится, шелковыми и сразу утратили влияние в полку. Надо было приниматься за средние и малые колеса, чтобы вся служебная машина действовала исправно. Все это Авалов провел с удивительным умением и тактом. У него были свои оригинальные приемы; это был в полном смысле человек не слова, а дела: он никогда не болтал, не упражнялся на казенном, всем надоевшем красноречии, никогда не читал банальных правоучений, но все его действия были замечательно красноречивы и проникнуты любовью и уважением к человеку. Он высоко ставил звание офицера, старался поднять его деликатностью в обращении и открыть прямой и свободный путь каждому офицеру для полного

удовлетворения самолюбия. Все требования Авалова, все его действия наглядно доказывали, что офицеру легко достичь полного спокойствия за свою будущность, полной гарантии от каких бы то ни было неприятностей, если (кроме поведения вне полка) у него не будет недочетов в следующем: знании, усердии, дисциплине и приличном обращении со старшими и с товарищами. Кто, вместо того, чтобы заниматься, только посматривают на часы, зевают да курят папиросы, а бывают и такие, что тянутся только на глазах у начальства, а за глазами — хоть трава не расти. Авалов сразу оттенил значение правдивости в офицерской среде и тонко дал всем понять, что без этого достоинства он не признает офицера. Бывает и так, что офицеры стараются, хлопочут, принимают близко к сердцу интересы роты, а между тем своими ошибками, своей непривычкой заглянуть перед занятиями в устав ставят себя в неловкое положение перед начальством и в комическое перед солдатами. Солдаты отлично понимают каждую ошибку офицера, и за глазами им доставляет большое развлечение разбирать ошибающегося по косточкам.

В N-м полку была целая коллекция офицеров, которые ничем не интересовались и не работали, несмотря на то, что временно-командующий «примерно» наказывал за неисправность в занятиях. У Авалова все заработало, и когда соседи спрашивали: «Чего вы так тянетесь? Командир, что ли, у вас строгий?», офицеры обыкновенно отвечали: «Совсем не строгий, никогда даже голоса не возвысит, ни с кого не взыскивает, а только человек такой, что при нем как-то неловко, стыдно быть в чем-нибудь замеченным, да и дело видит насквозь, сейчас же заметит всякое отступление...»

Что касается знания службы, то достаточно было Авалову раз обойти занятия, чтобы все принялись за повторение уставов. Придет, бывало, в роту и что-нибудь спросит у солдата, и если солдат соврет, он сейчас же к офицеру: «Пожалуйста, поправьте его», и если офицер спутает что-нибудь, он ни за что не станет конфузить его, особенно перед нижними чинами, а только пристально посмотрит ему в глаза да потом еще как-нибудь при встрече опять посмотрит и только головой покачает. Кажется, что за важность, что командир пристально посмотрел на офицера? А, однако, никакие кары закона, обильно применявшиеся до этого, так сильно не действовали, как этот взгляд маленького, худенького на вид и даже чудаковатого человека. Вся сила заключалась в приобретенном Аваловым уважении.

Служебные отношения Авалов строго отделял от общественных. Вне службы требовалось обыкновенное, принятое в порядочном обществе приличие; никаких правил на этот счет не устанавливалось, но все как-то незаметно переняли тот приличный тон, который командир внес своим появлением в собрании. Сам Авалов держал себя в обществе просто, обращался с офицерами как старший товарищ, но раз дело касалось службы, картина обращения совершенно менялась: офицер должен был стоять смиренно,

получая приказания или замечание начальника. Каждый назывался по чину, и никаких Иван Ивановичей не допускалось. Отдание чести требовалось педантично, а без головного убора офицер должен был сделать приличный поклон каждому входящему начальнику, хотя бы это был ротный командир. Никаких предписаний или распоряжений по этому поводу не отдавалось; достаточно было отрывочного замечания Авалова, сопровождаемого все той же улыбкой и обращенного даже не к провинившемуся, а вообще к офицерам, чтобы эти меры, имеющие в военном строе глубокий смысл, быстро прививались в офицерском обществе. Все это было очень расштано в N-м полку; доходило до того, что офицер сидя протягивал левую руку ротному командиру и даже при входе штаб-офицера не находил нужным встать. Много столкновений происходило между начальниками и подчиненными вследствие этой распущенности, особенно в строю, где офицер, не привыкший ни к дисциплине, ни даже к обыкновенной служебной вежливости по отношению к своему ротному командиру, позволял себе не только разговаривать, но даже возражал.

Постановка занятий в полку как-то незаметно приобрела рациональные начала. Младшие офицеры стали отвечать вместе с ротными командирами: один за молодых солдат, другой — за старослужащих, и стали интересоваться не только успехами, но и поведением своих людей, чего прежде никогда не было. До тех пор в полку была совсем другая мода: большинство офицеров или совсем не работали, или своим вмешательством вносили путаницу в дело, и ротные командиры нередко обращались к ним со словами: «Вы бы лучше не мешали, пусть взводный учит, он уж знает мои требования...»

Преподаны были принципы в постановке строевых занятий, указаны основания первоначальной выправки, которые должны, как говорится, войти в плоть и кровь солдату, без чего, сколько бы ни мучили роту, они никогда не могут быть твердо выучены. Подготовка к стрельбе получила систему и чисто практическое назначение, что сразу понравилось солдатам и возбудило большое соревнование между офицерами. Но что оказалось совершенной новостью в полку — это указания командира относительно подготовки учителей молодых солдат; их заставляли раньше зубрить уставы и испытывали по циркулирующему в войсках «вопроснику». Учителя, бессмысленно вызубрившие обязанности по способу, уничтожающему в человеке последний проблеск инициативы, не умели приступить к занятиям с новобранцами, задегивали их и запугивали, проходя одним и тем же способом, например, «Молитву Господню» и «смену часового поста». Авалов со своей обычной улыбкой закрыл «вопросник» и велел больше не раскрывать его, а учителям велел преподавать приемы обучения, практикуя их друг на друге, а еще лучше — на недоучившихся людях последнего набора, и вообще все занятия не только с учителями, но и с прочими людьми велел перенести на практическую почву. Исключения допускались только для усвоения понятий, не под-

дающихся показу, и для молитв; но и в этих случаях указан был способ, после которого на вопрос солдату: «Какую ты знаешь молитву?» — он ни в каком случае уже не ответит: «Очи нашу».

Приказал также Авалов, чтобы все обучение было проникнуто испытанием находчивости учителя и внушением ему понятий о постепенности в упражнениях, о правильном чередовании физического и умственного труда, а главное, о значении мягкости в обращении с учеником, имея в виду, что забытый бессмысленной подготовкой учитель прежде всего старается задать страху новобранцу, накричать на него, а то и пинка ему дать, чтобы лучше понимал...

Таким образом почти незаметно была введена новая система занятий: от солдата требовали не заучивания уставных фраз, а умения и находчивости в исполнении своего простого дела, что легко достигается посредством практического преподавания. Вследствие этого все оживилось и повеселело. Заметив, что дело пошло на лад, Авалов старался давать офицерам как можно больше самостоятельности. Быстро схватывая недостатки учения и держа в виду принцип, что людей, добросовестно тянущихся, не следует доедать замечаниями за ошибки, он старался облекать эти замечания в самую мягкую форму и совершенно пропускал детали ошибки, боясь, чтобы не увлеклись их исправлением.

Наибольший интерес внес Авалов в тактические занятия, которые до него производились только для очистки номера и носили характер одной из самых неприятных повинностей. Под руководством Авалова они стали живыми, увлекательными, наподобие спорта, и служили предметом горячих бесед в офицерском собрании.

В решениях Авалов больше всего ценил самостоятельность, выход из шаблона, быструю оценку обстановки и не только не затрагивал самолюбия ошибающихся офицеров, а, напротив, старался внушить им уверенность в их способностях, но при этом никогда не забывал оттенять важность инструкционных упущений.

Кажется, не было предмета в полку, к которому Авалов незаметно, без шума, не приложил бы своей руки. Уже в первую неделю по принятии им полка пищу варила испытательная комиссия под его личным наблюдением, и это сразу дало по три лишних золотника мяса на каждого солдата; нанят был булочник для обучения хлебопеков, и хлеб стали выпекать без закала; солдатская одежда и постели были очищены от грязи и насекомых; воду для питья стали пропускать через фильтры; упорядочили посещение бани; сырые помещения начали осушивать, и целые кучи мусора были вынесены из казарм; вентиляция была урегулирована и перестала простуживать людей; дезинфекция стала применяться не кое-как, а с толком, под наблюдением врача; в каминах отхожих мест установилась тяга, и ночью никто уже не ходил туда босиком; водворилась тишина во время законного послеобеденного отдыха; упорядочилось посещение слабыми людей

ми приемного покоя; строго было воспрещено фельдшерам ковырять ланцетом солдатские нарывы и вообще, по странному обычаю, лечить незначительные болезни, то есть исполнять обязанность благодушствующих докторов, и т. д.

Но что всего удивительнее — это руководство Авалова в гигиеническом отношении, которое он должен был преподавать своим врачам. Узнав, например, что все «глазные» отделены в особую комнату, он приказал пересмотреть их в своем присутствии. Оказалось, как это зачастую водится, что трахоматозные лежат в общей куче с больными конъюнктивитом (простым воспалением, легко поддающимся излечению). «По-моему, — покачал головой Авалов, — это не изолятор, а рассадник заразы; уж лучше трахоматозных мешать со здоровыми. Конъюнктивит — это, по заявлению специалистов, наилучшая почва для насаждения трахомы. Ведь эта болезнь развивается в полку? — Врачи отвечали утвердительно. — Ну да, конечно, как же ей не развиваться, когда вы сами этому способствуете».

Заставлять людей работать, не употребляя для этого никаких принудительных мер, — это была особенная способность Авалова. Много ли вы, господа, найдете командиров, которые могут, например, убедить своего священника, что деятельность его не должна исчерпываться казенным исполнением треб и такими же казенными, произносимыми для очистки номера проповедями, что влияние духовной особы, особенно на солдат, может быть могущественным только в том случае, когда священник искренне и горячо войдет в нравственные интересы полка. Авалов умел это сделать; он сошелся со священником, повлиял на него, растрогал его ласковой беседой о духовных нуждах солдата. Священник по желанию командира действительно сблизился с людьми, беседовал с ними в ротах, навещал больных и особенно влияние имел на арестованных, которых приводил своим ласковым наставительным словом к полному и чистосердечному раскаянию.

Трудно перечислить сотни, а может быть, и тысячи предметов, к которым Авалов приложил свою руку. В каких-нибудь несколько месяцев он совершенно преобразил полк. На инспекторском смотре я ничего не узнал из прежде виденного; на всем лежала печать таланта, да, господа, именно таланта: для того, чтобы так быстро охватить со всех сторон такой живой и бесконечно сложный организм, как полк, и заставить его правильно функционировать, нужна не простая работа ума, а творческая.

Да, у этого человека был недоуменный административный талант. Бог знает, какую бы он принес пользу государству, если бы стал на высокий пост; но такие люди редко кем замечаются: они слишком скромны, слишком неискательны. В глазах света это только хороший полковой командир — и больше ничего...

Я должен еще сказать об отношениях Авалова к офицерским семьям. Как тонкий администратор он отлично понимал, что семейная обстановка имеет большое влияние на службу офицеров; поэтому, как я уже упомянул, Авалов, сделав визиты семейным,

поспешно выразил желание видаться с семьями офицеров на полковых вечерах. Высказывая изысканную и одинаковую любезность всем полковым дамам, он с удивительным искусством светского человека отклонял какие бы то ни было разговоры и даже намеки о полковых делах, суждения о нравственных качествах полковой офицерской среды и прочее. Если дамы начинали заговаривать об этом, он тонко переводил разговор на другие предметы, и это было отлично понято с первого же вечера. Только одна дама, а именно супруга старшего подполковника, от которого Авалов принял полк, оказалась слишком назойливой: она считала сдачу полка неполной, потому что у нее не отобрали аттестаций о сослуживцах мужа. Как только она заговаривала об этом, Авалов в изысканных выражениях извинялся и с озабоченным видом, как бы отрываясь службой, обращался с каким-нибудь вопросом к близстоящему офицеру. Эта дама, между прочим, доказывала, что еще не умерла в нашем войсковом быту Василиса Егоровна из «Капитанской дочки», но только заразилась многими нехорошими привычками. Она положительно управляла своим мужем и вместе с ним отдавала служебные распоряжения. Командуя временно полком, слабохарактерный и недалекий подполковник N. всякий раз советовался с женой, как ему поступить с провинившимся офицером. «Хорошенько его, хорошенько, пусть Александра Петровна (жена провинившегося) не важничает... Про тебя и так говорят, что ты распустил полк, вон она даже не нашла нужным поздравить меня с днем рождения...» Если же подполковник N. хотел взыскать с офицера, жена которого угождала временной командирше, она обыкновенно набрасывалась на мужа: «Пожалуйста, не глупи, стану я из-за тебя с Марьей Ивановной ссориться!» Иногда она вбегала в кабинет в то время, когда муж отдавал распоряжения адъютанту, и начинала кричать: «Не слушайте его! Ну что ты глупости говоришь?!» — и т. д. Однажды она атаковала Авалова и решила добиться, чтобы он выслушал ее сплетни; ее особенно бесила ревность обращения командира, неказание ей предпочтения перед другими дамами. Авалов деликатно срезал ее.

— Виноват, — сказал он, — пожалуйста, извините меня; я рад беседовать с вами о чем угодно весь вечер, но только не о полковых делах: об этом я ни с кем не говорю; это мое правило.

Все это вместе с другими уже известными нам поступками Авалова создавало ему поклонников не только среди офицеров, но и среди их семейств и ставило его авторитет на такую высоту, с которой уже легко командовать полком. Каждый шаг Авалова, каждое не только приказание, но и мимоулетно выраженное желание встречали горячее сочувствие в полку. Батальонные командиры, воображавшие прежде, что чин штаб-офицера дается для того, чтобы ничего не делать, стали настоящими хозяевами в своих батальонах. Они стали посещать занятия, проверять хозяйство, следить за исполнением того рационального внутреннего порядка, который дает солдату добрый, воспитывающий пример, обеспечивает ему здоровье, опрятность, законные часы необходимого от-

дыха и т. д. О ротных командирах и говорить нечего — те и прежде несли на себе всю тягость беспорядочной службы в полку. Теперь же они нашли себе в младших офицерах своих настоящих помощников, а вновь открывающиеся роты не попадали уже в руки людям, не умеющим повернуться в своем деле.

Авалов держал себя замечательно ровно, никогда не сердился, был скуп на похвалы и лишь изредка только обращался к солдатам с одобрительным словом, которое они очень ценили, или, например, выходя из роты, которую находил в полном порядке, иногда говорил как бы про себя: «Славная рота». Такие похвалы считались событиями в полку и ценились гораздо больше, чем при других условиях ценятся громкие благодарности в приказах.

Я не мог налюбоваться N-м полком и старался всеми мерами обратить на него внимание высшего начальства; но для того, чтобы выставить дело в полном объеме, показать этот удивительный рост полка во всех отношениях, нужно было рассказать всю его историю за последнее время, провести начальство по всем деталям полкового строя, а это не всегда удается. Таким образом Авалов, как и все недурные командиры полков, ждал своей очереди для производства за отличие в генералы, а это, как вы знаете, дается не скоро, — ну, лет 12 надо прослужить в чине полковника, другими словами — состариться надо на этой должности, а Авалову не было еще и шести лет в чине.

Прокомандовал он всего четыре года и в последний год сильно захворал (я забыл вам сказать, что он страдал хронической болезнью легких). Не вставая с постели, он продолжал командовать! Ни в чем ни малейших упущений; все знал, не забывал ни одного нужного распоряжения и умел не только сохранить, но даже возвысить свой начальственный престиж. Когда в его отсутствие был произведен инспекторский смотр и все найдено в блестящем виде, я зашел навесить его и застал у его постели целую толпу старших офицеров, которые, как юноши, с радостными лицами передавали ему свои впечатления о смотре.

Я увидел, что Авалов сильно хиреет, и предложил ему воспользоваться отпуском для лечения.

— Не стоит, ваше превосходительство, — сказал он, как-то загадочно улыбаясь.

Потом я увидел сцену, как полковые дамы привели к нему своих детей; он просил об этом, жалуясь, что его угнетает тишина и что он очень любит детей (я забыл сказать, что он был одинокий). Он сразу повеселел, достал коробки с конфетами, попросил кого-то развязать пакеты с игрушками и сам раздавал им. Не сводя глаз с детей и занимая их игрушками, он между прочим пересыпал свою речь служебными вопросами офицерам: «А как сухарный запас? Мы не успели пересмотреть его... Окончен ли асфальтовый пол в бане?» — и прочее. В то время как он ласкал малюток, с которыми у него давно уже установились приятельские отношения, в его мутных, уже потухающих глазах светилось то чувство,

которое сразу напомидало мне стихотворение Пушкина: «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

Недели через две Авалова не стало, и мне было невыразимо жаль его, с одной стороны, как чудного человека, с другой — как всякого истинного таланта, которому точно судьба у нас на Руси безвременно угаснуть.

Смерть Авалова была большим роковым событием в полку; свалился неординарный человек, которому на смену явятся сотни, а настоящий отец-командир, глава полковой семьи; свалилась большая нравственная сила, под кровом которой всем жилось и служилось так славно, так уютно...

Когда тело поставили в церковь и священник, искренне любивший и уважавший Авалова, вдохновился и сказал несколько простых, но сильных слов, я увидел потрясающую картину полкового семейного горя: офицеры, их жены, солдаты вытирали слезы, а некоторые плакали навзрыд...

Так вот, господа, как иногда большие дела делаются: человек ни разу за свою службу не рассердился, не принимал никаких принудительных мер для водворения порядка в полку, а между тем завел такой образцовый порядок, такую дисциплину и так всех подчинил своему авторитету, что можно было наверно ручаться, что этот полк нигде не осрамится и везде блестяще выполнит свое назначение. Этого мало, когда Авалов умер и N-й полк перешел в руки посредственного командира, славный дух продолжал жить, несмотря даже на неловкие шаги нового начальника.

Да, это был истинный талант, который умел обнять не только службу, но и жизнь своего полка, и силою своего авторитета умел насадить везде и во всем чувство порядочности. Трудно подтянуть службу, когда существуют нелады в офицерском обществе, а устранить эти нелады можно только с большим умением и тактом: каждый неловкий шаг, раздражительность, презрительный тон в обращении, ошибочное замечание и прочее могут испортить дело; а главное — надо не чужим, а своим собственным глазом уметь найти центр неурядицы и, не торопясь, а наверняка, убедившись в зрелости своих наблюдений, действовать на него бесповоротно, как подобает твердому начальнику.

— Теперь, — сказал Б., — я перехожу к одному из важнейших и насущнейших вопросов, затронутому моим уважаемым однокашником, а именно к составу офицерского общества (уважаемый однокашник закашлялся и красивым жестом направил пальцы своей правой руки к кончикам усов). Впрочем, не утомил ли я ваше внимание, и то уж рассказана целая повесть, это совсем не обеденные речи. Кстати замечу: наверно, некоторые из вас видят в моем рассказе мистификацию сочинителя. Правда, в настоящее время невозможно найти полк, в котором были бы соединены все перечисленные мною недостатки.

Предположим, что я все это сочинил, то есть представил вам в типах не мир действительный, а мир возможный, общие поло-

жительные и отрицательные черты человеческого ума, сердца, знания, характера... Наши выводы и заключения нисколько от этого не меняются.

Итак, я продолжаю, — сказал генерал, как бы спрашивая, желаем ли мы слушать.

Все присутствующие, кружок которых увеличивался в середине рассказа, находились под впечатлением интересной хроники и выразили желание слушать дальше. Оглянувшись по сторонам, мы заметили, что никто еще не уходил, несмотря на позднее время. Все сидели небольшими группами и большей частью вели серьезные разговоры; только в кружке молодежи, во главе с неистощимым юмористом-предводителем, до сих пор было веселое настроение; раненый туркестанец, за которым все ухаживали, сидел в центре этого кружка и, склонясь на костыль, изнемогал от смеха.

Два генерала с профессором сидели на прежних местах и о чем-то спорили вполголоса, что придавало таинственную важность их серьезному разговору. Старейший кадет, генерал А., в обыкновенное время суровый и недоступный, сидел в расстегнутом до половины сюртуке за стаканом остывшего чая и в чем-то горячо убеждал своих сравнительно молодых собеседников, положив товарищески свою старческую сухую руку на плечо одного из оппонентов. Запах отличнейшей сигары, которую умеют где-то разыскать и терпеливо выдержать одни только любители-старика, разносили из угла, занимаемого кружком генерала А.

Мы отпили ликеру, закурили папиросы и приготовились слушать своего интересного рассказчика.

— Да, господа, — продолжал генерал Б., — так я перехожу к самому интересному вопросу; вы затронули едва ли не самое важное место в нашем войсковом строе — офицерский состав. Для нас, да я думаю, что и для врагов наших, представляется несомненным фактом, что ни одна армия в мире не имеет такого чудного контингента солдат, как наша; но попробуйте отдать этих солдат в руки дурным офицерам, а, например, китайских — хорошим, и вы непременно увидите, что через несколько лет китайская армия будет вдесятеро лучше нашей. Я даже больше скажу: хороших солдат гораздо легче испортить, потому что они именно тем и хороши, что слепо идут за своим командиром. Итак, нечего распространяться о том, какой вред армии и своему отечеству наносит офицер, случайно, без всякого призвания заброшенный в армию только потому, что надо же где-нибудь пристроиться, чтобы сразу получить хоть маленькое жалованье. Откуда может явиться у такого офицера любовь к своей части, стремление к совершенствованию? Может ли он носить в своем сердце идеалы воинской доблести? А если этого нет, то остается только одно: забота о своем жизненном благополучии — аккуратное, но пустопорожнее отбывание шаблонной службы, приноровленное к привычкам и капризам начальства, и вечное стремление пристроиться куда-нибудь

подальше от жертв, требуемых от воина отечеством. Служба прослужена, пенсия выслужена, — чего же больше надо такому человеку? Он с тем и шел на военную службу.

Конечно, бывают исключения: среда воспитывает людей и в зрелом возрасте, но для этого нужно, чтобы она сама состояла из людей, отвечающих своему назначению, и не заполнялась людьми, нуждающимися в воспитании. Талантливые начальники (ах, как они нужны нашей армии!) увлекают за собой всех поголовно; масса захватывает и слабых духом и заставляет их делать свое дело. Наконец, бывает и так, что человек, поступая на службу, не чувствовал в себе военной жилки и вдруг нашел ее в глубине своей природы и стал полезным во всех отношениях офицером. Но все это, господа, случаи исключения, а мы берем общее положение.

Итак, для образования сплоченной, деятельной и проникнутой хорошими принципами военной семьи нам нужен офицер, во-первых, воспитанный, то есть способный слиться с порядочным обществом, во-вторых, человек с истинным призванием к военному делу. Откуда, каким способом комплектования можно достать его?

Знаете, господа, может быть, вам покажется странным, но я скажу прямо: я сторонник касты, конечно, не такой, как в древности, не замкнутой, не отчужденной от общества, но все-таки настоящей касты, которая бы увлекала человека всецело и бесповоротно... Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, — офицер, которого ни за какое жалованье нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось ему скучным, неприветливым, совершенно чуждым его сердцу... Богатейший и неиссякаемый источник для получения таких офицеров находится у нас под руками: это — наши дети, для которых в недалеком будущем, судя по современным мероприятиям, широко откроются двери кадетских корпусов.

Что такое сын офицера? В большинстве это человек, который с детских пеленок проникается оригинальной прелестью военной жизни. В младенческом возрасте он уже бывает счастлив, когда ему импровизируют военный мундир. Едва он начинает лепетать, как уже учат его военной молитве за царя, и образ государя, столь обаятельный в военном мире, чудно рисуется в его детском воображении. Он засыпает под звуки военной зари и далеко уносится в своих мечтах в область героизма, слушая солдатские песни, исполненные военной поэзии. Учения, маневры, стрельба, стройные линии солдат, военная музыка, знамя, окруженное своими защитниками, — все это становится ему близким, родным, он тоскует по этой обстановке, если отрывается от нее, и его совсем не тянет в какой-нибудь иной мир; он мечтает о кадетском корпусе. Там он получает удовлетворение, чувствуя себя как бы на службе, и привыкает гордиться этим; воспитывается под руководством надежных офицеров (не тех воспитателей, которые в былое время советовали способным юношам бросать военную службу) и прохо-

дит курс, в котором умственные и физические упражнения строго регулированы и сообразены с развитием детского организма (в этом отношении, то есть в вопросе о здоровом теле и здоровом духе, военная педагогика далеко опередила гражданскую). В корпусе мальчик становится стройным, здоровым, жизнерадостным, сохраняет полную энергию к дальнейшему труду и приобретает приличные для общества манеры — словом, становится вполне готовым для перехода на действительную службу. Окончив военное училище, он уже представляется человеком, как говорится, слепленным и в нравственном, и в умственном, и в физическом отношении именно из того материала, который необходим для состава офицерского корпуса.

На этом месте рассказчик остановился и, оглядываясь по сторонам, стал искать кого-то глазами. Через свои синеватые очки он заметил высокопоставленного молодого генерала, одного из тех, что вели беседу с профессором, и тихонько обратил на него наше внимание. «Он очень занят этим вопросом, — сказал Б. вполголоса, — и дай Бог ему успеха в этом: доброе и большое дело сделает для нашей армии...»

Мы оглянулись по сторонам. Оживленный говор, затянувшийся далеко за полночь, понемногу стал умолкать. Группы собеседников расходились; проходившие мимо нас однокашники горячо пожимали нам руки, и их довольные лица свидетельствовали о приятно проведенном времени. Предводитель, провожаемый молодежью, ушел несколько раньше, а два генерала с профессором оканчивали свой разговор стоя. Мы нашли нужным подождать их и проводить. Они были, видимо, тронуты этим и сейчас же вступили с нами в приветливый товарищеский спор, который продолжался на лестнице и в швейцарской даже в то время, когда все надели шинели.

Генералы уехали в своих экипажах, кроме нашего рассказчика, которого мы проводили до извозчика.

Уже утренняя заря занималась, когда мы прощались с нашим симпатичным стариком. Он остановился у дрожек и как будто не хотел расстаться с нами. Каждый из нас чувствовал, что мы имеем дело с человеком, может быть, и увлекающимся, но, во всяком случае, цельным, убежденным, верящим и любящим, а такие люди всегда симпатичны и интересны.

— Знаете, господа, — сказал он на прощание, — в переживаемое нами время, когда многое в общественных наслоениях излгалось, изнахальничалось, как приятно чувствовать себя принадлежащим к порядочному обществу. Военный мир непременно должен представлять один из законченных образцов такого общества: в нем есть светлые и вполне определенные идеалы, за которые можно зацепиться, есть на чем душе успокоиться... Ведь вот, я уже в могилу смотрю, сомневаюсь, буду ли на обеденной переключке будущего года, а всегда сердце, как у юноши, бьется от восторга, когда вижу что-нибудь прекрасное в военном мире.

Дисциплина в бытовом ее применении

Разговор происходил в военном кружке на одном из четвергов у генерала Г. Эти четверги были очень интересны: собиралось человек до 30 и более разного возраста, чинов и ведомств; бывали и представители ученого мира, прежней эпохи и нынешней. Хозяин, богатый и одинокий генерал-барин, служивший без жалованья, толстый, веселый, румяный, как юноша, несмотря на свои почтенные годы, одинаково был рад каждому гостю, будь это высокопоставленное лицо или простой армейский подпоручик. Он обладал замечательной способностью очаровывать каждого гостя своим тонким вниманием; подмечал привычки и даже капризы почтенных людей и всегда угождал им; ученых выслушивал со сдвинутыми бровями, с изящными одобрительными жестами и подобающим терпением, а нас, простых офицеров, замечательно ловко вводил в общий разговор, — вообще умел прекрасно регулировать обмен мыслей в этом оригинальном собрании.

В описанный нами вечер собралось довольно большое общество. Просторный, уютно обставленный кабинет хозяина был полон гостями, тесно разместившимися на кожаных диванах. Тонкий аромат хороших сигар, усердно разбираемых из тут же стоящего ящика, наполнял воздух этого солидного салона. Другая часть общества разместилась в соседней гостиной; оттуда доносился сейчас же узнаваемый нами старческий, слегка дребезжащий голос, и нас сразу потянуло туда. Это был генерал Б., один из старейших кадет N-го корпуса, симпатичный человек, с которым мы сблизилась на ежегодных товарищеских обедах.

В гостиной мы присоединились к тесному кружку человек в 15. Разговор шел о дисциплине вообще, как понимается она в военном строе, и в частности — о дисциплине ума и характера, что привело собеседников к горячему спору с несколько философским оттенком. Генерал Б. выходил из себя.

— Помилуйте! — говорил он. — На что же это похоже? Сын моего приятеля К., скромный, воспитанный и весьма способный юноша, вышел в офицеры, и через год нельзя узнать его: с какой-то трактирной манерой опрокидывает рюмку за рюмкой; кричит и даже кашляет как-то не по-человечески; папиросы не вынимает изо рта; сидит в обществе развалившись, с закинутой назад головой, насвистывает из оперетки и рисуется своей грубостью с отцом. По вечерам его все тянет куда-то, не хочет ни в гости, ни в оперу. «Мне, — говорит, — надо маленькую рекогносцировку произвести...» — и т.д.

Помилуйте, что же это за субъект? Откуда берутся такие типы? Какие причины возникновения этого современного бурбонства? Но это еще не все; вы послушайте его разговор с отцом.

— Неужели ты так все время проводишь в полку? — спрашивает отец.

— А то как же? Что же мне прикажете делать — книжки или газеты читать? Нынче все вздор пишут...

— Помилуй, какой же вздор? Наконец, у вас есть библиотека...

— Удивительно интересно труху перечитывать; предоставляю это удовольствие старым дедам... Наконец, ты знаешь, что я еще дома все интересное перечитал.

— Ну, а служба? Наверное же, ты ею интересуешься? Без этого не стоит быть офицером.

— Служба? Что ты называешь службой? Для господ подпоручиков она главным образом заключается в обучении новобранцев направо и налево ворочаться; ну, а это занятие довольно скучное, и, кроме того, у нас есть большой мастер на эти дела — фельдфебель Ликсей Иванович, не правда ли, странное имя?

— Как? А воспитание солдат?

— Охота тебе верить всякому книжному вздору: это один сентиментализм...

— Да неужели же ваше начальство примиряется с такими взглядами, не принимает никаких мер?

— Начальство? Да когда же мы его видим? У нас командир старенький, на подъем тяжел, да и слеповат при этом — раз бабу хотел арестовать за неотдание чести, принял ее за солдата. Мы часто во время занятий сидим в собрании, иногда даже в карты играем, а если командир тронется по казармам, то нам дают знать. Он всех находит на местах, умиляется нашей исправной службой и даже благодарности в приказах отдает, такой чудак!

— Ты ужасы рассказываешь, мой друг, ты сочиняешь, мистифицируешь отца...

— Ничуть не бывало... Э! Да что об этом толковать! Ты сам отлично понимаешь, что каждый из нас служит ровно настолько, насколько получает жалованья...

Генерал Б. закачал головой.

— Слышите, слышите, господа? Вот оно в чем суть... Какой низменный, какой возмутительный принцип! Конечно, этот мальчик — поугай, повторяющий чужие слова, скоро нарвется и сторит. Но разве в нем дело? Дело в отсутствии дисциплины в полку, да не казенной, не внешней, а той, которая могла бы сдерживать и направить разболтавшиеся умы и характеры. Внутренняя жизнь офицерского общества — предмет важный и интересный, достойный гораздо большего внимания, чем то, которое ему отдают. Эта жизнь нуждается в законном и твердом регуляторе, без которого общество разбивается на партии, иногда очень вредные, сеющие распущенность... Тогда является на сцену дисциплина иного сорта — подчиненность и поклонение недостойным личностям. Но об этом после, а теперь слушайте дальше.

Совершилась удивительная метаморфоза: отец распущенного юноши пришел в отчаяние, поднял на ноги всех влиятельных знакомых и перевел сына в другой, хорошо известный ему полк. Через какой-нибудь месяц молодого человека нельзя было узнать: сначала он стал задумываться; его сразу ошеломило приличие и

порядочность общества, в которое он вступил; деликатное обращение начальства; радушие и внимание товарищей, аккуратно отдававших ему визиты, и прочее, и он стал все это сравнивать со своим положением в прежнем полку, где его третировали, насмехались над его скромностью и наивностью до тех пор, пока он сам не стал распушенным человеком. Когда же ему пришлось в этом новом полку заболеть и его по заведенному обычаю навести не только товарищи, но и начальство, он был глубоко растроган и всей душой готов был слиться с этим прекрасным обществом. С тех пор он стал скромным, симпатичным; куда девались эти угловатые манеры, этот пошлый тон; даже по наружности точно красивее стал: лицо чистое, глаза ясные, жизнерадостные, стройная осанка, щеголеватость в одежде... Его так и тянуло в полк, о котором он иначе не говорил, как с восторгом; о товарищах отзывался, точно влюбленный. Стал педантично поощать занятия; иногда без чаю убегал, чтобы явиться заблаговременно, до прихода ротного командира, и нередко приносил домой работы по вечерам: солдатские диктовки, тактические задачи, материалы для «сообщения»; даже завел маленькую военную библиотеку, подражая товарищам, интересующимся военной литературой.

Вот, господа, какие чудеса может делать офицерское общество: оно может возвысить человека или уронить, даже совсем погубить. Исследуйте же причины подъема и упадка порядочности в офицерских обществах; это вопрос огромной важности — вопрос об основаниях, на которых зиждется развитие нашей армии.

На этом месте рассказчик остановился и вопросительно посмотрел на одного из собеседников, штабс-капитана в адъютантской форме. На лице этого человека блуждала какая-то странная, нескладица насмешливая улыбка, свойственная недалеким и невыдержанным людям.

— Я знаю N-й полк, — сказал адъютант, — там хоть кого вышколаят.

— Что вы хотите этим сказать? — с недоумением возразил Б.

— Я был недавно в собрании этого полка, — продолжал адъютант все с той же улыбкой, но уже конфузясь и краснея. — У меня даже поясница заболела, пока все офицеры собрались к обеду, раз тридцать пришлось встать и сесть: сидит компания поручиков, входит штабс-капитан — все встают и раскланиваются; входит капитан — встают поручики и штабс-капитан, а при входе полковника все торжественно поднимаются и ждут банального слова: «Не беспокойтесь...» Старший говорит — младшие почтительно слушают, хотя бы это было совсем неинтересным. То и дело спрашивается разрешение закурить и т.д. Во всем какая-то особенная предупредительность младших к старшим, немножко даже странная, стеснительная для тех и других, а чуть слово начальника имеет служебный оттенок — все держатся в струнку, несмотря на домашнюю, неофициальную обстановку.

— Да неужели, мой милейший, вы не понимаете, — перебил его генерал Б., — что все, что вы сейчас рассказали, конечно, если отбросить вашу несколько неверную окраску, — одна прелесть, один восторг!

— Но ведь это, ваше превосходительство, какая-то дрессировка, надоедливая и стеснительная для каждого свежего человека.

— Неправда! — строго сказал Б. — Вы спутываете понятия; это навыки в умении себя держать, навыки в приличии и порядочности, заслуживающие более солидного и уважительного названия, чем «дрессировка». Да если, мой милейший, вы хорошенько подумаете, то увидите, что без подобных навыков нельзя себе представить ни хорошей, выдержанной семьи, ни сколько-нибудь порядочного общества. Это — бытовая дисциплина, которой держится и живет все порядочное не только в военном классе, но в обществе и в народе, где она проявляется в других формах, но сущность ее одна и та же... За что вы хвалите, например, хорошую крестьянскую семью? За то, что видите порядок в доме, что младшие члены семьи предупредительны к старикам, деликатны с женщинами; за то, что сын уступает место отцу за столом, не огрызается, получая от него какое-нибудь замечание... Эта выдержка, скромность, отсутствие нахальства, неразвращенность молодой природы — все это ласкает ваш взор, удовлетворяет вас не только как моралиста, но и как эстетика. Возьмите порядочное общество, анализируйте внутреннюю жизнь хорошо поставленного полка, и вы сейчас же найдете в них аналогию с внутренней жизнью такой семьи... Надо понимать, что все эти внешние знаки в отношениях служат отражением глубокой нравственной закладки, основанной на взаимном уважении: настоящей, сознательной дисциплины нельзя выколотить никакими наказаниями, ибо только те навыки прочны и плодотворны, которые внедряются хорошим воспитанием и воспринимаются человеком не принудительно, а с удовольствием и сознанием, что это нужно, что это долг... Ах, господа! Подумайте только хорошенько, углубитесь в предмет, и вы сейчас же увидите, что дисциплина, о которой мы говорим, — это идеал, к которому стремились и стремятся наши лучшие, наши просвещеннейшие педагоги, к сожалению, только не совсем плодотворно. Очень много проморгали в 60-х годах: дали возможность реалистам-реакционерам опросить значительную часть молодежи и довести ее не только до духовной, но даже до физической неряшливости... До сих пор чувствуются отпрыски этого направления в лице людей с недисциплинированным характером, не дающих житья ни себе, ни другим; с разболтавшимся, озлобленным умом, могущим только отрицать и совершенно неспособным к сосредоточенности и творчеству... Вы посмотрите, много ли талантов вышло из этой убогой пустыни, не представляющей никаких соков для вскармливания гения... Потом мода переменилась, и все бросилось на наживу, замечало о выгодных местах и, не получая их, озлоблялось. Эти слова: «служу ровно настолько, насколько получаю жалованья» — ужасный отпрыск дурных вли-

яний века. Дай Бог, чтобы этим сором никогда не зарастала наша доблестная военная служба.

На этом месте генерал Б. сделал паузу.

— Верно, ваше превосходительство, верно! Ей-богу, правда! — раздался вдруг чей-то басистый голос.

Мы обернулись и увидели личность, которой сразу не заметили. Это был товарищ хозяина по корпусу, полковник, южного, или, вернее сказать, кавказского типа, но не туземец, а русский; продолжительная кавказская служба только наложила на него свой особенный отпечаток. Росту он был невысокого, грудь имел выпуклую, плечи широкие; на груди висели два солдатских и один офицерский Георгиевский. Лицо у полковника было грубого, сизоватого, но совершенно приличного цвета, без всяких намеков на алкоголь; глаза серые, быстрые, вполне сохранившие юношеский блеск, а волосы густые с красивой сединой.

Заметно было, что полковник тоже хотел что-то рассказать, но деликатно остановился и даже подал знак к молчанию, заметив, что генерал Б. не кончил своей речи.

— Но мы удалились от предмета, — продолжал Б. — Вот вы сейчас сказали, что в N-м полку хоть кого вышколаят, положим, это выражение можно заменить более деликатным, а знаете ли, что благодаря именно этому в этом полку никогда не бывает никаких историй; что этот порядок, заключающийся во внутреннем своем значении взаимное уважение между начальниками и подчиненными, не представляет почвы для столкновений и приносит в результате замечательную постановку службы. В этот полк стремятся молодые люди из лучших семей, ищущие хорошего общества...

Но может быть, господа, вы думаете, что такая дисциплина забивает человека, уничтожает в нем инициативу? Напротив, в строго педагогическом смысле дисциплина должна служить не чем иным, как постоянным спутником инициативы: дурной и вредный тот инициатор, который не обладает дисциплинированным умом и характером.

Давайте-ка проанализируем значение этих дисциплинарных формальностей. Возьмем не N-й, а любой хорошо поставленный полк. Вы встречаете на улице или в обществе офицера этого полка и положительно любуетесь им: какая порядочность, какое благородство тона сказывается в самом простом приеме, например в отдавании чести. Если вы человек истинно военный в душе, то вы не можете не заметить всех оттенков в манере человека, отдающего вам этот дисциплинарный долг, и если эта манера вас удовлетворяет, то вы не можете не любоваться ею как отражением прекрасных внутренних достоинств воина: здесь ясно сказывается гордость своим мундиром; любовь к своей части, где принято щеголять бравым строевым видом; довольство своей принадлежностью к военной корпорации; уважение к старшему чину, к мундиру чужого полка и т.д. Наконец, в этом заключается блестящий пример своим подчиненным, которые только и могут учиться таким при-

мером, а не казенными нравоучениями. Конечно, отдавание чести — это дисциплинарная частность, но для опытного военного глаза не остается никаких сомнений в том, что офицер, вложивший столько приличия в этот обряд, стоит на такой же высоте и в прочих дисциплинарностях: он наверно сумеет прилично выслушать и исполнить приказание начальника; никогда не проявит вредного критического духа по отношению к службе, не станет ворчать на маневрах и жаловаться на усталость, особенно в присутствии солдат и т.д., а умение такого человека держать себя в офицерском собрании и в обществе непременно будет гармонировать с этими прекрасными служебными достоинствами.

Славно живется и служит в полку, состоящем из таких офицеров; при таком духе решительно нет места для каких бы то ни было дисциплинарных взысканий, унижительных для офицерского достоинства. Ведь надо понять, что такая дисциплина непременно связана со взаимным уважением между начальником и подчиненным, без этого ее и установить невозможно: начальник, видя в подчиненном такт, умение всегда и везде держать себя, не может не проникнуться чувством уважения к нему, и вместо того, чтобы держать себя на дистанции с ним, вместо официального тона и всяческих подтягиваний, только и думает о том, как бы с ним деликатнее обойтись, не обидеть его самолюбия. Как же подчиненному со своей стороны не уважать такого начальника?

Только при такой дисциплине возможно единодушие в офицерском обществе. Порядочность, воспитываемая общественным мнением, до того внедряется в плоть и кровь каждого офицера, что всякий выход из нее какого-нибудь отдельного лица претит натуре всего общества и встречается твердым, единодушным неодобрением.

При таком положении устанавливаются прекрасные товарищеские отношения между старшими и младшими, и слово «ты», столь вредное и опасное при обращении между людьми дурного тона, является здесь уместным, не представляющим никаких дисциплинарных неудобств.

Может быть, вы еще думаете, что такая дисциплина постоянно держит офицера в стеснительном, напряженном состоянии и лишает его одного из драгоценнейших в нашей жизни даров — свободы? Напротив, в то время, как люди дурного тона жмутся, чувствуют себя связанными в присутствии лиц, имеющих власть, люди, воспитанные в духе разумной дисциплины, держат себя с начальством совершенно непринужденно, исполняя все дисциплинарные тонкости по рефлексу... Идея военного братства только и может осуществляться в том обществе, где начальники не рискуют натолкнуться на бестактность подчиненных, а подчиненные на резкость со стороны начальников. Истинная дисциплина именно к этому и ведет; ее девиз: отдай начальнику весь положенный долг и умей при этом держать себя с гордым сознанием своего офицерского достоинства. Нетрудно понять, что педантичное исполнение дисциплинарных требований не оставляет места для неловкого или унижительного положения офицера; наоборот —

всякое упущение в этом отношении, всякий расчет на слабость или снисходительность начальника унижают офицерское достоинство. Как это все просто, и как еще много есть недалеких людей, которые этого не понимают...

— Верно, верно! Ей-богу, правда! — послышался опять голос полковника, и этот голос показался нам растроганным. Вся фигура полковника, исполненная благоговейного интереса, тянулась к рассказчику.

— А теперь спустимся вниз, — продолжал Б., — и рассмотрим подонки бытовой дисциплины. Встретил я как-то на улице двух подпрапорщиков, которые, как говорили в старину, имели до того «подлый воинский вид», что мне стыдно и больно стало за нашу армию, и я счел своей обязанностью задержать их. Прежде всего они хотели улизнуть от отдания чести, заметив, что я смотрю в другую сторону (это будущие-то офицеры!); когда же я обернулся к ним, они как-то лениво подняли руки и не донесли их как следует до козырька. Сколько неряшливости было выказано в этом обряде: пальцы растопырены, локоть не поднят, а в лице такое выражение, как у человека, исполняющего скучную казенную повинность. Когда же я остановил их, они встрепенулись, стали как вкопанные и смотрели на меня с заискивающим выражением. Вот это — дисциплина, грубая, бессознательная, которая рассеется, как дым, если перестанут поджигать ее наказаниями.

Как же нам, господа, смотреть на офицера, который соразмеряет аккуратность в исполнении установленного законом правила с принятой в полку порцией наказания за уклонение? Красив ли офицер, например, едущий в экипаже и впуская мимо себя незнакомого генерала, идущего пешком, зная наверно, что генерал не станет звать городского, чтобы задержать провинившегося? Красив ли офицер, являющийся на похороны своего подчиненного вместо установленной формы чуть ли не в расстегнутом сюртуке, зная наверно, что там не будет начальника, который может его подтянуть? Полагаю, господа, что никто из нас не станет сомневаться в тупости и развращенности такого человека как в умственном, так и в нравственном смысле. Эти люди при всей своей ограниченности имеют претензию руководиться особой логикой, развращая своих младших товарищей. «Чего ты тянешься, — говорят они поступившему вновь офицеру, — что тебе, лишний чин, что ли, за это дадут?» Под эту логику подводятся все поступки и все служебные действия, и, что всего удивительнее, ей иногда придают поучительный тон. И вот вы замечаете, что какой-нибудь недалекий человек, который не в состоянии даже проникнуть во внутренний смысл военных формальностей, начинает проповедовать, что в военной службе форма заела дух, что мы служим не делу, а лицам, и т.д.

Если мы проследим поведение такого человека, то увидим целый ряд аналогичных поступков того же свойства. Почему, например, не опоздать на одну минуту на занятия? Ведь от этого служба не пострадает (конечно, он не о службе заботится, а о проведении

своей логики); но если допустить одну минуту, почему же не допустить и больше? Офицер опаздывает и с глупейшим, унижительным выражением в лице встречается взглядами с ротным командиром; тот по деликатности ничего не говорит или просто боится сказать (ведь в распущенном полку за такую преступную деликатность удостаивают внимания бегают, как у школьника, но он не краснеет, не смущается, он в своем роде герой, торжествующий перед товарищами, которые не рискуют так поступать.

Что же это, господа, за офицер, который не только не понимает военной порядочности, но и не верит в нее? Можно ли вверять такому офицеру какую-нибудь служебную святыню при обстановке, в которой трудно проверить исполнение? Страшно подумать, что в бою бывает обстановка, где начальство вверяет офицеру честь полка, не имея возможности следить за его действиями! Не тот ли это офицер, который, возвращаясь со сменившимся караулом, оглядывается во все стороны и, не замечая начальства, произносит нижним чином развращающие слова: «Ступайте сами домой, да поскорее, чтобы кто-нибудь не встретил». Не этот ли самый офицер совершенно равнодушен к чести, славе, доброму имени своего полка и до того циничен, что не может даже скрыть своей скверной улыбки при виде неловкого положения начальника при неудаче на смотре?

Ах, господа, до чего же может дойти распущенность офицера в той части, где нет нравственной связи между начальником и подчиненными и где поэтому нельзя установить и дисциплины. Там не только слабый, но и строгий начальник, обильно рассыпающий взыскания за служебные проступки, совершенно не догадывается о их происхождении, не вникает во внутреннюю жизнь офицерского общества и во всех своих действиях бродит впотьмах. Где же тут обаяние авторитета начальника, если каждый не только видит, но даже смеется над его усилиями уничтожить отпрыски зла без всякого представления о его корне? Что молодежь! — это гибкий, мягкий и прекрасный материал в своем первоначальном виде: перемените ветер — и она сейчас же наклонится в хорошую сторону и будет чувствовать себя гораздо счастливее под надежным нравственным покровом. Дело только отчасти заключается в личном составе молодежи; главным же образом в том, что есть благодушные начальники, совершенно не обладающие педагогической прозорливостью, не видящие, не чувствующие присутствия в полку вредной среды между старшими офицерами, которые санкционируют сомнительные офицерские проступки, выслушивают службу, систематически развращают ее, оставаясь при этом на хорошем счету и даже получая награды.

Вот такой элемент следует привлекать к порядочности, не останавливаясь ни перед какими законными мерами.

— Пожалуйста, господа, — сказал Б. после некоторой паузы, — не принимайте моих слов за хулу или пороки нашей доблестной

армии. Наверно, вы сами заметили в моем рассказе простой литературный прием; я хотел по возможности рельефнее очертить предмет и для этого сделал некоторые обобщения, соединяя в один тип отрицательные черты нашего войскового строя. Понятно, что нет офицеров, соединяющих в себе все приведенные недостатки, и еще менее вероятно существование полков, состоящих из таких офицеров; но тип приведенного мною офицера все-таки возможен, и говорить о нем надо хотя бы для того, чтобы ориентировать лиц, путающихся в понятиях о военном строе и в анализе происходящих в нем явлений, иногда очень сложных и неожиданных.

На этом генерал Б. остановился и посмотрел на часы.

— С дозволения вашего превосходительства, — сказал полковник, осторожно въезжая на стуле в середину кружка, — я тоже могу кое-что рассказать про один здешний полк. Это было в первую мою поездку в Питер. Приехал, остановился в «Гранд-Отеле», и разобрало меня нетерпение дома посмотреть, архитектуру здешнюю; так, не переодевшись, и пошел в стареньком сюртуке, положим, в хорошем, спитом у «Сидорова из Парижа», в Тифлисе. Прохожу мимо Дюссо — знаменитый такой ресторан был — и думаю: надо же зайти, чтобы было что порассказать, когда вернусь. Захожу, нарочно выбрал два самых заковыристых блюда, забился в угол и завтракаю; думаю, никто меня не увидит. Вдруг входят три блестящих офицера; пристально взглянули на меня; один, самый высокий, навел лорнетку, заметил две полоски на погонах и подал знак товарищам; сейчас же все, как один человек, сделали форменный воинский поклон и спросили разрешения сесть. «Вот офицеры так офицеры!» — подумал я, и так мне приятно стало на них смотреть... чистенькие, красивые, а какая дисциплина, как держат себя почтительно, какое уважение к штаб-офицерскому мундиру. Положим, у нас все это соблюдается, да только совсем не тот «коленкор». Сидим, завтракаем. Только я замечаю, что у них форма похожа на форму сына нашего командира полка, а мне этого юношу поручено было проведать. Подошел, спрашиваю: «Не у вас ли служит Р.?» Оказалось, что у них. Они опять встали и, несмотря на мое разрешение, не сажались, пока я сам не сел, причем один из них пододвинул мне стул. Конечно, сейчас же по русскому обычаю предложили мне разделить с ними компанию, выпить вина. С полным удовольствием просидел я с ними полчасика, а они все ухаживали за мной и проводили до дверей, когда я уходил.

Не прошло двух часов, как мне приносят форменный служебный билет сына нашего командира полка Р. Прошу войти. Входит, кланяется по форме и не сует первый руку, как это делается по простоте. «Да какие же они красавцы все, какие приличные, воспитанные», — снова подумал я, глядя на Р.

На следующий день не успел я отдать визита Р., как он снова явился ко мне в сопровождении одного из старших товарищей с приглашением от командира полка и общества офицеров к ним в

собрание на обед. Отказываться было неловко, поблагодарил и поехал.

Приезжаю. Встречает меня председатель собрания и представляет всем офицерам. Ближайшие вышли ко мне навстречу.

С самого момента моего приезда я был окружен таким радушием, таким трогательным вниманием, какого я нигде в жизни не испытывал. Сейчас же повели меня показывать собрание: портреты царей и исторических генералов, служивших в этом полку: картины, группы, альбомы. Хотели еще показать реликвии, хранящиеся по соседству в церкви; но вдруг все восторжало... Командир пришел — высокий, моложавый; природная важность осанки, манеры просты и непринужденны.

— Я знаю ваш славный полк и отлично знаком с вашим командиром, — ласково отнесся он ко мне, мягко сжимая мою руку; затем, как радушный хозяин, взял меня под руку и повел к столу, предложив место рядом с собой.

Большой зал с лепными украшениями, богатая сервировка, яркий свет канделябров, картины и портреты, изящное и до трогательности радушиное офицерское общество; ласкающий, постепенно усиливающийся шумок жизнерадостной беседы — все это, по правде сказать, меня несколько ошеломило, точно перенесло в сказочный мир, в область сновидений.

Я наблюдал общество и любовался каждым из офицеров. Ну, посмотрите на этого чудного юношу Р., сына нашего командира полка, — что это за прелесть! Да я бы, кажется, полжизни отдал, чтобы у меня был такой сын. Р. посматривал на меня и при встрече взглядами улыбался как своему человеку: ему приятно было видеть, что я доволен их приемом, их обществом.

Вместе с тем я зорко следил за поведением офицеров: было оживленно, был даже шум, говоря попросту, была выпивка, но ни одной резкости в манерах, ни одной фальшивой ноты, ни одной фамильярности... Я вспомнил своих. У нас тоже отличные офицеры: пустите на штурм — так пойдут, что ой-ой-ой! Это все у нас в полном порядке; да не в том дело, я говорю о выдержке: умеи выпить — умеи и ног не оттапывать... Раз нет выдержки, нет этого, как вы изволили выразиться, рефлекса в надлежащем поведении, того и ожидай, что случится выходка, после которой офицер уходит из полка... И какого иногда славного, какого чудного офицера лишается через это армия! Да, ваше превосходительство, верно изволили очертить дисциплину; великая это вещь в войсковом быту, и надо ее понимать, — да!

Ну так вот, господа: наблюдаю я поведение офицеров, и, признаюсь, был момент, когда меня перевернуло: слышу, командир разговаривает с одним офицером на «ты», но сейчас же я убедился, что это «ты» не представляет в таком выдержанном обществе никакой опасности: стоило командиру встать, как все подымалось и смолкало; все были внимательны к его движениям, а когда он уходил, то не было офицера, который бы замешкался проводить его.

Эге, подумал я, да тут железная дисциплина, несмотря на всю простоту товарищеских отношений между начальником и подчиненными.

За обедом были гости. Командир коротко и изящно сказал несколько слов и выпил за здоровье моего полка и мое. Я, конечно, ответил. Полку послана была телеграмма. Надо было видеть, с какой славной дисциплинарной манерой записывал эту телеграмму адъютант под диктовку командира полка. Ведь есть же такая манера, такая жилка в военном воспитании: вы видите, что подчиненный отдает начальнику весь долг дисциплины и почтительности, и при этом — хоть бы малейший намек на заискивание, — напротив, он смотрит гордо, смело, с полным сознанием своего офицерского достоинства.

Вот это умение держать себя с начальником просто, непринужденно и вне строя, вне официальной служебной обстановки смело высказывать ему свои мнения, сохраняя при этом всю строгость дисциплины, — этот такт, этот приличный тон, исключаящий всякие неловкости в отношениях, — все это замечательно было развито в этом полку и произвело на меня сильное впечатление.

Говоря о дисциплинарных манерах, я вовсе не имею в виду светского лоска; кто не знает, что люди с светским воспитанием иногда оказываются очень неудовлетворительными в смысле военного приличия и, наоборот, люди, воспитавшиеся в простой семье и попавшие в добрые руки в военной школе, становятся безукоризненными в дисциплинарном отношении. Светский лоск как искусство держать себя в обществе служит только подспорьем для восприятия надлежащих военных манер.

Затем поднялся один капитан и с разрешения командира снова предложил тост за здоровье моего храброго полка, перечислив в краткой речи все исторические события его службы. Этот сюрприз был нарочно для меня подготовлен и, признаться, обрадовал и удивил меня. Откуда, думаю, они все это знают? Только потом догадался я, что у Р. была наша «Историческая записка».

Поднялся еще один подпоручик, юный, безусый, с светлым жизнерадостным лицом. Он почтительно смотрел на командира и ждал его знака. Командир мило улыбнулся и по-военному как-то особенно грациозно кивнул ему головой. Эта улыбка командира, помню, произвела на меня впечатление; трудно описать ее; можно только сказать, что она была замечательно красноречива и ясно показывала, насколько этот человек любит свою полковую молодежь. Подпоручик предложил тост за своих сверстников и товарищей по оружию — за молодежь нашего полка, и, несмотря на выпитое вино, тост был совершенно приличный, остроумный, ни одного вульгарного слова или жеста...

Вскоре после обеда командир ушел, ему надо было куда-то ехать по делу, и надо было видеть, как внимательно проводили его офицеры. Мы снова уселись, но уже не за стол, а в разных углах гостиной, где подали нам ликеры и кофе. Для меня выбрали самое уютное место и не переставали ухаживать за мной. Место коман-

дира занял старший полковник, и я сразу заметил, что все внимание, оказываемое офицерами командиру, сейчас же перешло к его заместителю... И думалось мне в эту минуту, откуда этот богатейший источник приличия и порядочности? Кто его насадил в этом блестящем полку? Какими традициями он развивался и укреплялся?

Сознаю, что я выпил, можно сказать, даже лишнее, выпил и ослабел; но я не опасался последствий: мне казалось, что я дома и окружен близкими людьми; я наверно знал, что они не оставят меня. Р. находился около меня и в своих заботах обо мне был до того прекрасен, что я не удержался и расцеловал его... Откуда явился экипаж? Меня бережно усадили и отвезли домой, в номер.

Долго в тот вечер я не мог заснуть. У меня слезы подступали от избытка чувств, и я все рисовал в своем воображении эти славные лица, этот привет и радушие, оказанные мне, темному человеку, но высокостоящему в их глазах товарищу по оружию.

Потом я был в опере, слушал Патти и Кальцолляри; видел Росси в «Гамлете», но, верите ли, господа, ничто, ничто не оставило во мне такого сильного впечатления, как этот чудный полк.

На другой день, часов в двенадцать, я еще был не одет и не мог никого принять. Лакей-татарин положил на моем столе три карточки моих вчерашних радушных хозяев: командира полка, председателя офицерского собрания и полкового адъютанта.

На этом месте полковник остановился и сделал глубокий вздох. Его рассказ тронул нас своей неподдельной искренностью.

— Да, — заметил генерал Б., — сколько есть прекрасных вещей в военном мире. Возьмите хоть этот полк и представьте себе участие его в деле с неприятелем... Я говорю о единстве и гармонии порыва, о красоте духа, сложившегося под влиянием таких богатых традиций. К сожалению, у нас нет гениальных баталистов, которые могли бы заставить трепетать сердца. Наша батальная живопись слишком шаблонна, академична и даже в более сильных реалистических образцах представляет что-то щемящее, тенденциозное... Сколько можно было бы изобразить высоких и сладких чувств, волнующих сердце воина, идущего в бой с товарищами, которых любишь, с полком, который обожаешь. Когда-нибудь народится художник, который набросает нам штрихами Рембрандта эти святые минуты, исполненные поэзии и счастья.

— Между прочим, господа, — сказал Б. после некоторой паузы, — как это важно, что между всеми полками и родами оружия укрепляется военное братство. В армии не должно быть розни или стремления к аристократизму: всякий офицер, раз он состоит на службе и имеет честь носить военный мундир, непременно должен чувствовать, что он дорогой товарищ каждому офицеру своей армии, независимо от родов оружия и петлиц. Это чувство чрезвычайно дорого каждому офицеру и имеет большое воспитательное значение. Отраднее видеть, что этот прекрасный принцип особенно поддерживается старыми, родовитыми полками. Пригласить к себе офицеров чужого полка, проходящего через город или прибываю-

щего из другого лагеря на маневры, оказать изысканное радушие и гостеприимство заезжим офицерам — все это считается уже элементарным долгом военного товарищества и распространяется не только в офицерской среде, но и в солдатской. Можно сказать, что уже повсеместно замечается братское сближение кавалерии с пехотой и артиллерией, гвардии с армией. Если и найдутся офицеры, рисующиеся своим аристократизмом, считающие себя выше других, то, верьте мне, что это явление не имеет ничего общего с истинной чистокровной дворянской жилкой и может только свидетельствовать о недостатке воспитания, не только военного, но и домашнего. Мода на таких аристократов уже прошла; над ними смеются в военном обществе, и положение человека, который стремится изобразить из себя что-то особенное, весьма незавидно в смысле офицерского самолюбия.

Еще Б. не кончил своей речи, как нам сообщили, что к ужину ожидают известного генерала М. и что общество увеличится несколькими интересными лицами: приехали два молодых профессора академии, а затем явились еще друг хозяина, писатель Ф., и доктор Е., известный восточный путешественник. Известие о приезде генерала М. произвело некоторую сенсацию. Мы были его поклонниками с юных лет.

Как теперь помню, именно здесь, у генерала Г., будучи еще молодыми офицерами, мы впервые встретились с М., мысли и взгляды которого на военное дело наложили отпечаток на целое поколение офицерского корпуса, а меткие, остроумные слова, рассыпаемые им с кафедры и в обществе, цитировались в офицерских собраниях. Помню, мы вошли не без некоторого трепета, в наивном ожидании схватить и запомнить каждое его слово, но вышло совсем не то: мы увидели человека внушительного вида, крайне усталого, с оттенком какой-то особенной меланхолии в глазах, замечаемой на портретах классических писателей. Вместо живых слов и афоризмов мы услышали банальный разговор его с хозяином и то больше междометиями: «Ага!», «Так-так!», «Ишь ты!», «То-то оно и есть».

В описываемый нами вечер М. был несколько веселее, но тоже казался усталым и вел обыкновенный разговор. За ужином он несколько развеселился и шутил с хозяином, с которым был дружен.

— Вот это дело! — сказал он, распорядясь свежим, поданным в скорлупе омаром. — А вот где ты сардины берешь, чудак? Я уже тебе не раз говорил, что все консервы надо забирать у Дельмаса.

Увидав вошедшего в столовую приезжего полковника, он непременно пожелал сидеть рядом с ним. Он знал его уже давно и с восторгом слушал его рассказы, например о взятии Карса, находя в них художественную красоту.

— Вот настоящее, чистокровное российское воинство, не то что мы, кабинетная порода, — говорил М., указывая на полковника.

Когда стали разносить блюда, М. напустился на хозяина:

— Порядков не соблюдаешь: надо начинать со строевых: им первый почет, а потом уж нам — писарской команде...

После ужина общество разбилось на несколько кружков. В одном, состоявшем преимущественно из молодежи, говорили о последней статье в «Обзоре военной жизни», о фельетонах А-га, и прочее; в другом горячо спорили о конструкции флота (излюбленная тема для многих лиц, не принадлежащих к морскому ведомству); в третьем доктор Е. сообщал интересную этнографию малоизвестных африканских земель. Вдохновенный Ф., перелистывая альбомы, лениво отвечал на вопросы двух молодых офицеров, поклонников его симпатичного таланта. Наибольший кружок собрался около молодого профессора, развивавшего сложный философский вопрос и больше, чем следует, выставлявшего свою эрудицию. Генерал М. незаметно прислушался к этому разговору и вставил всего два слова — метких, остроумных, сразу очертивших предмет. Разговор сейчас же прекратился, и несколько секунд все находилось в ожидании, что он еще что-нибудь скажет.

— Замечайте, замечайте, — сказал вполголоса Б. — Это бытовая дисциплина в ученом мире. Если бы М. вздумал говорить, сейчас бы камертон перешел в его руки. Положим, это — М., звезда в ихнем мире, но я вас уверяю, что если бы вместо него был здесь какой-нибудь выдохшийся старичок профессор, цитирующий отживших авторитетов, то и ему бы оказали то же самое уважение. Они гордятся этим. Они почти все, и старые и молодые, между собою на «ты»; но посмотрите, какие правильные отношения, какая сплоченность, как они берегут свое имя и не пускают в его среду людей сомнительного воспитания или тех, которые вздумали бы выезжать на шарлатанизме... Вы посмотрите на этих молодых профессоров: какие они славные, сколько у них этого духа, жажды знаний, и как приятно сознавать, что это наше, русское, родное ученое гнездо, которое, судя по этому духу, никогда не закоснеет. Посмотрите хоть на этого плотного молодого полковника, — от него так и брызжет российским складом... Я сейчас познакомлю вас с ним. Замечайте, с каким уважением они к вам отнесутся, как они интересуются строевым делом; ведь только неудачники из них — люди более или менее ограниченные — держат себя напыщенными олимпийцами и не пользуются популярностью в армии; но их не любят и здесь, — не любят за то, что они не восприняли школы...

Мы разошлись около трех часов ночи. Я и полковник проводили генерала Б. Ночь стояла лунная и морозная, напоминающая святочные рассказы Гоголя. Мы шли молча, прислушиваясь к хрусту снега и жалобным звукам гармоники какого-то запоздалого гуляки, и — странная случайность — все трое думали об одном и том же предмете.

Первым заговорил полковник.

— Странно, ваше превосходительство, — сказал он, — кажется, у меня с ним ничего общего нет, а между тем я всегда радуюсь, когда вижу его бодрым и здоровым, — какая-то внутренняя связь

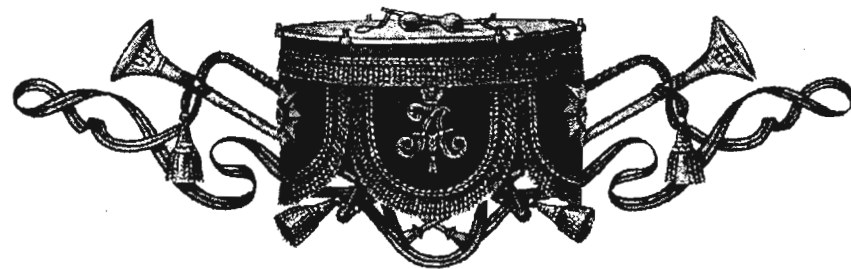
есть между этим человеком и армией. Мне кажется, что он еще долго проживет и многое сделает.

— О ком вы это? — спросил удивленный Б.

— Да все о нем же, о генерале М.

— Скажите на милость! Я сейчас сам о нем думал, и знаете, что мне в голову пришло? Мне кажется, что мы вступаем в фазис роковых политических осложнений и находимся накануне великих событий... Что будет? Как будет? Какую войну сулит нам начало двадцатого века? Трудно сказать; но я верю, что в трудную годину для отечества найдется у нашего царя человек, который скажет свое слово и сделает свое дело. Ну вот, ничем не выбьете у меня из головы, что этим человеком будет М.

— Верно, верно, ваше превосходительство, ей-богу, правда! — сказал полковник, сопровождая свое восклицание сильным, энергичным жестом. Мы крепко пожали друг другу руки и расстались до следующего четверга.

П. КОЧЕРГИН

НУЖДЫ РУССКОГО СОЛДАТА *

Горький опыт заставил меня высказаться здесь о нуждах русского солдата. Мне как бывшему жеребьевому рядовому более, чем кому-либо, известны условия военной службы: «Кто в солдатах не бывал, тот и горя не видал». Да и близкое соприкосновение к солдатам дает мне право отметить здесь все то, что я видел и выстрадал. Верьте, что я не злорадствую, а душой и сердцем болею о воинских чинах, которые переносят материальную нужду, придя на службу без образования, без грошей в кармане и без поддержки со стороны родственников. Мне хочется прийти на помощь им, ибо их голос до сих пор остается гласом вопиющего в пустыне. Да не почтут мне во грех лица (скажут, взялся не за свое дело), узкое и близорукое упорство которых стоит за сохранение того, что отжило свой век и потеряло смысл, и извинят недостатки, какие здесь окажутся. Как сумел, так и сказал исключительно ради правды и дела на пользу Родины и армии.

Первый русский император Петр Великий, желая блага и процветания государству Российскому, учредил постоянное войско, обязанное защищать Русь от внешних и внутренних врагов. Содержа армию, наше отечество с тех пор является обеспеченным в самозащите. Но ныне не то, что было во время оно, от война требуется большое умение и опыт, так как техника по военному искусству ушла слишком далеко. Ныне на войне все таинственно, рассеяно, далеко, невидимо (отвлеченно); борьба жестов воздушной сигнализации, электрических или гелиографических сношений. Теперь мало надежды на одну выправку и воинский вид солдата, нужна техническая опытность обращаться со скорострельными дальнобойными пушками, моментально заряжать ружья, пулеметы, подводить мины, фугасы, заграждения, ориентироваться по картам местности, с биноклем и т.п.

* Текст печатается по изданию: Кочергин П. Нужды русского солдата. Саратов, 1905. На титуле книги значилось: «В частную продажу нижним чинам не назначается». (Примеч. сост.)

Обращаться с такими техническими усовершенствованиями должны знающие и умелые солдаты. Лихость и удалость кавалерии теперь почти не имеют значения на поле брани, а пословицу «пуля — дура, штык — молодец» нужно отнести в область предрассудков.

Боевой опыт последней кампании показал, что ныне не только от офицера, но и от солдата требуются самостоятельные и сознательные отношения к своим обязанностям и действиям*.

Чтобы не отстать, — урок задан, — нужно готовить русского солдата к современному бою, опытности в наблюдениях и находчивости. Кроме труда на это нужно положить кое-какие издержки. Труд и капитал, затраченные на армию, не пропадут даром.

Главная нужда нашего русского солдата — школа и материальные недостатки, препятствующие его развитию. То и другое следует поднять теперь же на необходимую высоту.

Общеобразовательных школ в России ныне не так уж мало, как это было 25 лет тому назад, и развитых до некоторой степени людей является на военную службу гораздо более, чем раньше, а специальные войска по-прежнему страдают отсутствием расторопных и сметливых людей. Причина — отсталый способ выбора и распределения новобранцев по частям войск. На старичке, уездном воинском начальнике, во время призыва новобранцев лежат две обязанности: он — член присутствия и блюститель военных интересов (военный приемщик), обязанный тотчас после слов «годен в строевую» предназначить новобранца в тот род оружия, куда он более способен по физическому и умственному развитию. Чтобы не сделать ошибку, воинский начальник должен спрашивать его самого и пользоваться для сего справками от волостных старшин, сельских старост и тому подобных лиц, всегда присутствующих при призыве. Воинские начальники во время призыва в большинстве случаев никаких списков не ведут. И вследствие отсутствия необходимого материала разбивку новобранцев производят на авось. Выстраивают людей на дворе или в казармах и сортируют их на глаз, вытаскивая или выкликая по формулярам высоких в гвардию. При таком, можно сказать, огульном (не везде, но в большинстве) распределении люди получают несоответствующие назначения: тот, кому нужно служить в кавалерии, попадает в артиллерию, и наоборот. Покуда воинский начальник во время призыва исполняет две обязанности, распределение новобранцев будет страдать недостатками.

По окончании столь примитивной разбивки, продолжающейся всего день, два самое большое, люди отправляются в полки командами под начальством сверхсрочных кадровых унтер-офицеров,

* По словам компетентных лиц, наш солдат храбро дерется, но совершенно не имеет самостоятельности, которою так выгодно отличались японские солдаты. По странной случайности суворовская пословица: «Всякий воин должен понимать свой маневр» — хорошо усвоена японскими солдатами.

до «тонкости» изучивших правила сопровождения новобранцев в войска. Сверхсрочные кадровые унтер-офицеры не пользуются симпатией в кругу солдат и носят название «шкура». Кадровые унтер-офицеры Управления воинского начальника — бесполезная обуза правительства.

С момента выхода или выезда к месту назначения у людей является сильное желание узнать, что их ожидает на службе. Умеющие читать и писать стремятся во что бы то ни стало заглянуть в подробный уставчиком, из которого можно было бы почерпнуть всю премудрость солдатской службы. Но, к великому сожалению, в продаже их нет да и изданными не значатся. Частные уставчики покупать запрещается, да и их достать негде. Магазин Главного штаба, откуда можно выписать, далеко: «Улита едет, когда-то будет».

Лет восемь тому назад я просил предложить новобранцам на сборном пункте учебник: «Друг молодого солдата».

— Не могу, — сказал воинский начальник, — не рекомендовано.

— Но ведь книжка военной цензурой просмотрена, — повторил я.

— Нужно циркуляром Главного штаба, — добавил полковник.

При отправлении людей я дал 10 экземпляров начальнику команды для добровольной продажи в пути новобранцам.

При возвращении вот что доложил мне унтер-офицер: «Когда мы сели в вагоны и когда мои новобранцы «очухались», стали грустить, я вынул учебники и стал им читать. До Новороссийска всю книжку прошли. В Новороссийске нас задержали на три дня. Нечего делать, скука — смерть. Соберу людей да и опять за уставчик. На пароходе до Батума мы и вовсе стали солдатами. Уставчики на пароходе у меня расхватили в один миг. А когда приехали мы в Мерв, то мои новобранцы знали «словесность» лучше всякого старого солдата, и не в долбеж, а примерами. Здороваясь, командир сразу заметил и меня благодарил.

С прибытием в часть начинается обучение молодых солдат. Для этого их разбивают на группы от 6 до 10 человек. Люди вручаются особым учителям — рядовым, ефрейторам и редко унтер-офицерам. Прежде всего заучиваются цитаты из уставов и титулование начальствующих лиц. Пресловутая словесность не так была бы трудна, если бы ее преподавал офицер. Учителя — нижние чины заваливают своих учеников сведениями, и деревенские парни запутываются окончательно в мудреных словах. Развить нашего парня можно, но нужна постепенность: «Он сер, но ум его не черт съел». Развивать их следует без принуждения, не все о службе — беседовать о деревне, о хозяйстве, о любви к родине и т.п. Кто должен вести такие беседы и увлекать простолудина и невольно заставлять его мыслить? Специалистов нет. Офицеры деревни и хозяйства не знают. Да они вести беседы «по душам» с солдатами считают, можно сказать, за лишнее. Пренебрежительные отношения к солдату — не редкость. Прямая якобы обязанность офицера

лишь наблюдать за обучением, искуривая бездну папирот от делового безделья, и заниматься хозяйственными делами и сопряженным с ним письмоводством. Для последней надобности выбираются лучшие «строевики», конечно, во вред боевым основаниям армии.

Срок для изучения солдатской премудрости дается четыре месяца, считая с 1 января следующего за призывом года. Люди же начинают прибывать с 15 ноября. Несмотря на столь продолжительное время и немудреную солдатскую науку, очень редкие достаточно усваивают и понимают требуемое. Объясняется это просто — нет в руках как у учащихся, так у учащих соответствующих программ учебников. Причина: части войск не могут выписывать уставов ввиду их непомерной дороговизны. По закону (циркуляр Главного штаба) войсковые части имеют право выписывать как официальные издания, так и все бланки только из магазина Главного штаба и военных типографий. Не имея конкурента, магазин и типографии назначают цену за «уставчики» такую, какую им заблагорассудится, причем, если уставчик обошелся военной типографии какой-нибудь грош-копейку, то за него назначают 20 копеек, если в 2—3 копейки — назначают 40 копеек и т.д. Частные издатели могли бы выпустить дешевые уставчики, да не могут на том основании, что приобретение уставов «неофициальных», «нерекомендованных» воспрещается.

Но если приобрести все официальные уставы, какие нужно знать солдату (выдержки), то на это требуется потратить минимум 10 рублей. Такую сумму израсходовать не только солдату, но и офицеру не под силу.

Не только за учебники, приказы и бланки, но и за прейскуранты свои военные типографии берут деньги. Однако далеко не все части заказывают бланки в военных типографиях; некоторые выписывают из частных типографий — и дешевле, изящнее, и бумага лучше. Ввиду отсутствия заказов, вследствие непомерно высоких цен, многие военные типографии идут в последнее время на хитрости. Еще в начале декабря требуют выслать в счет будущих заказов столько-то рублей, и тогда волей-неволей получай, что дают. Дороговизна уставов и бланков отражается на солдатском пайке.

Например, в частной типографии бланки исходящих-входящих бумаг, книги дежурного писаря и др. по новому письмоводству стоят за 1000 листов (бумага везде № 6) от 7 до 10 рублей, а в военной — от 20 рублей плюс пересылка багажом, отправка с извозчиком до станции, укупорка и т.п. Причем частная типография всякий заказ набирает вновь, а военная раз навсегда печатает миллион экземпляров, которые обходятся за тысячу от 3 рублей. Многие могут не понять — в чем дело? Всем хорошо известно, что в военных типографиях труд больше даровой, за права не платят, квартира, отопление и освещение от казны и т.п., а берут вдвое-втрое дороже, чем частные типографии и книжные магазины. Причина следующая: при главных и окружных штабах весьма

много разных чинов, и нужных и ненужных. Все они пьют и едят по-столичному или расход ведут по большому окружному городу. К праздникам они больше нуждаются в деньгах. На выручку являются остатки оборотов типографии. Я знаю такой факт: полковник Г. лишь только успел принять должность старшего адъютанта, как ему поднесли наградные к Рождеству из учреждения, которого он еще в глаза не видал. Усомнившись в правильности назначения суммы, отправился к начальнику штаба генералу Г.

Будучи принятым на действительную службу в 1885 году, я обратился к воинскому начальнику с просьбой указать, какой выписать учебник. Полковник Плавский указать затруднился, то же он бы сделал и теперь. Во время состояния на сборном пункте я получил от делопроизводителя Бадина засаленный учебник для унтер-офицера. Дорогой, во время следования в часть войск, этот учебник я выучил. И уже не более как через неделю сам читал лекцию пресловутой словесности новобранцам, которые, смотря на меня, улавливали каждое слово, произносимое мною, и в ту же минуту забывали и восстанавливать в памяти не могли только потому, что в руках не имели учебников.

Отсутствие в продаже уставов ставило в тупик призванных в последнюю войну не только нижних чинов, но и офицеров запаса. Врачи запаса при отсутствии справочников под руками буквально терялись. Книжные магазины официальных изданий не имеют, а выписывать из магазина Главного штаба нет времени. Таким образом и офицеры (врачи), и нижние чины ехали на войну, не зная новых уставов, на «авось, небось да как-нибудь».

ПРИМЕЧАНИЕ. В французских войсках приняты частные учебники, например, «Руководство пехоты» Анри Шарль-Лавуазеля, 906 страниц убористой печати, со множеством наглядных иллюстраций, стоит всего лишь 2 франка, при этом в шикарном переплете с тиснениями.

После срока, назначенного для обучения новобранцев, делается смотр командиром полка, начальником дивизии, корпусным командиром или командующим войсками округа. Достаточно знать наизусть: «что такое присяга, знамя, глаза на начальника, не частить, приклад выше и т.п.», и смотр сойдет великолепно. Но насколько люди развились умственно и как они понимают свой «маневр», внимания не обращается. Была бы внешность, выправка, а содержимое явится как бы само собой. Весь смотр проходит не более как в 30—40 минут и то в разговорах про награды, обход в назначении и т.п. Начальствующие лица, несмотря на приезд за 200—600, иногда и 1500 верст, всегда куда-то торопятся. Не успев выслушать ответ одного, спрашивают другого, третьего и т.д.

После лагерных сборов, в свободное от службы время, всех неграмотных солдат начинают учить грамоте. Для чего, как известно, в настоящее время в ротах и батареях существуют школы грамоты, но, к сожалению, лишь номинально. Горячо учили грамоте со времени основания ротных школ. Это было в 70-х годах.

Потом энергия, охота у учителей стала ослабевать, и вот уже несколько лет как ротные школы запустили и опять требуют толчок. Напрасно некоторые домогаются увеличить срок действительной службы с целью сделать солдат грамотеями, а офицеров — учителями русской грамоты. В войсках, по моему опыту, могут выучить читать, писать и больше ничему; что пользы в том солдату и обществу? Зато начальству хорошо со старыми солдатами: пришел, повернулся и ушел!

Между тем инициатива учреждения ротных школ — гуманна. Не знаю почему, но грамотность до сих пор в полках (у старых начальников, получивших образование лишь в войсках) считается роскошью. Да, ей обучают как бы между прочим: то ли терпеливых офицеров нет, то ли охотников учителей не находится. Здесь нужна трудоспособность, а наши офицеры ее, к сожалению, имеют мало. За недостатком педагогов преподавание в некоторых ротных школах возлагается на «недорослей» или «дядек», зачастую полуграмотных или инородцев. Кроме того, нельзя сказать, чтобы военное ведомство уж очень заботилось о развитии нижних чинов. Это видно из того, что отпускается на обучение грамотности только 10 копеек на человека в год.

Дело, впрочем, еще не в том, что отпуск мал, а в его распределении по назначению. Несмотря на мизерную сумму, начальники частей отпускаемые для обучения гроши тратят на другие надобности, и волей-неволей приходится мириться с тем, что есть. Вот почему большая часть нижних чинов как пошли на службу неграмотными, идиотски тупыми, такими возвращаются и домой. Зато любой солдат обогащается на службе различными анекдотами, рассказами скабрезного содержания. В народе сложилась поговорка: «Солдат — враль».

В учебных командах дело обучения поставлено несколько иначе. Да и люди совсем другие, понимают, что им учиться нужно для получения «унтера».

Имея кой-какие гроши, они покупают и письменные материалы, и учебники на свой счет. Казенный отпуск в размере 50 копеек на человека разве можно признать достаточным? Но если употреблять и его целиком на дело, то люди имели бы всегда и бумагу для письменных задач, черчения и т.п., и даже учебники и новые уставы, которые теперь в учебных командах имеются в весьма ограниченном количестве.

В писарских классах на счет учебных пособий дело поставлено, должно быть, еще хуже. Получаемые деньги, по 4 рубля на каждого ученика в год, или записываются в хозяйственные суммы, или идут на дело общее и никак не на учебные пособия. Не редкость, что на один класс один устаревший учебник или допо-

* С прибытием новобранцев роты сразу обогащаются и грамотеями и мастерами. Но к концу 4-го месяца людей начинают постепенно выбирать: хорошо грамотных предназначают в писаря, фельдшера, музыканты и в армию — денщиков, лакеев, поваров и т.п. Из остальных людей ротный командир предназначает в учебную команду.

топная арифметика. Присутствуя неоднократно на экзаменах, я убеждался, что людей вовсе не учат писарским обязанностям. И действительно, разве может делопроизводитель учить 10 месяцев за каких-нибудь 30—50 рублей? С учреждением писарских классов управления воинских начальников выиграли тройне: ученики являются помощниками писарям, рабочей силой и экономят на отпуске денег на учебные пособия. Со времени основания писарские классы не имели правильной постановки и не сегодня завтра должны упраздниться.

Если не лучше, то наравне с писарскими классами обставлены при некоторых лазаретах фельдшерские школы. Лет десять тому назад фельдшера, кончившего курс этих школ, принимали на службу в земство наравне с фельдшерами, окончившими курс в специальных фельдшерских школах. Но ввиду неудовлетворительной их подготовки прием в гражданские лечебные заведения прекращен. Воочию мне приходилось видеть, как обучаются простолюдины фельдшерскому делу, латыни. И действительно, что может деревенский парень в каких-нибудь 6—8 месяцев постигнуть по медицине?

Пройдя все стадии примитивного образования при строгой экономии от скудных отпусков, люди немного успокаиваются, и с этого времени они становятся несколько свободнее. Считая недостаточным пройденного, люди приобретают книжки, учебники, уставчики на свой счет и читают, когда им есть время, а времени хоть отбавляй: сегодня назначили в караул, послезавтра — на дежурство, а там — вестовым и т.д. Заниматься делом нельзя, читать нечего, поневоле спишь, говорят нижние чины.

Пользуясь свободным временем, люди, имеющие деньги, идут в театр. Всем известно, что театр — школа для народа. Очень жаль, что солдатские спектакли у нас мало прививаются, и даже за последнее время о них не слышать. Многие нижние чины любят театральные представления, но не бывают в разумном учреждении по неимению средств или вследствие стесненных местных правил. Жаль, что нет для них льгот и точных повсеместных узаконений. В столицах театры посещаются нижними чинами по правилам, указанным в уставе внутренней службы, тогда как в провинции всякий начальник гарнизона объявляет свои правила, и зачастую нижние чины всех рангов не допускаются даже в местные общественные сады, где нет ни шансонеток, ни буфетов, где просто гуляет публика и играет своего же полка хор музыки.

ПРИМЕЧАНИЕ. Цель учреждения полковых хоров — на войне подбадривать, а в мирное время разгонять тоску у солдат, тогда как наши музыкантские хоры — доходная статья полка. В любом вертепе можете встретить военный хор. Истомленные на вид мальчишки в военном одеянии дудят чуть не до утра, убажывая сытую публику. Невольно задаешь себе вопрос: неужели так надо? Часто эти хоры командированы в уездный город тешить дедушек и там поступают в распоряжение Тит Титычей — «Играй, мы деньги платим!». И бедные музыканты играют, что называется, без передышки. Зачастую в музыкантских хорах, убажывающих в вертепах сытых людей, можно встретить детей, состоящих в обучении «музыкантскому искусству».

Где же быть нашему воину? Можно подумать, до какой низости пал наш солдат, если его даже и в сады без буфетов и открытых сцен, так сказать, в безгрешное отдохновение, не пускают (даже унтер-офицеров); ему невольно подсказывают: место тебе на «дне», иди туда, где получишь и болезнь и омерзение. Против посещения нижними чинами садов не кто иной, как сами офицеры, которым не хочется видеть «серую скотину», гуляющую рядом с собою. Одни высказывают, что солдаты держать себя не умеют, другие — солдат грязно ходит; за одежду, какую он носит, стыдно становится и т.д.

Во избежание, надо полагать, солдатского шल्या в некоторых частях устроены унтер-офицерские собрания и чайные с буфетами.

— Помилуйте, чего еще? У нас есть унтер-офицерские собрания. В какой армии вы можете встретить эту роскошь? — сказал мне один пожилой полковник.

Интересуясь подобным учреждением, я в одном из собраний имел счастье быть. Осмотрев помещения и опросив кое о чем, я, не во гнев будет сказано, пожалел помещение, которое занято собранием, ибо оно пропадает даром. Быть может, где-нибудь и существуют солдатские собрания, душу отводящие заведения не без пользы правительству. Здесь я, между прочим, заметил в углу ящик с песком, шкафы с чем-то: читальной комнаты с газетами и журналами не нашел. Зачем кричать и зачем смущать людей полезными учреждениями? Даже не имеется простых, весьма полезных игр, как-то:

1. Кегельбана.
2. Лото, домино.
3. Бильярда.
4. Шахмат.
5. Чайное довольствие даром не отпускается.
6. Велосипедный спорт совершенно отсутствует.
7. Крокет, лаун-теннис (в лагерях).

Игры, какие бы они ни были, развивают солдата и физически и умственно. За неимением безгрешных игр наш солдат свободное время употребляет на разгулы по трактирам, чайным или слушает анекдоты скабрезного содержания. В праздничное время, в особенности в лагерях, солдату и вовсе скучно без развлечения. Одно развлечение — купаться, если есть вода.

Учреждения же «Кинь грусть» (чайные) никак не могут у нас привиться. Как бы симпатичны они ни были, раз требуют затрат из солдатского скудного бюджета, значение их теряется. При даровой квартире, отоплении и прислуге если и составляет чайная расход для хозяйства полка, то весьма незначительный. Наконец, можно покрыть расходы: продать дров, остающихся от отопления казарм, сукна экономического, которое теперь идет к зачету, на

* Никак не могут отводить место для купальни вблизи лагерей или у города; находится очень много причин, и солдат волей-неволей иди за 5—7 верст. Ни одна часть не позаботится устройством купальни или местом, хотя для раздевания.

попоны лошадям, обивку казенных экипажей, дорожки в квартирах и в вольную продажу.

Солдатские чайные должны быть устроены так, чтобы каждый солдат имел возможность «побаловаться» чайком, послушать граммофон, поиграть в шашки, в кегли и т.п. безгрешные игры, до которых русский человек большой охотник. Здесь можно вдвойне выиграть: прогресс в умственном развитии и уменьшение шल्या солдат по базарам и гнилым местам на «дне», заводя знакомства с людьми вредного направления. В чайных существуют библиотеки. Нижние чины читать газеты охотники, но им они недоступны. Выписывается газет мало и больше таких, содержание коих давно всем известно. В каждой роте имеется шкаф с надписью «библиотека». Но для того, чтобы получить книгу из этого вечно запертого шкафа, подернутого тенетою и пылью, нужно пройти мытарства: 1) доложить отделенному, 2) взводному, 3) идти к фельдфебелю, который, если признает нужным, прикажет выдать. Книжка, стоящая 1—5 копеек, попадает к чтецу чуть не чрез два-три дня; то отделенному не время, то взводному некогда, да и у фельдфебеля досыта настоишься. Но этого еще недостаточно — начальствующие лица иногда любят пошутить над солдатом, просящим что-либо почитать. «Грамотей, не зачитайся», — иронически замечает или начальник, или библиотекарь при выдаче книг. Число книг в библиотеках «раз, два и обчелся». Здесь можно встретить все, что относится к баталии, только сомнительной правдивости.

Многие ротные командиры на библиотеки за последнее время не обращали внимания. Что читают солдаты и какие у них книжки в библиотеке, командиру части как бы дела нет. Впрочем, он занят хозяйством полка, «экономией». До солдат ли ему?

Пишущий эти строки сам испытал, как получать из ротной библиотеки книги. В некоторых полках порядок несколько иной. Бывают случаи: книжка затерялась — платят цену, какую прикажут. Чтобы не мытарствовать и не выслушивать «иронию», солдаты покупают книжки на свой счет. Прежде чем читать их, нужно получить разрешение ротного командира, который, несмотря на ценность и значение книги, делает на ней надпись с приложением казенной печати. Так портят иногда ценные книги и только потому, что придумать нового правила никак не могут*. Подобное обстоятельство во время оно меня коснулось. Я приобрел себе словарь. Дал просмотреть ротному. Он, не читая, сделал на первой странице большую надпись и приложил сургучную печать. Я понимаю значение надписей тогда, когда ротный командир, прочтя книгу, признает ее невредной для прочтения солдата, но ведь ротные командиры никогда не читают книг, разрешаемых ими для чтения. По правде сказать, разве есть время у ротного командира читать все то, что покупают солдаты? Быть может, раньше было можно прочитывать, так как книжки были и дороги, да и грамотеев в роте было не ахти как много.

* Можно делать засвидетельствования на отдельном листочке так: «Читать «Конек-Горбунок» разрешается. Ротный командир N.».

Как в полковых библиотеках, так и в ротных отсутствуют истории всяких войн. Между тем каждая война создает огромную литературу. Эта литература читается в войсках только весьма немногими офицерами. При своевременном общественном развитии наш солдат предъявляет требования на чтение лучших правдивых сочинений исторического содержания, но получает отказ, так как в солдатских библиотеках историй войн вовсе нет. Кроме того, солдатам не приходится читать манифестов, рескриптов, повелений, выходящих от государя императора. Этот пробел в уставах следовало бы восполнить.

Имея в роте читальную комнату «отдых», нижний чин кроме чтения газет, книг мог бы написать письмо. Тоска по родине уменьшается наполювину, когда солдат напишет домой весточку. Ему не важно содержание письма — для него дорого послать домой поклон. Много и часто наш солдат писем не пишет, но все же посылает в год 2—4 письма. И для того, чтобы послать письмо, нужно произвести расход: купить и бумагу, и конверт (в роте не дают), и марку. Не раз, не два задавали мы себе вопрос: солдат служит для отечества, почему же отечество для него (почтовое ведомство) не послужит? Пора вспомнить о меньшей братии и отменить навсегда почтовый сбор с солдатских писем. Кроме того, в роте всегда есть экономические гроши, которые следовало бы употреблять на нужды их: покупать бумагу, перья и чернила.

Практикуемый способ отправления солдатских писем без марок лишь с казенной печатью, дай Бог, чтобы остался и в мирное время. Давно следует отменить почтовый сбор с денежных писем, отправляемых на имя нижних чинов в части войск. Лицо, желающее сделать поддержку защитнику отечества, посылает деньги на нужду, вещи, табак и т.п. и уплачивает почте 15—20% из посылаемой суммы. Почтовому ведомству предоставить право свидетельствовать как письма, так и посылки и убеждаться в принадлежности их адресату — солдату. Установившийся в военном ведомстве порядок получения денежных писем и посылок на имя нижних чинов теперь утратил свою силу и составляет лишь обузу как для части, так и для самих адресатов. Полученные денежные письма по заведенному порядку задерживаются, а посылки иногда веляются очень подолгу в канцелярии.

Получать письма должны сами адресаты непосредственно, для чего они командированы на почту во время отдыха, то есть с 12 часов за получением им принадлежащих денег и посылок. Повестька вручается лично каждому. На повестке делается надпись

* До сих пор у нас не привилось сдавать на почту письма и казенные пакеты, адресованные в части и различные учреждения, расположенные в одном городе. Нередко бывает, что вестовые возвращаются по сдаче пакетов в 12—2 часа ночи обморозившимися или промокшими насквозь. Не видно также причин, по которым нижним чинам запрещается ходить в калошах в грязь и в холодное время года. Имея легкую обувь, люди стоят на часах, дневальными, сторожами, постукивая ледяными «кеньгами». Надеваются эти «бродни» не потому, что в них теплее, а исключительно для тяжести при ходьбе по указанному месту.

лишь ротного командира в том, что подпись на повестке действительно адресата; это и служит подтверждением почте.

О неграмотности свидетельствуется на повестке тем же ротным командиром с проставлением номера и фамилии получателя. Кроме того, почта может убедиться из надписей на одежде. Для сего в военном ведомстве существуют весьма характерные принадлежности нижних чинов. Я хочу сказать про те атрибуты, по признакам которых узнаются солдаты. Кроме соответствующих отметок на вещах (шинель, мундир, шаровары, фуражка и т.п.) они имеют:

- 1) При прибытии в часть войск каждому новобранцу выдается на руки «записная книжка».
- 2) При увольнении со двора до переключки — увольнительный знак.
- 3) Нижний чин, уволенный до позднего времени, кроме того, получает увольнительную записку.
- 4) Все уволенные на один день и более получают билеты и считаются в отпуску. Билет выдается уволенному до трех дней ротным командиром, до семи дней — командиром батальона и до месяца — командиром части.
- 5) Нижние чины, признанные нуждающимися для поправления здоровья, увольняемые в отпуск на поправку, получают отдельные отпускные билеты.
- 6) Уволенным вовсе от службы — свидетельство о выполнении воинской повинности.
- 7) Перечисляемым в запас — увольнительные билеты.
- 8) Перечисленным в ратники — ратничьи книжки-свидетельства.

Новый век идет больше к простоте и ясности, тогда как мы накануне полной запутанности в солдатских документах. Не лучше ли установить один «атрибут», много — два. Вот мнение мое и многих.

Каждому новобранцу выдавать записную книжку по формату и «прочности» паспорта. В начале книжки отметить все, что значится в формуляре, составляемом в присутствии по воинской повинности, затем отмечать прохождение его службы, все казенные выдачи. Несколько страниц для отметок ротного командира при увольнении нижних чинов со двора до позднего времени; для увольняемых в отпуски отвести несколько самостоятельных страниц, где ротный командир или батальонный, или командир части делает засвидетельствование, на сколько дней увольняется нижний чин, согласно 260-й статье Устава внутренней службы. Две страницы — для отметки врача о здоровье на предмет освобождения от занятий и т.п. В конце приложить некоторые важные правила службы из уставов.

Имея такую подробную записную книжку, нижние чины, уволенные на год по болезни или вовсе от службы, никакими другими документами не снабжаются. В этой книжке должно быть отмечено все, на основании чего и на сколько он уволен и прочее.

При увольнении в запас вместо этой книжки дается другая «прочная» книжка — запасно-отпускной билет с правилами учета и призыва вновь на службу. Эти запасно-отпускные билеты должны находиться всегда на руках у людей. При явке вновь на службу или в учебные сборы билеты эти ни в коем случае отбираться не должны; по отметке штемпелем должны быть возвращены по принадлежности. Запасным, кои будут признаны неспособными, присутствие по воинской повинности делает отметки в билете подробно. Согласно этой отметке люди исключаются из запаса с оставлением опять-таки солдатского билета на руках, как документа, удостоверяющего прохождение службы. Установленный пятилетний срок действительной службы в войсках не столько полезен, сколько вреден. Главную деятельностью солдата, без сомнения, является первый и второй год со времени поступления его в ряды войск. На третьем и четвертом году солдат не учится, а лишь служит, начиная лениться. На пятом и вовсе портится, причая себя к праздности, лежебочеству и пьянству. У старого солдата на все — прислуга, и начальство на старых солдат смотрит сквозь пальцы и не нахвалится. Причина здесь очевидна. При больших сроках взводных, отделенных, фельдфебеля не только субалтерн-офицеру, но и ротному командиру зачастую делать нечего. Вот почему многие из офицеров за продолжительный срок службы нижних чинов. Пятилетки, если и могут похвалиться, так только выправкой, которая при современных боях не имеет значения, и еще разве кулачной расправой над подчиненными. Вообще в последние года службы солдаты занимаются больше пустословием насчет «ты или вы», корча из себя дядьку унтера, требуют от молодых солдат буквально невозможного и всегда в грубой форме; зачастую подпускаются трехэтажные словечки, и начальству это нравятся, которое отзывается о таких «унтерах» не иначе, как с похвалой: «Молодцы! В руках держат!»

Простолудин или инородец, попадая на службу в большой город, буквально теряется. Вся забота его состоит в том, как бы не прозевать отдать кому положено честь с воинской вежливостью. При столь разнообразных в нынешний век формах недостаточно сказать деревенскому парню, что у офицера такие-то погоны (указав на один рисунок), а у чиновников звездочки в одну линию (инструкция Драгомирова). Между тем на улице попадаются всевозможные и погоны, и эполеты, и звездочки, углы, нашивки, басоны, галуны, канты, кокарды и т.п., разобраться в коих весьма трудно. Между тем за неотдание чести, неказание воинской вежливости, хотя бы без умысла, нижние чины зачастую летят под арест и под суд. Разнообразные формы вынуждают разнообразные отговорки относительно неотдания чести, нарушения дисциплины и т.п. — «не заметил» или «ви-

* В Пруссии строго внушено солдатам, чтобы они доносили немедленно о каждом случае дурного обращения со стороны начальников.

новат». Большая половина офицеров далеко не внимательна к солдату. Чинопочитание лишь в уставе, а на деле — другое: отмахивание головою или рукою, часто левою, не составляет принятие чести, установленное законом. Раз звание «солдат» почетное, то это должно быть внушено показом.

Теперь, кто только не может наказать нижнего чина согласно законоположениям? Каждый начальник, будь то рядовой или офицер, налагает взыскание по своему усмотрению: садит под арест (темный карцер), назначает вне очереди на работу, лишает отпуска (свободы), а иногда заходит слишком далеко. И ввиду 1-й статьи Дисциплинарного устава («не оставлять проступок и упущение солдата без взыскания») нижние чины подвергаются наказаниям буквально за самую малость, содеянную вольно и неволью. Искать управы негде, если начальник не превысил власть. Вот почему столкновение с начальством всегда оканчивается плачевно для подчиненного.

Ничего так не затруднительно в военном ведомстве, как форма подачи жалоб на начальство. Законоположения слишком ограничивают жалобщиков. При таких ограничениях нижние чины буквально терпят и сносят обиды. Некоторые, более смелые, не вытерпев обид, пожалуются и вместо того, чтобы получить удовлетворение, попадают или под арест, или под суд. А военный суд по военным провинностям не допустит даже частного опытного защитника; дают казенного кандидата на военно-судебные должности. Здесь оправдания не жди. При таком положении дела скорее искореняются жалобщики, чем злоупотребления. Для блага родины и дела формальность жалоб следует отменить.

На основании того, что всякий начальник может арестовать нижнего чина, то этим он может отменить всякое распоряжение, отданное хотя бы военным министром. Стало быть, лишь стоит надеть начальническую форму, и можно помешать выполнить весьма важное во времени распоряжение.

Всякий нижний чин по увольнении в запас обязан получить увольнительный билет и соблюдать правила учета, то есть он должен заявить гражданским властям об отлучке, о прибытии на новое жительство точно. Этот строгий закон хотя и существует более двадцати лет, но нельзя сказать, чтобы он соблюдался запасными. Трудность выполнения заставляет многих «волью и неволью» уклоняться, хотя потом подвергнуться ответственности перед судом гражданским, смутно понимающим военную дисциплину; нужно судить в военных судах. Для сего следует установить суды гарнизонные вместо полковых как обслуживающих лишь свои части. В тех городах, где не будет гарнизонных судов, запасные должны отбывать наказания по поставлению присутствия по воинским повинностям. Действительно, нижний чин запаса, приехав в чужой уезд, в деревню или село, обязан по закону самолично объявить о прибытии или волостному правлению, или становому

приставу с представлением билета. Хождение за 30—70 верст для написания отрезка о прибытии нельзя отнести к приятному с полезным. Да еще благо, если застанешь власти, а то там придется ждать денек-другой.

Чего бы проще при увольнении людей в запас к билетам прикладывать несколько отрезков, заполненных необходимыми сведениями. Тогда каждый запасный по прибытии на временное жительство в другой уезд сдает один отрезок или непосредственно сельскому старосте, или стражнику. Староста или стражник расписываются у него в корешке и прикладывают печать. При возвращении домой или в другое место жительства он сдает второй отрезок тем же путем. Тогда, по крайней мере, не будет отговорок на незнание учета. Причем сельский староста или стражник принимают отрезок только в том случае, если избранное место жительства запасного состоит в 10 верстах и более от волостного правления или станового пристава. В месте же постоянного жительства, отстоящего от волостного правления в 10 и более верст, лишь заявляет сельскому стражнику, который и отмечает его билет и сообщает в волость или становому приставу с первой оказией.

Во всяком случае, самоличную явку в учетное учреждение следует отменить; необходимо лишь представить билет.

Для пользы службы и дела необходимо:

1) Полицейский учет в больших городах отменить вовсе. Он не достигает цели. Его должно вести Управление воинского начальника.

2) Журнал прибыли и убыли вести в Управлениях уездных воинских начальников параллельно с книгой прибыли и убыли; без последних весь учет — подтасовка цифр.

3) Алфавит на все годы иметь один, а не 18 книг. В больших пунктах — 2—3 книги. На каждой странице алфавита записывать не менее как 20 человек. При состоянии запаса в 6 тысяч требуется бланков 500 страниц — 250 листов только. Алфавит должен вестись в двух экземплярах: один — белой, а другой — черновой. Последний должен находиться у писарей, а белой у начальства.

ПРИМЕЧАНИЕ. Понятие в учетных правилах: «...в пределах своего уезда, а также и за пределами его, но не далее 50 верст, и на более далекое расстояние, но на время не более 14 дней и т.п.» — слишком сбивчиво и затруднительно для запасных, зачастую неграмотных.

Срок состояния в запасе следует установить короче; запасных разделить на два разряда, как ратников. Желательно, чтобы в первом разряде были люди никак не старше 30 лет, во втором — 40 лет.

Минувшая война показала, что призыв в ряды армии старых сроков оказался ни больше ни меньше как обуза для самого же

правительства: пожилому человеку, обремененному большой семьей, не до штурмов. Ему благо сидеть в гарнизоне.

На этом основании запас армии теперь же следует разделить на первый и второй разряды. Первый должен идти по планам на пополнение действующих войск, а второй — запасных. При оборонительной войне, защищая свои дома и семьи, и старики запасные будут более воинственными; ну, а при наступательных войнах они являются малопригодным элементом в боевых линиях как не имеющим современной технической подготовки. В последнюю войну между ними был замечен упадок дисциплины. Многие начальники жалеют о том, что якобы вместо разрушенного (отмена телесных наказаний) ничего не дано, а к гуманному командованию не привыкли; воспитательные примеры у нас, к сожалению, остались прежние, общее образование у многих командиров весьма малое, а некоторые и того не имеют, кроме рутины, приобретенной в части. Такие командиры не только между офицерами, но и между нижними чинами за авторитет слыть не могут.

Льготы по семейному или имущественному положению во время мобилизации никому из запасных не давать. Даваемые льготы при последних мобилизациях лишь порождали ропот и зло; лучше в мирное время иметь многосемейных на особом счету, чем с ними канителиться во время мобилизации. Кроме того, при спешности нельзя установить правильно семейное положение: можно уволить того, кому должно служить. Карточки писались со слов, а на словах можно сказать многое, ибо проверить во время призыва семью никак нельзя. И вышло: «Кто смел, тот съел». Это сильно раздражало запасных на том основании, что давать преимущества по многосемейности и в зависимости от большого числа неработоспособных членов никак нельзя. Из опыта мобилизации видно, что гораздо тяжелее остаться одному неработоспособному без главы семьи, чем десятерым неработоспособным, но взрослым и здоровым. Освобождение же по имущественному положению и вовсе ниже всякой критики.

* * *

Лица, обращающие внимание на скудные условия материального обеспечения солдат, пришли к заключению, что возможность существования русского воина при нынешней дороговизне на предметы обихода обуславливается исключительно извне.

Надо отпустить братьев или сыновей на военную службу. Это надобно для охраны Русской земли, да дело плохо в том, что не с чем отпустить, одеть, обусть; а там многие крестьяне сбывают свой последний надел земли, отчего много падает сельское хозяйство. Одним не под силу арендные платежи, других доканывают подати, третьих разоряет неурожай, четвертых солдатчина. На казенном пайке далеко не уйдешь. Для бедного человека воинская повинность — разорение при нынешней дороговизне на все пред-

меты солдатского обихода: «На службу собирай, туда — посылай, пришел — помогай, призвали — снаряжай».

Некоторые общества раньше помогали односельчанам — 5—10 рублей на голые зубы составляли большую помощь. Немало стоило моим родным снарядить меня в военную службу: рубашки, подштанники, сапоги, валенки, теплый «пиджак», шапка, портянки, сундук (чемодан), щетки, мыло, перчатки, чулки теплые, носки, чай, сахар и деньги.

К 1 января у меня все иссякло, и я стал сильно нуждаться в необходимом. Чаю хочу — чаю нет, сапоги развалились, на душе стало грустно и досадно: принимался плакать. Избавило меня от дезертирства чудо. Как сейчас помню: получил я месячное жалованье, 22 копейки, и по приказанию понес бумаги полковнику. Не застав его дома и пользуясь свободным временем, я отправился в собор монастыря. Мимо меня пошли монахини по сбору, я вынул из кармана монету и положил на блюдо. Взгляд монахини заставил меня обратить внимание на свою ошибку: я положил не 2 копейки, а двугривенный. Жалея всего жалованья, я не мог дальше молиться и вышел. Герасименко (полковник. — С.К.) был дома и не более как через четверть часа вынес бумаги и говорит: «За твои труды получай три рубля на учебники». От радости я был на седьмом небе — я был спасен.

Из такого бедственного положения на пользу отечества я вышел только тогда, когда дома продали мою шубу и прислали мне на нужду. На другой год я спустил часы, доставшиеся мне по наследству. На третий год я опять приставал к родным, которые обрывали (так у автора. — С.К.) себя и присылали мне, служаке, в которых так нуждается общество.

Кончилась служба (война) — солдат возвращается домой. И что же он видит дома?

На гумне — ни снопа,
В закромах — ни зерна.
На дворе по траве
Хоть шаром покати...

Для того чтобы привести расшатанное за пять лет свое хозяйство, нужны деньги, которых у солдат, к сожалению, не бывает. Во время оно царским служакам, уходящим домой, правительство выдавало особые суммы на первоначальное обзаведение. Тридцать лет тому назад пособие в 40—50 рублей составляло капитал. Теперь же не только не выдают денег на обзаведение, но и отбирают последний выслуженный мундир, принуждая солдат прийти домой оборванцами и с пустым карманом. Сесть на землю не с чем, и люди отправляются в город, создавая пролетариат. Вот причина, по которой русский солдат как сельский хозяин живет бедно.

Неприглядную жизнь солдата-крестьянина я знаю по четырем губерниям: Саратовской, Симбирской, Самарской и Казанской.

Положение крестьян других губерний отмечено на страницах трудов комитетов сельскохозяйственной промышленности. Вот выдержка из записки тульской земской управы.

«Тяжела и неприглядна, — говорит она, — жизнь крестьянина даже в моменты сравнительного благополучия. Жилищем служит ему обычно 8—9 аршин изба, высотой не более сажени. До сих пор нередки курные избы. Изба почти всегда крыта соломою, часто протекает, а на зиму для тепла обкладывают избу навозом до крыши. На пространстве 7—9 кубических сажень живет крестьянская изба, достигающая в отдельных случаях значительных размеров. Спят в два этажа: на лавках, нарах и печи. Полы почти всегда земляные, так как в холода в избу вносятся телята, ягнята и поросята; иногда вводится даже и корова. Сильная скученность населения делает воздух тяжелым и как бы промозглым. Сырость внутри, течь через крышу и навоз снаружи быстро изнашивают постройки, значительная часть их подгнила, требует серьезного ремонта или совершенного возобновления, но изо дня в день поддерживается возможными домашними средствами — подпорками, подмазкой подгнивших углов и т.п. Топят крестьяне в безлесных местностях (уездах) соломою, а в неурожайные годы даже навозом и, таким образом, систематически лишают землю необходимого ей удобрения. Такие продукты, как мясо, сало, крупа, масло постное, являются на столе крестьянина лишь в исключительные моменты его жизни, иногда два-три раза в год, обычную же пищу его составляет: хлеб, квас, часто капуста и лук, а осенью — свежие овощи, если вблизи селения есть огородник. При этом далеко не всегда крестьяне едят столько, «сколько съедят». Скучность крестьянского хозяйства бросается в глаза. Между тем жизнь в деревне идет вперед, потребности растут, и удовлетворение их требует от крестьянина денег. Лучину сменяет керосиновая лампа, появились спички, дешевые фабричные ситцы вытесняют материи домашнего производства, возникает потребность ввести в подорванный организм каких-либо возбудителей, и крестьянин тянется за стаканом вина или чая, к которому он привык во время скитаний своих по отхожим промыслам. Но за все эти предметы ему приходится волей-неволей выплачивать не только действительную производительную их стоимость, но и значительные налоги в казну и в пользу русской промышленности».

Внимательное изучение нужд нашего солдата, а также действительное его поддержание с увольнением в запас до крайности неотложно. Большая и лучшая часть населения — солдаты, они по справедливости могут назваться фундаментом страны. Между тем эти сливки общества обречены не только во время состояния на действительной службе, но и первое время по увольнении в запас бедствовать, переносить крайнюю нужду.

Рассмотрим здесь каждый предмет довольствия в отдельности, поскольку каждый соответствует современным требованиям.

ЖАЛОВАНИЕ. Император Петр I, учреждая постоянное войско, установил и жалование воинским чинам от мала до велика (см. Штаты начала XVIII века). Жалование как офицера, так и нижнего чина не имело той баснословной разницы, что мы видим теперь. Если рядовой Петра Великого получал гроши, то и офицер не ахти как много. Не так давно младшие офицеры получали жалования 24 рубля в треть, или 6 рублей в месяц. Но их жалование (по просьбе офицеров) несколько раз увеличивалось, тогда как солдат остался при прежних окладах в 2 рубля 70 копеек в год, или 22¹/₂ копейки в месяц. «Три денежки (³/₄ копейки) в день — куда хочешь, туда и день».

ЖАЛОВАНИЕ ОТПУСКНЫМ НИЖНИМ ЧИНАМ. Нижние чины, увольняемые в отпуск своим непосредственным начальником, исключаются со всего казенного довольствия. Следующий им отпуск жалования поступает в доход департамента по продаже пива. За нахождение в 3-дневном отпуске казна получает 2¹/₂ копейки, а за нахождение в месячном отпуске 22¹/₂ копейки, и только. Интересно знать, сколько собирает департамент таких грошей? Надо полагать, весьма немного. Стоило огород городить и мучить военных писарей вычитыванием непрерывных дробей? Вот если бы подобной каре подвергались офицеры и в особенности генералы, то военное министерство могло сберечь миллионы. Впрочем, тогда не так часты были бы отпуска, и не гуляли бы во время летних сборов и забыли бы про отдых от делового безделья.

ДОБАВОЧНОЕ ЖАЛОВАНИЕ НА ЗНАК ОТЛИЧИЯ ВОЕННОГО ОРДЕНА. 13 февраля 1807 года император Александр I высочайше утвердил знак отличия военного ордена «в награждение и поощрение нижних чинов и рядовых». В 1856 году императором Александром II учреждено четыре степени этого ордена. Жалуется этот орден постепенно, начиная с четвертой степени.

Каждому, удостоенному знака отличия Военного ордена четвертой степени, назначается в прибавку одна треть годового оклада жалования. Удостоенному знака отличия третьей степени назначается прибавка из двух третей годового оклада жалования, по пожаловании второй степени назначается прибавка в размере полного годового жалования, а по пожаловании первой степени — в размере полуторного оклада годового жалования.

Упомянутое прибавочное жалование исчисляется по тому основному окладу жалования, которое награжденный знаком отличия получал в день совершения подвига. С того же дня начинается производство сего содержания и продолжается во время стояния на службе в виде прибавочного жалования, а по увольнении в

* Японский солдат получает, по словам печати, 5 рублей в месяц. У них нет такой баснословной разницы между офицерским и солдатским жалованием, как у нас.

отставку — в виде пенсии по смерти. При назначении прибавочного жалования по знаку отличия высшей степени производство такого содержания по низшей степени каждый раз отменяется.

На этом основании пехотный рядовой за названный орден четвертой степени получает 90 копеек в год.

За 4 и 3 ст.	1 р. 80 к. в год
За 4, 3 и 2 ст.	2 р. 70 к. —”—
За все степени	4 р. 50 к. —”—

Ныне подобная прибавка при дешевизне денег утратила всякое значение. Несмотря на это, в настоящее время для солдата не только знак отличия — медаль с ленточкой имеет большое значение; жаль, что на наших глазах не только медалисты, но и кавалеры знака отличия зачастую побираются, даже стыдно за них становится.

НАГРАДНЫЕ ДЕНЬГИ. В каждом ведомстве и даже частном предприятии принято выдавать служащим наградные деньги. Подобно сему и в военном ведомстве установлены правила о выдаче наград за службу. Закон не обошел в этом случае и нижних чинов до рядового включительно. И этим малым сошкам тоже положены наградные деньги, никак не более 50 копеек в год на человека. Несмотря на столь мизерную сумму и очевидную нужду солдата, закон о наградах остается лишь буквой. Просмотрев несколько журналов хозяйственных оборотов частей войск, я, к сожалению, не нашел расходов на награду нижним чинам. Есть награды из хозяйственных сумм писарям, сверхсрочным, оружейному мастеру, мастеровым, на содержание хора певчих и т.п.

КАРАУЛЬНЫЕ ДЕНЬГИ. Офицеры, наряженные в караулы, несмотря на то, что караул для них — прямая служба, получают суточные деньги независимо от всего выдаваемого содержания и квартирных денег, тогда как солдат за столь ответственную и трудную обязанность, «караул», ничем ровно не удовлетворяется. Придя с развода на пост, каждый нижний чин находится безотлучно в месте, назначенном для караула, с 12 часов дня и до 2—3 часов следующего дня. Люди за это время не получают не только горячей пищи, но и кипятку для чаю, к которому ныне привыкли все.

ДЕНЬГИ АМУНИЧНЫЕ (собственное название нижних чинов) отпускаются:

1) на приобретение третьей рубашки, всего 25 копеек в год. Во время оно, быть может, простая рубашка и стоила этих копеек, а теперь за шитье нужно отдать никак не менее 25—30 копеек;

2) на шитье 2 пар подштанников и 2 рубашек и мелкий к ним прибор — всего 30 копеек в год;

3) еще 55 копеек в год, на которые солдат должен сделать: пару новых сапог, одну пару головок (нижняя, передняя часть сапог. — С.К.), добавить к отпуску: 1) задники, 2) стельки, 3) набойки и

4) мелкий прибор и отдать за работу двух пар мастеру не менее трех-четырех рублей; да годовая починка что-нибудь стоит, чистка (покупка ваксы), ибо сапоги должны быть каждый день чищены.

ДРОВЯНЫЕ И СВЕЧНЫЕ ДЕНЬГИ. Все офицерские чины получают или квартиры в натуре с отоплением и освещением, или квартирные деньги по положению. Причем всякие остатки от квартирному довольствия при найме дешевой квартиры и дров идут в пользу их. Что же касается остатков от отопления и освещения собственно помещений нижних чинов, то они не покрывают нужды солдат. А ведь остатков от отопления и освещения казарм нижних чинов получается немало. Каждый полк может располагать 3—4 тысячами в год свободно. Этот доход можно еще увеличить, если продавать дрова по базарной цене, а не отдавать их за бесценок «своим».

БАННЫЕ ДЕНЬГИ. Отпуска от казны на баню не положено. Люди отправляются в чистилище на артельные средства, а в широком смысле слова — на свой счет. Не угодившие почему-либо вместе с командой в баню за нахождением в карауле, на дежурстве, дневальными, вестовыми, на работе (по списку в роте людей полностью, а выходить на учење некому: все на делах, по хозяйству — где нужно двое, туда посылают десятерых) волей-неволей идут в баню на свои личные средства. Как бы ни был ничтожен платеж за баню, а все же деньги нужны. Люди, не имеющие своих денег, содержат себя грязно, отчего заводятся насекомые, избавляться от которых трудно. Как ни велика у солдата нужда, ему мало в том сочувствуют: «Сытый голодного не разумеет», а лишь требуют ходить в баню не менее двух раз в месяц, белье менять каждую неделю и т.д.

ДЕНЬГИ ОТ ПРОДАЖИ КОСТЕЙ, ПОМОЕВ И Т.П. В каждой роте не без отбросов. Отбросы идут на откорм свиней. Эти всеядные животные имеются почти в каждой роте. Для ухаживания за ними назначаются особые свинопасы. Солдатское дело — кормить свиней своим добром, а есть поросятину — не их дело. Нельзя сказать, чтобы и офицеры пользовались окороками даром. Они платят деньги, но часто по усмотрению. Деньги за продажу откормленных свиней записываются в хозяйственные суммы полка, и только в некоторых частях доход заносится опять-таки в ротные суммы.

ПРИЗОВЫЕ ДЕНЬГИ. О наградах денежными призами существует весьма много разъяснений, и чем больше законов и разъяснений начальства, тем больше они упускаются из виду. На этом основании у нас часто призы дробятся на мелкие части и раздаются лучшим стрелкам. Причем приз иногда доходит до 25 копеек. Разбивание на мелкие части делается потому, что ротному командиру, как близко стоящему к нижним чинам, видна нужда; он старается уравнивать материальные недостатки некоторых, хотя бы во вред службе и делу.

ЗАРАБОТНЫЕ ДЕНЬГИ (вольные работы). В войсках в свободное от служебных занятий время дозволяется нижним чинам заниматься вольными работами. Время для работ сообразно с местными условиями квартирования войск и общими предположениями о служебных занятиях их в летнее время определяется всякий раз особыми распоряжениями.

Заработанные нижними чинами деньги распределяются следующим образом: а) не более одной трети всей заработанной суммы обращается в артельную сумму; б) не менее одной трети заработка каждого нижнего чина выдается ему на руки; и в) затем остальное распределяется между нижними чинами роты, бывшими и не бывшими на работах, но исполнявшими во время работ служебные обязанности.

Когда продовольствие работавших нижних чинов горячей пищей во время работ было вполне обеспечено от хозяина, то дозволяется записывать в артельную сумму те приварочные оклады, которые причитались на работавших нижних чинов.

Цель, что солдат может добыть копейку про черный день, хорошая. Но работать из третьей доли мало находится охотников. Диву даешься, как только люди идут на вольные работы. Работать работай, а деньгами распоряжается начальство: одну треть — в роту, одну — на всех людей, и только одну треть целиком приходится получать батракам.

Не желая вдаваться в отжившие правила по распределению «кровных» денег, я все же должен сказать, зачем же отчисляется часть в ротные суммы? Солдат не должен зарабатывать себе кусок хлеба. Также недостаточно справедливо записывать в ротные суммы приварочные деньги, образовавшиеся от того, что люди были на хозяйских харчах. Здесь упускается из виду уменьшение платы работодателя на ценность приварка.

Некоторые начальники частей войск, желая быть «зизждителями» хозяйства, берут подряды у городских управлений по ремонту казарм, очистку отхожих мест, выгребных ям, исправление тротуаров и т.п.; получаемые деньги проводят по журналу хозяйственного оборота с выдачей мизерных наград работавшим. В данном случае дележа нет: сколько дали — будь доволен.

ДЕНЬГИ НА СМАЗКУ, ЧИСТКУ И РЕМОНТ ОРУЖИЯ. Для того чтобы держать винтовку мало-мальски опрятно, нужно очень часто смазывать ее. А для того нужны и масло, и сало, и тряпки. При полной разборке очень часто теряются маленькие винтики. За утерю принадлежности приходится отдуваться. Чтобы скрыть свою оплошность, солдатик идет в оружейную мастерскую и заказывает потихоньку вещь втридорога. Принадлежность стоит никак не больше двух копеек — он отдает 20—40 копеек, лишь бы было, а иначе под суд. Масла дают для винтовки только для проформы и чтобы приказ соблюсти. Поэтому люди вынуждены покупать масло, сало и тряпки на свой счет. Хотя отпуск на этот

предмет от казны и мал, но части войск ухитряются и его урезывать. Не во гнев будь сказано: намазывают фигуры на старые, пробитые мишени — новые делаются из хлама солдатами, ими же носят на стрельбу вместо лошадей.

ПРИМЕЧАНИЕ. Части войск, не во гнев будь сказано, гораздо более жалеют лошадей, чем людей. Впрочем, и содержание лошади обходится дороже, чем содержание солдата. Несмотря на то что лошади подчас без дела, людьми помыкают всюю, не обращая никакого внимания на то, что у них и обувь и одежда треплется. Зачастую гонка бывает из-за пустяков: забыл папиросы, газету и т.п. Пробежать солдатика 2—4 версты у нас ничего не значит. Правда, солдата не убудет, но что с обувью его станет, нам дела нет.

Закон запрещает употреблять по частным надобностям лошадей обозных и в особенности артельных. А где это соблюдается? Нарушителями закона являются сами начальники высшего ранга, начиная от начальников бригад и выше, несмотря на то, что эти начальники получают и фуражные деньги, и прогоны, и большие суточные деньги.

Нижнему чину не разрешается носить вольное платье, а кучерский балахон и длинные волосы — можно. Это обидное унижение солдата.

ОДЕЖДА И ОБУВЬ СОЛДАТ. Всем известно, что современный народ любит щеголять. Не то, что бывало, одевались в «дерюгу» и «азямы». Об этой одежде теперь и помину нет. Давно ли солдатские сапоги с набором производили в деревне фурор, а теперь такие сапоги чуть не на каждом. К сожалению, солдатского мундира в деревне совсем нельзя встретить. С одной стороны, это объясняется тем, что люди домой увольняются в мундирной одежде, никуда не годной. Не мешает посмотреть, в чем действительно уходят люди домой по болезни, вовсе от службы в первобытное состояние или в запас армии? Все, что солдату положено, и все, что он выслужил, у него отбирается — якобы собственность части. Ему за «беспорочную» службу выдаются мундирные вещи рваные и выцветшие. Зачастую молодого солдата заставляют прийти домой оборванцем, а старого служаку вынуждают купить себе мундирные вещи на рынке лишь только потому, чтобы не прийти домой голяхом. Средств для снаряжения себя запасные требуют из дома, и родные шлют, продавая или закладывая иногда последнее. Бедный же солдат является в деревню буквально золоторотцем. Все такого воина бояться, староста смотрит на него презрительно, священник отворачивается. С другой стороны, как мундирная одежда, так и казенная обувь нашего солдата «с головы до ног» уродливо выглядят, в особенности интендантского изготовления. Впрочем, и полковая пригонка чуть-чуть лучше. Но ведь шьет и из того же материала администрация полка себе одежду, и она выглядит на них хорошо. Если принять во внимание уплату казной за изготовление вещей, то нельзя винить как интендантство, так и части войск, ибо за шитье шинели выдают лишь 7 копеек, за шитье мундира — 3 копейки и за шитье галстука — 0,5 копейки.

За собственные вещи, приносимые на службу, выдаются деньги только запасным нижним чинам. Почему новобранцев обошли? Они несколько месяцев носят одежду и обувь свою, которая бы им годилась потом. На обувь следовало бы выдавать и ратникам в учебном сборе. И в-третьих — разве не заметно, как солдат торопится снять мундир, потому что он в мундире далеко не пользуется почетом: на конке помещайся с оборванцами, на пароходе — садись на палубе, в театрах — полезай на самый верх.

ФОРМА ОДЕЖДЫ. Не только для офицера, но и для нижних чинов установлено несколько форм переодеваний: форма парадная, форма при нарядах на службу, рабочая, в свободное время и т.д.

Все эти формы должны быть одеваемы с прицепкой особых атрибутов, и солдат-простолудин должен знать всякую форму лучше, чем самую службу, хотя «тринчики» требуют от солдата лишь внешности.

Немало бывает курьезов при носке летних рубах. Не успеют люди облечься белыми лебедями, как ртуть падает до нуля. А так как у многих отбираются на лето мундиры, то люди принуждены при перемене погоды щелкать зубами или облачаться в «волшебницу» шинель. Отбирая мундиры, нельзя сказать, чтобы командиры отступали от закона. Сохранить мундир на многие годы — главная обязанность командира.

Каждые два года солдату отпускается и шинель и мундир из материала вполне доброкачественного. Но благодаря экономии на людях можно встретить мундиры выцветшие и чуть не с десятого плеча. Узнать это можно потому, что на мундире и шинели делаются надписи, кому вещь принадлежала. С того времени, когда вышел закон, что мундирная одежда составляет собственность части, начальство пустилось на хитрость: отбирает мундиры от уволенных в запас по болезни в первобытное состояние и по другим причинам и передает их заместо второсрочной одежды людям младших сроков. А ввиду этого или клеймение первосрочной одежды отсрочивается, или постройка новой одежды откладывается. Хотя это делается не везде, но в большинстве случаев.

Накопление 2—4 сроков в частях войск составляет гордость командира. Начальники старой школы обращают внимание на инспекторских или других смотрях именно на количество мундирных вещей. Стеллажи ломятся от вещей, люди на инспекторском смотре выглядят в мундирах 1 срока гордо, пригнаны мундиры хорошо, отвечали люди без выкрикивания, дежурный отпортовал неестественно, проба пищи в день смотра удовлетворительна, как специально для этого дня приготовленная, суммы валицо, ротные пребывают — вот вам и примерный ордер.

ПРИМЕЧАНИЕ. Суконная ленточка с пришитым язычком и железным крючком носит название *галстух*, который считается самостоятельным предметом в числе солдатского обмундирования, но многими солдатами вовсе не носится. Ныне галстух утратил значение.

Шаровары и фуражки отпускаются на один год: летом и зимой солдат носит сукно. Выдача шаровар, как и прочей мундирной одежды, производится большей частью в марте и апреле в то время, когда люди меняют теплые рейтузы. По новому положению нижним чинам выдаются чехлы, которые и надеваются на суконные фуражки. Вообразите себе, что если на толстое сукно, из какого делается обыкновенная солдатская фуражка, натянуть еще серовато-белый холщовый чехол, будет ли она легкой летней одеждой?

ПРИМЕЧАНИЕ. В числе знаков внешнего отличия в форме одежды не последнее место занимает кокарда, которая носится офицерами на околыше, а солдатами — на тулье, наподобие гражданских чиновников. Хотя от этого служба не страдает, но почему не однообразно, как то носит конвой и кавалеристы? Кроме того, кокарды, изготовленные интендантством, непрочны, некрасивы; по солдатскому выражению, «плевки».

ТУЖУРКИ. В видах экономии и сохранения шинелей многие части в последнее время стали строить для людей тужурки. В этих тужурках нижние чины показываются зачастую в городе. В некоторых частях тужурки шьются из нового сукна, но больше всего шьются из старых шинелей. Рабочие рубашки в русских войсках вовсе отсутствуют.

ПОЛОТНЯНЫЕ РУБАХИ. Отпуск денег на полотняные рубашки производится далеко не для всех войск, хотя всем приказывается в летнее время одевать эту легкую одежду. Люди, коим отпуска от казны на полотняные рубашки нет, заводят их на свой счет, конечно, если есть на что, трудов не составит. А если нет?

ПРИМЕЧАНИЕ. В числе амуниции нижний чин имеет пояс с бляхой. Лощение пояса и перестановка с места на место бляхи затрудняют быстрое одевание, и для того, чтобы сборки на спине были ровные, нужно пойти к соседу и просить «заправить». Чего бы лучше пояс с пряжкой из кожи, не требующий лощения для пачкания полотняных рубах.

СУКОННЫЕ ПОРТЯНКИ. Хотя и полагаются солдату суконные портянки, но отпуска от казны нет, за исключением конвойных команд. В чем же, собственно, солдат должен ходить зимой, раз отпуска нет?

ОБУВЬ. Ни в чем так не нуждается наш солдат, как в обуви. Все, что выдают, он несет на базар как не соответствующее. Казенный товар никогда не отличается доброкачеством. Я воочию знаю, как солдаты пробуют товар: помочив с одной стороны голенище, с другой начинают дуть, и вода моментально проходит сквозь товар. Это заготовка интендантства на сотни миллионов рублей? Легкой летней обуви солдатам вовсе не выдают. Он принужден всегда одевать сапоги, которые быстро пропадают от пота и жары.

В военной периодической печати не раз помещались статьи о том, что нижние чины продают некоторые предметы довольствия, отпускаемые интендантством.

По поводу этих статей интендантством было представлено следующее соображение:

1) продажа нижними чинами отпускаемых им из интендантства белья и обуви представляет действительно существующий факт и практикуется в широких размерах, что не допускается ни в одной из иностранных армий, так как это вредно влияет на экономические интересы солдата и на его нравственную сторону;

2) для устранения этого ненормального явления возможно было принять следующие меры: а) воспретить продажу нижними чинами, а также войсковыми частями предметов вещевого довольствия как представляющих казенное имущество, торговля которым вне установленных правил совершаема быть не должна; б) в случае действительно неимения надобности нижними чинами в отпускаемых им от казны материалов для белья и обуви разрешить военному начальству по его усмотрению выдачи на руки солдату известной части их заготовительной стоимости, составляя другую часть в пользу войсковой части на покрытие хозяйственных нужд; в) ограничить ныне существующее право получения частями войск, вместо предметов вещевого довольствия, деньги на их заготовление в том отношении, чтобы впредь деньги от интендантства отпускались только за счет этой экономии, которая в действительности может в войсковых частях образоваться. По этому соображению были запрошены начальники всех частей войск. Один из командиров действующих полков вот что пишет: «25 лет, стоя постоянно вблизи солдата, я убедился, что солдат продал на рынке сапожный товар и сапоги, выдаваемые ему в годовую потребность, не потому, что они ему не нужны или лишние, а вследствие того, что получаемые вещи не удовлетворяют современным его требованиям. Сапоги в большинстве случаев выдаются из неприкосновенных запасов, лежалые, нечерненные, каблуки из стружки быстро стачиваются, — в сырую погоду этих сапог на две-три недели, не больше. Сапожный же товар солдат действительно продает, потому что из него все равно сшить сапог нельзя, ибо выдают далеко не полностью: нет задников, нет стелек, нужно отдать за работу сапожнику и т.п. Покупать же по части эту мелочь — выходит всегда больше, ибо предметы по мелочи всегда дороже. На этом основании весьма редкого солдата можно встретить в казенных сапогах».

Устав внутренней службы запрещает носить лишь собственную одежду. Почему же не запретить носить и собственные сапоги? Воображаю, сколько бы потребовалось казне строить сапог.

В сухую погоду в них на маневрах скользишь, как на лыжах, в особенности по траве, а в сырую не у каждого хватит сил их

таскать. Для частей войск, изготавливающих сапоги в собственных мастерских, выдаются особые добавочные от казны деньги — на пару 17 копеек. На этот отпуск части стараются построить лучшие сапоги для нижних чинов. По правде сказать, что можно сделать на эти 17 копеек? Для каждой пары сапог требуются: 1) стельки (плохие поставишь, подошвы отвалятся), 2) задники плохие — стопчутся сапоги в неделю, 3) набойки подметочного материала, а не стружки, как это делают в интендантстве и т.п.

Полицейские управления больших городов несмотря на то, что у них на службе тоже чуть ли не полки солдат с семьями, успевают делать на всех обувь и чинить ее. С этой целью люди опрашиваются, и кто имеет худые сапоги, несет в мастерскую. Если они не имеют других сапог, дают особые «командировочные» сапоги. У них ни один человек не истратит своей копейки на починку, тогда как наш солдат только и занят заботой об обуви и зашиванием прорех на мундирной одежде.

СОЛДАТСКОЕ БЕЛЬЕ. Каждому солдату отпускается в год 24 аршина торбочного холста восьми вершков ширины. Кому только не известна эта солдатская дерюга, носящая название «солдатской дачки». Выдав такой холст, который, быть может, носили 100 лет тому назад, ротный командир требует, чтобы к смотру было обязательно четыре казенные вещи, а именно: две пары подштанников и две рубашки. Для того чтобы сделать эти четыре вещи, необходимо затратить в два-три раза больше, чем эта дерюга стоит. О постели и постельном белье распространяться здесь нечего — дается дерюжный матрац-мешок и солома изредка. В некоторых полках есть одеяла на всех нижних чинов. Кому только известно, как покупаются они, и обращается ли внимание на доброкачественность специалистами?

ПРИМЕЧАНИЕ. Беседуя с интендантским чиновником на пароходе, речь шла о солдатской обуви и белье. Я спросил, почему войскам отпускается недоброкачественный товар, так как люди принуждены его продавать за бесценок, и почему интендантство не передает заготовку непосредственно в части войск? На это мне статский советник Н. ответил, что передача заготовки предметов в руки полкам не в интересах интендантства.

Насчет солдатского сундучка существуют целые сочинения. Там, между прочим, сказано, какие солдат должен вещи иметь, как хранить и как выкладывать. К сожалению, никто не обмолвился о том, на какие средства сундуки заводить? Между тем начальство требует, чтобы сундуки были однообразные, выкрашенные, с надписями и замками.

ПРОВИАНТ. На каждого нижнего чина отпускается казной провиант: муки 2 фунта 25¹/₂ золотника и крупы 32 золотника (в гвардии 40 золотников) в день.

Там, где есть интендантские склады, мука и крупа отпускаются интендантством; в других местах мука приобретает частями войск по ценам не выше справочных.

Вот уже несколько лет, как интендантство принимает провиант от посредников Министерства финансов, которое заготавливает провиант для той местности, где этого продукта в изобилии. Кроме того, что приходится переплачивать, нести расходы по доставке, суточные чиновникам и содержание вахтерам, командированным за приемом муки за тридевять земель, имеется проволочка во времени.

Где есть интендантские хлебопекарни, части вместо муки получают печеный хлеб по 3 фунта на человека. Получая из интендантских складов или покупая за наличные по справочным ценам провиант, части войск выпекают хлеб собственным печением, для чего имеется особый штат хлебопеков во главе с лучшими строевыми офицерами, заведующими хлебопечением.

3 фунтов печеного хлеба нижним чинам вполне достаточно, у многих даже образуется остаток. Солдат, имеющий большую нужду, несет его на рынок и продает за 5—10 копеек. В некоторых частях люди едят с лотка; остаток от недоедания переводится на муку, и люди получают расчет по справочной цене. Такой порядок солдатам не нравится. Сбывать хлеб на рынок они считают более выгодным, главное — деньги нужны. Получить в месяц за хлеб 20—25 копеек считается за великое счастье — солдат обеспечен и ваксой, и спичками, и махоркой (табак самого низкого качества).

ПРИВАРОК. Для приготовления солдатского обеда отпускаются приварочные деньги. Постоянной нормы приварочных окладов не существует; оклады утверждаются ежегодно военно-окружными советами согласно ценам, открытым интендантскими чиновниками месяца за 3—4 раньше. По осенней стоимости (время собрания цен) на продукты объявляются по округам оклады на довольствие людей на весь год. При большом вздорожании частям разрешается ходатайствовать об увеличении приварочных окладов. К сожалению, эти ходатайства осуществляются вследствие канцелярской волокиты чуть не через 2—3 месяца к тому времени, когда минует в том надобность.

Обыкновенный суточный оклад составляет полфунта мяса и несколько копеек на приправу и овощи. Окружные советы, на обязанности которых лежит утверждать приварочные оклады, объявляют цены с точностью одной сотой. Я не знаю окладов, где бы не фигурировали дробь копеек.

Служа в одном из приволжских городов, я в один день встретил троих чиновников интендантства: один приехал для открытия цен, другой — для присутствия на торгах и третий — для освидетельствования вещей. Все они выехали из округа за 1200 верст в один день с разными поручениями.

КВАС. Хотя и существует основание о непременно приготовлении в частях войск кваса, но таковой варится далеко не везде, да и пьют его не все. Люди, привыкшие к чаю, квас вовсе не употребляют. Кроме того, пить приятно холодное во время обеда, когда его только подают, или после принятия пищи. Квас варится больше для смотров. Между тем мука, долженствующая поступить на квас, который не варится, остается в экономии рот, и не было в примере, чтобы на эти остатки приобретали чай и сахар, хотя бы для бедных нижних чинов роты.

ВИННЫЕ ПОРЦИИ. «Чарку» приказано выдавать в некоторые праздничные дни, но отпуска на этот предмет от казны нет. Расход, производимый на чарку водки, выводится из артельных сумм. Если и имела чарка в свое время значение, то это время отошло в область преданий. Есть люди, которые вовсе не пили в жизни водки, а когда подносят «чарку казенки», не отказываются, и тем самым приучаются пить непьющие. Хотя многие скажут: хочешь — пей, хочешь — не пей, но русский не может, чтобы его добро пропадало.

ПРИМЕЧАНИЕ. С запрещением нижним чином непосредственно покупать водку в винных лавках люди покупают ее при посредстве частных лиц, которые просьбу солдата исполняют охотно.

ТАБАК. Если казна чаю не отпускает, то табаку и подавно. Интеллигентный человек, поступивший на службу государю и отечеству, должен лишиться последнего удовольствия: курить табак и пить чай. Казна табаку не отпускает, а из дому прислать некому. «Лучше без хлеба, чем без табаку», — говорят табакеры. Человек без табаку делается злой, ему ничего не мило, иной с досады способен на много. Не стерпев общего недостатка, лишений и т.п., люди дезертируют.

Восемь лет чрез мои руки проходили военные дезертиры. Несмотря на то что их препровождают в арестантском одеянии, они выделяются от прочих арестантов и держат себя особняком. Нет у них ни ловкости, ни хитрости, свойственной арестанту; на дознании всегда показывают сущую правду. Бывало, к слову спросишь: «Что тебя заставило бежать?» — «Недостатки, ваше благородие. Сами знаете, начальство требует, а взять негде, воровать не научился». — «Почему же другие служат? С них тоже требуют». — «И я бы служил, если бы кто из дому прислал. Я один, как перст. На двадцать две с половиной копейки в месяц не проживешь. Терпел день, терпел два без табаку, к которому привык, от самого стало разить, точно от козла, — грязь. Одуры взяла, стал плакать. Чаю бы напиться — чай весь вышел. Сел обедать — кусок в рот не идет. После обеда велели идти в караул, сторожить дрова. Ну, я и ушел, и до сих пор все ходил, да надоело, сам явился с повинной».

ПРИМЕЧАНИЕ. Дезертир — бедный солдат. Тоска по родине — отвод глаз.

ЧАЙ. Чай принадлежит к числу напитков, полезных человеку, но отпуска его от казны все же нет. Чай дается только в отдаленных местностях и во время эпидемий (холеры). Кроме того, чай около двух раз в неделю получают почему-то новобранцы в пути. Не так обидно, что казна в чае отказывает, как горько, когда нельзя добиться в роте кипятку. В некоторых полках устроены особые кубы, где греется кипяток, но только в одно время. Отпускная кипяток, части войск выводят за дрова чуть не двойную цену. Желающие пить чай в другое время (разгонять тоску по родине) должны получать кипяток в солдатской лавочке за деньги, хотя куб подогревается солдатскими дровами.

ПРИМЕЧАНИЕ. Не секрет, что солдатская лавочка с буфетом — доходная статья части. Еще в ноябре закупается товар для ожидаемых новобранцев, которые, можно сказать, раскупают его принудительно. Причина та, что новобранцев в первое время не пускают из казарм. Обойтись же без необходимого трудно, да и начальство требует.

МЕНЮ СОЛДАТСКОГО ОБЕДА. Всем известно, что однообразная пища недостаточно здорова человеку. Несмотря на это, у русского солдата всегда одно меню: сегодня щи да каша, а завтра — каша да щи, впрочем, иногда бывает суп «брандахлыст». Ужин — пресловутая кашница «бурда». Ни утреннего чая, ни завтраков русский солдат не получает. Изволь до 12 часов (время обеда) голодать или глотать сухую корку хлеба. По праздникам (на Пасху в первый день и на Рождество, на полковой и ротный праздники) варится вермишель. Это блюдо русским солдатам не всегда нравится, зато администрация более сочувствует ему. Так как капуста попадает всем в одной мере, тогда как вермишель попадает больше начальству и тому, «кто успел, тот и съел»^{*}.

РАЗДАЧА ПИЩИ. К назначенному часу (12 часов дня) пища всегда бывает готова: говядина нарезана порциями или изрезана в «крошку».

В 12 часов развод караулов. Люди должны быть готовы и одеты. На другой день, после смены, которая приходит ровно в 2—3 часа дня, люди идут в казарму и едят остатки от обеда. Находясь в карауле, наш солдат должен говеть 25—28 часов подряд. Правда, некоторые с собой берут хлеб, отчего, быть может, сложилась поговорка: «Хлеб да вода — солдатская еда». Остаться без принятия пищи целые сутки молодому организму и трудно и вредно. Я понимаю, сходить в караул и пробыть там на пище «Антония»

^{*} Мы сохранили здесь авторский синтаксис. Несколько удивляет и логика автора очерка — если вермишель не всегда нравилась русским солдатам, то зачем же сожалеть о том, что она «попадала» начальству? (Примеч. сост.)

один раз в неделю, в две, ну, а если зарядить через день, через два?

По команде дежурного люди идут в столовую обедать. Всякому хочется прежде попасть к котлу. Недаром сложилась поговорка: «Бери ложку, бери бак, кто не успел — беги так». Пища часто вливается в ржавые жестяные баки при строгом соблюдении чиновничества, причем прежде всего отпускаются обеды для администрации. Не так велико ротное хозяйство, чтобы иметь столько должностных лиц, всегда заседающих на скромный солдатский паек. Народ чиновный — не подступишься. Почти во всех полках люди имеют деревянные ложки, которые никогда не моются и носятся нижними чинами за голенищем.

Для того чтобы сохранить здоровье людей, врачи требуют: 1) чтобы пища была питательной и разнообразной, 2) люди простуживаются; редко можно встретить казарму, где бы было устроено теплое помещение для нужды. Люди бегут и ночью и утром с постели чуть не за версту, 3) больных глазами не оберешься, а причина очевидна: ни один наш солдат не имеет носового платка — «не положено», утирается чем попало, глаза трет обыкновенно руками, которые не только грязны, заразительны, но просто противны. Руки моются без мыла, которое купить не на что, и 4) весна и осень для солдата — чистое наказание: обувь промокает, посушить негде.

Насчет довольствия солдат врачи ведут постоянную борьбу с командиром, у которого одно желание, как бы побольше сэкономить, чтобы потом отчислить на «прихоти» и «усмотрение».

Здоровье нашего солдата вверено как бы двум ответственным, самостоятельным и непосредственным начальникам: строевым чинам и медицинским чиновникам. Всякий начальник обязан проверять деятельность и требовать правильной службы от своих подчиненных, указывая на неправильности, недостатки и халатности к делу. Недостаточно того, что врачи аккуратно посещают лечебные заведения, прописывают больным лекарство и т.п. Положение начальника, который некомпетентен в деятельности подчиненных, ниже всякой критики.

Военно-лечебные заведения должны быть исключительно в ведении медицины. А потому при полках отдельных военно-лечебных заведений вовсе быть не должно, кроме околотков с одним полковым санитарным врачом.

ПРИМЕЧАНИЕ. В каждой роте ведется ротная книга, продуктовой лист и тетрадь артельщика. В числе обыкновенных расходов по довольствию людей в книжке артельщика и ротной книге можно встретить массу мелких расходов, которые должны покрываться всецело суммами, отпускаемыми полку, а именно: на оружейное масло, масло костяное, мишени, мишенки, керосин, лампы, стекла, метлы, швабры, вставку стекол и т.д.

Нельзя было бы допустить этого расхода из артельных сумм, если бы отчетность посылалась на проверку контрольному учреждению. Домашняя проверка (свой люди, сочтемся) не имеет смысла. Проверка полковой отчетности тоже оставляет желать многого. И действительно, может ли иметь силу комиссия, составленная из своих офицеров, не только некомпетентных, но и зависимых от командира части?

КОРМОВОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ. Сколько ни странно название «кормовое довольствие», а мириться надо, раз не могут подыскать более симпатичного названия. Почему бы не назвать «порционные деньги»?

Кормовой оклад утверждается по губерниям военно-окружным советом. Размер оклада устанавливается в зависимости от дороговизны продуктов в данной местности. При объявлении кормового оклада берется в расчет 3 фунта хлеба, 0,5 мяса и несколько копеек на приправку и овощи. При следовании же по железным дорогам вообще 16 копеек и на морских пароходах — 15 копеек в день. Причем железнодорожный оклад получают нижние чины только тогда, когда в сутки проедут не менее 8 часов, в противном случае — местный оклад. Для вычисления столь мизерных сумм и расписаний железных дорог в военном ведомстве существует особый класс счетчиков, проверять которых имеется особая армия контролеров. На кормовой оклад, колеблющийся от 10 до 16 копеек, солдат должен позавтракать, пообедать и поужинать в пути.

Зато генералы, штаб- и обер-офицеры и чиновники разных рангов «загребают деньгу» командировочками, поездками по делам службы, инспектированию, по осмотру, для открытия цен и т.п. Для них отпускаются и прогоны, и подъемные, и суточные деньги. Не так было бы обидно, если бы эта расточительность была в иное время, а не тогда, когда каждый грош дорог. А ведь сколько непроизводительных трат совершается исключительно в силу или отживших законов, или бюрократической традиции. Смешно сказать, у нас в настоящее время, когда на лошадях едут только до вокзала или пристани, или с вокзала-парохода, и то большей частью на казенных лошадях, все получают прогоны на лошадей. Обер-офицер получает на 2 лошади, штаб-офицер — на 3—4 и генералы на 6—16 лошадей. Кроме того, по железным дорогам и на пароходах они едут со скидками и льготами чуть не даром.

Затрачивая такую уйму денег на разъезды чиновников, следовало вспомнить о том, в чем именно перевозится наш солдат? К его услугам «скотские» вагоны. Как ни странно, а ведь приходится мириться. Нам понятно отправление людей в таких вагонах во время войны за недостатком, а в мирное время подобная отправка для нас загадка. Зато к концу маршрута у многих начальников не остается и половины людей: одни дезертируют, другие сдаются в лечебные заведения, а третьи отстают, чтобы потом ехать в третьем классе распоряжением коменданта станции.

За неимением искусственных путей люди отправляются по образу пешего хождения с документом в руках «навроде арестанта». По правде сказать, чего бы стоило, если людей-одиночек отправлять на земских подводах? Меньше расхода на кормовые и целее обувь. Отправляющий людей должен знать точно, в какой губернии какой существует оклад кормовых денег. Например, нужно отправить из Самары в Хвалынский, то отправитель должен высчитать один день по железным дорогам, полтора дня по Сибирской губернии и полтора дня по Саратовской губернии. Причем, если по железной дороге люди в пути меньше 8 часов, выдается местный оклад, в противном случае — железнодорожный, на одну-две копейки больше. Чтобы высчитать маршрут от Шемахи до Царевококшайска, нужно много положить труда. Желательно установить один оклад во всех случаях в размере 20 копеек, и не по местностям, а по времени. Люди будут знать, и не будет злоупотреблений.

ПРИМЕЧАНИЕ. Варка пищи на сборных пунктах — зло большой руки. Новобранцы, запасные, ратники должны получать деньги на руки с момента выступления в часть. Деньги за все время должны быть записаны в тетрадь начальника команды. Бедные люди могут зачисляться в котел только из местного оклада.

ПРИЗРЕНИЕ СЕМЕЙСТВ. Семейства призванных нижних чинов за эту войну призрелись земством и городскими обществами согласно правилам статьи 38 Устава воинской повинности 1897 г. Эти правила теперь настолько изменены, что разобраться в них положительно невозможно. Ни один солдатик или его семья не имеют права требовать; они должны просить отцов города и земских воротил о выдаче пособия. За неимением у общественных учреждений средств пайки выдаются не везде аккуратно и полностью. Чтобы получить один несчастный пуд 28 фунтов муки и 10 фунтов крупы, нужно пройти не одно мытарство.

Желательно статью 38 Устава изменить в том смысле, чтобы пособие выдавалось из казны (казначействами) по получении от воинского начальника удостоверений. В поощрениях за звания желательно разграничить количество пайка. Например, семья унтер-офицера должна получать хоть несколько больше, чем семья рядового.

Кроме пособия семьям ощущалась потребность в отправке на родину семейств временно проживающих запасных, призванных на службу. Оснований по этому поводу не издавалось. Некоторые управления таких семейств отправляли на счет пожертвованных сумм. Этот пробел в законе необходимо восполнить.

О ПЕНСИИ И ПОСОБИИ. Нижние чины, сделавшиеся неспособными к службе, увольняются домой: 1) те, у коих в документах будет сказано «к труду не способен», имеют право получать 3—6 рублей пособия от казны. Цифры 36—72 рубля в год, утверж-

денные полстолетия тому назад, едва ли при современной дороговизне достаточны.

Кроме того, чтобы получить этот мизерный оклад от государства за утраченное здоровье, нужно тратиться, хлопотать, писать и подавать прошения, ездить в город. Месяца через три явится волостное начальство с описью, спрашивает, нет людей, желающих взять «слугу отечества» на попечение без расходов казны. Общество составляет приговор в том, что действительно солдат нуждается. Сельские воротилы, «мы», никак не соглашаются дать приговор, говоря: «Он, — указывая на солдата, — имеет корову и лошадей». В этих случаях выручает вино полка. Но это еще недостаточно. Солдата вызывают на переосвидетельствование в город. По признанию его присутствием по воинской повинности неспособным к труду бумаги идут в казенную палату, от которой и зависит назначить пособие. Этот порядок в сравнении с тем, какой существует при назначении пособий от комитета о раненых, нужно признать благодатным. Богоугодный комитет при его баснословно великой канцелярии наплодил в настоящее время столько циркуляров, что разобраться в них трудно. Назначение солдаткам каких-то 5 рублей в год сопровождается целым рядом документов. Что же касается назначения отставному пенсии в 17 рублей в год, то тут требуется целая кипа документов и данных. По представлении всего указанного назначение объявляется точь-в-точь через полгода. Объявление посылается обязательно воинскому начальнику, который, в свою очередь, — в полицию, последняя — в волость, а волость — сельскому старосте для выдачи. Теми же стопами шествует в комитет расписка. Подобные расписки составляют особую статью входящего, увеличивают нумерацию и якобы деятельность канцелярии.

Чтобы избавиться правительству от такой большой обузы, как выдача пенсий и пособий нижним чинам и их семьям, следовало страховать людей с таким расчетом: кто сделается на службе неспособным к труду, тому выдавать премию в 200 рублей; умрет — семья получает 100 рублей.

Страховой тариф не должен превышать 1 рубля в год с человека, так как умирает в год на 1000 приблизительно 1, увольняют по неспособности к труду 3—4 человека на то же число, а всего около 5 человек. К одновременной выдаче премии должно быть не меньше 200 рублей неспособному и 100 — семье умершего, жене и детям.

Страховая сумма должна откладываться в особый страховой капитал. Все остатки, буде таковые окажутся, причисляются в резерв капитала на всякий случай. Выдача премий должна производиться тотчас по получении метрической выписки о смерти или документа, в котором будет сказано: «К труду неспособный». Выдав установленную премию, больше правительство никаких обязанностей по призрению не несет.

МЕЛКИЙ КРЕДИТ. Всем известно, что ныне солдат получает петровское жалованье* и испытывает крайнюю нужду. Одни переносят лишения безропотно, другие насаждают на карман родителей, а третьи терпят материальные недостатки, находятся в возбужденном состоянии, ропща и свободно выражаясь о власти предержавшей. Зная нужду солдата, я сим возбуждаю в военном ведомстве вопрос о **СОЛДАТСКОМ МЕЛКОМ КРЕДИТЕ**. По моему мнению, этот вопрос в настоящее время должен принадлежать к одному из тех вопросов, к которым военное ведомство должно отнестись сочувственно и не замедлить поставить его на очередь.

Не вдаваясь в детали «мелкого кредита», я тем не менее хотел бы предложить лицам, имеющим попечение о солдатских нуждах, следующее:

1) Существует ли нужда у солдата в займе денег? Ответ на этот вопрос не представляет затруднений. Всякий может знать, как иногда солдат нуждается в деньгах. Ему нужны рубашки, отдать за починку сапог, достать табаку, купить чаю, сахару, отдать за баню, за чистку белья, за мыло, ваксу, нитки, иголки, иногда, при неудачном хлебе, купить калача и т. п.

2) Откуда взять капитал для мелкого кредита?

Нижние чины, долженствующие держать в полковом ящике деньги, беспроцентно будут получать в них рост. Кроме того, капитал может состояться из: 1) пожертвований высочайших особ, шефов полков; 2) из одной пятой части заработанных денег, которая теперь переходит в ротные суммы, и той части приварочных и других денег, когда люди были на хозяйских харчах; 3) доход от перевозки казенных грузов на ротных лошадях; 4) плата офицерами по перевозке и переноске их с квартиры на квартиру; 5) продажа экономического сукна; 6) продажа экономических ротных дров как от ополчения, так и от варки пищи и хлебопечения; 7) отпуск от казны остатков сметных назначений и т. п. и 8) деньги, вещи, даримые или оставшиеся после смерти безродных офицерских и нижних чинов.

3) Покрытие займов для мелкого кредита. Все деньги, получаемые откуда бы то ни было на имя нижних чинов-кредиторов, записываются в их лицевой счет (кредит). Если бы по разным случаям кто-либо не уплатил долга, то долг с него взыскивается судом или налагается арест на его имущество. Если и таким путем долг остается непокрытым, то принимается на счет капитала кредита.

4) По займам желательно установить не менее 12%, а для вкладчиков — 5%. Причем для вкладчиков только целые месяцы считаются на проценты, а для заемщиков хотя бы один день и тот считается за целый месяц к платежу процентов. Эта норма самая подходящая, ибо займы будут мелки. Пример: унтер-офицер

* Автор ошибается. «Петровское» жалованье было значительно выше. (Примеч. сост.)

Петров получил ссуду 5 рублей, через месяц платит 5 рублей 5 копеек и т. д.

5) Размер одновременной выдачи. Всякий нижний чин, желающий получить ссуду, заявляет ротному командиру, от которого и получает требуемую сумму. Кредит должен каждый раз подтверждаться покупкою необходимого солдату. Кредит на одного человека не должен простираться за 10—15 рублей.

6) Отчетность по мелкому кредиту. Полная отчетность ведется в полковой канцелярии. Ротные командиры имеют на руках кредит в 50 рублей. Всякая выдача отмечается в записной книжке нижнего чина и в лицевом его счете (алфавите).

7) Ликвидация дел мелкого кредита. Если капитал мелкого кредита иссякнет, касса мелкого кредита закрывается, но если кредит будет, наоборот, увеличиваться, то выдачу заимообразно можно увеличить до 25 рублей на одного человека, а равно и проценты по займам можно уменьшить до минимума.

ПРИМЕЧАНИЕ. При благоприятных условиях кассы желательно выдавать отправляющимся в запас особые суммы на обзаведение, а отличившимся прощать их кредит и т. п.

Как бы замкнуто ни проходила жизнь воинской части, влияние окружающей среды с вредными направлениями всегда будет проникать в стены казарм. За последние мобилизации пропагандисты сильно действуют на нижних чинов, призванных из запаса, надо полагать, потому, что последние очень подолгу носят вольное платье, шляясь по трактирам, заводя знакомство с кем попало. Крамольники, играя на струнке мизерных отпусков от казны, сильно возбуждают людей не только против войны, но и против распоряжений властей.

Борьбу с крамолой следует вести умело. Не придавая ровного никакого значения прокламациям, обязать начальство объяснять значение подпольного печатного слова. Лучшее противоядие надо признать то, чтобы наш солдат меньше имел нужду и чтобы начальство держало себя с нижними чинами вполне корректно и влияло на людей примерами.

Презрение же офицера к солдату, проявляемое до сих пор, не должно иметь места в военной среде. Все должны быть братьями для борьбы с внешним и внутренним врагом. На основании сего нужно ввести теперь же новые формы довольствия.

Так дальше жить нельзя, говорят некоторые. Не бездушна эта формула, не мертвы эти слова. Народ группирует своих лучших людей и чуть не все жизненные материальные интересы вокруг знамени, которое одинаково дорого для всех. Но эти люди, как видно из предыдущего, недостаточно удовлетворяют свои насущные нужды. Между тем требования солдат, как и источник их удовлетворения, должны идти рука об руку, и противоположные воззрения лиц старой школы, которые за последствия ручаться не могут, не имеют в данном случае места. Вместе с тем пора

положить конец вечным, нескончаемым разговорам-спорам командира полка с лучшими строевыми офицерами насчет капусты, картофеля, мундирной одежды, ремонта казарм, чистки ретирад. Со стороны, пожалуй, можно подумать: «Ах, какие заботливые начальники!» Между тем их забота простирается далеко не на улучшение материального быта солдат, а как бы побольше сэкономить, завести рысаков и шикарные экипажи для себя и начальствующих лиц, получающих прогонов на 6—18 лошадей. Ввиду этого при всем благодарном значении хозяйство полков допускает много темных сторон. Самым крутым злом является раздача направо и налево солдатских остатков. Вот, между прочим, полковые расходы, на которые отпуска от казны нет:

1) На канцелярские расходы штаба дивизии	50 р.
2) Вознаграждение делопроизводителю по хозяйственной части	300 (450) р.
3) На вознаграждение сверхсрочным писарям	150 р.
4) Офицерам, не получающим столовых денег	384 р.
5) Добавочные оружейному мастеру на квартиру	180 р.
6) Командируемым по делам службы, не получающим суточных денег	80 р.
7) За страховку лагерных построек	32 р.
8) На ремонт и замену пишущих машин	280 р.
9) Содержание хора певчих	360 р.
10) Содержание двух телефонов	180 р.
11) На выпуску газет и журналов	82 р.
12) Содержание литографского станка	75 р.
13) Награда писарям к празднику	45 р.
14) Перевозка лагеря	18 р.
15) Кучерская одежда и починка экипажа и сбруи	290 р.
16) Полковой праздник	500 р.
17) Прием гостей	300 р.
18) На наем вольных служащих	180 р.
19) На выпуску приказов, циркуляров, уставов и инструкций	100 р.
20) На заведение нового экипажа на резиновых шинах с патентованными рессорами, с фонарями, с лакированным верхом	730 р.
21) На непредвиденные расходы полка на целый год	500 р.
Итого	5000 р.

Откуда же взять эти тысячи?

Разве может что-либо остаться хотя бы по первому отделу журнала хозяйственных оборотов в полку, если людей водить мало-мальски прилично и не давать им с пятого плеча мундиров болотного цвета? То же можно сказать и про отдел шестой: дров дают, точно по рецепту доктора, — не замерзнут, лампы горят до 9 часов вечера — не золотом шьют; с девяти часов люди имеют керосин и лампы свои.

Ну, а насчет внутренней обстановки можно сказать следующее: сапоги велят чистить каждый день, а чем — не спрашивай; крючок

оторвался, пуговичка потерялась, ружейная принадлежность пропала — купи, а то взыщут; оружейное сало, масло дают по ложке и то к смотру, а тряпок — никогда. Про стрижку волос, бритье и т. п. никто не желает и знать. Люди привыкли курить, пить чай, часто хлеб бывает неудачный — «в рот не идет», принуждены покупать калач; за починку обуви, чистку белья и т. п. Чуть не половина солдат носят белье от бани до бани. Придя в баню, там его и моют; мокрое уносят домой и там сушат, но некоторые дожидаются просушки и там же его надевают. Пишущий эти строки, будучи рядовым, в силу необходимости сам так продельвал, не зная, куда и на что употребляли остатки положенного казною довольствия.

Принимая во внимание все сказанное и наши поражения в последнюю войну, нужно признать следующие главные нужды солдата:

1) Увеличить жалованье на такую сумму, чтобы каждый солдат рядового звания мог получать в месяц не менее рубля. Зная, что в мирное время наша армия состоит из 1 миллиона людей, и приняв во внимание настоящий оклад в 2 рубля 70 копеек в год, требуется прибавить ассигновку на 9300 тысяч рублей.

2) Ввести отпуск чайного довольствия во всех войсках так же, как это отпускается частям в отдаленных местностях и Сибири. Выдавать каждому солдату на руки в месяц 24 золотника чаю, или 3 фунта в год по 1 рублю за фунт, всего на 3 рубля, и сахару по 75 золотников, в год — 9 фунтов 36 золотников по 15 копеек — на 1 рубль 40 копеек, а всего на это потребуется 4 рубля 40 копеек в год на каждого. Доставляемый для войск сахар и чай акцизом не облагать. Правительство от сего ничего не потеряет, ибо теперь все равно это количество чая и сахара остается у производителей. Солдаты чай не пьют — не на что.

3) Отпускать мыло по 48 золотников в месяц, или в год 6 фунтов на человека. Если принять цены в 3 рубля 20 копеек пуд, потребуется расхода 480 тысяч рублей.

4) Отпускать денег на смазку и чистку обуви; при условии выдачи готовой обуви 55 копеек в год достаточно. Справление (чинка) обуви должно производиться попечением роты, как это делается в полиции больших городов. Отпускать интендантству на изготовление обуви не 17 копеек, а 25 копеек, что составит 500 тысяч рублей.

5) Белье выдавать не иначе как в готовом виде. Отпуск 55 копеек на человека в год прекратить. Эти деньги должны идти интендантству на изготовление 2 рубах и 2 подштанников. Кроме того, необходимо выдавать по две полотняные рубахи (гимнастерки) в лето. Эти две рубашки должны обойтись по 50 копеек каждая.

6) Отпускать особую сумму на страхование нижних чинов по 1 рублю на человека, что составит миллион рублей.

7) Установить мелкий кредит без расхода казны.

Таблица, показывающая стоимость русского солдата в год

Рядовой армейской пехоты	Год	Мес.	День
Жалованье (в кавалерийских, армейских полках — 3 р. 75 коп., в гвардии: пехота — 4 р. 95 к., кавалерия — 7 р. 35 к., артиллерия — 5 р. 55 к.)	2 р. 70 к.	22 к.	0,75 к.
На заведение третьей рубахи	25 к.	2,08 к.	0,06 к.
На шитье 2 рубах и 2 подштанников и на мелкий прибор	30 к.	2,05 к.	0,08 к.
На шитье пары сапог и пары головок, чернение, годовую починку обуви	55 к.	4,58 к.	0,17 к.
На обучение грамотности	10 к.	0,83 к.	0,02 к.
Приварочных (среднее)	15 р.	1 р. 25 к.	4,16 к.
Провиант 20 пудов муки (среднее)	15 р.	1 р. 25 к.	4,16 к.
Провиант 3 пуда круп (большее)	3 р. 60 к.	30 к.	1,00 к.
На хозяйство	1 р. 80 к.	15 к.	0,05 к.
Наем помещений с дровами и освещением, на варку пищи и хлебопечение	15 р.	1 р. 25 к.	4,16 к.
Соломы на тюфяки (1 пуд 25 фунтов)	20 к.	1,66 к.	0,05 к.
Тюфячный холст по 6 ¹ / ₂ к. 9 аршин	57 к.	4,75 к.	0,15 к.
Шинель 3 р. 85 к. на 2 года	1 р. 92 к.	16 к.	0,53 к.
Мундир на два года	1 р. 57 к.	13 к.	0,43 к.
Шаровары	1 р. 73 к.	14,04 к.	0,53 к.
Фуражка	60 к.	5 к.	0,16 к.
Галстух	5 к.	0,4 к.	0,01 к.
Башлык один, на 6 лет, цена 1 р. 20 к.	20 к.	1,66 к.	0,05 к.
Пояс с бессрочной бляхой на 6 лет	4 к.	0,3 к.	0,01 к.
Сапожный товар	2 р.	16,6 к.	0,53 к.
Холста подкладочного к шинели, мундиру, на пояс к шароварам и под галстух	71 к.	5,9 к.	0,15 к.
На шитье шинели 7 к., мундира 9 к., шаровар 3 к., галстука 0,5 к., на ремонт пуговиц, печатание погон, сукна на выпушки, нитки, крючки	30 к.	2,5 к.	0,08 к.
Чай отпускается только в некоторых отдаленных местах.			
Все содержание русского солдата	64 р. 19 к.	5 р. 35 к.	18 к.

Примечание. Некоторые цифры выставлены приблизительно

Сравнительная таблица обеспечения французского и русского солдата

Получают:	
Французский солдат	Русский солдат
Жалованье 23 сантима в день, на наши деньги 10 копеек	0,75 к. в день
Деньги на карманные расходы 5 сантимов в день	Не получает
Деньги на чистку белья (по особой таксе)	Не получает
Деньги, оставшиеся от довольствия арестованных	Не получает
Деньги за проданные кости, помои, ящики, жестянки от консервов, коробки и т. д.	Не получает
Остатки от положенного довольствия и от хозяйства	Не получает
В год на наши деньги всего 50 р.	Русский получает в год с амуницией только 3 р. 80 к.
Головные покрывки для ночи 2 штуки	Не получает
Галстухов 3 штуки	Одни
Перчаток 2 пары	Не получает
Носовых платков 3 штуки	Не получает
Салфеток 2 штуки	Не получает
Кальсон трое	На двое холстом
Рубашек три	На две холстом
Шаровар (панталон) двое	Одни шаровары
Сапог две пары	Товаром на одну пару и голловки
Башмаков одна пара	Не получает
Голенищи (к ним гетры) 2 пары	Не получает
Подошв одна пара	Не получает
Деревянную чашку и кварту	Не полагается
Вилку и ложку	Не отпускается
Щетку для ружья	Не отпускается
Щетку для белья	Не отпускается
Щетку для пуговиц	Не отпускается
Щетку для лощения кожи	Не отпускается
Щетку для чистки сапог с намазушкой	Не отпускается
Щетку для одежды	Не отпускается
Щетку для выбивания пыли (с молотком)	Не отпускается
Коробку с жирами для чистки	Не отпускается
Коробку с принадлежностями (игольник с 6-ю иглами, нитки, наперсток, ножницы, пуговицы, гребенка, зеркальце)	Не отпускается
Мешок для укладки мелких частей	Не отпускается
Табаку, кто курит, на 10 дней вперед (продавать нельзя)	Не отпускается
Кофе каждый день, с сахаром	Не отпускается
Даются всевозможные питательные консервы, фрукты	
Мяса в день 70 золотников	48 золотников
Хлеба 2,5 фунта и бисквиты к кофе	3 фунта
Мундирная одежда легкая и удобная	Грубая, не приспособленная к бою

8) Всем, беспорочно прослужившим царю и отечеству, выдавать особое вспомошествование, как то было раньше, на обзаведение и поправку хозяйства и имущества, пришедшего в негодность за время действительной службы, приблизительно так: унтер-офицеру — 25 рублей и рядовому — 15 рублей.

9) Для пользы дела и службы довольствие людей провиантом, одеждою и обувью (кроме починки) передать агентам интендантства. Остатки от довольствия хлебом и фуражом должны идти в ротные суммы: на покупку одеял, постельного белья, посуды и т. п. Ввиду сего продажу хлеба солдатами прекратить.

Для всего исчисленного дополнительного довольствия требуется израсходовать в год около 13 миллионов рублей. Источником этого необходимого расхода могут служить те прогоны, которые теперь отпускаются офицерским чинам всех ведомств по искусственным путям, заменив их предложениями и суточными деньгами. Суточные деньги выдавать так: лицам в генеральских чинах — 2 рубля 50 копеек, штаб-офицерам — 1 рубль 75 копеек и обер-офицерам — 1 рубль 25 копеек. От этой операции (замены прогонов предложениями) может образоваться только по военному ведомству остаток в год 8—9 миллионов рублей.

При новой форме довольствия не будут вырываться то и дело чуть не целые роты, хорошо обученные и грамотные солдаты. Корпус нестроевых не будет возвращаться на последнем году в строй для повторения. В мастерских будут люди, специально к сему приставленные. Не будет так: сегодня пироги печет сапожник, а завтра сапоги начнет тачать пирожник. Офицеры-строевики обратятся к прямым своим обязанностям и будут развивать солдата, развивать правдиво, воспитывать в нем любовь к родине, истинный героизм, свойственный русскому, и преданность царю.

За все, что я здесь высказал, меня упрекнут многие лица, в особенности в том, что я предлагаю устранить всех строевых офицеров от попечения над солдатами. Найдутся и такие радители о солдатском быте, которые скажут: «Самодетельность офицера в хозяйстве нужна во время войны». Но этот вопрос опровергается минувшей войной с Японией: хлеб на войне выпекало интендантство, мундирную одежду и обувь части не строили, сухари не приготавливали, мясо и овощи или покупались артельщиками, или доставлялись подрядчиками, качество и свежесть продуктов свидетельствовались врачами. Из этого видно, что заниматься офицеру хозяйственным делом как в мирное, так и в военное время надобности нет. Для этого найдутся специалисты, подготовка которых ничего не будет стоить правительству.

В некоторых спецчастях мундирная одежда дороже.

Содержание прусского солдата имеет небольшую разницу против французского. Английский солдат стоит в два раза дороже, чем французский, американский — еще дороже, чем английский. Самый дешевый солдат из всех европейских держав — русский, материальное положение которого здесь достаточно выяснено, и реформы по этому поводу, надо полагать, не заставят долго ждать.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Карпущенко. Как оберегали армию	3
С. Карпущенко. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан	13
Д.С. Сослуживец	151
Л. Клугин. Русская солдатская артель	175
П. Леновской. Очерки из быта войск в военное время	202
В.Д.К. Пять месяцев в полку. <i>Выдержки из дневника</i>	228
Штабс-капитан Лоссовский. Забава и дело в казарме	256
Гейно фон Базедов. Путевые впечатления о военной России	272
Н. Бутовский. Очерки современного офицерского быта	292
П. Кочергин. Нужды русского солдата	325

Б 95 Быт русской армии XVIII — начала XX века/ Автор-составитель С.В. Карпущенко. — М.: Воениздат, 1999. — 366 с., ил. — (Редкая книга).

ISBN 5—203—01889—8.

Книга рассказывает о том, как был организован повседневный быт русской армии от времен Петра I до Первой мировой войны. Казарма, одежда, питание, досуг, даже рецепты полковой кухни нашли свое место в этом сборнике. Очерки С.В. Карпущенко, созданные на основе архивных материалов, и публикации из "Военных сборников", вышедших в дореволюционное время, представляют большой интерес как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей.

ISBN 5—203—01889—8

ББК 63.3 (0) 5

**БЫТ РУССКОЙ АРМИИ
XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА**

Автор-составитель
КАРПУЩЕНКО Сергей Васильевич

Главный редактор редакции *Н.П. Силицын*
Редактор *В.В. Амельченко*
Художественный редактор *Л.Е. Кривокобыльская*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Г. В. Казнина*
Компьютерная верстка *Г. Г. Дюкина*

Лицензия ЛР № 020872 от 8 июля 1999 г.

Сдано в набор 15.07.99. Подписано в печать 30.11.99. Формат 60x90/16.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 23+2 вкл.-1,5 печ.л. Усл. печ. л. 24,5. Уч.-изд. л. 27,26.
Изд. № С/99/376. Тираж 5000 экз. Зак. 779 .

Воениздат, 103160, Москва, К-160.

ОАО "Астра семь"
121019, Москва, Филипповский пер., 13.